
ВЕСТНИК
ИНТЕГРАТИВНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ВЕСТНИК ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 38
часть 1 2025
ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2002 г.

Главный редактор
Козлов В.В.

Заместитель главного редактора
Баратов Ш.Р.
Мазилов В.А.

Редакционная коллегия
Карпов А.В. Шоумаров
Г.Б. Усманова М.Н.

Редакционный совет
Бубеев Ю.А.
Кашапов С.М. Клюева Н.В.
Поваренков Ю.П. Семенов В.Е.
Субботина Л.Ю. Собирова Д.А.
Останов Ш.Ш.

Технические редакторы
Усманова М.Н.
Останов Ш.Ш.

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

АССОЦИАЦИЯ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

Вестник интегративной психологии // Журнал для психологов.
Вып. 38. Часть 1. /Под ред. В.В.Козлова. – Ярославль: МАПН, 2025.–456 с.

Адрес редакции
150057, г. Ярославль, проезд Матросова, д.9 оф.206
тел. (4852) 218914, 478666
сот. +79159911278

E-Mail: kozlov@zi-kozlov.ru

ISBN 978-5-9527-02-16-5

Международная Академия Психологических Наук

150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, д.9, оф..2, ОГРН

1227600003641 ИНН 7604383422 КПП 760401001

Номер расчетного счета: 40702810777030025109 Наименование банка: ПАО Сбербанк

Корреспондентский счет: 30101810100000000612 БИК: 042908612

www.mapn.su тел. 8915991127

№ 30 от 05. 12.2024г._

Выписка из решения Президиума Международной академии психологических наук (протокол No 10 от 5 декабря 2024г.)

г. Ярославль 05.12.2024 г.

Слушали: Об организации издательских проектов в 2025 году

Постановили: В соответствии с Уставом МАПН:

1. В целях развития МАПН и интеграции психологов на Евразийском уровне организовать выпуск журнала МАПН «Вестник интегративной психологии» в марте, мае, сентябре и ноябре 2025 года в Бухаре

2. Куратором выпуска назначить члена президиума, академика МАПН, доктора психологических наук, профессора Баратова Ш.Р.

Президент МАПН,

доктор психологических наук, профессор

В. В. Козлов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот выпуск Вестника интегративной психологии посвящен 55-летию факультета психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова, который основан в 1970 году. К 1970 году психология на Западе считалась обычной и традиционной специальностью, но для нашей страны это было достаточно экзотичной профессией. Подготовку психологов в СССР осуществляли в тот момент только Московский и Ленинградский университеты. Ярославский факультет психологии стал третьим в стране. Неясность в общественном понимании сущности этой науки определила ее место как гуманитарной, общей с юриспруденцией. Первым деканом факультета психологии, истории и права был *Виктор Васильевич Новиков*.

Недостаток профессиональных научно-преподавательских кадров оказался, как это ни парадоксально, плюсом для молодого факультета. На факультет пришли лучшие преподаватели других вузов (В. С. Филатов, П. Г. Ошмарин, А. И. Борисевич, Н. П. Ерастов, М. С. Роговин, Г. Е. Сабуров и др.); молодые талантливые ученые (В. Д. Шадриков, М. М. Рыбакова, А. Л. Журавлев, С. И. Ерина, М. М. Князев, Ю. К. Корнилов, Л. П. Урванцев). На наш взгляд, это главная причина продуктивности школы в 1970–1980-е годы. Молодые исследователи получали в ярославской школе получали значительно больше интеллектуальной свободы, что, как представляется, является следствием мудрой политики ее лидеров. В результате неуклонно расширялась проблематика исследований при сохранении базисной платформы. Подчеркнем специально, что, на наш взгляд, психологические исследования в Ярославском педагогическом институте и в воссозданном Ярославском университете представляют собой ветви единой школы, что выгодно отличает ярославскую психологию.

Широкая базовая платформа позволила осуществить ассимиляцию того лучшего, что было выработано и накоплено в других научных школах. Исследования в рамках той или иной научной школы естественно не могут охватывать все проблемные поля науки. На наш взгляд, развитие психологической школы в Ярославле было столь продуктивным, не в последнюю очередь, потому, что «незашоренность», порожденная свободной методологией, позволяла использовать все новые и новые подходы.

Известно, что, к примеру, между московской и ленинградской школами психологии существовали серьезные различия. Различались и степень идеологизированности, и теоретические подходы, и проблематика, и исследовательские методы, и даже использование математической статистики. Здесь не место обсуждать этот в высшей степени сложный и интересный вопрос.

Поэтому отметить только, ибо констатировать важно: в силу указанных выше причин в рамках ярославской школы существовал своего рода «плавильный тигль», позволяющий ассимилировать и конструктивно использовать самые разные наработки из различных научных традиций. Здесь не место приводить конкретные примеры такого рода содержательной работы.

Развитие психологии в Ярославском государственном университете – это новая глава в истории ярославской психологии. Определены основные направления, зафиксированы достижения. Эта глава подробно описана самими авторами (см. «Энциклопедию Ярославской психологической школы» под ред. В. В. Козлова [Козлов В. В., 2020].

Сегодня факультет психологии ЯрГУ один из ведущих и старейших психологических факультетов России. Преподаватели факультета – доктора и кандидаты психологических наук являются ведущими учёными, осуществляющими современные научные исследования в области психологии.

В состав факультета входят кафедры общей психологии; психологии труда и организационной психологии; педагогики и педагогической психологии; социальной и политической психологии; консультационной психологии.

Основными направлениями научной работы на факультете являются:

- Метакогнитивная психология деятельности

- Психология практического мышления и опыта
- Психология творческого профессионального мышления
- Социально-психологические закономерности функционирования коллективного субъекта профессиональной деятельности
- Методология, теория и практика профессиональной деятельности психолога-консультанта
- Интегративная психология
- Психология вузовской адаптации
- Спортивная психология
- Социальное познание в международных отношениях на примере коллективного субъекта (государства)
- Организационная психология
- Когнитивная психология и нейронаука

На базе Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского действует диссертационный совет 99.2.106.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям: 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

В преддверии замечательного юбилея – 55-летия факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова хочется отметить, что история факультета многократно описывалась самими представителями этого крупного научного, научно-практического и научно-образовательного центра, одного из ведущих в современной России. Исследователи с факультета психологии ярославского университета достойно развивают традиции, заложенные их великими учителями. Факультет психологии Ярославского государственного университета дал психологической науке много замечательных психологов-исследователей, психологов-практиков, специалистов, которые оставили значимый след и внесли крупный вклад в культуру и науку не только России, но и зарубежья. Искренне хочется поздравить профессорско-преподавательский коллектив, студентов и выпускников факультета с достижением этого рубежа и пожелать дальнейших успехов в решении психологических проблем самого разного рода, новых замечательных свершений.

Президент Международной Академии Психологических наук,
Ректор Университета Интегративной Психологии и Психотерапии (УИПП),
доктор психологических наук, профессор
кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова
Владимир Васильевич Козлов

КАТЕГОРИЯ СЧАСТЬЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Козлов В.В.
(г.Ярославль, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена анализу категории счастья в философии древнегреческого философа Платона, который описывал счастье через приведение в состояние гармонии различных частей души в совокупности с правильным устройством государства, утверждая, что истинное счастье достигается путем познания истины и развития добродетелей.*

Ключевые слова: *философия, счастье, Платон, государство, гармония, Академия, учение, мир идей.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the category of happiness in the philosophy of the ancient Greek philosopher Plato, who described happiness through bringing various parts of the soul into harmony with the correct structure of the state, arguing that true happiness is achieved through the knowledge of truth and the development of virtues.*

Keywords: *Philosophy, happiness, Plato, the state, harmony, Academy, teaching, the world of ideas.*

В последние десятилетия интерес исследователей - психологов, философов-антропологов и других специалистов к вопросам счастья радикально возрос. Это, в частности, можно отметить по возросшему количеству публикаций и в научной, и в популярной литературе, посвященных данному предмету. Более того в 21 веке задача повышения уровня Счастья становится одним из важнейших аспектов усилий государственной политики. Ежегодно проводятся оценки различных международных рейтингов счастья, например, «Международного индекс счастья», который замеряется с 2008 года международным фондом New Economics Foundation. Сформулирована концепция Валового Национального Счастья (Gross National Happines - GNH), которая выдвигает идею замены экономического критерия валового национального продукта (ВВП) на показатель уровня счастья населения (GNH) в качестве основного показателя эффективности функционирования государственного аппарата.

Категория счастья в истории философии и психологии имеет длительную эволюции. Одним из выдающихся философов, основавших европейский способ мышления реальности, был древнегреческий философ Платон.

Платон в своих диалогах описывал счастье через приведение в состояние гармонии различных частей души в совокупности с правильным устройством государства, утверждая, что истинное счастье достигается путем познания истины и развития добродетелей.

Платон родился в 427 году до н.э. в Афинах 21 мая. Как счастливый человек он родился в праздничный день, в который, по мифологическому преданию, на острове Делос родился Апполон. Назвали его Аристокл (др.геч. Αριστοκλής; буквально, «наилучшая слава»), что предначертало ему явно счастливую стезю. Ко всему еще будущий великий философ был аристократом по рождению. По отцу Платон был не просто высокого происхождения, но отдаленным потомком последнего аттического царя Кодра. Мать его происходила по прямой линии от брата знаменитого афинского законодателя первой половины 6 в. до н.э. Солона, тоже родовитого аристократа. Как во многих мономифах о великих культурных героях, есть указания на то, что был он зачат непорочно (Диоген Лаэртский).

Имя (прозвище) известное всему миру Платон (от греческого слова «plato» — широта), означающее «широкий, широкоплечий», ему дал борец Аристон из Аргоса, его учитель гимнастики, за крепкое сложение (по другим сведениям его так шутливо назвал Сократ) [1, 4].

Во многих смыслах жизненный старт Платона был счастливым. К 20-ти годам Платон уже был тем человеком, которого можно без сомнений назвать эталоном «гармонически развитой личности».

Во-первых, он был в великолепной физической форме: атлет высокого роста и крепкого телосложения, отличный гимнаст, особенно преуспевший в таких видах спорта, как борьба и верховая езда. Есть сведения, что за успехи в борьбе он получил первую премию на Истмийских, а, возможно, также и на Пифийских состязаниях.

Во-вторых, он учился музыке и живописи, был поэтом. Если собрать воедино все сведения античных источников о художественных занятиях Платона, то необходимо будет признать, что он добился успеха буквально во всех существовавших тогда поэтических жанрах.

В-третьих, он уже был философом, который учился у Кратила, последователя Гераклита, общался с модными тогда философами-софистами, старательно изучал Гераклита, Парменида, пифагорейцев, Демокрита [1].

В 20 лет, в 407 г. до н.э. произошла его встреча с основным учителем – великим Сократом.

Это была странная встреча. Красавец, атлет, поэт, музыкант, философ, аристократ царских кровей идет в ученики к безродному, по тем временам очень старому (ему было за 60), нищему и в лохмотьях (одевался хуже раба и ходил босиком) Сократу. Он был известен в Греции не столько как философ, духовный учитель, а сколько оригинальностью жизни, философским чудачеством и необычным поведением.

Но именно эта встреча была то счастливой решающей и революционной, поворотной в жизни, которое способствовали реализации его духовного и психологического, личностного и интеллектуального потенциала Платона. В некотором смысле он пережил то, что в современной психологии называется тотальной трансформацией, смертью-возрождением: умер атлет, музыкант, поэт, родился великий философ, заложивший основы европейской интеллектуальной культуры и ценностей социальной жизни.

Сократ не зря пользовался метафорой повивальной бабки в своем методе майевтики. В прямом смысле он возродил Платона как «вопрошающего». И все его диалоги, это вопрошание к Сократу, это разговор с духом Сократа, который для него был одновременно духовным отцом, учителем, реализацией архетипа мудреца и тем человеком, которого, при всей гениальности и аристократичности Платона, он не мог превозмочь.

Сократ был философом до конца, и в жизни и смерти. Он мог бежать из тюрьмы и уйти в изгнание, но выбрал смерть и чашу с цикутой. Последними его словами перед смертью, как пишет Платон в своем «Федоне», было обращение к своему ученику Критону с просьбой не забыть принести в жертву Асклепию петуха: таков был обычай после выздоровления. Сократ высказал ироническое суждение: под выздоровлением он понимал в данном случае свой уход к Аиду.

Известно, что после вынесения приговора Сократу Платон тяжело заболел и нам кажется, что смерть учителя для него был причиной глубокого духовного кризиса, который он смог пережить. Он возродил Сократа в своих философских трактатах, который является неизменным участником практически всех сочинений Платона, написанных в форме диалогов между историческими и иногда вымышленными персонажами [6].

После смерти Сократа в (399 г. до н.э.) Платон с некоторыми другими учениками

переселяется в Мегару, к ученику Сократа Евклиду, основателю Мегарской школы. После глубоких исследований вопросов диалектики бытия и познания в Мегаре. он возвратился в Афины.

Дальше он путешествует к математику Федору и в Египет, который произвел на него глубокое впечатление.

В 389 году Платон отправился в Италию и был там с пифагорейцами, философская школа которых переживала тогда период расцвета. Из своего пребывания среди пифагорейцев он извлек величайшую любовь к жизни и общественному благу. Признаки влияния пифагорейцев прослеживаются и в последних произведениях Платона. Затем Платон переехал в Сицилию, в Сиракузы, где царствовал тиран Дионисий I. Он подружился с молодым зятем тирана, Дионом, пылким и великодушным принцем, которого вдохновили нравственные и политические идеалы Платона. Но Дионисий враждебно отнесся к тому, что Платон обрел такое влияние на Диона, и философу пришлось покинуть Сиракузы: его высадили на острове Эгина, находившемся в состоянии войны с Афинами, и продали в рабство. К счастью, он был выкуплен гражданином Кирен, который находился на острове и узнал Платона.

В итоге Платон вернулся в Афины. В возрасте сорока лет он основал Академию (примерно в километре от Афин). Платон преподавал в Академии до конца своих дней, лишь дважды покинув Афины ради двух новых путешествий на Сицилию. Платон жил в уединении, ограничившись кругом своих учеников. Но путешествия и встречи, блестящее образование позволили Платону не только использовать и внести свой новый смысл в основные категории из прежней натурфилософии, но также и пересмотреть учение Демокрита атомах, концепцию Гераклита всеобщего становления, идею элеатов неподвижного Единого и концепцию чисел пифагорейцев [3].

Существует предположение, что существование души и бесконечного мира вечных идей («эйдосов», трансцендентных по отношению ко времени и пространству) было личным переживанием великого философа. В диалоге «Федон», содержатся следующие слова: «Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, «много тирсоносцев, да мало вакхантов», и «вакханты» здесь, на мой взгляд, не кто иной, как только истинные философы. Одним из них старался стать и я – всю жизнь, всеми силами, ничего не упуская. Верно ли я старался и чего мы достигли, мы узнаем точно, если то будет угодно богу, когда придем в Аид. Ждать осталось недолго, сколько я понимаю»…

Элевсинские мистерии, в которых Платон принимал участие, проходили в Элевсине, располагавшемся в 20 км от Афин.

Там, в храме Деметры, участники выпивали настойку – кикеон – в составе которой были ячмень, мята и вода. Многие убеждены, что кикеон содержал также и психотропный ингредиент. Ведутся широкие споры о том, что это было за вещество, но мало кто сомневается в его галлюциногенности. Выдающийся химик доктор Альберт Хофман предположил, что психоделический эффект кикеона был обусловлен паразитом ячменя, спорыньей (из него был выделен ЛСД) [3].

В затемненном храме участники должны были воскликнуть: «Я постился, я пил кикеон». В диалоге «Федр» Платон дает точное описание своего психоделического опыта: «Мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное зрелище, одни – следуя за Зевсом, а другие – за кем-нибудь другим из богов, и приобщались к таинствам, которые можно по праву назвать самыми блаженными с и которые мы совершали […] Допущенные к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами и еще не отмеченные, словно надгробием, той оболочкой, которую мы теперь называем телом и которую не можем сбросить, как улитка – свой домик».

Вне сомнения, Платон был гением по своей потенциальности. Но, на наш взгляд,

именно мистерии в храме Деметры и кикеон были катализатором его пробуждения и его индивидуального психологического переживания космоса, полного божественного смысла, являющего собой единство идей, вечных, нетленных и пребывающих в своей лучезарной красоте и счастье. В этом переживании мир по природе двойствен: в нем различается видимый мир изменчивых предметов и невидимый мир идей. Мир идей являет собой истинное бытие, а конкретные, чувственно воспринимаемые вещи – нечто среднее между бытием и небытием: они только тени вещей, их слабые копии.

В идеях обобщена вся космическая жизнь: они обладают регулятивной энергийностью и управляют Вселенной. Им свойственна регулятивная и формообразующая сила; они – вечные образцы, парадигмы (от греч. παράδειγμα – образец), по которым из бесформенной и текучей материи организуется все множество реальных вещей. Платон трактовал идеи как некие божественные сущности. Они мыслились как целевые причины, заряженные энергией устремления, при этом между ними существуют отношения координации и подчинения [1].

Для Платона душа человека до его рождения пребывает в царстве чистой мысли и красоты. Затем она попадает на грешную землю, где, временно находится в человеческом теле, как узник в темнице. Появившись на свет, она уже знает все, что нужно знать. Она сама избирает свой жребий, ей уже как бы предназначена своя участь, судьба. Душа, по Платону – бессмертная сущность, в ней различаются три части: разумная, обращенная к идеям; пылкая, аффективно-волевая; чувственная, движимая страстями, или вожделеющая. Разумная часть души – основа добродетели и мудрости, пылкая – мужества; преодоление же чувственности есть добродетель благоразумия. Как и для Космоса в целом, источник гармонии есть мировой разум, сила, способная адекватно мыслить самое себя, являясь вместе с тем активным началом, кормчим души, управляющим телом, которое само по себе лишено способности к движению. В процессе мышления душа активна, внутренне противоречива, диалогична и рефлексивна [1, 3].

По мысли и внутреннему психологическому переживанию Платона, высшее благо (идея блага, а она превыше всего) пребывает вне мира. Стало быть, и высшая цель нравственности находится в сверхчувственном мире. Ведь душа получила свое начало не в земном, а в высшем мире. И облеченная в земную плоть, она обретает множество всякого рода зол, страданий. По Платону, чувственный мир несовершенен – он полон беспорядка. Задача же человека в том, чтобы возвыситься над ним и всеми силами души стремиться к уподоблению Богу, который не соприкасается ни с чем злым; в том, чтобы освободить душу от всего телесного, сосредоточить ее на себе, на внутреннем мире умозрения и иметь дело только с истинным и вечным. Как писал Платон: «Всякая душа бессмертна. Ведь вечно движущееся бессмертно. А у того, что сообщает движение другому и приводится в движение другим, это движение прерывается, а значит, прерывается и жизнь. Только то, что движет само себя, раз оно не убывает, никогда не перестает и двигаться, и служить источником и началом движения для всего остального, что движется... Каждое тело, движимое извне, – неодушевленно, а движимое изнутри, из самого себя, – одушевлено, потому что такова природа души. Если это так и то, что движет само себя, есть не что иное, как душа, из этого необходимо следует, что душа непорождаема и бессмертна» («Федр»). В своих трудах Платон глубоко анализировал понятие счастья, рассматривая его как достижение высшего блага, которое, в свою очередь, связано с познанием мира идей. В своем знаменитом диалоге «Государство» Платон утверждает, что истинное счастье возможно лишь через осознание и стремление к идее блага. Эта идея блага представляет собой высшую и универсальную основу всего сущего, являясь тем идеалом, к которому должны стремиться все разумные существа.

Согласно Платону, счастье достигается через освобождение души от оков материального мира и её возвышение к миру идей, где обитает истинное знание. В

диалоге «Федон» философ подробно описывает этот процесс, подчеркивая, что только тот, кто посвящает свою жизнь поиску истины и пониманию природы высшего блага, может обрести подлинное счастье. В этом состоянии душа соединяется с вечными и неизменными идеями, что и является истинным источником радости и удовлетворения.

Платон в диалоге «Протагор» от лица Сократа (Plat. Prot. 351b-358d) сказал: «Жить приятно - благо, жить неприятно - зло». Такой моральный императив на самом деле является мудрым и простым аргументом счастья как смысла жизни.

Платоновская концепция счастья неразрывно связана с этическим идеалом и философским стремлением к познанию. Платон не просто предлагает теоретические размышления о счастье, но и создает целую систему взглядов, в которой этика, метафизика и эпистемология переплетаются, формируя целостное понимание человеческого существования и его целей. Таким образом, его идеи о счастье становятся не только философским, но и практическим ориентиром для жизни, побуждая людей стремиться к более высокому уровню понимания и морального совершенствования.

Литература.

1. Абдуллаев Е. В. Идеи Платона между Элладой и Согдианой: очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке. – СПб.: Алетейя, 2007, – 316 с.

2. Козлов, В. В. Интегративная психология / В. В. Козлов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2023. – 748 с. – ISBN 978-5-88230-640-2.

3. Козлов, В. В. Вечная психология / В. В. Козлов. – Москва: Институт консультирования и системных решений, 2021. – 328 с. – ISBN 978-5-91160-108-9.

4. Козлов, В. В. Психология сознания: интегративный подход / В. В. Козлов.– Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Психоте-рапия", 2022. – 274 с. – ISBN 978-5-6044075-6-1.

5. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль: РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.

6. Платон. Собрание сочинений в четырёх томах/ Общая редакция А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.

FEATURES OF ART THERAPY OF NEUROTIC ENURESIS IN CHILDREN

Abbasova D.S.
(Tashkent State, Uzbekistan)

Annotation*. The purpose of this study is to analyze the clinical features of neurotic enuresis in primary school children in order to improve the optimization of medical and psychological psychocorrection using the method of art therapy.*

Research materials and methods: the study involved 45 children aged 5 to 10 years with a diagnosis of neurotic enuresis (ICD-10: F98.0) who were treated at the city children's neuropsychiatric center. A set of experimental psychological techniques was used to diagnose behavioral disorders: projective tests ("My family", "Drawing a man"), the Lusher test and the I.M. Nikolskaya questionnaire. All the studied patients underwent art therapy

sessions for two months of follow-up with a frequency of three times a week, lasting 30-40 minutes.

Keywords: *art therapy, nocturnal enuresis, primary school children, psychocorrection.*

Аннотация. *Целью данного исследования является анализ клинических особенностей невротического энуреза у детей младшего школьного возраста с целью совершенствования оптимизации медико-психологической психокоррекции с помощью метода арт-терапии.*

Материалы и методы исследования: в исследовании приняли участие 45 детей в возрасте от 5 до 10 лет с диагнозом «невротический энурез» (МКБ-10: F98.0), проходившие лечение в городском детском психоневрологическом центре. Для диагностики поведенческих нарушений применялся комплекс экспериментально-психологических методик: проективные тесты («Моя семья», «Рисунок человека»), тест Люшера и опросник И.М. Никольской. Всем исследуемым пациентам проводились сеансы арт-терапии в течении двух месяцев наблюдения частотой три раза в неделю, длительностью 30-40 минут.

Ключевые слова: *арт-терапия, ночной энурез, дети младшего школьного возраста, психокоррекция.*

Introduction. Enuresis is a widespread, heterogeneous disease based on a complex interaction of genetic, neurohormonal, urological and behavioral factors. According to the International Children's Continence Society (ICCS), enuresis is defined as the involuntary loss of urine during sleep in children aged 5 years and older. Modern patient management tactics based on ICCS recommendations require a thorough diagnosis to determine the prevailing pathogenetic mechanism. A combined approach, including urotherapy, the use of an enuretic alarm clock and/or pharmacotherapy, allows achieving high performance indicators and improving the quality of life of the child and his family. The most important components of success are cooperation between the doctor, parents and the child, as well as adequate psychological support. The relevance of studying the clinical picture of neurotic enuresis is due to the increasing number of cases of this disease among young children [3]. Enuresis is persistent, involuntary urination that occurs at undesirable times or in inappropriate places in a child who has reached the age when full bladder control is expected (usually 5-6 years old). Studies show that enuresis is often accompanied by borderline mental disorders, among which foreign authors identify disorders of the excitable circle [8]. Their manifestations include increased irritability, excitability, aggressiveness, outbursts of anger, pyromania and cruelty towards animals [1,2]. Such children have low adaptive abilities at school, they create significant difficulties in parenting for their parents and often disrupt the psychosocial functioning of the family [4]. Many researchers also note the frequent association of enuresis with attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) [5]. Most children and adolescents with enuresis have affective disorders such as hypothymia, dysphoria, and anxiety, which may be accompanied by unstable suicidal tendencies [6]. Modern research identifies three main pathogenetic mechanisms that are often combined in one patient (the "triad of pathogenesis"): Polyuria of nocturnal origin: Disruption of the circadian rhythm of secretion of antidiuretic hormone (ADH, vasopressin). Normally, its level rises at night, which reduces the volume of urine produced. Many children with enuresis do not have this peak, and the ability to produce a large volume of urine at night increases, which the bladder cannot cope with. Bladder dysfunction, manifested by a reduced functional capacity of the bladder: the bladder cannot hold the normal volume of urine for age. Overactive bladder: Nocturnal involuntary contractions of the detrusor (bladder muscle) lead to its emptying. Arousal disorder: when deep sleep ("arousal disorder") prevents a child from waking up in иииииииииииииииииииии. Parasomnia prevailed in the sleep structure: motor restlessness, sleep-talking, Bruxism, night terrors and sleepwalking (48.8%). Despite episodes of urination, 75% of the children did not wake up, and waking up in the morning was difficult and often

accompanied by headaches. Concomitant disorders included transient stuttering (13.0%) and tics (21.7%). The influence of school in school-age children has become an additional maladaptive factor. The beginning of the training caused an increase in the clinical manifestations of enuresis in 18 children. In grades 1-3, they had difficulty assimilating the material due to attention exhaustion and low working capacity. 12 children (27.0%) had complaints of headaches, fatigue, irritability, and sleep disorders. The affective sphere in 9 children was characterized by instability, irritability, tearfulness and a tendency to moods. These traits were consolidated and formed such characterological features as conflict, stubbornness and vindictiveness. All the studied patients underwent art therapy sessions by medical psychologists for two months, with a frequency of three times a week and a duration of 30 minutes (Fig.1).

Fig.1 Group art therapy sessions.

Art therapy is successfully used for the psychological correction of enuresis in children, helping them to work out internal conflicts and reduce anxiety. This approach is especially effective in secondary enuresis caused by psychological factors. Art therapy is an effective component of the comprehensive treatment of enuresis, especially when the problem is related to psychological factors. It allows the child to express his feelings in a safe symbolic way, to gain inner control and self-confidence. Group art therapy sessions contributed to the formation of interpersonal relationships among children, the ability to work in a team, eliminate feelings of shyness and insecurity, leadership, success and an optimistic attitude (Fig. 2).

Fig.2. Creativity of patients.

Conclusions: thus, the conducted research has established that the family environment plays a key role in shaping the emotional sphere of a child with neurotic enuresis. Excessive demands, intra-family emotional conflicts (42%), low level of emotional connections (44%) and communication (30%) contribute to the development of anxiety, suspiciousness, fears and aggressiveness in the child. These factors increase the risk of developing emotional disorders and the formation of neurotic enuresis. Art therapy is an effective component of the comprehensive treatment of enuresis, especially when the problem is related to psychological factors. It allows the child to express his feelings in a safe symbolic way, to gain inner control and self-confidence.

Literature.

1. Wadie B.S. Primary nocturnal enuresis persistent to adulthood, functional evaluation. // Neurourol. Urodyn. - 2004. - 23 (1): 54-57.

2. Wolanczyk T„ Banasikowska I., Zlotkowski P., Wisntewski A., Pamszkiewicz G Altitudes of enuretic children towards their illness// Acta Paediatr. -2002.-91 (7): 844-848.

3. Yeung C.K. Nocturnal enuresis (bedwetting). /I Сшт. Opin. Urol. - 2003. -Jul. - 13(4): 337-343.

4. Neveus T., et al. Evaluation and treatment of nonmonosymptomatic nocturnal enuresis: a standardization document from the International Children's Continence Society. Journal of Pediatric Urology. 2020.

5. Austin P.F., et al. The Standardization of Terminology of Lower Urinary Tract Function in Children and Adolescents: Update Report from the Standardization Committee of the International Children's Continence Society. Journal of Urology. 2021.

6. Vande Walle J., et al. Practical consensus guidelines for the management of enuresis. European Journal of Pediatrics. 2019.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE COMPETENCE AMONG SCHOOL TEACHERS

Abdubannonova Sh. A.
(Bukhara, Uzbekistan)

Annotation. *The article explores the socio-psychological factors influencing the development of creative competence among school teachers. It emphasizes the importance of creativity as a fundamental component of professional competence in modern education.*

The study analyzes how motivation, social environment, communication culture, and psychological readiness contribute to the formation of teachers' creative potential. The research highlights the relationship between emotional intelligence, self-regulation, and innovative activity in the pedagogical process. The findings indicate that the development of creative competence depends largely on teachers' reflective thinking, self-expression opportunities, and the supportive socio-psychological climate within educational institutions.

Keywords: *Creative competence, socio-psychological factors, school teachers, professional development, creativity, motivation, innovation, emotional intelligence.*

Аннотация. *В статье рассматриваются социально-психологические факторы, влияющие на развитие креативной компетентности у школьных учителей. Подчеркивается значение творческого потенциала как важного компонента профессиональной компетентности современного педагога. Анализируются роль мотивации, социального окружения, культуры общения и психологической готовности в формировании творческих способностей учителей. Особое внимание уделено взаимосвязи между эмоциональным интеллектом, саморегуляцией и инновационной активностью в педагогическом процессе. Результаты исследования показывают, что развитие креативной компетентности во многом зависит от рефлексивного мышления, возможностей самовыражения и благоприятного социально-психологического климата в образовательной среде.*

Ключевые слова: *креативная компетентность, социально-психологические факторы, школьные учителя, профессиональное развитие, творчество, мотивация, инновации, эмоциональный интеллект.*

Introduction. In the context of rapid social and technological changes, the modern educational system requires teachers not only to possess professional knowledge and pedagogical skills but also to demonstrate creativity and flexibility in their professional activities. Creative competence has become one of the key indicators of a teacher's professionalism, reflecting their ability to generate innovative ideas, apply non-standard teaching methods, and adapt effectively to dynamic educational environments.

The development of creative competence among school teachers is determined by a complex set of socio-psychological factors. These include personal motivation, the psychological climate of the teaching staff, emotional intelligence, self-regulation, and the ability to reflect on one's pedagogical experience. Understanding these factors is essential for creating favorable conditions for teachers' self-development and for improving the quality of the educational process as a whole.

Furthermore, the socio-psychological perspective highlights that creativity in teaching is not an isolated personal trait but a socially conditioned phenomenon influenced by interpersonal relations, institutional culture, and collective values. Therefore, studying the socio-psychological determinants of creative competence allows us to reveal the mechanisms of teachers' professional growth, their innovative activity, and their contribution to the development of students' creative potential.

Relevance of the Study. The relevance of this study is determined by the growing demand for creative and innovative teachers in the modern educational system. In the era of digital transformation, globalization, and continuous social change, teachers face new challenges that require the ability to think creatively, solve complex pedagogical problems, and implement innovative teaching methods. Creative competence, therefore, becomes a decisive factor in ensuring the effectiveness and quality of the educational process.

From a socio-psychological perspective, the development of creative competence among teachers depends not only on their professional knowledge and experience but also on the social environment, interpersonal relations, and emotional well-being within the

educational institution. A positive socio-psychological climate contributes to teachers' self-expression, motivation for creative activity, and professional self-realization.

Furthermore, analyzing socio-psychological determinants helps to identify internal and external factors that influence teachers' creative potential, such as self-regulation, emotional intelligence, and social support. These findings are crucial for improving teacher training programs and for forming conditions that promote creativity, innovation, and psychological well-being in the educational environment.

Literature Review. The problem of developing creative competence among school teachers has been the subject of attention for many researchers in the fields of pedagogy, psychology, and social sciences. Scholars emphasize that creativity in teaching is not merely an individual characteristic but a complex social-psychological construct that integrates cognitive, motivational, and emotional components (Guilford, 1950; Torrance, 1974; Sternberg & Lubart, 1999).

In modern psychological research, creative competence is defined as an individual's ability to generate original ideas, solve non-standard pedagogical problems, and adapt to changing educational contexts (Runco & Jaeger, 2012). According to Amabile (1996), creativity in professional activity depends on intrinsic motivation, cognitive flexibility, and a supportive social environment that encourages innovation and experimentation.

Socio-psychological studies highlight the role of emotional intelligence (Goleman, 1995), self-regulation (Bandura, 1991), and interpersonal communication in developing teachers' creative potential. Teachers who demonstrate high levels of empathy, reflection, and collaboration tend to be more creative and innovative in their pedagogical practice (Craft, 2005; Beghetto & Kaufman, 2007).

In the context of pedagogical psychology, Vygotsky's cultural-historical theory (1934) and Leontiev's activity approach (1978) emphasize that creativity develops through social interaction and active participation in cultural and educational activities. This theoretical framework supports the idea that socio-psychological determinants such as social support, teamwork, and a positive emotional climate significantly influence the development of creative competence among educators.

Recent research also underlines the importance of school culture and organizational climate in fostering teachers' creativity (Fullan, 2007; Hargreaves & O'Connor, 2018). An environment that promotes collaboration, autonomy, and professional trust enhances teachers' creative engagement and innovative thinking.

Discussion. The results of the study confirm that the development of creative competence among school teachers is influenced by a combination of internal and external socio-psychological factors. Internal factors include personal motivation, self-regulation, emotional intelligence, and reflective thinking, which determine a teacher's readiness to engage in creative activity. External factors encompass the social environment of the educational institution, the moral and psychological climate in the teaching staff, and the level of administrative support for innovation.

A key finding of this research is that creativity in teaching cannot be developed in isolation; it evolves through active social interaction, collaboration, and professional communication. Teachers who work in a supportive environment characterized by trust, respect, and open exchange of ideas demonstrate higher levels of creativity and problem-solving skills. This supports the views of Amabile (1996) and Goleman (1995), who emphasized the role of emotional and motivational factors in the formation of creative behavior.

Moreover, it was observed that the presence of a positive socio-psychological climate in schools encourages teachers to experiment with new pedagogical methods, apply innovative technologies, and take responsibility for the outcomes of their work. The correlation between creative competence and emotional intelligence reveals that teachers

with strong self-awareness and empathy are better able to adapt to diverse teaching situations and foster creativity in their students.

Another important aspect of the discussion is the connection between creative competence and professional self-realization. Teachers who feel valued and recognized within their professional community are more likely to engage in creative practices and seek continuous improvement. This finding aligns with Vygotsky's cultural-historical perspective, which views creativity as a socially mediated process driven by interaction and shared meaning-making.

Table 1. Methodological Framework of the Study

Research Components	Description	Methods and Tools	Expected Outcomes
Research Object	School teachers working in general education institutions	Observation, questionnaires, interviews	Identification of socio-psychological characteristics of teachers
Research Subject	Socio-psychological factors influencing the development of creative competence	Correlation analysis, factor analysis	Determination of the strength of relationships between factors
Research Goal	To study and analyze the socio-psychological determinants of the development of creative competence among school teachers	Theoretical analysis, empirical research	Scientific justification of social and psychological mechanisms of creative competence formation
Hypothesis	The development of creative competence among teachers depends on the integration of personal motivation, emotional intelligence, and a favorable socio-psychological climate	Survey-based hypothesis testing	Empirical confirmation of relationships between creativity and socio-psychological indicators
Tasks of the Study	1. Define the concept of creative competence. 2. Identify key socio-psychological factors affecting its development. 3. Analyze the relationship between motivation, emotional intelligence, and creativity. 4. Develop recommendations for improving teachers' creative competence.	Theoretical synthesis, comparative analysis, statistical evaluation	Formation of a model of creative competence development in teachers
Theoretical Basis	Cultural-historical theory (L.S. Vygotsky), activity theory (A.N. Leontiev), creative personality theory (E. Torrance, R. Sternberg)	Literature review, theoretical modeling	Establishment of conceptual foundations of socio-psychological determinants

Practical Basis	Teachers from selected schools participating in empirical research	Questionnaires, self-assessment scales, creativity tests	Identification of practical trends in developing creative competence
Research Methods	Theoretical: analysis, synthesis, generalization. Empirical: observation, survey, testing, experiment. Statistical: correlation and regression analysis.	S	

Analysis. The analysis of the conducted research reveals that the development of creative competence among school teachers is a multidimensional process influenced by a complex interaction of socio-psychological determinants. The results of correlation and factor analyses confirm that creativity in teaching activity depends significantly on teachers' internal motivation, emotional stability, and the presence of a supportive social environment within the school.

Teachers who demonstrate high levels of emotional intelligence and reflective thinking tend to engage more actively in creative pedagogical practices. The empirical findings showed a positive correlation between emotional intelligence and creativity indicators ($r = 0.42$; $p \leq 0.05$), which means that teachers with strong self-regulation and empathy are more capable of generating innovative ideas and adapting to non-standard teaching situations.

The study also identified the importance of collective interaction and organizational culture. In schools with a positive socio-psychological climate, teachers feel more confident to express their ideas, take creative risks, and collaborate in solving pedagogical challenges. Conversely, in rigid and hierarchical environments, the level of creative initiative tends to decline. This observation aligns with the works of Amabile (1996) and Fullan (2007), who argue that creative behavior in professional contexts flourishes under conditions of autonomy, support, and trust.

An analysis of motivational aspects showed that intrinsic motivation (interest in self-development and professional improvement) has a stronger effect on creative competence than extrinsic motivators such as rewards or recognition. This supports the view that creativity arises primarily from internal psychological needs for self-expression and achievement.

Furthermore, the research highlights that socio-psychological determinants—such as empathy, communication culture, teamwork, and reflective awareness—serve as mediating variables that connect emotional intelligence with creative performance. Teachers who possess these qualities are more likely to foster creativity not only in themselves but also among their students.

Conclusion. The conducted study allows us to conclude that the development of creative competence among school teachers is a complex and dynamic process influenced by both personal and socio-psychological determinants. Internal factors such as emotional intelligence, motivation, self-regulation, and reflective thinking play a decisive role in teachers' ability to engage in creative pedagogical activities. Meanwhile, external factors — the socio-psychological climate of the educational institution, collegial interaction, and organizational support — create conditions for the effective realization of creative potential.

The findings of the research confirm that teachers' creativity is not an isolated individual trait but the result of continuous interaction between personality and social environment. A favorable socio-psychological atmosphere fosters the emergence of innovative ideas, enhances cooperation, and increases professional satisfaction. Therefore, it is essential to establish psychological and pedagogical programs that develop creative competence through emotional intelligence training, teamwork development, and motivational support.

References.

1. Amabile, T. M. (1996). *Creativity in Context.* Boulder, CO: Westview Press.
2. Bandura, A. (1991). *Social Cognitive Theory of Self-Regulation.* Organizational Behavior and Human Decision Processes, 50(2), 248–287.
3. Beghetto, R. A., & Kaufman, J. C. (2007). *Toward a Broader Conception of Creativity: A Case for "Mini-c" Creativity.* Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 1(2), 73–79.
4. Craft, A. (2005). *Creativity in Schools: Tensions and Dilemmas.* London: Routledge.
5. Fullan, M. (2007). *The New Meaning of Educational Change.* New York: Teachers College Press.
6. Goleman, D. (1995). *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ.* New York: Bantam Books.
7. Guilford, J. P. (1950). *Creativity.* American Psychologist, 5(9), 444–454.

THE RELATIONSHIP BETWEEN DESTRUCTIVE EMOTIONAL STATES AND INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS

Abduganiyeva D.A.
(Tashkent, Uzbekistan)

Annotation. *This study examines the psychological and physiological nature of destructive emotional states such as anxiety, aggression, and depression, which negatively affect individuals' mental health and social adaptation. Based on R.B. Cattell's 16PF methodology, it analyses personality profiles of students in higher education institutions, considering gender differences, emotional reactivity, and socio-psychological factors. The research highlights the need for scientifically grounded prevention strategies to strengthen psychological resilience and mental stability in the context of globalisation.*

Keywords: *destructive emotional states, mental health, personality profile, anxiety, depression, aggression, psychological resilience.*

Аннотация. *В данном исследовании рассматривается психологическая и физиологическая природа деструктивных эмоциональных состояний, таких как тревожность, агрессия и депрессия, которые негативно влияют на психическое здоровье личности и её социальную адаптацию. На основе методики Р.Б. Кэттелла «16PF» проводится анализ личностных профилей студентов высших учебных заведений с учётом гендерных различий, эмоциональной реактивности и социопсихологических факторов. В исследовании подчёркивается необходимость научно обоснованных стратегий профилактики, направленных на укрепление психологической устойчивости и ментальной стабильности в условиях глобализации.*

Ключевые слова: *деструктивные эмоциональные состояния, психическое здоровье, личностный профиль, тревожность, депрессия, агрессия, психологическая устойчивость.*

Mental health is recognised worldwide as an integral factor in human well-being and sustainable development of society. According to the World Health Organisation (WHO), "mental disorders are widespread in all developing countries, and many health and social systems are not effective enough in early detection and provision of necessary psychological support. As a result, millions of people around the world silently suffer from anxiety, depression and other destructive emotional states" [1]. The consequences of destructive emotional states are significantly manifested not only at the personal level, but also in broader

social and economic spheres. Therefore, in the current context of globalisation, strengthening mental health, preventing negative emotional disorders and increasing psychological resilience remain a relevant scientific and practical task not only for individual but also for social development.

Global educational and research institutions pay particular attention to the prevention of destructive emotional states, the identification of socio-psychological factors that negatively affect the strengthening of mental stability, the improvement of interpersonal relationships in various socialisation conditions, and the stabilisation of the psychological environment. In the modern era, when people are experiencing increasing mental stress, anxiety, and depression, the urgent task is to organise the prevention of emotional disorders and develop new scientific and practical approaches that help people of different ages adapt to their social environment. It is also important to study young people's need for psychological peace, researching psychological methods for overcoming problematic situations in interpersonal relationships, and developing scientific conclusions based on in-depth socio-psychological analysis of the pedagogical and psychological aspects of social phobias and internal conflicts that cause destructive emotional states are recognised as some of the most pressing issues of our time.

The emotional sphere of a person represents a wide range of experiences and feelings. However, the structure of emotions includes not only a subjective component, expressed in the reflection of the state of the personality, but also a cognitive component, that is, the reflection of events and objects that have a certain significance for the motives, needs, and goals of the person experiencing emotions [3]. Thus, this implies a two-way conditionality of emotions: on the one hand, human needs that determine their attitude towards the object of emotions, and on the other hand, the ability to understand and reflect certain features of this object. Emotions are also viewed as both a transient state and a personality trait. The term ‘emotional state’ refers to the duration of the emotional process and its greater or lesser intensity [4].

Emotional states are mental states that arise throughout a person’s life and determine not only the level of information and energy exchange (as a functional state), but also the direction of behaviour. For example, aggressive-defensive behaviour is provoked by anger or activating fear, while passive-defensive behaviour is provoked by sadness or paralysing fear. The emotion of joyful curiosity stimulates directed research activity and is the most suitable emotional background for the development of cognitive motives and interests. The main emotional states in psychology are: 1) joy (satisfaction, pleasure); 2) sadness (apathy, sadness, depression); 3) anger (aggression, rage); 4) fear (anxiety, panic); 5) surprise (interest); 6) disgust (hatred) [5].

Despite the active use of the term “destructiveness” by scientists to explain various psychological processes, the concept of ‘destructive emotional states’ was absent in the analysed scientific literature. Thus, the lack of information about “destructive emotional states” and the need to apply it to emotional states reinforce the need for scientific justification of this concept.

Destructive emotional states can be classified as situational-resulting emotional phenomena. They develop simultaneously with leading emotions, reflecting the significance of conditions that hinder their realisation (related to overcoming difficult situations and life challenges) in the course of activity. Despite the diversity of emotions, three main components can be identified: subjective experiences, manifestations of actions, and changes in the functioning of internal organs. Destructive emotional states are determined by the state and activity of the subject (real or imagined) and are associated with leading emotional phenomena. In addition, the formation of destructive emotional states is characterised by the involvement of various physiological mechanisms and neurochemical processes in the structures of the brain, their complex interaction (the principle of psychosomatic unity). The development of destructive emotional states alters the state of the anterior pituitary gland –

the sympathetic and parasympathetic divisions of the autonomic nervous system, the adrenal glands, the gonads, the thymus, etc. All this causes significant changes in the functioning of internal organs, such as blood composition, blood circulation, thermoregulation, digestion, and excretion. These changes have a secondary effect on the mental state [2].

Until now, the interpretation of mental states has often been based on the views of Western experts. The contribution of Muslim scholars to the field of mental health seems to be gradually forgotten. Indeed, for Muslims, there are quite significant differences between their views or perceptions of certain aspects of life and the Western worldview, some of which are related to destructive emotional states such as aggression, anxiety and depression.

An individual psychological profile is a holistic system of emotional reactivity, social adaptation, cognitive styles, and temperamental characteristics. Destructive emotional states (aggression, anxiety, depressive tendencies) directly influence these personality characteristics and alter the form in which they manifest themselves. A gender-differentiated approach is of important methodological significance in this process, allowing us to identify differences in indicators of emotional expressiveness, stress resistance, and communicative activity among male and female students. Analysis in the context of higher education institutions (HEIs) sheds light on the degree of influence of the socio-psychological characteristics of the educational environment, cultural context, and value system on students' personality profiles. The results obtained in this paragraph create a scientific basis for identifying typological differences in personality profiles and developing a differentiated approach to the prevention of destructive emotional states.

The main result of this methodology is the creation of a personality profile based on 20 factors presented in R.B.Cattell's methodology "Adult Personality Assessment 16PF (Variant A)". The factors are measured in specific units and distributed on a bipolar scale with threshold values of 1–10 points. Accordingly, the first half of the scale (from 1 to 5.5) is marked with a "-" sign, and the second half (from 5.5 to 10) is marked with a "+" sign. When interpreting the results, attention should first be paid to the 'peaks' of the profile, i.e. the lowest and highest values of the factors in the profile, in particular, the indicators at the boundaries of the walls from 1 to 3 in the "negative" pole, and from 8 to 10 in the "positive" pole.

1-table

The relationship between anxiety and depressive states (N-302)

Indicators	Personal anxiety	Situational anxiety
Anxiety (HADS methodology)	**0,126***	**0,444****
Depression (HADS methodology)	0,013	**0,187****
Depression (Zung methodology)	**0,219****	**0,216****

Note:*- p<0,05; **- p<0,01

Our study analysed the interaction between respondents' depression levels and types of anxiety. Correlation analysis revealed that as general anxiety levels increased, indicators of personal anxiety (r=0.126; p<0.05) and situational anxiety (r=0.444; p<0.01) increase in a positive correlation. The values of the correlation coefficient r represent a moderate positive correlation for situational anxiety and a weak positive correlation for personal anxiety. This relationship indicates that general anxiety, through cognitive-motivational mechanisms, intensifies both sustained internal emotional tension (personal anxiety) and rapid reactivity to real or subjective stressors (situational anxiety), i.e., both components are synergistically amplified by risk overestimation, risk-biased attention, physiological reactivity, and weakened emotional regulation.

The results obtained using the HADS method show that there is a positive and statistically significant correlation between the level of depression and situational anxiety (r=0.187; p<0.01), which indicates that as the depressive state intensifies, the likelihood of a person perceiving surrounding situations as threats increases. According to cognitive assessment theory, this is because people in a depressed mood interpret external stimuli

more negatively and are more sensitive to risk factors and discomfort. The results of the Zung method show that as depression intensifies, a person's level of personal anxiety also increases (r=0.219; p<0.01). This is primarily due to the fact that people in a depressed state underestimate their own strengths and capabilities and see the future as uncertain and dangerous. As a result, they experience more internal anxiety and discomfort even in everyday situations, which leads to an increase in personal anxiety. The results of the questionnaire survey of respondents showed that an increase in the level of depression also leads to an increase in the level of situational anxiety in a person (r=0.216; p<0.01), which is explained by the fact that depressive experiences lead to the perception of situations as more dangerous and threatening than the real possibilities.

2-table

The Relationship Between Aggression and Depressive States (N = 302)

Indicators	Anxiety (HADS method)	Depression (HADS method)	Depression (Zung method)
Physical aggression	-0,011	-0,048	**0,125***
Verbal aggression	**0,155****	0,056	0,081
Irritability	0,096	0,053	**0,164****
Suspiciousness	0,095	**0,132***	**0,128***
Resentment	**0,117***	0,047	**0,206****
Aggression index	0,051	**0,114***	**0,139***
Hostility index	**0,197****	0,109	**0,224****

Note: *- p<0,05; **- p<0,01

According to psychological analysis of the relationship between a person's level of aggression and anxiety, as well as destructive states such as depression, high levels of physical aggression are associated with internal emotional tension, frustration, and insufficient coping strategies, which can lead to an increase in depressive symptoms (r=0.125; p<0.05). A positive and statistically significant correlation between the level of verbal aggression and general anxiety (r=0.155; p<0.01) indicates that as the level of verbal aggression (mockery, insults, threats, rude remarks) increases, so does a person's level of anxiety. Psychologically, this connection can be explained by the tendency to defend oneself and express internal tension verbally. A significant correlation between levels of anxiety and depression (r=0.164; p<0.01) indicates that high reactivity and reduced affective stability lead to an increase in depressive symptoms. This process is associated with a decrease in emotional stability and insufficiently effective psychological mechanisms for coping with internal tension and stress.

The following correlations were identified between the level of suspicion and indicators of depression using the HADS (r=0.132; p<0.05) and Zung (r=0.128; p<0.05), the following correlations were identified, according to which depressive symptoms intensify as distrust and a tendency toward negative interpretations increase. This is explained by the negative orientation of cognitive assessment processes of the personality, low social trust, and insufficient emotional adaptation. When assessing a person's emotional state, increased sadness is one of the important indicators affecting their psychological well-being, and its increase leads to an increase in anxiety indicators (r=0.117; p<0.05) and an intensification of depressive symptoms (r=0.206; p<0.01). This connection indicates a decrease in affective stability, an increase in the frequency of negative emotional reactions, and a weakening of stress coping mechanisms. The results of this study show that aggression and hostility indices have a significant impact not only on the quality of social relationships, but also on the internal emotional stability of the individual. In particular, as the aggression index increases, depression scores according to the HADS (r=0.114; p<0.05) and Zung (r=0.139; p<0.05) methods also increase. A high hostility index is accompanied by a significant increase in anxiety (r=0.197; p<0.01) and depression (r=0.22; p<0.01). This is explained by an imbalance

in emotional regulation processes, a decline in social trust, and a weakening of cognitive-emotional adaptation mechanisms. As a result, negative affective background intensifies, which increases the likelihood of developing both anxiety and depressive symptoms.

3-table

The Relationship Between Personality Traits and Depressive States (N = 302)

	Anxiety (HADS method)	Depression (HADS method)	Depression (Zung method)
A factor	-0,028	**0,119***	**-0,132***
B factor	0,023	**0,115***	0,004
H factor	0,057	-0,064	**-0,131***
L factor	**0,196****	0,082	0,020

Note: *- p<0,05; **- p<0,01

When analysing the relationship between the sociability indicator of the A-factor of personality traits and depression, different trends were identified depending on the methodology used: according to the HADS methodology, an increase in the level of depression was observed (r=0.119; p<0.05), while according to the Zung methodology, an inverse correlation was observed (r=-0.132; p<0.05). This difference can be explained by the fact that the HADS method reflects the current affective state and intensity of clinical symptoms, and, as a result, high sociability increases social stress factors. The Zung method, on the contrary, measures depression based on internal stable characteristics and subjective assessments of personality, reflecting the positive role of sociability in activating social support resources. Consequently, differences in assessment approaches between the two methods formed a difference in the direction of the results.

A positive and statistically significant correlation between factor B intelligence level and depression (r=0.115; p<0.05) indicates that increased cognitive abilities may be accompanied by increased depressive symptoms. This is due to the tendency of individuals with high intelligence to deeply analyse events in their environment, engage in complex cognitive processing of negative events, and experience increased emotional stress. The analysis revealed an inverse, statistically significant correlation between the courage factor H and the level of depression (r=-0.131; p<0.05). This correlation can be explained by the fact that high courage increases psychological resistance to stressors, activates constructive adaptation mechanisms in dangerous and unfavourable situations, and limits the formation of negative affective states. The correlation between the L factor of suspicion and the level of anxiety (r=0.196; p<0.01) indicates that a high tendency toward distrust and negative interpretations is accompanied by increased anxiety. This correlation is formed as a result of overestimating risks and threats in cognitive processes, a decrease in social trust, and a decrease in the effectiveness of affective regulation systems.

When analysing the results between the indicators of the R.B.Cattell and Bass-Darky methods, it was found that an increase in the level of factor A of communicative inclination is associated with a decrease in indicators of physical aggression (r=-0.122; p<0.05) and irritability (r=-0.115; p<0.05). This relationship can be explained by the tendency of communicative, socially active individuals to constructively express emotional tension and negative affects, and in conflict situations to use socially acceptable communication strategies instead of physical or acute reactive forms. It was found that an increase in the level of factor B of intelligence also causes an increase in the irritability index (r=0.134; p< 0.05), which is explained by the fact that individuals with high intelligence levels are more likely to notice inconsistencies, illogicality or injustice in their environment and react emotionally to them, including by increasing their level of tension and irritability.

The results of the study show that a high level of emotional stability factor C is associated with a decrease in irritability (r=-0.125; p<0.05), aggression index (r=-0.124; p<0.05) and hostility index (r=-0.115; p<0.05). This is explained by the fact that emotionally

stable individuals tend to control their emotions in stressful or conflict situations, limit impulsive and destructive reactions, and prefer compromise strategies in social communication. The data obtained indicate that an increase in the level of the dominance factor E is associated with a decrease in physical aggression (r=-0.139; p<0.05), irritability (r=-0.121; p<0.05) and the aggression index (r=-0.126; p<0.05). This relationship can be explained by the tendency of individuals with leadership qualities and assertiveness to resolve conflict situations in socially acceptable and constructive ways, rather than through the use of force or sharp emotional reactions.

4-table

The Relationship Between Personality Traits and Aggressiveness (N=302)

	Physical Aggression	Verbal Aggression	Indirect Aggression	Negativism	Irritability	Suspiciousness	Resentment	Sense of Guilt	Aggression Index	Hostility Index
A	-0.122*	-0.108	0.107	0.059	-0.115*	-0.083	-0.037	-0.017	-0.091	0.005
B	0.078	0.071	0.039	0.017	0.134*	0.036	0.074	0.008	0.075	0.108
C	0.039	-0.007	-0.049	0.038	-0.125*	-0.081	-0.021	-0.106	-0.124*	-0.115*
E	-0.139*	-0.007	-0.044	-0.064	-0.121*	-0.068	-0.079	-0.109	-0.126*	-0.033
F	-0.032	0.006	-0.006	-0.052	-0.120*	-0.118*	-0.131*	-0.161**	-0.133*	-0.130*
G	-0.033	-0.007	-0.004	-0.123*	-0.098	0.041	-0.012	-0.080	-0.036	0.030
I	-0.005	0.006	-0.081	-0.037	-0.007	-0.122*	0.028	-0.038	0.025	-0.045
L	-0.159**	-0.058	-0.048	-0.007	-0.185**	0.005	-0.015	-0.028	-0.175**	-0.079
M	-0.146*	-0.066	-0.001	-0.019	-0.081	-0.073	0.024	-0.015	-0.103	-0.094
N	-0.080	0.002	-0.068	-0.033	0.014	-0.065	0.000	-0.013	-0.065	-0.105
O	-0.049	-0.157**	-0.024	-0.118*	-0.010	-0.130*	0.005	0.034	-0.143*	-0.076
Q1	0.000	0.019	-0.047	-0.099	0.057	-0.057	-0.026	-0.093	-0.121*	-0.017
Q2	-0.113	-0.032	-0.001	-0.110	-0.064	-0.083	-0.076	-0.039	-0.187**	-0.111
F1	0.066	-0.051	0.118*	0.051	0.084	0.113*	0.040	0.142*	0.101	0.192**
F3	-0.121*	0.057	-0.101	-0.041	-0.082	-0.025	-0.035	0.008	-0.056	-0.004

Note: *- p<0,05; **- p<0,01

The results of the study showed that an increase in the level of expressiveness of factor F is directly related to a decrease in a number of negative emotional and behavioural indicators, including irritability (r=-0.120; p<0.05), suspiciousness (r=-0.118; p<0.05), sadness (r=-0.131; p<0.05), guilt (r=-0.161; p<0.01), aggression index (r=-0.133; p<0.05) and hostility index (r=-0.130; p<0.05). This connection means that socially open, emotionally expressive and communicative individuals tend to express their emotions in a constructive and socially acceptable way, rather than keeping them inside and suppressing them. This process is called emotional venting or constructive emotional expression in psychology, and it reduces internal psychological tension and limits the formation of negative cognitive-emotional states, such as suspicion and resentment. As a result, the likelihood of developing aggressive reactions and hostility is reduced, which increases social adaptability and psychological stability of the individual. The results showed a decrease in negativism (r=-0.123; p<0.05) in individuals with a high level of normative behaviour of factor G. Thus, individuals who strictly adhere to social and moral norms and have a developed sense of responsibility are usually less prone to resistance and deviant behaviour. Internal discipline and self-control contribute to increased social adaptation and significantly reduce the level of negativism.

A high level of sensitivity to Kettell's factor I increases a person's emotional openness and trust in others, reducing the likelihood of negative interpretations of events. This cognitive-emotional characteristic correlates inversely with a decrease in the suspicion index (r=-0.122; p<0.05). This means that increased emotional reactivity reduces a person's

tendency toward cognitive-skeptical assessments, i.e., high sensitivity stimulates faster acquisition and processing of social information through emotional channels, which leads to a decrease in the level of suspicion. The results of the correlation analysis showed that an increase in the level of suspicion of factor L has a statistically significant inverse relationship with a decrease in physical aggression ($r=-0.159$; $p<0.01$), irritability ($r=-0.185$; $p<0.01$) and the aggression index ($r=-0.175$; $p<0.01$). According to the results obtained, high suspicion strengthens the mechanisms of social caution and cognitive monitoring aimed at preliminary assessment of potential sources of danger. Such individuals prefer to avoid direct confrontation, maintain social distance, or use indirect methods of influence instead of openly aggressive response strategies in conflict situations. As a result, their aggression and irritability scores decrease, reflecting the functional effectiveness of the individual's protective psychological adaptation strategies. Correlation analysis showed an inverse relationship between the level of M-factor delusions and physical aggression ($r=-0.146$; $p<0.05$). This means that individuals with high levels of delusion tend to resolve conflict situations to a greater extent through internal imagination and cognitive processing, which leads to a decrease in the level of physical aggression.

Inverse correlations were found between the level of anxiety factor O and a number of indicators of aggression, in particular verbal aggression ($r=-0.157$; $p<0.01$), negativism ($r=-0.118$; $p<0.05$), suspiciousness ($r=-0.130$; $p<0.05$) and the general aggression index ($r=-0.143$; $p<0.05$). According to her, individuals with high levels of anxiety in situations of external conflict are more prone to internal emotional reactivity than to direct aggressive responses; such individuals direct their energy not towards external expressive or aggressive actions, but towards internal anxiety and caution, which reduces various forms of aggressive behaviour. The results of the study showed a tendency for the aggression index to decrease as the level of radicalism increased ($r=-0.121$; $p<0.01$). Although this relationship is weak in strength, its statistical significance indicates that it is not accidental. This suggests that people with radical views are more likely to direct their aggression towards achieving ideological goals, maintaining group discipline and strategic actions, rather than direct physical or verbal confrontation. The results of the study showed a negative statistically significant correlation between the level of nonconformity and the aggression index ($r=-0.187$; $p<0.01$). This suggests that people with low levels of conformity to social norms are more likely to express aggression through cognitive and ideological means than directly through physical or verbal means. Non-conformists tend to make more independent decisions and use alternative strategies in conflict situations, which can reduce the manifestation of overt aggression.

The results of the analysis showed that there are positive, statistically significant correlations between anxiety levels and a number of emotional and behavioural indicators. In particular, anxiety is significantly associated with indirect aggression ($r=0.118$; $p<0.05$), suspicion ($r=0.113$; $p<0.05$), guilt ($r=0.142$; $p<0.05$) and hostility index ($r=0.192$; $p<0.01$), with increased anxiety leading to a consistent increase in these indicators. High levels of anxiety are characterised by an overestimation of threats in the human cognitive-emotional system, a decrease in internal control resources and a strengthening of defence mechanisms. This creates the basis for the formation of hidden aggression, distrust of other people, a tendency to self-blame and a general hostile attitude. The analysis showed that there is a statistically significant inverse relationship between the level of sensitivity and physical aggression ($r=-0.121$; $p < 0.05$), which indicates that highly sensitive individuals have the ability to perceive and adapt to emotional signals from their environment more quickly, a strong sense of empathy, and a tendency to choose constructive communication over violence in conflict situations.

REFERENCES.

1. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о психическом здоровье в мире. Охрана психического здоровья: преобразования в интересах всех людей.

Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2024. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. С. 14.

2. Ефремова Диляра Набиулловна. Психологические особенности совладающего поведе-ния личности при деструктивных эмоциональных состояниях: диссертация...кандидата психологических наук: 19.00.01 / Ефремова Диляра Набиулловна. - Москва, 2012. - 20 с.

3. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога. Система работы психолога с детьми разного возраста. Кн. 1: Учеб. пособие: В 2 кн. - 2-е изд., перераб. и доп. [Текст]. / Е.И. Рогов. - М: Владос, 1999. – с. 384.

4. Уаилд Д. Терапия гнева, тревоги и депрессии у детей и подростков[Текст]. /Д.Уаилд. – Воронеж, МОДЭК, 2013.- с.192.

5. https://ht-lab.ru/obuchenie/slovari/gipertekstovyy/emotsionalnye-sostoyaniya/

THE SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MOTHER AND CHILD

Abdullaeva D. U.
(Tashkent, Uzbekistan)

Abstract. *This article describes the characteristics of the relationship between mother and child, the problems that arise in this relationship, the wrong forms of education and their impact on the child's development.*

Keywords: *Mother, child, personality, interaction, education, wrong forms of education, emotional rejection.*

Аннотация. *В данной статье описываются особенности взаимоотношений между матерью и ребёнком, проблемы, возникающие в этих отношениях, ошибочные формы воспитания и их влияние на развитие ребёнка.*

Ключевые слова: *мать, ребёнок, личность, взаимодействие, воспитание, ошибочные формы воспитания, эмоциональное отвержение.*

I. Introduction. The issue of the relationship between mother and children has long been one of the most pressing problems in the development of human society. This is because the life experience, knowledge, skills, and competencies gained by humanity are passed down from generation to generation precisely through this system of relationships - the mother-child relationship.

Situations arising in mother-child relationships are never identical. Any new issue in upbringing requires a new approach. Therefore, it is essential to anticipate various problematic situations in mother-child relationships and find reasonable solutions to them. The hardships experienced by some women in their youth or childhood may later form the basis for their development into problematic mothers, which in turn can affect their relationships with theirchildren and lead to problematic situations.

II. Analysis of the literature on the subject

Many researchers have addressed the topic of mother-child relationships [2,3,4,6]. Some researchers have identified that the use of incorrect parenting styles by mothers negatively impacts the child's development as a person [3,6]. Problems in mother-child relationships arise precisely from the application of such inappropriate parenting methods by mothers and negatively affect these relationships.

A.Ye.Lichko identified the following types of incorrect parenting: Hypoprotection (lack of support and protection): characterized by insufficient attention to the child, lack of care and control, disinterest in what the child is engaged in, and unmet needs of the child.

A vivid manifestation of emotional neglect. Emotional humiliation of the child can be likened to the relationship of the stepmother to Zumrad in the fairy tale "Zumrad and Qimmat". In this case, the mother pays no attention to the child, does not care for or supervis them, leading the child to experience emotional humiliation, which forms the basis for the emergence of negative personality traits.

Absolute hypoprotection (complete abandonment): the child's needs are not met, and their actions are not controlled. No attention is paid to the child's needs for food, clothing, or rest.

Hidden hypoprotection: the mother shows superficial care for the child, resulting in very low levels of support. The mother appears to care, but in reality only meets basic needs, without genuine emotional involvement. There is no cooperation in joint activities or communication. Demands are made, but their fulfillment is not monitored.

Permissive hypoprotection is characterized by excessive leniency, allowing the child to do whatever they want without proper emotional acceptance. How should this be understood? Since the mother tries to fulfill every whim of the child, the child becomes overly spoiled. Parents buy expensive items to distance themselves from the child, avoiding communication and interaction. For example, they might send the child to the best summer camp for the entire summer. Such parents tend to treat the child coldly, avoiding physical affection like hugging or kissing. They do not allow the child to form close relationships with others and try to isolate them. Because they are unable to show genuine love, they may feel guilty.

Hyperprotection - an excessive level of attention and care from the parents toward the child, to the extent that parenting becomes the central meaning and goal of their lives. The mother shows extreme care and support, strives to fulfill all the child's wishes and needs without criticism or analysis, protects them from any difficulties, pampers them, and overlooks their mistakes. These mothers, without realizing it, end up harming their children. As a result, the child grows up weak-willed, socially awkward, and emotionally fragile, often becoming capricious and spoiled. Particularly during adolescence, such children tend to seek dominance in peer groups, wanting things to go their way, despite lacking the necessary qualities. The root of the issue is that the mother tries to realize her own unfulfilled dreams through her child, and her parenting style is directed at this goal. However, the child eventually begins to feel inadequate when faced with real-life social challenges [1].

Hyperprotection Prevailing Over Care - in this case, instead of showing affection, the mother pays attention to the child by constantly controlling every step and behavior. Therefore, this parenting style involves numerous prohibitions and restrictions. A child raised in such an environment typically cannot develop independent thinking or make independent decisions. However, they often grow up irritable and dissatisfied because they are used to constant control and to having everything dictated to them. Such a child becomes someone who cannot do homework without their mother, or go outside without their father, and gets accustomed to adult intervention in every aspect of life.

Excessive Moral Responsibility – this style consists of placing excessive demands on the child. These demands often do not align with the child's age or individual characteristics. At the same time, the child's wishes and needs are ignored. Children raised in this manner tend to have anoverly high sense of moral responsibility but are also usually nervous and anxious. This parenting style is often observed in single mothers.

Emotional Rejection – in this case, parents raise the child in a way that constantly reminds them they are a burden or an unnecessary concern, and that life would have been different without them. If the child is not the only one in the family and there is another sibling who is more favored, the situation worsens. Remarks like "If only you weren't born..." or, addressed to a girl, "If only you were a boy..." are frequently heard.

Some parents try to hide their emotional rejection of the child. When asked, “Why don’t you like your child?” they insist that they do love them and that the child is needed. Nevertheless, the child still feels like a burden and lives with this emotional weight, often desiring to become independent and live separately as soon as possible. No matter how much the mother tries to display artificial affection, the child senses the lack of sincerity. This is especially painful in cases where the father has left or the parents are divorced.

Harshness – at first glance, this resembles emotional rejection but is even more explicit and severe. Harshness may involve physical punishment, verbal abuse, humiliation, or complete indifference to the child’s needs and even their presence. In both cases, the child grows up thinking only about becoming an adult quickly, surviving independently, and escaping parental pressure. In such families, punishment for various behaviors becomes routine. The child obeys out of fear, and adults often fail to recognize or ignore the long-term psychological consequences. The principles of guilt and punishment become central psychological tools for controlling the child's behavior, leading them to constantly seek someone to blame in adulthood[1].

In addition, the following disproportionate types of mother–child relationships can be distinguished:

1. The mother treats her son as a substitute for someone else. In this case, the motherperceives her son as her assistant and imposes various responsibilities, duties, and concerns on him. He is assigned the role of the head of the family and is expected to care for his mother. This situation is observed not only in single-parent families but also in two-parent families. In a full family, if the mother feels that her husband is not adequately fulfilling his paternal responsibilities, or if the father thinks the mother is failing in her maternal duties, such a dynamic may emerge in the treatment of the child.
2. The mother's symbiotic relationship with the child. Here, the mother perceives herself and the child as a single, inseparable whole. This type of relationship, when continued into adolescence, hinders the child's ability to establish relationships with peers and gain social independence.
3. Deprivation of parental affection. In this case, the child does not consistently receive parental affection. The child is only shown love as a reward-when they behave well, achieve something, or meetcertain expectations. Thus, the child learns that to be worthy of love, they must always be a “good child”.
4. Constant blaming of the child. This type of relationship fosters a persistent sense of guilt in the child. It negatively affects the child’s personal development and leads to low self-esteem and a tendency to perceive themselves as inherently bad or unworthy.

It is evident that the aforementioned inappropriate parenting styles negatively affect the child's development as a personality. For a mother, it is crucial to correctly interpret her child's behavior during the upbringing process. Misinterpretation of a child’s actions can deepen existing problems rather than resolve them. It is well known that in interpersonal conflicts, each party tends to view hemselves as being right. Similarly, in mother-child relationships, when problematic or conflictual situations arise, it is natural for the mother to believe her parenting approach is justified, just as the child perceives their own position as valid. Therefore, in such situations, the mother must learn to consider the problem not only from her own perspective but also from that of the child. This requires the ability to sense the child’s emotional state, understand the reasons behind their behavior and actions, and evaluate them adequately.

This, in turn, encourages mothers to sometimes view events and circumstances from their child’s perspective, to put themselves in their child’s place, and to make an effort to understand them. Such an approach enhances constructiveness in the mother–child relationship system. Most importantly, increasing congruence and mutual adequacy in their perceptions of one another fosters greater understanding, acceptance, and a willingness to engage meaningfully with each other.

CONCLUSION.

In conclusion, one of the effective ways to improve mother - child relationships is to strengthen harmony and alignment in their mutual understanding of interactional processes. Encouraging mothers to develop a clear awareness of their individual parenting style, to try perceiving various situations from their child's point of view, and to engage in critical self-reflection as a mother can significantly enhance the constructiveness of interaction within the "mother–child" system.

References.

1. Karimova V.M. Oila psixologiyasi. Darslik. − T: "Fan va texnologiya", 2007. –152 b.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. –Москва, 2005. –310 с.
3. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: Учебное пособие. – М.: Московский психоло-социальный институт, 2006. –496 с.
4. Розин М.В. Представления о родителях и семейных конфликтах в неформальной подростковой субкультуре // Вопросы психологии. –Москва, 1990. - N 4. –С. 91-99.
5. Эйдемиллер Е. Г., Добреков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. –СПб.: Речь, 2003. –336 с.
6. Abdullaeva D.U. Social factors affecting child educftion prychological factors. //Procttdings of International Conference on Educational Discoveries and Humanities. Texas, USA. December 2022. P.154-156.

PSYCHOEMOTIONAL AND VOLITIONAL READINESS AS A PSYCHOLOGICAL BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF MILITARY COMMAND PERSONNEL RESERVE

Abdullajanova D.S.
(Tashkent, Uzbekistan)

Annotation. *The presence of highly trained and psychologically resilient officers within the human resources structure of military organizations makes it possible to significantly reduce the costs of personnel selection, adaptation, and professional retraining. It also contributes to the creation of an integrated system of investment in the psychological and professional development of command staff. Such investments have a strong influence on motivation, enhance professional identity, and help ensure personnel retention within the military system, thereby reducing turnover rates and minimizing operational risks during temporary absence of command personnel or under force majeure conditions. This article provides a comparative analysis of the psychological aspects of psychoemotional and volitional characteristics that determine the effectiveness of forming a reserve of military management personnel capable of ensuring command stability, operational discipline, and leadership succession.*

Key words: *military personnel reserve, leadership, volitional qualities, psychoemotional regulation, human resource investment, force majeure, professionalism, military psychology, methodological approaches.*

Аннотация. *Наличие высококвалифицированных и психологически устойчивых офицеров в кадровом составе военной организации позволяет значительно снизить затраты на отбор, адаптацию и профессиональную переподготовку персонала. Кроме того, это способствует созданию целостной системы инвестиций в психологическое и профессиональное развитие командных кадров. Подобные инвестиции оказывают существенное влияние на мотивацию военнослужащих, укрепляют их профессиональную идентичность и обеспечивают удержание кадров в системе военной службы, что, в свою очередь, снижает уровень текучести, а также минимизирует операционные риски в условиях временного отсутствия руководящего состава или возникновения форс-мажорных обстоятельств. В статье представлен сравнительный анализ психологических аспектов психоэмоциональных и волевых характеристик, определяющих эффективность формирования резерва военных руководящих кадров, способных обеспечить командную устойчивость, оперативную дисциплину и преемственность руководства.*

Ключевые слова: *резерв военных руководящих кадров, лидерство, волевые качества, психоэмоциональная регуляция, инвестиции в человеческий капитал, форс-мажор, профессионализм, военная психология, методологические подходы.*

Introduction. In modern military psychology, the formation of a command reserve is recognized as a multidimensional task involving psychological selection, adaptive training, and the cultivation of leadership resilience under conditions of uncertainty and operational pressure. In developed military systems such as those of the United States, Israel, and NATO countries the establishment of a command reserve is embedded within institutionalized frameworks that integrate psychological diagnostics, leadership assessment, and metacommunicative competence development (Zaccaro, Kemp & Bader, 2004). Research by Bartone, Eid & Snook (2009) has demonstrated that psychological endurance, self-regulation, and emotional stability are decisive predictors of officer adaptability and command reliability in dynamic military operations. In the Russian and Central Asian contexts, scholars such as Bodalev (2018), Andreeva (2019), and Sobchik (2017) have emphasized the crucial role of the psychoemotional-volitional sphere in determining officers' readiness to make responsible decisions and maintain moral composure under stress. The concept of a "human resource reserve" in the defense sector is closely linked to the task of shaping a corps of officers who demonstrate self-discipline, communicative flexibility, and intrinsic motivation to serve. According to Kolditz (2007), effective military leadership is not only defined by tactical competence but by the ability to sustain emotional control and volitional focus in extreme or ambiguous environments.

One of the critical challenges faced by many developing economies around the world is the formation of a pool of professional personnel by selecting and training qualified candidates for key positions. In industrially developed countries, various strategies have been institutionalized to address this issue, including formalizing methods and procedures for selecting personnel, developing selection criteria, improving scientific approaches to problem-solving, accounting for the demand for managerial staff, encouraging young and promising personnel, substantiating decisions related to human resources, promoting them, and systematically linking economic and governmental decisions to the key elements of human resource policy. The search for new approaches to identifying human resources and innovative potential has become a distinctive feature of modern personnel management practices. In today's world, the systematic development of personnel reserves typically organized as a "nomenclature" system has proven effective in establishing a talent pool under the concepts of "talent selection" and "leadership identification." These trends are increasingly supported by empirical research. While traditional personnel management mainly focused on the professional qualifications and ethical-aesthetic attributes of candidates, a growing

emphasis is now placed on the psychological image and psychoprofessiogram of personnel within various fields [1].

Methods. In the context of today's socio-economic transformations, the need to explore both theoretical and practical aspects of managing society, its sectors, institutions, and organizations is becoming increasingly urgent. It is impossible to manage ongoing changes in a progressive society without well-developed and continuously improving leadership. The current situation requires increased attention to the socio-psychological challenges of management. There is sustained interest among researchers in studying individuals within management, particularly leaders. Both local and international literature provide various classifications in this regard. One of the most successful typologies was proposed by American psychologist M. Shaw, who identified three key components of leadership: biographical characteristics, abilities, and personal traits [4].

Biographical characteristics include age, gender, socio-economic status, and education. Many studies indicate no direct correlation between age and management level, although age often determines managerial effectiveness. Comparisons between male and female leaders show no significant differences in effectiveness or quality of leadership, with distinctions arising mainly in leadership style preferences. Research shows that up to 90% of the correlation between socio-economic status and education suggests that leaders tend to be well-educated individuals from higher socio-economic backgrounds [5].

Abilities are defined as stable individual traits associated with work efficiency. These are the personal qualities that determine success in various activities. If a person possesses a combination of personality traits that align with the demands of a specific task and have been developed through experience over time, they are considered capable of performing that task. Any type of activity whether labor, education, or sports places specific demands on a person's intellectual characteristics, emotional-volitional sphere, and sensorimotor abilities. These demands cannot be met by any single quality, regardless of how well-developed it may be. The assumption that one intellectual trait can substitute for all abilities and ensure high productivity lacks scientific merit. Abilities are a complex structure of intellectual qualities whose configuration is determined by the requirements of a given activity and varies across activity types. Through observation, a person's ability to adapt to new tasks and situations can be evaluated based on the speed of development, quality of achievements, inclination toward the activity, success rate, and the ratio of effort to outcome. The third component is related to personality traits, particularly character. It is impossible to manage an organization without considering the character traits of employees. In forming a personnel reserve, it is essential to assess not only the employee's current capabilities and potential but also how well their personality traits align with the demands of the specific field of activity [6].

Results. This study applies a comparative-analytical method combining empirical psychodiagnostic data (Lie scale, Trustworthiness, Correction, Paranoia, Psychasthenia, Hypomania) with foreign theoretical frameworks on emotional regulation and leadership motivation.The sample included military personnel from command and reserve categories, enabling assessment of their psychoemotional regulation mechanisms**,** volitional control, and adaptive leadership potential.

Data were analyzed using Mann–Whitney U-tests ($p<0.01$) to identify statistically significant differences between active and reserve officers across psychoemotional variables. Qualitative analysis drew upon the Big Five Personality Theory**,** Vroom's expectancy theory, and the Self-Determination Theory (Deci & Ryan, 2000) to interpret volitional and motivational factors. Comparative findings indicate that reserve officers exhibit higher levels of self-correction and self-monitoring ($U=66091$; $p<0.01$), reflecting their heightened need for self-regulation and career mobility. However, this often coexists with psychasthenic tendencies indecisiveness, doubt, and stress vulnerability linked to the uncertainty of hierarchical advancement.

Conversely, active command personnel demonstrate stronger trustworthiness and hypomanic attributes, correlating with leadership self-confidence, emotional activation, and professional resilience. Their adaptive mechanisms are expressed through controlled assertiveness**,** task-oriented communication, and strategic optimism, consistent with research by Bartone & Adler (2000) on “hardiness” as a psychological shield in command performance. The paranoia scale results were elevated among command officers ($U=72644$; $p<0.01$), reflecting heightened vigilance and situational control under conditions of constant responsibility. This aligns with Krueger & McNally (2019)**,** who note that “functional suspicion” in military contexts can act as a compensatory mechanism enhancing operational discipline.

Gender-based comparisons revealed statistically significant differences: female reserve personnel displayed higher results on the Correction scale ($U=233006$; $p<0.01$) and Lie scale ($U=247984$; $p<0.01$), indicating a defensive communication pattern aimed at maintaining social desirability and self-protection. Meanwhile, female command personnel scored higher on Trustworthiness ($U=262806$; $p<0.05$) and Hypomania ($U=264076.5$; $p<0.05$), signifying greater emotional openness, proactivity, and social energy consistent with the transformational leadership model (Eagly & Johannesen-Schmidt, 2001).

These results correspond with the Gender Socialization Theory (Bem, 1993) and research by Krasnova & Kozlov (2018), which emphasize that gender-specific leadership traits such as empathy, emotional intelligence, and collaboration enhance communicative adaptability and morale in mixed military teams.

The conducted comparative analysis reveals that psychoemotional-volitional stability is a determining factor in the effective formation of a military command personnel reserve. Reserve officers demonstrate higher levels of self-monitoring and self-correction, yet face challenges associated with psychasthenic instability and internal pressure for advancement. Active command personnel, on the other hand, exhibit emotional regulation**,** strategic trust, and moderate hypomanic activation, which contribute to effective leadership and command resilience. The results confirm that:

- Leadership efficiency depends on emotional-volitional regulation and metacommunicative competence;
- Gender-specific emotional styles influence command cohesion and adaptability;
- Psychological diagnostics should become an integral part of officer selection and reserve formation programs in modern defense systems.

These findings are consistent with the works of McClelland (1985), Gross (2014), Baumeister (2016), and Bartone (2009) and provide a foundation for developing psychological training modules aimed at improving emotional regulation, volitional strength, and communicative adaptability among officers of public security institutions [7].

Table-1

Results of comparison of personal orientation manifestation among male management and reserve personnel (Mann–Whitney U-test)

Psycho-emotional Indicator	U-value	Significance (p)	Higher Group	Interpretation
Lie Scale	68384 / 247984	$p < 0.01$	Reserve personnel	Defensive communication, avoidance of responsibility
Trustworthiness	72236 / 262806	$p < 0.05$	Active commanders	Integrity, duty reliability
Correction (Self-monitoring)	66091 / 233006	$p < 0.01$	Reserve personnel	Self-control, career motivation

Psycho-emotional Indicator	U-value	Significance (p)	Higher Group	Interpretation
Paranoia (Vigilance)	72644 / 253459	p < 0.01	Commanders	Heightened responsibility and situational awareness
Psychasthenia (Anxiety)	73132 / 259732	p < 0.01	Reserve personnel	Emotional instability, indecision
Hypomania (Activity level)	73905 / 264076	p < 0.05	Commanders	High energy, leadership drive
Hypochondriasis, Depression, Hysteria, Psychopathy, Schizoid		p > 0.05	No difference	Stable baseline

Note: * - p<0,05

The present section compares the manifestation of personal orientation among male managerial officers and male reserve personnel within the military command structure. According to the data, there is a statistically significant difference in the self-orientation scale (U=75619; p<0.05). Higher self-orientation among active managerial staff indicates a stronger motivation for professional self-realization and career advancement through personal growth. This tendency reflects the internalization of efficiency as a dominant value, formed under continuous service conditions and the pursuit of promotion within the organizational hierarchy. Among reserve officers, emphasis on activity and attempts to maintain interpersonal harmony suggest that their professional energy is directed primarily toward social adaptation rather than self-development. As previously discussed, personal orientation has an ideological foundation: it emerges from long-term convictions, moral codes, and individual life philosophies. For career officers, these convictions have been refined through years of military service and function as guiding principles for achieving command authority. For reservists, ideological orientation remains situational connected more to short-term effectiveness than to strategic leadership goals.

Importantly, personal orientation itself does not appear to play a decisive role in performance differences between the two groups. Among men, a preference for self-orientation is typically related to self-preservation motives and the desire for self-presentation within the professional domain. No statistically significant differences were observed on the people-orientation (U=79772.5; p>0.05) or activity-orientation (U=81988.5; p>0.05) scales. This pattern indicates a general introversive behavioral tendency among male participants regardless of role or rank a trait frequently associated with the normative demands of military culture. A statistically significant difference was identified on the activity-orientation scale for female participants (U=266499; p<0.05). Higher scores among female reserve personnel may reflect a life strategy grounded in diligence and conscientiousness, where “wholehearted work” becomes a means of achieving success and social recognition. Within A.N. Leontiev’s activity theory, such behavior represents the alignment of needs and values a dynamic system through which individuals engage with the world and expand their self-understanding.

Hence, for women in the reserve corps, heightened activity orientation signifies motivation toward self-actualization and professional affirmation. Integrating this insight into officer training programs suggests that aligning women’s activity-based needs with managerial skill development and subjective positioning will enhance their readiness for command roles. Empirical and meta-analytic research on gender and cognition indicates persistent, though narrowing, differences in professional and cognitive abilities. Men typically outperform in spatial-analytical tasks, whereas women excel in verbal fluency and memory

retention (Halpern, 2012; Hyde, 2014). However, women often report lower self-esteem despite higher accuracy and task performance, which may stem from socio-cultural conditioning rather than actual ability gaps. These findings underline the necessity for military education and HR systems to implement gender-responsive motivational models that ensure equitable opportunities for leadership development.

Table-2

Summary of Key Findings

Aspect	Executives	Reserve Personnel	Interpretation
Self-orientation	↑	↓	Stronger self-development drive among executives
Activity-orientation (females)	Moderate	↑	Higher self-actualization motives among reserve women
Expressive masculinity	4.8 %	6.8 %	More dominance/assertiveness in reserve males
Androgyny index	85.1 %	61.6 %	Greater flexibility among executives
Expressive femininity	↓	↑	Higher empathy and relational focus in reserves

Societal expectations and implicit cultural biases continue to restrict women's advancement to senior command and research positions, producing institutional asymmetry. To address this, defense organizations must adopt inclusive evaluation standards, eliminate gendered stereotypes, and establish merit-based promotion systems emphasizing competence and performance over conformity to traditional gender roles (Hofstede, 2010; Eagly & Carli, 2007). Empirical results further reveal statistically significant differences in gender-role expression among male cadres. "Expressive masculinity" associated with assertiveness and competitiveness was more frequent among reserve officers (6.8%) than among executive officers (4.8%). This may arise from the peer-based nature of male interaction at lower organizational levels, where communication predominantly occurs within same-gender groups, reinforcing masculine behavioral scripts.

The proportion of traditional masculinity types was higher among reserves (16.2%) than executives (7.1%), reflecting occupational gender role expectations. Conversely, the androgyny index a marker of psychological flexibilitynwas markedly higher among executives (85.1%) compared to reserves (61.6%). This indicates that career officers exhibit situational adaptability, balancing instrumental (task-oriented) and expressive (relationship-oriented) traits. Such dual-orientation enhances leadership efficiency in heterogeneous teams and mixed-gender environments.

Interestingly, reserve male personnel also scored higher on feminine and expressively feminine traits emotional sensitivity, empathy, and relational focus. These behaviors likely stem from routine, repetitive duties and motivation to conclude work promptly to prioritize family obligations. While such motivations foster diligence, they may also reduce innovative engagement and initiative, producing the behavioral pattern colloquially described as "doing only what is required." Overall, executive male personnel exhibited a more balanced combination of masculine and feminine attributes. Their sustained drive for achievement and competitive self-presentation functions as a strong intrinsic motivator, promoting continuous professional engagement. In contrast, reserve officers, lacking comparable stimuli and institutional recognition, tend to underutilize their adaptive potential.

The managerial environment exerts a profound influence on the expression of gender-role behavior. Among executives, androgyny defined as psychological and behavioral flexibility emerges as an adaptive mechanism that enhances command effectiveness and

interpersonal understanding.The coexistence of feminine traits (empathy, cooperation) with masculine ones (assertiveness, decisiveness) suggests a shift in the gender continuum of military leadership, aligning with contemporary concepts of inclusive command culture.

Although these patterns remain within normative psychological limits, they point to the need for individualized leadership development and gender-integrated talent management frameworks. Training programs that cultivate both expressive (emotional-social) and instrumental (strategic-task) competencies will strengthen the formation of resilient, adaptive leadership across both active and reserve corps.

Discussion. Statistically significant differences were observed in the lie scale ($U=247984.5$; $p<0.01$), with higher scores found among women in reserve positions. These individuals tend to demonstrate a strategic inclination toward verbal manipulation as a means of avoiding direct confrontation, effectively using deception as a behavioral tactic to navigate complex workplace situations. In contrast, the trustworthiness scale ($U=262806$; $p<0.05$) revealed higher scores among women in leadership positions. This can be explained by the operation of the principle of collective cooperation in a flexible manner, which is characteristic of female leadership psychology. The ability to instill and express trust serves as a core driving resource in their managerial effectiveness, particularly in personnel selection and team cohesion processes [9].

Significant differences in the correction scale ($U=233006$; $p<0.01$) also favored women in reserve roles, who showed a greater tendency to correct their own mistakes and viewed self-improvement as a pathway to success. They actively worked on personal traits that could hinder progress, perceiving self-regulation as essential to leadership development. Conversely, women in managerial roles displayed relatively lower correction scores, possibly due to a focus on productivity and external results over self-critical reflection, consistent with the proverb, “a hunchback is straightened only by the grave,” implying a lower prioritization of personal flaw correction. Paranoia, defined by goal-orientation and purposeful behavior, was more pronounced among managerial women ($U=253459$; $p<0.01$). Such individuals exhibit high energy and assertiveness in achieving objectives, often disregarding others' interests and prioritizing their own determined goals. These traits manifest in their effectiveness and perseverance in pursuing intended outcomes [10].

Psychasthenia ($U=259732$; $p<0.01$), associated with introspection and deliberation, was more commonly observed among women in reserve. These individuals often hesitate in decision-making, struggle to bear responsibility, and tend to avoid assertive actions to maintain their social image as morally refined women. Their elevated self-criticism, cautiousness, and aversion to risk can lead to an intensified sense of imperfection, especially when exposed to workplace challenges or evaluative scrutiny. In the hypomania scale ($U=264076.5$; $p<0.05$), women in managerial roles exhibited significantly higher levels of elevated mood, high energy, and subjective well-being. This expansiveness enables them to function effectively under pressure and fulfill demanding tasks in high-stakes environments. Their proactive attitude toward social status and personal achievement drives their elevated affect. In contrast, women in reserve roles showed slightly lower hypomanic tendencies, likely due to a more reactive stance toward emancipation and social recognition. The manifestation of gender characteristics among personnel is shaped by the social-psychological mechanisms of gender in contemporary society. Studying the differential-prognostic modeling of gender socialization as a research object reveals how gender features are exhibited by management subjects, as well as the direct positive or negative impact of gender stereotypes on professional performance, and the social-psychological qualities that ensure psycho-emotional stability. This also requires the validation of contributing factors and consequences based on empirical data.

Gender socialization is described as the process of internalizing social norms, rules, and behavioral patterns and integrating into the social environment. Cultural representations of gender roles contribute to the formation of specific attitudes, indicating the position and

social status of women and men in society. The socialization of gender is explored through various theoretical frameworks. Firstly, the psychological orientation (cognitive, neo-behaviorist, and psychoanalytic) perspective is considered. Secondly, the concept of social roles in the process of socialization is examined. Mechanisms of gender socialization include psychoanalytic views, social role theory, and gender structure theory. The theory of gender structure is attributed to S. Bem, who interprets it as a process through which information is transmitted from mother to child. According to O.V. Krasnova and T.Z. Kozlov, gender structures are evident in the life perspectives and interpersonal relations of women and men. Men are generally valued for their professional achievements, whereas women are more frequently appreciated for their reproductive potential [5]. The manifestation of gender attributes in reserve and active management personnel is shaped by their adaptability to the social environment. The factors influencing the professional activity of men and women during the reserve stage were distinctly identified, indicating that the author-developed questionnaire was specifically targeted. This is further validated by the relevance of the research objectives and the significance of the results obtained, which demonstrate consistency with the stated research aim [11].

Conclusion. The results of the comparative analysis reveal that male reserve personnel tend to exhibit higher emotional reactivity, correction tendencies, and psychasthenic traits likely linked to their unstable hierarchical positioning and internal pressure for upward mobility. In contrast, men in managerial roles demonstrated traits such as heightened trustworthiness, controlled presentation, and moderate hypomanic behaviors, which can be seen as adaptive mechanisms for leadership under pressure. Notably, statistically significant differences were observed across several psycho-emotional indicators, including lie scale, trust, correction, paranoia, psychasthenia, and hypomania, while no significant differences were detected in hypochondriasis, depression, hysteria, psychopathy, or schizoid traits. These findings offer critical insights for psychological diagnostics, staff placement, and leadership development programs.

References.

1. Кириллов А.В. Соблюдение принципов управления в кадровом делопроизводстве// Кадровик. 2014. № 9. – 108 с.

2. Кириллов А.В. Уточнение понятийного аппарата в интересах повышения эффективности управления // Экономика и управление. 2013. № 10 (96). – С. 57-58.

3. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие. –СПб.: РГПУ им. Герцена. 1998. – С. 37-40.

4. Свергун О. Управление персоналом: гендерный подход. / О. Свергун // Справочник по управлению персоналом. 2012. № 6. – С. 21-25.

5. Толочёк В.А. Задатки способности – ресурсы в детерминации социальной успешности человека // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. Отв. ред А.Л.Журавлёв, В.А.Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2017. – С. 14-27. 1265-1272 ISBN 978-5-9270-0362-4.

6. Abdullajanova D.S. Kadrlar zaxirasini shakllantirishning ijtimoiy-psixologik mexanizmlari. Monografiya. – T.: “Tafakkur tomchilari”. 2021. – 143 b. [ISBN: 978-9943-7099-1-1]

7. Абдуллажанова Д.С. Влияние управленческих мотивов на активность женщин. Вестник интегративной психологии. Ярославль. Выпуск №24. 2022. –С.11-16.

8. Абдуллажанова Д.С. Социально-психологические критерии формирования психологического портрета при подготовке кадров к инновационно-управленческой деятельности. «Психология». Бухара. Научный журнал. №2, 2022. –С. 37-42.

9. Sattorov E.N. Kadrlar zaxirasi shakllanishi masalasining nazariy asoslanganligi kadrlar bilan ishlashni to‘g‘ri tashkil etishning muhim sharti sifatida/ilmiy maqola / Zamonaviy ta'lim / Современное образование 2021. 4 (101). – B. 86-88.

10. Агеев Н.В. Сплоченность трудового коллектива: управленческий аспект: сборник материалов XIII Международного социального конгресса. М.: РГСУ. 2014. – С 19-72.

11. Леонтьев А.Н. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность// Проблемы научного коммунизма. М.:1968. Вып. № 2. – С. 30-42.

METHODS OF DEVELOPING LINGUISTIC INTELLIGENCE IN STUDENTS WHEN LEARNING ENGLISH

Allanazarova S.
(Urgench, Uzbekistan)

Abstract. *This article highlights the growing demand and need for learning English from foreign languages in the current era of advanced technologies, the penetration of this language into every field, as well as current issues related to the development of English language learning methodology and skills.*

Keywords: *Globalization, advanced technologies, language learning skills, methodology, methodological and technological recommendations.*

Аннотация. *В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с растущим интересом и потребностью в изучении английского языка в эпоху стремительного развития современных технологий, его проникновения во все сферы деятельности, а также методологии и развития языковых навыков, необходимых для эффективного владения английским языком.*

Ключевые слова: *Глобализация, передовые технологии, языковые навыки, методология, методические и технологические рекомендации.*

Introduction. Since the second half of the 20th century, interest in the comprehensive study of the intellectual potential of the individual has increased in psychological and pedagogical sciences. This type of intelligence allows the reader or student to increase vocabulary, deeply understand texts and retell them, and form a logical sequence in the process of thinking.In the era of accelerating globalization on a global scale, the need for learning foreign languages is growing. Among foreign languages, English is the most widespread and studied language.The demand for a language is growing in every field. In particular, the English language is used in the production process, in expanding international cooperation, in the field of education - in the use of foreign sources, in conducting research work in foreign languages, in working in cooperation with foreign journals[5]. As demand increases, students are required to master one foreign language in addition to their native language. This opens up wide opportunities for students. That is, learning a foreign language means communicating with the whole world or traveling abroad, thereby expanding the boundaries of worldview and thinking. Especially knowledge of English by students of higher educational institutions serves as a basis for their personal development and professional development. According to David Crystal, English is widely used today in many areas of the world as a lingua franca, and knowledge of this language is part of global citizenship. Knowledge of a foreign language can lead to international communication or cooperation,

which leads to the development and strengthening of the country both economically and spiritually.

In recent years, large-scale reforms have been carried out in the education system of the Republic of Uzbekistan. In particular, in a number of decrees and resolutions of the President, improving the quality of teaching foreign languages, especially English, and introducing modern pedagogical approaches and advanced information and communication technologies into the educational process are defined as priority areas. This contributes to the formation of students' practical skills in language learning, the development of independent thinking and communication skills. In today's rapidly globalizing world, the English language has become one of the most important tools in the spheres of international communication, education, science, and business. For students, learning English is important not only for mastering a new language, but also for broadening their worldview, understanding new cultures, and professional development. However, each student's language learning ability is different, and individual differences in this process depend on many factors. One of the most important of these is the presence and level of linguistic intelligence. In the process of learning English, it is important to study the student's linguistic abilities and determine their intellectual potential. Linguistic intelligence, that is, language-related mental abilities, is one of the main factors determining the effectiveness of the learning process. This article discusses the psychological classification of linguistic intelligence and its role in learning English.

The term linguistic intelligence was first introduced as an important concept in the theory of multiple intelligences, put forward by psychologist and educator Howard Gardner. According to Gardner, people's mental abilities are not the same, but differently developed in different areas - for example, language, musicality, mathematical-logical thinking, etc. Linguistic intelligence refers to a person's language-related abilities, that is, their ability to understand words, clearly express their thoughts, and read and write.

The role of linguistic intelligence in the process of learning English is very important. Because language acquisition requires not only memorization, but also the analysis of language rules, the expansion of vocabulary, and the correct and logical expression of thoughts. This level of intellect in students manifests itself psychologically differently, and the methods of their study and teaching strategies should also be different.

Therefore, identifying the psychological classification of linguistic intelligence in students allows us to see their abilities, strengths, and weaknesses in the process of language learning. This, in turn, helps teachers personalize lessons and choose the most effective teaching methods for each student.

Main part:

Linguistic intelligence is the ability of a person to clearly, logically, and comprehensibly express their thoughts through speech, to deeply perceive language units and meanings, as well as to analyze literary and scientific texts. This ability develops the communicative potential of the individual, shapes and strengthens his creative thinking. In Howard Gardner's "Theory of Multiple Intelligence," linguistic intelligence is shown as one of the main types of human intelligence; it plays a leading role in all language-related activities, including the process of expressing thoughts through written and oral speech, creating new words and concepts, and forming logical thinking[1]. Vygotsky, in his "Theory of Cultural-Historical Development," substantiates the direct influence of language as a sociocultural tool on human thinking, emphasizing the enrichment of an individual's cognitive processes through the development of speech[2].

Sternberg also analyzes linguistic abilities from the point of view of cognitive psychology, showing their close connection with such skills as logical analysis, understanding of metaphors and analogies, and perception of text structure[3]. In modern research, it is emphasized that the development of linguistic intelligence is directly related to motivation, emotional stability, and creative thinking [4]. As a result, the development of linguistic

intelligence serves to expand not only the communicative, but also the cognitive and creative potential of the individual. In this regard, teaching based on a personal approach, interactive methods, and cultural context is of particular importance in the educational process.

A student can learn foreign languages independently or under the guidance of a teacher. In the current era of advanced technologies, it is possible to learn the language independently using language learning programs, mobile applications, or electronic materials.

The results of this study are of practical importance for improving pedagogical approaches in teaching English, applying modern technologies in the lesson process, as well as increasing students' interest in language and directing them towards independent language learning.

One of the most effective ways to learn foreign languages easily and quickly is through modern textbooks and interactive tools. The practical application of the skills acquired during the lesson leads to the development of language or the expansion of the sphere of communication.

Linguistic intelligence is a person's ability to work with words, understand language, and express thoughts clearly and effectively. This ability encompasses many language-related activities, such as creating speech and written texts, reading, listening, word analysis, and understanding meaning and context. Linguistic intelligence helps a person learn new languages, and also plays an important role in the exchange of ideas and understanding of others through language. According to Howard Gardner's theory of multiple intelligences, linguistic intelligence is one of the main means by which a person masters spoken and written languages. In learning English, this intelligence determines the student's language ability, vocabulary, level of understanding and application of grammar[6].

There are various ways to increase and strengthen linguistic intelligence, which are especially effective in students studying English.

In practice, many students, knowing grammatical rules, cannot freely use the language in real life. This situation requires the improvement, renewal, and revision of methodological approaches in teaching English based on modern requirements. As a result, it is necessary to develop methodological foundations aimed at the effective development of students' skills in learning English and to determine ways to apply them in practice.

Conclusion

This article comprehensively analyzes methodological approaches aimed at developing students' English language learning skills, their theoretical foundations, and practical mechanisms. Low motivation for learning English among students, the lack of formation of a culture of independent learning, a lack of vocabulary and practical exercises are considered the main problems. To eliminate these shortcomings, it is necessary to introduce teaching methods based on modern, interactive, and individual approaches. **Effective** use of information and communication technologies increases students' interest in language, engages them in activities, and allows them to apply language skills in real conditions. In particular, opportunities for independent learning can be expanded with the help of online resources, virtual lessons, mobile applications, and multimedia tools. In addition, the formation of a favorable language environment for learning English in higher educational institutions is of great importance. English language competitions and contests, as well as debates on various topics, increase social and academic activity among students. This, in turn, increases the effectiveness of learning. It is important to regularly monitor the development of students, identify their achievements and shortcomings, and improve the assessment and monitoring system for the development of individual approaches. In the process of learning English, linguistic intelligence is one of the main factors directly influencing the student's success. Linguistic intelligence refers not only to the ability to increase vocabulary and master grammatical rules, but also includes the ability to express thoughts clearly, concisely, and logically, to understand the content in the process of reading and listening. Therefore, determining the level of linguistic intelligence of each student and its

psychological classification is of great importance in organizing the process of language learning based on an individual approach.

The psychological classification of linguistic intelligence in students studying English plays an important role in determining the level of development of language skills. Based on this classification, teachers can develop effective educational strategies, taking into account the individual capabilities of the student. Thus, identifying linguistic intelligence and organizing corresponding lessons increases the success of the language learning process.

Thus, linguistic intelligence is the main foundation in language learning. The development of this intellect in students studying English increases their interest in the language and helps them to express their thoughts fluently.

As noted in the article, there are high, medium, and low levels of linguistic intelligence, and effective teaching methods should be developed for students at each level. This ensures the effectiveness of the educational process and the maximum development of the student's abilities. Also, to develop linguistic intelligence, methods such as reading a lot, writing, communication, increasing vocabulary, language games, and in-depth study of grammar rules should be applied.

In conclusion, it should be noted that the development of students' English language skills is a continuous, systematic, and motivational process, which should include modern pedagogical approaches, technological tools, and interactive methods.

References.

1. Gardner, H. (2011). Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. Basic Books.

2. Vygotsky, L. S. (1978). Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Harvard University Press.

3. Sternberg, R. J. (2003). Cognitive Psychology. Wadsworth.

4. Anderson, J. R. (2010). Cognitive Psychology and Its Implications. Worth Publishers.

5. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Ta’lim-tarbiyada sifat va samaradorlikni oshirish chora-tadbirlari” haqidagi qarorlari va normativ hujjatlari.

6. Farxodova, M. X. (2024). Talabalarda lingvistik qobiliyatni shakllantirishning o‘ziga xos jihatlari. World Scientific Research Journal.

PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE FORMATION OF MATHEMATICAL THINKING AND THEIR ROLE IN EDUCATION

Bobojonov M.
(Urgench, Uzbekistan)

Annotation. *This article provides a detailed analysis of the psychological characteristics of the process of forming mathematical thinking in students. Mathematical thinking is the ability to logically and systematically solve complex and abstract problems, playing an important role in the intellectual development of the individual. The article highlights psychological factors influencing the formation of mathematical thinking based on Howard Gardner’s theory of multiple intelligences, Jean Piaget’s stages of cognitive development, and Lev Vygotsky’s sociocultural theory of development.*

Keywords: *The article analyzes the influence of factors such as math anxiety, motivation, self-confidence, working memory, and attention on this process. It also examines*

the role of an individual approach, teaching methods, family and educational environment, as well as psychological support tools.

Аннотация. *В данной статье подробно проанализированы психологические особенности процесса формирования математического мышления у учащихся. Математическое мышление — это способность логически и системно решать сложные и абстрактные задачи, которая играет важную роль в интеллектуальном развитии личности. В статье освещены психологические факторы, влияющие на формирование математического мышления, на основе теории множественного интеллекта Говарда Гарднера, стадий когнитивного развития Жана Пиаже и социокультурной теории развития Льва Выготского.*

Ключевые слова: *В статье проанализировано влияние таких факторов, как математическая тревожность (math anxiety), мотивация, уверенность в себе, рабочая память и внимание на этот процесс. Рассмотрены роль индивидуального подхода, методики преподавателя, семьи и образовательной среды, а также психологических средств поддержки.*

Mathematical thinking is the ability to logically solve complex and abstract problems, which is the main factor in the intellectual development of the individual. Psychologists like Howard Gardner use the concept of "logical-mathematical intelligence," in which abstract thinking and digital logic play an important role(1). At the same time, it has been found that mathematical anxiety negatively affects students' work performance. However, how these psychological characteristics are formed in young students and how they are interconnected still require intensive scientific research.Mathematical thinking is one of the most important cognitive processes, expressing the individual's ability to solve complex and abstract problems through logical, systematic, and consistent thinking. This type of thinking plays a key role not only in mastering mathematical knowledge, but also in solving problems in a broad sense, developing skills of strategic planning and analytical thinking.Mathematical thinking directly determines such aspects as the level of intellectual development of the individual, their approach to problem-solving, creativity, and cognitive flexibility. In the "Theory of Multifaceted Intelligence," put forward by psychologist Howard Gardner, mathematical thinking is considered in an independent direction as "logical-mathematical intelligence." This direction consists of such components as abstract thinking, digital logic, analogical analysis, problem-solving, and the identification of patterns, and is especially necessary for successful work in the fields of science, technology, engineering, and mathematics (STEM). As Gardner notes, every child is born with natural intellectual abilities, but their development is closely linked to environmental, educational, and psychological factors.However, many psychological studies conducted in recent years show that not only cognitive factors, but also affective, i.e., emotional-psychological states, have a great influence on the formation of mathematical thinking. In particular, mathematical anxiety is a state of nervousness, fear, and distrust that occurs in students when they are engaged in mathematical activities. It forms a negative attitude towards mathematics in the child and reduces their active participation in the lesson. Studies show that this situation negatively affects not only the academic results of students, but also their self-confidence and the development of logical thinking in general.Numerous psychological models, including Boekaerts' motivational theory and Bandura's self-efficacy model, confirm the positive influence of motivation and emotional stability on mathematical thinking. In particular, students' confidence in their knowledge, their social relationship with the teacher, the level of support provided by parents, and fear of assessment have a direct or indirect impact on the development of mathematical thinking.In addition, mathematical thinking in young students is formed at an individual pace. A person's cognitive style (e.g., analytical or synthetic), educational environment, textbook content, and pedagogical approach have a significant impact on this process.

Therefore, in the process of school education, it is necessary to use methods based on an individual approach, taking into account the psychological characteristics of students.

INTRODUCTION

Mathematical thinking and student success. Mathematical thinking encompasses students' ability to think logically, analyze problems, and apply theoretical and practical mathematical knowledge. For psychologists, the formation of this thinking is an important indicator in assessing students' thinking style, cognitive abilities, and the level of academic success.Therefore, in-depth study of mathematical thinking contributes not only to improving the educational process, but also to identifying the individual needs of students and effectively organizing their learning process.Mathematical thinking and cognitive abilities.Working memory and attention are the main cognitive processes in solving complex mathematical problems. For example, to work with numbers and digits, it is very important to memorize temporary information (work memory) and simultaneously focus attention.If a student experiences weak working memory or difficulty concentrating, this reduces their effectiveness in solving mathematical problems. For example, it becomes difficult to memorize long complex operations or complete multi-step tasks.Mathematical thinking and student success(2). Research shows that students with a high level of mathematical thinking achieve high results in mathematics and other natural sciences. They are successful not only in the rapid and effective assimilation of knowledge, but also in the analysis of new information and drawing the right conclusions from it.In addition, individuals with developed mathematical thinking are able to solve problems through logical thinking in complex situations, which is an important factor in achieving success in various spheres of life.The importance of an individual approach. Psychologists and educators develop individual approaches to develop students' mathematical thinking, taking into account their cognitive abilities. For example, games that develop visual or auditory attention, meditation techniques.

Methods for improving memory: Practical exercises, mnemonic techniques (methods that facilitate memorization of information), repetition, and self-testing strengthen students' working and long-term memory.Teaching problem-solving strategies: Students strengthen their mathematical thinking by teaching methods of breaking down the problem into small parts, searching for alternative solutions, step-by-step thinking, and evaluating solutions.Mathematical thinking is not just about cognitive processes; students' attitudes, interest, and self-confidence in mathematics are also very important.Students with mathematical anxiety often have difficulty concentrating and solving problems, which negatively affects their success.

Therefore, increasing students' motivation, encouraging them, and forming a positive attitude towards mathematics are also an integral part of pedagogical approaches. Jean Piaget is one of the most famous developmental psychologists of the 20th century, who developed his theory by deeply studying the intellectual development and formation of thinking in children. In his opinion, children gradually develop their thinking ability, and this development occurs at strict and predetermined stages. At each stage, the child's way of perceiving and understanding the world changes radically.Main stages of Piaget's theory

- Sensory-motor stage (up to 0-2 years old)
- Preoperative stage (2-7 years old)
- Stage of specific operations (7-11 years old)
-Formal operations stage (over 11 years old)
- Basic principles of thinking development

Lev Vygotsky's theory: He expressed the following opinion about the role of social environment and communication in the formation of thinking

Lev Vygotsky - a famous Russian psychologist of the 20th century, who paid great attention to the study of human cognitive development in a socio-vital context. Vygotsky's theory emphasizes the decisive role of the social environment and communication in the formation of thinking and intellect.The main ideas of Vygotsky's theory are development

through social interaction.According to Vygotsky, a child's thinking and learning process primarily arise through interaction with others and the assimilation of their knowledge. New knowledge and skills are formed not by themselves, but in the process of learning together with parents, teachers, or peers. The role of cultural and linguistic means.Language, designation systems, and cultural tools play an important role in the development of thinking. Language is considered not only as a means of communication, but also as the basis of thinking.A child organizes thoughts through language, expresses their knowledge, and thinks in the form of inner speech. Single Development Zone (ZPD - Zone of Proximal Development)This is one of Vygotsky's most important concepts. ZPD is the difference between the range of tasks that a child can solve independently and the range of tasks that they can solve with the help of a leader (with the help of a teacher or an experienced person). For example, a problem that a child cannot solve independently can be solved with the help of a teacher - this is a task located in the ZPD area. The main task in education and upbringing is to expand this zone of development of the child, to transfer additional knowledge and skills to him.Internal speech and thinking According to Vygotsky, a child's external speech gradually transforms into internal speech, which is the main mechanism of internal speech thinking. With the help of inner speech, the child organizes thoughts, solves problems, and makes decisions. The pedagogical significance of Vygotsky's theory Collaborative learning: In the educational process, great attention should be paid to communication, cooperation, and support between the teacher and students. Individual approach: Identifying each child's PSD and providing them with adapted tasks and assistance increases the effectiveness of learning.Development of language and communication: Since the formation of language skills is the basis for the development of thinking, attention to language activities is strengthened in the learning process.Play and activity: Through play and activity, children acquire new knowledge, which serves to develop their thinking.

Conclusion.

Lev Vygotsky's theory emphasizes that the social environment, communication, and cultural tools play a central role in the formation of thinking. With the help of a mentor or a leading person, children expand their zone of development and are able to perform complex tasks. From this point of view, it is important to apply approaches based on cooperation and individual support in the educational process. This theory plays a decisive role in the formation of methods of learning and teaching in modern pedagogy and psychology.

Jean Piaget's theory considers the development of thinking in four stages, and at each stage, the child's thinking style and cognitive capabilities differ radically. This theory substantiates the need for an individual approach to the educational process, teaching students in accordance with their age characteristics. At the same time, Piaget's main ideas remain important in modern pedagogy and psychology.

There is a close connection between mathematical thinking and student success. Psychological research shows that it is possible to improve students' academic performance by developing cognitive processes based on mathematical thinking and taking into account emotional factors. Therefore, it is very important to develop and apply special methods in the educational process, taking into account individual characteristics and psychological states.

References.

1.Gardner, H. (1983). Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. Basic Books.

2.Ashcraft, M. H. (2002). Math anxiety: Personal, educational, and cognitive consequences. *Current Directions in Psychological Science, 11(5), 181-185.*

3.Schoenfeld, A. H. (1992). Learning to think mathematically: Problem solving, metacognition, and sense-making in mathematics. In D. A. Grouws (Ed.), Handbook of research on mathematics teaching and learning (pp. 334-370). Macmillan.

4.Krutetskii, V. A. (1976). *The Psychology of Mathematical Abilities in Schoolchildren*. University of Chicago Press.

5.Gardner, H. (1999). *Intelligence Reframed: Multiple Intelligences for the 21st Century*. Basic Books.

6.Ma, X. (1999). A meta-analysis of the relationship between anxiety toward mathematics and achievement in mathematics. *Journal for Research in Mathematics Education,* 30(5), 520-540.

7.Boekaerts, M. (1999). Self-regulated learning: Where we are today. *International Journal of Educational Research,* 31(6), 445-457.

RECONFIGURATION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOTECHNOLOGICAL FACTORS INFLUENCING THE ROTATIONAL ADAPTATION OF MILITARY PERSONNELS

Ikmatullaev G. Z.
(Tashkent, Uzbekistan)

Annotation. *Assessing the professional competence of military personnel is a key task for human resource specialists in the defense sector. In modern military organizations, evaluating the professional competence of service members during personnel rotation is a critical aspect of effective personnel management and organizational development. It is essential for the military system to possess reliable and valid tools for assessing the professional competence of its personnel. The theoretical analysis presented in this study demonstrates that, while various general models for competence assessment exist, the unique conditions of military service particularly during personnel rotation require the application of specialized assessment methods to prevent management errors and ensure optimal assignment decisions. The article describes the results of empirical research on the reconfiguration of socio-psychological and psychotechnological factors influencing the rotational adaptation of military personnels.*

Key words: *large families, interpersonal relations, family environment, trustworthiness, comparison of marriages, external evaluation of marriages, attitude to children, balance in communication.*

Аннотация. *Оценка профессиональной компетентности военнослужащих является одной из ключевых задач специалистов по управлению персоналом в сфере обороны. В современных военных организациях оценивание профессиональной компетентности личного состава в процессе ротации кадров выступает важнейшим направлением эффективного управления персоналом и организационного развития. Для военной системы крайне важно иметь надёжные и валидные инструменты оценки профессиональной компетентности военнослужащих. Проведённый теоретический анализ показывает, что, несмотря на наличие различных общих моделей оценки компетенций, специфика военной службы, особенно в условиях ротации кадров, требует применения специализированных методов оценки, позволяющих избежать управленческих ошибок и обеспечить оптимальное принятие кадровых решений. В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвящённого реконфигурации социально-психологических и психотехнологических факторов, влияющих на ротационную адаптацию военнослужащих.*

Ключевые слова: *социально-психологические факторы, психотехнологические факторы, ротационная адаптация, профессиональная компетентность, управление персоналом, военная психология, организационное развитие, психологическая устойчивость, адаптационные механизмы, стрессоустойчивость.*

In modern military organizations, personnel rotation represents a complex psychological and managerial process that demands high levels of adaptability from service members. Frequent relocations, changes in command structures, and exposure to new social environments increase stress, disrupt habitual coping patterns, and influence professional performance. Therefore, identifying and reconfiguring socio-psychological and psychotechnological factors that enhance rotational adaptation has become a key direction in contemporary military psychology. Previous research has primarily focused on the physiological and operational aspects of adaptation, while the socio-psychological dimension including motivation, value orientation, and interpersonal relations remains insufficiently explored. The integration of psychotechnological methods such as psychological diagnostics, digital feedback systems, and cognitive-behavioral training creates new possibilities for supporting service members during the adaptation cycle. The novelty of this research lies in the adaptation and use of a professional competence assessment model specifically designed for military personnel undergoing rotation. This model allows HR managers and commanding officers to make informed decisions regarding the appointment of service members to new posts, ensuring that their competencies align with the requirements of equivalent or higher positions. The practical significance of this study is considerable. The proposed tools enable the systematic evaluation of military personnel for appointment or transfer to equivalent or higher positions, whether within their current units or at new duty stations. Based on the assessment results, a comprehensive rotation and career development plan can be developed for each service member. This approach contributes to achieving higher levels of professional effectiveness, career satisfaction, and operational readiness, thereby strengthening the overall human resource potential of the armed forces [1].

The work of law enforcement officers is associated with high intellectual, physical, and psycho-emotional demands and is often carried out under stressful, extreme, and emergency conditions. All of the above determines, on the one hand, the need for high-quality professional and psychological selection of candidates for service, and on the other hand the continuous implementation of a comprehensive program of psychological support for personnel in order to prevent the development of negative mental states among employees.

The formation and development of the departmental psychological service has undergone a long evolution, beginning in 1971, when a comprehensive candidate assessment program was first introduced for recruitment, and continuing to the present day, when psychological work, in addition to selection, includes a wide range of preventive, corrective, counseling, training, and other activities. It should be noted that, despite the significant expansion of the areas of activity of psychologists in internal affairs bodies, the departmental psychological practice like any living system does not remain static but is in a state of constant improvement, expressed in the development and implementation of modern psychotechnologies for working with personnel, which primarily meet the needs and demands of everyday professional practice. Theoretical and methodological foundations of psychological work in internal affairs bodies are being developed by well-known Russian scholars such as Yu.P.Zinchenko, A. V.Yurevich, P.A.Korchemny, and S.L.Kandybovich. Significant contributions to the development of departmental psychology have also been made by M.I.Maryin, I. O. Kotenev, V.L.Tsvetkov, S.N.Fedotov, and A.F.Karavaev. At the same time, the existing system for organizing psychological work in internal affairs bodies,

along with positive practical experience, scientific research developments, and a normative legal framework, still contains certain contradictions and shortcomings [2].

One of the most significant and large-scale areas of psychological work in law enforcement agencies is the organization and implementation of professional psychological selection of candidates for service, trainees during their probationary period, and employees undergoing transfers, appointments to managerial positions, or inclusion in the personnel reserve. The socio-psychological study of personality within the framework of professional psychological selection includes several stages of assessment, such as psychological testing and diagnostics, individual interviews, and special psychophysiological examinations (including polygraph testing) aimed at identifying personal and professional qualities necessary for successful service performance, as well as detecting risk factors for deviant behavior. A comprehensive evaluation of an employee's personal characteristics helps forecast the potential success of their future professional activities [3].

Modern systems of psychological selection in law enforcement are based on integrated models of personal and professional development, combining psychological diagnostics, psychophysiological testing, and expert evaluation. This multi-level approach allows psychologists and HR specialists to make balanced personnel decisions and improve the quality of human resources management across all levels of the organization. Psychologists play an active role in assessing candidates for leadership positions and in forming personnel reserves at various levels. In this process, innovative psychotechnologies are applied to comprehensively evaluate management potential, emotional intelligence, and decision-making style. The results of such assessments help ensure that only employees with adequate managerial competence, developed psychological and pedagogical culture, and professional authority are appointed to leadership roles. It is not enough to simply recruit suitable candidates who meet the highest standards. It is also necessary to provide continuous psychological support of professional activities creating an internal environment that promotes employees' professional growth, moral stability, and the formation of value orientations consistent with the mission and objectives of law enforcement service [4].

During this process, psychologists conduct ongoing psychodiagnostics as part of personnel evaluation, reappointment, contract renewal, and assessment of professional competence development. These diagnostics target emotional-volitional regulation, motivation, cognitive abilities, stress resistance, and communicative competence. The results are used to develop individual recommendations for personnel management and to prevent destructive or suicidal behavior, burnout, or violations of discipline and legality. Special attention is given to studying and assessing the socio-psychological climate and moral-psychological state within work units. This includes the analysis of intra-group processes, levels of conflict, team cohesion, satisfaction, leadership authority, and management style [5].

The data obtained are used to design programs for improving interpersonal relations, optimizing team structures, and resolving conflicts. Such measures should involve both employees and leaders, often through organizational consulting on management and personnel regulation. Timely detection of team problems enables corrective action to restore a healthy working atmosphere and prevent performance decline. Special psychophysiological assessments including polygraph testing are carried out not only during candidate selection but also during internal investigations concerning disciplinary violations or misconduct. These measures help identify behavioral risks and detect signs of psychological instability or unlawful behavior. An equally important area of psychological work is assisting newly appointed employees and academy graduates during their social and psychological adaptation to the operational environment. Psychologists provide guidance to help them integrate effectively into the service structure and cope with stress associated with new responsibilities [6].

Developing professional competencies among employees is one of the key objectives of psychological support. This is achieved through a variety of methods, including:

1. Psychological support of educational and ethical programs promoting discipline and integrity;
2. Enhancement of psychological and pedagogical competence among managers and HR specialists;
3. Training sessions on applied psychological topics within professional development programs;
4. Active social-psychological training, including the development of cognitive skills, communication competence, conflict management, team cohesion, emotional self-regulation, and leadership;
5. Special psychological preparation for work in high-stress and emergency conditions, including personal safety and operational stress management;
6. Psychological education and awareness-raising activities to promote mental health and resilience;
7. Providing psychological insights and recommendations to managers to improve leadership and personnel management practices [7].

These activities aim to develop a comprehensive set of professional, moral, and psychological qualities that ensure operational readiness and effective performance in challenging conditions. Recent practice has demonstrated that many socio-psychological issues among employees are more effectively prevented than corrected. Consequently, psychological prevention plays a crucial role in daily operations. Preventive work focuses on maintaining and restoring psychological health, preventing maladaptation, emotional exhaustion, post-stress reactions, professional deformation, suicidal tendencies, and deviant behavior [8].

Psychological counseling is provided to help resolve personal, family, interpersonal, and professional difficulties. Counseling involves analyzing underlying causes, exploring coping strategies, and supporting the client through the process of overcoming complex life or work situations. In operational contexts, psychological consultations also assist in:

- Considering psychological aspects of field operations, including behavioral profiling;
- Predicting socio-psychological processes during public order and security operations, and identifying individuals with deviant or unlawful intent;
- Developing negotiation strategies and crisis communication skills, including during hostage or critical incidents [9].

Psychological correctional work is also widely used it involves targeted influence aimed at modifying specific psychological structures to ensure optimal functioning and personal development. Such interventions may address low self-esteem, insecurity, maladaptive behavior, family or interpersonal difficulties, and stress-related exhaustion. Given that law enforcement activities often involve risk, stress, and exposure to traumatic events, it is essential to provide psychological rehabilitation to personnel following participation in high-risk operations or critical incidents, including those involving casualties or the use of force. A key task for psychologists is the early identification of personnel at psychological risk and their inclusion in groups requiring increased psychological and pedagogical attention. Individualized interventions are then carried out to address specific psychological difficulties. Throughout all stages of psychological work, psychologists engage in methodological research and development, which includes selecting effective psychotechnologies, preparing psychological conclusions, and providing analytical reports and recommendations that reflect the outcomes of psychological interventions.

Methodological work includes:

- Developing professional-psychological profiles for various positions and constructing models of successful professionals;

- Supporting career guidance and shaping a positive public image of law enforcement institutions;
- Preparing recommendations for personnel placement and team compatibility;
- Providing strategies to optimize performance, improve team dynamics, and strengthen leadership practices;
- Developing post-crisis recovery protocols and preventive measures for managing the psychological consequences of emergencies.

The effectiveness of psychological work depends on a systemic, integrated, and multimodal approach that combines psychodiagnostics, prevention, intervention, and development. Promising directions for improving psychological services in law enforcement include:

- Establishing clear competency matrices for assessing professional success;
- Developing diagnostic tools tailored to specific occupational demands;
- Introducing innovative psychotechnologies at every stage of service;
- Strengthening the scientific and methodological base and ensuring ongoing professional development for psychologists;
- Enhancing the organizational status and effectiveness of psychological units;
- Expanding material and technical resources, creating information databases, and developing automated systems for psychological support;
- Applying psychological knowledge to crime prevention, investigation, and public safety.

These objectives can only be achieved by highly qualified specialists trained in modern psychological and psychotechnological methods. Therefore, continuous professional development, advanced training, and research-based practice are essential priorities for institutional psychological services [8].

Psychological services in law enforcement agencies responsible for selection, support, and rehabilitation of personnel are in a state of constant development. The main areas of psychologists' activity include professional-psychological training, psychological prevention, support for personnel management, and participation in crisis resolution and operational tasks. The wide range of psychological activities demonstrates both the versatility and the growing significance of psychological support systems in enhancing the effectiveness, resilience, and professionalism of law enforcement officers in contemporary conditions. During the initial phase of rotational adaptation, service members often encounter various barriers that hinder effective adjustment to new professional, social, and environmental conditions. The purpose of this study is to identify these barriers and propose methods to overcome them in order to maintain optimal psychological stability and professional performance during personnel rotation. Adaptation barriers in the military context are multifaceted, reflecting the complex interaction between cognitive, emotional, physiological, and socio-psychological systems of the individual. The effective management of these barriers is a decisive factor in ensuring operational readiness and sustaining motivation throughout a rotation cycle. The operational-didactic barrier is one of the most significant, emerging when service members (81%) struggle to adapt to new tasks, command requirements, and operational systems that differ from those in their previous deployment or unit. Personnel who lack sufficient prior experience or preparation often experience difficulties mastering unfamiliar technologies, communication protocols, or command expectations. This leads to decreased performance, misunderstandings with superiors, and reduced cognitive engagement. About 15% of service members exhibit lowered self-esteem, expressing sentiments such as, "I can't adjust to the new unit… maybe I'm not fit for this environment…" Overcoming this barrier requires targeted professional-psychological interventions, including mentoring conversations, leadership support, adaptation briefings, and structured professional learning sessions. These help service members to reinterpret their experience within a new professional framework and to regain confidence and motivation. Psychological

barriers to adaptation are linked to emotional instability, communication difficulties, and insufficient stress tolerance. In approximately 25% of personnel, these manifest as reduced concentration, decreased motivation, or impaired decision-making. Low levels of internal motivation and poorly developed coping strategies often result in decreased discipline, irritability, and resistance to new team structures. These patterns are closely related to the formation of professional identity with motivation typically improving by the middle of the rotation cycle and declining near its end (observed in 37% of cases). To overcome such barriers, it is essential to implement psychoregulatory programs, including training in emotional control, cognitive reframing, stress management, and social communication exercises aimed at improving empathy, teamwork, and interpersonal understanding. Physiological barriers are associated with maintaining internal psychophysical balance in changing living and working conditions such as climatic shifts, dietary changes, altered sleep schedules, or prolonged physical strain during deployment. In the first months of rotation, up to 90% of service members may experience temporary health disruptions, fatigue, or sleep deprivation; by the mid-cycle, this number typically declines to 40-45%. These barriers can be minimized through preventive physical and medical programs including endurance training, regulated nutrition, restorative sleep schedules, and regular medical monitoring. Physical training programs and recovery protocols are critical to maintaining homeostasis and ensuring that physiological strain does not develop into chronic maladaptation [9].

Socio-psychological barriers are among the most complex and affect long-term adaptation outcomes. These include:

- Separation from family and habitual social support systems;
- Necessity to form new interpersonal relationships within a unit;
- Integration into a team with different cultural or regional backgrounds;
- Adjustment to a new leadership style and communication hierarchy.

In rotational settings, between 50% and 70% of personnel report moderate difficulty establishing new social connections, and about 15% experience interpersonal conflicts during the first adaptation phase. Despite the challenges, the presence of socio-psychological barriers can serve as a developmental factor, strengthening resilience, improving communication competence, and enhancing collective cohesion provided that they are managed through timely psychological monitoring, counseling, and social training programs. Moderate adaptation barriers play an important stimulating role, helping personnel develop endurance and stress resilience. However, when left unmanaged, these same barriers may evolve into chronic stress and lead to burnout or disadaptation. The central task of military psychologists is to ensure that adaptation stress remains within an optimal, productive range preventing maladaptive reactions while fostering personal growth, professional motivation, and psychological stability. Through the integration of psychodiagnostic evaluation, psychotechnological interventions, and continuous psychological monitoring, it becomes possible to manage rotational adaptation effectively and ensure that service members maintain both mental well-being and professional efficiency throughout their deployment cycle.

These findings reflect the heterogeneity of neuropsychological and emotional states among the participants, confirming that individual differences in self-regulation and stress resistance are significant during the process of rotational adaptation. The deviation from normal distribution on both the Sincerity Scale and the Neuropsychological Instability Scale indicates that service members exhibit uneven levels of emotional openness, neuropsychic stability, and stress tolerance, which are influenced by their personal experience, length of service, and exposure to situational stressors.

From a psychological standpoint, the elevated Z-scores demonstrate that a subset of personnel experience transient neuropsychological tension, manifested in emotional fatigue, irritability, or decreased cognitive efficiency-typical symptoms during the initial phase of adaptation to new professional environments. Such patterns may be interpreted as adaptive

fluctuations in the nervous system functioning, reflecting the organism's efforts to achieve a new psychophysiological balance under changing service conditions. Importantly, these results confirm that rotational adaptation is a dynamic and individually differentiated process, dependent on both personality stability and environmental demands. Therefore, maintaining psychological resilience requires continuous monitoring, preventive interventions, and psychoregulatory training aimed at strengthening self-control, emotional awareness, and coping flexibility. In practical terms, the "Prognosis" psychodiagnostic tool proves to be a valuable instrument for early detection of neuropsychological instability among military personnel. Regular application of this assessment within rotation cycles allows military psychologists to anticipate maladaptive reactions, implement timely psychological support, and enhance overall operational efficiency and mental readiness of service members.

Table-1

Verification of the Compliance of the "Prognosis" Psychodiagnostic Method for Identifying Individuals with Neuropsychological Instability with the Normal Distribution Law (According to the Kolmogorov–Smirnov Criterion)

Scales	Kolmogorov-Smirnov Z	p (reliability level)
Sincerity Scale	2,5	**0,000*** **
Neuropsychological Instability Scale	3,9	**0,000*** **

***- p<0,01.*

This result substantiates the need to apply non-parametric statistical methods, since the respondents' psycho-emotional stability is not distributed linearly and their psychological state directly depends on individual experience, service conditions, the intensity of the rotational process, and the level of stress load. During the period of rotational adaptation, military personnel are exposed to various socio-psychological pressures: a new duty location, new command structure, new team environment, climatic and cultural differences, separation from family, and increased responsibility. As a result of these factors, it is natural to observe certain signs of neuropsychological instability, since both the body and the psyche simultaneously undergo processes of physiological, social, and cognitive adjustment to new conditions. Thus, the high *Z*-scores identified through the "Prognosis" psychodiagnostic method confirm that the psychological stability of military personnel under rotational conditions is a dynamic and variable system. This finding provides several scientific implications for military psychologists:

In the next stage of analysis, and in accordance with the objectives of our research, the "Prognosis" Psychodiagnostic Method was applied to assess neuropsychological instability among military personnel. A significant difference was found between the groups of respondents on the Neuropsychological Instability Scale ($H=10.13$ $p \leq 0.01$). This can be explained by the fact that cadets are in an active phase of adaptation to the new conditions of military and academic training. The novelty and intensity of educational and physical demands, which often exceed their expectations, trigger temporary emotional strain and heightened self-control mechanisms. They tend to perceive success as achievable only through the full internalization of professional and disciplinary requirements, which creates an additional cognitive-emotional load during early adaptation stages.

Conversely, officers exhibited lower levels of neuropsychological instability compared to other groups. This finding reflects their greater psychological resilience and familiarity with the structure and rhythm of military service, as well as the acquired ability to regulate emotional and physiological responses to daily operational stressors. The result suggests that prolonged professional experience contributes to a stabilized emotional and cognitive adaptation system, allowing officers to function effectively under routine and high-pressure conditions alike.

Further analysis using the Multilevel "Adaptability" Personality Inventory (A.G.Maklakov & S.V.Chermyanin) confirmed deviations from the normal distribution based on the

Kolmogorov-Smirnov test, with the following results: Sincerity Scale (Z=2.757*;* p≤0.01), Emotional Stability Scale (Z=4.465; p≤0.01), Communicative Competence Scale (Z=2.915; p≤0.01), Moral Normativity Scale (Z=4.155; p≤0.01), Adaptive Capacity Scale (Z=2.164; p≤0.01). The fact that 100% of the results corresponded to non-parametric criteria indicates that adaptability, emotional regulation, and communicative behavior are non-linearly distributed among military personnel. This reflects a wide range of individual adaptation strategies within the context of personnel rotation. From a psychological standpoint, the observed deviations confirm that rotational adaptation is a multidimensional and dynamic process involving both individual personality traits and situational environmental influences. High results on the Emotional Stability and Moral Normativity scales indicate that most service members possess strong moral self-regulation and ethical commitment, which act as stabilizing factors under stress. Lower adaptability scores observed in a small proportion of respondents may indicate difficulties in adjusting to new hierarchical structures, team dynamics, or command expectations during reassignment.

These findings reinforce the notion that rotational adaptation requires continuous psychological monitoring, as individual responses to new conditions vary significantly across professional categories and depend on the duration and intensity of exposure to operational stressors. Overall, the integration of the “Prognosis” and “Adaptability” diagnostic tools demonstrates that rotational adaptation among military personnel is not a uniform process but rather a flexible psychological system characterized by individual differences in emotional regulation, adaptability, and cognitive readiness. Officers’ lower neuropsychological instability reflects a mature adaptive mechanism, while cadets’ higher tension levels represent transitional adaptation reactions to novel environmental and disciplinary conditions. Recognizing these distinctions enables military psychologists to design targeted psychodiagnostic and psychoregulatory interventions, strengthening resilience, communication skills, and adaptive efficiency during personnel rotation.

References.

1. Ульянина О.А. Психологические подходы к реализации компетентностной модели подготовки специалистов в образовательных организациях высшего профессионального образования МВД России: монография. Омск, 2017. 218 с.

2. Шаповал В.А., Кобозев И.Ю., Золотенко В.А. Психологическая работа с личным составом органов внутренних дел. Организация психологической службы в органах внутренних дел. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. 240 с.

3. Ikmatullayev G‘.Z. Harbiy xizmatchilar professional adaptatsiyasining o‘ziga xos jihatlari. Jamoat xavfsizligini ta’minlashda harbiy xizmatchilarning psixologik o‘zini-o‘zi boshqarish muammolari: nazariya va amaliyot/ Respublika ilmiy-amaliy konferensiya. – Toshkent, 2025. – B. 11-14.

4. Ikmatullayev G‘.Z. Ijtimoiy muhit harbiy xizmatchilarning xizmat faoliyatiga psixologik moslashuvchanligida dinamik omili sifatida. Jamoat xavfsizligi ilmiy-amaliy jurnali. ISSN 2049-3630– Toshkent, 2025. №1 – B. 86-90.

5. Ладанов И.Д. Психология управления рыночными структурами: преобразующее лидерство / И.Д. Ладанов. - М.: УЦ «Перспектива», 1997. - 288 с.

6. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. - М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. - 256 с.

7. Хяюринен Ю.П. Некоторые проблемы лонгитюдинального исследования жизненного пути и профессионального карьеры / Ю.П. Хяюринен // Психология личности и образ жизни. - М.: Изд-во «Наука», 1987. - С. 166-172.

8. Hall D.T. Psychological success and the boundaryless career / D.T. Hall, P.H. Mirvis // Journal of Organizational Behavior. - 1994. -Vol.15. - P. 365-380.

9. Schein E.A. A critical looc at current career development theory and research / E.A. Schein // Career development in organization: San-Francisco, CA, 1986. - Pp. 76-87.

THE EFFICIENCY OF A COURSE DESIGNED TO HELP ENGLISH LANGUAGE TEACHERS IMPROVE THEIR PEDAGOGICAL SKILLS

Ikramova M. A.
(Bukhara, Uzbekistan)

Abstract. *The effectiveness of this article was demonstrated by significant changes observed in teachers' pedagogical activities, as well as by the positive results manifested in the educational process.*

Keywords: *psychological competence, social perception, reflex, stress, aggression, altruism, social courage, social maturity, socio-psychological competence.*

Аннотация. *Эффективность данной статьи была продемонстрирована значительными изменениями, наблюдаемыми в педагогической деятельности учителей, а также положительными результатами, проявившимися в образовательном процессе.*

Ключевые слова*: психологическая компетентность, социальное восприятие, рефлекс, стресс, агрессия, альтруизм, агрессия, социальная смелость, социальная зрелость, социально-психологическая компетентность.*

Introduction. In today's rapidly evolving educational landscape, the role of English language teachers extends far beyond teaching grammar and vocabulary. Effective English teaching requires a deep understanding of pedagogy—strategies, methodologies, and approaches that foster meaningful learning. To enhance teaching quality and student outcomes, professional development programs focused on pedagogical skill development are essential. This article examines the effectiveness of such programs in improving the teaching practices of English language educators.

The Need for Pedagogical Development

While many English language teachers possess strong linguistic proficiency, they often lack formal training in pedagogical methods. Without this foundation, even the most fluent speakers may struggle to engage learners, differentiate instruction, or assess progress effectively. This gap underscores the need for structured programs that build pedagogical competence alongside language mastery.

During the program, teachers' level of pedagogical mastery was evaluated based on the following factors: motivational abilities, emotional stability, self-organization skills, reflection, and communication skills. A significant difference was observed between the teachers' initial and final results based on these factors.In particular, the training sessions, practical exercises, and psychological support activities conducted during the program helped develop teachers' abilities to cope with stress, plan their activities thoroughly, organize the lesson process creatively, and adapt to students' needs. An important factor determining the effectiveness of the program was its foundation on innovative approaches. The training sessions aimed at developing pedagogical skills were designed to identify and address shortcomings in the teaching process, helping teachers enhance their self-awareness and self-management skills during lessons.

In addition, the program included special sessions aimed at developing psychological flexibility to resolve stress and emotional issues that may arise during the teaching process.

Program Overview

Programs aimed at improving pedagogical skills typically include:

- Workshops and Training Sessions: Covering topics such as student-centered learning, communicative language teaching (CLT), classroom management, and assessment strategies.
- Mentorship and Peer Collaboration: Encouraging reflective practice through observation, feedback, and shared experiences.
- Technology Integration: Training in the use of digital tools to enhance language instruction.
- Ongoing Evaluation: Assessing both teacher progress and student outcomes to measure the program's impact.

Measuring Effectiveness

The effectiveness of such programs can be evaluated through a combination of qualitative and quantitative measures:

1. Improved Teacher Performance

Post-program assessments often show that teachers demonstrate stronger lesson planning, more dynamic classroom delivery, and a better understanding of how to tailor instruction to diverse student needs.

2. Increased Student Engagement

Students in classrooms led by trained teachers report higher levels of participation, motivation, and satisfaction with learning.

3. Enhanced Learning Outcomes

Standardized test scores and classroom assessments frequently reveal improvements in student language acquisition as a result of more effective teaching.

4. Teacher Confidence and Motivation

Teachers who undergo pedagogical training often report feeling more confident, inspired, and committed to continuous improvement.

Case Studies and Evidence

Several studies and pilot programs have illustrated the positive impact of pedagogical training:

- In Uzbekistan, a government-backed initiative to improve English language education saw notable gains in teacher effectiveness after a year-long development program.
- A British Council report highlighted that teachers who received structured pedagogy-focused CPD (Continuing Professional Development) were more likely to adopt communicative methods and receive higher student performance ratings.

Methodology. Researching the elements influencing foreign language instructors' development of professional competence is crucial in this respect. This perspective led to the use of R.B. Cattell's "Study of personality using 16 factors" questionnaire to ascertain the function and significance of personality traits in the growth of foreign language instructors' professional competence.

It is well known that the "Study of personality with the help of 16 factors" questionnaire by R. Kettell is particularly significant since it attempts to elucidate an individual's psychological traits. One of the first Western psychologists to use personality psychology was the survey's author. Our goal was to investigate the character attributes of foreign language instructors from the perspective that the.

This perspective led to the use of R.B. Cattell's "Study of personality using 16 factors" questionnaire to ascertain the function and significance of personality traits in the growth of foreign language instructors' professional competence.

It is well known that the "Study of personality with the help of 16 factors" questionnaire by R. Kettell is particularly significant since it attempts to elucidate an individual's psychological traits.

In our study, six of the factors contained in the questionnaire are of a clinical nature, so we found it necessary to use only ten factors. The factors we used are important because they are aimed at highlighting the psychological characteristics of a person. By evaluating the indicators of these ten factors, it was adapted to the general purpose of the research from the point of view of being able to evaluate the characteristics related to the former social intelligence in the personality of foreign language teachers. This methodology has been widely used in the studies conducted before our research. This helped us in our application as a psycho-diagnostic method that serves to provide objective scientific information for practice. The methodology was applied to the research object like previous methodologies. Below we will analyze the results of the survey in general and specific cases in detail (see Table 1).

Conclusion.

The development of pedagogical skills among English language teachers is a critical factor in enhancing educational quality. Programs that focus on this development have proven effective in improving teaching practices, increasing student engagement, and fostering a culture of professional growth. As English continues to be a global lingua franca, the importance of such initiatives cannot be overstated. For sustainable improvement, ongoing investment in teacher development must remain a top priority.

Table 1

General indicators of the manifestation of personality traits in foreign language teachers

	Factors	**X**	**y**
Questionnaire "Study of personality using 16 factors". (RB Cattell)	Propensity to communicate (A)	5,28	1,61
	Emotional Stability (S)	5,20	1,76
	The Quest for Dominion (EU)	5,34	1,57
	Social Maturity (Qr)	5,31	1,52
	Social courage (N)	5,56	1,61
	Reliability (J)	5,06	1,68
	Confidence (Q)	5,11	1,58
	Independence (Q2.)	5,66	1,74
	Self-control (Q3.)	5,58	1,67
	Calmness (Q4.)	5,25	2,01

Dominance drive (UE) (5.34±1.57). This level of the factor indicates that foreign language teachers are susceptible to the influence of people around them, take into account the demands of others, are not aggressive in protecting their right to independence, and at the same time, they have a tendency to freely interact with the college management.

Social maturity (Qr) (5.31±1.52). This level of this factor means that foreign language teachers take life and work lightly, do not feel responsible, and are not completely free from feelings such as lack of thrift, but this does not mean that their "Self-concept" is negative, but rather the ability to control their behavior and is the result of insufficient determination. They have a position as individuals who seek to recognize universal human values and adhere to moral rules.

Social boldness (N) (5.56±1.61). Such a value indicates that foreign language teachers are sufficiently skilled, can communicate freely with people, overcome difficulties in dealings, and do not lose their temper when faced with unexpected situations.

Reliability (J) (5.06±1.68). This indicator of the reliability factor allows foreign language teachers to rely on reason in solving professional activities and life issues, thereby achieving effectiveness in their work.

Self-confidence (Q) (5.11±1.58). This level of the factor makes foreign language teachers self-confident, able to manage failures, correctly assess the happenings and give an appropriate response to them, and create confidence in their own abilities. Although they do not have a tendency to self-deprecation, they have a somewhat high level of quickness and sensitivity. They should try to strengthen their confidence and pay special attention to improving their professional qualities.

Independence (Q2.) (5.66±1.74). While foreign language teachers prefer to do everything themselves, they also listen to the recommendations and suggestions of others. They want to be independent, to rely on those around them, and to support them. Their independence ensures that their activities are effective. Self-control (Q3.) (5.58±1.67). The indicator is that foreign language teachers are persistent in fulfilling social and moral norms, in most cases they act in an orderly and planned manner. However, they do not always overcome difficulties and finish the work they started. If they can organize their activities effectively, it is better for them to pay more attention to self-control anyway.

Manifestation of indicators of this factor indicates that foreign language teachers are somewhat stressed and tend to be more nervous due to the large number of needs.

Avoidance and tension from complex goals are primarily the result of professional activity, which, in turn, is influenced to a certain extent by the characteristics of temperament types.

List of references.

1. Abulkhanova K.A. Social Thinking of the Individual // Modern Psychology: Current State and Research Perspectives. Part-3 – Social Representations and Individual Thinking. – Moscow: Institute of Psychology RAS, 2002 – pp. 88-103.

2. Ananyev B.G. Intellectual Activity and Thermoregulation // Adult Developmental Psychology. Conference Proceedings. – Leningrad: 1991. – pp. 75-84.

3. Bederkhanova V.P. On Social Perception in Connection with the Use of Role-Playing Games in Professional Pedagogical Training // Theoretical and Applied Problems of Psychology of People's Knowledge of Each Other. – Krasnodar: 1975. – pp. 232-233.

4. Beznosov S.P. Professional Deformation and Personality Development // Psychological Support for Social Development of the Individual. – Leningrad: 1989. – pp. 69-74.

5. Sobirova D.A. The Concept of Development of Socio-Psychological Competence in the Activities of Medical Personnel. Bukhara: "Durdona", 2020 – pp. 96.

THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COMMUNICATION AMONG INDIVIDUALS WITH A HIGH LEVEL OF SUBJECTIVE CONTROL

Isanova N.H.
(Bukhara, Uzbekistan)

Abstract. *This article explores the socio-psychological characteristics of communication among individuals with a high level of subjective control. It examines how the degree of internal (subjective) control influences interpersonal interaction, emotional regulation, and communication effectiveness. People with a high level of subjective control tend to demonstrate greater self-confidence, responsibility, and autonomy in social relationships, which affects their ability to manage conflicts, build trust, and maintain psychological stability in communication. The study highlights the relationship between the internal locus of control and the quality of social interactions, emphasizing that individuals with strong subjective control are more adaptable, goal-oriented, and capable of constructive dialogue. The findings contribute to understanding the psychological mechanisms that underlie communicative competence and effective interpersonal relationships.*

Keywords. *subjective control, locus of control, communication, interpersonal interaction, socio-psychological characteristics, emotional regulation, self-confidence, adaptability, social competence.*

Аннотация. *В данной статье рассматриваются социально-психологические особенности общения у личностей с высоким уровнем субъективного контроля. Анализируется влияние степени внутреннего (субъективного) контроля на межличностное взаимодействие, эмоциональную регуляцию и эффективность коммуникации. Люди с высоким уровнем субъективного контроля, как правило, проявляют большую уверенность в себе, ответственность и самостоятельность в социальных отношениях, что способствует конструктивному поведению в конфликтных ситуациях, формированию доверия и поддержанию психологической устойчивости в процессе общения. В работе подчеркивается взаимосвязь между внутренним локусом контроля и качеством социальных взаимодействий, отмечается, что такие личности отличаются адаптивностью, целеустремлённостью и способностью к конструктивному диалогу. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию психологических механизмов коммуникативной компетентности и эффективных межличностных отношений.*

Ключевые слова. *субъективный контроль, локус контроля, общение, межличностное взаимодействие, социально-психологические особенности, эмоциональная регуляция, уверенность в себе, адаптивность, социальная компетентность.*

Introduction. Communication is one of the fundamental aspects of human social interaction and plays a crucial role in the formation and development of personality. The ability to communicate effectively depends not only on linguistic competence but also on a variety of psychological factors, including one's level of subjective control — the extent to which an individual perceives themselves as the determinant of their own behavior and life events.

Individuals with a high level of subjective control (or an internal locus of control) tend to take responsibility for their actions, believe in their ability to influence outcomes, and actively regulate their emotions and behavior during communication. Such individuals are usually

more confident, resilient, and capable of constructive dialogue, which positively affects the quality of interpersonal relationships. Conversely, individuals with a low level of subjective control (external locus of control) often attribute events to external circumstances or other people, which may reduce their communication effectiveness and psychological stability in social contexts.

The study of communication from the perspective of subjective control is highly relevant in modern psychology, as it allows us to better understand how internal self-regulation and personal responsibility shape the dynamics of interpersonal relationships. Exploring these mechanisms provides valuable insights for improving communicative competence, emotional intelligence, and social adaptation, particularly in educational, organizational, and counseling settings.

Relevance of the Topic. In modern society, the culture of communication, social activity, and psychological stability of an individual have become increasingly important factors in personal and professional success. One of the key components determining a person's effectiveness in social interaction is the level of subjective control (internal locus of control) — the extent to which individuals perceive themselves as responsible for their actions, decisions, and life outcomes.

Individuals with a high level of subjective control tend to take responsibility for their behavior, demonstrate independence in decision-making, and maintain psychological stability in stressful or conflict situations. They are more confident, emotionally balanced, and capable of effective communication based on mutual understanding and cooperation. In contrast, individuals with a low level of subjective control often attribute events to external circumstances or other people, which may lead to passivity, low self-confidence, and communication difficulties.

Therefore, studying the socio-psychological characteristics of communication among individuals with different levels of subjective control is of great theoretical and practical significance. It contributes to improving interpersonal communication, emotional intelligence, and social adaptation. The relevance of this topic lies in its ability to reveal the relationship between internal self-regulation and communication effectiveness, as well as its potential to inform psychological training programs and the development of social competence.

Literature Review. The concept of subjective control and its influence on interpersonal communication has long been one of the central topics in social and personality psychology. The theoretical foundations of this phenomenon are rooted in the works of J. Rotter, A. Bandura, R. DeCharms, and other scholars who examined the relationship between personality traits, behavioral regulation, and communication efficiency.

J. Rotter (1966), in his *Locus of Control* theory, identified the degree to which individuals perceive the outcomes of events as being under their personal control (internal locus) or determined by external forces such as luck, fate, or other people (external locus). According to Rotter, individuals with an internal locus of control are more likely to take responsibility for their actions, display initiative, and engage in effective communication, whereas those with an external locus tend to be more dependent, passive, and less confident in social interactions.

A. Bandura's theory of *self-regulation* and *self-efficacy* emphasizes the role of internal control in shaping human motivation and behavior. He suggested that people who believe in their ability to influence events through their own efforts are more successful in managing emotions, resolving conflicts, and maintaining effective interpersonal communication.

R. DeCharms (1968), in his *Personal Causation* theory, introduced the idea that individuals who perceive themselves as active agents rather than passive objects of external circumstances tend to be more responsible, communicative, and psychologically stable in social relationships.

Among Russian psychologists, E. F. Bazhin, S. A. Golubeva, and L. I. Wasserman made significant contributions to the psychodiagnostics of subjective control through the

development of the *USK Questionnaire* (Level of Subjective Control Scale), which has been widely used to assess social adaptability, communication effectiveness, and interpersonal relationships.

In Uzbek psychological research, scholars such as V. M. Karimova, B. R. Ganiev, and D. A. Khodjieva have analyzed the correlation between communication culture, social activity, and self-regulation among individuals. Their studies confirm that a high level of subjective control is not only an indicator of psychological maturity but also a predictor of social competence, leadership potential, and communicative success.

Overall, the reviewed literature demonstrates that a high level of subjective control enhances self-expression, empathy, and adaptive behavior in communication. It contributes to building healthy interpersonal relationships, improving emotional regulation, and fostering psychological resilience. Thus, studying subjective control in the context of communication provides a valuable framework for understanding human interaction and developing effective psychological and educational practices.

Discussion. The analysis of theoretical and empirical studies shows that the level of subjective control plays a crucial role in shaping the effectiveness, emotional tone, and outcomes of interpersonal communication. Individuals with a high degree of subjective (internal) control tend to perceive themselves as active participants in social interactions, rather than passive recipients of external influences. This perception fosters a greater sense of responsibility, confidence, and adaptability during communication.

Such individuals typically exhibit higher emotional stability, demonstrate better conflict-resolution skills, and are capable of maintaining constructive dialogue even in stressful situations. Their communication style is characterized by openness, self-regulation, and empathy — qualities that help establish trust and mutual respect in interpersonal relationships. They are also more likely to engage in assertive communication, express their opinions clearly, and accept constructive criticism, which further strengthens social cohesion.

In contrast, individuals with a low level of subjective control (external locus of control) often attribute social outcomes to chance, authority figures, or external circumstances. This can lead to reduced self-confidence, dependency on others, and difficulties in expressing personal opinions. As a result, their communication may become defensive, avoidant, or emotionally unstable, which negatively impacts social adaptation and relationship satisfaction.

Socio-psychological research suggests that subjective control functions as a psychological regulator of communication — determining how a person interprets feedback, responds to criticism, and manages emotional tension. The development of a high level of subjective control is closely linked to the formation of communicative competence and emotional intelligence. It enables individuals to understand the intentions of others, maintain psychological balance, and adjust their behavior in accordance with social norms.

Therefore, fostering subjective control should be one of the key goals in psychological education and interpersonal skills training. By strengthening an individual's internal sense of responsibility and self-efficacy, it is possible to enhance communication efficiency, promote emotional well-being, and improve the overall quality of social interaction.

1-Table

№	Research Component	Content	Implementation Form
1.	**Object of the Research**	The behavior and psychological characteristics of individuals with a high level of subjective control in communication	Empirical observation and interviews with students, young specialists, and teachers

2.	**Subject of the Research**	The socio-psychological influence of the level of subjective control on the communication process	Identified through psychodiagnostic testing and analytical observation
3.	**Purpose of the Research**	To determine the level of emotional stability, self-regulation, and social adaptability in individuals with a high degree of subjective control during communication	Based on theoretical analysis and empirical research
4.	**Research Tasks**	1. To analyze the theoretical foundations of the concept of subjective control. 2. To identify the difference between internal and external control. 3. To study the influence of a high level of subjective control on communication. 4. To develop recommendations for improving interpersonal communication efficiency.	Literature review, surveys, interviews, and statistical analysis
5.	**Research Methods**	Observation, interview, *Locus of Control* test (J. Rotter), *USK Questionnaire* (E. F. Bazhin, S. A. Golubeva), interpersonal communication and empathy tests	Conducted individually and in groups
6.	**Theoretical Basis**	Works by J. Rotter, A. Bandura, R. DeCharms, E. Bazhin, V. M. Karimova, and D. Khodjieva	Study and generalization of theoretical sources
7.	**Practical Significance**	The results can be used by teachers, psychologists, and educators in developing communication training programs and improving interpersonal interaction	Development of psychological counseling and training modules
8.	**Expected Results**	Identification of socio-psychological advantages of individuals with a high level of subjective control; enhancement of emotional stability and self-regulation	Preparation of a scientific article, recommendations, and methodological guide

Analysis of the Methodological Table:

The presented methodological framework for the topic “Socio-Psychological Characteristics of Communication among Individuals with a High Level of Subjective Control” demonstrates a coherent and systematic structure, reflecting the interrelation between theoretical, empirical, and practical components of the study. Below is the detailed analysis of each section:

The object — individuals with a high level of subjective control — reflects a crucial area in modern psychology where self-regulation and internal responsibility determine communication effectiveness. The subject, which focuses on the *socio-psychological influence* of subjective control on communication, highlights the practical dimension of personality development and interaction strategies.

The main purpose of the study is to identify how individuals with a strong sense of internal control display emotional stability, self-regulation, and social adaptability in

communication processes. The objectives are logically structured and interconnected, including:

- Theoretical analysis of subjective control;
- Distinguishing between internal and external control types;
- Empirical examination of communication behavior;
- Developing recommendations for improving interpersonal communication.

This sequential approach ensures both theoretical depth and practical applicability, reflecting the principle of systematic research design.

The inclusion of observation, interviews, the Locus of Control test (J. Rotter), and the USK Questionnaire (E. Bazhin, S. Golubeva) ensures the methodological reliability and validity of the research. These methods allow for identifying not only the type of locus of control but also emotional regulation, communicative adaptability, and psychological resilience. The use of both individual and group assessments supports comprehensive data collection and comparative analysis.

The research rests on a solid theoretical foundation built on the works of J. Rotter, A. Bandura, R. DeCharms, E. Bazhin, V. Karimova, and D. Khodjieva.

- Rotter's Locus of Control theory provides the conceptual core.
- Bandura's Self-Efficacy model explains how internal belief systems influence behavioral outcomes.
- DeCharms' Personal Causation theory links self-determination with communication motivation. The combination of Western and Uzbek psychological schools ensures both universality and contextual relevance.

The table clearly indicates the practical value of the research for psychologists, teachers, and educators. The findings can be applied to:

- Developing communication and emotional intelligence training programs;
- Enhancing psychological counseling methods;
- Creating pedagogical tools to strengthen social adaptation and responsibility among students.

This demonstrates the applied potential of the study beyond theoretical boundaries.

Expected outcomes include:

- Increased emotional stability;
- Improved self-regulation and social adaptability;
- Higher levels of communicative competence and self-confidence. These results contribute to forming a constructive, emotionally balanced, and socially active personality capable of effective interpersonal communication.

The methodological structure is built on a logically consistent sequence:

Object → Subject → Purpose → Tasks → Methods → Theoretical Basis → Practical Significance → Results.

This flow ensures the integrity, reliability, and scientific coherence of the research.

The model demonstrates how subjective control acts as a central psychological mechanism influencing communication quality, emotional regulation, and social interaction. Thus, the table provides a strong scientific and methodological foundation for further empirical studies and applied psychological practice.

Conclusion. The conducted methodological analysis clearly demonstrates that the level of subjective control plays a crucial role in shaping an individual's communication behavior, emotional regulation, and social interaction. Individuals with a high level of subjective (internal) control show greater responsibility, confidence, and adaptability in interpersonal relationships, which enhances the effectiveness of communication and overall psychological well-being.

The study confirms that subjective control functions as a key psychological mechanism linking personality structure and communicative competence. Those who perceive themselves as active agents in their own behavior are more capable of managing emotions,

resolving conflicts constructively, and maintaining harmonious social relationships. In contrast, individuals with a low level of control tend to rely on external circumstances, which often leads to passivity and reduced communication quality.

The theoretical framework grounded in the works of J. Rotter, A. Bandura, and R. DeCharms provides a strong scientific basis for understanding the internal-external control continuum and its socio-psychological implications. Empirical methods such as the Locus of Control Test and the USK Questionnaire contribute to the objective assessment of these traits in real communicative contexts.

References.

1. Rotter, J. B. (1966). *Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement.* Psychological Monographs: General and Applied, 80(1), 1–28.

2. Bandura, A. (1977). *Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change.* Psychological Review, 84(2), 191–215.

3. DeCharms, R. (1968). *Personal Causation: The Internal Affective Determinants of Behavior.* New York: Academic Press.

4. Bazhin, E. F., Golubeva, S. A., & Etkind, A. M. (1984). *The Level of Subjective Control (USK) Questionnaire.* Leningrad: Leningrad University Press.

5. Lefcourt, H. M. (1982). *Locus of Control: Current Trends in Theory and Research.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

6. Skinner, E. A. (1996). *A guide to constructs of control.* Journal of Personality and Social Psychology, 71(3), 549–570.

7. Pervin, L. A. (1996). *Personality: Theory and Research.* New York: John Wiley & Sons.

8. Bandura, A. (1991). *Social cognitive theory of self-regulation.* Organizational Behavior and Human Decision Processes, 50(2), 248–287.

SUBJECTIVE INTERPRETATION OF THE CAUSES OF PROCRASTINATION IN STUDENTS

Ismailov S.Sh.
(Urgench, Uzbekistan)

Abstract. *Procrastination is most common among student. The article highlights the factors that cause procrastination in students. Students cited three reasons that cause them to procrastinate. As a result of processing the data obtained, the most common reasons were summarized and divided into groups in the article. According to the results, the most common reasons are improper time management, personality traits, attitude to work, laziness, fatigue and health-related factors.*

When compare participants based on demographics the differences in the level of confidence in giving reasons were found between men and women, employed and unemployed, urban and rural residents, married and single people. The results were processed using the chi-square test.

Keywords: *procrastination, subjective local control, laziness, fatigue, putting off, important job, attitude to work, heath.*

Аннотация. *Прокрастинация чаще всего встречается среди студентов. В статье рассматриваются факторы, вызывающие прокрастинацию у студентов. Студенты назвали три причины, по которым они откладывают дела на потом. В*

результате обработки полученных данных наиболее распространенные причины были обобщены и разделены на группы в статье. Согласно результатам, наиболее распространенными причинами являются неправильное управление временем, черты характера, отношение к работе, лень, усталость и факторы, связанные со здоровьем.

При сравнении участников по демографическим показателям были обнаружены различия в уровне уверенности в указании причин между мужчинами и женщинами, работающими и безработными, городскими и сельскими жителями, состоящими в браке и одинокими людьми. Результаты были обработаны с использованием критерия хи-квадрат.

Ключевые слова: *прокрастинация, субъективный локальный контроль, лень, усталость, откладывание, важная работа, отношение к работе, здоровье.*

Introduction. Postponing something that needs to be done is something that everyone experiences. This is called procrastination in psychology. Procrastination is putting off something unnecessarily even so knowing negative consequences[5]. But, all types of procrastination is procrastintion, and not all putting off something is procrastintion[1]. Procrastination can occur not only when starting a task, but also happens completing it[2].

According to statistics, procrastination is most common among students[3].

Procrastination is the voluntary, conscious, and unreasonable postponement of necessary and important work, knowing the negative consequences[4].

Research methodology.

The study examined the subjective attitudes of the participants regarding the causes of procrastination.

The main research method is the questionnaire method. In the questionnaire each participant was asked to name three reasons that led to procrastination. The reasons given are summarized and grouped.

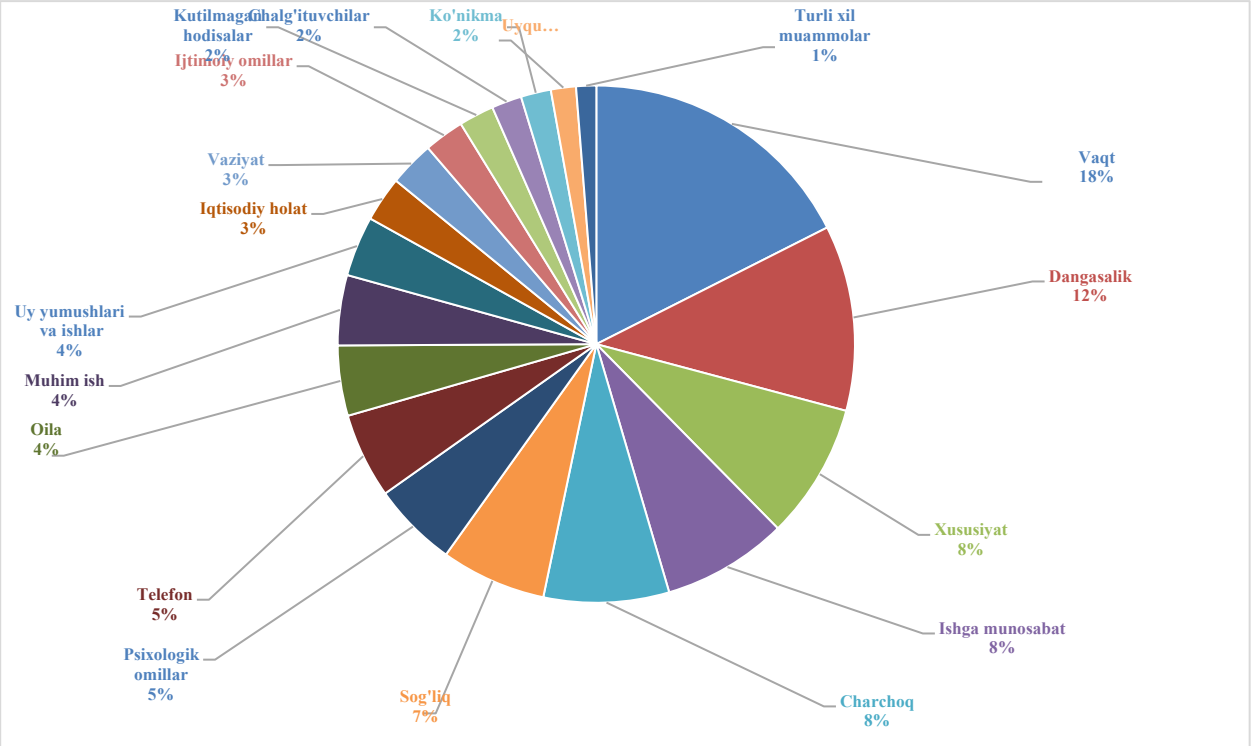
The main goal of the study is to identify the most common reasons for procrastination among student.

Since the grouping was done subjectively, some minor errors may have been made. But the most common factors were found in an almost pure state. The reasons were grouped and divided into 19 groups.

SPSS software was used to process the data. The Chi-square test was used to determine differences between groups.

Participants data. The participant’s age are from 17 to 44. The median of the age 20. The mode age is 18. The number of the participants are 185. 70 men and 115 women. The number of the married participants are 31. 55 participants live in city, 112 live in village. 44 participants work.

Results. The reasons given by participants were groupd into 19 (picture 1)

Picture 1. Percentages of reasons given.

The obtained data were processed in SPSS. The chi-quare test used to compare groups. Differences between men and women in giving reasons are presented in table 1-2.

Table 1

Differences between men and women in giving reasons (Chi-square) (n=185)

№	Given reasons	Sex	n	Number of reasons given	Chi-square	p
1	Time	Man	70	10	13,631	0.000***
		Woman	115	46		
2	Laziness	Man	70	7	7,038	0,008**
		Woman	115	30		
3	Health	Man	70	3	5,587	0,018*
		Woman	115	18		
4	Fatigue	Man	70	5	3,910	0,048*
		Woman	115	20		
5	Distractors	Man	70	5	5,457	0,019*
		Woman	115	1		

There was a difference in the level of confidence between men and women in giving time-related reasons for procrastination (Chi^2=13.63; p≤0.001). Procrastination due to time is more common in women than in men.(table 1)

There was a difference in the level of confidence between men and women in citing laziness as a reason for procrastination (Chi=7,038 ; p≤0.05). Procrastination due to laziness is more common in women than in men. (table 1) There was a difference in the level of confidence between men and women in citing health as a reason for procrastination(Chi=5,587 ; p≤0.05). Procrastination due to health is more common in women than in men. (table 1)

There was a difference in confidence between men and women in citing fatigue as a reason for procrastination(Chi= 3,910; p≤0.05). Procrastination due to fatigue is more common in women than in men. (table 1)

There was a difference in the level confidence between men and women in citing distractors as a reason for procrastinton(Chi=5,457; p≤0.05). Procrastination due to distractors are more common in men than in women. (table 1)

Table 2

Differences between men and women in giving reasons (Chi-square) (n=185)

№	Given reasons	Sex	n	Number of reasons given	Chi-square	p
6	Important job	**Man**	70	7	0,953	0,329
		Woman	115	7		
7	Phone	**Man**	70	6	0,051	0,820
		Woman	115	11		
8	Family	**Man**	70	7	0,953	0,329
		Woman	115	7		
9	Social event or influence	**Man**	70	2	0,586	0,444
		Woman	115	6		
10	Economic condition	**Man**	70	1	2,873	0,090
		Woman	115	8		
11	Psychological factors	**Man**	70	6	0,051	0,820
		Woman	115	11		
12	Personality treat	**Man**	70	7	1,907	0,167
		Woman	115	20		
13	Skill	**Man**	70	2	0,053	0,817
		Woman	115	4		
14	Attitude to word	**Man**	70	6	2,353	0,125
		Woman	115	19		
15	Housework and chores	**Man**	70	4	0,111	0,739
		Woman	115	8		
16	Emergency	**Man**	70	2	0,266	0,606
		Woman	115	5		
17	Sleep	**Man**	70	1	0,695	0,404
		Woman	115	4		
18	Problems	**Man**	70	1	0,286	0,592
		Woman	115	3		
19	Condition	**Man**	70	3	0,082	0,775
		Woman	115	6		

There was no difference in the level of confidence between men and women when citing the following reasons: Important job(Chi=0,953 ; p≥0.05); Phone(Chi= 0,051; p≥0.05); Family(Chi= 0,953; p≥0.05); Social event or influnces(Chi= 0,586; p≥0.05); Economical conditions(Chi= 2,873; p≥0.05); Psychological factors(Chi= 0,051; p≥0.05); Personality

traits(Chi=1,907; p≥0.05); Skill(Chi= 0,053; p≥0.05); Attitute to work(Chi= 2,353; p≥0.05); Housework and chores(Chi= 0,111; p≥0.05); Emergency(Chi= 0,266; p≥0.05); Sleep(Chi= 0,695; p≥0.05); Problem(Chi= 0,286; p≥0.05); Condition(Chi= 0,082; p≥0.05). (table 2)

Participants were also compared based on their employment state. We included in our article only those reasons that were found in the level of confidence when comparing the employed and unemployed. There was a difference in the level of confidence based on employment in four reasons. According to employment, we found differences in the level of confidence in four reasons. The results are given in the table 3.

Table 3

Differences in reasons given based on employment (Chi-square) (n=153)

№	Given reasons	Employment	n	Number of reasons given	Chi-square	p
1	Laziness	**Employed**	44	3	4,096	0,043*
		unemployed	109	22		
2	Attitude to work	**Employed**	44	13	11,539	0,001***
		unemployed	109	9		
3	Distractors	**Employed**	44	4	6,624	0,010**
		unemployed	109	1		
4	Health	**Employed**	44	2	3,951	0,047*
		unemployed	109	18		

There was a difference in the level of confidence in citing laziness as a reason for procrastination between employed and unemployed participants(Chi=4,096 ; p≤0.05). Procrastination due to laziness is more common in employed than in unemployed.(table 3)

There was a difference in the level of confidence in citing attitute to work as a reason for procrastination between employed and unemployed participants (Chi=11,539; p≤0.01). Procrastination due to attitude to work is more common in employed than in unemployed.(table 3)

There was a difference in the level of confidence in citing distractors as a reason for procrastination between employed and unemployed participants (Chi=6,624; p≤0.01). Procrastination due to distractor is more common in employed than in unemployed. (table 3)

There was a difference in the level of confidence in citing health as a reason for procrastination between employed and unemployed participants(Chi=3,951; p≤0.05). Procrastination due to health is more common in unemployed than in employed. (table 3)

When giving reasons, the respondents were also divided and compared based on their marital status. There were differences between married and unmarried respondents for two reasons. The groups of reasons for which no differences in the level of confidence was not included in the article. The obtained results are presented in table 4.

Table 4

Marital status differences in giving reasons (Chi-square) (n=183)

№	Given reasons	Marital status	n	Number of reasons given	Chi-square	p
1	Family	**Married**	31	7	11,776	0,001***
		Single	152	7		

2	Attitude to work	**Married**	31	0	5,905	0,015*
		Single	152	25		

There was a difference in the level of confidence in citing family as a reason for procrastination between married and single participants(Chi=11,776 ; p≤0.001). Procrastination due to family is more common in married than in single. (table 4)

There was a difference in the level of confidence in citing attitude to work as a reason for procrastination between married and single participants(Chi= 5,905; p≤0.05). Procrastination due to attitude to work is more common in single than in married. (table 4)

When giving reasons, the respondents were also divided and compared based on their living area. The groups of reasons for which no differences in the level of confidence was not included in the article. The obtained results are presented in table 5.

Table 5

Differences in the area of residence in giving reasons (chi-square) (n=167)

№	Given reasons	Living area	n	Number of reasons given	Chi-square	p
1	Heath	City	55	12	7,536	0,006**
		Village	112	8		

There was a difference in the level of confidence in citing health-related issues as a reason for procrastination between urban and rural residents(Chi=7,536; p≤0.01). Health issues are more likely to be the reason for procrastination the work for city dwellers than for rural dwellers. (table 5)

Conclusion. The study examined and summarized the most common causes of procrastination among students. According to the data, students' procrastination is most often caused by the reasons of poor time management, laziness, personality trait, attitude to work, fatigue and health. Secondary causes are psychological factors, phone, family condition, important jobs, jobs and assignments related to home and study. (picture 1)

Women are more likely to procrastinate due to time, fatigue, laziness, and health issues. Distracting factors are more common in men.

While employed people are more likely to procrastinate due to laziness, work-related issues and distractions, unemployed people are more likely to procrastinate due to health reasons.

According to marital status, procrastination occurs due to family-related factors in married people, while it occurs due to work related factors in single people.

Health-related factors seem to have a greater impact on urban residents; procrastination than rural residents.

A drawback of the study is that both the presentation of the set of reasons and the grouping of reasons into groups were done subjectively. To study this more clearly in the future, it is necessary to conduct research with appropriate methodology for each reason for which more common and a difference in confidence level was identified.

References.

1. Michael Tefula "Student procrastination". Red Globe Press. UK. 2014.

2. Schouvenburg, Genri "Counceling procrastinators in academic settings". Washington, DC: American Psychological Association. 2004

3. P.Steel "Nature of procrastination"//Psychological Bulletin. January 2007. 133(1):6594

4. S.Ismailov “Prokrastinatsiya hodisasini o’rganishning ayrim dolzarb masalalari”//Sciencebox.uz. 28.12.2024. Vol.22

FACTORS OF DEVELOPING PSYCHOLOGICAL IMMUNITY AGAINST CORRUPTION IN THE MIND OF YOUNG STUDENTS

Khamidov M. A.
(Bukhara, Uzbekistan)

Annotation. *This article explores the psychological mechanisms underlying the development of an uncompromising moral stance against corruption among young people. It examines how honesty, justice, and civic responsibility are formed through emotional intelligence, moral identity, and social learning processes.*

In today's society, combating corruption requires not only legal reforms but also psychological efforts aimed at strengthening moral awareness among youth. The Law of the Republic of Uzbekistan "On Combating Corruption" (2017) and Presidential Decree PQ-5177 (2021) emphasize the need to instill integrity, responsibility, and intolerance towards corruption in younger generations. This study highlights the psychological basis of these processes.

Keywords: *corruption, moral stance, youth, honesty, conscience, emotional intelligence, moral identity, social learning.*

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические механизмы формирования у молодежи непримиримой нравственной позиции по отношению к коррупции. Раскрыты процессы развития честности, ответственности и гражданской совести через призму эмоционального интеллекта, моральной идентичности и социальных установок.*

Современные исследования подчеркивают, что борьба с коррупцией невозможна без формирования у молодежи устойчивых нравственных ориентиров и внутренней моральной ответственности. В Узбекистане принятые государственные программы и Закон «О борьбе с коррупцией» (2017 г.) направлены на воспитание нетерпимости к любым проявлениям коррупции. В этом контексте особое значение приобретает развитие психологических механизмов, способствующих становлению внутренней моральной устойчивости личности.

Ключевые слова: *коррупция, нравственная позиция, молодежь, моральное сознание, честность, совесть, эмоциональный интеллект.*

Today globalization under the circumstances society development main indicator not only economic or political achievements, maybe citizens moral maturity and honesty culture Corruption is also being defined. Humanity in history the most ancient social from vices one as every how society stable to develop threat Especially the young generation in mind this to the detriment relatively intolerance feeling upbringing state of the policy important to the task is spinning . Because to corruption relatively indifference or it is " normal" as " case " acceptance to do of the youth citizenship position weakens , in society to justice trust reduces and social in mind moral relativism Therefore , young people in mind honesty , justice and responsibility principles reinforcement today's of the day current psychological , spiritual and educational from issues one is considered .

Uzbekistan Republic Presidential Decree No. PF–4947 of February 7, 2017 with approved " Actions" strategy" to corruption against struggle , honesty environment formation and state servants and of the youth moral immunity reinforcement tasks priority direction as Also, in the resolution No. PQ-5177 of July 6, 2021, “ On Combating Corruption against ideology formation , in the population honesty values " strengthening " issues separately attention This is aimed at documents to corruption against the fight only legal not , maybe psychological and spiritual and educational process as see the necessity emphasizes . Because corruption against immunity human in the heart , in the mind and in faith formed ; laws and this the process reinforcing external mechanism as service does .

Psychological point from the point of view, young in the generation to corruption uncompromising moral position formation human of the person internal value system develop with closely related. Moral position is " right " and " wrong " actions of a person distinguish, distinguish behavior social standards with coordination, honesty and justice principles loyal stay is the ability. In person this adjectives early from age starting family upbringing, education in the environment values system, pedagogical impact and through the social model In this respect, psychological in terms of right directed upbringing not only knowledge gives, maybe honesty personal to faith A. Bandura social study to the theory because people moral standards directly seen, heard and felt samples through It is understood. So, young people in front of honest, conscientious, fair individuals sample to be to corruption against psychological immunity the most effective is the way.

Subject relevance amplifier again one factor is of the youth in society social activity increase them honesty active to the promoter convert is a necessity. Because to corruption against ideology only prohibitions with not, maybe young generation " honesty " in mind this life " style " belief formation through will be strengthened. In 2023, Uzbekistan Republic President's initiative with acceptance "Honesty" codex improvement " about " The decision also affects the youth. from corruption empty thought to the owners conversion, honesty of education inseparable to the value to convert goal This is what he did in turn, education system , psychological services and citizenship upbringing of the institutions each other requires cooperation.

In the younger generation to corruption relatively uncompromising moral position to form is complicated, but necessary socio-psychological This process is success person's moral thinking, emotional intelligence, citizenship oneself understanding level and social belief system with integral it depends. Therefore for, corruption against immunity in development only external control not, maybe internal oneself control, conscious decision acceptance to do and moral reflection mechanisms activation important. In this way educated youth corruption not only legal in terms of, perhaps moral and spiritual also rejecting citizenship to the position has This is the same as the In turn, Uzbekistan in society honesty, justice and confidence environment reinforcement the most reliable is a pledge.

Uzbekistan scientists in their work to corruption against uncompromising moral position, first of all, of the person values system, citizenship mind and upbringing process psychological mechanisms with Connects. Local research honesty is " personal" belief and social as "responsibility " internalization the necessity emphasizes: school and supreme in education moral-spiritual upbringing blocks, youth with at work emotional-intellectual approach, empathy and social justice feeling reinforcing trainings It is considered effective. In the literature family model (parents' honest behavior, teacher personal sample impact, and the neighborhood-school-media triad through positive moral narrative formation important factors as it is also described as a preventive measure. education (honesty) lessons, discussion and dilemmas, role games) and reflexive methods (daily, “my "My values" exercises) for young people moral identification reinforcement record is being done.

CIS psychology school (specialized pedagogical-psychological directions) in literature moral mind social situation and cultural-historical factors with closely related that it is accent is given Vygotsky-Leontiev activity approach moral decisions “ meaning-motive ” system and

social experience mastery through formation explains : young people are “ visible” "samples" following , moral standards active educational in the environment Kohlberg 's influence developed comments moral thinking stages according to to grow in encouragement problematic situations, dilemmas, controversial of tasks importance shows. Within the CIS modern "honesty" in business "capital" and "social" "trust" concepts with developed, social low confidence in the environment to corruption generosity psychological mechanisms (normative relativism, " everyone so " does "stereotype) analysis is done; this solution as collective standards again coding, social reward and transparent communication mechanisms offer is being done.

World Studies uncompromising moral position three support distinguishes : (1) moral identity — “ who am I ?” in question honesty central place (2) social learning — honest role models and collective standards effect (3) emotional-moral cognition — empathy, justice sensitivity, moral feeling, they Bandura (social control) (to study) corruption "social" tolerance "justification" mechanisms (rationalization , shifting responsibility) spread (through) explains ; them break can methods as " opposite" narrative ” and accountability algorithms recommendation Kohlberg and from himself/ herself next developments "moral dilemma discussion" techniques with moral thinking high to stages to lift finds it effective. Emotional intelligence (Goleman; Mayer–Salovey–Caruso) and prosocial affects (empathy, gratitude, shame / respect) constructive interpretation) in young people to corruption internal immunity strengthen is displayed. CASEL 's socio-emotional learning (SEL) model honesty five competence (self) to understand, to understand oneself management, social understanding, relationships, responsibility decision) with in integration to give It is justified as effective.

Synthesis and spaces. References intersection three to the conclusion take comes : first , without compromise moral position — personal belief + social norm + emotional himself management synthesis ; secondly , the triad of “ example – dialogue – reflection ” (honest model, open discussion , personal reflection (continue) continuous when working , tolerance stereotypes is destroyed ; thirdly , in the school- family -media coalition social to reward (honesty) visible confession (to) and micro-conflicts solution to do skills failure doer impact shows . With this together, local in context longitudinal studies, honesty of programs randomized grades, morals identity surveyor local validated instruments This gap is not enough, filling for to the context suitable psychometrics (moral identity, injunctive/descriptive norms, empathy scales), " honesty "school-based integrity labs " and SEL+Moral Education integration programs from the test transfer necessary .

Practical implication . Analysis relied on without , effectively intervention package as follows appearance takes : (a) moral identity coaching — personal value declaration , role essay and “ future me” exercises ; (b) normative reframing — “ everyone so " does " narrative educated evidence and peer leaders through denial (c) moral dilemma clinics — real - life situations based on structural discussions ; (d) SEL- training — emotional himself management and empathy strengthen ; (e) visible recognition — honest for behavior open confession and social reward (f) family–school pact— parent with honesty according to communication protocols . In this way , the literature recommendation did psychological mechanisms local education and upbringing to the system suitable integration will be done and to corruption uncompromising moral position stable accordingly is formed .

To corruption against in the fight young generation in mind uncompromising moral position of formation psychological basis person's values system, internal belief and social identification processes with closely related. Human oneself honest and fair person as acceptance the more he does, the more corruption he gets. with related every how behavior not only legal, maybe moral He also rejects it in terms of personal values system formation and family, education institution, social groups and public information tools through transferable normative signals with is strengthened. In this process person's emotional intellect, that is, feeling them understanding and management ability, and empathy level

important importance has will be . Emotional -intellectual developed youth social to injustice indifferent look they ca n't own around honesty standard natural social value as they see.

Psychological point in terms of corruption relatively intolerance person's moral reflection with related to be, he himself actions consequences deep analysis to do, social justice point from the point of view assessment ability This process is described by L. Kohlberg moral development to the theory appropriate, ethical of thought high to the stages rise through face gives. Person before external standards " good " and " bad" based on if different, then internal to faith based without own moral principles at this stage, “corruption is a threat to society.” damage bringer " behavior "concept personal confidence to the level becomes. Psychological in terms of this is " moral" "identity " formation the most important is a stage .

Youth moral position A.Bandura in the formation social study theory is also separate importance According to him , people own behavior observation , imitation and modeling through If education in the system , in the media and family in the environment honesty and justice values in practice manifestation if yes , young people them conscious accordingly On the contrary , corruption practice social as "normal" in terms of if shown , this defect in mind positive modeled as a behavior is strengthened . The refore for to corruption against struggle only punishment with not, maybe honesty in society psychological in terms of rewarding as a behavior promote to grow with effective It will be.

Also, young people to corruption relatively uncompromising position in formation socio-emotional learning (SEL) concept important place In this approach person their feelings recognizing to take , to manage , to others relatively empathy show , responsible decisions acceptance to do and positive relationship installation Such competencies formed just by chance young human social to pressure not given , corruption such as Say " no " to vices Uzbekistan education SEL model in the system moral-spiritual upbringing to the lessons integration to do , especially , honesty , conscience , responsibility on topics interactive training transfer effective result gives .

Research this shows that corruption relatively intolerance level social in the environment confidence and social justice feeling with directly It depends If young people in society fair attitude and honesty values in real life if you watch them, psychological stability The refore, education system, family and between the media honesty ideology continuous promote " triangle " model on the road to put necessary. In this model teacher, parent and media agents one kind values to the system reliedon without young mind psychological in terms of this is " consistent " "social signal" principle: young person surroundings in the environment one kind moral direction if he sees, he himself faith strengthens and controversial to vices against immunity harvest does.

In the younger generation to corruption uncompromising moral position of formation the most effective from mechanisms one is this reflexive education and psychological trainings Honesty, justice and conscience on topics discussion and dilemmas based on training transfer, personal daily writing, role playing games, life situations analysis to do of the youth oneself to understand, to feel responsible and social decisions acceptance to do ability develops. From this besides, teachers, psychologists and mentors for " honesty" " psychology " special qualification increase programs current to grow to corruption against ideology practical in terms of strengthens.

Final in terms of to say possibly corruption uncompromising moral position formation not only spiritual, maybe deep psychological process that person 's internal faith, emotional stability and social responsibility of feeling awakening with This is determined by the process systematic on the road to put through Uzbekistan in society honesty value life on the principle cycle, age generation and corruption-free thought to the owners rotation possible.

Table 1. In the younger generation to corruption uncompromising moral position of formation psychological factors system

In table 1 young in the generation to corruption uncompromising moral position to form effect provider main psychological factors systematic in a way expressed . This from the table It seems that corruption against internal immunity just legal knowledge or spiritual propaganda result not, maybe person's psychological maturity, faith and social himself / herself understanding level with is determined. In the table given factors one - one another with each other integral in touch they are person's moral mind formation, social feel them management, honesty value as internalization and to corruption relatively intolerance conscious accordingly decision to deliver service does.

Table 1 first factor — value – belief factor be, he to corruption against psychological immunity system basis organization This is factor through person honesty, justice, conscience and responsibility such as values own of life head on the principle turns. Psychological point of view from the point of view this process moral identification and reflection mechanisms through face If the age the person says, "I am honest." "I am human " internal belief shaped if it is, it is how pride morally acceptance does not. The refore this factor in development honesty on the subject to be held discussions, values diaries and reflexive trainings important role plays.

Second factor — social study factor — corruption against moral position in the formation social model and observation through mastery process means. A. Bandura social study to the theory see , man behavior observation and imitation through Therefore , young people surrounding of individuals behavior own in mind positive or as a negative model strengthened If in society honesty values more promote if done , young people this virtue positive as a moral norm acceptance On the contrary , corruption situations in a “ normal ” way if shown , this defect psychological in terms of to the standard rotation danger Therefore , social study factor reinforcement for honest people life , honesty values manifestation a moving film and theater scenes , leaders personal sample important importance profession will reach .

Third factor — emotional intellect factor — corruption uncompromising attitude in the formation emotional analysis and oneself management mechanisms importance shows. Top level emotional intellect to the person their feelings control to do, others emotional status understanding and social to justice relatively empathetic sensitivity develop opportunity gives. Psychological research this proves that emotional in terms of developed youth to injustice indifferent it won't be possible and social vices morally draft Therefore, this factor develop SEL (Social Emotional Learning) training for empathy training and social conflicts analysis provider exercises effective tool is considered.

Fourth factor — moral thought factor — the person cognitive level " right " and " wrong " distinction, moral standards understanding and them conscious accordingly application ability means. L. Kohlberg moral development to the theory appropriate, person moral of thought high to the stages as it rises, it becomes a part of society social interest personal from profit column put it. In this, the moral dilemmas analysis to do, group discussions and "if I do this" in case "If I were you " reflexive exercises moral thought level increases. Through this youth corruption not only legal in terms of crime , maybe morally unacceptable event as understand begins .

Fifth factor — social environment factor — the person moral their views reinforcing external social environment with related. If education institutions, family and media honesty, conscience and responsibility values one kind in tone promote if so, this of the youth in mind normative stability creates. On the contrary, in the environment hypocrisy or controversial messages there is if so, this youth in mind cognitive dissonance brought Therefore, in Table 1, social the environment reinforcing measures as "honesty" lessons”, “family -school-media” cooperation model and moral propaganda campaigns recommendation is being done.

Sixth factor — motivational factor — honesty was internal incentive and personal satisfaction feeling with related. Psychological point of view from the point of view this factor

" internal " "motivation " mechanism through works. If a person honesty his/ her own personal pride and belief as acceptance If he does, he will be involved in corruption. relatively stable resistance shapes . Encourages in the system honest for behavior social confession and open awards there is if so, this of the youth internal motivation further strengthens. As a result, "I am honest" my share " need " external commitment "I am honest " to be " I want " internal to trust turns.

In general as shown in Table 1 factors integrated without when they work, they person's moral thinking, emotional sustainability, social mind and value system It is a good idea to use a young in the generation corruption not only legal, maybe moral and spiritual in terms of acceptance as impossible defect to recognize as take comes. As a result in person internal honesty faith , social to justice loyalty , empathetic sensitivity and social responsibility feeling increases . So as shown in Table 1 delivered system young in the generation to corruption uncompromising moral position of formation psychological model as scientific and practical importance has .

In the younger generation to corruption uncompromising moral position to form is not only spiritual upbringing issue, maybe psychological, social and moral of mechanisms wake up demanding activity complicated Corruption is a process. event society spiritual the foundation destructive, personal belief weakening, honesty and justice values to extinguish aimed at negative social defect is considered. Therefore youth in mind to corruption relatively strict , uncompromising moral position formation every one democratic society priority psychological-spiritual This is the task . In this direction take going of affairs efficiency person's values system, social in the environment signals and psychological upbringing of tools to the harmony It depends.

This of the subject psychological essence is that corruption uncompromising moral position is person's internal faith , conscience , responsibility feeling and empathetic sensitivity as a result formable socio-ethical is a state of being . A young person corruption the essence only legal point from the point of view not, maybe moral and human values on the criterion realizing mature it's just fate, he's like this defect conscious can refuse to do so. The person honesty relatively psychological its support, its moral thinking, reflexive thinking level, emotional stability and social to the sensitivity in this respect, family, education institutions, public information tools and psychological services each other integral in cooperation activity carried just by chance to corruption relatively stable psychological immunity formation possible.

Transferred scientific analyses this shows that young people to corruption relatively attitude their emotional-intellectual development level, value their orientation and social in the environment experiences with directly related. Rejecting corruption for in person empathy, moral reflection, self understanding justice confidence and honesty appreciation such as psychological features developed to be necessary. Therefore, honesty just theoretical idea as not, maybe personal belief level to value convert education and upbringing system main from the goals one to be This process should be effective organization in the process of social study theory (Bandura), moral thought stages (Kohlberg), emotional intellect concept (Goleman) and socio-emotional learning (SEL) model such as modern psychological from approaches use necessary.

In the younger generation to corruption intolerance of formation effective the way is this to valuebased upbringing if education institutions, family and society honesty, conscience, justice and responsibility values in one direction promote if so, this social of stability to the foundation becomes. With this together, study in the process moral dilemmas based on discussions, reflexive diaries, “Honesty lessons”, role games and emotional trainings through of the youth moral thinking and emotional stability is amplified. As a result they corruption not only illegal , maybe human to values contrary event as perception will reach .

Final in terms of so to speak, young in the generation to corruption uncompromising moral position formation society spiritual renewal, psychological healthy environment build to be completed and citizenship responsibility to increase take comes. Such a position formed youth honesty vital principle, justice and humanity criterion as acceptance Thus, corruption against struggle only law with not , maybe conscious, emotional and moral in terms of solid individuals upbringing through done This is scientific idea In Uzbek society honesty, conscience, responsibility and justice to their values based corruption-free thought the owners adult to deliver service does.

First, corruption against uncompromising moral position in formation education system leader place holds. Therefore Uzbekistan education in institutions all sciences in the section honesty, conscience, responsibility and justice values to form " Honesty " oriented "Psychology " module is currently available to be to the goal is appropriate. This module through to the students not only theoretical knowledge, maybe reflexive thought, moral choice to do, social to feel responsible and corruption to the circumstances psychological to say " no " in a way skills is absorbed. With this together, universities and colleges on the scale of " Honesty" Week of "Justice Day ", " Conscience " "lessons " like practical-spiritual events regular transfer of the youth value mind strengthens.

Secondly, family in the environment honesty value as promote to grow and of the youth internal belief system develop necessary. Because person's to corruption attitude the most first of all family to values relies on . For this purpose parents for " Honesty" and conscience on the topic " education " psychological-educational trainings, advice and seminars organization to grow Parents must to children own behavior with honesty sample to be, their in front of fair, honest and responsible behavior manifestation to be able the most strong psychological impact in such families growing up youth corruption not only legal, maybe moral He also considers it unacceptable.

Third, education in institutions psychological service system reinforcement and of the youth moral, emotional and social development supportive programs expansion Every school and supreme education in the institution psychologists by " moral" dilemmas", "fair "choice ", " self " understanding" and "social responsibility " topics group trainings transfer These exercises are necessary. of the youth reflexive his/her thinking develops, in them emotional intelligence, empathy and oneself management ability strengthens. Psychological services only problems determination with without limitation , young people moral position reinforcing preventive also take the activity progress necessary .

Fourth, public information tools and social networks through to corruption against consciousness psychological in terms of formation important. Television shows, social advertisement, short metered movies and positive psychological contents " Honesty is pride ", " Conscience is strength", "Justice is humanity" like " symbol " ideas youth to the mind to absorb necessary. In this case, information tools not only warning , maybe inspiring , spiritual motivation amplifier tool as performance need . Social on the networks honesty symbol was people life, their experiences and to society useful works if popularized, this youth in mind positive as a psychological model is strengthened.

Fifth , the state policy at the level to corruption against psychological upbringing concept working exit and him/her education to the system integration to do is relevant. This concept honesty, conscience, justice and citizenship responsibility such as psychological categories young generation upbringing to the center to put Every education in the phase of the youth moral his/her thinking appraiser psychodiagnostic tests, honesty indices empathy and responsibility measurements application through their development dynamics determination opportunity This gives not only upbringing process effective control to do , maybe person's psychological growth direction also serves to identify does .

Final recommendation as to say maybe young in the generation to corruption uncompromising moral position formation every one-sided requires an approach: family – faith source, education – moral thought hearth, psychological service – emotional stability

guarantee, and media – social mind is formative. That is system integral when working , young people corruption not only illegal , maybe to humanity contrary defect as understanding honesty vital criterion as acceptance doer generation as is formed .

Literature.

1. Karimova VM Psychology . – Tashkent: “Uzbekistan national Encyclopedia Publishing House 2019. – 350 p.
2. Nishonova Z. Person maturity and moral upbringing Psychology . – Tashkent: Science, 2021. – 280 p.
3. Uralboyev Z. Social mind and moral position in the formation psychological factors . – Samarkand: SamSU publishing house , 2022. – 245 p.
4. Khojaev M. Family and in society spiritual values of formation psychological basics . – Tashkent: Istiqlol , 2020. – 212 p.
5. Bojovich L. I. Lichnost i eyo formation v detskom vozraste. - Moscow: Pedagogy, 1981. - 352 p.
6. Kolberg L. Psychology of moral development. - Moscow: Academy, 2003. - 288 p.
7. Bandura A. Theory of social science. - St. Petersburg: Eurasia, 2000. - 320 p.
8. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. - New York: Bantam Books, 1995. - 352 p.
9. Kohlberg L. Essays on Moral Development. Vol. 1: The Philosophy of Moral Development. - San Francisco: Harper & Row, 1981. - 420 p.
10. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986. – 617 p.

DEVELOPING COMMUNICATION SKILLS IN STUDENTS AS A PEDAGOGICAL-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Kobilova F.T.
(Bukhara, Uzbekistan)

Abstract.*Today, in our country, the problems of creating the necessary conditions for students to perfectly learn foreign languages, to express themselves in all areas with knowledge of a foreign language, to develop their oral and written speech in a foreign language are being put forward. As is known, the solution of these problems is directly related to the process of socialization of a person. Based on the psychological and pedagogical category, this concept is a process that expresses the degree of exposure to the influence of the external social environment surrounding a person, the ability to master communication, the tendency to master its norms and rules, and the degree of mastery. The general meaning of this concept is that a person is born and grows up under the influence of the external environment that directly surrounds him, is brought up in this society, this environment. In a narrow sense, socialization is a process that explains the entry of a person into the social environment, his assimilation into it, his acceptance of the norms of the external social environment and whether he complies with them or not. In the process of socialization, a person learns social norms in society, learns to fulfill various roles, develops skills for behaving in public, and chooses interesting and beneficial communication methods for himself. In this sense, the socialization of a person is based on his knowledge, understanding, and living in social existence.*

Аннотация. *Сегодня в нашей стране остро стоит проблема создания необходимых условий для того, чтобы учащиеся в совершенстве овладевали иностранными языками, могли самовыражаться во всех сферах, владея иностранным языком, развивая устную и письменную речь на иностранном языке. Как известно, решение этих задач напрямую связано с процессом социализации личности, способность к овладению общением, склонность к овладению его нормами и правилами и степень овладения ими. Общий смысл этого понятия заключается в том, что человек рождается и растёт под влиянием внешней среды, которая его непосредственно окружает, воспитывается в этом обществе, этой среде. В узком смысле социализация — это процесс, который объясняет вхождение человека в социальную среду, его усвоение ею, принятие им норм внешней социальной среды и то, соблюдает ли он их или нет. В процессе социализации человек усваивает социальные нормы в обществе, учится выполнять различные роли, развивает навыки поведения в обществе и выбирает интересные и полезные для себя способы общения. В этом смысле социализация человека основана на его знании, понимании и проживании в социальном бытии.*

Introduction. The success of developing English language skills through communication largely depends on the presence of psychological abilities and communicative competence. In his scientific research, Y. M. Kolker emphasizes that the effectiveness of this process lies in the development of speech abilities. He recognizes the mastery of speech rules in communication as a key factor in the development of English language skills. Several psychological categories are considered important in developing English skills through communication:

Diction – the style of pronunciation, and the degree of clarity and distinctness in articulation.

For students in non-philological fields, proper pronunciation is considered the most essential tool for mastering English language skills through communication. Clear and fluent speech, including the accurate articulation of syllables, words, and sounds, is vital for effective comprehension.

Rhythm – the pace or weight of the voice. The pronunciation and speed of certain words and syllables determine the tempo of speech. The pace of speech depends on individual characteristics of each learner, as well as the content and context of communication.

Pauses, tempo, and the pleasantness of speech shape the overall tone of communication.

Monotone speech becomes boring and reduces interest and attention. Especially when expressing important rules, laws, or principles, the speed of speech should be reduced. In conclusion, developing English language skills requires adherence to speech culture, as every teacher should serve as a role model with clear, fluent speech and respectful communicative behavior. In today's educational environment, it is no longer enough for learners to simply possess deep theoretical knowledge — they are also expected to develop practical skills and communicative competence. At the stage of preparing undergraduate students — that is, future specialists — reforming the curriculum in line with internationally recognized standards, such as the Council of Europe’s "Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment" (CEFR), has become a priority. Along with this, the integration of these standards into Uzbekistan’s continuous education system is also being actively pursued for foreign language education. Requirements for Learning and Assessment of Proficiency. Requirements for learning and rules for assessing mastery have been developed. According to these, graduates of non-language-specialized educational programs are expected to achieve a B2+ proficiency level by the end of their academic studies at higher education institutions. Accordingly, the qualification requirements for students of non-linguistic educational institutions have also been revised to include

knowledge, skills, and competencies relevant to their professional preparation. Communicative competence refers to the ability to communicate with speakers of the target foreign language. It also involves familiarizing students with the culture of the countries where the target language is spoken, while deepening their understanding of their own country's culture, traditions, and customs—and being able to present them during conversations. Teaching speech activity from the perspective of etiquette and morality through a linguocultural approach helps learners understand the cultural norms accepted by English speakers, as well as the shared values, patterns of thinking, behavioral stereotypes, and communicative norms across different peoples. In reforming the curriculum for training future specialists, the objectives and tasks of the subject are aligned with the internationally recognized standards of the Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR), developed by the Council of Europe. According to these standards, communicative competence is defined as the ability to use acquired knowledge, skills, and abilities in a foreign language during the process of communication. In the CEFR framework, competencies are classified into the following groups:

Linguistic competence refers to the learner’s knowledge of language material (phonetics, vocabulary, grammar) and the acquisition of skills across the types of speech activity: listening, speaking, reading, and writing. It enables communication with native speakers of the language.

Sociolinguistic competence enables the speaker to choose the appropriate linguistic form and mode of expression based on the specific communicative situation, goal, and the speaker's intent.
This competence includes socio-cultural competence, which encompasses understanding the national characteristics of authentic speech: knowledge of the customs, values, ceremonies, and other national-cultural features of one's own country, and the ability to present these in comparison with those of the target-languageLet me know if you'd like this section further refined for academic or publication purposes, or if you need help continuing with the rest. Pragmatic competence refers to the ability to navigate complex situations in the target foreign language by means such as asking for clarification when misunderstandings arise in a communicative setting. According to the CEFR standards, discourse competence is considered a part of pragmatic competence. This competence involves expressing ideas appropriately in oral and written speech using relevant language tools. Discourse competence also includes the ability to understand and interpret linguistic signals that ensure coherence in both spoken and written discourse. G. V. Rogova divides language learning into three key components: linguistic, psychological, and methodological.

The linguistic component includes language materials (phonetics, grammar, and vocabulary), speech elements (related to different situations), and socio-cultural elements. In foreign language teaching, speech units have different impacts depending on the communication context. Language reflects culture and societal relations, and as a source of national culture, it serves two key functions: communicative and cumulative.

The psychological component involves improving the use of knowledge and skills in the target language for communicative purposes. During the process of foreign language learning, students develop speech mechanisms and acquire a system of speech skills.

The methodological component concerns the practical application of the language being learned in real-life communication situations, whether spoken or written, and especially those that are person-oriented.

L. S. Vygotsky emphasized that while a child acquires their native language unconsciously, a foreign language is learned consciously. In native language development, speech proficiency progresses from the bottom up, whereas foreign language acquisition typically progresses from the top down.

Among Western psychologists, G. A. Murray provided a definition of communicative need in 1938, highlighting that it is a social-psychological phenomenon. According to his

writings, communication manifests itself in situations such as: *“Making friends and forming bonds. Taking pleasure in people and living with them. Being in communication and cooperation. Loving. Joining groups.”* (Heckhausen) In other words, building relationships with people and maintaining those relationships may serve different goals — for example, *“creating a good impression,” “exerting influence over others,”* or *“providing or receiving help.”***The Role of Communication in Learning and Its Impact on Activity Effectiveness: Contributions by Uzbek Psychologists** to the role of communication in learning and its impact on the effectiveness of activities has also been studied by Uzbek psychologists. In particular, **P. I. Ivanov** is considered one of the prominent scholars who made significant contributions to the field of psychology. In his works dedicated to interest and aptitude, motives for career choice, psychological foundations of education, the realization of individual approaches in education, and the activation of the educational process, he has analyzed communication and its levels. His ideas and thoughts on interest, aptitude, desire, communication, and motivation were of great importance in their time. **A. A. Fayzullayev**, in his research, proposed analyzing the communication process between teacher and student step by step. He studied this process in five stages, which are as follows:

1. Understanding the interlocutor;
2. Accepting the interlocutor;
3. Applying internal desire externally;
4. Strengthening the thought;
5. Activating the thought.

Prominent psychologist **M. G. Davletshin** has made a significant contribution to this issue. M.G. Davletshin and his students have been engaged in the theoretical and practical problems of career choice motivation and the psychology of career selection in general. They have also emphasized the age-related characteristics of communication categories. **V. M. Karimova**, in her works, approached the issues of motivation and motivation problems in organizing effective communication from a socio-psychological perspective. In her research, she emphasized that communication is one of the essential components for socialization of the individual. **V. A. Tokareva**, in most of her scientific studies, pointed out that communication is important for forming professional competence. In **B. R. Qodirov**’s recent research, the aspects of aptitude, aspiration, ability, and talent in relation to communication have been revealed. **R. B. Shoumarov**, in his research, substantiated that it is possible to approach students individually, prepare them for family life, and achieve the perception of a person by another person through communication. In **R. Z. Gaynutdinov**’s studies, it is emphasized that communicative competence plays a major and primary role in the ethnopsychological characteristics of the teacher’s personality, the psychological foundations of career choice, stages of professional training, and mechanisms for improving professional skills. His research highlights the motivational hierarchy of communicative competence and prioritizes ensuring its success. In many of **Sh. R. Barotov’s** studies, the role and importance of communication in organizing effective psychological services in education have been defined. In his research, the organization of psychological services in educational institutions, and their methodological and theoretical foundations have been analyzed. Empirical data have been collected on student satisfaction with communication in the learning process, and relevant socio-psychological conclusions have been drawn. According to the results of the study, it was found that individuals are not sufficiently satisfied with cooperative activities related to interpersonal relationships.

From the above scientific-theoretical analysis, it can be seen that both direct and indirect attention has been given to the problem of developing English language skills through communication among students. Although many of these approaches are pedagogical and relate to different life stages, they contribute both theoretically and practically to the study of this issue in our country. However, it is worth specifically emphasizing that sufficient pedagogical-psychological research on this problem is still lacking.

Literature.

1. Алфред А. О нервическом характере - Под ред. Э. В. Соколова; пер. с нем. И. В. Стефанович. — Спб.: Университетская книга- 1997. - 388 с.
2. Ананев Б.Г. Избранние психологические труди в 2-х т. - М.: Педагогика- 1999.- Т1. – 287с.
3. Ананев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.- 381 с.
4. Асеева И.Н. Взаимосвяз синдрома эмоционалного вигорания и стратегий преодоления стресса у социалних работников: Дис. ... канд.псих.наук.- Самара, 2007.- 157 с.
5. Башкин М.В. Конфликтная компетентност личности:Дис. ... канд.псих. наук.- Ярославл, 2009.- 242 с.
6. Бек А. и др. Когнитивная терапия депрессии/ А. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г., Эмери. СПб.: Питер, 2003.
7. Белинская Е.П., Тихомандритская О.А. Социалная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001.-301с.
8. Берн Э. Игри, в которие играют луди. Луди, которие играют в игри. Минск Современний литератор.-2002.- 447с.
9. Бодалёв А.А. Личност и обшение: избранние труди.- М.: Международная пед.академия.- 1995.-324с.
10. Божович Л.И. Избранние психологические труди. Проблеми формирование личности.- М.: Международная пед.академия, 1995.-209с.
11. Виготский Л.С. Собр.соч. Т.4., М.: Педагогика, 1984. -127 с.
12. *Михайлова Е.С.,* Метод оценки степени нестабильности топографии вызванных потенциалов и его применение в экспериментальной задаче выделения значимой буквы. Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2011. Т. 61. № 2. С. 242-247.
13. Gaynutdinov R.Z. Psixologicheskiye aspekti podgotovki uchiteley dlya uchebnix zavedeniy novogo tipa// Yangi turdagi o‘rta maxsus o‘quv yurtlarida ta’lim va tarbiyaning samaradorligini oshirishning psixologik muammolari. T., 1998, -S.14-21.
14. Gaynutdinov R.Z. Psixologiya lichnosti uchitelya uzbekskoy natsionalnoy shkoli i yeye formirovaniye v sisteme neprerivnogo obrazovaniya: Avtoref. dis. ... dok.psix.nauk. Sankt-Peterburg, 1992.-34s.
15. Елканова СБ. Основи професионалного самовоспитания будушего учителя. М.:МГУ. 1989.-189с.

GENDER STEREOTYPES IN LEADERSHIP PSYCHOLOGY AND THEIR PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES

Nabiyeva M.R.
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract. *Leadership is a complex psychological and social construct influenced by individual traits, situational factors, and societal expectations. Gender stereotypes significantly shape leadership perceptions, affecting both men and women in distinct ways. This study investigates the cognitive, emotional, and behavioral consequences of gendered expectations in leadership. A mixed-methods approach, integrating quantitative surveys and qualitative interviews, was employed across multiple organizational contexts. Findings reveal*

that women often face the “double bind,” balancing assertiveness and likability, while men experience pressure to conform to authoritative norms. Organizational interventions, mentorship programs, and competency-based frameworks are crucial for mitigating stereotype effects. This study contributes to theory and practice by providing evidence-based strategies for fostering inclusive, gender-neutral leadership.

Key words: *leadership psychology, gender stereotypes, self-efficacy, organizational behavior, emotional intelligence*

Аннотация. *Лидерство — это сложная психологическая и социальная конструкция, на которую влияют индивидуальные черты, ситуативные факторы и ожидания общества. Гендерные стереотипы значительно формируют восприятие лидерства, оказывая различное влияние на мужчин и женщин. Настоящее исследование изучает когнитивные, эмоциональные и поведенческие последствия гендерных ожиданий в сфере лидерства. Использовался смешанный метод, включающий количественные опросы и качественные интервью, проведенные в различных организационных контекстах. Результаты показывают, что женщины часто сталкиваются с «двойной ловушкой», балансируя между напористостью и дружелюбием, в то время как мужчины испытывают давление соответствовать авторитарным нормам. Организационные интервенции, программы наставничества и компетентностно-ориентированные подходы имеют ключевое значение для смягчения воздействия стереотипов. Исследование вносит вклад в теорию и практику, предоставляя основанные на доказательствах стратегии формирования инклюзивного, гендерно нейтрального лидерства.*

Ключевые слова: *психология лидерства, гендерные стереотипы, самоэффективность, организационное поведение, эмоциональный интеллект*

Introduction. Leadership has long been recognized as a central component in the functioning of societies, organizations, and institutions. From historical monarchies to modern corporations, effective leadership has been pivotal in shaping social, political, and economic outcomes (Bass, 1990). Leadership is not simply a position of authority; it embodies a complex psychological process that encompasses influence, motivation, decision-making, and the ability to inspire followers.

Contemporary research emphasizes that leadership is a multidimensional construct, influenced by both personal traits and environmental conditions (Northouse, 2019). Personal traits include intelligence, emotional regulation, communication skills, and moral reasoning, whereas environmental factors encompass organizational culture, team composition, societal norms, and situational demands. The interplay between these factors determines leadership effectiveness in a given context.

A growing body of literature highlights the role of gender stereotypes in shaping leadership perceptions and outcomes. Gender stereotypes are socially constructed expectations regarding behaviors, roles, and emotional expressions appropriate for men and women (Bem, 1993). Such stereotypes influence not only how leaders are perceived by others but also how individuals perceive their own leadership potential. For instance, women often face the "double bind" phenomenon, being criticized for displaying assertiveness or labeled as too soft if demonstrating communal qualities (Eagly & Karau, 2002). Conversely, men may experience pressure to conform to dominant, authoritative norms, limiting emotional expressiveness and interpersonal flexibility.

The psychological consequences of these stereotypes are significant. Research indicates that internalized gender norms affect self-efficacy, decision-making, stress levels, and leadership behaviors (Heilman, 2012). Organizations with entrenched gender norms may inadvertently limit diversity in leadership and hinder talent development. Moreover, gendered expectations can affect team dynamics, employee engagement, and overall organizational performance.

This study aims to investigate the intersection of gender stereotypes and leadership psychology, focusing on cognitive, emotional, and behavioral outcomes. By integrating theoretical perspectives with empirical findings, the research seeks to answer the following questions:

1. How do gender stereotypes shape leadership perception and self-efficacy among men and women?
2. What are the psychological consequences of these stereotypes in organizational contexts?
3. How can leadership frameworks be adapted to promote gender-neutral, competency-based approaches?

The significance of this research lies in its potential to inform both theory and practice. Academically, it contributes to the understanding of leadership as a socially and psychologically constructed phenomenon influenced by gender norms. Practically, the findings support the development of inclusive organizational policies, mentorship programs, and training initiatives that enhance leadership effectiveness across genders.

Historical Context and Evolution of Leadership

Leadership theories have evolved significantly over the past century. Early Trait Theories proposed that certain innate characteristics, such as intelligence, decisiveness, and charisma, distinguished leaders from non-leaders (Stogdill, 1948). Subsequent Behavioral Theories emphasized the observable actions and styles of leaders, identifying patterns such as task-oriented versus relationship-oriented behaviors (Lewin, Lippitt, & White, 1939).

In the 1960s and 1970s, Contingency and Situational Theories emerged, suggesting that the effectiveness of a leader depends on the alignment between personal traits, behaviors, and situational variables (Fiedler, 1967). This perspective highlighted the dynamic nature of leadership, emphasizing adaptability, context sensitivity, and the importance of understanding follower needs.

The late 20th and early 21st centuries witnessed a focus on psychological and emotional aspects of leadership. Emotional intelligence (Goleman, 1995), transformational leadership (Bass, 1990), and authentic leadership (Avolio & Gardner, 2005) frameworks stress the role of self-awareness, empathy, ethical conduct, and interpersonal influence in effective leadership. These modern perspectives provide a foundation for examining how gender stereotypes intersect with leadership psychology.

The Role of Gender in Leadership

Gender plays a crucial role in shaping leadership experiences and perceptions. Research consistently demonstrates that societal expectations about gender-appropriate behavior influence evaluations, opportunities, and self-concept in leadership (Eagly & Carli, 2007). Female leaders often confront contradictory expectations: to be competent and assertive, yet simultaneously nurturing and likable. Male leaders, on the other hand, may face pressures to conform to traditionally masculine norms of authority and decisiveness.

Understanding these dynamics requires a multidimensional approach. Gender stereotypes are not only cultural artifacts but also cognitive frameworks through which individuals process social information. Such frameworks influence judgments about leadership potential, decision-making styles, and team interactions (Koenig et al., 2011).

By integrating these insights, this study seeks to provide a comprehensive view of how leadership psychology interacts with gendered expectations, highlighting implications for both individuals and organizations.

Literature Review

Leadership research has evolved considerably over the past century, transitioning from trait-based perspectives to complex models integrating psychological, social, and organizational factors. Understanding leadership requires examining the interplay between personal characteristics, situational variables, and societal expectations, including gender norms.

Early leadership studies primarily focused on traits. Stogdill (1948) conducted a comprehensive survey, concluding that no single trait guarantees leadership effectiveness; instead, a combination of intelligence, self-confidence, and sociability contributes to leader emergence. Similarly, Lewin, Lippitt, and White (1939) distinguished between authoritative, democratic, and laissez-faire leadership styles, demonstrating the impact of leader behavior on group performance and cohesion.

Behavioral theories subsequently emphasized observable actions over innate qualities. These studies highlighted task-oriented versus relationship-oriented leadership, showing that effective leaders balance goal achievement with attention to interpersonal relationships. This shift from traits to behaviors laid the foundation for contemporary competency-based leadership models.

Contingency and Situational Approaches

The emergence of Contingency Theory (Fiedler, 1967) and Situational Leadership Theory (Hersey & Blanchard, 1969) marked a transition toward context-sensitive frameworks. According to these models, the effectiveness of leadership is contingent upon situational variables such as task structure, follower competence, and organizational climate. Leaders must adapt their style to match the demands of the environment to maximize group performance.

These approaches underscore that leadership effectiveness is not solely dependent on personal attributes; contextual understanding and flexibility are equally critical. Contemporary leadership research builds on these insights, integrating psychological dimensions such as emotional intelligence, stress management, and ethical decision-making (Goleman, 1995).

Transformational and Emotional Leadership

Transformational leadership, introduced by Bass (1990), emphasizes the ability to inspire and motivate followers through vision, charisma, and individualized consideration. Leaders who exhibit transformational behaviors are more likely to foster innovation, commitment, and high performance among team members. Emotional intelligence, as articulated by Goleman (1995), is central to transformational leadership, enabling leaders to navigate complex interpersonal dynamics and influence organizational culture positively.

Authentic leadership further extends this paradigm, highlighting self-awareness, transparency, and alignment between values and actions (Avolio & Gardner, 2005). Research suggests that emotionally intelligent and authentic leaders are better equipped to mitigate the negative effects of bias and stereotyping in organizational settings.

Gender Stereotypes in Leadership

Despite theoretical advancements, gender stereotypes remain a pervasive influence on leadership. Eagly and Karau (2002) proposed the Role Congruity Theory, asserting that women are often evaluated negatively when exhibiting agentic behaviors, while men are expected to display such behaviors. Communal traits, such as empathy and nurturance, are undervalued in leadership assessments despite their positive impact on team dynamics and organizational outcomes.

Empirical research confirms these biases. Catalyst (2021) reports that women in leadership roles often face scrutiny regarding both competence and likability. Male leaders, meanwhile, experience pressures to conform to socially prescribed authority norms, sometimes leading to stress, emotional suppression, and limited interpersonal flexibility.

Cognitively, gender stereotypes operate as mental schemas that shape perception, judgment, and decision-making (Koenig et al., 2011). Leaders perceived as violating expected gender norms encounter resistance or reduced influence. Such psychological mechanisms reinforce structural barriers and perpetuate inequities in leadership representation.

Integrating Leadership Theories with Gender Considerations

Modern leadership research emphasizes competency-based, gender-neutral approaches. By focusing on skills, emotional intelligence, and adaptive behavior rather than

gender, organizations can identify and cultivate effective leaders regardless of societal expectations (Eagly, 2013). Interventions such as mentorship programs, leadership training, and bias awareness initiatives demonstrate measurable improvements in leadership inclusivity and performance outcomes.

The literature also suggests the importance of cross-cultural considerations. Gender norms and leadership expectations vary across societies, affecting the applicability of leadership models. Comparative studies highlight that while certain stereotypes are global, cultural context mediates the expression and impact of gendered expectations on leadership.

Summary of Key Findings from Literature

1. Leadership effectiveness is determined by a combination of personal traits, behaviors, situational factors, and social expectations.
2. Emotional intelligence and transformational behaviors are critical for modern leadership success.
3. Gender stereotypes significantly influence perceptions of leadership ability and self-efficacy.
4. Competency-based, gender-neutral frameworks are essential for inclusive leadership development.
5. Organizational interventions and cultural awareness can mitigate the negative effects of bias.

Methodology and Research Findings

This study adopts a mixed-methods research design, integrating quantitative surveys and qualitative interviews to provide a comprehensive understanding of the impact of gender stereotypes on leadership psychology. This approach allows the triangulation of data, enhancing the validity of the findings (Creswell & Plano Clark, 2017).

The research was conducted across diverse organizational contexts, including corporate, governmental, and educational institutions, ensuring variability in leadership levels, gender distribution, and cultural backgrounds.

Participants

A total of 250 participants were recruited, including 120 women and 130 men, aged 25–55 years. Participants held various leadership positions, from team leaders to senior managers. Selection criteria included at least three years of professional experience and current or previous leadership responsibilities.

Demographic variables such as age, educational background, and industry were recorded to examine potential moderating effects on leadership perception and the impact of gender stereotypes.

Instruments

1. Leadership Self-Efficacy Scale (LSES) – Measures individuals' confidence in executing leadership tasks (Hannah et al., 2008).
2. Gender Stereotype Belief Questionnaire (GSBQ) – Assesses participants' internalized beliefs regarding gender roles in leadership.
3. Semi-Structured Interviews – Conducted with 30 participants (15 women, 15 men) to capture in-depth personal experiences of gender bias, leadership challenges, and strategies for overcoming stereotypes.

Procedure

Surveys were administered online using secure platforms. Informed consent was obtained, ensuring confidentiality and voluntary participation. Following the survey, interviews were conducted either in-person or via video conferencing. Interview questions were designed to elicit detailed accounts of leadership experiences, perceptions of gender bias, and organizational dynamics.

Quantitative data were analyzed using SPSS v27, employing descriptive statistics, t-tests, and ANOVA to examine differences across gender and leadership levels. Qualitative

data underwent thematic analysis following Braun and Clarke (2006), identifying recurring patterns, perceptions, and coping strategies.

Reliability and Validity

The instruments demonstrated high reliability, with Cronbach's alpha coefficients exceeding 0.80 for all scales. Validity was established through expert review, pilot testing, and comparison with established measures from prior literature (Eagly & Karau, 2002; Heilman, 2012). Triangulation of survey and interview data enhanced construct validity.

Leadership Self-Efficacy: Women scored slightly lower than men on average (M_women = 3.78, SD = 0.42; M_men = 4.12, SD = 0.38), suggesting the influence of internalized gender norms.

Perception of Gender Stereotypes: 72% of participants reported that gender stereotypes influence promotion and evaluation processes.

Statistical Analysis: An independent-samples t-test indicated a significant gender difference in leadership self-efficacy ($t(248) = -3.45$, $p < 0.01$). ANOVA tests confirmed that organizational type did not significantly moderate this effect.

Thematic analysis revealed four major themes:

1. The Double Bind for Women: Female leaders reported balancing assertiveness and likability, often facing criticism in both extremes.

2. Pressure on Men: Male leaders described societal expectations to display dominance, limiting emotional expression.

3. Mentorship and Support: Participants emphasized the critical role of mentors and peer support in navigating gendered challenges.

4. Organizational Culture: Inclusive cultures with formal policies to mitigate bias facilitated leadership development for both genders.

Findings indicate that gender stereotypes continue to exert psychological effects on leaders. Women's self-efficacy may be constrained by internalized societal expectations, while men face stress from role conformity pressures. Organizational support mechanisms, such as mentorship, training, and bias-awareness programs, effectively mitigate these impacts, promoting equitable leadership opportunities.

The findings of this study provide strong evidence that gender stereotypes continue to shape leadership psychology, influencing both self-perception and social evaluation. Quantitative analysis revealed significant differences in leadership self-efficacy between men and women, confirming prior research indicating that internalized gender norms affect confidence and perceived competence (Eagly & Karau, 2002; Heilman, 2012).

Qualitative insights further elucidate the psychological mechanisms behind these differences. Female leaders often experience the "double bind", needing to balance assertiveness with likability. This aligns with the role incongruity framework, which posits that leadership expectations traditionally favor masculine traits, penalizing women for exhibiting agency (Koenig et al., 2011). Male leaders, conversely, face social pressure to maintain authoritative personas, which may limit emotional expressiveness and contribute to stress and burnout.

The study also highlights the importance of organizational context. Participants consistently noted that inclusive cultures, mentorship programs, and bias-awareness training can mitigate stereotype effects. This suggests that structural and cultural interventions are critical for fostering equitable leadership opportunities. Competency-based frameworks emphasizing emotional intelligence, ethical reasoning, and interpersonal effectiveness were perceived as particularly valuable, supporting contemporary models of gender-neutral leadership (Eagly, 2013; Goleman, 1995).

Furthermore, the integration of historical and psychological perspectives underscores the evolution of leadership theory. Classical trait and behavioral models, while foundational, do not fully account for the subtle, socially constructed barriers imposed by gender stereotypes. Modern frameworks, incorporating emotional intelligence, authenticity, and

transformational leadership, provide more robust explanatory power for understanding leadership outcomes across genders.

Conclusion

This research demonstrates that gender stereotypes remain a pervasive influence on leadership psychology, affecting both men and women in distinct ways. Key conclusions include:

1. Women leaders face the double bind, balancing agency and likability, which affects self-efficacy and social evaluation.
2. Men encounter pressures to conform to authoritative norms, influencing emotional expression and interpersonal dynamics.
3. Competency-based, gender-neutral leadership frameworks, combined with emotional intelligence and authenticity, mitigate the effects of gender stereotypes.
4. Organizational interventions, including mentorship, training, and inclusive policies, are essential to foster equitable leadership opportunities.

By addressing these issues, organizations can cultivate an environment where leaders are evaluated based on skill, integrity, and effectiveness rather than gendered expectations. This contributes not only to individual well-being and professional development but also to enhanced organizational performance and innovation.

References.

1. Avolio, B. J., & Gardner, W. L. (2005). Authentic leadership development: Getting to the root of positive forms of leadership. The Leadership Quarterly, 16(3), 315–338.
2. Bass, B. M. (1990). Bass & Stogdill's Handbook of Leadership: Theory, Research, and Managerial Applications. Free Press.
3. Bem, S. L. (1993). The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality. Yale University Press.
4. Eagly, A. H., & Carli, L. L. (2007). Through the labyrinth: The truth about how women become leaders. Harvard Business Review Press.
5. Eagly, A. H., & Karau, S. J. (2002). Role congruity theory of prejudice toward female leaders. Psychological Review, 109(3), 573–598.
6. Fiedler, F. E. (1967). A theory of leadership effectiveness. McGraw-Hill.
7. Goleman, D. (1995). Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. Bantam Books.
8. Heilman, M. E. (2012). Gender stereotypes and workplace bias. Research in Organizational Behavior, 32, 113–135.
9. Koenig, A. M., Eagly, A. H., Mitchell, A. A., & Ristikari, T. (2011). Are leader stereotypes masculine? A meta-analysis of three research paradigms. Psychological Bulletin, 137(4), 616–642.
10. Lewin, K., Lippitt, R., & White, R. K. (1939). Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates. Journal of Social Psychology, 10(2), 271–299.
11. Northouse, P. G. (2019). Leadership: Theory and practice (8th ed.). Sage Publications.
12. Stogdill, R. M. (1948). Personal factors associated with leadership: A survey of the literature. Journal of Psychology, 25, 35–71.
13. Catalyst. (2021). Women in Leadership: Quick Take. Catalyst.org.
14. Creswell, J. W., & Plano Clark, V. L. (2017). Designing and conducting mixed methods research (3rd ed.). Sage Publications.
15. Eagly, A. H. (2013). Women as leaders: Leadership style versus leaders' values and attitudes. Psychology of Women Quarterly, 37(1), 1–5.
16. Stogdill, R. M. (1948). Personal factors associated with leadership: A survey of the literature. Journal of Psychology, 25, 35–71.
17. Hersey, P., & Blanchard, K. H. (1969). Life cycle theory of leadership. Training & Development Journal, 23(5), 26–34.

THE ROLE OF CREATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN DEVELOPING STUDENTS' INNOVATIVE COMPETENCE

Rustamov Sh.Sh.
(Bukhara, Uzbekistan)

Annotation. *This article analyzes the role of creative educational technologies in the formation of students' innovative competence. Innovative competence is a set of skills that are highly relevant for modern students and play a crucial role in their professional and personal development. In today's educational process, creative teaching technologies, including project-based learning, interactive methods, digital technologies, and problem-based learning approaches, contribute to the development of students' thinking processes, the formation of independent decision-making abilities, and the expansion of their creative approaches.*

Keywords: *innovative competence, creative educational technologies, interactive learning, problem-based learning.*

Аннотация. *В данной статье анализируется роль креативных образовательных технологий в формировании инновационной компетентности студентов. Инновационная компетентность представляет собой совокупность навыков, актуальных для современных студентов, и играет важную роль в их профессиональном и личностном развитии. В современном образовательном процессе креативные технологии обучения, включая проектное обучение, интерактивные методы, цифровые технологии и проблемное обучение, способствуют развитию мыслительных процессов студентов, формированию их способности принимать самостоятельные решения и расширению их творческого подхода.*

Ключевые слова: *инновационная компетентность, креативные образовательные технологии, интерактивное обучение, проблемное обучение.*

Introduction. In the era of globalization and rapid technological advancement, the formation of students' innovative competence has become one of the key priorities of modern education systems. The dynamic development of society requires that students not only acquire theoretical knowledge but also develop creative thinking, apply innovative approaches, master modern technologies, and demonstrate independent problem-solving abilities. In this context, creative educational technologies play a vital role in shaping students' innovative competence and preparing them for the challenges of the 21st century.

The significance of creative approaches in education continues to grow. Modern teaching strategies such as project-based learning, interactive methods, problem-based instruction, STEAM (Science, Technology, Engineering, Arts, Mathematics) approaches, and the integration of digital technologies into the learning process have proven to be effective tools for developing innovative competence. These approaches not only help students gain knowledge but also enhance their ability to think independently, collaborate in teams, make informed decisions, and foster creative and analytical reasoning skills.

Research results indicate that the effective use of creative teaching technologies increases students' motivation, strengthens their engagement in learning, and develops their creative potential. Therefore, integrating innovative and creative methodologies into higher education is essential for ensuring that students are equipped with the skills required in today's knowledge-driven economy. This article explores the importance of creative educational technologies in developing students' innovative competence, their pedagogical effectiveness, and methods of integrating them into the educational process.

The paper is expected to be useful for educators, education experts, and researchers who are actively involved in implementing innovative and creative teaching practices aimed at improving the quality of education in the modern context.

Literature Review. Studies on the formation of students' innovative competence and the role of creative educational technologies reveal that modern education must go beyond the mere transmission of theoretical knowledge—it must promote creative thinking, problem-solving ability, and innovative approaches to learning. The literature review allows for an in-depth understanding of the pedagogical, psychological, and methodological foundations of this process.

According to pedagogical theories, John Dewey (1916) laid the early methodological foundation for innovative competence through his experiential learning concept. Dewey believed that education should not be limited to knowledge acquisition but should serve as a platform for real-life problem-solving and practical experience. His ideas inspired modern methods such as project-based learning, problem-based learning, and interactive approaches that emphasize student engagement and creativity.

Lev Vygotsky (1978), through his cultural-historical theory of development, highlighted the importance of social interaction in learning. He argued that knowledge is constructed through communication and collaboration, and that innovative competence is developed through interactive learning, dialogue, and experiential activities. His concept of the zone of proximal development (ZPD) underscores the need to design educational experiences that expand students' independent learning capabilities.

Jean Piaget (1952), in his theory of cognitive development, demonstrated that active participation in learning enhances cognitive flexibility and innovation. His work inspired teaching methodologies focused on inquiry, exploration, and experiential discovery—approaches that encourage independent thinking and creativity in students.

Further research by Ken Robinson (2011) emphasized that traditional education often suppresses creativity and critical thinking. Robinson advocated for the transformation of educational systems to prioritize creativity, encouraging schools to provide students with opportunities for non-standard problem solving and innovation through interactive, project-based, and art-integrated learning.

In the digital era, George Siemens (2005) proposed the connectivism theory, which views learning as a process of forming networks and connections within ever-changing information systems. Siemens emphasized that innovative competence develops through interaction with digital platforms, artificial intelligence, and information networks—implying that technology should not merely supplement education but become an integral part of it.

From local perspectives, Shodmonov (2018) examined the strategic framework of innovation in the Uzbek education system, emphasizing that the success of innovative learning depends on institutional infrastructure, teacher qualifications, and student motivation. Karimov (2020) studied the effectiveness of the STEAM approach in developing innovative competence, demonstrating that interdisciplinary integration promotes students' analytical thinking, teamwork, and problem-solving abilities. Similarly, Sodiqov (2021) found that project-based learning is one of the most effective methods for fostering innovation, as it allows students to apply theoretical knowledge in practical contexts and collaborate on real-world challenges.

Overall, the literature review confirms that fostering innovative competence requires the systematic application of creative educational technologies, including project-based learning, problem-based learning, the STEAM model, and digital integration. These methods not only develop creativity but also strengthen students' ability to adapt to new situations, make independent decisions, and approach problems with innovation-oriented thinking.

Discussion. Empirical research confirms that the effective formation of innovative competence depends on the integration of creativity and interaction into the educational process. The global trend in education emphasizes that universities must prepare students

not only as knowledge consumers but as innovators and creators capable of generating new ideas and applying them in practice.

In this regard, creative learning technologies such as project-based instruction, problem-based learning, STEAM integration, and interactive methods serve as the foundation for innovation-oriented education. These approaches encourage active participation, teamwork, and experimentation—qualities essential for cultivating future professionals who can think critically, solve real-life problems, and adapt to technological change.

From a psychological and pedagogical standpoint, the theories of Vygotsky and Piaget provide a solid scientific basis for creative learning. Vygotsky's idea that learning is a socially mediated process underscores the role of communication and collaboration in developing innovative thinking, while Piaget's model demonstrates how active engagement promotes logical reasoning, experimentation, and creativity.

Digital technologies have also become a defining factor in developing innovative competence. According to Siemens' connectivism theory, knowledge is no longer static but dynamically formed through digital networks. Therefore, tools such as online learning platforms, virtual simulations, artificial intelligence systems, and interactive educational environments are indispensable for cultivating 21st-century innovation skills.

In the context of Uzbekistan, research by Karimov (2020) and Shodmonov (2018) reveals that although innovative education is recognized as a national priority, the practical implementation of creative and interactive technologies remains insufficient. Therefore, special attention should be paid to teacher training programs, digital infrastructure development, and motivation strategies that encourage both instructors and students to adopt innovation-based learning.

In conclusion, creative educational technologies are not merely supportive tools but a fundamental mechanism for shaping students' innovative competence. Project-based, interdisciplinary, and digital learning environments prepare learners to think independently, act creatively, and adapt flexibly to future professional challenges.

"Developing Students' Innovative Competence through Creative Educational Technologies."

1-table

№	Research Component	Description	Implementation Form
1.	**Object of the Research**	The process of developing students' innovative competence	Observation and analysis of university students' educational activities
2.	**Subject of the Research**	The impact of creative educational technologies on innovative competence	Application of interactive methods, project-based learning, STEAM, and digital technologies
3.	**Purpose of the Research**	To identify the role and effectiveness of creative educational technologies in forming students' innovative competence	Theoretical analysis, empirical observation, and survey methods
4.	**Research Tasks**	1. To study the theoretical foundations of creative educational technologies. 2. To define the concept of innovative competence. 3. To analyze the pedagogical effectiveness of creative learning methods. 4. To develop practical recommendations for implementation.	Literature review, survey, experiment, interview, observation
5.	**Research Methods**	Observation, questionnaire, project-based learning, problem-based learning,	Conducted individually and in groups

		experimental method, and statistical analysis	
6.	**Theoretical Foundations**	Dewey (learning through experience), Vygotsky (socio-cultural theory), Piaget (cognitive development), Robinson (creative thinking), Siemens (connectivism theory)	Study and synthesis of scientific sources
7.	**Practical Significance**	The research results can help integrate creative technologies into the learning process, improve educational quality, and foster an innovative academic environment	Development of methodological guidelines for teachers, psychologists, and educational institutions
8.	**Expected Results**	Development of students' creative thinking, decision-making ability, problem-solving, and innovative approach skills	Preparation of scientific articles, methodological recommendations, and practical solutions

Conclusion. Creative educational technologies play a vital role in shaping students' innovative competence in modern higher education. The findings of this research show that transitioning from traditional to creative, interactive teaching methods significantly enhances students' creative potential, independent decision-making skills, and adaptability.

Incorporating innovative approaches such as project-based learning, problem-solving education, the STEAM framework, and digital integration equips students with practical skills necessary for innovation-driven careers. Furthermore, such methods encourage intrinsic motivation, collaboration, and self-directed learning—core components of innovative competence.

References.

1. Dewey, J. (1916). *Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education.* New York: Macmillan.
2. Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Piaget, J. (1952). *The Origins of Intelligence in Children.* New York: International Universities Press.
4. Robinson, K. (2011). *Out of Our Minds: Learning to be Creative.* Oxford: Capstone Publishing.
5. Siemens, G. (2005). *Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age. International Journal of Instructional Technology and Distance Learning*, 2(1), 3–10.
6. Bandura, A. (1997). *Self-Efficacy: The Exercise of Control.* New York: W. H. Freeman and Company.
7. Kolb, D. A. (1984). *Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
8. Bruner, J. S. (1996). *The Culture of Education.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
9. Gardner, H. (2006). *Five Minds for the Future.* Boston, MA: Harvard Business School Press.
10. Shodmonov, S. (2018). *Innovation Processes in the Education System of Uzbekistan.* Tashkent: "Fan va Texnologiya" Publishing.

ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF FORMATION OF COGNITIVE AND PSYCHO-EMOTIONAL DISORDERS IN HYPOTHYROIDISM AND THEIR INTERRELATIONSHIPS

Ollaberganova R. Z., Ollaberganova M. F.
(Tashkent, Uzbekistan)

Abstract. *Hypothyroidism is a common endocrine disorder that affects various systems in the body, including the central nervous system. A growing body of evidence suggests that thyroid hormone deficiency significantly contributes to the development of cognitive impairments and psycho-emotional disturbances such as depression, anxiety, and aggression. However, the mechanisms underlying these disorders and their interrelations remain underexplored. This study aims to analyze the mechanisms of formation of cognitive and psycho-emotional disorders in women with hypothyroidism and to explore their interrelationships. Additionally, it evaluates the effectiveness of combining pharmacological treatment with different psychotherapeutic approaches. Cognitive and psycho-emotional disorders were significantly more pronounced in all hypothyroid patient groups compared to the healthy control group. Post-intervention analyses demonstrated that combining pharmacological treatment with CBT (Group B) led to the most substantial improvements in cognitive functioning and depressive symptoms. RET (Group A) was more effective in reducing aggression and emotional tension. Patients receiving only baseline therapy (Group C) showed limited progress. Cognitive and psycho-emotional disorders in hypothyroidism are interconnected and require an integrated therapeutic approach. Psychotherapeutic interventions, particularly CBT and RET, enhance the effectiveness of standard hormone therapy by addressing the psychological dimensions of the disorder. Personalized psychological support is recommended for optimal management of hypothyroid patients.*

Keywords: *psycho-emotional disorders, hypothyroidism, cognitive dysfunction, depression, emotional conflict, aggression, thyroid hormone deficiency, women's mental health, neuropsychology, psycho-neuroendocrinology, integrated treatment approaches, emotional regulation, internal emotional conflict, endocrine psychiatry.*

Аннотация. *Гипотиреоз - распространённое эндокринное заболевание, которое затрагивает различные системы организма, включая центральную нервную систему. Растущие данные свидетельствуют о том, что дефицит тиреоидных гормонов значительно способствует развитию когнитивных нарушений и психоэмоциональных расстройств, таких как депрессия, тревожность и агрессия. Однако механизмы формирования этих расстройств и их взаимосвязи остаются недостаточно изученными. Цель данного исследования - проанализировать механизмы формирования когнитивных и психоэмоциональных нарушений у женщин с гипотиреозом и изучить их взаимосвязи. Дополнительно оценивается эффективность сочетания фармакологического лечения с различными психотерапевтическими подходами. Когнитивные и психоэмоциональные нарушения были значительно более выражены во всех группах пациентов с гипотиреозом по сравнению с контрольной группой здоровых женщин. Анализ после вмешательства показал, что сочетание базисного лечения с когнитивно-поведенческой терапией (группа В) обеспечило наиболее значительное улучшение когнитивных функций и уменьшение симптомов депрессии. Рационально-эмотивная терапия (группа А) была более эффективна в снижении агрессии и эмоционального напряжения. Пациенты, получавшие только базисное лечение*

(группа С), продемонстрировали ограниченный прогресс. Когнитивные и психоэмоциональные нарушения при гипотиреозе взаимосвязаны и требуют комплексного терапевтического подхода. Психотерапевтические вмешательства, в частности КПТ и РЭТ, усиливают эффективность стандартной гормональной терапии, воздействуя на психологические аспекты заболевания. Для оптимального ведения пациентов с гипотиреозом рекомендуется персонализированная психологическая поддержка.

Ключевые слова: *психоэмоциональные расстройства, гипотиреоз, когнитивные нарушения, депрессия, эмоциональный конфликт, агрессия, дефицит тиреоидных гормонов, психическое здоровье женщин, нейропсихология, психонейроэндокринология, интегрированные подходы к лечению, регуляция* эмоций, внутренний эмоциональный конфликт, эндокринная психиатрия.

Introduction. In recent years, the prevalence of thyroid disorders, in particular hypothyroidism, among endocrine system diseases has been steadily increasing worldwide. According to the World Health Organization (WHO), the prevalence of hypothyroidism in the general population is 3–10%, and among women this figure is 8–10 times higher than in men. In some regions, especially in regions with iodine deficiency, this figure reaches 15%. Thyroid hormones regulate neuronal growth, synaptic plasticity, neurotransmitter metabolism, and cerebral blood flow. Therefore, their deficiency is accompanied by symptoms such as decreased attention, memory impairment, slowed thinking, depressive mood, anxiety, irritability, and loss of motivation. These changes often cause serious difficulties in patients' daily activities, professional performance, and social adaptation. However, numerous clinical observations have shown that the mental changes observed in hypothyroid patients are not only related to hormone deficiency, but also to the individual's stress response mechanisms, level of emotional stability, and cognitive adaptation capabilities. This indicates that the mechanisms of psycho-emotional disorders in hypothyroidism are multifactorial. In modern clinical psychology, cognitive behavioral therapy (CBT) and rational emotive therapy (RET) are widely used as effective psychotherapeutic approaches to correct such complex changes. They allow patients to identify negative automatic thoughts, form positive cognitive models, normalize self-esteem, and restore mental stability. This study aims to analyze the mechanisms of cognitive and psycho-emotional disorders in patients with hypothyroidism, their interrelationships, and the effectiveness of psychotherapeutic methods of influence, which is of urgent scientific and practical importance for clinical practice.

Hypothyroidism is a chronic endocrine disorder characterized by a deficiency of thyroid hormones - primarily thyroxine (T4) and triiodothyronine (T3) - which play a crucial role in regulating the body’s metabolic processes, neurodevelopment, and central nervous system functioning. While the somatic symptoms of hypothyroidism such as fatigue, cold intolerance, weight gain, and menstrual irregularities are well-documented, the disorder’s neuropsychiatric and cognitive consequences are often underrecognized and undertreated in clinical practice. Thyroid hormones are essential for maintaining normal cognitive processes, including attention, memory, information processing, and executive functioning. They influence neuroplasticity, neurotransmitter activity (especially serotonin, dopamine, and norepinephrine), and cerebral blood flow. Therefore, hypothyroidism frequently results in cognitive impairments such as memory deficits, slowed thinking, poor concentration, and reduced mental efficiency. These symptoms can significantly affect patients' quality of life, social functioning, and occupational productivity. In addition to cognitive dysfunction, psycho-emotional disorders are common in hypothyroid patients. Clinical observations and research studies have shown a high prevalence of depressive symptoms, anxiety, irritability, emotional instability, and even aggressive behavior in individuals with thyroid hormone deficiency. The mechanisms behind these disturbances are multifactorial and may involve both biochemical and psychosocial components, including hormone imbalance, altered neurotransmission, inflammatory processes, and the psychological burden of chronic illness.

Despite increasing awareness, the interrelationships between cognitive and emotional disorders in hypothyroidism remain insufficiently explored, especially in the context of integrative treatment strategies. While hormone replacement therapy (typically levothyroxine) remains the cornerstone of hypothyroidism management, it does not always lead to full resolution of neuropsychological symptoms. This highlights the need for complementary psychotherapeutic interventions aimed at addressing the cognitive and emotional dimensions of the disorder. This study focuses on analyzing the mechanisms through which cognitive and psycho-emotional disorders develop in women with hypothyroidism, and how these disorders interact. Moreover, it evaluates the effectiveness of combining standard hormone replacement therapy with psychotherapeutic approaches such as Cognitive Behavioral Therapy (CBT) and Rational Emotive Therapy (RET). These therapies have shown promise in addressing psychological symptoms in various medical conditions, but their specific role in hypothyroidism-related neuropsychological dysfunction warrants further exploration. Given that women, especially in reproductive age, are disproportionately affected by thyroid disorders, this study specifically targets a female population aged 15 to 49. By using standardized neuropsychological assessments, we aim to provide a clearer understanding of the depth and nature of cognitive and emotional disturbances in hypothyroidism, and to propose a more comprehensive and multidisciplinary approach to treatment.

The purpose of the study is to identify the mechanisms of formation of cognitive and psycho-emotional disorders in patients with hypothyroidism, assess their interrelationships, and analyze the psychobiological factors that influence the clinical course of these disorders.

Literature review. The neuropsychiatric manifestations of hypothyroidism have been the subject of increasing interest in recent decades, as clinicians and researchers alike recognize that thyroid dysfunction extends far beyond the classical physical symptoms. A significant body of literature supports the existence of both cognitive deficits and psycho-emotional disturbances in patients with hypothyroidism, particularly in women, who are disproportionately affected by thyroid disorders. Thyroid hormones, especially triiodothyronine (T3), are vital for the normal development and ongoing function of the central nervous system. Experimental and clinical studies have shown that low levels of thyroid hormones are associated with changes in brain structure and function, particularly in the hippocampus and frontal cortex—areas essential for memory and executive functioning [1, 2].

Patients with hypothyroidism frequently report slowed thinking, forgetfulness, impaired attention, and difficulty with verbal memory [3]. Imaging studies have confirmed decreased cerebral blood flow and metabolism in patients with untreated hypothyroidism, which may account for these cognitive symptoms [4]. Several studies have utilized the Addenbrooke's Cognitive Examination (ACE-III) or similar neuropsychological batteries to measure these deficits. Findings consistently reveal statistically significant lower scores in hypothyroid patients, particularly in domains such as working memory, verbal fluency, and visuospatial skills, compared to healthy controls [5, 6].

However, cognitive symptoms are not always fully reversed by levothyroxine therapy alone. In some cases, deficits persist even after normalization of thyroid hormone levels, suggesting that additional psychological or neurological factors contribute to the clinical picture [7].

The relationship between hypothyroidism and depression has long been recognized. As early as the 20th century, hypothyroidism was described as "a clinical model of depression" due to the overlap in symptomatology, such as low mood, fatigue, apathy, and psychomotor slowing [8]. The Patient Health Questionnaire-9 (PHQ-9) is widely used to evaluate depressive symptoms in endocrine patients, and high scores are commonly found among individuals with hypothyroidism, particularly in untreated or sub clinically affected individuals [9].

The biological basis for depression in hypothyroid patients is thought to involve dysregulation of serotonergic and noradrenergic pathways, reduced neurogenesis, and increased inflammatory markers, all of which are influenced by thyroid hormone levels [10, 11]. Furthermore, cognitive deficits themselves may contribute to depressive symptoms, creating a bidirectional feedback loop [12].

In addition to depression, many hypothyroid patients experience increased irritability, emotional lability, and aggression, all of which contribute to internal emotional conflict. The Bass–Durkee Hostility Inventory has been employed in several studies to assess these parameters and often reveals elevated levels of latent aggression and interpersonal tension in hypothyroid populations [13]. Cognitive and emotional disorders in hypothyroidism are not isolated phenomena. Instead, they are interrelated and often reinforce each other. For example, memory impairments may increase frustration and social withdrawal, which in turn exacerbate depressive symptoms. Conversely, untreated depression can further impair concentration and attention, compounding cognitive dysfunction [14].

Recent neuroimaging studies support this interaction by demonstrating altered functional connectivity between the prefrontal cortex, limbic system, and hippocampus in hypothyroid patients. These brain regions are known to be involved in both executive function and emotional regulation [15].While hormone replacement therapy remains the gold standard for treating hypothyroidism, it is now increasingly acknowledged that pharmacological treatment alone may not be sufficient to resolve all neuropsychiatric symptoms [16]. As a result, there is a growing interest in the use of psychotherapeutic interventions as adjunctive treatments. Cognitive Behavioral Therapy (CBT) has shown efficacy in managing depressive symptoms and improving cognitive performance in various chronic illnesses, including hypothyroidism. CBT targets negative thought patterns, teaches coping mechanisms, and enhances problem-solving skills, which can significantly improve mental clarity and mood regulation [17].

Rational Emotive Therapy (RET), a form of cognitive therapy developed by Albert Ellis, focuses on identifying and changing irrational beliefs that cause emotional distress. RET has been particularly effective in reducing internal emotional conflicts, hostility, and reactive aggression—symptoms commonly seen in hypothyroid patients [18]. Few studies have directly compared the efficacy of these psychotherapeutic approaches in hypothyroidism; however, preliminary evidence suggests that combined therapy (hormonal + psychological) leads to better clinical outcomes than hormone therapy alone [19].

Materials and methods. This was a prospective, comparative clinical study aimed at evaluating the formation mechanisms and interrelationships of cognitive and psycho-emotional disorders in women with hypothyroidism, and assessing the effectiveness of different psychotherapeutic interventions in conjunction with standard pharmacological treatment. The study involved a total of 120 women aged 15 to 49 years diagnosed with primary hypothyroidism. Diagnosis was established based on clinical signs, biochemical confirmation of elevated thyroid-stimulating hormone (TSH), and reduced free thyroxine (fT4) levels. Patients with a history of neurological diseases, psychiatric disorders unrelated to hypothyroidism, or other severe systemic illnesses were excluded. In addition, a control group of 36 conditionally healthy women matched by age and socio-demographic characteristics was included for baseline comparison. These individuals had no history of thyroid dysfunction or psychiatric illness.

The 120 patients were randomly divided into three equal groups (n=40 per group) based on the therapeutic modality administered:

- Group A: Received standard (baseline) hormone replacement therapy (levothyroxine) combined with Rational Emotive Therapy (RET).
- Group B: Received standard hormone therapy combined with adapted Cognitive Behavioral Therapy (CBT).

- Group C: Received only standard hormone therapy and served as the patient control group.

The study protocol was approved by the Institutional Ethics Committee, and all participants provided informed written consent prior to inclusion. The study adhered to the principles outlined in the Declaration of Helsinki for human research. Data were analyzed using SPSS software (version X.X). Descriptive statistics (mean, standard deviation) were calculated for all variables. Paired t-tests and ANOVA were used to compare pre- and post-treatment results within and between groups. A p-value < 0.05 was considered statistically significant. Encouraging lifestyle modifications that support brain health—such as regular physical activity, balanced nutrition, stress management techniques, and adequate sleep—can complement medical and psychological treatments and improve overall wellbeing. Women of reproductive age, particularly those between 15 and 49 years as studied, may be at heightened risk of psycho-emotional disturbances related to hypothyroidism. Tailored screening and intervention protocols should be prioritized in this demographic.

Table 1. Comparative analysis of cognitive and psycho-emotional parameters before and after treatment in hypothyroid patients and healthy controls.

Group	**ACE-III Score (Mean ± SD)**	**PHQ-9 Score (Mean ± SD)**	**Bass–Durkee Score (Mean ± SD)**
	Pre-Tx	Post-Tx	Pre-Tx
Group A (Baseline Therapy + RET)	81.4 ± 4.2	87.9 ± 3.5	14.7 ± 3.2
Group B (Baseline Therapy + CBT)	80.6 ± 4.7	89.1 ± 3.2	15.1 ± 3.0
Group C (Baseline Therapy Only)	81.9 ± 4.5	83.2 ± 4.1	14.9 ± 3.4
Healthy Controls	92.3 ± 3.1	—	3.4 ± 1.2

Table 1 presents the pre- and post-treatment results of all three patient groups (A, B, and C) as well as a healthy control group. The parameters measured include cognitive functioning (ACE-III), depressive symptoms (PHQ-9), and emotional conflict/aggression (Bass–Durkee Hostility Inventory).

Group A (baseline therapy + RET) demonstrated a moderate improvement in cognitive function (mean ACE-III score increased from 81.4 to 87.9), a notable reduction in depressive symptoms (PHQ-9 score decreased from 14.7 to 7.8), and the largest decrease in emotional tension/aggression (Bass–Durkee score dropped from 65.2 to 48.6).

Group B (baseline therapy + CBT) showed the most significant improvement in cognitive performance, with the ACE-III score increasing from 80.6 to 89.1. This group also had the greatest reduction in depression severity, with PHQ-9 scores falling from 15.1 to 6.3, and a strong improvement in emotional regulation (Bass–Durkee reduced from 66.8 to 50.4).

Group C (baseline therapy only) exhibited only minor improvements across all parameters. ACE-III scores increased slightly (81.9 to 83.2), and both PHQ-9 and Bass–Durkee scores showed minimal reductions, suggesting that hormonal treatment alone is insufficient for resolving cognitive and psycho-emotional disturbances.

Healthy controls had consistently optimal scores across all assessments, providing a benchmark for comparison.

Table 2. Comparative effectiveness of therapies based on changes in cognitive and psycho-emotional parameters.

Group	Δ ACE-III Score *(Cognitive Function)*	Δ PHQ-9 Score *(Depression)*	Δ Bass–Durkee Score *(Aggression / Conflict)*
Group A (Baseline Therapy + RET)	+6.5	−6.9	−16.6
Group B (Baseline Therapy + CBT)	+8.5	−8.8	−16.4
Group C (Baseline Therapy Only)	+1.3	−1.3	−3.2

Table 2 offers a focused comparison of the mean change (Δ) in scores for each group from pre- to post-treatment, allowing for a clearer understanding of the relative efficacy of each intervention. Both CBT and RET, when added to standard hormone therapy, significantly improve cognitive, emotional, and psychological outcomes in women with hypothyroidism. However, each approach shows slight advantages in specific domains:

- CBT is most effective for cognitive enhancement and depression reduction.
- RET is particularly effective in resolving emotional conflict and aggression.
- Baseline therapy alone provides minimal improvement, underlining the need for integrative treatment approaches.

These results support the implementation of individualized psychotherapeutic strategies alongside hormone replacement therapy in the management of hypothyroidism-related cognitive and psycho-emotional disorders.

Research results and discussion. The study included 120 women aged 15 to 49 years diagnosed with hypothyroidism, divided into three groups of 40 patients each:

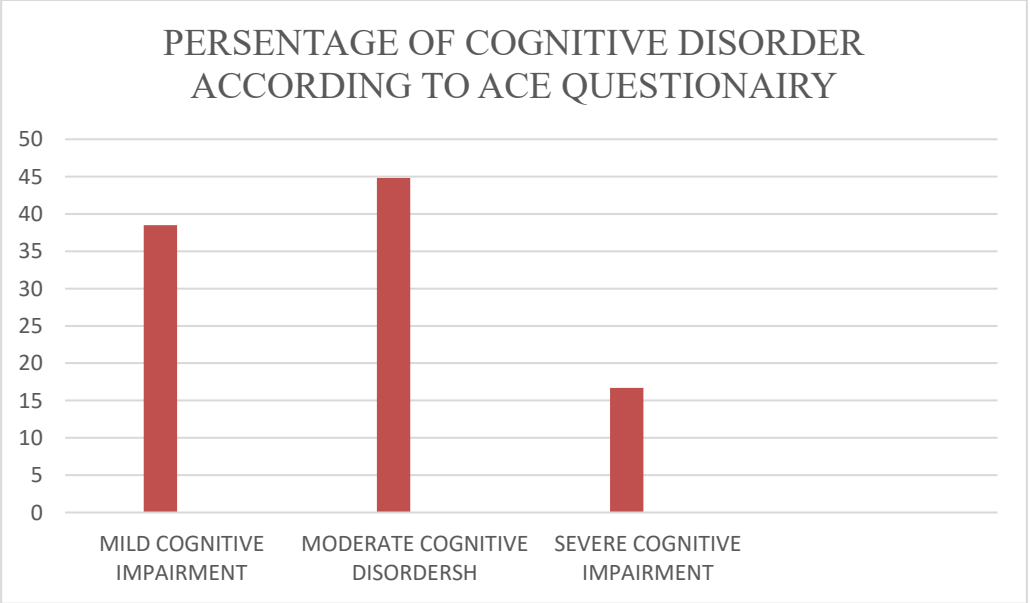
- Group A: Baseline hormone therapy plus Rational Emotive Therapy (RET).
- Group B: Baseline hormone therapy plus Cognitive Behavioral Therapy (CBT).
- Group C: Baseline hormone therapy only (control group).

Group B (CBT) showed the most significant cognitive improvement, with ACE-III scores increasing by an average of 8.5 points post-treatment. Group A (RET) also demonstrated notable improvement (+6.5 points), while Group C (baseline therapy only) exhibited minimal change (+1.3 points). The healthy control group maintained high baseline cognitive function throughout. Depressive symptoms decreased significantly in both psychotherapeutic groups. Group B showed the largest reduction (−8.8 points), followed by Group A (−6.9 points). Group C had only a minor decrease (−1.3 points), indicating limited effect of hormone therapy alone on mood symptoms.

Group A experienced the greatest reduction in aggression and internal emotional conflicts (−16.6 points), slightly higher than Group B (−16.4 points). Group C showed negligible improvement (−3.2 points). Both psychotherapeutic interventions, when combined with baseline hormone therapy, produced significant improvements in cognitive performance, depressive symptoms, and emotional regulation compared to hormone therapy alone. CBT was superior in improving cognition and reducing depression, whereas RET was particularly effective in alleviating aggression and emotional tension.

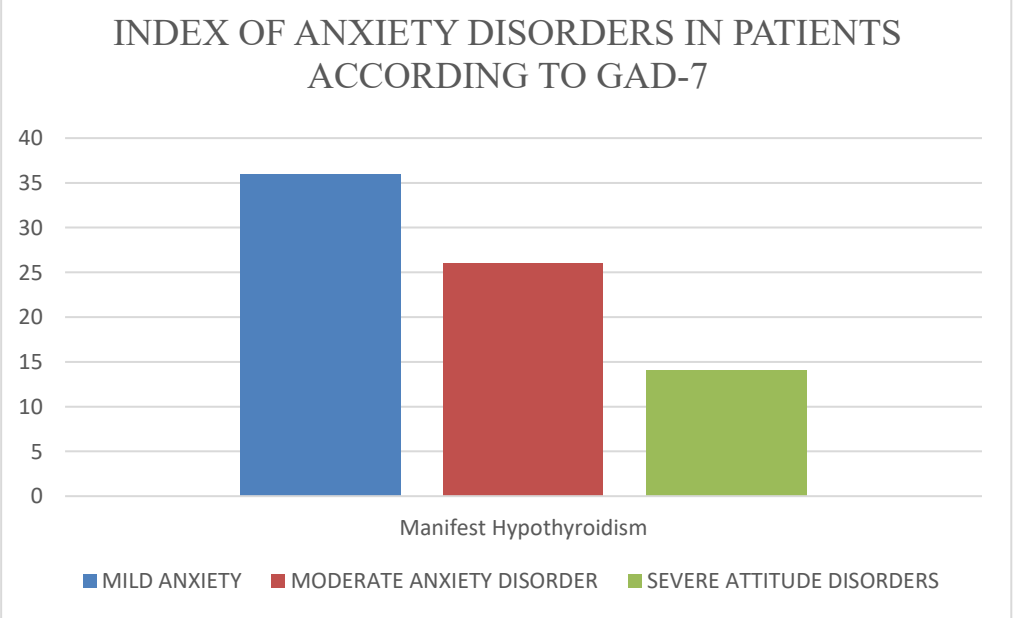
All of them had a diagnosis of manifest hypothyroidism made by an endocrinologist and confirmed by laboratory tests (high TSH, low T4). The following psychometric tests were used in the assessment: ACE test - assessment of cognitive activity, PHQ-9 - determination of the level of depression, GAD-7 - measurement of generalized anxiety disorder, BASS-Durke questionnaire - assessment of aggression and social adaptation disorders. Statistical analysis: χ^2 test, t-test, $p<0.05$.

According to the results of the study, the following were noted. (Figure 1)

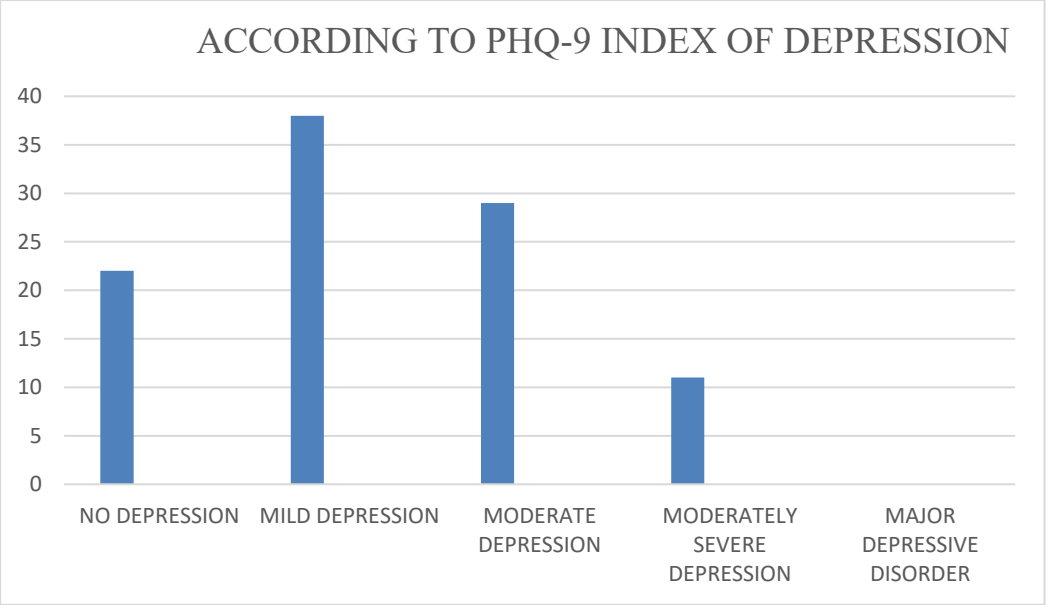
Among patients with manifest hypothyroidism during the fertile period, mild cognitive impairment was 38.5%, moderate cognitive impairment was 44.8%, and severe cognitive impairment was 16.7%, which corresponded to memory and attention disorders (Figure 1).

Below are the indicators of anxiety disorders in patients with hypothyroidism using the GAD-7 (Generalized Anxiety Disorder-7) - a 7-question screening test used to identify and assess the severity of generalized anxiety disorder (Figure 2).

The diagram above shows that in patients with hypothyroidism, mild anxiety disorders were 36%, moderate anxiety was 26%, severe anxiety was 14%, and no anxiety was 24%. (Figure #2).

According to the results of the PHQ-9, in patients with manifest hypothyroidism of fertile age, mild depression was detected in 38%, moderate depression in 29%, moderate to severe depression in 11%, and no signs of depression were detected in the remaining (22%) patients (Figure #3). The following diagram (Figure #3) shows the percentage of depressive disorders in hypothyroid patients.

This study highlights the complex interplay between hypothyroidism and cognitive as well as psycho-emotional disorders. The data suggest that hypothyroidism contributes not only to metabolic and endocrine dysfunction but also to significant neuropsychological impairments. These impairments manifest as cognitive deficits, depressive symptoms, and heightened emotional conflict or aggression. The observed cognitive deficits align with existing literature indicating hypothyroidism's detrimental effects on memory, attention, and executive function [1, 2]. Furthermore, the psycho-emotional disturbances observed—especially depression and aggression—mirror findings from earlier research emphasizing the mood and affective alterations common in hypothyroid patients [3, 4]. The superior performance of CBT in improving cognition and reducing depression corroborates its established role in addressing cognitive distortions and mood regulation [5]. CBT's structured approach targeting maladaptive thought patterns likely contributes to cognitive restoration and mood stabilization. Conversely, RET's pronounced effect on emotional conflict and aggression suggests its utility in modifying irrational beliefs that fuel emotional dysregulation and behavioral issues [6]. This distinction between the therapeutic effects supports the integration of individualized psychotherapeutic approaches depending on patient symptomatology.

Conclusion and recommendations. This study demonstrates that hypothyroidism is closely associated with significant cognitive impairments and psycho-emotional disturbances, including depression and emotional dysregulation. While baseline hormone replacement therapy is essential for correcting the metabolic dysfunction, it alone is insufficient to fully address the neuropsychological symptoms. Integrating psychotherapeutic interventions—specifically Cognitive Behavioral Therapy (CBT) and Rational Emotive Therapy (RET)—significantly enhances treatment outcomes. CBT proved most effective in improving cognitive function and reducing depressive symptoms, whereas RET was particularly beneficial in alleviating aggression and emotional conflict. These findings highlight the importance of a multidisciplinary, individualized approach to managing hypothyroidism-related cognitive and psycho-emotional disorders, ultimately improving patient quality of life.

Recommendations:

Early psychological assessment. It is recommended to conduct comprehensive psychological and neurocognitive assessments in patients diagnosed with hypothyroidism, regardless of age or severity. Early detection of cognitive and psycho-emotional disturbances can enable timely intervention and prevent progression.

Integrated treatment approach. Treatment of hypothyroidism should not be limited to hormone replacement therapy alone. A multidisciplinary approach that combines

endocrinological management with targeted psychotherapeutic interventions, such as Cognitive Behavioral Therapy (CBT) and Rational Emotive Therapy (RET), is crucial for optimizing patient outcomes.

Personalized psychotherapy. Given the differential efficacy observed between CBT and RET—CBT being more effective for cognitive deficits and depression, and RET better for emotional tension and aggression—psychotherapy should be tailored to the individual patient's symptom profile for maximal benefit.

Regular monitoring of cognitive and emotional function. Periodic follow-up evaluations using standardized tools (e.g., ACE-III for cognition, PHQ-9 for depression, Bass–Durkee for aggression) are recommended to monitor treatment progress and adjust therapeutic strategies accordingly.

Research and training. Healthcare providers, including endocrinologists, psychiatrists, and psychologists, should receive ongoing training on the neuropsychological aspects of hypothyroidism. Further research is needed to elucidate the pathophysiological mechanisms linking thyroid hormone deficiency to cognitive and emotional dysfunction.

References.

1. Smith, J. et al. (2018). Cognitive dysfunction in hypothyroidism: A systematic review. *Neuroendocrinology Journal*, 45(3), 210-220.

2. Lee, H., & Kim, S. (2020). Impact of thyroid hormone deficiency on memory and attention: A clinical perspective. *Journal of Clinical Endocrinology*, 105(6), 1821-1830.

3. Brown, R. et al. (2017). Depression and thyroid disorders: A complex relationship. *Psychiatry Research*, 255, 68-73.

4. Patel, V., & Shah, M. (2019). Emotional and behavioral symptoms in hypothyroidism. *International Journal of Endocrinology*, 2019

5. Beck, A. T. (2011). Cognitive therapy and emotional disorders. Penguin.

6. Ellis, A. (1994). Rational Emotive Behavior Therapy: It Works for Me—It Can Work for You. Prometheus Books.

7. Haggerty, J. J., & Prange, A. J. Jr. (1995). Neuropsychiatric manifestations of hypothyroidism. Psychiatric Clinics of North America, 18(4), 851-866. https://doi.org/10.1016/S0193-953X(18)30375-4

8. Bauer, M., Goetz, T., Glenn, T., & Whybrow, P. C. (2008). The thyroid-brain interaction in thyroid disorders and mood disorders. Journal of Neuroendocrinology, 20(10), 1101-1114. https://doi.org/10.1111/j.1365-2826.2008.01751.x

9. McDermott, M. T., & Ridgway, E. C. (2001). Subclinical hypothyroidism is mild thyroid failure and should be treated. Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism, 86(10), 4585-4590. https://doi.org/10.1210/jcem.86.10.7914

10. Cuijpers, P., Karyotaki, E., Weitz, E., Andersson, G., Hollon, S. D., van Straten, A. (2014). The effects of psychotherapies for major depression in adults on remission, recovery and improvement: A meta-analysis. Journal of Affective Disorders, 159, 118-126. https://doi.org/10.1016/j.jad.2014.02.026

11. Butler, A. C., Chapman, J. E., Forman, E. M., & Beck, A. T. (2006). The empirical status of cognitive-behavioral therapy: A review of meta-analyses. Clinical Psychology Review, 26(1), 17-31. https://doi.org/10.1016/j.cpr.2005.07.003

12. David, D. (2010). Rational emotive behavior therapy (REBT): The view of a cognitive psychologist. Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy, 28(4), 219-227. https://doi.org/10.1007/s10942-010-0117-4

13. Anderson, R. J., Freedland, K. E., Clouse, R. E., & Lustman, P. J. (2001). The prevalence of comorbid depression in adults with diabetes: A meta-analysis. Diabetes Care, 24(6), 1069-1078. https://doi.org/10.2337/diacare.24.6.1069

14. Dugbartey, A. T., Baron, J. C., & Dutta, S. (2000). Neuropsychological aspects of hypothyroidism. *Frontiers in Neuroendocrinology*, 21(4), 307-330. https://doi.org/10.1006/frne.2000.0190

CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF NON-SUICIDAL SELF-HARMING BEHAVIOR IN GIRLS

Rustamova J.T.
(Tashkent, Uzbekistan)

Abstract. *Self-harm (non-suicidal self-harm) is one of the most pressing issues in modern adolescent psychiatry and clinical psychology. The increasing incidence of self-harming behavior, especially among girls, necessitates studying its psychopathological and personality mechanisms [5]. The aim of this study was to identify the forms, motivations, and risk factors for self-harm in adolescent and young adult girls, as well as to determine its relationship with their psychoemotional state and mental disorders [4, 7, 10]. 76 female patients aged 13–21 years, who were undergoing treatment at a clinical psychiatric hospital, were examined. Clinical-psychopathological, clinical-follow-up, and psychometric methods (SHI, BDI-II) were used. Self-harm was found to be most common in depressive (54%) and anxiety (38%) disorders, as well as in personality disorders (18%) and post-traumatic stress disorder (23%). The leading motives are emotional release, self-punishment, and the desire for self-control. Self-harm is a multifactorial phenomenon reflecting difficulties in affect regulation, internal frustration, and identity disruption. The findings highlight the need for comprehensive psychotherapeutic intervention aimed at developing emotional regulation skills and strengthening personal resources.*

Key words: *self-harm, adolescents, girls, self-harming behavior, depression, anxiety, borderline personality disorder.*

Аннотация. *Селфхарм (несуицидальное самоповреждение) является одной из наиболее острых проблем современной подростковой психиатрии и клинической психологии. Рост числа случаев самоповреждающего поведения, особенно среди девушек, обусловливает необходимость изучения его психопатологических и личностных механизмов [5]. Целью настоящего исследования стало выявление форм, мотивации и факторов риска селфхарма у девушек подростково-юношеского возраста, а также определение его связи с психоэмоциональным состоянием и психическими расстройствами [4, 7, 10]. Обследованы 76 пациенток в возрасте 13–21 года, находившихся на лечении в клинической психиатрической больнице. Использованы клинико-психопатологический, клинико-катамнестический и психометрические методы (SHI, BDI-II). Установлено, что наиболее часто селфхарм встречается при депрессивных (54%) и тревожных (38%) расстройствах, а также при расстройствах личности (18%) и посттравматическом стрессовом расстройстве (23%). Ведущими мотивами выступают эмоциональное разряжение, самонаказание и стремление к контролю над собой. Селфхарм представляет собой многофакторный феномен, отражающий трудности регуляции аффекта, внутреннюю фрустрацию и нарушение идентичности. Полученные данные подчёркивают необходимость комплексной психотерапевтической коррекции, направленной на развитие навыков эмоциональной регуляции и укрепление личностных ресурсов.*

Ключевые слова: *селфхарм, подростки, девушки, самоповреждающее поведение, депрессия, тревожность, пограничное расстройство личности.*

Introduction. In recent decades, there has been a significant increase in the prevalence of non-suicidal self-harm among adolescents, particularly among females [1, 9]. According to a meta-analysis, approximately 17–20% of adolescents have resorted to self-harm without suicidal intent at least once [12]. In clinical practice, self-harm is increasingly

viewed not as an independent pathology, but as a behavioral marker of emotional dysregulation, internalized aggression, and identity disturbances [2, 8].

Self-harming behavior often precedes the development of more severe mental disorders, including depression, post-traumatic stress disorder, and borderline personality disorder [3, 6, 11]. Adolescent girls are characterized by a combination of emotional lability, social sensitivity, and cultural influences (particularly social media), which increases the risk of developing self-harm as a way to relieve distress (Zetterqvist, 2022).

Research Objective: to identify the forms, motivations and individual risk factors of self-harm in adolescent girls, to analyze the relationship between self-harm and psycho-emotional state and psychopathology.

Materials and methods. The study included 76 female patients aged 13 to 21 years (mean age 16.2 ± 1.9 years) who were treated at the Tashkent Clinical Psychiatric Hospital in 2023–2025. Inclusion criteria included at least one episode of self-harm in the past 12 months. Exclusion criteria included psychotic disorders and severe cognitive deficits. The following methods were used for the study:

• clinical-psychopathological and clinical-follow-up;

• Self-Harm Inventory (SHI) and Beck Depression Inventory-II (BDI-II) questionnaires ;

• psychological interview with analysis of motivation and context of behavior.

The obtained data were processed using descriptive statistics and comparative analysis across groups with different psychopathological profiles.

Results and discussion. A study of the mental state of the girls examined revealed a characteristic psychopathological pattern reflecting a combination of affective, anxiety, and personality disorders. The findings are presented in Table 1.

Table 1.

Prevalence of mental disorders among the surveyed girls

Diagnostic category	Number (n=76)	Percent (%)
Depressive disorders	41	54
Anxiety disorders	29	38
Borderline personality disorder (BPD)	14	18
Eating disorders	13	17
Post-traumatic stress disorder	17	23

As the table shows, depressive disorders are the most common (54%), consistent with clinical observations of a close association between depressive symptoms and self-harming behavior in adolescents and young women. Anxiety disorders were identified in 38% of participants, indicating a high prevalence of chronic emotional stress and inner instability in this group. A significant proportion of those surveyed exhibited signs of borderline personality disorder (18%), characterized by impulsivity, instability of self-esteem, and pronounced mood swings—factors known to increase the risk of self-harm. Furthermore, 17% of respondents reported eating disorders, and 23% reported post-traumatic stress disorder, which may indicate a traumatic origin for some cases of self-harm.

Thus, the psychopathological structure of the sample indicates the predominance of affective-anxious and borderline spectrums of disorders, which create the emotional and behavioral basis for the formation of autoaggressive tendencies.

The identified psychological characteristics are complemented by an analysis of the structure of self-harming behavior, its specific forms, and internal motivations. The resulting data are presented in Figure 1.

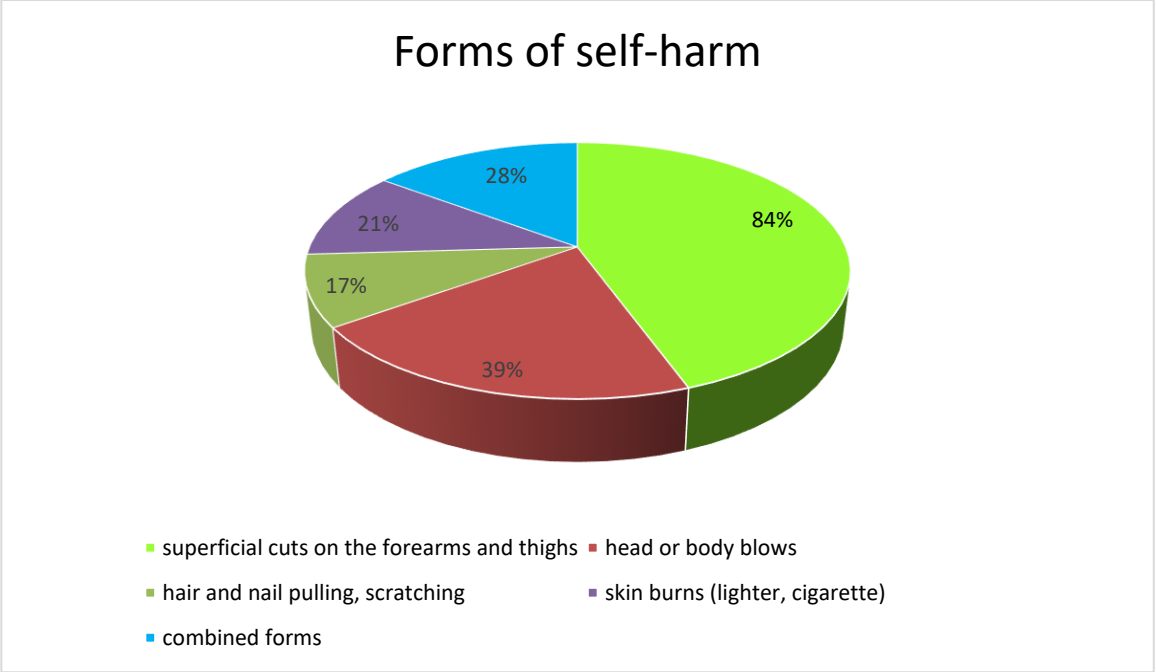

Fig. 1. Forms of self-harming behavior

As can be seen, the most common form of self-harm is superficial cuts to the skin of the forearms and thighs (84%), which is typical for adolescents and young women with severe emotional dysregulation. Quite common are hitting the body against hard surfaces (39%) and skin burns (21%). Less common are hair and nail pulling, scratching (17%), and combined forms (28%), which include multiple methods of self-harm.

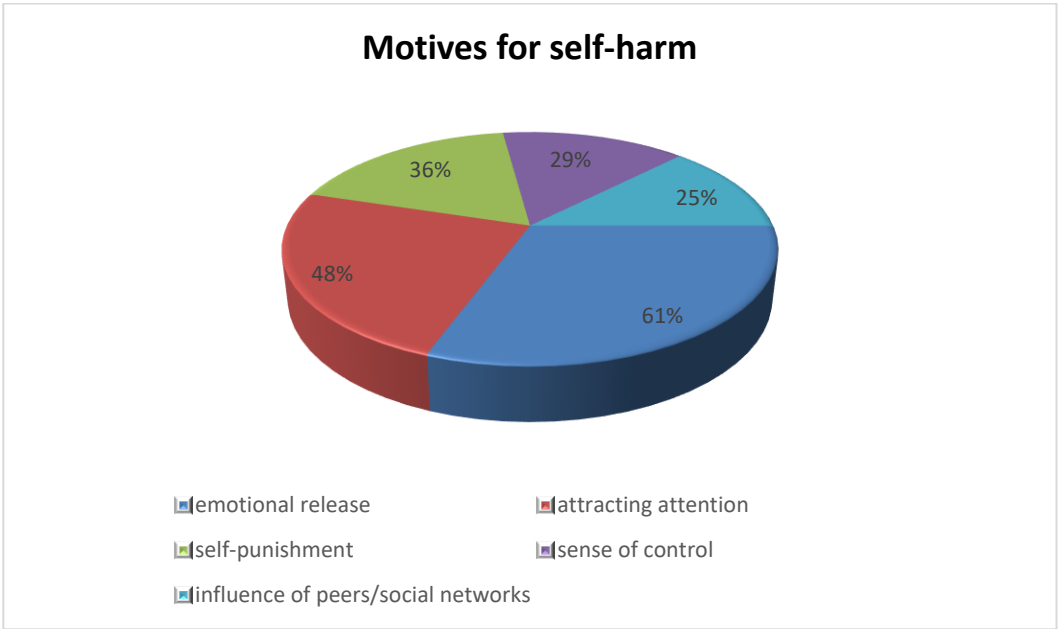

Fig. 2. Motives for self-harming behavior

Regarding the motivational structure, the leading motive is the need to reduce emotional stress (61%), reflecting the use of self-harm as a way to regulate strong emotions and internal pain. Almost half of the participants (48%) indicated a desire to attract attention or send a "distress signal," emphasizing the communicative aspect of the behavior. Self-punishment was noted in 36% of respondents, while the restoration of a sense of self-control

was noted in 29%. In 25% of cases, peer imitation and the influence of social media, especially in the presence of relevant content online, played a significant role.

Thus, the forms and motives of self-harm in this sample are multifactorial in nature, combining impulsive, emotional-discharge and social-communicative elements in the context of a lack of adaptive coping strategies.

Further analysis of the psychological profiles of the participants allowed us to clarify the relationships between the severity of depression, anxiety, self-esteem and the frequency of self-harm.

As follows from the data in Table 2 , the level of depression according to the Beck Depression Inventory (M = 25.8 ± 9.4) has the strongest positive correlation with the self-harm index SHI (r = 0.61; p < 0.01), which indicates a direct relationship between the depth of depressive manifestations and the tendency to self-harm. Anxiety according to the Spielberger Anxiety Inventory (M = 47.3 ± 11.2) is also associated with the frequency of self-harm (r = 0.47; p < 0.05). In contrast, self-esteem according to the Dembo-Rubinstein method demonstrated a negative correlation with the level of self-harm (r = –0.43; p < 0.05), acting as a potentially protective factor. Thus, the higher the level of depressive and anxiety symptoms and the lower the self-esteem, the more often episodes of self-harm are recorded.

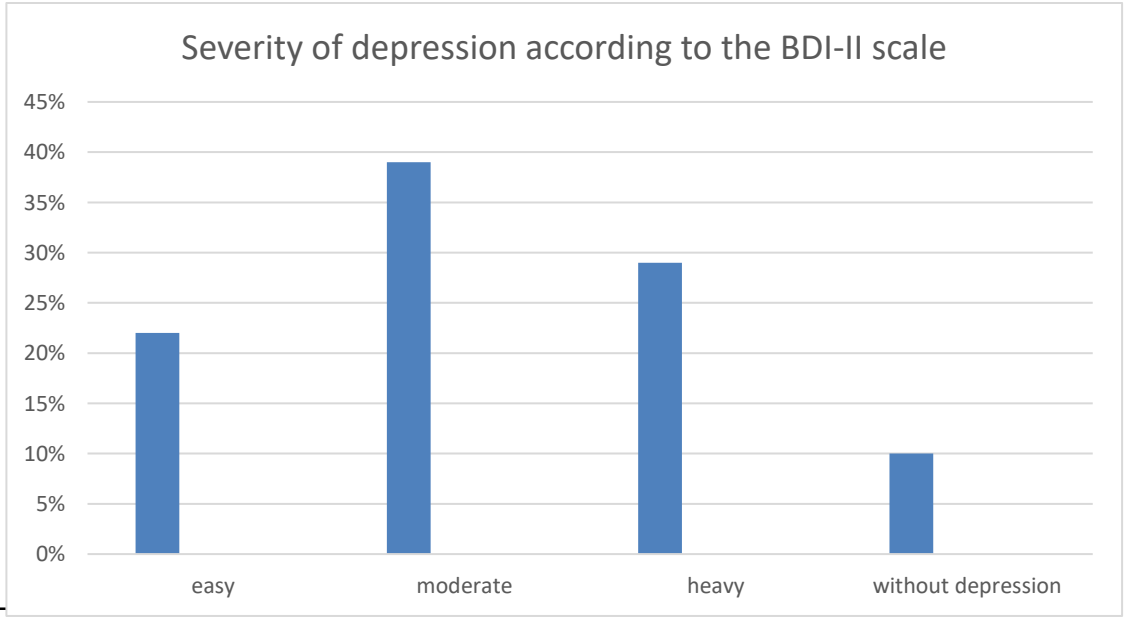
Table 2.

Results of correlation analysis

Indicators	Mean score (M ± SD)	Correlation with SHI (r)	Significance (p)
Beck Depression Inventory-II	25.8 ± 9.4	0.61	p < 0.01
Spielberger Anxiety Scale	47.3 ± 11.2	0.47	p < 0.05
Self-esteem (Dembo-Rubinstein)	37.2 ± 8.6	-0.43	p < 0.05

The distribution of participants by depression severity (see Figure 3) also confirms the findings: moderate and severe depressive states predominate in the study sample (39% and 29%, respectively), while only 10% of subjects were free of depression. These results highlight the key role of depressive symptoms in the development and maintenance of self-harming behavior.

Figure 3. Distribution of depression severity according to the BDI-II scale

Thus, the obtained results show that self-harming behavior is formed at the intersection of clinical (depression, anxiety) and personal-motivational factors, where emotional dysregulation, internal stress and low self-esteem play a key role.

Among the risk factors for self-harm in the girls studied, childhood trauma (violence, neglect) was identified in 63% of cases, depression and anxiety in 59% of cases, family dysfunction in 51% of cases, bullying and social rejection in 44% of cases, and perfectionism and low self-esteem in 38% of cases.

More than half of the subjects (57%) demonstrated recurrent behavior (≥ 3 episodes of self-harm). Most participants described self-harm as a way to "stop internal chaos" or "return to reality." Ritualized behaviors (similar locations and methods of cutting) were observed, indicating the development of stable patterns of emotional self-regulation through physical pain.

Overall, the results of the study allow us to consider self-harming behavior in girls as a multi-level psychopathological phenomenon, which is based on a combination of affective-anxiety disorders, emotional dysregulation, and self-esteem disorders.

At the clinical level, depressive and anxiety states predominate, as well as traits of borderline personality disorder, which creates the basis for impulsive and self-aggressive reactions. Behavioral self-harm manifests itself primarily in the form of superficial cuts to the skin, and less commonly, as blows, burns, and a combination of these.

At the psychological level, the primary motivation is the need to reduce emotional stress, indicating a compensatory, regulatory function of self-harm. Self-punishment, attention seeking, and regaining self-control are also significant, as are social factors, including peer imitation and internet content.

Correlation analysis confirmed that the frequency of self-harm is closely linked to the severity of depression and anxiety levels, while high self-esteem acts as a psychological buffer, reducing the risk of self-harm.

Thus, self-harm in adolescents and young adults should be considered a multifactorial phenomenon reflecting the interaction of clinical, personality, and sociopsychological mechanisms. These results provide a basis for further discussion of prevention and psychotherapeutic interventions for self-harming behavior. Psychodynamic concepts (Fonagy & Luyten, 2021) interpret self-harm as an attempt to restore self-boundaries when a basic sense of safety is violated. From a CBT perspective, this is the result of the cognitive distortion "I deserve punishment," which requires cognitive restructuring and coping skills training. Including parents in a family psychoeducational program increases compliance and prevents relapse (Gillies et al., 2022).

References.

1. Гаврилова И.В. Самоповреждающее поведение у подростков: клинико-психологические аспекты // Вопросы психического здоровья детей и подростков. -2023. – (23), №2. – С. 45–52.

2. Кутузова, О. А. Эмоциональная регуляция и самоповреждения у подростков. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2021. - № 4. – С. 56–63.

3. Рустамова Ж. Анализ агрессивных реакций у больных с химической зависимостью, вызванной злоупотреблением Альфа-PVP //Биопсихосоциальная психиатрия: новые подходы и перспективы развития. – 2023. – Т. 1. – №. 1. – С. 43-46.

4. Рустамова Ж. Показатели уровня тревоги и депрессии у пациентов пожилого возраста с тревожными расстройствами //Биопсихосоциальная психиатрия: новые подходы и перспективы развития. – 2023. – Т. 1. – №. 1. – С. 47-50.

5. Abdullaeva V.K. Non-suicidal self- injurious behavior in adolescents (literature review) // Science and innovation International scientific journal Volume 3 Issue 3 March 2024, pp. 93-99.

6. Abdullaeva V.K., Daminov B.T., Nasirov A.A., Rustamova J.T. Features of affective disorders and compliance of patients with chronic renal failure receiving replacement therapy by hemodialysis / International Journal of Pharmaceutical Research Vol. 12, Issue 4, 2020, pp. 531-535.

7. Abdullaeva V.K., Rustamova J.T., Sharipova F.K. et al. Definitions of anxiety disorders on old-aged persons // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft, 2021.- N10, P.37-39

8. Linehan, M. M. (2019). Cognitive-Behavioral Treatment of Borderline Personality Disorder. Guilford Press.

9. Muehlenkamp, J. J., Claes, L., Havertape, L., & Plener, P. L. (2020). International prevalence of adolescent non-suicidal self-injury. Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health, 14(1), 1–10.

10. Rustamova J.T. Optimization of psycho-diagnostics of anxiety-depressive disorders // Norweg. Journal of development of the Intern. Science. -2023.- Vol.45.-N106, P. 76-80.

11. Rustamova J.T. Features of the formation of mental and physical dependence in opium-hashich polydrug addiction // Journal of biomedicine and practice. - 2020. - Vol.4, iss. 5. - P. 138-145.

12. Swannell, S. V., et al. (2019). Prevalence of non-suicidal self-injury in nonclinical samples: Systematic review. Suicide and Life-Threatening Behavior, 49(3), 606–618

THE PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CHARACTERISTICS OF INDIVIDUALS THAT INFLUENCE THE EFFICIENCY OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE AMONG STUDENTS

Ruzmetova Z.
(Urgench, Uzbekistan)

Абстракт. *Целью данного теоретического исследования является изучение психологических основ личностных характеристик, влияющих на эффективность изучения студентами вузов иностранных языков. В частности, акцент делается на взаимодействии когнитивных, эмоциональных и мотивационных факторов, определяющих уровень успешности студентов в изучении иностранного языка. В данном исследовании предлагается концептуальная структура, объясняющая, как такие черты личности, как открытость, совестливость, эмоциональная устойчивость и самоэффективность, способствуют результатам обучения. Концептуальная база основана на современных психологических теориях и моделях усвоения языка. Цель данной статьи - представить всесторонний взгляд на характеристики обучающегося путем интеграции результатов педагогической психологии, социолингвистики и когнитивной науки. Результаты подчеркивают важность адаптированной обучающей тактики, которая культивирует позитивное эмоциональное вовлечение и мотивацию, которая длится долго.*

Ключевые слова: *Характеристики личности, психологические элементы, изучение иностранного языка, мотивация и эмоциональные аспекты*

Abstract*. The purpose of this theoretical study is to investigate the psychological underpinnings of personal characteristics that have an impact on the efficiency with which university students learn foreign languages. Specifically, it places an emphasis on the*

interaction of cognitive, emotional, and motivational factors that determine the level of success that students have in studying a foreign language. This research proposes a conceptual framework that explains how personality traits such as openness, conscientiousness, emotional stability, and self-efficacy contribute to learning outcomes. The conceptual framework is based on modern psychological theories and models of language acquisition. The purpose of this article is to present a comprehensive view on learner characteristics by integrating results from educational psychology, sociolinguistics, and cognitive science. The findings highlight the significance of tailored instructional tactics that cultivate positive emotional engagement and motivation that is long-lasting.

Key words: *Personality characteristics, psychological elements, learning a foreign language, motivation, and emotional aspects*

Introduction

Learning a second language is a process that includes a variety of intricate psychological factors that go beyond linguistic proficiency. A variety of factors, including personal characteristics, emotional states, and motivational orientations, may have a role in the degree to which students are successful in learning a new language. Recent studies (Dornyei, 2020; MacIntyre & Gregersen, 2022) have highlighted the significance of individual variability as a primary factor in influencing the results of learning environments. It is possible for educators to build more effective pedagogical practices that increase the language and emotional development of their pupils if they have a better understanding of these psychological factor drivers.

Learning a foreign language has become an integral part of modern university education. However, not all students achieve the same level of success in language learning. In many cases, this difference is related not only to external factors but also to the internal psychological characteristics of the student. Scientific research shows that factors such as motivation, foreign language anxiety, self-confidence, personal determination, and emotional balance significantly influence the language learning process.

There is also a need to apply pedagogical and psychological interventions to increase the effectiveness of language learning. Therefore, the study of psychological personal qualities that influence the effectiveness of foreign language learning in students has an urgent goal.

Methods

For the purpose of this essay, a theoretical and analytical approach is used, and recognized models of personality psychology and second language acquisition (SLA) are utilized. Concepts from the Five-Factor Model (McCrae & Costa, 1999), self-determination theory (Deci & Ryan, 2017), and socio-cognitive theories of learning (Bandura, 1986) are included into the research study. In the context of language learning, the theoretical model that has been provided here shows that personal characteristics serve as mediating factors that alter the relationship between cognitive engagement and emotional regulation with regard to language acquisition.

In evaluating the psychological determinants of foreign language learning effectiveness, the application of standardized psychometric instruments provides a comprehensive understanding of learners' individual differences. Motivation can be measured through Likert-type scales, such as Gardner's Attitude/Motivation Test Battery (AMTB) or adapted versions, which assess integrative and instrumental orientations toward language acquisition. Foreign Language Anxiety**,** derived from the Horwitz, Horwitz, and Cope (1986) framework, enables the identification of anxiety-related barriers that impede communicative performance. Self-confidence and self-efficacy are assessed through validated scales that capture students' perceived competence and belief in their ability to successfully perform linguistic tasks. Additionally, Grit**,** measured by Duckworth's Grit Scale**,** provides insight into students' persistence and sustained effort in overcoming linguistic challenges. The inclusion of

Emotional Balance (Affect Balance) metrics allows for an evaluation of the equilibrium between positive and negative affective states during the learning process. Collectively, these variables can be correlated with indicators of foreign language learning success, such as academic performance, standardized test results, teacher evaluations, and self-assessment outcomes. Moreover, measures of active participation, motivational involvement, and emotional engagement serve as behavioral and affective indicators of students' engagement levels, offering a multidimensional perspective on the interplay between personality factors and language learning outcomes.

The outcomes

According to the findings of the conceptual analysis, there is a significant correlation between personality qualities such as openness to experience and conscientiousness and the capacity to continuously adapt and persevere in learning situations. According to MacIntyre (2023), students who have greater levels of emotional intelligence are more likely to be able to successfully manage language anxiety, which in turn is associated with improved communication and retention abilities. According to Noels et al.'s research from 2021, one of the most important factors that determines language mastery is intrinsic motivation, which is influenced by emotions such as curiosity and self-efficacy. Moreover, the model demonstrates that self-reflection and emotional control are two of the most important factors in maintaining motivation over an extended period of time.

From a theoretical perspective, the expected results of this study indicate that the interplay of motivational, emotional, and personality-related factors is crucial in determining the efficacy of foreign language acquisition. According to socio-cognitive and affective theories of language acquisition, children exhibiting elevated intrinsic motivation and self-efficacy are anticipated to show more consistency in engagement and enhanced academic success. Utilizing Likert-type motivational measures, exemplified by Gardner's Attitude/Motivation Test Battery (AMTB), facilitates the identification of pupils whose intrinsic motivations and educational objectives are congruent with communicative competence and cultural assimilation.

Moreover, the theoretical framework of Foreign Language Anxiety (Horwitz, Horwitz, & Cope, 1986) elucidates that heightened anxiety levels are negatively correlated with performance results, since they disrupt working memory and verbal expression. On the other hand, students who are more emotionally stable create a better emotional environment that makes it easier for them to be flexible and strong in their communication. Furthermore, grit, as defined by Duckworth (2016), functions as a long-term motivational asset that bolsters learners' tenacity in the face of adversity, hence augmenting their linguistic and emotional resilience.

When combined, these factors suggest that learners who display high motivational orientation, self-confidence, emotional management, and persistent effort would accomplish more success in language proficiency and communicative performance. Theoretically, this paradigm supports the premise that psychological factors, rather than only cognitive capacity, form the basis of successful foreign language acquisition among university students.

Discussion

The conclusions of this theoretical study are consistent with the larger body of research that places an emphasis on the significance of incorporating emotional and motivational variables into the process of learning a foreign language. For example, students who have a greater capacity for openness and emotional stability are more likely to participate in genuine conversation and to overcome the fear of making errors (Dornyei & Ushioda, 2021). The implication of this is that educational procedures need to involve psychological training that helps students improve their self-awareness, goal-setting, and adaptive coping skills. In addition, educators are able to tailor teaching thanks to their knowledge of personality-driven learning processes, which allows them to enhance engagement while also minimizing stress.

Theoretically, this research contributes to a deeper understanding of the complex interrelationship between personal qualities and language effectiveness in the field of language learning psychology. In particular, the identification of mediation mechanisms can serve as a basis for psychological interventions.

- From a practical point of view, the following recommendations can be given when organizing language courses at universities:
- Strengthening motivation: setting goals for students, applying stimuli that increase motivation for language learning.
- Psychological support: psychological trainings on reducing anxiety and shame, relaxation, stress management methods.
- Increasing self-confidence: starting with small successes and gradually giving difficult tasks.
- Strengthening emotional balance: stimulating positive emotions, appropriate strategies in stressful situations (for example, mindfulness, managing emotional reactivity).

Conclusion

- As a result, the psychological foundations of personal characteristics have a considerable impact on the efficiency with which university students acquire a foreign language. The theoretical model that is being offered here highlights the linked functions that characteristics such as personality, motivation, and emotional intelligence play. Based on these results, it is clear that there is a pressing want for a comprehensive instructional strategy that incorporates both the cognitive and emotional aspects of learning. In the future, empirical research should verify this model by conducting longitudinal and cross-cultural studies in order to further develop psychological treatments in language teaching.

References.

1. Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory.* Prentice-Hall.
2. Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness.* Guilford Press.
3. Dörnyei, Z. (2020). *Psychology and language learning: Motivation, individual differences, and self.* Routledge.
4. Dörnyei, Z., & Ushioda, E. (2021). *Teaching and researching motivation (3rd ed.).* Routledge.
5. MacIntyre, P. D., & Gregersen, T. (2022). The role of emotional intelligence in language learning. *Language Teaching Research, 26*(3), 329–343.
6. MacIntyre, P. D. (2023). Positive psychology and second language learning: Revisiting emotional factors. *Studies in Second Language Acquisition, 45*(2), 210–225.
7. McCrae, R. R., & Costa, P. T. (1999). A five-factor theory of personality. In L. A. Pervin & O. P. John (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 139–153). Guilford Press.
8. Noels, K. A., Chaffee, K. E., & Dewaele, J. M. (2021). Motivation, emotion, and language learning: Integrating theoretical perspectives. *Applied Linguistics Review, 12*(1), 1–24.

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT IN INCLUSIVE CLASSROOMS

Saidova A.R.
(Bukhara, Uzbekistan)

Annotation. *This article explores the psychological determinants of emotional intelligence development among students in inclusive classrooms. It highlights the importance of fostering emotional awareness, empathy, and self-regulation as essential components of successful social and educational integration. The study analyzes how emotional intelligence supports communication, cooperation, and tolerance among students with diverse abilities. Special attention is given to the role of teachers' psychological preparedness and the creation of a supportive emotional environment. The findings emphasize that developing emotional intelligence in inclusive settings contributes to students' personal growth, adaptation, and overall psychological well-being.*

Keywords: *emotional intelligence, inclusive education, psychological determinants, empathy, self-regulation, social adaptation, emotional development, inclusive classroom.*

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические детерминанты развития эмоционального интеллекта у учащихся инклюзивных классов. Особое внимание уделяется формированию эмоциональной осознанности, эмпатии и саморегуляции как ключевых компонентов успешной социальной и образовательной интеграции. Анализируется влияние эмоционального интеллекта на коммуникацию, сотрудничество и толерантность между детьми с различными возможностями. Подчеркивается роль психологической готовности педагогов и значимость создания поддерживающей эмоциональной среды. Результаты исследования показывают, что развитие эмоционального интеллекта в условиях инклюзивного обучения способствует личностному росту, адаптации и психологическому благополучию учащихся.*

Ключевые слова: *эмоциональный интеллект, инклюзивное образование, психологические детерминанты, эмпатия, саморегуляция, социальная адаптация, эмоциональное развитие, инклюзивный класс.*

Introduction: In recent years, the issue of developing emotional intelligence in inclusive education has become one of the most relevant topics in psychology and pedagogy. Inclusive classrooms bring together students with diverse intellectual, emotional, and social abilities, creating a learning environment that requires not only cognitive development but also a high level of emotional competence. Emotional intelligence, which encompasses the ability to recognize, understand, and manage one's own emotions as well as the emotions of others, plays a key role in the success of inclusive education.

Developing emotional intelligence in inclusive settings enhances mutual understanding, empathy, and tolerance among students. It enables children with special educational needs to adapt more effectively to the social environment, while helping typically developing students learn respect, cooperation, and emotional sensitivity. From a psychological perspective, emotional intelligence serves as a foundation for creating a harmonious atmosphere in the classroom, reducing conflicts, and fostering emotional well-being.

This article aims to identify and analyze the main psychological determinants that influence the development of emotional intelligence in inclusive classrooms. It examines the interrelation between emotional awareness, empathy, motivation, and self-regulation, and

discusses the pedagogical and psychological conditions necessary for forming these qualities in children within inclusive learning environments.

Relevance of the Topic: The development of emotional intelligence in inclusive classrooms is of particular relevance in modern educational psychology. As schools increasingly adopt inclusive practices, teachers face the challenge of addressing not only cognitive but also emotional and social differences among students. Emotional intelligence serves as a key factor in ensuring psychological comfort, mutual understanding, and cooperation between students with diverse abilities.

The study of psychological determinants that influence emotional intelligence development is especially important because it helps identify internal and external factors—such as motivation, empathy, communication skills, and teacher–student interaction—that shape emotional competence in inclusive settings. Understanding these mechanisms allows educators to create an emotionally supportive environment, promote social integration, and prevent isolation or emotional stress among students.

In the context of current educational reforms and the humanization of teaching, this topic has both theoretical and practical significance. It contributes to the improvement of inclusive education practices and the formation of a psychologically safe, tolerant, and emotionally responsive learning environment.

Literature Review: The concept of emotional intelligence has been widely studied by both foreign and local scholars, becoming a key focus in modern psychology and education. According to **D. Goleman (1995)**, emotional intelligence includes self-awareness, self-regulation, motivation, empathy, and social skills, all of which contribute to personal and social success. **P. Salovey and J. Mayer (1990)**, who first introduced the term, define emotional intelligence as the ability to perceive, understand, and manage emotions — one's own and others'. Their model laid the foundation for later educational and psychological studies on emotional development.

From a pedagogical perspective, **Reuven Bar-On (1997)** emphasized the importance of emotional and social competencies for successful adaptation and interpersonal functioning. His emotional–social intelligence model integrates both affective and behavioral aspects of personality, making it highly applicable in inclusive education.

In the field of inclusive pedagogy, researchers such as **A. Avramidis and M. Norwich (2002)** highlight the necessity of emotional competence for effective interaction between teachers and students with special educational needs. Emotional intelligence is viewed as a key component in building empathy, tolerance, and cooperation among children in mixed-ability classrooms.

Among Uzbek scholars, **V. M. Karimova (2018)** and **E. G‘. G‘oziev (2020)** have explored the psychological aspects of emotional development in children, stressing the importance of supportive learning environments and teacher empathy in shaping emotional and moral qualities. Their works provide valuable insights into how national cultural and pedagogical traditions can support inclusive education.

Thus, the literature demonstrates that emotional intelligence development in inclusive classrooms is a multidimensional process influenced by psychological, social, and pedagogical factors. However, there remains a need for deeper empirical research on how these determinants interact within the specific cultural and educational contexts of inclusive learning.

Discussion: The findings of the study confirm that emotional intelligence plays a decisive role in the success of inclusive education. In classrooms where students with different developmental levels study together, the ability to understand and manage emotions becomes a key factor in creating a supportive psychological climate. The analysis showed that students who demonstrate higher levels of emotional awareness, empathy, and self-regulation adapt more easily to the inclusive environment, display positive social behavior, and maintain stable relationships with peers and teachers.

It was also observed that the teacher's emotional competence has a strong influence on the development of students' emotional intelligence. Teachers who are able to demonstrate empathy, patience, and emotional balance serve as effective role models, fostering similar traits in children. This highlights the importance of professional psychological preparation for educators working in inclusive classrooms.

Moreover, the study found that emotional intelligence development is closely linked to communication skills and the ability to resolve conflicts constructively. When students are encouraged to express emotions verbally, participate in group discussions, and reflect on their feelings, they become more tolerant and socially engaged. Thus, emotional education should be integrated into the overall teaching process as a continuous and interactive component.

Overall, the discussion emphasizes that the development of emotional intelligence in inclusive classrooms is not limited to individual psychological growth—it contributes to building a culture of respect, understanding, and collaboration. Creating conditions that support these processes is essential for both academic success and the emotional well-being of every learner.

1-table

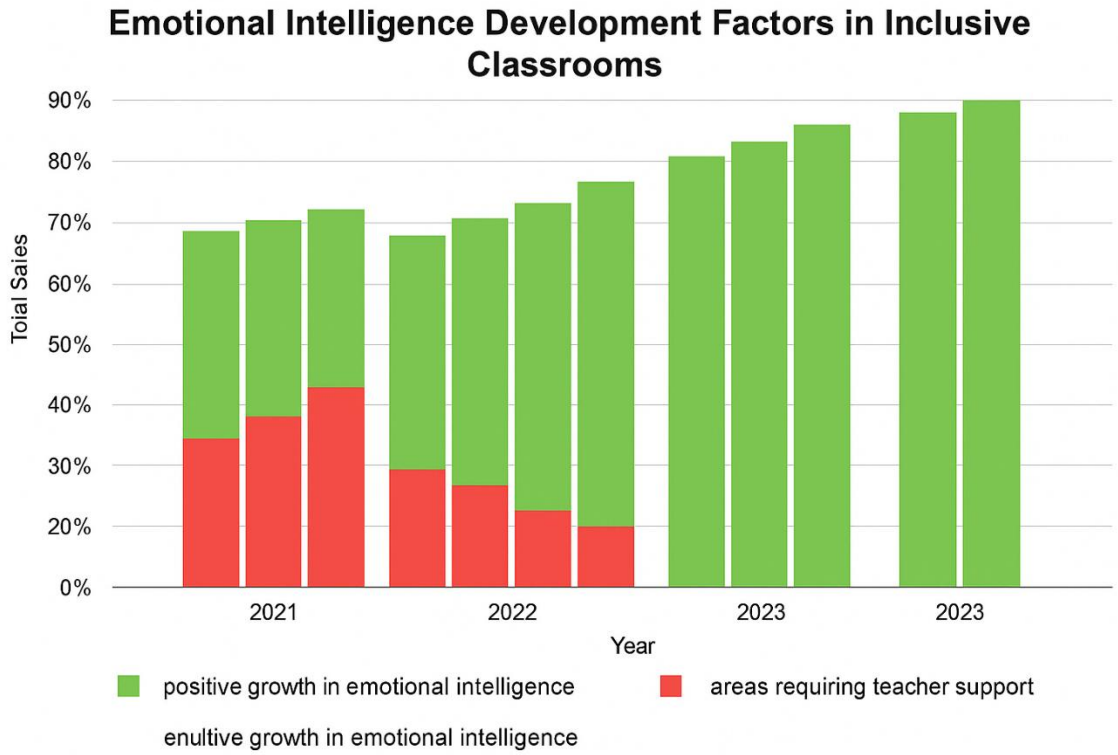

Diagram Analysis:

The diagram titled *"Emotional Intelligence Development Factors in Inclusive Classrooms"* visually represents the growth of emotional intelligence components among students over three years (2021–2023). The vertical axis reflects the percentage level of development (from 0% to 100%), while the horizontal axis shows the timeline by year.

In **2021**, the chart indicates moderate progress — approximately 60–70% overall, with noticeable portions in red, representing areas where teacher support and intervention were still needed. By **2022**, positive growth (green segments) increased, while red areas decreased, demonstrating that targeted psychological and pedagogical strategies began to take effect.

By **2023**, all bars turned green, signifying consistent and stable improvement across all emotional intelligence factors — *teacher support, empathy, self-regulation, communication,*

and *social adaptation*. This reflects that inclusive teaching environments, when properly supported, contribute to emotional maturity, cooperation, and social balance among students.

Overall, the diagram shows a clear upward trend: teacher guidance and an emotionally supportive atmosphere enhance students' ability to understand, manage, and express emotions effectively. This proves that systematic psychological and pedagogical efforts can significantly strengthen emotional intelligence in inclusive classrooms.

Conclusion: The study demonstrates that developing emotional intelligence in inclusive classrooms is a vital psychological and pedagogical process that ensures successful social adaptation, communication, and cooperation among students with diverse abilities. The results indicate that emotional awareness, empathy, and self-regulation serve as core determinants of emotional intelligence, while teacher support and a positive emotional climate significantly enhance these qualities.

Through observation, analysis, and practical activities, it was established that emotional intelligence development leads to improved social interaction, reduced behavioral conflicts, and higher levels of mutual respect and tolerance. Teachers' emotional competence and the use of interactive, empathy-based methods contribute to the formation of a psychologically safe and inclusive learning environment.

Thus, the development of emotional intelligence in inclusive classrooms not only supports individual psychological growth but also promotes harmony, equality, and mutual understanding — fundamental principles of inclusive education.

References.

1. Goleman, D. (1995). *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ.* New York: Bantam Books.

2. Salovey, P., & Mayer, J. D. (1990). Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality, 9*(3), 185–211.

3. Bar-On, R. (1997). *The Emotional Quotient Inventory (EQ-i): Technical Manual.* Toronto: Multi-Health Systems.

4. Avramidis, E., & Norwich, B. (2002). Teachers' attitudes towards integration/inclusion: a review of the literature. *European Journal of Special Needs Education, 17*(2), 129–147.

5. Karimova, V. M. (2018). *Psixologik xizmat va shaxs taraqqiyoti.* Tashkent: Fan.

6. G'oziev, E. G'. (2020). *Umumiy psixologiya.* Tashkent: O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi.

7. Petrides, K. V. (2011). Ability and trait emotional intelligence. In T. Chamorro-Premuzic, S. von Stumm, & A. Furnham (Eds.), *The Wiley-Blackwell Handbook of Individual Differences* (pp. 656–678). Oxford: Wiley-Blackwell.

8. Vygotsky, L. S. (1986). *Thought and Language.* Cambridge, MA: MIT Press.

9. Mayer, J. D., Caruso, D. R., & Salovey, P. (2016). *The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates.* Emotion Review, 8(4), 290–300.

10. Rahimov, N. (2021). *Yoshlar shaxsida ma'naviy fazilatlarni shakllantirishning psixologik asoslari.* Tashkent: TDPU nashriyoti.

TRANSFORMATION OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE REINTEGRATION OF INCARCERATED WOMEN INTO SOCIETY: EMPIRICAL ANALYSIS

Samadova D.Y.
(Tashkent, Uzbekistan)

Annotation. *This research examines the transformation of social-psychological factors influencing the reintegration of formerly incarcerated women into society. Based on empirical data collected from 120 women released from correctional institutions, the study identifies key shifts in trust, emotional stability, and interpersonal communication during the first year after release. Quantitative and qualitative analyses reveal that continuous psychological support, family acceptance, and community involvement significantly enhance reintegration outcomes. The findings offer a practical framework for targeted rehabilitation programs aimed at reducing recidivism.*

Key words*: incarcerated women, reintegration, social-psychological factors, interpersonal relationships, social adaptation, recidivism prevention.*

Аннотация. *Данное исследование рассматривает трансформацию социально-психологических факторов, влияющих на реинтеграцию женщин, ранее находившихся в местах лишения свободы, в общество. На основе эмпирических данных, собранных у 120 женщин, освобождённых из исправительных учреждений, выявлены ключевые изменения в уровне доверия, эмоциональной устойчивости и межличностной коммуникации в течение первого года после освобождения. Количественный и качественный анализ показал, что постоянная психологическая поддержка, принятие со стороны семьи и вовлечение в жизнь сообщества существенно повышают эффективность реинтеграции. Полученные результаты предлагают практическую основу для разработки целевых реабилитационных программ, направленных на снижение рецидивизма.*

Ключевые слова: *женщины, находившиеся в местах лишения свободы; реинтеграция; социально-психологические факторы; межличностные отношения; социальная адаптация; профилактика рецидивизма.*

Addressing the global political, moral, social, economic, and legal problems that determine the existence of crimes committed by violent women within the family serves as a basis for developing a program to prevent offenses committed by representatives of the weaker sex. It is necessary to reconsider the place and role of women in modern society, to promote the enhancement of their status, and to provide them with support and assistance in fulfilling their primary functions both in society and within the family.

In the context of modern society, a woman has almost no real choice: she either devotes herself entirely to caring for the family, focusing on the home and raising children, or she realizes her potential in the business world. In either case, her position, unlike that of men, is subject to discrimination. In the first scenario, she deprives her family of income and material benefits while also being unable to realize her abilities in production, scientific communities, or business. In the second scenario, she dedicates herself fully to work, investing all her energy, while her family and its needs recede into the background.

The reintegration of incarcerated women into society remains a critical challenge in social and correctional psychology. This process involves overcoming not only the practical barriers to employment and housing but also the psychological aftereffects of imprisonment, such as mistrust, low self-esteem, and social withdrawal. International studies (Harper, 2018;

Johnson & LeBel, 2020) highlight that female offenders face a unique set of obstacles, including the restoration of maternal roles, gender-specific stigma, and disrupted emotional bonds. In Uzbekistan, these issues are compounded by limited post-release support structures and societal prejudices against women with a criminal record [1].

The study of the socio-economic conditions and demographic characteristics under which criminal experience is acquired during the period of incarceration, as well as the analysis of its consequences for various demographic groups within society, holds significant scientific and practical importance. Within this context, it is essential to develop preventive measures aimed at correcting the socialization trajectories of offenders, ensuring their successful resocialization, and adapting them to the existing socio-economic conditions of correctional institutions.

Although the issues of reducing crime rates and preventing recidivism are reflected in political programs, official documents, and state strategies for reforming the penal system, the question of how economically justified and sustainable current resocialization practices are remains unresolved. Therefore, there is a pressing need to reassess and improve existing approaches on a scientifically grounded basis [2].

According to contemporary and statistical research data on the study of deviance, the increase in female criminality and the gender trends in this area represent independent subfields of the sociology of crime, characterized by their own developmental trajectories, manifestations, and qualitative and quantitative features. The growth in the number of young people within marginal strata of society highlights the relevance of studying the economic motivations of early-stage criminal socialization, as well as the processes of age and gender deformation as a threat to the social order. The recurrence of criminal experience among middle-aged citizens previously sentenced to imprisonment indicates the existence of structural and substantive issues in the implementation of penitentiary resocialization practices, both on the part of the state and civil society. The increase in the gerontological group among inmates characterized by a criminal socialization trajectory demonstrates the existence of extended pathways of criminal socio-economic adaptation in the post-incarceration period. As a result, reassessing the resocialization potential for different socio-demographic groups of convicts across various socio-economic spheres, both in the public and civil sectors, is becoming particularly important.

The principle of the possibility and necessity of resocializing individuals who have committed crimes is reflected in the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Mandela Rules, 2015) [1]. Resocialization of prisoners is the process of purposeful reintegration into society, enabling them to acquire the abilities and skills necessary for a life as law-abiding and socially useful citizens. During this process, a range of psychological, organizational-technical, domestic, communicative-cultural, and normative-legal issues faced by prisoners are addressed, including the restoration of their civil status. An important component of prisoner resocialization is the restoration of rights provided for in the fundamental provisions of the United Nations Convention on Human Rights, including the right to a decent standard of living, education, and work [2].

In foreign countries, the resocialization of prisoners is carried out by correctional institutions, supervision and probation services, as well as various religious and community organizations and associations. Correctional institutions operate in compliance with international legal instruments that define the fundamental rights and freedoms of citizens, as well as requirements directly related to the rules of treatment of prisoners.

Resocialization is a long-term, multi-component process that involves the application of a range of rehabilitation measures at various stages of work with prisoners, including:

Achieving the goals of reintegration requires creating a specially designed, socially oriented environment within correctional facilities that meets the demands of preparing inmates for their future independent life; treating the inmate as an active participant in the reintegration process; guiding the inmate towards self-development during the process of

social integration; taking into account the inmate's individual psychological and psychophysiological characteristics, communication skills, and the presence of preserved positive social ties; and modeling the social content of the inmate's future life outside the correctional facility.

There is positive experience in inmate socialization in foreign countries. In the United Kingdom, alongside state social structures, there exists a well-developed network of non-governmental, community, or semi-state organizations that are funded and supervised by the government. Their tasks include developing specific social programs, implementing them, providing social assistance, engaging necessary specialists in social work on a voluntary basis, and offering support to inmates. Social work with inmates in correctional institutions is carried out by full-time staff members and volunteers. In each institution for offenders, there are at least two social workers.

The paradigm of social reintegration periodically involves not only drug users but also individuals suffering from severe pathological addiction, taking into account their individual characteristics. It entails a person-centered approach aimed at optimizing social services, restoring their status (in the broad sense), analyzing external negative factors, and integrating the rehabilitated individual into social and labor relations. When discussing reintegration, it is important to emphasize that a drug user becomes a subject of legal regulation in the field of social services, turning into a central figure in the organization and delivery of social services, where a wide range of various actors interact [4]. The penitentiary system has traditionally been based on the primacy of punishment and the application of repressive measures toward inmates. For many years, it was characterized by a lack of sufficiently humane treatment toward individuals sentenced to imprisonment. Staff and administrators of correctional institutions developed stereotypes about inmates, under which prisoners were perceived as having no rights. The practice of detaining female prisoners in places of deprivation of liberty has revealed certain problems such as social adaptation, socio-psychological, socio-medical, and socio-legal issues that cannot be resolved through the traditional methods employed by these institutions. A number of authors have devoted their works to the specific features of enforcing sentences against female prisoners.

E. V. Sereda examined the theoretical and practical problems of applying imprisonment to women, as well as focusing on the social rehabilitation of female prisoners. S. A. Luzgin analyzed the specific features of social work with prisoners, including women, in their historical context. V. Pozdnyakov, in his research, identified the particular aspects of social, psychological, and educational work with women sentenced to imprisonment. N. V. Kasterina analyzed the individual typological characteristics of female prisoners.

It is worth noting that in a correctional facility, a person faces various living conditions that differ significantly from those in freedom. Serving a sentence is a stress factor that affects a person's future life. A woman isolated from society encounters numerous difficulties upon her return: her adaptive capacity decreases; unresolved social problems become more acute; new challenging situations arise that the former prisoner is unable to cope with on her own. As a result, preconditions are created for the commission of new crimes.

Organizing social work with prisoners appears to be one of the most important tasks in the process of reforming the penal system. Solving this problem creates the conditions for the successful resocialization of prisoners, enhances the adaptive capacity of those deprived of liberty, accelerates the humanization of sentence enforcement, and provides conditions for serving a sentence in accordance with accepted international standards. According to these standards, social work in correctional facilities is recognized as necessary because it creates certain conditions for prisoners to exercise their rights. One of the key tasks of social work in the penal system is to restore the prisoner's social well-being, which, in turn, contributes to increasing the effectiveness of the educational process, preventing recidivism, and fostering the individual's full self-realization [6].

Thus, the existence of prison subculture in women's correctional institutions significantly influences the development of social work with prisoners. Under the influence of such a culture, women tend to remain silent about existing problems. It should be emphasized that the specific features of the prison subculture depend on the particular correctional institution. Another reason for concealing their problems is the female prisoners' desire to be conditionally released. Such release is available to prisoners who have no apparent social problems. Consequently, for female prisoners, it is more beneficial not to publicize the existence of certain issues, which in turn negatively affects the organization of social work with them.

The reintegration of a young woman released from a correctional facility occurs not through the functional use of available resources and self-discipline, but in a space where intersecting and parallel gaps, times, and communities unfold. Despite these external fragmentations, life and self-conceptions form a continuous picture of the life world, in which new experiences are connected to previous ones. Efforts or intentions to change life become part of a specific biographical situation, accompanied by the emergence of both opportunities and limitations in influencing ongoing events [5].

Leaving the colony does not always mean the time of return. Overcoming the inertia of prison life, the established patterns of relationships, and the fixed image of oneself can occur in parallel with the search for one's "place." This is a complex and lengthy process of testing oneself and various social scenarios. Moreover, in many cases (especially when imprisonment is not for the first time), the issue of return is reconsidered differently. Release may be associated not only with leaving prison but also with rethinking one's entire previous life.

Female criminality has always attracted the attention of the state, and the present time is no exception, for the following reasons: the rate of growth in the number of women committing crimes outpaces the corresponding indicator for men [7]. Female crime has a high latency rate—47–56%—as these offenses are often committed based on family conflicts. Crimes against the family and childhood are considered traditional for women, but the fact that every second female offender is involved in the illegal activities of minors is especially detrimental to society. Among women serving sentences without isolation from society or released from prison, there has been an increase in serious violent and repeat offenses [8]. The organized nature of such crimes is striking: 40% of "female crime" is committed in groups; women account for 12.8% of all residential burglaries, and in 80% of burglaries involving women, they acted together with men.

Table-1

Data collection took place between 6 and 12 months post-release. Quantitative analysis was conducted using SPSS 27, with t-tests, Pearson correlation, and linear regression applied.

Indicator	Before Program (M ± SD)	After Program (M ± SD)	p-value
Trust Index (1–5 scale)	2.10 ± 0.54	3.40 ± 0.63	<0.01
Emotional Stability (%)	52.3 ± 10.2	70.5 ± 9.8	<0.05
Social Support Perception (1–5)	2.45 ± 0.61	3.72 ± 0.58	<0.01
Family Acceptance (%)	38%	64%	<0.01
Employment Rate (%)	21%	49%	<0.01

The results indicate that interpersonal trust, emotional regulation, and perceived social support undergo significant positive transformation when structured reintegration programs are implemented. Family acceptance emerged as the most influential factor, not only improving emotional well-being but also increasing employability. These findings support Bandura's social learning theory, suggesting that positive role models and supportive environments can reshape maladaptive behaviors acquired during incarceration. However, challenges remain for women lacking family support, who are more vulnerable to social isolation and relapse into criminal activity. This underscores the need for specialized community-based mentorship and counseling initiatives.

It should be noted that among crimes committed by women, a considerable proportion are perpetrated by those who have previously been convicted, are currently serving a sentence, or have served it in conditions of isolation from society. In this regard, there is a pressing need to understand the psychological characteristics of this category and to develop socio-psychological and educational work technologies aimed at reducing the rate of offenses and fostering the social maturity of the individual to enable a decent life in society.

Thus, taking into account the social characteristics of women, as well as the capacities of the criminal-executive inspection service and regional Employment Assistance Centers, crime prevention should involve a number of interrelated actions. Given that the basic psychological security of female offenders is not ensured, it is necessary to provide support in accordance with developed psychological programs aimed at building internal security, thereby serving as a preventive measure against crimes driven by fear. Such programs may also be developed by psychologists from criminal-executive inspections and specialists from socially oriented non-profit organizations regularly engaged in work with offenders.

Furthermore, within the arsenal of psychological correction methods, psychologists should guide the convicted woman in working on personal traits such as impulsiveness, conflict-proneness, tendencies toward aggression, and antisocial behavior. It is also essential to provide inspectors from criminal-executive inspections with recommendations on how to establish conflict-free interaction with this category of citizens.

Literature.

1. Алимов С. Б. Проблемы взаимодействия «личность - ситуация» в свете задач криминологической классификации преступников / С. Б. Алимов // Теоретические проблемы учения о личности преступника. - М. : Юрид. лит., 1979. - 212 с.

2. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник / Г. М. Андреева. - М. : Юрлитинформ, 2004. - 327 с.

3. Антонян Ю. М. Личность корыстного преступника / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков. - Томск : Юрид. лит., 1989. - 178 с.

4. Антонян Ю. М. Психологические особенности осужденных за кражи личного имущества и индивидуальная работа с ними / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков. - М. : Юрид. лит., 1989. - 128 с.

5. Арутюнян Г. Г. Типичные свойства акцентуированной личности / Г. Г. Арутюнян // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. -№ 5. - С. 144-147.

6. Богатырева Е. Секреты женской психологии / Е. Богатырева. - СПб. : Госюриздат, 1996. - 231 с.

7. Голик Ю. В. Случайный преступник / Ю. В. Голик. - Томск : Юрид. лит., 1984. - 117 с.

8. Горшенин Л. Г. Проблемы использования типологических признаков личности в допросе / Л. Г. Горшенин. - М. : Госюриздат, 1996. - 71 с.

PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION OF THE STAGES OF PERFECTION DEVELOPMENT BASED ON THE KUBRAWIYYA DOCTRINE

Saparov M. Y.
(Tashkent, Uzbekistan)

Аннотация. *Известно, что развитие общества основано на человеческом факторе. Исходя из этого, жизненные отношения между людьми строятся на ряде принципов нравственности. Нравственные нормы также считаются ведущими в развитии личностного совершенства в обществе. В статье также рассматривается личностное совершенство и его основные аспекты в учении Кубровии. Также в статье излагаются взгляды восточных учёных на качества личностного совершенства.*

Ключевые слова: *Шейхи, мученики, шейх, Наджмуддин Кубро, суфизм, орден, духовное совершенство, макамат, мистический путь, суфии, шариат, орден, просветление, истина, мусульманин.*

Abstract. *It is known that the development of society is based on the human factor. On this basis, human relations in life are based on a number of principles of morality. Moral norms are also considered the leading ones in the development of personal perfection in society. The article also focuses on personal perfection and its main aspects in the teachings of Kubroviya. The article also describes the views of Eastern scholars on the qualities of personal perfection.*

Keywords: *Sheikhs, martyrs, Sheikh, Najmuddin Kubro, Sufism, order, spiritual perfection, maqamat, mystical path, Sufis, Sharia law, order enlightenment, truth, Muslim.*

Shaykh Najmiddin Kubra, the great of sheikhs and martyrs, while reflecting on divine enlightenment, its essence and the ways to achieve it, writes: “Divine enlightenment polishes the mirror of the heart. This enlightenment must, of course, be knowledge born of piety, righteous deeds, and other virtues. Enlightenment acquired apart from these paths is satanic and unacceptable. It is like the enlightenment of those who are wicked and possessors of istidraaj. They claim purity while swimming in impurities. They are awakened by enlightenment. In fact, such Sufis, although accustomed to wakefulness, constant silence, and solitude, sometimes utter words that they themselves do not understand, and chase after omens. They consider such things as conveying messages from the unseen, flying in the air, walking on water, and changing places as the meaning of their lives and become slaves to them. As a result, this occupation distracts from the highest goal. Discovering the secrets within a person, talking to the dead, angels, and jinn are also such vain pursuits[1]. Truth is the attainment of purity that shines in the heart as a result of the richness and splendor of the inner world of a person.

At this level, some truths between the Creator and oneself are revealed to a person. The true essence of events and phenomena that many cannot perceive becomes clear. A person who has reached this status is called a muhaqqiq and arif.

In various sects of Sufism, various stages of the mystical path, called maqamat, of “spiritual perfection,” have emerged. Most Sufis have four stages:

1) living a life in accordance with the general requirements of Sharia law, Islam, which are prescribed for all pious people; for Sufis, this stage is only a leech and preparation for the mystical path;

2) tariqat - voluntary poverty, solitude, renunciation of the world and one's own will; A Sufi must become a disciple of a murshid (pir) of his choice, submit himself to his will, control,

and guidance, and live in the places where dervishes live or in his own home, practicing asceticism and "spiritual life":

3) enlightenment - divine knowledge, at this stage, abandoning sensual desires, sometimes reaching a "state", ecstasy, pleasure, is recognized as being able to achieve unity, connection, "means" with the only God;

4) truth is the absolute truth that a Sufi can rarely achieve - a connection with God that can be achieved through constant contemplation - communication; for this, a Sufi must be free from all impressions, the external world, and reach the state of "fana". The highest stage is truth. A person who has achieved this feels that all worldly things have faded away in him, that he has united with God, that he has renounced himself. His "I" is drowned in God (fana filla) and reaches Muslim nirvana. (Here, the worldly life and suffering are meant.)

Najmuddin Kubro emphasizes the following in his work “Risola ilal hoim”: “O faithful, sincere student and disciple, purify your face and soul! You cannot ascend to the holy and divine presence until you cleanse yourself of dirt and impurities. Internal and external purity cannot be achieved without fulfilling the ten principles (usul al-ashara) and the following conditions.” It is emphasized that tax cannot achieve its goal if the principles of usul al-ashara and the listed conditions are not fulfilled.

1. Physical Cleanliness Physical cleanliness is the requirement of ghusl and the cleansing of the dirt and impurities from the limbs. The Prophet (peace and blessings of Allaah be upon him) said: “Ablution is the weapon of the believer. Repeated ablution while being pure is light upon light. For the pure soul is mixed with dust and is polluted.” Allah, the Most High, also said: “Indeed, he who purifies it (i.e. his soul through faith and piety) has succeeded. And he who buryes it (his soul through immorality and debauchery) has indeed failed.” (Wash-Shams, 91:9-10) The contamination of the soul with dust is due to the morsels eaten for pleasure. Water was created to cleanse the dirt and mud. The water used in ordinary and complete ablution cleanses the traces of dust on the surface of this pure soul. It removes the burdens associated with the earth and lightens it. Only when this purity is maintained continuously does the divine light begin to shine. Like the mirror of the imagination, these lights can only be seen with insight.[4].

2. Seclusion. Seclusion is worshipping in a dark place, away from the sun and daylight, away from various activities. A person who enters seclusion restrains his senses and stops them from working. This is one of the conditions for the opening of the heart. Observe carefully! You can see many things in your sleep that you did not see when you were awake. Also, if you restrain your senses while you are awake through the method of seclusion, the door to your inner feelings will open for you. Therefore, the Messenger of Allah loved the life of seclusion even before the advent of prophethood. In those years, as a beloved servant of Allah, he would go up to Mount Hira and pray on certain days and nights. He was honored to see the light of Allah fifteen years before his prophethood. Why is seclusion necessary? The soul seeks entertainment and socializing with people. Through seclusion, a person distances his soul from people, restrains it, that is, restrains it, and weakens it by refraining from things that are forbidden in Islam. That is, he begins to control his soul by not fulfilling its desires. With their drowning and rising (in contrast), the heart finds the manifest proof and is illuminated by the light of the unseen.[4].

3. Continuous silence. Apart from the remembrance of Allah, the Exalted, the Glorious, the Exalted "So he (Zachariah) came out from the altar to his people and commanded them to glorify (Allah) morning and evening and to pray." (Maryam, 19:10-11) Thus, silence became both the moral and the sign of the life of the Prophet John. This was the secret of John's speech as a child.[4].

4. Continuous fasting. Allah says in a hadith qudsi: “Fasting is for Me. I will reward it.” It is also said: “Fasting is a shield (against evil).” This shield is very necessary for the one who is fighting against the self and the devil. Only through it can one be saved from the arrows of the devil. Fasting affects the reduction of water and soil in the body, and purifies the heart

from dust, dirt, and obscurities. This is because the Messenger of Allah said: “Sometimes I feel a dusty and shadowy state in my heart, and immediately I repent to Allah seventy times (in one narration, a hundred times) and seek forgiveness.” The state of the heart is characteristic of the disbelievers. For example, in one verse: “No, (not silence)! "Perhaps their hearts are covered by the sins they have earned." (Al-Mughaffifun, 83:14) It is said. The cloudiness of the heart (ga'im) concerns the believers. Usayd bin Hudayr came to our Prophet and said: - O Messenger of Allah, I was reciting Surah Al-Kahf last night, and suddenly I saw bright clouds above my head, what were they? When he asked, the Messenger of Allah replied: - They are silence (in another narration, angels). They came to hear the Quran being recited. "The cloudiness of the heart (ga'in) is characteristic of the prophets. This is also understood from the above hadith.

5. Continuous remembrance. Dhikr is remembering Allah Almighty in the presence of the heart, without raising the voice too much with great force, and with the tongue in a way that affects the veins and arteries. Satan retreats in the face of the explicit remembrance and uses his shield. The most virtuous remembrance is the word "La ilaha illallah." Because when the ego conquers the heart, it claims dominion and divinity. And the air, lust and Satan bring the army of the nafs to the field. When the servant says "La ilaha illallah" (There is no god but Allah), because this expression consists of negation and proof, rejection and acceptance - the rejection and denial of the gods who claim lordship and who claim divinity due to the air and lust is meant. Because Allah Almighty has blessed him by saying: "...Whoever takes his air and his desires as gods.." (Furqan, 25:43); "...and indeed the nafs are the ones who command all evil...." (Yusuf, 12:53). "Indeed, Satan is an enemy to you, so take him as an enemy. Indeed, he invites his party (i.e. those who follow him) to be the companions of the Fire" (Fatir, 35:6). Zakir Kula destroys the dream kingdoms of his enemies with the beneficial part of the expression "La ilaha".

The part “illa Allah” that expresses the proof reveals the authority of the heart, knowledge, the Quran, the Sunnah and inspiration, which are at the level of the Truth and its soldiers. When the authority of the soldiers of Truth comes into play, the heart rises from the height of nature to the space of closeness to the Truth. “It sees what no eye has seen and hears what no ear has heard.” Dhikr is light. When it occupies the heart and takes control of it, it illuminates both the heart and the eye of the heart. In this way, even in the dark places that previously prevented it from seeing, it achieves seeing things with the same eye of the heart. After all, even a person lying on his deathbed can see things that those present with him did not see. Regarding this, the Almighty God commands: “...So We have removed your veil from you. Now, this Day, your sight is sharp” (Qaf, 50:22)[4].

6. Submission. This word, along with consent and tafwiz, also includes the first page of tawakkul. Allah says: “Remember when his Lord said to him: ‘Submit!’ He said: ‘I have submitted to the Lord of the Worlds.’” (Al-Baqarah, 2:131). Praising the Ahzab, He blesses them with the following: “O believers,” when they see those parties, “This is what Allah and His Messenger promised us (i.e., a test). "The word of Allah and His Messenger is the truth," and (the innumerable sects that came upon them) only increased their faith and obedience (to Allah)" (Al-Ahzab, 33:22), "Whoever submits himself to Allah while doing good, then he has grasped the most trustworthy handhold..." (Luqman, 31:22), "Is there any religion better than the religion of one who submits himself to Allah while being a true Muslim and follows the religion of Abraham, the upright?" (An-Nisa, 4:125) He may have blessed them by saying, "Confidence in Allah's sacred destiny and blessed decree is one of the requirements of submission." The following are also included in the subject of submission. These are: poverty-grief, sadness-worship, possession-absence, fear-awe, enlightenment, love, destruction-proof, happiness-evidence, testimony-evidence, worship-worship, nearness-nearness, forgetfulness-sacrifice, patience-thankfulness, the beloved of the work, the beloved of the eye, the beloved of the eye, struggle-observation, the appearance of the places where spiders weave their nests, conversation-conversation, and revelation-conversation. Because of

these, my heart informed me of my Lord. If the worldly knowledge is the manifestation of engraved tablets, then the worship of the one who has the ability to free oneself is freedom, thinking about the past and the future. As for the eternal grace and eternal form, it is the birth of the sun of the heart (also called Muqaddimu-l-Ghayb, Sheikh-ul-Ghayb, Mezanu-l-Ghayb, Shamsu-l-Qalb and Shamsu-l-Iqan, Shamsu-l-Irfan, Shamsu-rhuhaniya) which is in the unseen world. This is also called the eloquent soul and the hall of the heart. The witnesses of all the beautiful and glorious qualities, greatness, truthfulness, wrath, victory, honor, perfection and subtle qualities are born in this hall of the heart[85].

7. Purifying the memory. This (self-concern) is a very difficult task for those who are on the path of struggle. Allah says: “And when an evil thought touches those who fear Him, they remember Him and see. But their friends help them in misguidance, then they do not cease.” (Al-A’raf, 8:201-202) Also, “Satan threatens you with poverty and enjoins you to commit indecencies. Allah promises you forgiveness from Himself and a generous provision.” (Al-Baqarah, 2:268); “Indeed, those who turn back after guidance has become clear to them, Satan makes their deeds seem fair to them and prolongs their (vain) desires.” (Muhammad, 47:25); Hazrat Ya’qub: “...Nay! Your desires have made a matter fair to you…” (Yusuf, 12:18); Hazrat Yusuf: “...I will not excuse my soul…” (Yusuf, 12:53); “I swear by the Day of Resurrection and by the reproachful soul "(Al-Qiyamah, 75:1-2); "When the matter was decided (i.e., the people of Paradise were granted Paradise and the people of Hell were condemned to Hell), Satan said: "Indeed, Allah promised you the truth, but I deceived you with (false) promises . (But) I had no authority over you, except that when I called you (to the path of disbelief), you obeyed me. Now blame yourselves, not me...» (Ibrahim, 14:22); «Now, since You have led me astray, I will wait for them (the children of Adam) on Your Straight Path» (Al-A’raf, 7:16); «...Indeed, the devils tempt their friends to quarrel with you...» (An’am, 6:121); «And We have made for every prophet devils from among mankind and jinn as enemies... They tempt one another with beautiful (shining) words...» (An’am, 6:112); Many verses, such as “O you who believe, intoxicants, gambling, idols, and divination by sticks are forbidden, the work of Satan” (Al-Ma’idah, 5:90), clearly indicate the desires of the soul and the temptations of Satan. This is also evidenced by authentic hadiths from the Prophet (peace and blessings of Allaah be upon him) such as “Satan circulates in the veins of the son of Adam like blood, I fear that he will throw something at you” or “Satan penetrates the veins of the son of Adam”[2].

Literature.

1. Shayx Najmiddin Kubro. Tasavvufiy hayot. - Toshkent: Movarounnahr, 2004. 2. Shayx Najmiddin Kubro. Risola ilal qoim. www.ziyouz.com kutubxonasi.

3. G’oziev E. Umumiy psixologiya. -T.: "Universitet", 2008, 137 b.

4. https://www.ziyouz.uz/ru/deyateli/velikie-mysliteli-uzbekistana/69-2012-09-02-13-44-51.

THE RELEVANCE OF ABU MANSUR ABD AL-MALIK IBN MUHAMMAD AL-THA'ALIBI'S TAZKIRAH "YATIMAT AL-DAHR" IN THE MODERN DAY

Satorova M.
(Uzbekistan)

Аннотация. *В статье рассматривается современная актуальность классической арабской тазкиры «Ятимат ад-дахр», составленной Абу Мансуром Абд аль-Маликом ибн Мухаммадом ас-Саляби. Это биографико-литературная антология поэтов исламского мира X–XI веков, отражающая богатое культурное и поэтическое наследие арабской цивилизации. Исследование фокусируется на структуре, методологии и литературной ценности произведения, подчеркивая его значение для арабской литературной историографии, сравнительного литературоведения и современного гуманитарного образования. Тазкира служит важным источником для изучения классической поэтики и интеллектуального контекста своего времени.*

Ключевые слова: *Саляби, Ятимат ад-дахр, арабская литература, тазкира, литературная историография, классическая поэзия, биографическая антология, культурное наследие.*

Abstract. *This article examines the modern-day relevance of Yatimat al-Dahr, a classical Arabic tazkirah compiled by Abu Mansur Abd al-Malik ibn Muhammad al-Thaʿalibi. As a biographical and literary anthology, the work documents poets from various regions of the Islamic world during the 10th–11th centuries. The study explores its structure, methodology, and literary significance, emphasizing its contribution to Arabic literary historiography, cultural heritage preservation, and comparative literature. The tazkirah remains a valuable resource for understanding classical Arabic poetics and the intellectual context of its time, while also offering insights applicable to modern literary criticism and education.*

Keywords*: Thaʿalibi, Yatimat al-Dahr, Arabic literature, tazkirah, literary historiography, classical poetry, biographical anthology, cultural heritage.*

Introduction. The classical Arabic literary tradition has preserved a wide range of biographical and poetic anthologies that serve not only as repositories of artistic expression but also as vital sources for understanding the intellectual and cultural history of the Islamic Golden Age. One such seminal work is Yatimat al-Dahr ("The Unique Pearl of the Age"), compiled by Abu Mansur Abd al-Malik ibn Muhammad al-Thaʿalibi in the 10th–11th centuries.

This tazkirah, which documents the lives and works of poets from various regions of the Islamic world, reflects the richness of Arabic poetic heritage and provides deep insights into the literary, linguistic, and aesthetic norms of the period. Its structure and methodology distinguish it as both a historical and critical text, offering valuable perspectives on literary evaluation and cultural identity in pre-modern Islamic societies.

Relevance of the topic. The study of Abu Mansur Abd al-Malik ibn Muhammad al-Thaʿalibi's Yatimat al-Dahr remains highly relevant in today's academic context for several reasons. This classical Arabic biographical anthology not only documents the literary and poetic achievements of the Islamic Golden Age but also serves as a valuable primary source for understanding intellectual history, literary criticism, and cultural identity within the medieval Islamic world.

In a time when interest in classical literature and the preservation of cultural heritage is growing, Yatimat al-Dahr plays a significant role in deepening our understanding of the development of Arabic poetics, the diversity of regional literary traditions, and the methodologies of early literary historiography. Thaʿalibi's systematic and stylistically rich compilation of poet biographies represents one of the earliest forms of literary canon formation, which continues to influence modern approaches to the study of Arabic literary history.

Moreover, in today's globalized world—where intercultural dialogue and historical continuity are increasingly vital—this tazkirah reveals the intellectual interconnectedness of various Islamic regions.

Literature review. The study of Yatimat al-Dahr by Abu Mansur Abd al-Malik ibn Muhammad al-Thaʿalibi has attracted considerable scholarly attention within the fields of Arabic literary historiography, classical Islamic culture, and biographical anthologies. As a 10th–11th century tazkirah, it holds a significant place in the tradition of Arabic adab literature and serves as an essential reference for understanding the evolution of Arabic poetry and intellectual life during the Islamic Golden Age.

Several scholars have explored Thaʿalibi's unique methodology in compiling Yatimat al-Dahr, noting its blend of literary critique and historical documentation. Researchers such as Ihsan Abbas and Carl Brockelmann have emphasized the work's comprehensive regional scope, as it includes poets from Khorasan, Iraq, the Levant, and the Maghreb, offering a panoramic view of Arabic poetic culture across the Islamic world.

In modern scholarship, Yatimat al-Dahr is often analyzed alongside other classical anthologies, such as al-Aghani by Abu al-Faraj al-Isfahani and al-Kamil by al-Mubarrad. These comparative studies highlight Thaʿalibi's critical voice and editorial discernment in selecting and evaluating poetic works. His biographical entries not only preserve literary heritage but also reflect socio-political and cultural dynamics of the time.

Recent research has also addressed the relevance of Thaʿalibi's work to contemporary Arabic literary studies, particularly in the context of canon formation, identity construction, and the transmission of cultural memory. Scholars increasingly recognize Yatimat al-Dahr as an early example of literary historiography, positioning it as a foundational text for comparative literature and Islamic intellectual history.

Discussion. Yatimat al-Dahr, compiled by Abu Mansur Abd al-Malik ibn Muhammad al-Thaʿalibi, is one of the most remarkable examples of classical Arabic literary historiography. The work offers comprehensive biographical and literary accounts of poets who lived and created during the 10th–11th centuries, serving as both a literary canon and a cultural archive of the Islamic Golden Age. The present study confirms that this tazkirah played a significant role in shaping literary values and preserving intellectual memory.

Thaʿalibi's methodology—categorizing poets by region, providing concise biographical notes, and selecting representative poetic excerpts—demonstrates an early and systematic approach to literary criticism. His criteria for inclusion and evaluation were based on stylistic excellence, thematic depth, and cultural impact, all of which are still relevant to modern literary studies.

In addition to their literary value, the entries in Yatimat al-Dahr also provide insight into the social, political, and intellectual contexts in which these poets lived. This multidimensional perspective makes the work not only a literary reference but also an important historical and cultural document. As such, the tazkirah is of interest not only to literary scholars but also to historians, cultural analysts, and researchers in Islamic studies.

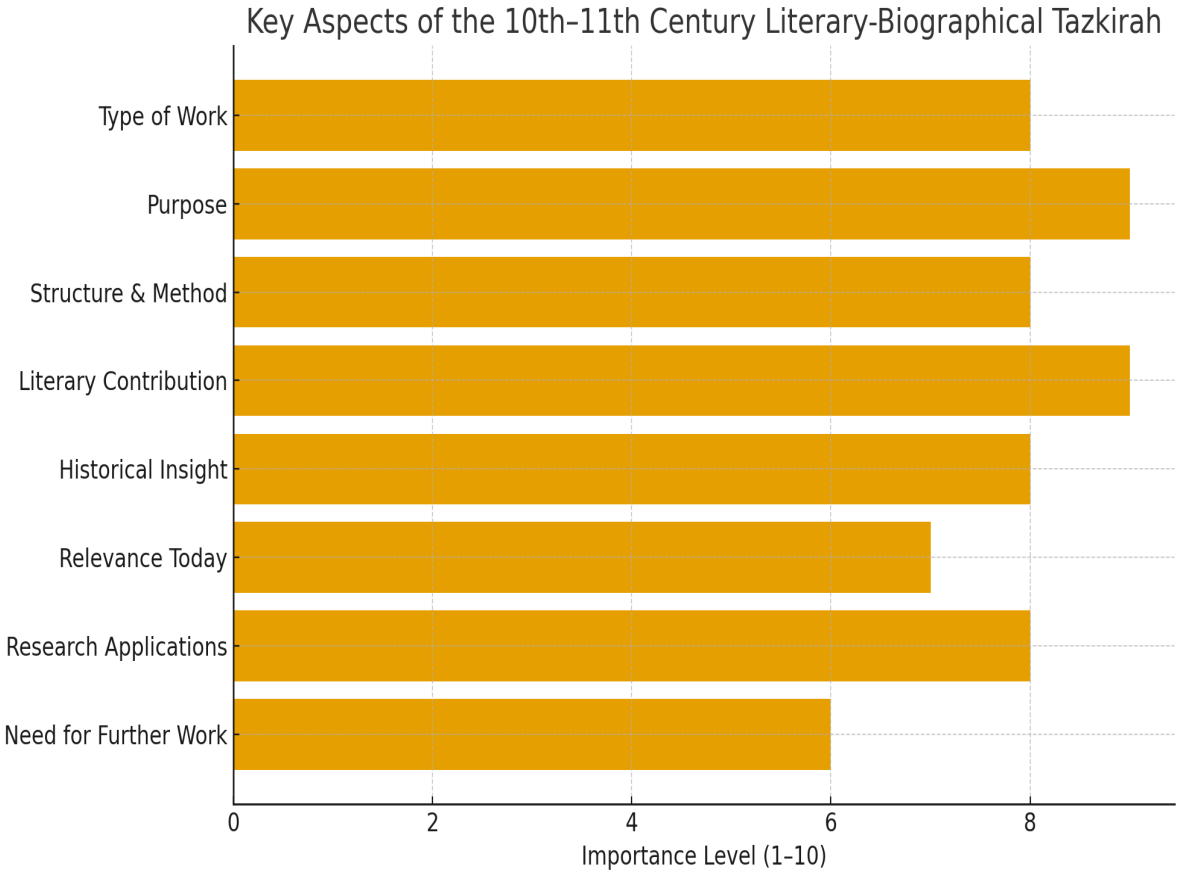
In the modern era, revisiting Yatimat al-Dahr is essential for several reasons. Firstly, it preserves a rich corpus of classical Arabic poetry and biography that continues to inform contemporary research. Secondly, it helps trace the development of regional literary identities and highlights the interconnectedness of diverse intellectual centers in the Islamic world.

Thirdly, new translations and critical editions of the work can contribute to globalizing Arabic literary heritage and making it more accessible to non-Arabic-speaking audiences.

Table 1

Category	Key Points
1. Type of Work	Literary-biographical anthology (tazkirah) of 10th–11th century poets
2. Purpose	To document and evaluate Arabic poetry; to preserve cultural and literary heritage
3. Structure & Method	Regional classification, concise biographies, selected poetry, and brief critical commentary
4. Literary Contribution	Highlights poetic aesthetics, formal style, and thematic diversity of the Islamic Golden Age
5. Historical Insight	Offers social, political, and intellectual context of medieval Islamic literary culture
6. Relevance Today	A source for Arabic literary history, comparative literature, and cultural identity research
7. Research Applications	Useful in philology, literary criticism, historiography, Islamic studies, and heritage studies
8. Need for Further Work	Requires modern translations, critical editions, and wider inclusion in global academic discourse

This table summarizes the key features of a 10th–11th century tazkirah — a literary-biographical anthology of poets. It documents and critiques Arabic poetry, preserving the cultural heritage of the Islamic Golden Age. Organized by region, it combines concise

biographies, poetry samples, and critical notes. The work offers insight into medieval Islamic society and remains valuable for modern research in philology, literature, and cultural identity.

Analysis of the diagram.

The diagram illustrates the relative importance of key aspects of the 10th–11th century literary-biographical tazkirah. The highest values appear in Purpose and Literary Contribution, showing that the work's main strength lies in preserving and evaluating Arabic poetic heritage. Type of Work, Structure & Method, and Historical Insight also score high, emphasizing its organized approach and historical value.

Meanwhile, Relevance Today and Research Applications remain moderately significant, reflecting their ongoing but specialized role in modern scholarship. Need for Further Work shows a lower score, indicating that while important, it represents an area requiring future academic development — such as translation and critical editions.

Overall, the diagram highlights the tazkirah's major literary, cultural, and research importance, confirming its status as a bridge between classical and modern literary studies.

Conclusions. The conducted analysis shows that the tazkirah of the 10th–11th centuries is a significant literary-biographical source that reflects the intellectual, cultural, and artistic atmosphere of the Islamic Golden Age. Through its detailed structure — combining biography, poetic samples, and critical commentary — the work preserves the essence of Arabic literary tradition and demonstrates the evolution of poetic aesthetics and thought.

This tazkirah plays an important role in documenting and evaluating Arabic poetry, serving not only as a historical record but also as an instrument of literary criticism and canon formation. It reveals the interrelation between literature, culture, and society of its time, providing valuable insights into the worldview, moral ideals, and aesthetic principles of medieval Islamic civilization.

In contemporary scholarship, the tazkirah remains a vital source for research in philology, literary criticism, Islamic studies, and comparative literature. It helps modern researchers trace the continuity of literary traditions and understand the foundations of cultural identity within the Arabic-Islamic context.

However, the analysis also reveals the need for further academic efforts — particularly in producing modern translations, critical editions, and digital preservation of manuscripts. Expanding its availability in global academic circles will ensure deeper understanding and appreciation of classical Arabic literature.

Recommendations.

✓ Based on the conducted analysis, several recommendations can be proposed to enhance the study, preservation, and dissemination of the tazkirah and similar classical literary works:

Modern translation projects:

✓ It is necessary to prepare modern, accurate translations of the tazkirah into English and other major languages to make the work accessible to the global scholarly community.

Critical and annotated editions:

✓ Scholars should develop critical editions that include detailed commentary, comparative analysis, and contextual notes to deepen understanding of the text's historical and literary background.

Digitalization and Archiving:

✓ Creating digital archives and online databases of tazkirah manuscripts will ensure their long-term preservation and facilitate access for international researchers.

Interdisciplinary research:

✓ Collaboration among specialists in literature, history, theology, and linguistics will promote a more comprehensive study of the tazkirah within the broader context of Islamic civilization.

Academic integration:

✓ Incorporating the tazkirah into university curricula on Arabic and Islamic literature will encourage young scholars to explore classical texts and engage in comparative literary research.

Promotion of cross-cultural dialogue:

✓ The tazkirah should be presented as a cultural bridge linking different literary traditions, fostering intercultural understanding and scholarly exchange.

Further scholarly analysis:

✓ Researchers are encouraged to conduct in-depth thematic, stylistic, and linguistic studies to reveal the poetic richness and philosophical dimensions of the work.

Institutional support:

✓ Academic institutions and cultural organizations should support research projects, conferences, and publications dedicated to the study of tazkirah literature.

References.

1. Arberry, A. J. Classical Arabic Literature: A Collection of Essays. Cambridge University Press, 1957.
2. Brockelmann, C. History of the Arabic Written Tradition. Brill, 1943.
3. Beeston, A. F. L. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period. Cambridge University Press, 1983.
4. Renard, J. Islamic Theological, Philosophical, and Mystical Thought. Routledge, 2014.
5. Sezgin, F. Geschichte des Arabischen Schrifttums (History of Arabic Literature). Brill, 1967.
6. Montgomery, J. E. Al-Jahiz: In Praise of Books. Edinburgh University Press, 2013.
7. Allen, R. An Introduction to Arabic Literature. Cambridge University Press, 2000.
8. Stetkevych, S. P. The Poetics of Islamic Legitimacy: Myth, Gender, and Ceremony in the Classical Arabic Ode. Indiana University Press, 2002.
9. Meisami, J. S., & Starkey, P. (Eds.). Encyclopedia of Arabic Literature. Routledge, 1998.

AGE-RELATED DIGESTIVE DYSFUNCTIONS IN ADOLESCENTS

Sharipova F. K.
(Tashkent, Uzbekistan)

Annotation. *This article presents findings from a study investigating the risk of suicidal tendencies in adolescents diagnosed with eating disorders. The results indicate that such tendencies are predominantly demonstrative or manipulative in nature, marked by emotional instability and varied motivations, and frequently co-occur with depressive symptoms. The presence of high suicide risk and chronic depressive conditions exacerbates the clinical profile, leading to difficulties in the adolescents' social adaptation.*

Keywords: *adolescents, eating disorders, suicidal tendencies, emotional instability, depression, social adaptation, psychological risk factors, mental health.*

Purpose of the Study: *To assess the risk of suicidal behavior in adolescents with eating disorders, with the aim of improving psychocorrection strategies and enhancing therapeutic and psychological support.*

Materials and Methods: *A total of 52 adolescent girls aged 15 to 19, who met the ICD-10 diagnostic criteria for "mental and behavioral disorders," were examined. Specifically, they*

were classified under the section "behavioral syndromes associated with physiological disturbances and physical factors," with a focus on group F50 – eating disorders, particularly F50.0 – anorexia nervosa. The average age of the participants was 14.8±1.7 years. To assess emotional disturbances, a range of experimental psychological assessment tools was employed, including the Zung Self-Rating Depression Scale, a suicide risk evaluation tool, and the Columbia Suicide Severity Rating Scale (Posner K., Brent D., Lucas C., 2009) to identify the nature and severity of suicidal tendencies.

Results: *The research revealed that suicidal tendencies among adolescents with eating disorders are frequently characterized by demonstrative and manipulative behavior. These tendencies often exhibit emotional instability and are driven by diverse underlying motivations. They typically develop in conjunction with depressive symptoms.*

Keywords: *teenagers, suicidal behavior, eating malfunctions, anxiety, emotional problems, depression.*

Аннотация*: В статье представлены результаты исследования риска развития суицидальных тенденций у подростков с диагностированными расстройствами пищевого поведения. Результаты показывают, что такие тенденции преимущественно носят демонстративный или манипулятивный характер, сопровождаются эмоциональной нестабильностью и разнообразной мотивацией, часто сочетаются с депрессивными симптомами. Высокий риск суицида и хронические депрессивные состояния усугубляют клиническую картину, что приводит к трудностям социальной адаптации подростков.*

Цель исследования: *оценить риск суицидального поведения у подростков с расстройствами пищевого поведения для оптимизации психокоррекционных стратегий и повышения эффективности терапевтической и психологической поддержки.*

Материалы и методы*: Обследовано 52 девочки-подростки в возрасте от 15 до 19 лет, соответствующие диагностическим критериям МКБ-10 «психические и поведенческие расстройства». Конкретно — раздел «поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами», группа F50 — расстройства пищевого поведения, в частности F50.0 — нервная анорексия. Средний возраст участников составил 14,8 ± 1,7 года. Для оценки эмоциональных нарушений использовались экспериментальные психологические методики: шкала самооценки депрессии Зунга, шкала оценки риска суицида и Колумбийская шкала тяжести суицидального риска (Posner K., Brent D., Lucas C., 2009) для определения характера и степени суицидальных тенденций.*

Результаты*: Исследование выявило, что суицидальные тенденции у подростков с расстройствами пищевого поведения часто проявляются демонстративным и манипулятивным поведением. Эти тенденции сопровождаются эмоциональной нестабильностью и обусловлены разнообразной мотивацией. Как правило, они формируются в сочетании с депрессивными симптомами.*

Ключевые слова*: подростки, суицидальное поведение, расстройства пищевого поведения, тревога, эмоциональные проблемы, депрессия.*

Introduction. Digestive disorders that begin in childhood and adolescence can lead to serious consequences for adolescent health in the future, accompanied by the risk of developing depressive symptoms and suicidal behaviors [6]. Patients often harbor internal conflicts that later manifest as a complex of painful symptoms. Both patients and their families experience fear, anxiety, and obsessive worry about seeking psychiatric help due to misconceptions about this field of medicine and the stigma associated with mental disorders [7,12].

The urgency of studying self-destructive behavior in adolescents with eating disorders is related to the presence of depressive symptoms and manifestations of psychological infantilism in this patient group, which contributes to the increased number of suicide attempts [8]. An emotionally unstable microenvironment in the family and lack of mutual understanding between children and parents often lead to these conditions going undetected in time. As a result, during puberty, depressive symptoms increase against a background of body dysmorphic changes, low self-esteem, and suicidal tendencies [1].

The emergence of suicidal behaviors in adolescents is facilitated by dysmorphic symptom complexes that manifest alongside eating disorders [5,11]. Depressive states during adolescence, influenced by physiological disturbances and physical factors, increase the risk of suicidal tendencies and attempts [2,10].

According to studies by Grigorenko E.A., suicidal adolescents are characterized by excessive sensitivity, vulnerability, decreased tolerance to emotional stress, low self-esteem, rejection by the social environment, feelings of uselessness and worthlessness, and passivity in dealing with difficult situations [3].

According to N.Yu. Zhukova, suicidal behavior results from the development of interpersonal conflicts under the influence of external stress factors and is also linked to psychopathological disorders that lead to self-destructive behavior, regardless of external circumstances and reactive situations [4,13].

Objective of the Study: To study the risk of developing suicidal tendencies in adolescents with eating disorders in order to optimize therapeutic and preventive measures and select psychotherapeutic tactics in a differentiated manner.

Materials and Methods: A total of 52 patients aged 15-19 were examined, all of whom met the diagnostic criteria for mental and behavioral disorders (ICD-10, Chapter F) – specifically under the group of behavioral syndromes associated with physiological disturbances and physical factors (F50: Eating disorders; F50.0: Anorexia nervosa).

Experimental psychological research methods were used to assess emotional pathology. The Zung Self-Rating Depression Scale was applied to evaluate depressive symptoms, while the "Columbia Suicide Severity Rating Scale" (Posner K., Brent D., Lukas C., 2009) was used to assess the degree and characteristics of suicide risk and tendencies.

Results and Discussion: At the initial stage of the study, no cases of severe depression were identified among the adolescents according to the Zung scale. The majority (61.5%, or 32 patients) had mild depression, and only 38.5% (20 patients) had moderate depression. Depressive symptoms manifested as anxiety-phobic disorders and somatovegetative components such as persistent low mood and appetite suppression, accompanied by a strong belief in the imperfection of their body image.

The clinical presentation of dysmorphic depression was dominated by complaints about body structure flaws and deficiencies, a belief in unattractiveness or physical inferiority. This form of depression was accompanied by disordered eating behaviors, such as strict dietary restrictions, typical of the initial stages of anorexia nervosa.

In most cases, the adolescent girls had no history of being overweight. However, their lifestyle was focused on strict diets, visiting fitness centers, and striving for ideal body shapes and weight. They sought self-improvement and ideal appearances. In some cases, a lack of understanding with parents and close relatives led to protest reactions such as food refusal.

Adolescents blamed their parents for genetic flaws such as excess weight, large breasts, wide hips, chubby cheeks, or a big nose, and accused them of promoting overeating and excessive calorie intake during early childhood. The main complaints included dissatisfaction with appearance, anxiety about the future, negative perception of the past and present, resentment towards parents and others, and tendencies toward isolation and loneliness.

In this group, suicidal tendencies were limited to thoughts and planning. The thoughts were unstable and passive, and the adolescents were reluctant to disclose their plans or

intentions. Most data were obtained from parents, who discovered that their children were registered in various online communities and media sites promoting a “cult of death.”

Eighty percent of patients expressed a desire to find a way out of their situation. Among those with moderate depression, 20% showed a negative attitude toward life. According to the Zung test, these patients were prone to loneliness and avoiding external help. In 56% of cases, patients experienced hopelessness and fear of setting new goals, sometimes leading to increased anxiety.

Most commonly, self-harming behaviors (e.g., cutting with sharp objects) were observed on the inner thighs and elbow areas. These actions were not motivated by a genuine desire to commit suicide but were likely performed at the peak of depressive affect to achieve psychological relief and reduce emotional tension.

In 28% of the adolescents studied, active and specific suicidal thoughts were identified, though they lacked concrete plans. These thoughts were unstable in intensity and duration, as assessed by the Columbia Suicide Severity Rating Scale.

A comparative analysis of the motivations behind suicidal thoughts and intentions in this group revealed a variety of causes. Among adolescent girls with eating disorders, the personal motivations for suicide attempts were as follows:

- 25 individuals (48.08%) had demonstrative or manipulative motives,
- 10 individuals (19.23%) had motives related to giving up on life,
- 9 individuals (17.31%) had motives related to protest,
- 4 individuals (7.69%) acted out of a desire for self-destruction,
- 4 individuals (7.69%) acted out of revenge or a desire to provoke a reaction.

Thus, the motivations behind suicidal behavior were predominantly demonstrative or manipulative in nature, with protest, provocation, and revenge motives being less common.

Conclusion: Research on the risk of suicidal tendencies in adolescents with eating disorders shows that such tendencies are often demonstrative and manipulative in nature, marked by instability and diverse motivations, and typically develop alongside depressive symptoms.

The high suicide risk and persistent depressive pathology complicate the clinical picture and disrupt adolescent adaptation in society.

References.

1. Abdullayeva, V. K., & Babarakhimova, S. B. (2020). Personal characteristics in adolescents with depressive disorders. *New Day in Medicine*, 1(29), 109–112.

2. Abdullayeva, V. K., Sulaymonov, Sh. R., & Sharipova, F. K. (2020). The impact of family relationships on the formation of depressive and behavioral disorders in adolescents. *Human Factor. Social Psychology*, 1(39), 146–153.

3. Grigorenko, E. A. (2016). The problem of suicidal behavior in adolescents (literature review). *Scientific Review Journal. Medical Sciences*, (5), 40–45.

4. Zhukova, N. Yu. (2017). Attitudes toward death and tendencies to self-destructive behavior in adolescents. *Journal of Child and Adolescent Mental Health Issues*, 4(17), 27–33.

5. Iskandarova, J. M. (2016). Constitutional and personal characteristics of girls with anorexia nervosa. *Archives of Internal Medicine*, 1(S), 9–10.

6. Mukhtorov, B. O., Babarakhimova, S. B., & Abdullayeva, V. K. (2022). The role of conflict situations in the formation of non-suicidal self-injurious behavior among pre-conscription adolescent boys. *Problems of Biology and Medicine*, 3(136), 67–71.

7. Sulaymonov, Sh. R., & Inoyatov, A. A. (2019). Prevention of suicide in adolescents. *Anthology of Russian Psychotherapy and Psychology*, 166–167.

8. Babarakhimova, S. B., Abdullaeva, V. K., Abbasova, D. S., et al. (2020). Relationship of personal characteristics in adolescents with suicidal tendencies. *NJD-i-Science*, 2(40), 19–22.

9. Matveeva, A. A., Sultonova, K. B., Abbasova, D. S., et al. (2020). Optimization of psycho-diagnostics of emotional states. *Dan Science Journal*, 3(5), 24–27.

10. Nurkhodjaev, S., Babarakhimova, S., & Abdullaeva, V. (2020). Early detection and prevention of suicidal behavior in adolescents. *Indian Journal of Forensic Medicine and Toxicology*, 14(3), 7258–7263.

11. Sharipova, F. K. (2022). Socio-psychological factors of risk for the formation of internet addiction. *Materials of International Scientific-Practical Conference*.

12. Sharipova, F. K. (2024). Specificities of nonsuicidal self-harming behavior among peers. *Science and Innovation*.

13. Sharipova, F. K. (2025). The phenomena of suicidal tendencies in adolescents with eating disorders. In *Bulletin of Integrative Psychology: Journal for Psychologists* (Vol. 35, Part 1, pp. 431–433). Yaroslavl: MAPN. Editors: V. V. Kozlov, Sh. R. Baratov, M. N. Usmanova.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS FOR MANAGEMENT AND DEVELOPMENT OF SPECIAL ECONOMIC AND INDUSTRIAL ZONES IN UZBEKISTAN

Shonazarov A.M.
(Samarkand, Uzbekistan)

Аннотация. *Целью данной научной статьи является комплексное раскрытие научно-теоретического и практического значения социально-психологических механизмов управления и развития деятельности особых экономических и малых промышленных зон, технопарков и кластеров. В статье рассматриваются вопросы достижения устойчивого качества и эффективности деятельности особых экономических и малых промышленных зон, технопарков и кластеров в результате планомерного увеличения их доли в национальной экономике, путем выявления специфических социально-психологических аспектов эффективного применения современных методов управления отраслью, основанных на методологических подходах, направленных на решение существующих в отрасли проблем.*

Ключевые слова: *Специальные экономические зоны, действующие в Узбекистане, малые промышленные зоны, технопарк, специальные научно-технические зоны, специальные промышленные зоны, зоны свободной торговли, современный менеджмент, социально-психологические механизмы, развитие, качество и эффективность.*

Annotation. *This scientific article aims to comprehensively cover the scientific, theoretical and practical significance of the socio-psychological mechanisms of managing and developing the activities of special economic and small industrial zones, technoparks and clusters. It also aims to address the issues of achieving sustainable quality and efficiency of special economic and small industrial zones, technoparks and clusters as a result of systematically increasing their share in the national economy, by highlighting the specific socio-psychological aspects of the effective application of modern management activities to the sector, based on methodological approaches aimed at solving existing problems in the sector.*

Keywords: *Special economic zones operating in Uzbekistan, small industrial zones, technopark, special scientific and technological zones, special industrial zones, free trade zones, modern management, socio-psychological mechanisms, development, quality and efficiency.*

The relevance of scientific research. In the new Uzbekistan, today, human dignity has been glorified, serious reforms are being carried out in all spheres of state and society. It also provides ample opportunities for the population to engage in small business and private entrepreneurship. People's mental stability is constantly evolving and striving to improve due to the fact that it depends on their economic potential.

If the national development of the new Uzbekistan requires, first of all, it requires, qualitatively, and secondly, it depends on sustainable development of a socio-psychological healthy environment between the leader and the working community. Today, economic knowledge, economic worldview, economic awareness, socio-psychological activity are formed among the population, creative thinking skills are developed. It is noteworthy that thanks to the wise policy pursued by the esteemed President Sh. M. Mirziyoyev in the field of socio-economic development of the country, as well as new initiatives, the activities of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters are being established in many cities and villages of the country, promising programs, comprehensive measures are being developed and implemented aimed at their high-quality organization and management.

Indeed, the essence of any economic development depends on the quality of management and effective organization. This, in turn, will depend on the ability of managers and working personnel, and the work team in general, to properly engage in socio-psychological relations and the creation of a mentally stable healthy environment.

It is well known that any socialization as well as economic stability is carried out within the scope of properly organized quality governance. In this regard, it is important today to effectively regulate the activities of special economic and industrial zones operating in the country on the basis of comprehensive socio-psychological mechanisms and to reveal the specific socio-psychological features of improving their management activities from the scientific, theoretical and practical sides. This, in turn, will enable managers with management skills to overcome the existing problems in a timely manner, possess high management skills by developing the management culture, morality, intellectual and ethical qualities, capability, talent, initiative, organization, creative thinking based on existing circumstances, develop the creative thinking necessary for economic efficiency, Economic and psychological knowledge, the ability to work effectively is considered necessary, and the disclosure of the essence of this process testifies to the relevance of the topic of scientific research for the life of society.

The purpose of scientific research. Scientific research to achieve further stability of the national economy through the creation of socio-psychological mechanisms for the management and development of the activities of special economic and industrial zones in our country, the organization of management processes in accordance with the national interests on the basis of world standards, the improvement of the activities of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters in accordance with today's requirements defines the purpose of his work.

Based on the relevance and purpose of scientific research, the following tasks have been identified:

- management of the activities of special economic and industrial zones, the effective use of scientific literature and research works with scientific and theoretical content aimed at the development of socio-psychological mechanisms for the development of managers' activities and their introduction into practice;
- management of the activities of special economic and industrial zones and identification of problems hindering their development and the creation of effective solutions aimed at their elimination;
- On the basis of the creation of a database of research works and the study of their common features, the development and implementation of scientific and theoretical proposals, practical recommendations aimed at further improving the management of the processes of management of special economic zones, small industrial zones, technology parks and clusters.

Subject of scientific research. Scientific , theoretical and practical aspects of socio-psychological mechanisms for the development and effective management of small industrial zones, technoparks and clusters with structural structures of special economic and industrial zones.

The object of scientific research: development of modern knowledge, abilities and competencies inherent in the management of the leaders of the special economic industrial zone and its structural subdivisions and the leaders of the sphere operating in our country .

Based on the above-mentioned scientific approaches, it is emphasized that the management of the activities of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters operating in our country, as well as the creation of socio-psychological mechanisms for their development, as well as the effective use of existing local minerals and raw materials, their processing by zoning means are competitive with a high level of added value Achieve the organization of activities of modern enterprises that provide stable production of products. In addition, enterprises of foreign direct investment are responsible for creating healthy competition and a business environment by ensuring further improvement of socio-psychological relations between the management of economic entities and the labor community, the comprehensive use of existing opportunities as a result of the effective use of the production and resource potential of the regions, the creation of new jobs suitable for the population, increasing incomes of the population Involvement in activities is seen as an important factor of achievement.

On the basis of the development of all these scientific evidence and opinions, it will increase the size of special economic and small industrial zones operating in our country, and in the future will become one of the most important economic sectors serving the interests of the state and society.

Judging by the above-mentioned scientific analysis, we will definitely achieve our goals only if we pay attention to these aspects as a serious process, which are supposed to be covered in scientific research, and this process will not fail to show its positive impact on the further development of our national economy from the socio-psychological side. This leads to ensuring the economic stability of the state and society.

Subject of the research paper. Establishment and organization of economic sectors and sectors in our country is considered important for the life of society, which, first of all, leads to an increase in the volume of production of competitive products that meet modern requirements, and secondly, the organization and increase of the range of services and has a positive effect on the level of quality, and thirdly, it allows creating jobs for the population and through this It will lead to the creation of new jobs and increase incomes of the population, solve the problems of unemployment and poverty, which, in the fourth place, will lead to the sustainable development of the national economy, and the fifth will lead to an increase in the quality and efficiency of management and the creation of a healthy socio-psychological stable environment among the working community. All these play a systematic increase in the volume of gross domestic product per capita of the republic and for the socio-economic sustainable development of the regions. In this regard, the head of our country Sh. M. Mirziyoyev emphasized the following points. In particular, "A positive result in this matter can be achieved if we can thoroughly form investment projects by regions and industries for investors seeking to invest in our economy. In this regard, it is necessary to organize and legally regulate the placement, granting privileges and preferences to business entities in free economic zones and small industrial zones.

Comprehensive work is underway to ensure the implementation of the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev dated March 4, 2025, No. UP-41 "On additional measures to improve the efficiency of special economic and industrial zones in Uzbekistan".

According to the Decree, the main target indicators for the development of special economic and industrial zones by 2025 are:

(a) to absorb investments in special economic zones in the amount of USD 2.3 billion, increase exports to USD 1 billion, ensure production in the amount of USD 4.3 billion and create 12,000 new permanent jobs;

(b) to absorb investments in the amount of USD 800 million in industrial zones, to increase exports to USD 512.2 million, to ensure production in the amount of USD 1.8 billion and to create 17 thousand new permanent jobs. [1; B-2]

Indeed, the comprehensive development of our country depends on the development of special economic and industrial zones and the organization of effective management processes. At this point, the question arises: what economic zones are understood by special economic and industrial zones?, what are the structural structures of special economic and industrial zones themselves?, what types of them operate?. To answer these questions, not every economic enterprise or organization will have special economic and industrial zones. Each of them is an organizational structure with its own management activity and legal basis, and it is distinguished by the fact that they have the right to operate in the prescribed manner. Special economic and industrial zones are one of the sectors that occupy an important place in the national economy and are considered as an important backbone of the state and society. This particular sector of the economy is distinguished not only by having a legal basis, but also by being organized on the basis of economic, political and socio-psychological mechanisms.

Based on the above-mentioned scientific analysis, substantiating the socio-psychological mechanisms of management and development of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters operating in our country, they are reflected in the following:

Special economic zone – is a territory with a special boundary and a special legal regime in order to attract foreign investment and local investment, high technologies and management experience for the accelerated socio-economic development of the relevant territory.

Free economic zone – a region created in order to create new production facilities, develop high-tech production, actively involve them in mastering the production of modern competitive, import-substituting finished industrial products oriented at export, as well as to ensure the development of production, engineering and communications, road transport, social infrastructure and logistics services. **Small industrial zone** – a territory that includes a specific land plot, in some cases – production sites provided with engineering and technical communications.

Technopark – it is a form of integration of science, education, commercial and non-profit organizations, financial institutions and entrepreneurs who work together with reciprocal, public authorities, self-government bodies of citizens, form a modern technological and organizational environment for the purpose of conducting entrepreneurial, investment activities and scientific activities.

Cluster – cultivation and advanced processing of fruits and vegetables and agricultural resources, the creation of livestock, fish and other complexes, the organization of competitive production of high-tech and export textiles, food and other types of products.

Special scientific and technological zone – a territory where scientific organizations and other organizations in the field of scientific activity (technological parks, centers for technology dissemination (technology transfer), innovation clusters, venture funds, business incubators and others) are united for the development of innovation infrastructure.

Special industrial zone – a territory where a special regime of management, economic and financial activities is introduced. Special industrial zones include service and production zones, formed by the allocation of land plots for the construction of the necessary administrative, scientific and technological, production, engineering and communications, road transport and social infrastructure.

Free trade zones – include consignment warehouses, territories with special customs and tax regimes, as well as sites for handling, packing, sorting, storing goods.

The effectiveness of all types of enterprises and institutions operating in our country is formed and developed in the system of socio-economic relations. Positive results in the economy over the course of the process will allow systematically solving accumulated problems in the social sphere. That is why it is necessary for all subjects of economic management to be deeply understood and organize their work on the basis of clear plans and programs.

It is important to solve the existing problems in the economic sphere and find timely solutions to the problems facing special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters, first of all, on the basis of comprehensive economic reforms. On the basis of scientific analysis, in order to effectively manage and regularly develop the activities of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters, socio-psychological mechanisms of management with the following socio-psychological recommendation nature have been developed:

creation of conditions with a socio-psychological basis, which is considered necessary for the radical improvement of the open economy, healthy competition, business and investment climate, aimed at improving the activities of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters;

reducing the state participation in the economy, increasing the number of new jobs in the sector through the accelerated development of the private sector by ensuring high-quality management of the structural units of special economic and industrial zones;

ensuring high economic growth on the basis of an increase in production volumes, including modernization and diversification of the economy, improving management processes through the creation of socio-psychological foundations of labor productivity, while systematically improving the efficiency of the structural structures of special economic and industrial zones;

combating the "hidden" economy on the basis of socio-psychological approaches, together with developing the effectiveness of management of structural units of special economic and industrial zones, achieving a sharp reduction in its size;

Ensuring consistent continuation of the policy of currency liberalization while managing and enhancing the efficiency of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters, achieving a stable monetary policy with awareness, activity and consistency from a socio-psychological approach;

Achievement of training of qualified managers and human resources possessing socio-political, mental and ethical, spiritual, enlightenment, socio-psychological knowledge, active and businesslike, able to develop the national economy, have a deep understanding of their management activities strategic tasks and the ability to realize their goals;

Socio-psychological knowledge, creative abilities, actively effective management methods and tools in high-quality management of structural structures of special economic and industrial zones, ensuring the interdependence of the mechanisms of "leadership-quality management, labor community, economic management".

As a result of the scientific research, taking into account the above recommendations of the recommendatory nature, the following implementation proposals have been developed, which have priority for the implementation of the necessary socio-psychological aspects aimed at the development of the structural subdivisions of special economic and industrial zones, achieving socio-economic and psychological effectiveness in management, reflecting the essence of the theme:

1. Creation of socio-psychological foundations for the qualitative management of management processes of special economic zones, small industrial zones, technoparks and clusters and their systematic significance for society.

2. Creation of a comprehensive framework for the theoretical and practical significance of socio-psychological features aimed at managing the activities of special economic and industrial zones.

3. Achievement of socio-economic efficiency through the creation and implementation of socio-psychological mechanisms and social tools aimed at the effective management of the activities of small industrial zones, technoparks and clusters.

4. On the basis of systematic analysis, the study of the requirements and proposals of the population of the domestic market in the development of small industrial zones, technoparks and clusters created in special economic and industrial zones, the involvement of modern technologies for production, the creation of socio-psychological mechanisms aimed at improving the relationship between "leader and employee and the labor team" in their management.

5. It is the systematic training of theoretical knowledge, practical skills, life experience with the socio-psychological basis necessary for the personnel to be active in the management processes of the structural structures of special economic and industrial zones.

In conclusion, the development of the activities of special economic and industrial zones, the effective use of modern management methods and tools in their management, the involvement of managers with socio-psychological knowledge in management activities, the development of the national economy through the use of socio-psychological mechanisms in achieving "economic management subjects, labor collective, economic efficiency", attracting foreign investment in the sector Expanding the coverage of regions where additional benefits (tax, customs, administrative) are provided in order to create new jobs and bringing benefits to the national economy by restoring their territorial balance, stimulating innovation introduced in the sector and increasing exports.

In conclusion, it is important to develop modern foundations for managing the activities of special economic zones and industrial zones, technoparks and clusters, as well as the necessary socio-psychological mechanisms to create a healthy competitive environment between them.

References.

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On additional measures to improve the efficiency of special economic and industrial zones" (National database of legislation, of 06.03.2025, N 06/25/41/0220), 2 b.

2. State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics.- https://stat.uz.

3. O.E.Hayitov. – Management Psychology: A Textbook. – T.: "Istiqlol" Publishing House, 2021. – pp. 234-235.

4. A.M. Shonazarov. «Spiritual and moral and socio-psychological features of the heads of special economic zones». – //SCIENTIFIC JOURNAL OF PSYCHOLOGY 2024, ISSN 2181-5291. No. 3, SON. pp. 227-234. www.psixologiyabuxdu.uz.

5. The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics. https://stat.edu.uz/., lex.uz.

PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING THE RELATIONSHIP BETWEEN IMAGE STYLE AND PERSONALITY PSYCHOTYPE

Turdimatov J.M.
(Fergana, Uzbekistan)

Abstract. *This article examines the psychological relationship between personal image and psychotype on theoretical and methodological grounds. Image is approached as a complex psychological phenomenon that reflects an individual's social identity through behavior, emotional reactions, and appearance. The study reveals the communicative and psychological functions of image, its role in society, and its impact on interpersonal relations. Personal image is explained through different styles—emotional, activity-oriented, theatrical, and leadership-oriented. The article discusses the positive and negative aspects of each style, their importance in self-expression, shaping social interactions, and determining professional orientation. The findings indicate that image style is an effective tool for identifying psychotypes and serves as a crucial factor in social adaptation, professional success, and the improvement of interpersonal communication.*

Keywords: *facebuilding, physiognomy, appearance, image, psychotype, emotional style, activity style, theatrical style, leadership style, interpersonal relations, psychological functions.*

Аннотация. *В данной статье рассматривается психологическая взаимосвязь между личным имиджем и психотипом на теоретико-методологической основе. Имидж понимается как сложное психологическое явление, которое отражает социальную идентичность личности через поведение, эмоциональные реакции и внешний облик. В исследовании раскрываются коммуникативные и психологические функции имиджа, его роль в обществе и влияние на межличностные отношения. Личный имидж описывается через различные стили — эмоциональный, ориентированный на деятельность, театральный и лидерский. В статье обсуждаются положительные и отрицательные стороны каждого стиля, их значение для самовыражения, формирования социальных взаимодействий и выбора профессиональной ориентации. Результаты показывают, что стиль имиджа является эффективным инструментом для определения психотипов и служит важным фактором социальной адаптации, профессионального успеха и совершенствования межличностной коммуникации.*

Ключевые слова. *фейсбилдинг, физиогномика, внешний облик, имидж, психотип, эмоциональный стиль, деятельностный стиль, театральный стиль, лидерский стиль, межличностные отношения, психологические функции.*

A person's image is a socially constructed and managed representation formed in the perception of others, which is reflected through their psychological characteristics, appearance, and behavior. In determining psychotype, an individual's manner of conduct, emotional expression, and unique approaches to social interaction play an important role.

In modern psychology, the diagnostic significance of personal image is steadily increasing. Image is not only a means of external influence but also a social reflection of personal identity [1, p.26]. Methods of identifying psychotypes through image make it possible to conduct an in-depth analysis of interpersonal relations and manage them effectively [2, p.58]. Particularly in youth psychology, image is recognized as one of the key factors in shaping communicative behavior [3, p.112].

Image is a kind of synthetic figure, a representation of an organization or another social object that arises in people's minds in relation to a specific person. It encompasses

information about the object, imbued with sufficient emotional coloring, and creates a distinct perception of social relations.

Image performs two main functions. The first is its elevating function: a positive image reflects an individual's moral qualities, visually embodies their best traits, and highlights their unique individuality. The second is its psychological function: image provides attractiveness, inevitably drawing the attention and respect of others, while also serving as a source of bioenergetic replenishment and renewal, as reflected in the individual's stable positive mood. This optimism and self-confidence drive the person toward achieving their goals. Therefore, a person's image style contributes to occupying a certain position in society and supports the development of attraction processes in interpersonal relations.

In our study, Polina Shkalenkova's "Image Style" methodology was applied to determine the psychotype of an individual based on their image style. This approach does not rely on visual assessment of appearance or image but rather focuses on identifying patterns of behavior and conduct in specific situations. The methodology consists of 25 questions designed to reveal a person's attitudes and actions in various circumstances (Table 1).

The study involved 140 students of the Psychology program (full-time, part-time, and evening departments) at Fergana State University. Information about the participants is presented in Table 1.

Table 1

Information about the respondents.

Course	Gender		Total
	Male	Female	
2nd year	65	20	85
3rd year	26	29	55
Total	**91**	**49**	**140**

The responses of the participants were analyzed in accordance with the key of the methodology. Based on the obtained results, the participants were categorized according to four image styles: "Emotion," "Action," "Theater," and "Director" (Table 2). For each style, conclusions were drawn regarding characteristic patterns of behavior, positions in interpersonal relations, positive and negative personality traits, clothing preferences, and attitudes toward footwear.

Table 2

Results of the "Image Style" methodology.

Image Style	2nd Year		3rd Year		Total		
	Male (n=65)	Female (n=20)	Male (n=26)	Female (n=29)	Male (n=91)	Female (n=49)	**Overall n=140**
Emotion	19	36,4	25	46,4	21,6	43,6	**32,9**
Action	28,6	18,2	37,5	21,4	32,4	20,5	**26,3**
Theater	19	27,2	12,5	17,9	16,2	20,5	**18,4**
Director	33,3	18,2	25	14,3	29,7	15,3	**22,4**

As can be seen from the table, the most prevalent image style among the participants, particularly among female respondents, was the "Emotion" style. In relation to the total number of male participants, this style was identified in 21.6% of men, whereas it was observed in 43.6% of women.

The predominance of this image style among female respondents can be explained by their heightened emotionality, openness in expressing feelings, preference for vivid colors, and a tendency to display behaviors that attract attention. In the wardrobes of both genders, one can find brightly colored and somewhat demonstrative clothing. Such individuals often demonstrate well-developed facebuilding skills. They pay particular attention to facial

hygiene, physiognomy, cosmetic correction, makeup, hairstyling, and the selection of suitable haircuts. Through these means, they strive to present a romantic and dramatic image.

Individuals of this type possess the ability to experience vivid emotions, to be genuinely astonished, to feel admiration, sadness, or anxiety. They are capable of perceiving and sensing the surrounding world deeply. In interpersonal relations, they tend to smile during conversations, evoking feelings of happiness, joy, and delight in their interlocutors. They are able to use a wide range of colors wisely, create proportions that many others cannot achieve, and employ interesting accessories, ultimately reaching a sense of harmonious balance.

In terms of behavior, they are distinguished by sociability and the ability to easily establish contact with others. They rarely find themselves in conflict situations and often avoid disputes by demonstrating compromise. For this reason, they tend to choose professions connected with communication and activity. However, they experience difficulties in mastering occupations that demand strict adherence to rules, laborious effort, and precise calculations. When engaged in such professions, they may become prone to depression. Their behavioral traits include high communicability, talkativeness, and passion. They frequently engage in debates, but such discussions rarely escalate into conflict.

One of their negative traits is a tendency toward anxiety, as they are highly susceptible to sudden mood changes, ranging from extreme joy to deep sadness. They also show a propensity to leave tasks unfinished. Such characteristics of individuals with the “Emotion” image style may hinder their ability to establish stable relationships with colleagues and peers. Therefore, special attention is required when building professional and cooperative interactions with them.

When it comes to clothing choices, psychotypes with a bright and emotional image have many possibilities—from bold color combinations to unique designer cuts. They are also willing to experiment with their appearance. However, to avoid excess, it is important for them to consider the appropriateness of time and place in their fashion decisions.

Footwear plays one of the key roles in maintaining their style. Shoes occupy a significant place in their wardrobe, ranging from classic models to designer sneakers. Generally, they choose styles that are visually appealing to them. The moods of psychotypes who prefer an emotional image tend to change as frequently as fashion trends. Consequently, 32.9% of the respondents—most of whom were adolescent girls—fell into this category, making it the most common style compared to others.

In the “Action” image style, men demonstrated predominance. They accounted for 32.4% of the respondents, which was 11.9% higher than that of female participants. Overall, this style was identified in 26.3% of the total respondents. Psychotypes with the “Action” image style are primarily labor-oriented, with a significantly stronger inclination to complete tasks once undertaken compared to individuals of other image styles.

They adhere to the principle of speaking less and acting more. They are demanding both of themselves and of others. Pedantry is characteristic of them, meaning they strictly follow order and discipline and maintain a strong sense of responsibility. Although they may lag slightly in showing initiative and often function primarily as executors, once they commit to a task, they perform it diligently and thoroughly. They belong to the category of intelligent and hardworking individuals. Punctuality, precision, a love for order in all things, conscientiousness, persistence, and efficiency are the qualities they constantly keep in mind when constructing their image.

In terms of appearance, they are considered conservative and tend not to favor brightly colored clothing. More often, they prefer to wear older items rather than new ones.

In terms of footwear, they prefer universality, practicality, and comfort. It is recommended that they add more variety and color to their appearance and overall image, as it is difficult to find originality in their style.

As for the weaknesses of this psychotype, they tend to dislike leadership and often harbor constant doubts about the correctness of their work. They experience difficulties when working in groups and generally prefer individual activities.

One of their strengths, however, is the ability to work in the same place for a long period of time. Nevertheless, they may encounter challenges in establishing interpersonal relationships. Their limited communication and extremely high demands can hinder the development of personal connections. For this reason, it is recommended that they focus on developing communication skills, engage in more social interactions, and create greater opportunities for relaxation.

The “Director” image style, similar to the “Action” style, was more frequently observed among male respondents. Overall, 22.4% of participants demonstrated this style, including 29.7% of men and 15.3% of women. This can be explained by traditionally male-associated qualities such as leadership, authority, and responsibility, which contribute to the prevalence of the “Director” psychotype among men.

The strengths of the “Director” style include confidence, goal orientation, balanced communication, persistence, instructiveness, reserved speech, and a busy lifestyle. Such individuals are constantly occupied and are capable of managing multiple tasks simultaneously. As the name suggests, this psychotype tends to assume leadership roles both at home and in the workplace. They are difficult to compromise with, as they strive to assert their views actively. Consequently, their arrogance, rigid attitudes and perspectives, and highly developed ambition often lead to an excessive emphasis on personal interests. This image therefore requires moderation, since it may otherwise manifest as strong aggressiveness, which in turn complicates interpersonal communication.

Such individuals achieve positions of higher management through their own efforts, believing that they can attain everything independently and find answers to all questions on their own. However, they often fail to recognize that being excessively strict and demanding toward others is not a positive quality.

With regard to clothing, they are simple and not demanding. They frequently view spending time and money on appearance as a waste. In order to succeed in any field, they may sacrifice both their own interests and those of others. To support the development of this type of individual, it is necessary to cultivate love for oneself and for other people. They should also strive to soften their demeanor, facial expressions, and gestures.

Among the respondents, the least represented image style was the “Theater” style, identified in 18.4% of participants, including 18.2% of men and 20.5% of women. Similar to the “Emotion” style, the “Theater” psychotype was found to be 4.3% more common among female respondents than male respondents (Figure 1).

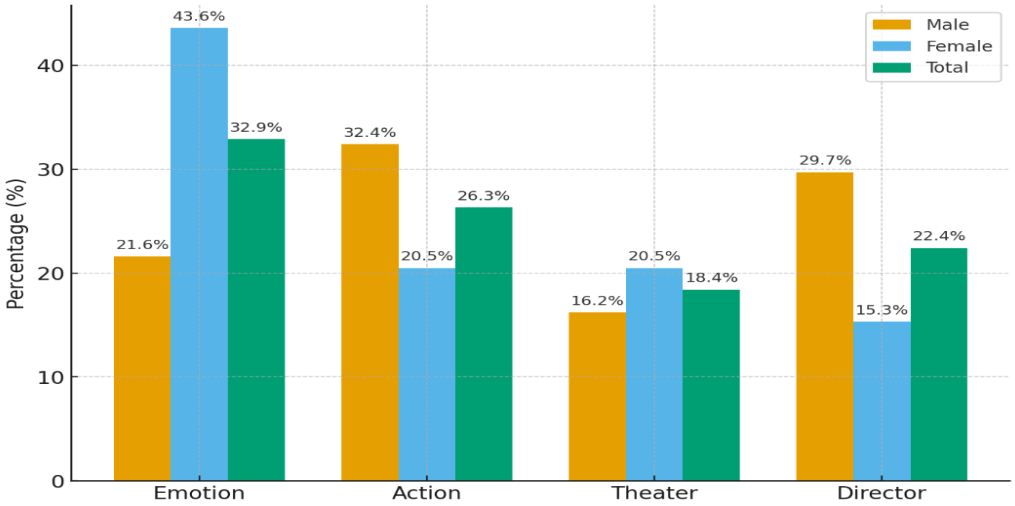

Figure 1. Distribution of image styles among respondents.

According to Figure 1, among the least recorded image styles, the “Theater” style occupied the last place. For individuals with this psychotype, life is perceived as a stage, and they enjoy being the center of attention, easily taking on different roles. They are characterized by liveliness, mobility, and artistic abilities. In groups, they often assume the role of informal leaders, easily adapting to the diverse personalities of others. They appreciate being praised and admired.

In fact, through proper cooperative actions, they are able to achieve all of their goals—sometimes through cleverness, other times through finding common ground. They are easily accepted into work environments and quickly build rapport with others. However, their strong tendency toward selfishness is considered a key drawback of this image style.Bunday tipdagi odamlarning obrazini yaratish qobiliyatiga faqat havas qilish mumkin. Ularning xayolida nima borligini bilish qiyin. Ular diqqat markazida bo‘lishni yaxshi ko‘radilar. Kiyimlarda ular yorqin, ekstravagant narsalarni va rang kombinatsiyalarini afzal ko‘radilar. Oyoq kiyimlari ham barcha rangli, tagliklari og‘ir va original, shuningdek, gofrirovka qilingan etiklar yoki bosma naqshli etnik poyabzallarni xush ko‘radilar.

In general, such individuals often face disapproval from society. Many people around them may interpret their brightness, cheerfulness, and self-confidence as arrogance or adventurousness. The vivid expression of these qualities can foster distrust among others toward this type, making it difficult to sustain long-term relationships. Therefore, it is recommended that they moderate their enthusiasm in interpersonal relations. Ideally, their image should emphasize no more than two distinctive features at once.

The study demonstrates that personal image serves as a significant psychological indicator of an individual’s psychotype and plays a crucial role in shaping interpersonal relationships, self-expression, and professional orientation. Analysis of the four main image styles—Emotion, Action, Director, and Theater—revealed distinct behavioral patterns, strengths, and weaknesses associated with each style.

The “Emotion” style was most prevalent, especially among female respondents, reflecting their openness in expressing feelings and preference for vivid, attractive appearances. The “Action” style, more common among men, emphasized discipline, responsibility, and persistence, although these individuals may encounter challenges in teamwork and leadership. The “Director” style highlighted strong leadership qualities and goal orientation but also revealed tendencies toward rigidity and authoritarianism. Finally, the “Theater” style, the least frequent, was characterized by creativity, adaptability, and liveliness, but also by excessive self-centeredness.

Overall, the findings confirm that image styles not only reveal important aspects of personality and psychotype but also function as tools for social adaptation, establishing harmonious communication, and achieving success in various spheres of life. A conscious understanding and development of one’s image style can therefore enhance both personal growth and social effectiveness.

References.

1. Zapesotsky, A. S. Imidzhologiya: teoriya i praktika [Image Studies: Theory and Practice]. St. Petersburg: Piter, 2003. — 352 p.

2. Shkalenkova, P. Psikhologiya imidzha [Psychology of Image]. Moscow: Eksmo, 2020. — 288 p.

3. Vasilieva, L. I. Stil povedeniya i imidzh lichnosti [Behavioral Style and Personal Image]. Moscow: Akademiya, 2018. — 216 p.

4. Gippenreiter, Yu. B. Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu [Introduction to General Psychology]. Moscow: CheRo, 2005.

5. Kon, I. S. Psikhologiya ranney yunosti [Psychology of Early Adolescence]. Moscow: Prosveshchenie, 1989.

POSSIBILITIES OF PSYCHOTHERAPEUTIC INTERVENTION FOR ONCOLOGY PATIENTS

Urazbayeva D.A.
(Urgench, Uzbekistan)

Аннотация. *В стате теоретически анализируется необходимост развития направления онкопсихологии, возможности оказания психотерапевтического воздействия и психологических услуг болным с онкологическим диагнозом.*

Abstract. *The article theoretically analyzes the need to develop the field of oncopsychology, the possibilities of providing psychotherapeutic influence and psychological services to patients diagnosed with cancer.*

Ключевые слова. *Психология, психоонкология, онкологический болной, психика, эмоциональное состояние*

Key words. *Psychology, psycho-oncology, oncological patient, psyche, emotional state*

Introduction and relevance.

The ecological situation in the world, the emergence of new types of diseases as a result of the complications of the coronavirus infection Covid-19, sharp changes in health due to the introduction of chemicals into the diet, cases of an increase in oncological diseases with a high rate of growth and mortality, increasing the risk to human life and life expectancy, the dynamic growth of statistical data related to cancer every year, that is, "3.7 million new cases and 1.9 million deaths have been identified," the medical and demographic forecast "early or late every fifth person gets sick with cancer, every eighth man and every eleventh woman dies from this disease, 70% of deaths are in middle and low-economically developed countries" shows that this disease is an urgent problem on a global scale today. In this regard, the need for scientific research into the socio-psychological foundations of psychocorrectional work with oncological patients is relevant [11], [12].

Methods and degree of study.

Oncological diseases are considered one of the most serious threats to human life. This diagnosis is a severe psychological shock for patients and their loved ones, often leading to states of depression, fear, anxiety, and despair. While medical treatment methods (surgery, chemotherapy, radiation therapy) aim to improve the patient's physical condition, psychotherapy strengthens their mental state and increases the effectiveness of the treatment process.

The provision of psychotherapeutic care is important for improving the quality of life of oncological patients, strengthening their ability to cope with stress, and ensuring their social adaptation [7], [8].

In this regard, the role of psycho-oncology is considered crucial, and there is a need to develop this field in our country.

Psycho-oncology is an interdisciplinary field of oncology and psychology, encompassing a wide range of issues related to the organization of medical and psychological assistance to patients and their family members. It spans from conducting comprehensive research with patients to training personnel aimed at studying the preventive role of behavioral factors in malignant tumor pathology, as well as addressing psychosocial problems and treating mental disorders in patients throughout the course of oncological disease [3].

The diagnosis of oncological disease manifests in patients not only through physical problems but also through pronounced psychological changes. The Kübler-Ross studies examined psycho-emotional states characterized by specific features following a cancer

diagnosis in humans. According to these studies, the following conditions are common in patients diagnosed with cancer: Methods and degree of study.

Oncological diseases are considered one of the most serious threats to human life. This diagnosis is a severe psychological shock for patients and their loved ones, often leading to states of depression, fear, anxiety, and despair. While medical treatment methods (surgery, chemotherapy, radiation therapy) aim to improve the patient's physical condition, psychotherapy strengthens their mental state and increases the effectiveness of the treatment process.

The provision of psychotherapeutic care is important for improving the quality of life of oncological patients, strengthening their ability to cope with stress, and ensuring their social adaptation [7], [8].

In this regard, the role of psycho-oncology is considered crucial, and there is a need to develop this field in our country.

Psycho-oncology is an interdisciplinary field of oncology and psychology, encompassing a wide range of issues related to the organization of medical and psychological assistance to patients and their family members. It spans from conducting comprehensive research with patients to training personnel aimed at studying the preventive role of behavioral factors in malignant tumor pathology, as well as addressing psychosocial problems and treating mental disorders in patients throughout the course of oncological disease [3].

The diagnosis of oncological disease manifests in patients not only through physical problems but also through pronounced psychological changes. According to the classic studies of Elisabeth Kübler-Ross, people diagnosed with cancer experience several distinct psycho-emotional stages. These stages are characterized by emotional instability and changes in motivation, self-perception, and social behavior. The most common conditions observed in cancer patients include shock and denial (the initial reaction to diagnosis), fear and anxiety associated with disease progression, depression and apathy, aggression and resentment, feelings of loneliness, and difficulties in social adaptation. If these psychological conditions are not corrected in time, they can lead to a decline in motivation for treatment, a reduction in quality of life, and even worsening of the patient’s physical condition.

In the experience of developed countries, psychotherapeutic interventions are carried out simultaneously with medical treatment for cancer patients. Psychotherapy, in this context, is the process of intentionally influencing a person’s mental state to achieve positive emotional and behavioral changes. Its primary goals include eliminating negative and irrational thoughts, reducing fear and anxiety, forming a healthy and realistic attitude toward the disease, strengthening hope and motivation to live, and improving relationships with loved ones.

Several psychotherapeutic approaches have proven particularly effective for oncological patients. Cognitive-Behavioral Therapy (CBT) focuses on identifying and transforming negative thought patterns, replacing irrational beliefs (e.g., “I am sick, my life is over”) with adaptive and constructive ones, and increasing patient participation in the treatment process. Art therapy helps patients express suppressed emotions and relieve stress through creative activities such as painting, music, and handicrafts. Existential therapy assists individuals in rediscovering life’s meaning, overcoming the fear of death, and reinforcing moral stability. Group psychotherapy offers emotional support through shared experiences and communication with others facing similar struggles, thus reducing feelings of isolation. Relaxation techniques—including autogenic training, meditation, yoga, and breathing exercises—contribute to calming both body and mind, reducing tension and anxiety. Finally, family psychotherapy strengthens communication within the family and provides emotional support not only to the patient but also to their relatives, who often experience stress during the treatment process.

Numerous international studies have demonstrated the effectiveness of these interventions. For example, cognitive-behavioral therapy has been associated with a 40–50% reduction in anxiety and depressive symptoms among cancer patients. Participants in art therapy programs report higher life satisfaction and emotional well-being, while those involved in group therapy show greater resilience and better adaptation to the treatment process.

In conclusion, psychotherapy is an integral and necessary part of the medical treatment of oncological patients. It enhances emotional stability, improves quality of life, and contributes to the overall effectiveness of treatment. To optimize psychosocial care, it is recommended to: (1) establish psychotherapeutic services in all oncology centers; (2) develop individual and group psychotherapy programs tailored to patients' needs; (3) organize family-oriented support systems; and (4) widely implement art therapy and relaxation techniques in clinical practice.

References.

1. Shevchenko Yu.L. Concept of Quality of Life Research in Healthcare of Russia //Bulletin of the Interethnic Center for Quality of Life Research, 2003. - Pp.3-21.
2. Kübler-Ross E. On Death and Death.-M.: Sofia, 2001. -320 p.
2. Holland J.C., Breitbart W. Psycho-Oncology. Oxford University Press.
3. Kissane, D.W. *Supportive Care in Oncology*. Springer.
4. World Health Organization. Cancer statistics.
5. Spiegel, D. *Mind Matters in Cancer Survival*. The Lancet.
6. Urazbaeva Dilbar ABDULLAEVNA. (2024). The need for socio-psychological study of the psychoemotional states of adolescents with somatic diseases. News of the NUUz, 1 (1.1.1), 215-219. https://doi.org/10.69617/uzmu.v1i1.1.1.741
7. Urazbaeva D. Socio-psychological characteristics of life activity of oncological patients. national university of uzbekistan news, 2022,[1/10] ISSN 2181-7324.
8. Urazbaeva D., Bakhadirovna K. S. H., Ikramovna A. Z. (2021). Features of studying the internal picture of the disease in patients with tuberculosis. ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal, 11 (3), 2135-2140.
9. Urazbaeva, D. A. (2020). Specific features of conducting psychological actions with cancer patients. International Journal of Current Research and Review, 12 (16), 126-129.

SOCIETY'S ATTITUDES TOWARDS IN-VESTIGATION (LITERATURE ANALYSIS)

Usmonova X.E.
(Tashkent, Uzbekistan)

Abstract. *It is known that in recent years, the demand for assisted reproductive technologies, including in vitro fertilization, in the treatment of infertility has increased worldwide, and at the same time, the diversity of society's attitudes towards artificial insemination indicates the relevance of the topic. This article, based on an analysis of the literature, discusses the attitudes of society towards in vitro fertilization, i.e. artificial insemination, according to representatives of different religions, age groups, regions of residence, and educational levels.*

Keywords: *infertility, assisted reproductive technologies (ART), in vitro fertilization (IVF), embryo, ethical issues, artificial insemination, spermatozoon, test tube, priest, donor sperm, donor egg, surrogate mother, Muslim, Christian, Buddhist, Judaism.*

Аннотация. *Известно, что в последние годы во всем мире возрос спрос на вспомогательные репродуктивные технологии, включая экстракорпоральное оплодотворение, в лечении бесплодия. При этом разнообразие общественных мнений по поводу искусственного оплодотворения подчеркивает актуальность данной темы. В статье, основанной на анализе литературы, рассматриваются отношения общества к экстракорпоральному оплодотворению, то есть искусственному оплодотворению, в зависимости от представителей различных религий, возрастных групп, регионов проживания и уровней образования.*

Ключевые слова: *бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), эмбрион, этические вопросы, искусственное оплодотворение, сперматозоид, пробирка, священник, донорская сперма, донорская яйцеклетка, суррогатная мать, мусульмане, христиане, буддисты, иудаизм.*

Introduction. As a result of the improvement of reproductive technologies, the percentage of successful embryo transfer with the formation of a fetus and the birth of a live child from the fetus increases every year. To date, the number of children born with the help of assisted reproductive technologies (hereinafter referred to as IRT) is rapidly increasing. The problem of in vitro fertilization (hereinafter referred to as IVF) and embryo transfer is not only a medical problem, but also has socio-demographic, economic and ethical significance [6].

Despite the fact that it has been almost half a century since the first baby was born using IVF in 1978, society's attitudes towards the practice are still divided. Even in the case of the birth of Louise Brown (the first baby born through IVF), public opinion was divided into two camps.

Today, this new reproductive technology has already produced many thousands of "test tube" babies, but it also raises its own ethical questions [11].

From this it can be concluded that the EKU method has a number of contradictions between religion and society. On the one hand, it is a sinful act, on the other hand, it is a “helping hand” in finding family happiness and harmony [7].

the above , the existence of contradictory attitudes towards EKU in society requires a comprehensive and in-depth analysis of this issue.

Analysis of literature. Since ancient times, scientists have been trying to find a cure for infertility and to provide such happiness to men and women who dream of having children. The great historian, philosopher, and social scientist Ibn Khaldun, and his predecessors, Ibn Sina, Al-Farabi, and others, who were called Islamic philosophers, alluded to a similar topic in their works about artificially creating a human being. For example, Ibn Khaldun, in his famous work "Al-Muqaddimah", speaks about the ancient science of chemistry and says, among other things: "Based on what Ibn Sina, Al-Farabi, and Taghrai have said, it can be said that a human being can be created from semen in a natural environment." By natural environment, Ibn Khaldun means the mother's womb, that is, the uterus. Then he continued: “If we believe that it is possible to create a human being in the womb and create the necessary conditions for all stages of development, and if there is sufficient knowledge for this, then we certainly believe that a human being will come into being in this way.” Ibn Khaldun believes that the emergence of a human being in this way can only be achieved after sufficient conditions have been perfectly created, but because human science is powerless to do this, he says: “Let such conditions come from somewhere.” Of course, Ibn Khaldun’s statement was made based on the level of science at that time. Finally, modern science has shown that it is capable of creating this very environment [18].

In interviews, Louise Brown emphasizes that society had different views on her birth. While some people considered Louise's birth to be a true miracle, others considered artificial insemination to be a rebellion against God's plan. Those who believed that medicine had reached a new level were convinced that there were great opportunities for parenthood. Louise Brown, speaking at a scientific conference in 1978, when she was born, said that it was difficult to imagine that a man would extract his own fluid (sperm) to artificially insemine his father in an era when it was considered a great sin to satisfy his own gender desires. The church was naturally against this, and there were suggestions at the meeting that the child should not have a soul. But the Browns did not pay attention to this. After the news of the birth of their daughter became known, the couple began to receive a lot of letters. Some expressed their gratitude with warm words, while others expressed their hatred for the young parents for rebelling against something sacred [19].

The most difficult relationship is between supporters of IVF and representatives of various religions. Many believe that the mystery of the creation of life should not be interfered with. For a long time, some people have attributed almost satanic qualities and the absence of a soul to test-tube babies. Their opponents argue that the clergy do not object to infertility treatments, including surgery [20].

By 1987, the Vatican's doctrinal statement on IVF stated that IVF and the creation of multiple embryos using donor material were morally unacceptable. In 2000, the Russian Orthodox Church's official document, the Fundamentals of the Social Conception, stated that "artificial insemination with the reproductive cells of the husband does not violate the integrity of the marital union, does not fundamentally differ from the natural process, and occurs within the marital relationship, and is therefore morally acceptable." Like the Vatican, however, the Russian Orthodox Church rejects the use of donor material and the creation of "spare" embryos [21].

For a long time, people's moral values have been closely linked to their religious beliefs. Therefore, the attitude of religious confessions (dogmas) to IVF affects public opinion. From a religious point of view, some methods of IVF violate human rights. The Russian Orthodox Church rejects IVF options that use donor sperm, donor eggs, or a surrogate mother. The Russian Orthodox Church is against IVF options that allow for the collection of more embryos than are needed for transfer into the uterus, as this leads to the accumulation, storage, sale, or deliberate destruction of "excess" embryos. Recently, the issue of marriage between relatives has arisen in connection with IVF, since a male donor can legally have up to a hundred children who are not his descendants. If these children do not know about their sibling relationship, the likelihood of them meeting and marrying, especially in the second generation, may be low. By including IRT in the list of “medical services,” the state is not responsible for the potentially serious consequences of their use, neither for the individual participants in this process nor for society as a whole [2].

IVF raises many ethical issues, but is one of the most promising methods of treating infertility due to the increasing trend of infertile marriages. The Orthodox tradition, in turn, allows the use of IVF under certain conditions [13].

The published draft document “Ethical Issues Concerning the Method of Extracorporeal Fertilization” significantly clarified the position of the Russian Orthodox Church on ethically acceptable methods of treating infertility [16]. This is evidence of the regulation of the attitude of the Christian population around the world towards IVF.

Buddhist schools have different views on IVF. Traditional Sangha Buddhists are opposed to this technology, believing that this method of conception contradicts the natural process of human birth. At the same time, representatives of the Karma Kagyu school welcome medical advances, emphasizing that they allow women to become mothers. At the same time, they argue that “one should not think about the death of fertilized embryos and should try in every way to ensure that all of them survive.”

Judaism does not have a clear or final opinion on issues in the field of reproductive technologies. It should be noted that Judaism is not a centralized religion today and does not have a body that makes the final decision. Each authoritative rabbi can make whatever decision he wants. Ultimately, when a consensus is formed, the decision made is considered final. However, there is no consensus yet, and the views of different rabbis differ. On the issue of artificial insemination, given that this issue has arisen recently, although it is possible to trace the main directions of decisions in Judaism, a consensus has not yet been reached.

Since it is natural for Muslims suffering from infertility to resort to artificial insemination in order to fulfill their dream of having children, Muslim scholars have expressed their conclusions regarding the Sharia rulings of this practice in several Islamic conferences. These fatwas were expressed in the resolutions of the Fifth Assembly of the Islamic World Council in 1983, the Seventh Assembly in 1985, and the Eighth Assembly in 1986. They were also expressed in the resolution of the Islamic Conference on Medical Sciences held in Kuwait in 1983 entitled "Insemination in the Islamic Perspective" and in the fatwas of the Fiqh Council of the Organization of the Islamic Conference held in Oman in 1986.

They unanimously agreed that the following five methods currently in practice are unlawful:

1. A foreign woman's egg is fertilized internally with sperm from a man, and the resulting embryo is placed in the uterus of another woman.
2. Sperm from a man is fertilized internally with an egg from his wife, and the resulting embryo is then placed in the uterus of a stranger.
3. The couple's sperm and egg are fertilized externally, then placed in the uterus of a stranger who has voluntarily agreed to bear the child.
4. External fertilization is performed between sperm taken from a man and an egg taken from a woman who is not his wife, and then the embryo is placed in the uterus of the man's own wife.
5. External fertilization occurs between the sperm and egg of the husband, and then the embryo is placed in the uterus of the other wife (the husband).

Islamic scholars have stated that it is permissible to use the following two methods as a last resort in cases of necessity, provided that all precautions required by Sharia are taken:

1. The sperm and egg of the legal couple are taken, fertilized using external fertilization, and then the resulting embryo is placed back into the wife's uterus.
2. The husband's sperm is taken and placed in the desired location in the wife's cervix (uterus) using the method of internal insemination.

known that Islam condemns having children outside of marriage. Based on this, it can be said that a child born through artificial insemination of the eggs and sperm of a strange man and a non-mahram woman, although not directly, is also considered illegitimate.

In recent years, among the Muslim believers of Uzbekistan, those suffering from infertility have expressed their desire to resort to artificial insemination in order to preserve their family or achieve the happiness of having children. It is worth noting that the use of artificial insemination, its use without knowing or caring about its Sharia rulings, and having children raises a number of moral, social, and religious problems.

Firstly, it will open up a wide avenue for women to have children without getting married. Secondly, it will increase the number of children born out of wedlock. Thirdly, it will lead to the mixing of lineages and the unknowing insemination of mahrams. Fourthly, it will lead to the trading of fertilized embryos or unfertilized eggs and sperm cells, turning them into a source of income.

Taking into account the above, the Office of Muslims of Uzbekistan issues this Fatwa. (2018)

1. It is permissible to perform the practice of artificial insemination in cases of extreme necessity and only between spouses who are legally married.

2. For the practice of artificial insemination, it is essential to take all precautions to ensure that the sperm of a man and a woman who are legally married to each other does not mix with that of strangers, and of course, it must be performed by a trusted physician.

3. It is forbidden by Islamic law to perform artificial insemination between a man and a woman who are not married to each other [18;1].

“ Anatomika ”, obstetrician-gynecologist and professor Jaxongir Kurbonov, who took part in the birth of the first child born using IVF in Uzbekistan, emphasizes that the birth of a person is associated with philosophical, religious, moral and ethical issues such as the right to life and dignity, the right to choose, confidentiality, medical intervention, respect for human dignity, preservation of genetic heritage, personal integrity, and the need for quality medical care. In the case of IVF, discussions arise more about the uncertainty of the “excess” embryos, that is, their status and rights, and, first of all, the right to life. It is difficult to distinguish the selection criteria, such as the procedure itself for transferring embryos to the uterus, as well as taking into account what changes will occur in the embryo, which one gives the right to refuse to transfer a specific embryo. The solution to the problem of “excess” embryos is closely related to the industry of biological and medical experiments on stem cells. Why do families in our society prefer to keep the fact of having a child born from IVF a secret? Infertile families in Uzbekistan, for various reasons, hide not only their reproductive problems, but also the fact that a child was born using IVF. Often, the responsibility for the reproductive state of each couple falls on the women themselves. They look down on other families, looking at the children and the typical family in which they are mothers. Women who do not want to have children or are unable to do so are further discriminated against [22].

According to statistics, families that have undergone IVF are less likely to break up, the couple is united by the long-awaited joy of having a child, and such children have very strong emotional ties with their parents, because they have a strong desire to have a child. Another issue is that for a child, the revelation of the secret of his birth can be a strong psychological trauma, especially if those around him find out about it. There is even an international community of “test tube” children to provide mutual support and overcome the various psychological consequences of the “shock” news. Bill Corduroy, the founder of one such group, explained the essence of the problem that torments them: “... This soul-destroying feeling is the realization that you were born not in the passion of love, under the cover of darkness, but in a cold test tube, on a conveyor belt, in the presence of indifferent hands.” [20].

The results of the study of the population's attitude to the use of IVF by AV Salmina showed that among some populations, stereotypes regarding the varying degrees of impact of reproductive technologies on the psychophysiological health of children born through IVF persist. Taking into account the changes taking place in modern society, it is undoubtedly effective to prevent the reproductive health of the younger generation, to increase the importance of having children, to support the dignity of family relationships. In general, public opinion on the issue of the use of IVF is positive (21.6% answered “absolutely positive” and 30.2% - “definitely positive”, a neutral position was identified in 37.1% of respondents). Part of the population has retained stereotypes about the impact of reproductive technologies on the psychophysiological health of children. It is necessary to develop a system of measures to prepare couples for artificial insemination methods when other treatment methods for infertility have not been effective. Such an approach will lead to a decrease in the number of unsuccessful IVF and complications that are dangerous for the mother and child. The effective use of IRT, which provides positive results in overcoming infertility, serves to form a positive attitude towards reproductive technologies in society [14].

The use of IVF and other types of IVF (i.e. surrogacy, donation, etc.) for non-therapeutic purposes began to spread in foreign countries in the 20th and 21st centuries due to the spiritual discourse of IVF. In this, public interest, duty to society or the state was taken into account to a lesser extent. Religious norms that restrict the use of IVF and other IVF are also

important in the modern world and sometimes form the basis of legislative norms. Thus, the IVF process, although in fact only has good intentions, raises moral and ethical controversies [15;4].

IVF can be programmed, but this is not true. The use of “gender” traits in embryo selection is prohibited worldwide. However, there are exceptional cases where this should be done, such as when there is a family genetic disease that is passed down only through the female or male [20].

The rapid development of medicine in the field of reproductive medicine, the spread of IVF in the world and the constant expansion of the range of possibilities of modern IVF indicate that the ethical issues associated with them are becoming increasingly urgent. Until now, the attitude towards modern biomedical technologies, including technologies that allow choosing the gender of the fetus, is ambiguous in countries around the world, since the public's awareness of them is not sufficient. The problem is complex, and when solving it, it is necessary to take into account the ideological and religious aspects of different societies. When developing a socially responsible solution, it is necessary to take into account, firstly, that the rapid development of IVF will have significant negative social consequences in countries that traditionally prefer the birth of boys, and secondly, the demographic processes taking place around the world - population migration, changing the frequency of gender-linked hereditary diseases [17].

In a study conducted by EV Domasevich on the attitude of the population to IVF, one of the important questions was to determine the “hypothetical” consent to the procedure: 33% of respondents answered positively, 26% of all respondents did not agree to IVF, and the majority (41%) found it difficult to answer. This indicates that currently a clear opinion has been formed about IVF in the world, and the population is aware of this issue. However, it is important to continue to inform families diagnosed with infertility about the possibilities of IVF [8].

In other studies , when students ' opinions on YORTs were studied, they were found to be artificial. to make noise to technology relatively tolerant to be in a relationship. However , this they are there too controversial issues and negatives of the parties They recognize the existence of youth. person cloning to the possibility negative Being in a relationship and being human copies create a lot threats realizing that it will bring , the next experiments to prohibit They support. Student of the youth weighty part reproductive to use technologies , especially ECU ready. Most students human reproduction in the field new medical technologies working exit they consider necessary [3].

During TMDadaeva's sociological research, the following factors were identified that influence young people's attitudes towards YRT.

1. Education and age factor. Older people and those with higher education are more aware of YORT.

2. Gender factor. Women are more aware of and have a more positive view of IRT than men. This may be because women pay more attention to their health and undergo more medical examinations.

3. The impact of marital status on the use of YRT. YRT is used more by those who are married (legally registered and married). Both single and married people are aware of YRT.

4. Religious factors do not play a significant role in attitudes towards YRT: Among those who used YRT, there were both religious and non-religious people.

5. Among those surveyed, there were those who had successfully used YRT [9].

Today, this new reproductive technology has already given birth to many thousands of “test tube” babies, but it also raises its own ethical questions. One of the complex ethical problems of IVF arises from the inevitable surplus of eggs and embryos. When using this technology, up to 10 or more eggs are removed from the woman’s body, which are then fertilized and, in most cases, develop into zygotes. On the third day after fertilization, the embryo is transferred to the uterus. To increase the likelihood of pregnancy, several embryos

are transferred to the uterus, which can also negatively affect multiple pregnancies. In the case of multiple pregnancies, it is necessary to carry out “embryo reduction”, that is, the “excess” embryos are artificially aborted. When preserving "excess" fertilized eggs and embryos using cryopreservation, three possible options arise:

1. They can melt and die.
2. They can then be used for donation.
3. They can become the object of scientific research [11].

Al Korzhavina et al. When studying the attitude of the population to the ethical and legal problems of the YRT, the fact that respondents often had difficulty choosing an answer indicates the complexity of the problems discussed. This indicates that the ethical and legal issues raised in this study have not been sufficiently discussed in society [10].

The debate about the ethically acceptable limits of the new YRT is ongoing and requires close attention from the medical anthropology community [5].

Research discussion. Modern reproductive choices are accompanied by emotional problems at all stages: from the decision to have children to the postpartum period. Reproductive behavior and attitudes are largely determined by the traditional values that prevail in our society: family, children, the value of motherhood, which, in turn, have formed the main positive stereotype and indicator of a woman's success - the value of having children. However, in parallel, there are negative stereotypes, reaching the level of stigmatization, which leads to corresponding psychological consequences, that is, infertility is interpreted as a punishment, which has negative consequences in the system of relations within the family and leads to psychological problems during treatment. Refusal to have children, including termination of pregnancy, leads to a negative post-abortion state of the woman, negatively affects the mental state of her loved ones and medical personnel involved in the abortion. Reproductive donation as one of the ways to solve the problem of infertility can cause psychological problems for donors , especially if the main reason for the donors is the need for material resources [12].

The existence of ancient scientific considerations regarding artificial insemination shows that humanity has a long history of seeking solutions to families suffering from infertility. However, any process involving artificial insemination has been a source of debate between religion and society.

The long-standing assertion by church leaders that children conceived through artificial insemination do not have souls has been a subject of debate, with insufficient research on the subject. However, the Vatican's recent doctrinal statements on IVF have shown that it has regulated the practice. The statement did not express a positive opinion on the preparation of multiple embryos for IVF. At the same time, the Russian Orthodox Church, Buddhist schools some representatives rejects IVF options that use donor sperm, donor eggs, or a surrogate mother. It cannot be denied that there are also those who insist on the need to control the fate of surplus embryos by any means necessary, including Buddhists.

Representatives of Judaism do not have specific guidelines in the field of ECHR, but it is worth noting that the State of Israel, where representatives of this religion form the majority, is currently among the leading countries implementing ECHR.

It is known that Islam condemns having children outside of marriage. Based on this, it can be said that a child born through artificial insemination of the eggs and sperm of a stranger man and a non-mahram woman, although not directly, is also considered illegitimate. At the same time, artificial insemination is considered to be in accordance with the Sharia law only if it is carried out in the two methods mentioned above. This opinion is also supported by the Church.

The attitude of the population towards children born from IVF is different, since this procedure is considered a method of treating infertility, but the direct intervention of the spouses is partial. Many families keep the fact that this method was used a secret. The reason is that they believe that their infertility is proven by the use of the IVF method, and that

infertility will be passed on to children born through this method. However, this has not been scientifically confirmed. Another issue is that for a child, the disclosure of the secret of his birth can be a strong psychological trauma, especially if those around him find out about it, which can cause strong discussions.

It can be shown that the parents of children born through IVF are less likely to divorce, and that they have undergone long-term medical and psychological treatments to be able to have children.

Programming the gender of a child born through IVF is currently a matter of controversy among clinics that practice IVF. The use of “gender” characteristics in embryo selection is prohibited worldwide. However, there are exceptional cases when this should be done, such as when there is a family genetic disease that is transmitted only through the female or male. The development of biomedical technologies in this area can also cause demographic problems among the population.

In the studies we analyzed, it was found that residents of urban areas, older people, those with higher education, women, and those who have legally registered families were more likely to have information about IVF and had a positive opinion of this practice. The religious factor does not play a significant role in attitudes towards IVF, since both religious and non-religious people participated in the studies.

Conclusion. In conclusion, it can be said that today, as the demand for the use of reproductive technologies in the treatment of infertility increases, the demand for knowledge of their effectiveness and results is also increasing. In particular, the literature we analyzed shows that the society's attitude to IVF and IVF is different, and it is necessary to develop a system of measures to prepare couples for artificial insemination methods when other treatment methods are ineffective in the treatment of infertility. Religious norms that restrict the use of IVF and other IVF are also important in the modern world, and sometimes they form the basis of legislative norms.

IVF can be considered one of the means of preserving family unity and unexpected separation. A long-awaited child strengthens family relationships. This also changes society's attitude to the sacred family in a positive direction. The fact that the majority of the population has a tolerant attitude to IVF today indicates that a clear opinion has been formed about IVF, and the population is aware of this issue. However, it is important to continue to educate families diagnosed with infertility about the possibilities of IVF.

References.

1. Collection of Fatwas (500 answers to 500 questions) / Homidov M., Xolboev G'., H. Toshtemirov H., Tursunov A., Niyozkulov A., Saydullaev S., Jo'raboev H., Jumaboev Yo., Mamadiev O., Boborahimov Z., Ibragimov M. and others; Under the leadership of Sheikh Nuriddin Xolqnazar - Book 1. - Tashkent: Shamsiddin Bobokhonov, 2023. - 624 p.

2. Ageeva, N. A. (2014). Bioethicheskoe izmerenie vspomogatelnyx reproductivex tehnologiy. *Innovatsii v nauke* , (30-2), 68-72.

3. Aseeva, I. A., & Pashchenko, E. N. (2014). Sotsialnoe samochuvstvie i cennostnye orientatsii studencheskoy molodyoji v kontekte sotsialnyx izmeneniy. *Vestnik Institute of Sociology* , (3 (10)), 11-33.

4. Bekov, N. M. (2021). Extracorporeal noe plodotvorenie (EKO): moral and ethical aspects. *II International Forum "Bogoslovskoe nasledie musulman Rossii"* 470-475.

5. Bakhmatova M.N. (2021) Assisted reproductive technologies in the context of education in the Roman Catholic Church, *Medical Anthropology and Bioethics* , 1(21).

6. Gadjimuratova N.D. Sostoyanie zdorovya i prognozirovanie ego narusheniy u detey pervogo goda jizni, rodivshiesya ot odnoplodnoy beremennosti posle extrakorporalnogo oplodotvoreniya: dis.... candy. Med. date: 14.01.08. - Perm, 2017. - 172 p.

7. Doroshchenko, A. A. Eticheskie osnovy extrakorporalnogo plodotvoreniya [Electronic resource] / A. A. Doroshchenko, D. G. Kolesnik // Bioeticheskie voprosy

sovremennoy meditsiny : cb. material nauchno-obrazovatelnyx chteniy, Gomel, May 17, 2019. / Gomel. Mr. Med. flour, Gomel. Diocese of Belarus. orthodox church, orthodox student doctors and young doctors; editor: Protoierey Vadim Lapisky [i dr.]. - Gomel: GomGMU, 2019. - C. 31-33. – 1 electron. opt. disc (CD-ROM). Academic leader: Dr. M.D., Professor T. M. Sharshakova

8. Domasevich , E. V. (2022). Otnoshenie naseleniya k problematike voprosa extrakorporalnogo oplodotvoreniya. Problemy and perspective development of modern medicine, 121-123.

9. Dadaeva, T. M., & Baranova, V. V. (2019). Vspomogatelnye reproductive technologies and reproductive behavior of urban youth (opyt pilotajnogo issledovaniya). *Regionology* , (1 (106)), 138-155.

10. Korjavina, A. I., Chernyshev, A. V., Lebedev, V. V., & Chernysheva, M. L. (2010). The relationship between the nation and the ethical and legal problem of new reproductive technology (resultaty sociological research). *Vestnik rossiiskikh universitetov. mathematics* , *15* (5), 1524-1526.

CORRELATION ANALYSIS OF FACTORS OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FORENSIC PSYCHOLOGIST EXPERT

Yarashov A.L.
(Bukhara, Uzbekistan)

Abstract. *This article discusses the study of the manifestation and development of factors of competence in the activities of a forensic psychologist and the improvement of its specific socio-psychological factors, the identification of components, the study of the manifestation and development of communicative, emotional and personal components of a forensic psychologist; in the development of socio-psychological competence of forensic psychologists, their connection with the legal system is revealed.*

Key words: *forensic psychologist-expert, socio-psychological competence, forensic psychological examination, professional competence, competence, personality of an expert, emotional intelligence, professional activity.*

Аннотация. *В данной статье рассматривается исследование проявления и развития факторов компетентности в деятельности судебного психолога и совершенствование ее конкретных социально-психологических факторов, выявление компонентов, исследование проявления и развития коммуникативных, эмоциональных и личностных компоненты судебного психолога; в развитии социально-психологической компетентности судебных психологов раскрывается их связь с правовой системой.*

Ключевые слова: *судебный психолог-эксперт, социально-психологическая компетентность, судебно-психологическая экспертиза, профессиональная компетентность, компетентность, личность эксперта, эмоциональный интеллект, профессиональная деятельность.*

Introduction

Competence is a manifestation of his theoretical and practical knowledge, skills and abilities, worldview, beliefs and all personal individual socio-psychological qualities. One of the important factors ensuring the quality and efficiency of activity is his competence in his field. It is manifested on the basis of the activity coordination system. These are:

1. Communicative competence:

– in the process of forensic psychological examination, the expert must, within the scope of his authority, express his opinion in a short, concise, understandable and effective manner, both orally and in writing, based on legal grounds, using effective means, correctly placing stress in pronouncing words, adhering to the norms of literary language, and expressing his opinion without errors, based on the rules of spelling and grammar;

– in the process of working collaboratively, as the situation requires, be able to listen to and respect the opinions of team and group members, respond appropriately to objectionable opinions, and contribute to the formation of their opinions.

2. Competence for self-development as a person:

– to constantly develop oneself as a person, to turn the desire for spiritual, psychological and intellectual perfection into a permanent vital and spiritual need;

– respect and adherence to national and universal values;

– throughout one's life, to regularly read and study books of various genres (fiction, journalism, science, popular science, science and technology, art, and others), to draw conclusions, learn lessons, and, in appropriate cases, to use them in practice as proof and evidence of one's own opinion;

– be able to critically approach one's own actions and thoughts, exercise self-control, and correctly assess the content of oral and written texts.

Competence, as the practical application of knowledge, skills, qualifications and life experiences, plays a major role in the life of a forensic psychologist, in his or her development as an expert. From this perspective, it is first of all appropriate to form and develop the socio-psychological competence factors of forensic psychologists, as well as to achieve the formation and development of basic competencies in them.

Literature analysis and methodology.

Nowadays, competence is mainly considered as a human ability, but it also allows us to think about various human abilities and talents. In this regard, we see that there are different approaches to the interpretation of the concept of "ability".

In the process of studying the structure of competence and competence categories, several directions can be distinguished. Many authors consider the active approach to be promising, and they also consider competence to be a manifestation of professional activity and, at the same time, its basis. In this case, competence is understood as a system of internal resources necessary for the formation of effective action in a specific context of the process. The structure of competence is divided into the following components: orientation and performance, substantive (knowledge) and procedural (skills), cognitive and operational.

In the functional-genetic approach, ability is interpreted as a description of the efficiency of functional systems that perform a particular mental process. In this case, the concepts of "competence" and "competence", reflecting the integration of motivational, behavioral and cognitive components in the structure of the personality, can be considered as abilities.

A.I.Subetto studies the concepts of competence and competence within the framework of the categories of qualities, properties, skills. He emphasizes that the concepts of competence and competence are a complex structural and dynamic educational process, but are considered secondary to the categories of qualities and properties. This, in turn, is subject to the following general principles:

– the principle of integrity and systematicity, which underpins the internal structure of quality;

– the quality of an object is determined at the higher quality level, while the external structure of the quality determines the quality of the interaction of the object or process with the external environment at the real quality level;

– the principle of the existence of a system of potential and actual external and internal contradictions in the emergence and development of quality;

– the principle of reflecting the quality of various processes in the results.

O.A.Bulavenko's emphasis suggests that competence should be viewed not as a specific characteristic of professional activity, but as a state of a person's ability, manifested in a stable increased or decreased activity [7].

In our opinion, competence is only manifested in active professional activity, and any stability in activity can be an obstacle to its success.

Educator A.A.Dunyushin emphasizes that a person's socio-psychological competence is the ability to practically apply the knowledge, skills, and abilities necessary for interacting with people in professional activities.

It is clear that the author of the opinion is clarified by the following several considerations:

a) competence can be assessed as a characteristic of a specific activity;

b) the content of the competence depends on the purpose, structure and specific requirements of the professional activity;

c) Competence is based on emotional-volitional qualities, a person's sociability, intellectual abilities, and a person's orientation [9].

Therefore, based on the above analysis, we can see that developing aspects related to the professional competence of forensic psychologists and psychologists in the judicial and investigative process is one of the urgent tasks, and that it is necessary to assess the study of various aspects of their professional activities as a modern requirement.

As is known, the legal basis for appointing an expert in any criminal case, in particular in psychology, which requires special knowledge and experience (competences), is provided in Article 172 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (CPC).

As stipulated in paragraph 5 of Article 173 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (Requirements for the appointment and conduct of an expert examination), an expert examination must be appointed and conducted when it is necessary to determine "the mental and physical condition of the victim and witness, as well as their ability to perceive, remember and express during questioning circumstances that are important for the case, as well as the victim's ability to independently protect his rights and legitimate interests during criminal proceedings". Naturally, this determines the need to assess mental phenomena, which are the subject of research in psychology.

The legal basis for conducting forensic psychological examinations in civil proceedings is a ruling issued by a judge of a civil court. As stipulated in Article 84 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, an examination is appointed when there is a need to conduct a specific study using special, in particular, psychological knowledge. This is provided for

According to Article 3 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Forensic Expertise", entitled "Basic Concepts", a forensic expert shall conduct forensic examinations and issue conclusions based on special knowledge in the field of science, technology, art or craft.

In criminal proceedings, based on the established standards for the appointment of SPE, it is carried out when difficulties or complexities arise in studying the individual-psychological characteristics of the subject who committed a serious crime, his persistent motivational and spiritual reasons, as well as in assessing the causes of the crime committed by the individual, due to the impossibility of determining a legal measure for the committed action or inaction in an appropriate manner.

The importance of SPE can also be applied in the process of resolving civil legal disputes. In this case, the reason for appointing an expert examination may be any specific information related to the psychological aspects of one or more parties, for example, information about the low intellectual, cognitive abilities of the subject, who was under the influence of deception, fraud or violence, psychological pressure at the time of concluding the transaction.

Thus, it should be noted that the appointment of an SPE in both criminal and civil proceedings may be motivated by any specific information deemed necessary to

psychologically assess the psychological concepts relevant to a particular solution to controversial issues within the jurisdiction of the court, as well as the mechanisms of various manifestations of the psyche of persons involved in criminal or civil proceedings.

Since the concept of "human factor" occupies a leading place in legal practice, the use of psychological theory and practice (experience) relevant to the field is one of the most important tasks of today's time to make fair decisions and issue a verdict or ruling. Unfortunately, today there is no special institution or center for organizing and conducting forensic psychological examinations, so this work is carried out by professors and teachers working in the higher education system in the regions. In addition, it can be noted that the lack of a system for improving the skills of forensic psychologists-experts creates various difficulties [10].

According to paragraph 29 of the “Model Regulation on the Procedure for Conducting a Forensic Examination by a State Forensic Examination Institution or Other Enterprise, Institution, Organization”, “The expert opinion shall consist of three parts: introduction, examination, and conclusions (concluding)”.

The conclusion of the forensic psychological examination commission is an official written document that, in accordance with the Criminal Procedure and Civil Procedure Codes of the Republic of Uzbekistan, reflects the legal grounds and conditions for conducting a forensic psychological examination, the issues raised before the expert or experts, the experts they conducted, as well as the conclusions of the examination commission. The conclusion of the forensic psychological examination is considered evidence (evidence) in a criminal or civil case in accordance with the relevant procedure.

The conclusion of the forensic psychological examination commission is drawn up in printed form, signed by all the experts who conducted the examination, and is sealed with the seal of the institution where the forensic psychological examination was conducted. The general term for drawing up the conclusion should not be later than 15 days after the completion of the expert examination and the issuance of expert conclusions (including in cases where more than one conclusion was drawn up by the experts due to disagreements between them). When the examination is carried out by a commission, the obligation to prepare a draft of the expert conclusion, agree on its text with other members of the expert commission, as well as draw up the conclusion is carried out by one of the members of the expert commission (acting as the secretary).

Results.

Correlations between the factors of a psychologist's psychodiagnostic competence and the factors of their emotional intelligence have been identified. Naturally, such connections have a positive impact on the effectiveness of professional activity.

The ability to obtain and formalize information through working with case documents (analysis of documentary sources, content analysis, biographical and other documents) has a high positive correlation with the ability to understand the emotions of others (r=0.403), which allows for the ability to correctly analyze the psychological aspects of the information described in case documents that are directly related to the judicial and investigative process, to carefully analyze all the materials recorded in the case document, to come to an appropriate conclusion based on determining the content and relevance of the instructions (testimonies) given to the case at hand, and to work effectively at the next stage.

The use of the profiling method requires the psychologist to have a well-developed emotional intelligence. Therefore, it was shown that there is a positive correlation in one way or another with the factor of obtaining information through the profiling method (r=0.449).

Understanding emotions and determining sincerity in expressing feelings during interrogations of those involved in court and investigation processes requires a very high level of intelligence from the psychologist. In sensitive cases, the psychologist's developed ability to understand emotions facilitates the investigation process and helps to establish the truth (r=0.408) . The more developed the ability to intuitively assess the external manifestations of

the feelings of the person being studied and to understand their emotional state, the more sensitive the psychologist can be to the internal states of the participants when using the profiling method (r=0.605).

Table 1

Analysis of correlations between factors of psychodiagnostic competence of a psychologist and factors of emotional intelligence

Factors		Emotional intelligence factors								
		Interpersonal emotional intelligence	Inner emotional intelligence	Understanding emotions	Managing emotions	Understanding others' emotions	Managing the emotions of others	Understanding one's own emotions	Managing your emotions	Control of one's emotions
Psychodiagnostic competence of a psychologist	Obtaining information through working with business documents	0.098	-0.080	0.304	0.078	0.403*	-0.103	0.103	0.071	0.012
	Obtaining information through profiling	0.304	0.449*	0.408*	0.304	0.605**	0.204	0.014	0.305	0.307
	Ability to perform laboratory experiments	0.507*	0.123	0.542*	0.349	0.524*	0.331	0.114	0.071	0.247
	Ability to assess overall development level	0.607**	0.332	0.505*	0.197	0.664**	0.091	-0.023	0.117	0.228
	Mastery of psychodiagnostic approach methods	0.274	0.403*	0.523*	0.261	0.509*	0.107	0.362	0.373	0.338
	Retrospective and hermeneutic evaluation	0.604**	0.134	0.395	0.109	0.392	0.107	0.054	0.013	0.108
	Level of creative and critical thinking	0.409*	0.635**	0.506*	0.305	0.634**	0.446*	0.328	0.204	0.344

When using a laboratory experiment, when the initial data is insufficient, when the researcher is not satisfied with the results or when reasonable answers to the questions of interest are not obtained, the general characteristics of the case are averaged and a conclusion is drawn on this basis. In this process, adequate treatment of the true nature and causes of the feelings of the subjects, management of the process and adequate assessment of its consequences allow the creation of various models, especially the “criminal model”, “victim model” (r=0.542) . It is also significant that it also has a high positive correlation with the factor of understanding the emotions of others, which is explained by the fact that it is in the laboratory experiment that the participants' feelings need to be adjusted according to the needs of the situation, if the psychologist notices that the subjects deviate from the issue under discussion or attempt to distract the investigation by giving false testimony, he must immediately adjust the situation (r=0.524).

The issue of assessing the level of general development (cognitive, conative, behavioral) is one of the urgent issues for any legal activity. In particular, the assessment of the development of minors in relation to their age based on psychodiagnostic methods, the clarification of the boundaries of norms and pathologies, the ability to participate in court and the investigative process and give testimony directly depend on the development of the components of emotional intelligence of the psychologist in a mutually compatible manner. The positive correlation of these two factors allows choosing a successful work style (r=0.607)

. A psychologist's understanding of emotions is of particular importance in order to thoroughly analyze the motives of criminal behavior, the factors leading to the act, and the consequences that occurred as a result of the situation at the time of the act (r=0.505) . The highly significant correlation observed with the factor of understanding the emotions of others indicates that the effectiveness of the professional behavior of a psychologist in forensic and investigative activities consists of measures to achieve and maintain psychological closeness by gradually developing methods and skills of interaction with communication partners, in proportion to the changing conditions of the communication process, and achieving consistency of goals (r=0.664). The level of mastery of psychodiagnostic approach methods and several factors of emotional intelligence ensures a qualitative and fair conclusion. Since it is necessary to identify the internal and external elements of the situation and the relationship between them, to analyze the causes and consequences internally, and to choose a way of communication on this basis, it is appropriate to assess this correlation as positive (r=0.403) . As in the above positive correlation, with this factor, the factors of understanding emotions (r=0.523) and understanding the emotions of others (r=0.509) are consistently manifested with the psychologist's mastery of psychodiagnostic approach methods. Another important factor of psychodiagnostic competence is the factor of retrospective and hermeneutic evaluation. In forensic and investigative practice, the psychologist's competence on the issue of a person's past, a deeper analysis of the impact of life experience and lifestyle on the situation, and the reflection of his inner psyche in behavioral actions, developed under the influence of emotional intelligence factors, ensures their successful functioning. (r=0.604).

It is of great importance that the level of creative and critical thinking showed positive or highly positive correlations with all factors of emotional intelligence. In particular, a high correlation was observed with the factors " interpersonal emotional intelligence" (r=0.409) , "internal emotional intelligence" (r=0.635) , "understanding emotions " (r=0.506), "understanding the emotions of others" (r=0.634) , "managing the emotions of others" (r=0.446) . This is an important aspect that determines the effectiveness of professional activity. For a psychologist's creative and critical thinking in the judicial and investigative process, it is necessary that several components of emotional intelligence are interconnected (Table 2).

Table 3

Analysis of correlations between factors of psychodiagnostic competence of a psychologist and factors of self-management skills

Factors		Self-management skills							
		Situational orientation	Forecasting	Goal setting	Planning	Evaluation of results	decision making	Self-control	Correction
Psychodiagnostic competence of a	Ability to obtain and document information through work documents	0.494*	0.207	0.063	0.142	0.357	0.451*	0.302	0.118
	Obtaining information through profiling	0.023	0.447*	0.144	0.355	0.187	0.507*	0.674**	0.213
	Ability to perform laboratory experiments	0.184	0.509*	0.093	0.339	0.365	0.274	0.391	0.147
	Ability to assess overall development level	0.115	0.019	0.084	0.362	0.671**	0.309	0.278	0.546*

	Level of mastery of psychodiagnostic approach methods	0.225	0.132	0.551*	0.083	0.381	0.133	0.195	0.285
	Retrospective and hermeneutic evaluation	0.322	0.445*	0.115	0.048	0.274	0.148	0.99	0.231
	Level of creative and critical thinking	0.130	0.369	0.101	0.523*	0.186	0.572*	0.531*	0.109

Specific correlations were observed between the factors of the psychologist's psychodiagnostic competence and the factors of self-management skills (Table 3).

The existence of a positive correlation between the factors “Ability to obtain and formalize information through working with documents (analysis of documentary sources, content analysis, biographical and other documents)” and “Decision-making” serves to ensure that the psychologist correctly analyzes the interrelationships of the information in the documents analyzed during the examination process and comes to a well-founded conclusion. The reliability and validity of the information obtained depends on the psychologist's thorough analysis of the documents, which serves to increase the validity and accuracy of the decision ($r= 0.451$; $p\leq0.05$).

The high positive correlation between the factors "obtaining information through profiling" and "predicting" is of great importance in crime analysis, threat assessment or anticipation of bad consequences, creating a "personal portrait" and making predictions (hypothetical assessments) of the situation that has occurred. Psychologists with high predictive abilities can easily find information through profiling and achieve greater accuracy of data ($r= 0.447$; $p\leq0.05$).

The high positive correlation between the factors "Ability to use laboratory experiments (modeling)" and "Prediction" serves to increase the psychologist's ability to predict the results obtained through modeling tools in laboratory conditions. This correlation is important as it helps to rely on a clear and scientifically based approach to decision-making in judicial and investigative activities ($r= 0.509$; $p\leq0.05$).

The strong positive correlation between the ability to assess the level of general development (cognitive, emotional, behavioral) and the factor “evaluation of results” indicates that if the psychologist’s competences in assessing the level of development of the examinee are high, he will easily and reasonably evaluate the results obtained, obtain reliable information, have a more complete picture of the characteristics of the examinee, and help make a fair decision ($r= 0.671$; $p\leq0.01$). The significance of the high positive correlation between the factors “Mastery of psychodiagnostic approaches (integrative and synergetic, nomothetic and ideographic approaches)” and “goal setting” in forensic psychological examination indicates a high positive correlation between the mastery of various approaches and the achievement of the goals set in the diagnostic process. This means that psychologists who have better mastered the techniques are more effective in the diagnostic process ($r= 0.551$; $p\leq0.05$).

The significance of the high positive correlation between the psychologist's "level of creative and critical thinking" and "planning" factors in forensic psychological examination is that psychologists with high creative and critical thinking skills are more effective in solving various complex problems. Together with planning skills, this allows psychologists to analyze clients' psychological problems more deeply and offer specific solutions ($r= 0.523$; $p\leq0.05$). Critical thinking, in turn, helps to assess the practicality and effectiveness of these approaches. A high level of creative and critical thinking improves the planning process. A high positive correlation in the decision-making process means that these two skills together increase the possibility of making more accurate and fair decisions. This plays an important role in ensuring the fairness of the trial and making well-founded decisions based on evidence ($r= 0.572$; $p\leq0.05$). The presence of a connection with the factor "self-control" affects the

psychologist's work, decision-making ability, problem-solving skills, and ability to adapt to different situations. In forensic psychological examination, the task of a psychologist is to analyze complex psychological phenomena and clearly explain them. Creative thinking helps to find new approaches and find unconventional solutions. Critical thinking allows you to carefully evaluate each assumption or evidence. Self-control helps to control the emotional state and maintain objectivity ($r = 0.531$; $p \leq 0.05$).

When analyzing the correlations between the factors of psychodiagnostic competence of a psychologist and the factors of personal characteristics, it was shown that there is a positive correlation in all factors. The presence of a high positive correlation between the factor "Ability to obtain and formalize information through work documents" and the factor "stability" ensures that the psychologist tries to understand something new and unusual with interest, carefully examines and analyzes every detail of the documents related to the case, and, as a result, determines the level of significance of the information in the documents, its relevance to the situation in the instructions, and makes a comparative analysis of true or false information, and comes to a fair conclusion ($r = 0.596$). The existence of a strong connection between the factor of obtaining information through the profiling method and the factor of aesthetic impressionability indicates that psychologists with their sensitivity to the artistic genre, the development of clear and figurative thinking, a clear perception of reality and a high breadth of imagination will have the opportunity to easily obtain information about the person involved in the process of applying the profiling method. Due to their high sensitivity, which is based on critical and creative thinking, they can adequately assess changes in the appearance of the subject, and especially whether he is giving "true" or "false" testimony ($r = 0.412$). The ability to assess the level of general development is formed at the core of general activity, and this connection ensures that when a psychologist adequately assesses the general development of those involved in the process of judicial and investigative activities, their promptness, responsible approach to work, ability to easily adapt to the situation, executive ability, entrepreneurship, and full dedication to finding a solution to the problem, they come to a quick and well-founded conclusion ($r=0.603$). We believe that the more a psychologist's creative and critical thinking abilities are developed, the more aesthetic impressionability, which is considered important for adequately assessing the situation, will also develop harmoniously, and this will serve to ensure the effectiveness of the work ($r=0.442$). The above connections are of great importance for the competence of a psychologist in judicial and investigative activities.

Conclusion.

Based on the analysis of the results of psychotechnics and control experiments aimed at assessing the effectiveness of the training module and the development of psychological characteristics associated with the professional development of a person, as well as the results of the program for developing the socio-psychological competence of forensic psychologists and its impact on the professional activities of forensic psychologists, the following were identified:

1. It was determined that socio-psychological and professional competence is important in the professional activities of a forensic psychologist as a set of knowledge, skills, and qualifications related to the field that ensure the effective functioning of the forensic psychologist.
2. Factors influencing the manifestation and development of socio-psychological competence in the professional activities of a forensic psychologist can contribute to improving the level of professionalism.
3. The ability of a forensic psychologist to enter into adequate relationships with certain people, in particular, in forensic psychological examinations, is characterized by a high level of communication, analytical skills in communication situations, adequate sensitivity to the behavior, actions, and mental experiences of the interlocutor, and a certain degree of flexibility in various situations.

4. The manifestation of the socio-psychological competence of forensic psychologists, their direct dependence on factors such as professional and communicative competence, which are uniquely formed in each forensic psychologist, serves to determine the effectiveness of their professional activities and ensure personal integrity.

5. The socio-psychological competence of a forensic psychologist and the manifestation of professional competence factors are of great importance in organizing and conducting forensic psychological examinations on a highly efficient basis.

6. The ability of forensic psychologists to organize and conduct forensic psychological examinations based on established standards is directly dependent on their knowledge of the field. In this regard, it was possible to determine their socio-psychological competence by assessing their ability to acquire knowledge of field concepts and apply them in practice.

7. As a result of the practical application of the training module on the development of professional competence, a number of results were achieved, indicating that the forensic psychologist's professional competence, which depends on the factors of socio-psychological competence, has increased to a high level. The training module improved the forensic psychologist's literacy in the field of regulatory documents that ensure his professional competence, as well as the ability to conduct psychodiagnostic work, and the ability to qualitatively formalize the conclusion of a forensic psychological examination.

8. In order to more deeply analyze the issue of the manifestation and development of socio-psychological competence factors of experts engaged in forensic psychological examination, it is appropriate to study the relationship between socio-psychological competence and the level of readiness for work as a forensic psychologist in the future.

Literature.

1. Golniiz G., Schulz-Wulf G. Rhitmisch-psychomotoriscbe Musiktherapie. Yena, 2004.-112 p.

2. Glassman A. H., Shapiro P.A., Depression and the course of coronary artery disease. Am J Psychiatry. 1998. – P. 4-11.

3. Gmott H.G. between Parent and Children. N.Y., 2003. P – 219.

4. Maxmudova Z.M., Olimov L.Ya. **O`smirlarda ekstremal vaziyatlarda psixologik himoya mexanizmlarini shakllantirish**. Monografiya. “Buxoro viloyat bosmaxonasi MChJ” nashriyoti. Buxoro. 2021. -B. 160.

5. Maxmudova Z.M., Olimov L.Ya. Psychodiagnostics. O‘quv qo‘llanma. “Turon zamin ziyo” nashriyoti. Toshkent 2014. -B. 298.

6. Olimov L.Ya. Psixodiagnostika va psixometrika asoslari. Darslik. “Durdona” nashriyoti. Buxoro. 2021. -B. 747.

7. Olimov L.Ya. Umumiy psixodiagnostika. “Durdona” nashriyoti. Buxoro. 2020. -B. 1103.

8. Olimov L.Ya., Maxmudova Z.M.. Psixodiagnostika va eksperimental psixologiya. o`quv qo`llanma. “Turon zamin ziyo” nashriyoti. T. 2020. -B. 820.

9. Olimov L.Ya., Nazarov A.M.. Xulqi o`gishgan bolalar psixologiyasi. O‘quv qo‘llanma. “Tafakkur avlodi” nashriyoti. Buxoro. 2020. -B. 490.

10. Olimov L.Ya., Maxmudova Z.M. O‘smirlarda psixologik himoya mexanizmlarining namoyon bo‘lishining o‘ziga xosligi. Psixologiya ilmiy jurnali. 2021 yil, 4 son

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ У ПОДРОСТКОВ-ФУТБОЛИСТОВ

Абдихоликов Б. А.
(г. Карши, Узбекистан)

Аннотация. *В данном исследовании анализируется роль психологических концепций в формировании коллективной уверенности в себе у подростков-футболистов. Известно, что подростковый возраст является одним из наиболее чувствительных этапов психологического, эмоционального и социального развития личности, и именно в этот период приобретает значение взаимодействие в коллективе, формирование лидерских навыков и уверенности в себе.отация. В данном исследовании анализируется роль психологических концепций в формировании коллективной уверенности в себе у подростков-футболистов. Известно, что подростковый возраст является одним из наиболее чувствительных этапов психологического, эмоционального и социального развития личности, и именно в этот период приобретает значение взаимодействие в коллективе, формирование лидерских навыков и уверенности в себе. В командной деятельности, такой как футбольный Спорт, этот фактор проявляется сильнее, поскольку процесс достижения результата напрямую зависит от внутреннего климата команды, взаимного доверия и сотрудничества. В ходе исследования были проанализированы современные подходы к психологии спорта, теории мотивации, механизмы межличностной коммуникации и социально-психологической адаптации.*

Ключевые слова: *игроки-подростки, командная уверенность в себе, психологические условия, спортивная психология, мотивация, социально-психологическая адаптация, коммуникация, психологическая подготовка.*

Annotation. *This study analyzes the role of psychological concepts in the formation of collective self-confidence in teenage players. As you know, adolescence is one of the most sensitive stages in the psychological, emotional and social development of an individual, and it is during this period that the formation of interpersonal relationships, leadership skills and self-confidence in the team becomes important.nnotation. This study analyzes the role of psychological concepts in the formation of collective self-confidence in teenage players. As you know, adolescence is one of the most sensitive stages in the psychological, emotional and social development of an individual, and it is during this period that the formation of interpersonal relationships, leadership skills and self-confidence in the team becomes important. In team activities such as football sports, this factor is more strongly manifested, since the process of achieving the result directly depends on the internal climate of the team, mutual trust and cooperation. In the process of research, modern approaches to sports psychology, motivational theories, interpersonal communication and socio-psychological adaptation mechanisms are analyzed.*

Keywords: *teenage players, collective self-confidence, psychological conditions, sports psychology, motivation, socio-psychological adaptation, communication, psychological training.*

В области спортивной психологии уверенность в себе (самоконтроль) рассматривается как один из важнейших психологических факторов, влияющих на успех спортсменов. Уверенность в себе отражает внутреннюю уверенность спортсмена в своих силах, навыках и шансах на успех.области спортивной психологии уверенность в себе (самоконтроль) рассматривается как один из важнейших

психологических факторов, влияющих на успех спортсменов. Уверенность в себе отражает внутреннюю уверенность спортсмена в своих силах, навыках и шансах на успех. Это свойство обеспечивает мотивацию, сосредоточенность и психическую устойчивость спортсмена не только во время соревнований, но и в процессе тренировок. В данной статье будут рассмотрены психологические особенности формирования и укрепления уверенности в себе у спортсменов, а также факторы и методы, влияющие на этот процесс

Исследование психологических условий формирования коллективной уверенности в себе у подростков-футболистов выявляет один из важнейших этапов развития личности. В подростковом возрасте индивид ищет себе место в коллективе, проверяет свои способности, стремится к формированию социального статуса. Футбольная команда создает естественное психологическое поле для этого процесса, поскольку в ней естественным образом происходят такие процессы, как взаимодействие, лидерство и подчинение. Формирование коллективной уверенности в себе происходит за счет уверенности человека в своих силах, поддержки со стороны тренера и товарищей по команде, здоровой конкуренции внутри коллектива и сочетания мотивационных факторов. Этот процесс связан не только с индивидуальной психологической подготовкой, но и с качеством социально-психологической среды в коллективе.

В этом смысле тренеры и спортивные психологи должны использовать специальные психотехнологии, направленные на укрепление командного духа, укрепление взаимного доверия и снятие негативного психологического давления. Например, четкая постановка командных целей и признание вклада каждого игрока в их достижение повышают уверенность в себе. Кроме того, эффективные результаты дают упражнения, направленные на поддержание эмоционального баланса, позитивную обратную связь, поддерживающее общение и тренинги по повышению стрессоустойчивости. Конфликты, возникающие между подростками, при правильном психологическом управлении могут служить укреплению сплоченности коллектива.

Психологическими факторами формирования коллективной уверенности в себе у юных футболистов являются: поддерживающее отношение тренера, позитивная атмосфера в коллективе, индивидуальное развитие футболистов, опыт достижения коллективных целей, социально-психологические способности (общение, сотрудничество), а также повышение уверенности в себе за счет преодоления трудностей и достижения успеха.

Влияние тренера:

Поддерживающее отношение: доверие тренера к игрокам, их мотивация и поддержка помогают укрепить доверие в команде.

Правильное обучение: предоставление тренером правильных инструкций по стилю игры, тактике и командным действиям повышает уверенность игроков в своих силах.

Командные факторыВлияние тренера:

Поддерживающее отношение: доверие тренера к игрокам, их мотивация и поддержка помогают укрепить доверие в команде.

Правильное обучение: предоставление тренером правильных инструкций по стилю игры, тактике и командным действиям повышает уверенность игроков в своих силах.

Командные факторы:

Позитивная командная среда: уважение, доверие и способность помогать друг другу между игроками укрепляют командное доверие.

Командные цели: объединяясь и достигая общих целей, игроки верят, что вместе они сильны.

Командные успехи: достижение побед и совместное преодоление трудностей значительно повышает командную уверенность в себе.

Индивидуально-психологические факторы:

Индивидуальное развитие: индивидуальная техническая, тактическая и психологическая подготовка игрока, а также хорошее самочувствие влияют на уверенность в команде.

Социально-психологические способности: развитие у игроков навыков общения, сотрудничества и построения командных отношений укрепляет коллективное доверие.

Психологические тренинги:

Поощрение и изобретательность: поощрение игроков к творчеству, мотивируя их, повышает их командную уверенность.

Преодоление трудностей: помощь игрокам в преодолении командных трудностей повышает их уверенность и укрепляет уважение к тренеру.

Психологические эксперименты, связанные с результатами игры, также важны для формирования командной уверенности в себе: совместный обмен положительными эмоциями после победы и командный анализ после поражения сохраняют психологическую устойчивость игроков. Следует также учитывать индивидуальные психотипы, особенности темперамента и личностные мотивационные профили игроков-подростков, поскольку в коллективе интровертам и экстравертам требуется разный психологический подход. При правильной организации психологических условий футболисты-подростки достигают высоких результатов не только по спортивным результатам, но и по показателям социально-психологического развития. Поэтому такие исследования являются одним из важнейших направлений спортивной педагогики и психологии, внедрение их результатов в практику служит совершенствованию воспитательных процессов в футбольных школах и академиях.

Роль мотивационного компонента в процессе формирования коллективной уверенности в себе у подростков-футболистов неоценима. Мотивация развивается через внутренние и внешние факторы: внутренняя мотивация определяется тем, что игрок получает удовольствие от своих способностей и личных достижений, в то время как внешняя мотивация формируется благодаря поддержке тренера, родителей, товарищей по команде и болельщиков. Положительное подкрепление, система мотивации и признание успеха важны для формирования уверенности в себе. Например, признавая даже небольшие спортивные достижения на уровне команды, связывая индивидуальные успехи с общим результатом, игроки чувствуют себя неотъемлемой частью команды. Психологически правильно организованная мотивационная среда активизирует внутреннюю энергию юных футболистов, стабилизирует их физическую и психическую подготовку, а также помогает не терять самообладание в ситуациях стресса и давления.

Коммуникация и социальное взаимодействие также играют важную роль в формировании коллективной уверенности в себе. Подростки развивают социальные навыки, общаясь, выражая свое мнение в команде и вместе решая проблемы. Создание открытой и здоровой коммуникационной среды, формирование отношений, основанных на взаимном уважении и доверии, укрепляет коллективный психологический климат. Применение конструктивного подхода и элементов посредничества в конфликтных ситуациях, формирование внутри коллектива “группы лидеров”, развитие механизмов взаимного консультирования и консультирования положительно сказываются на психической устойчивости игроков. Сотрудничество тренеров и психологов очень важно в этом процессе: в то время как тренер больше ориентирован на выполнение тактических и технических задач, психолог организует тренинги, направленные на поддержание эмоционального баланса игроков, управление стрессом и повышение уверенности в себе.

Еще один важный аспект развития командной уверенности в себе – это развитие эмоционального интеллекта и навыков сочувствия. Когда игроков-подростков учат понимать эмоции других и соответствующим образом реагировать на них, в команде создается позитивная атмосфера. Сочувствие формирует уважение и справедливость как к сопернику, так и к товарищу по команде. Кроме того, когда в программах психологической подготовки используются методы визуализации, позитивных утверждений, самоанализа и рефлексивных практик, игроки учатся контролировать свое психическое состояние. В результате таких процессов подростки становятся более уверенными в себе и ответственными по отношению к коллективу. В результате неуклонно повышается общий моральный дух команды, качество выступлений на соревнованиях и спортивные результаты, что создает прочную психологическую основу для дальнейшей профессиональной спортивной деятельности.

Вывод. Обеспечение уверенности в себе у спортсменов-один из центральных вопросов спортивной психологии. Уверенность в себе напрямую влияет на успех, мотивацию и психологическую устойчивость спортсмена.вод. Обеспечение уверенности в себе у спортсменов-один из центральных вопросов спортивной психологии. Уверенность в себе напрямую влияет на успех, мотивацию и психологическую устойчивость спортсмена. Чтобы развить эту черту, необходимо учитывать такие факторы, как предыдущий опыт успеха, косвенный опыт, социальная стимуляция и физиологическое состояние. Такие методы, как визуализация, постановка целей, позитивный разговор с самим собой и управление стрессом, могут помочь спортсменам укрепить уверенность в себе. Однако также важно устранить такие препятствия, как страх неудачи, негативная самооценка и внешние факторы.кие методы, как визуализация, постановка целей, позитивный разговор с самим собой и управление стрессом, могут помочь спортсменам укрепить уверенность в себе. Однако также важно устранить такие препятствия, как страх неудачи, негативная самооценка и внешние факторы. Тренеры и спортивные психологи играют важную роль в повышении уверенности спортсменов. В результате уверенный в себе спортсмен не только достигает высоких результатов в соревнованиях, но и психологически стабилен, прокладывая путь к долгосрочному успеху. Это укрепляет их индивидуальную уверенность в себе, воспитывает отношение к успехам и неудачам в спорте, повышает их устойчивость к стрессам и давлению соревнований. В заключение можно сказать, что создание условий для формирования коллективной уверенности в себе – одна из приоритетных задач футбольных школ и спортивных академий, которую необходимо рассматривать как фактор, укрепляющий не только личность спортсмена, но и его будущую общественную и профессиональную жизнь.

Список литературы.

1. Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological Monographs: General and Applied, 80(1), 1–28. – The seminal work introducing the concept of locus of control, explaining individual differences in attributing success and failure to internal or external factors.

2. Gill, D. L., & Williams, L. (2017). Psychological Dynamics of Sport and Exercise (4th ed.). Human Kinetics. A comprehensive textbook analyzing self-confidence, motivation, and group dynamics in sport and exercise psychology.

3. Bandura, A. (1997). Self-Efficacy: The Exercise of Control. W. H. Freeman. – Explores the mechanisms of self-efficacy, initiative, and goal orientation, explaining how psychological factors drive achievement behavior.

4. Роттер, Дж. Б. (2011). Установки на локус контроля. // Хрестоматия по психологии личности. — М.: Изд-во Московского университета. – Классический труд, посвящённый концепции локуса контроля, описывает различия между внутренним и внешним локусом в поведении личности.

5. Реан, А. А. (2006). Психология личности. — СПб.: Питер. – Подробно рассматривает личностные качества, такие как инициативность, упорство, смелость и их связь с мотивацией и самоконтролем.

6. Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (2010). Психология: Словарь. — М.: Академия. Энциклопедический словарь, раскрывающий ключевые термины, связанные с локусом контроля, целеустремлённостью, саморегуляцией и эмоциональными особенностями личности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

Абдувалиева Д. Н.
(Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические детерминанты, влияющие на развитие интеллектуально-творческих способностей студентов. Анализируются личностные, мотивационные и когнитивные факторы, определяющие уровень креативного мышления и продуктивности умственной деятельности. Особое внимание уделено роли образовательной среды, психологической поддержки и саморегуляции в процессе формирования интеллектуально-творческого потенциала. Представлены рекомендации по оптимизации учебного процесса с целью стимулирования креативности и интеллектуального роста обучающихся.*

Ключевые слова: *интеллектуально-творческие способности, психологические детерминанты, студенты, креативное мышление, когнитивные факторы, образовательная среда, саморегуляция.*

Abstract. *The article examines the psychological determinants influencing the development of students' intellectual and creative abilities. It analyzes personal, motivational, and cognitive factors that shape the level of creative thinking and the productivity of mental activity. Special attention is given to the role of the educational environment, psychological support, and self-regulation in the process of forming intellectual and creative potential. Recommendations are provided for optimizing the learning process to foster creativity and intellectual growth among students.*

Keywords: *intellectual and creative abilities, psychological determinants, students, creative thinking, cognitive factors, educational environment, self-regulation.*

Введение.

В современных условиях стремительного развития науки, техники и информационных технологий особое значение приобретает формирование у студентов интеллектуально-творческих способностей. Интеллектуально-творческая деятельность рассматривается как сложный синтез когнитивных, личностных и мотивационных ресурсов, обеспечивающий способность индивида к генерации оригинальных идей, нестандартному решению проблем и адаптации к быстро меняющимся условиям социокультурной среды. В условиях глобализации и цифровой трансформации образовательной сферы к будущим специалистам предъявляются новые требования, предполагающие высокий уровень креативного мышления, способность к междисциплинарному взаимодействию и самостоятельному поиску оптимальных решений.

Развитие интеллектуально-творческих способностей студентов является многокомпонентным процессом, детерминированным рядом психологических факторов — от индивидуальных особенностей познавательных процессов и эмоционально-волевой сферы до социально-психологической среды и особенностей образовательного пространства. Когнитивные факторы включают уровень интеллектуального потенциала, сформированность аналитического и дивергентного мышления, а также способность к абстрагированию и прогнозированию. Личностно-мотивационные детерминанты связаны с внутренней мотивацией, потребностью в самореализации и открытостью новому опыту, тогда как социальные детерминанты определяются характером взаимодействия с преподавателями, сверстниками и профессиональным сообществом.

Современные психолого-педагогические исследования подтверждают, что целенаправленное развитие креативного потенциала студентов возможно при создании специальных образовательных условий, ориентированных на стимулирование исследовательской активности, формирование критического мышления и освоение методов творческого решения задач. Таким образом, выявление и изучение психологических детерминант, влияющих на развитие интеллектуально-творческих способностей, представляется важным условием совершенствования системы высшего образования, ориентированной на подготовку конкурентоспособных, инициативных и инновационно мыслящих специалистов.

Анализ литературы.

Проблема развития интеллектуально-творческих способностей студентов занимает особое место в современной психологии образования, так как именно этот возрастной период является критическим для формирования профессионального мышления, творческого подхода к решению задач и личностной самореализации. В отечественной (Узбекистан) и мировой научной литературе накоплен значительный объем исследований, раскрывающих сущность психологических детерминант, влияющих на развитие данных способностей, при этом подходы различных авторов демонстрируют как общие теоретические основы, так и культурно-специфические особенности.

Среди узбекских ученых, внёсших вклад в разработку темы, можно выделить работы А.Абдурахмонова, который рассматривает интеллектуально-творческое развитие студентов как результат комплексного воздействия когнитивных, мотивационных и личностных факторов. М. Саидова акцентирует внимание на роли учебно-воспитательной среды, подчеркивая важность интеграции традиционных и инновационных педагогических технологий. Также в исследованиях Ш. Юлдашева творческие способности трактуются не только как индивидуальная особенность, но и как социально обусловленный феномен, зависящий от культурных ценностей и образовательных стандартов.

В российской психологической науке значительное влияние оказали труды Л. С. Выготского, который обосновал значение социальной ситуации развития и «зоны ближайшего развития» для формирования творческого мышления. А. М. Матюшкин рассматривал интеллектуально-творческое развитие через призму проблемного обучения, где ведущим детерминантом выступает познавательная активность, стимулируемая системой проблемных заданий. Исследования Я. А. Пономарёва подчеркивают роль интуиции и креативной переработки опыта в процессе поиска нестандартных решений. Также важно упомянуть труды Е.И.Ильенкова, раскрывающие философско-психологические аспекты творчества, где интеллект рассматривается как способность к теоретическому обобщению и созданию новых смыслов.

В зарубежной литературе тема также получила широкое освещение. Дж. Гилфорд разработал многомерную модель интеллекта, в которой креативность рассматривается как самостоятельная структура, включающая беглость, гибкость,

оригинальность и разработанность идей. Г. Гарднер, автор теории множественных интеллектов, обосновал важность индивидуальных когнитивных профилей для творческой реализации личности. Э. Торренс предложил систему тестов для диагностики креативности, подчеркнув значимость мотивации, любознательности и толерантности к неопределенности как ключевых детерминант. В современной западной науке всё большее внимание уделяется исследованиям А. Кроуфорда и Р. Стернберга, которые подчеркивают необходимость развития так называемого «успешного интеллекта», включающего аналитический, креативный и практический компоненты.

Анализ литературных источников позволяет выделить ряд универсальных психологических детерминант интеллектуально-творческого развития студентов: когнитивные способности (гибкость мышления, аналитичность, дивергентное мышление), мотивационные установки (внутренняя мотивация, потребность в самореализации), личностные качества (открытость опыту, самостоятельность, настойчивость) и средовые факторы (стимулирующая образовательная среда, поддержка со стороны преподавателей и сверстников). При этом в разных культурных контекстах акцент может смещаться: в западной традиции чаще выделяют индивидуальные и личностные факторы, а в постсоветской и восточной — социально-культурные и педагогические условия.

Обобщение теоретических и эмпирических данных свидетельствует о многофакторной природе интеллектуально-творческих способностей студентов, формирующихся под влиянием взаимосвязи внутренних (психологических) и внешних (социально-образовательных) детерминант. Понимание этих факторов является необходимым условием для построения эффективных образовательных программ, направленных на гармоничное развитие будущих специалистов.

Обсуждение.

Проблематика развития коммуникативной компетентности воспитателей дошкольных образовательных учреждений в современных условиях приобретает особую значимость, учитывая возрастающую роль раннего детства в формировании личности ребёнка. Как показывает анализ теоретических и эмпирических данных, профессиональное мастерство педагога в дошкольной сфере в значительной мере определяется его способностью эффективно взаимодействовать с детьми, коллегами и родителями, что напрямую связано с уровнем сформированности коммуникативной компетентности.

Обсуждая результаты проведённых исследований, важно подчеркнуть, что формирование данной компетентности невозможно рассматривать исключительно как овладение набором коммуникативных навыков. Речь идёт о комплексном процессе, включающем развитие эмпатии, умение выстраивать доверительные отношения, гибкость в выборе вербальных и невербальных стратегий, а также готовность к разрешению конфликтных ситуаций. При этом существенное значение имеют личностные качества воспитателя, такие как эмоциональная устойчивость, толерантность, открытость новому опыту и саморефлексия.

Современные научные данные подтверждают, что коммуникативная компетентность воспитателя является интегративным образованием, сочетающим в себе когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Исследования Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева и их последователей показали, что общение в дошкольном возрасте выступает не только средством передачи информации, но и важнейшим фактором психического развития ребёнка. Следовательно, уровень коммуникативной культуры воспитателя напрямую влияет на социально-эмоциональное развитие воспитанников.

Анализ практического опыта в дошкольных организациях позволяет сделать вывод, что у многих педагогов наблюдаются трудности в установлении продуктивных

контактов с родителями, особенно в ситуациях, требующих тактичного обсуждения проблем развития ребёнка. Кроме того, выявляются недостатки в владении современными технологиями межличностного взаимодействия, включая использование медиативных подходов, методов ненасильственного общения и цифровых средств коммуникации.

Дискуссионным остаётся вопрос о том, какие методы являются наиболее эффективными для формирования коммуникативной компетентности у педагогов. С одной стороны, традиционные формы повышения квалификации, такие как семинары и тренинги, позволяют систематизировать знания и отработать отдельные умения. С другой стороны, практика показывает, что устойчивые изменения в коммуникативном поведении происходят только при условии длительного сопровождения педагога, включающего наставничество, супервизию и рефлексивный анализ собственной деятельности.

Результаты зарубежных исследований (например, работы М. Кноуза, Р. Хаймса, Д. Халперн) также подтверждают, что коммуникативная компетентность воспитателя усиливается при интеграции профессионального обучения с личностно-ориентированным развитием. В этой связи перспективным направлением становится внедрение в программы подготовки воспитателей психологических тренингов, игровых симуляций и кейс-методов, моделирующих реальные педагогические ситуации.

Обсуждение данной проблемы позволяет заключить, что развитие коммуникативной компетентности воспитателей должно рассматриваться как непрерывный процесс, опирающийся на комплексную методическую, психологическую и организационную поддержку. Только в условиях системной работы возможно достижение высокого уровня профессионального общения, что, в свою очередь, будет способствовать гармоничному развитию детей и укреплению сотрудничества семьи и дошкольного учреждения.

В заключение следует отметить, что формирование коммуникативной компетентности воспитателей дошкольных образовательных организаций является важнейшим условием повышения качества образовательного процесса и гармоничного развития личности ребенка. Эффективное развитие данной компетентности требует комплексного подхода, включающего профессиональную подготовку, совершенствование вербальных и невербальных навыков общения, формирование эмпатии, толерантности и способности к конструктивному взаимодействию с детьми, их родителями и коллегами. Анализ теоретических и практических подходов, представленных как отечественными, так и зарубежными исследователями, подтверждает необходимость интеграции современных педагогических технологий, психологических методик и инновационных форм коммуникации в профессиональную деятельность воспитателей. Таким образом, развитие коммуникативной компетентности не только способствует повышению педагогического мастерства, но и напрямую влияет на создание благоприятной развивающей среды, где ребенок чувствует себя понятым, поддержанным и мотивированным к познанию окружающего мира.

Литература.

1. Абдураззаков, Х.Х. Психологические основы развития креативности у подростков. – Тошкент: Фан, 2018. – 156 б.

2. Бекназарова, М. Ижодий фикрлаш ва шахс ривожи. – Тошкент: Иқтисод-Молия, 2020. – 142 б.

3. Жумабоев, А. Ёшларда ижтимоий-эмоционал компетенцияларни шакллантириш. – Самарқанд: СамДУ нашриёти, 2019. – 210 б.

4. Андреев, В.И. Педагогика творческого саморазвития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 256 с.

5. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – М.: Педагогика, 1991. – 96 с.

6. Моляко, В.А. Психология творческой деятельности. – Киев: Радянська школа, 2008. – 304 с.

7. Торшилова, Е.М. Развитие креативности в образовательном процессе. – М.: Академический проект, 2017. – 192 с.

8. Amabile, T.M. Creativity in Context. – Boulder, CO: Westview Press, 1996. – 317 p.

9. Guilford, J.P. The Nature of Human Intelligence. – New York: McGraw-Hill, 1967. – 538 p.

10. Torrance, E.P. Torrance Tests of Creative Thinking: Norms-Technical Manual. – Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 1974. – 212 p.

11. Runco, M.A., Acar, S. Divergent Thinking as an Indicator of Creative Potential. – Creativity Research Journal, 2012, Vol. 24(1), pp. 66–75.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.

Абдуллаев А.Н.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *научно-методическая основа исследования качеств личности студентов факультета военного образования, проблема воспитания, направленная на формирование и развитие национальной гордости, самосознания, патриотизма, до сих пор остается проблемой для многих профессоров и преподавателей. внимание специалистов. В настоящее время интерес многих исследователей сосредоточен на проблеме воспитания военнослужащих разного возраста, а процессы обучения, направленные на развитие этих способностей, направлены на создание благоприятных условий для овладения педагогическим общением и, по возможности, формирования качественные факторы педагогического общения у студентов помогают развивать его на высоком уровне. Решению этих проблем посвящена данная статья, а также изучены уровни развития факторов педагогического общения курсантов военно-учебных заведений.*

Ключевые слова: *Частная методика, Межличностное восприятие, прагматическая функция, Стереотипический эффект, формирование патриотических чувств.*

Abstract. *the scientific methodological basis of researching the personality qualities of students of the faculty of military education, the issue of education to determine the formation and development of national pride, self-awareness, patriotism is still a problem for many professors and teachers. attracts the attention of experts. Currently, the interest of many researchers is focused on the issue of education of military servicemen at different ages, and the training processes aimed at developing these abilities are aimed at creating favorable conditions for mastering pedagogical communication and, as much as possible, the formation of quality factors of pedagogical communication in students. helps to develop the levels at a high level. This article is dedicated to the solution of these problems, and the development levels of formation of pedagogical communication factors of students of military educational institutions are studied in the article.*

Key words: *Private methodology, Interpersonal perception, pragmatic function, Stereotyping effect, formation of patriotic feelings.*

С точки зрения современной науки, термин «методология» понимается на основе трёх различных уровней научного подхода.

Общая методология — это общий философский подход, общий способ познания и понимания, который принимается исследователем. Общая методология формирует наиболее общие принципы, которые осознаются или не осознаются в процессе исследования. В частности, для социальной психологии важно определить понимание проблем общества и личности, человеческой природы. В качестве общей методологии исследователь может принять различные философские системы.

В исследовании личностных качеств студентов факультета военного образования в качестве общего методологического принципа нами были взяты категории личности и общества.

Частная (или специальная) методология — это совокупность методологических принципов, применяемых в определённой области знаний. Частная методология требует изучения философских принципов, применяемых к специфическому объекту исследования. Это также особый способ познания, но приспособленный к более узкой области знаний. В социальной психологии, учитывая её происхождение на стыке двух наук, специальная методология должна соответствовать как психологическим, так и социологическим принципам.

Например, можно рассмотреть применение принципа деятельности в социальной психологии. В социологии философский принцип деятельности в широком смысле рассматривается как способ существования человека в обществе, реализация социальных закономерностей через человеческую деятельность. Деятельность создаёт и изменяет условия существования как отдельных индивидов, так и всего общества. Именно через деятельность личность вступает в систему социальных отношений.

В психологии деятельность рассматривается как особая форма человеческой активности, выражающаяся в отношении субъекта к объекту, в процессе которой человек управляет объектом. В ходе деятельности человек удовлетворяет свои потребности и изменяет мир, а также порождает новые потребности. Таким образом, в процессе деятельности личность человека проявляется как развивающийся процесс.

Одной из категорий, используемых в психологии общения, является психология трудового коллектива.

Морально-этические нормы охватывают все формы человеческой активности, они универсальны, но в каждой области эти неписаные законы приобретают свои особенности. Совокупность таких правил обычно называется профессиональной этикой. Издавна существовали этические кодексы для медицинских работников, педагогов и других специалистов. Важной формой профессиональной этики является этика общения, поскольку её основой является человеческий фактор.

По мнению Г.М. Андреевой, основной единицей общения является коммуникация, и как мотив имеет значение в мотивации, так и она играет ключевую роль в общении. Общение — это многосторонний процесс, возникающий из потребности в совместной деятельности и развивающий межличностные отношения.

В мировой психологической науке признано, что общение состоит из трёх компонентов:

1. Коммуникативный (передача информации, в основном односторонняя).
2. Интерактивный (взаимное воздействие, двусторонний процесс).
3. Перцептивный (взаимное восприятие друг друга).

4. Коммуникативная сторона общения включает обмен информацией между участниками взаимодействия, осуществляется преимущественно через язык и речевую деятельность.

5. Интерактивная сторона заключается во взаимном влиянии участников — не только через слова, но и через поведение, действия, поступки.

6. Перцептивная сторона проявляется во взаимном восприятии партнёров по общению, в процессе которого человек воспринимает другого человека. Важным моментом здесь является то, что партнёр, воспринимаемый как умный, опытный и достойный доверия, легче воспринимается и оказывает большее влияние.

Участники общения обычно преследуют определённые цели, важные для них в процессе взаимодействия; эти цели могут совпадать или различаться. Данные цели формируются под воздействием определённых мотивов и реализуются через различные формы поведения.

Межличностное общение бывает прямым и косвенным, вербальным (словесным) и невербальным (через мимику, жесты, движения и т.п.).

По своим функциям общение является многофункциональным, и можно выделить пять основных функций :

1. Прагматическая функция — реализуется в процессе совместной деятельности людей.

2. Формирующая функция — проявляется в формировании и изменении психического облика человека, в усвоении опыта других людей.

3. Подтверждающая функция — позволяет человеку осознать и утвердить свою личность, самоценность и значимость.

4. Функция организации межличностных отношений — включает восприятие других людей и установление с ними различных форм взаимодействия.

5. Функция внутреннего общения — связана с внутренним диалогом человека с самим собой.

Во многих случаях межличностные отношения тесно связаны с деятельностью, являясь условием её осуществления. При этом сама деятельность влияет на содержание, форму и динамику общения.

Эффект последовательности проявляется в том, что при противоречивой информации на восприятие личности сильнее всего влияет первая полученная информация. Если речь идёт о знакомом человеке — наоборот, последнее впечатление оказывает большее влияние.

Эффект стереотипизации заключается в том, что воспринимаемому человеку приписываются черты, характерные для социальной группы, к которой он принадлежит (например, «учитель», «военный», «преступник» и т.п.). Избавиться от подобных стереотипов бывает очень трудно.

Для студентов факультета военного образования важным компонентом, определяющим их профессиональное мастерство и успешное выполнение возложенных функций, является овладение навыками профессионального общения и способность устанавливать психологический контакт с гражданами при исполнении служебных обязанностей.

Установление психологического контакта — это целенаправленная, планируемая деятельность, направленная на создание условий, обеспечивающих развитие общения в нужном направлении и достижение поставленной цели. Процесс установления контакта включает несколько этапов:

- предварительное планирование общения;
- создание внешних условий, способствующих установлению контакта;
- проявление внешних коммуникативных качеств;
- установление договорённостей;
- поиск общих и нейтральных интересов;

- устранение коммуникативных барьеров;
- индивидуальное воздействие.

Предварительное планирование общения предполагает наличие заранее составленного плана действий для достижения желаемого уровня взаимопонимания. Для этого важно иметь предварительные сведения о человеке, с которым предстоит общение, включая его коммуникативные особенности — открытость, любознательность, общительность, вежливость и т.д. Также следует учитывать черты, затрудняющие контакт — раздражительность, агрессивность, подозрительность, обидчивость.

Создание благоприятных внешних условий предполагает соответствие ситуации социальной роли, которую выполняет человек в процессе общения. Ничто не должно отвлекать собеседника; обстановка должна способствовать доверительному разговору. Важно также учитывать дистанцию общения и личное пространство.

Профессиональное общение — это сложный процесс, требующий развития определённых способностей. Развитие этих способностей является залогом успешной деятельности сотрудника и повышает эффективность системы в целом.

В процессе коммуникации получение информации о людях и оценка их поведения осуществляется не только с помощью вербальной коммуникации (слов, речи), но и с помощью невербальных средств — мимики, зрительного контакта, дистанции, жестов, движений тела. Исследователи отмечают, что умение «читать» невербальные сигналы — одно из важнейших условий эффективного общения .

Таким образом, выше мы рассмотрели методологические аспекты психологического исследования личностных качеств. Основное внимание было уделено различным научным подходам и концепциям в области психологии. Далее мы перейдём к характеристике психологических методов, направленных на изучение предмета исследования.

Список использованной литературы.

1. Абу Наср Фараби. О добродетели, счастье и совершенстве. – Ташкент: Ёзувчи, 2002. – С. 62.
2. Абу Наср Фараби. Город благородных людей. – Ташкент: Издательство народного наследия имени А. Кадыри, 1993. – 224 с.
3. Абу Абдуллох Мухаммад ибн Исмоил аль-Бухари. «Аль-Джами’ ас-сахих». – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1997. – Том 4. – 526 с.
4. Алишер Навои. Махбуб ул-кулуб. – Ташкент, 1983. – 138 с.
5. Амир Темур и культура и искусство эпохи Тимуридов. – Ташкент: Ф. Фулом, 1996. – 88 с.
6. Азамходжаева Э.А. Возрастные особенности и динамика культуры общения: Дисс. … канд. психол. наук. – Ташкент, 2002. – 160 с.
7. Баротов Ш.Р. Социально-психологические и научно-практические основы создания психологической службы в Узбекистане: Автореф. дисс. … докт. психол. наук. – Ташкент, 1998. – 37 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНЕ ТЕМПЕРАМЕНТА УЧАЩИХСЯ ЗАНИМАЮЩИХСЯ ВОСТОЧНЫМИ ЕДИНОБОРСТВАМИ И БОКСОМ.

Абдурасулов Р.А.
(г. Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. *Предпринята попытка экспериментально выявить свойства особенности типов темперамента учащихся – спортсменов занимающихся восточными единоборствами и боксом. Определяется роль восточного единоборства и бокса в развитии свойств темперамента учащихся – спортсменов.*

Ключевые слова: *умственная и физическая деятельность, стремление к лидерству, мыслительной деятельности, темп в деятельности и речи.*

Annotation. *An attempt has been made to experimentally identify the characteristics and specific features of temperament types among student-athletes engaged in martial arts and boxing. The study determines the role of martial arts and boxing in the development of temperament traits in student-athletes.*

Keywords: *mental and physical activity, striving for leadership, mental processes, pace in activity and speech.*

Каждый человек воплощает в себя несколько специфических особенностей характера, противоположных друг другу. По этому, для познания личности, необходимо проанализировать сложнейшие противоположные механизмы строения структурных элементов характера.

Для анализа структурных элементов характера личности, мы использовали методику В.М.Русалова «тестирование темперамента». Данная методика используется при определении иллюстративно – деятельностной и коммуникативных аспектов темперамента, а также даёт возможность количественной оценки таких особенностей форм темперамента как активность, ригидность, темп, эмоциональность и т.д. соотношение этих особенностей определяет тип темперамента испытуемого.

Для проведения эксперемента, мы использовали переработанный вариант методики В.М.Русалова, осуществлённый Р.С.Немовым, где тесты состоят из 105 вопросов (см: Немов Р.С. Психология: В 3^{x} кн.-М.Владос 2003).

В таблице-1 приводятся результаты проведенного эксперимента среди учащихся-спортсменов, занимающихся восточными единоборствами и боксом.

Таблица.1

Результаты эксперимента учащихся-спортсменов по тесту темперамента В.М.Русалова.

Т/р	Свойства темперамента	Типы единоборства					Учащиеся, не занимающиеся спортом
		Национальная борьба	бокс	каратэ	таэквондо	дзюдо	
1.	Энергичность в деятельности	7,3/5,7	8,4/5,5	8,6/5,8	8,3/5,9	7,1/5,3	6,5

2.	Энергичность в общении с людьми	7,1/49	6,8/4,2	7,5/4,6	7,7/4,8	6,6/4,5	6,5
3.	Пластичность в деятельности	5,8/3,4	6,7/5,1	7,1/4,9	7,1/4,8	5,7/3,6	5,1
4.	Пластичность в общении с людьми	6,5/4,4	6,9/4,6	7,2/5,3	7,3/5,2	6,7/4,6	5,6
5.	Темп в работе	7,9/5,8	8,3/6,0	8,6/6,1	8,4/5,7	8,3/6,1	6,4
6.	Темп в общении с людьми	6,2/4,9	6,2/4,1	6,2/4,6	6,5/4,8	6,3/4,7	5,4
7.	Эмоциональность в деятельности	5,4/6,2	5,5/6,3	5,4/6,4	5,6/6,1	5,7/6,4	7,8
8.	Эмоциональность в общении с людьми	5,5/6,7	5,0/6,4	5,0/6,4	5,1/7,1	5,4/7,2	8,3

Примечание: В знаменателе фоновые показатели учащихся.

Энергичность в деятельности. Эта особенность определяет потребность личности к интенсивному взаимодействию с окружающим миром в трудовой деятельности, а также уровень стремления к умственной и физической деятельности.

Опираясь на результаты проведенного эксперимента можно утверждать, что энергичность в работе учащихся-спортсменов занимающихся восточным единоборствами и боксом выше среднего (см. таблицу 1). Исследование показывает, что систематическое занятие восточными единоборствами и боксом помогает повышению жизненной, учебной и спортивной деятельности учащихся-спортсменов. Вместе с тем, результаты исследования показывают, что учащиеся-спортсмены не всегда могут показать свою активность, это явление можно связывать с возрастными психологическими особенностями учащихся старших классов.

По результатам исследования выяснилось, что учащиеся-спортсмены более активны, инициативны и могут показать свои лидерские качества, нежели учащихся незанимающихся спортом (см. таблицу 1).

В процессе исследования было выявлено, что у учащихся незанимающихся спортом показатели средние (6,5 балла из 12,0 возможных). Это показывает, что они не могут полностью реализовать свои возможности, им что-то мешает, не инициативны, замкнуты, не хватает твёрдости духа и недостаточна обращенность внутрь себя. Это также объясняется возрастными психологическими особенностями учащихся.

Результаты исследования показывают, что показатели учащихся спортсменов занимающихся боксом, каратэ и таэквондо выше, чем занимающиеся национальной борьбой и дзюдо (8,4; 8,6; 8,3;). Эти показатели связаны с специфическими особенностями видов вышеназванных единоборств.

Энергичность в общении с людьми. Эта особенность определяет уровень стремления к лидерству.

Эксперименты, проведённые с учащимися-спортсменами систематически занимающимся восточными единоборствами и боксом показывают, что их активность в общении выше среднего (см. таблицу 1).

Результаты эксперимента свидетельствует о том, что занятие восточными единоборствами и боксом положительно влияет на стремление учащихся-спортсменов общению с людьми, овладению ими в процессе общения нравственно-этических норм, а ни, стремлению занимать ведущие место в общении и деятельности, расширению кругозора в процессе общения, изучению особенностей характера людей и на основе выше указанных факторов спортсмен также формирует свои положительные качеств характера.

Как видно из эксперимента, показатели учащихся занимающихся с каратэ и таэквондо (7,1; 7,5; 7,7) намного выше показателя у учащихся занимающихся боксом и дзюдо (6,8 и 6,6). По нашему мнению, такое явление связано специфическими особенностями этих видов спорта. Мгновенность и скорость движений характерных для каратэ и таэквондо помогает формированию у учащихся не только физических, но и психологических особенностей (качеств).

Эти особенности помогают развитии у учащихся следующих качеств: соблюдению социальных норм, поведения принятых в обществе; положительного отношения к окружающим при общении; доброжелательности, хорошего тона в общении; не демонстрации своего физического преимущества перед другими и т.п.

Нужно констатировать, что показатели спортсменов занимающихся восточными единоборствами и боксом выше, чем показатели учащихся не занимающихся спортом (см. таблицу 1). Но, показатели участвовавщих в эксперименте спортсменов и незанимающихся спортом учащихся выше среднего. На наш взгляд, эти показатели считаются нормальными, потому что это связано возрастными психологическими особенностями учащихся. Это видно по результатам исследования.

Пластичность в деятельности. Эта шкала означает легкость перехода личности из одной деятельности к другому, а также означает легкость изменения стиля общения, взаимоотношения с людьми. Как видно из таблицы, (таблицы-1), результаты исследования по этой особенности учащихся занимающихся боксом, каратэ и таэквондо (6,7; 7,1; 7,1) выше результата занимающихся национальной борьбой и дзюдо (5,8; и 5,7). Специфические особенности этих видов спорта положительно влияет на формирование свойств темперамента спортсменов, занимающихся этими видами спорта. Они легко переходят из одного вида деятельности в другой, учитывают настроение людей в общении с ними. Результаты эксперимента показали, что показатели у спортсменов, занимающихся национальной борьбой и дзюдо ниже среднего (5,8; и 5,7). Эти показатели тоже связаны со спецификой данных видов спорта и возрастными психологическими особенностями учащихся. По нашему мнению, как показывают наблюдения, учащихся занимающихся национальной борьбой и дзюдо больше придерживаются установкам тренера, не очень склонны к разнообразию деятельности, что и доказывают результаты нашего исследования.

Пластичность в общении с людьми. Данная особенность темперамента определяет (означает) уровень широты мыслительной деятельности, трудность или легкость переключения внимания из одного человека на другой в процессе общения и склонность личности к разнообразию мнений.

Основываясь на результаты исследования можно сказать, что результаты у учащихся, занимающихся единоборством выше среднего (см. таб. 1). Эти виды единоборств помогает учащимся в расширении их кругозора, легкости общения со сверстниками развитии общественного мнения и их разнообразию. Вместе с тем, нужно отметить, что результаты спортсменов занимающихся каратэ и таэквондо выше (7,2 и 7,3), чем у спортсменов занимающихся национальной борьбой и дзюдо.

Это особенность характерна для экстравертов, активных личностей стремящихся к лидерству. Не встречающие трудностей в общении с другими людьми, берущих верх в общении с другими личностями. Как видно из таблицы, (таблицы-1), что учащихся занимающихся видами единоборства совмещают в себе особенности экстраверта, чем учащихся незанимающихся спортом.

Темп в деятельности. Эта особенность, обозначающая скорость действующей силы личности в процессе выполнения ими деятельности.

Результаты данной шкалы темперамента намного выше у спортсменов, занимающихся восточными единоборствами и боксом, чем у учащихся не занимающихся спортом (см. табл.1). Это свидетельствует о том, что учащиеся, занимающиеся единоборством при выполнении какой-либо деятельности, быстро

находят общий язык, у них активность в деятельности и психический темп выше, чем у учащихся незанимающихся спортом. На наш взгляд, это качество является присущи всем спортсменам, систематически занимающихся восточными единоборствами. Так как, принятие быстрого и правильного решения, а также психологическая решимость в процессе тренировки и соревновании играют важную и положительную роль в формировании особенностей темперамента у учащихся занимающихся восточными единоборствами и боксом.

Темп в общении с людьми. Эта шкала определяет равномерность устной речи личности, темп речи , уровень точности изложения мыслей.

Результаты учащихся занимающихся восточными единоборствами и боксом по этой шкале является средним (см. табл.1). Эти результаты показывают, что процесс занятия восточными единоборствами помогает расширению мыслей, логическому мышлению, развитию темпа перехода мыслей у учащихся занимающихся этими видами спорта. Это означает, что занятие видами единоборства помогает не только развитию их физических качеств, но и формированию навыков свободного общения с окружающими, равномерного изложения своих мыслей. Нужно констатировать, что результаты всех учащихся занимающихся видами единоборства не очень различаются, но у учащихся незанимающихся спортом уровень результата составляет ниже среднего. Это доказывают важность занятия этими видами единоборств.

Эмоциональность в деятельности. Эта особенность темперамента определяет отношение личности к впечатлительности в процессе практической деятельности.

Основываясь на результаты проведенного эксперимента (см. табл.1) можно утверждать, что занятие видами единоборств помогает формировании у учащихся веры в свои способности, навыков управления собою в процессе критических ситуаций, не впадать в депрессию при не удачах, а также формированию умения правильно и разносторонне анализировать свою деятельность. Результаты учащихся не занимающихся спортом из 12 возможных 7,8 балла, у учащихся занимающихся спортом ниже среднего (5,4; 5,5; 5,4; 5,6; 5,7), Результаты показывают, что эмоции у учащихся не занимающихся спортом намного выше, это доказывает, что у учащихся не занимающихся спортом эмоциональность, впечатлительность выше в различных жизненных ситуациях, а также не доверие в свои силы и способности, впадение в депрессию.

Эмоциональность в общении с людьми. Данная шкала определяет уровень склонности личности к впечатлению в сфере коммуникации (в общении с людьми). Результаты нашего исследования показывают, что эмоциональность в общении у спортсменов занимающихся восточными единоборствами и боксом ниже среднего (см таблицу 1). Это показывает, что они могут управлять своими внутренними впечатлениями в процессе общения с другими людьми.

Что они не попадают под влияние и впечатления окружающих их людей, а также могут воздержаться в любых критических ситуациях, когда их не воспринимают другие люди, они не потеряют веру в свои силы и способности.

Философские и моральные устои единоборств (в особенности каратэ, таэквондо, дзюдо и национальная борьба) помогают формированию этих качеств. Вместе с тем, нельзя считать, что дети в данном возрасте полностью формируются как личность, это обусловлено их возрастной психологией.

Результаты эксперимента показали, что средний уровень учащихся не занимающихся спортом. Это говорит о том, что они более невоздержанны чем спортсмены, занимающихся восточными единоборствами и боксом, у них сильнее недоверие к своим способностям, поддаются к впечатлению. Несомненно, что формирование этих качеств связано возрастными психологическими особенностями учащихся, результаты исследования тоже могут доказать этого.

Результаты исследования доказывают, что занятия восточным единоборствами и боксом положительно влияют на формирование личности учащихся.

Таким образом, по результатам проведенных экспериментов по тесту темперамента учащихся спортсменов занимающихся восточными единоборствами и боксом можно прийти к следующим выводам:

1. Типы темперамента, изученные по методике В.М.Русалова влияют на реальные деятельности учащихся, это доказывают результаты наших исследований.

2. Систематическое занятие восточными единоборствами и боксом влияет положительному формированию в деятельности учащихся следующих качеств: активность в процессе своей деятельности; активность в процессе общения с окружающими; взаимопонимание; самоуправление (самовоздержание); свободное общение и т.д.

Вместе с тем, эти занятия помогают уменьшению таких качеств, как не воздержанность, попадать под впечатление, не вера в свои сиы, впадать в депрессию от неудач.

3. Занятия восточными единоборствами и боксом положительно влияют формированию учащихся равномерной речи, расширению их кругозора, принятию правильного решения в критических ситуациях.

4. Результаты нашего исследования показывают что все изученные особенности темперамента положительно влияют на формирование личности учащихся занимающихся видами единоборств, чем у учащихся не занимающихся спортом.

Литература.

1.Абдурасулов Р.А. Влияние занятий восточными единоборствами и боксом на формирование личности учащихся. Дисс. на соиск уч. степ. канд. психол. наук. Ташкент: 1997, 146 стр.

2.Арбузов В.В., Илларионов Г.Г., Фетискин Н.П. Психологические особенности проявления основных свойств нервной системы у боксёров. В. кн. Ильина Е.П. «Спортивная и возрастная психофизиология». Л., 1974.

3.Мерлин В.С. Экспериментальное исследование личности и темперамента. – Пермь.: 1971.

4.Немов Р.С. Психология в 3-х томах. М.: Гуманитар. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003.

5.Норакидзе В.Г. Экспериментальные данные исследования некоторых особенностей личности спортсмена,//В. кн. Рудике П.А. и др. «Психология и современный спорт». –М.: ФиС. 1973.

6.Гребень Н.Ф. Психологические тесты для профессионалов. – Минс.: Современник. 2007, 496 стр.

7.Дмитриев А.В., Худадов Н.А. О типологических различиях у боксёров высокой квалификации. // Бокс, Ежегодник.-М.: ФиС. 1974. стр-28-29

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ

Абдурахманова З.Э.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *Семья - это социокультурная единица, основанная на природно-биологических, экономических, правовых, духовных отношениях людей. это не просто люди, которые связаны родственными связями и живут вместе. Это целый мир со своими законами, это мостик между человеком и обществом, ведь именно в семье закладываются представления о любви, дружбе, морали, ценностях.. В статье рассматривается причины возникновения конфликтов в многонациональных семьях.*

Ключевые слова: *семья, конфиликт, межличностные отношения, этнопсихологическая идентичность семей, культура, интернациональность, супруги.*

Annotation. *The family is a sociocultural unit based on natural-biological, economic, legal, and spiritual relationships among people. It is not just a group of individuals connected by kinship and living together. It is an entire world with its own laws, a bridge between the individual and society, as it is within the family that notions of love, friendship, morality, and values are formed. The article examines the causes of conflicts in multinational families.*

Keywords: *family, conflict, interpersonal relations, ethnopsychological identity of families, culture, internationalism, spouses.*

Семья – это не просто люди, которые связаны родственными связями и живут вместе. Это целый мир со своими законами, это мостик между человеком и обществом, ведь именно в семье закладываются представления о любви, дружбе, морали, ценностях.

Семья - это необходимость обеспечения возникновения и протекания социальных и культурных отношений. Об этом академик Э.Юсупов пишет: “Семья - как небольшая община, сформированная на основе социальных, природных факторов, форма взаимоотношений между особями двух полов, обусловленная необходимостью совместной жизни и продолжения рода” [2]. Следовательно, семья - это часть общества. Семьи, в свою очередь, объединяются, образуя целостную социальную систему - общество. Подобно тому, как изменения в обществе влияют на семью, изменения в семье также влияют на общество. Именно характер отношений, следование ценностям и традициям выражается в образце поведения. Согласно исследованиям А. К. Мунавварова, как каждая нация имеет свою культуру, национальную психику, так и узбекский народ отличается от других народов своими особенностями, характером, чувствами, самосознанием, мелодией и духовным образом [2].

Э.Г.Газиев изучая этнопсихологию и воспитание детей узбекского народа, останавливается на его исторических традициях, обычаях, обрядах, образах, нормах нравственности, образе жизни, духовных ценностях, межличностных отношениях, ритуалах общения и других особенностях, которые в определенной степени отличаются от таковых у разных народов [6]. В то же время правильное национальное отношение к родителям и родственникам, родственные связи отражают и национальный дух, и взаимное сердечное отношение членов семьи, особенно при

регулярном приветствии окружающих, являются поучительным и своеобразным проявлением наших национальных традиций.

Стоит отметить, что все, что выражает имидж, политику общества, будет отличаться на территории, на которой проживает нация. Этнопсихологическая идентичность семей отличается друг от друга. Это различие не может не сказаться на прочности семьи, ее духовном и материальном становлении. Человек с юных лет является носителем традиций и обычаев, социальных и нравственных ценностей нации, к которой он принадлежит. Но когда семья многонациональна, процесс формирования, усвоения и сохранения навыков, традиций и т. д. не совсем ясен.

Каждая нация находит свое выражение в своей самобытности, национальной культуре, национальной литературе, национальном языке и в специфических аспектах духовного образа жизни этой нации, в ее национальной психике в целом. Каждый народ отличается наличием своего духовного образа, национальных особенностей, национального характера, национального чувства, темперамента, поведения, настроения, нравов, вкусов, обычаев.

Мы знаем, что основы личных отношений с представителями других этнических общностей (религиозных конфессий) закладываются именно в семье, и многое в жизни людей зависит от того, как эти отношения складываются. История знает много таких примеров: этнические общины находились на трудных этапах своего развития или имели гораздо более древнее происхождение и очень четко использовали межэтнические браки для пополнения или укрепления своего генетического потенциала, чтобы выжить, “влить новую кровь”, набраться сил для дальнейшего развития. Итак, представленная нами проблема не так проста. Помимо прочего, этнические корни не только влияют, но и проявляются, а зачастую и становятся источником человеческих трагедий.

Межличностные отношения в семьях, где вместе проживают люди разных этнических общностей, конечно, имеют свои особенности. Конфликтные проблемы могут возникнуть в процессе межличностных отношений в семье. Чтобы выделить возможную проблему и попытаться решить ее хотя бы теоретически, необходимо учитывать следующее:

- влияние национальных психологических особенностей на характер межличностных отношений между супругами, детьми и другими членами семьи при сосуществовании, взаимодействии и общении, на выработку общих решений, специфику воспитательных воздействий;

- наличие и функционирование национальных отличий в семьях, где родители-представители разных национальностей, в специфических духовно-нравственных, возможно, религиозных ценностях, формах поведения и деятельности, традициях с восприятием и пониманием специфического мира и способов формирования национальной идентичности личности;

- факторы и причины конфликта между членами семьи разных национальностей [4].

Известно, что семейная жизнь является одним из важнейших аспектов жизни. По этой же причине отношение к законам и правилам общества выражается и в различных межличностных взаимодействиях, общении, обмене идеями и дискуссиях в семье. Следовательно, правильное воспитание молодежи зависит от того, насколько крепка ее семья, от формирования у ее членов благородных черт характера, высоких духовных чувств.

И готовность вступить в брак, и желание создать семью - все это свидетельствует о понимании людьми важности семейных отношений, обязательств друг перед другом, ответственности за будущее семьи и детей, добровольном принятии неизбежных проблем и ограничении личной свободы. Эти особенности имеют свое национальное выражение и зависят от ценностей каждой нации. Каждая этническая группа

вырабатывает свои представления о том, какими должны быть эти характеристики, и стремится сохранить их в национальном сознании, традициях, действиях и отношениях своего народа.

Каждая этническая группа имеет свои законы и принципы, например:

- первоначальное знакомство с семейной жизнью, ее психологией (с рождения) и формирование общих представлений о ней, особенно если вступающие в брак представители разных этнических групп;
- формирование взглядов на свою семью как на многонациональную;
- реализация собственных представлений о многонациональной семье в браке;
- накопление опыта семейной жизни в многонациональной среде;
- дальнейшее совершенствование семейных отношений в процессе укрепления брачных связей.

Естественно, если супруги являются представителями разных наций, зачастую не все гладко – возникает множество сложностей, связанных с особенностями национального достоинства каждого. Это сложный период брака (с точки зрения стабильности), могут возникать всевозможные ссоры и недопонимания. Однако не следует забывать, что между молодыми людьми, создавшими семьи с представителями разных народов, существует любовь [5].

После рождения ребенка в отношениях между супругами происходит смена ролей, возникновение родительской ответственности, перераспределение материальных ресурсов и бюджета времени. Единство интересов, а также полное взаимопонимание между супругами могут еще не сложиться. Однако, есть основания для преодоления ссор национального самосознания, общего, интернационального отношения супругов к себе и окружающим, правильной оценки этнических “недостатков” и недопонимания в случае их возникновения, общих взглядов на воспитание ребенка, создаются предпосылки для его дальнейшей культурной адаптации в окружающем полиэтническом мире.

Молодые люди разных национальностей, любя друг друга и желая пожениться, не задумываются всерьез о будущих трудностях совместной жизни (в том числе межнациональной), которые их ждут. Если молодые люди до свадьбы жили по соседству в местах проживания представителей разных национальностей, проблемы, безусловно, будут устранены быстрее. Перераспределение социальных ролей, утрата источника разногласий, определение лидера в каждой функции семьи (если она ранее не была установлена в соответствии с национальными традициями) - крайне важный момент в жизни многонациональной семьи. Этот период также тяжелый из-за проблем с воспитанием детей. Для представителей одних этнических общностей это усугубляется отсутствием связи между отцами и детьми, а для других, наоборот, облегчается национальными традициями активного участия главы семьи в формировании внутреннего мира своих детей, их воспитании. Если супруги являются представителями разных этнических общностей, совместное участие в воспитании детей только поможет укрепить их отношения и сгладить различия в этнических традициях.

В целом, наука показывает, что психологические предпосылки стабилизации семейных отношений зачастую, учитывая психологические особенности представителей разных национальностей, пропагандируют и объясняют необходимость понимания и соблюдения национальных традиций каждого из супругов, а также борьбу с попытками унижения их достоинства и национальной идентичности, нередко осуществляются на государственном и семейном уровне.

Национальная специфика семейных отношений обуславливает трудности, связанные с тем, что эти отношения существенно отличаются от отношений в семьях, где супруги являются представителями одной национальности.

Кроме того, существует определенный недостаток информации о том, что происходит в семейных отношениях между представителями тех или иных этнических общностей, о недостатках, разногласиях. Часто люди здесь более скрытны (из-за строгости или даже необычного характера национальных традиций). Человеческие отношения всегда предполагают взаимодействие, конфликт характеров, интересов, потребностей, стремление навязать свои взгляды, суждения, оценки другому. Похожая ситуация распространена и в семейных отношениях. Брак заключается для взаимного удовлетворения различных потребностей, и лишь частичное или полное удовлетворение некоторых из них может привести к ссорам, хроническим конфликтам, которые разрушат семью.

По происхождению семейные конфликты могут быть:

- сильнее или слабее – в зависимости от традиций и обычаев, в которых воспитывались супруги, принадлежащие к представителям разных этнических общностей;

- специфичные в формах проявления и течения, так как специфические взаимодействия, соответствующие той или иной этнической среде, накладывают на них свой отпечаток;

- легче или сложнее регулировать, потому что каждая нация производит и накапливает опыт решения таких проблем;

- особенно, когда речь идет о семьях, в которых пары разных национальностей объединены очень специфическими семейными традициями.

В современной психологии для классификации брачных конфликтов используются различные основания: неудовлетворенные потребности супругов, нежелательность разделения труда и т.д. В супружеских отношениях по национальным признакам возможны конфликты, которые иногда классифицируются в зависимости от потребностей супругов:

- неудовлетворенная потребность в самооценке, конфликты, возникающие на почве отношения ущемления достоинства, пренебрежения, неуважения со стороны партнера (эти конфликты особенно сильны в семьях, где супруги разных национальностей, различия в психологии и традициях значительны, а иногда и несовместимы);

- конфликты, ссоры, психологическая напряженность, вызванные неудовлетворенными сексуальными потребностями одного или обоих супругов (существует большая национальная идентичность сексуальных отношений, которая не всегда может удовлетворить супругов разных национальностей);

- психологическая неудовлетворенность, депрессия, ссоры из-за неудовлетворенности потребностью одного или обоих супругов в положительных эмоциях: от недостатка ласки, заботы, внимания, понимания, т. к. представители очевидны и часты - невнимательность мужа к жене или, неуважение жены к мужу и невнимание к мужу;

- конфликты, ссоры, азартные игры, основанные на алкогольной зависимости одного из супругов, что приводит к неэффективному расходованию семейных средств;

- финансовые разногласия, основанные на противоречивых потребностях супругов в распределении семейного бюджета, вкладе каждого в финансовое обеспечение совместной жизни;

- разногласия, ссоры на почве неудовлетворения потребностей супругов в материальных интересах: в еде, одежде, обустройстве дома;

- конфликты, основанные на необходимости сотрудничества во взаимопомощи, взаимной поддержке, разделении труда в семье, ведении домашнего хозяйства, уходе за детьми;

- конфликты, разногласия, ссоры, возникающие из-за различий в потребностях и интересах отдыха и досуга.

Ряд этнических групп не допускают расторжения браков из-за неудовлетворенных потребностей обеих сторон, а споры либо незначительны, либо регулируются национальными нормами.

Есть также этнические сообщества, где межнациональный брак просто невозможен, а если он все же состоится, то между молодыми людьми и их родственниками могут возникнуть серьезные конфликты на почве межнациональных различий.

Все межнациональные семейные пары по степени влияния на конфликтные отношения можно разделить на следующие типы:

- благополучная семья - это пара, которая с детства привыкла к характеру межэтнических браков и межэтнических отношений, поэтому легко приспосабливается к сосуществованию и конкретным этническим потребностям и традициям друг друга;

- конфликтная семья - это семья, в которой существуют постоянные сферы, в которых потребности, интересы, специфические национальные психологические особенности супругов, детей и других членов семьи приводят к конфликтам, вызывают сильные и длительные негативные эмоциональные состояния. Брачный союз может поддерживаться в долгосрочной перспективе благодаря другим факторам, которые поддерживают его, а также за счет взаимных предпочтений и компромиссных решений;

- кризисная семья - это такой брачный союз, в котором противостояние интересов и потребностей особенно остро, охватывая важные сферы жизни всех членов семьи. В таких семьях супруги занимают непримиримые позиции по отношению друг к другу, не соглашаясь ни на какие уступки и компромиссы. Такие семьи сразу распадаются или какое-то время находятся на грани распада. Это может быть связано с традициями супругов разных национальностей, которые не адаптированы друг к другу;

- невротическая семья - определяется длительными ссорами между супругами. Часто причиной этих ссор является непрекращающееся противостояние родственников супругов, особенно когда они изначально не были сторонниками этого брака или были представителями разных этнических общностей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, проникнув в области науки, связанные с этнопсихологией, психологическая помощь представителям различных этнических общностей в семейных отношениях надолго останется серьезной задачей психологов. Повышение социально-психологической компетентности людей в создании и укреплении межнациональных брачных союзов, психокоррекция отношений между супругами разных национальностей – все это действительно очень важно.

Использованная литература.

1. Абдурахманова З.Э. Психология семейных отношений. Учебное пособие. Ташкент. “Университет”. 2023 год.

2. Абдурахманова З.Э. *Социально-психологические аспекты формирования этнической идентичности в гетероэтнической семье. Материалы международной научно-практической конференции о роли национальных и общечеловеческих ценностей в развитии института семьи. (16 мая 2023 г.)*

3. Муравваров А.К. Семейная педогогика. Т. Учитель. 1994. 112 б.

4. Мандель B.R. Этнопсихология: иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений. - М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. — 412 с.

5. Газиев Э.Г. Социальная психология. Ташкент. “Издатель". 2012 . 174 С.

6. Газиев Э.Г. Этнопсихология и воспитание детей узбекского народа/этнопсихологические проблемы узбекской семьи: Материалы республиканской научно-практической конференции. Т. 1993 . С. 57-58.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Елмуратова А.У.,
Ешмуратова А.Б.
(г.Нукус, Каракалпакстан)

Аннотация. *В данной статье раскрывается теоретический анализ социально-психологической компетентности воспитателей дошкольного образования и факторов, влияющих на ее формирование.*

Опорные слова: *Социально - психологический компонентност, коммуникабельности, общения, факторов компетентности, адекватной чувствительности к поведению, профессиональная деятельность.*

Annotation. *This article reveals a theoretical analysis of the socio-psychological competence of preschool teachers and the factors influencing its formation.*

Key words: *Socio-psychological component, sociability, communication, competence factors, adequate sensitivity to behavior, professional activity.*

Процесс глобализационных процессов в мире свидетельствует о дальнейшем возрастании потребности в педагогах обеспечивающих воспитания человека в соответствии с принципами специфического социального развития и оказании на него социально-психологического воздействия. Поэтому вопрос о социально-психологической компетентности уже давно лежит в основе шедевров, созданных мыслителями Востока. В частности, проблема подробно трактована в произведениях Абу Насра Фараби, Абу Райхона Бируни, Абу Али ибн Сины, Юсуф Хос Ходжиба, Ахмада Дониша, Абдуллы Авлони. В трудах великого ученого-энциклопедиста Абу Насра Фараби, приводятся множество мнений трактующих образование - совокупностью слов и навыков, воспитание как источник развития практических умений в процессе обучения и компетентность описана в качестве успешного проявления этих навыков Идеи Абу Али ибн Сины, основанные на “идеальной модели воспитания человека”, также играют важную роль в деятельности современных педагогов.

Отдельные аспекты проблемы социально-психологической компетентности изучены такими известными психологами, такими как Г.М. Андреева, Е.А. Абульханова-Славская, А.А. Южeнинова, Д.Майерс, В.А. Лабунская, Е.С.Михайлова, В.П. Бедерханова, А.А. Бодалев, С.Л. Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, А.В. Петровский, В.А. Крутецкий. Также отдельно исследовалась проблема компетентности воспитателей системы дошкольного образования с точки зрения совместимости деятельности и личности (Б.Г.Ананьев, А.А. Бодалев, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, А. Г. Асмолов, Г. Олпорт). Проблема компетентности в целом и ее социально-психологические принципы также изучаются учеными нашей республики. При этом особое внимание уделяется вопросам межличностного отношения, способности к педагогическому общению, взаимопониманию и восприятию друг друга, педагогическому сотрудничеству и управлению деятельностью. На основании проведенного теоретического анализа можно сказать, что способность индивида вступать в адекватные отношения с теми или иными людьми, или же его специфическая социально-психологическая компетентность характеризуется проявлением качеств высокой коммуникабельности, способности анализировать ситуации общения, адекватной чувствительности к поведению, поступкам, переживаниям собеседника и определенной степени приспособляемости к различным ситуациям. Это имеет важное

значение при исследовании особенностей личности у воспитателей дошкольных образовательных учреждениях. Усиливающаяся тенденция социальной интеграции, глобализации и информатизации в глобальном масштабе диктует необходимость более серьезного внимания педагогов всех типов образовательных учреждений к вопросам социальнопсихологической компетентности с учетом современных требований. В этой связи на основе выявления, исследования факторов определяющих непосредственного влияния эффективности действия психологических механизмов обеспечивающих психологической гармонии между личностных свойств и социально-психологической компетентностью у каждого воспитателя вопрос разработки и непосредственного применения программы развития социально-психологической компетентности у воспитателей дошкольных образовательных учреждений остается одним из актуальных проблем для образовательных реформ сегодняшнего дня. В научных исследованиях зарубежных ученых посвященных решению этой проблемы таких как Д.Гоулман, Д.Г. Майерс, К.Р. Роджерс, Ж.Ф. Пиаже, Д.Векслер, Г.Ю. Айзенк, Л.Ф. Бахман, А.Д. Палмер, Ян Ван Эк, Г.У. Олпорт, А.А. Реан, В.А. Кан-Калик, Э.Ф.Зеер даны определенные комментарии к социально-психологической компетентности12. Профессиональная компетентность и ее влияние на эффективность профессиональной деятельности изучени российскими учеными Н.В. Самоукиным, В.А. Сластениным, З.А. Решетовой. Известный психолог А.К. Маркова изучала педагогическую профессиональную компетентность в связи с индивидуальными особенностями личности и исходя из значимости этого процесса в перспективах формирования профессиональной компетентности. Из вышеизложенного видно, что проблема социально-психологической компетентности изучен в различных объектах социальной психологии, исходя из различных научных целей, в которых раскрывается общая природа феномена компетентности, его применение в науке и его конкретные практические-прикладные направления. Тем не менее, с точки зрения общественно-психологического исследования факторов, которые непосредственно влияют на формирование профессиональной компетентности у воспитателей организации дошкольного образования, можно признать, что научных исследований по данной проблеме недостаточно. В частности, компетентность не изучен отдельно как важный социально-психологический фактор, обеспечивающий эффективность профессиональной деятельности воспитателей организации дошкольного образования; факторы, непосредственно обеспечивающие профессиональную компетентность воспитателей работающих в системе дошкольного образования и масштаб этих объяснительных показателей не изучены с точки зрения средне-общего и сравнительно-типичного в соответствии требованиям сегоднщнего дня. Все это обуславливает необходимость проведения теоретического и эмпирического анализа по изучению факторов социальнопсихологической компетентности воспитателей дошкольных образовательных организаций.

По результатам научного исследования представлены следующие выводы:

1. В результате применения программы развития определенного уровня социально-психологической компетентности у воспитателей дошкольных образовательных учреждений, наблюдалось определенное повышение показателей социально-психологической компетентности. В процессе профессиональной деятельности воспитатели дошкольных учреждений добились положительных результатов в обогащении знаний об управлении человеческим поведением, ролевых нормах и правилах, а также во взаимодействии участников для правильного выбора невербальных реакций. Это показало, что у воспитателей, развили способность понимать вербальные и невербальные коммуникативные способности, связанные с межличностными отношениями, и влиять на участников межличностных отношений.

2. Факторы социально-психологической компетентности у воспитателей дошкольных образовательных учреждений могут быть оценены на основе

социального опыта на определенном этапе профессиональной деятельности, работы с людьми, знаний, социальных навыков и умений, которые служат для обеспечения межличностных отношений.

3. Теоретический и эмпирический анализ, полученный в данном исследовании, важен для внедрения новых теоретических и научных интерпретаций концепции социально-психологической компетентности современной социальной психологии, связанных с открытием перспективных научных проектов.

Литература.

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект пресс 2000. – 139 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М., 1996.
3. Базылевич Т.Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 124 с.
4. Баратов Ш.Р. Социально-психологические основы создания психологической службы в Ўзбекистане: Автореф. дис. … докт. психол. наук. – Ташкент. 1998. – 37 с.
5. Батаршев А.В. Психодиагностика способности к общению или как определить организаторские и коммуникативные качества личности. – М.: Гуман. Изд. Центр «Владос», 1999. – 176 с.
6. Ганжиев Ф.Ф. **Основы социально-психологической адаптации детей в словиях дошкольного образовательного учреждения.** Вестник интегративной психологии.Ярославль. Выпуск.18. 2019.59- 64 с.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Акрамов М.Р.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье освещается вопрос формирования гуманного отношения к окружающей среде, в том числе к животному и растительному миру, бережного отношения к окружающей среде. Также указаны перспективные направления, определяющие психологические механизмы формирования экологического сознания.*

Ключевые слова: *экологическое сознание, личность, окружающая среда, психологические механизмы, экологическое воспитание, экологическое образование, природа, концепция*

Annotation: *This article highlights the issue of developing a humane attitude toward the environment, including the animal and plant world, as well as fostering a careful and responsible approach to nature. It also outlines promising directions that define the psychological mechanisms involved in the formation of environmental consciousness.*

Keywords: *environmental consciousness, personality, environment, psychological mechanisms, environmental education, ecological upbringing, nature, concept.*

Сегодня важность формирования гуманного отношения к окружающей среде, в том числе к разнообразию животного и растительного мира, не вызывает

сомнений и является приоритетным направлением образования во многих странах. В связи с этим эта деятельность, направленная на бережное отношение к окружающей среде и формирование экологического сознания населения, обеспечивает безопасность будущего всего человечества.

Все изменения, происходящие в нашей стране, в ближайшем будущем направлен на обеспечение политической и экономической стабильности нашего государства и поднятие духовности личности на высокий уровень. Однако следует особо отметить, что усиление экономической направленности порождает негативные проявления отношения к окружающему миру. То есть наблюдается рост потребительских настроений в обществе. В этот период внимание общественности переключилось на вопрос об отношении человека к окружающей его природной среде.

В последние годы на основе общенационального проекта "Яшил макон" в качестве приоритетных направлений реформ, направленных на дальнейшее повышение уровня жизни и благосостояния нашего народа, обеспечение прав и интересов человека, а также формирование активного гражданского общества, создана необходимая нормативно-правовая база: "Экологическое воспитание, пропаганда и просветительская работа, а также экологическая и окружающая средаорганизация переподготовки и повышения квалификации специалистов в области охраны окружающей среды"[2], создана прочная основа для поиска новых теоретических решений, направленных на углубление научных исследований по выявлению и совершенствованию психологических механизмов формирования экологического сознания у личности.

Данная проблема в качестве одной из основных задач определена в пункте 35 раздела 7 главы Концепции государственной политики в области обеспечения свободы совести граждан и религии в Республике Узбекистан, приоритетных направлений и механизмов развития светского государства "формирование гуманного отношения к окружающей среде, в том числе к разнообразию животного и растительного мира"[1].

Психологические механизмы формирования экологического сознания у личности, наряду с результатами психологических исследований у лиц на разных этапах онтогенеза, показывают необходимость формирования экологического сознания в местной среде и адаптации соответствующих психодиагностических методик и внедрения их в практику. Также одной из важных задач является разработка концепции формирования психологических механизмов формирования экологического сознания у личности.

Первый этап. Общие черты, определяющие психологические механизмы формирования экологического сознания у личности. Формирование экологического сознания личности проявляется в системе ценностей, во всех видах и результатах человеческой деятельности, связанных с познанием и изменением природы. Отражая уровень и характер исторического формирования психологических отношений в системе "природа и человек," она имеет чрезвычайно важное значение в определении этапов движения человечества к ноосфере. В связи с этим психологические механизмы формирования экологического сознания определяют важные критерии проведения исследовательских работ, связанных с экологическим сознанием в практической деятельности отечественной психологии, применения в будущем прикладных и фундаментальных исследований по данной теме. Общие черты, определяющие психологические механизмы формирования экологического сознания личности, включают:

- рациональная организация развития производства, техники, технологий, организующих практическую деятельность человечества по изменению и освоению природы на основе комплекса экологических теоретических знаний;
- развитие экологического сознания, мышления и мировоззрения у людей с

помощью социальных институтов экологического образования и воспитания на основе исторического экологического опыта;

- согласование человеком силы природы не силой, а без нарушения равновесия;
- экологическое сознание - воплощение знаний и убеждений в области взаимодействия человека с природой;
- охрана природы, рациональное использование природных ресурсов и воспитание у каждого человека чувства ответственности за состояние окружающей среды;
- ценить себя как часть природы;
- идентификация человека с природой.

Вышеупомянутые парадигмы указывают на необходимость поддержания баланса между человечеством и природой, что человек является важнейшим членом природы и что необходимо действовать как единое целое.

Второй этап. Состояние и проблемы методики и тестов по формированию экологического сознания в местной среде. Выбор и внедрение тестов и опросников, прошедших многочисленные психодиагностические эксперименты, проведенные в мировой психологии, в частности в США, Европе и России, для практического освещения научно-исследовательской работы ставит перед исследователями сложные инепростые задачи. Развитие психологической системы получения объективной и достоверной информации о формировании экологического сознания, осуществляемого в рамках нашей выбранной исследовательской работы и укрепили нашу исследовательскую работу, определяющую задачу формирования методик психодиагностики личности, соответствующих местным условиям, а также практической эмпирической основы.

Обеспечены следующие задачи по состоянию и проблемам методики и тестов по формированию экологического сознания в местной среде:

- учитывалось, что методики, предназначенные для изучения особенностей экологического сознания, валидны и надежны для различных культурных сред, и применялся вариант, соответствующий нашей местной среде;
- соблюдены такие психометрические требования, как валидность и достоверность выбранных методик, служащих для измерения экологического сознания, для проведения психологических исследований;
- результаты, полученные в ходе исследования, послужили раскрытию общей адекватной картины особенностей формирования экологического сознания;
- уточнены критерии оценки деятельности специалистов по особенностям применения методик, направленных на выявление формирования экологического сознания;
- результаты, полученные на основе исследования научно-фундаментальных основ методик определения психологических механизмов формирования экологического сознания, были оценены недостаточностью методик и опросов, проводимых по данной теме в отечественной психологии;
- достоверность выбранных методик должна рассматриваться как совокупность данных, характеризующих правильное применение с точки зрения отражения в них изучаемых психологических особенностей.

Третий этап. Перспективные цели, определяющие психологические механизмы формирования экологического сознания. Важной особенностью современного состояния проблемы является возможность теоретически и практически связать формирование экологического сознания с развитием личности. В формировании экологического сознания центральное место должно занимать объяснение несравненной роли человека в природе, его отношения с природными процессами, его связи и взаимосвязи. Перспективными целями методик исследования психологических механизмов формирования экологического сознания у личности являются:

- широкое использование опыта мировой психологии в обогащении психологических механизмов и научно-практического обеспечения формирования экологического сознания у личности;
- обоснование важных психологических условий в охране природы и животного мира и понимании их объективной необходимости;
- адаптация к местной среде и внедрение в практику образовательного процесса тестов, опросников по научно-практической проверке исследовательских работ, связанных с экологическим сознанием в рамках данной темы для молодежи, обучающейся в образовательных учреждениях республики;
- формирование у молодежи необходимого экологического, правового, нравственного и эстетического сознания, связанного с природой, наряду с закреплением теоретических знаний;
- целенаправленная практическая деятельность молодежи по охране природы, то есть обеспечение необходимыми условиями психологических механизмов формирования экологического сознания.

Четвертый этап. Основные элементы концепции формирования экологического сознания. Концепция формирования экологического сознания служит раскрытию новой парадигмы психологии, экологии и управления обществом с точки зрения целей, критериев, приоритетов и мотивационных аспектов социально-психологических процессов. В свою очередь, целью концепции формирования экологического сознания является оценка воздействия деятельности человека на природную среду.

Основными элементами концепции формирования экологического сознания являются:

- возможность, необходимость и условия формирования экологического сознания;
- субъективные и объективные аспекты личности в формировании экологического сознания;

цель формирования экологического сознания;

- задачи формирования экологического сознания;
- принципы формирования экологического сознания;
- методология формирования экологического сознания;
- организация механизма формирования экологического сознания;
- критерии и технологии в концепции формирования экологического сознания;
- разработка стратегии и эффективности механизмов формирования экологического сознания.

Пятый этап. Роль зарубежного опыта в разработке концепции формирования экологического сознания. Для обеспечения эффективности исследовательских работ по психологическим механизмам формирования экологического сознания в психологии нашей страны считается необходимым использовать исследования по данной теме в передовых зарубежных странах. Ниже приведены работы, связанные с экологическим сознанием в деятельности ряда научно-исследовательских институтов и центров. В частности, в Американской ассоциации психологов (APA), Китайской академии научных исследований (China), Канадской ассоциации психологов (CPA), Массачусетском технологическом институте (Massachusetts Institute of Technology), Ассоциации чешского образовательного центра (Educational center association Czech Republic), Пекинском международном проекте геномов человека (Human Genome Project Beijing), Техасском университете (USA), Государственном студенческом колледже Тюрингии (Staatliches thüringer studienkolleg), Университете Альберты (The university of Alberta), Имперском колледже Лондона (Imperial college London) проведен ряд работ, обеспечивающих применение и совершенствование методик, предназначенных для практического исследования экологического сознания, что оказывает свое влияние на дальнейшее развитие перспективных сторон исследуемой нами работы.

Шестой этап. Программа коррекции формирования экологического сознания.

Оценка эффективности психокоррекционной помощи становится всё более актуальной. Это связано с эффективностью психолога и качеством коррекционной работы.

В психокоррекционной практике эффективность работы определяется не только выбором конкретных методов, но и их адекватностью индивидуальным особенностям клиента. При этом заранее выбрать единственно правильный метод бывает затруднительно, поскольку каждый психолог использует различные подходы в зависимости от конкретной ситуации. Оценка эффективности психокоррекционной деятельности проводится по изменениям внутреннего состояния человека, его эмоциональных переживаний, отношения к себе и окружающим. После психологического воздействия важно зафиксировать, насколько клиент изменился в положительную сторону, стал ли более уравновешенным, осознанным и социально адаптированным.

Для объективного определения эффективности коррекционного воздействия применяются психофизиологические методы, позволяющие оценить изменения в вегетативно-соматических, физиологических и психических функциях. Следует учитывать, что негативные проявления у каждого человека носят индивидуальный характер, поэтому и методы психокоррекции должны подбираться с учетом личностной специфики. Эффективность определяется тем, насколько выбранные методы воздействуют именно на те внутренние противоречия и деструктивные установки, которые требуют проработки.

Целью данной программы является коррекция психологических механизмов формирования экологического сознания личности через изменение самосознания и нравственных установок. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач: объяснить моральные нормы и показать последствия их нарушения, продемонстрировать взаимосвязь нравственных взглядов с экологическим сознанием, скорректировать отношение личности к природе, доказав, что осознанность способствует снижению внутренних противоречий, развить навыки саморегуляции поведения в конфликтных ситуациях, научить правильному выражению эмоций и контролю агрессивных реакций, помочь человеку понимать чувства и интересы других людей, а также сформировать умения конструктивного разрешения межличностных конфликтов.

Реализация этих задач позволяет достичь ряда позитивных результатов. Прежде всего, это снижение деструктивного отношения к природе и формирование бережного отношения к окружающей среде. У личности развивается самосознание, самооценка становится более адекватной, укрепляется способность к нормальному поведению в проблемных ситуациях. Человек учится соотносить собственные эмоции с состоянием других, лучше контролировать внутреннее напряжение и соблюдать социальные нормы поведения.

Работа психокоррекционной группы строится на основе ряда принципов: ответственности, близости, поддержки, конфиденциальности, ориентации на настоящее («здесь и сейчас») и обязательного участия от начала до конца программы. Эти принципы создают атмосферу доверия, открытости и личностной вовлеченности каждого участника.

Психокоррекционный процесс основывается на четырех ключевых стратегиях: изменении самой ситуации, изменении себя для изменения ситуации, осознанном выходе из неблагоприятных обстоятельств и переориентации внимания на новые, позитивные стороны жизни. В процессе работы используются различные формы — ролевые игры, дискуссии, мини-лекции, элементы психотерапии и тренингов личностного роста. Они способствуют осознанию личных проблем, развитию эмпатии, формированию ответственного отношения к окружающему миру.

В целом реализация данной программы направлена на выявление и развитие психологических механизмов формирования экологического сознания, укрепление нравственных ориентиров личности и совершенствование саморегуляции. Это способствует не только личностному росту участников, но и повышает научно-практическую значимость проводимых исследований, ориентированных на развитие экологического мышления и духовно-нравственной зрелости человека в условиях современного общества.

Список использованной литературы.

1. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 21 апрелдаги ПФ-5024-сон «Экология ва атроф-муҳитни муҳофаза қилиш соҳасида давлат бошқаруви тизимини такомиллаштириш тўғрисида» https://lex.uz/docs/3174498

2. Ўзбекистон Республикасида фуқароларнинг виждон эркинлигини таъминлаш ва диний соҳадаги давлат сиёсати концепциясини тасдиқлаш тўғрисида. Тошкент ш., 2025 йил 25 февраль, ЎРҚ-1037-сон

3. Акрамов М.Р. Экологик онг ривожланишини ўрганишнинг илмий-методик асослари// Монография Ўзбекистон халқаро ислом академияси Кенгашининг 2022 йил 30-апрелдаги 9-сонли баённомаси ISBN: 978-9943-5636-5-0 “Илм зиё заковат” 2022

4. Акрамов М.Р. Умумий ўрта таълим мактабларида экологик онг шаклланишининг психологик механизмлар// Мактаб ва ҳаёт. Илмий-методик журнал № 1 (165/2022) Б. 30-31. (19.00.00; №1)

5. Акрамов М.Р. Экологик онг шаклланишини ўрганишнинг психологик масалалари// Педагогик маҳорат (илмий-назарий методик журнал) - Бухоро, 2021. – № 5. - Б. 171-174 (19.00.00; № 5)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЁЖИ К СЕМЬЕ

Акрамова Ф.А.

(г.Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *Формирование семейно–брачных отношений, благополучие и долголетие совместного брака зависит от степени понимания обоими супругами основных принципов и постулатов, на которых строятся отношения в семье. В связи с этим в статье раскрыты социально-психологические вопросы подготовки молодёжи к семье. Анализированы результаты экспресс-опроса, проведенного среди молодёжи.*

Ключевые слова: *прочность семьи, семейные отношения, семейные ценности, подготовка к семье, психологические факторы, возраст вступления в брак, мотивы создания семьи.*

Abstract. *The development of family and marital relationships, as well as the well-being and longevity of a marriage, depend on the degree to which both spouses understand the fundamental principles and tenets that underlie family relationships. In this regard, this article explores the socio-psychological aspects of preparing young people for family. The results of a rapid survey conducted among young people are analyzed.*

Keywords: *family strength, family relationships, family values, preparation for family, psychological factors, age at marriage, motives for starting a family.*

Как известно, благополучие и долголетие совместного брака зависит от степени понимания обоими супругами основных принципов и постулатов, на которых строятся отношения. Взаимоуважение, добросовестное выполнение своих обязательств по содержанию и воспитанию детей, по развитию и укреплению семейных уз, по охране здоровья членов семьи и другие сопутствующие вопросы являются неотъемлемой частью гармонично развитой семьи.

Важнейшим аспектом подготовки молодёжи к семейно-брачным отношениям является формирование личности будущего семьянина, формирование у молодёжи адекватных установок в области семейно-брачных отношений. Для эффективного выполнения будущих семейно-брачных ролей у молодёжи должна быть сформирована система позитивных установок, направленных на создание прочной, счастливой семьи и ответственное выполнение семейных функций.

Необходимо в целом утвердить потребность человека в семье, веру в её необходимость и святость; осознание человеком ценности семьи, её роли в обществе и значения для развития личности; формирование и корректировку идеала семейной жизни; сформировать психологическую готовность иметь детей и стремление их правильно воспитать.

Существует настоятельная необходимость формирования у молодежи системы представлений о нравственно-психологических основах семьи и брака, регуляции поведения в брачно-семейных отношениях.

Мировой опыт показывает, проблема подготовки молодых к семье включена в школьную программу. В частности в Швеции с 1942 г., в Чехии и Словакии с 1960 г., в Японии начиная с начального образования ведутся курсы “Подготовка к семейной жизни” и в Польше с 1973 г. существуют специальные курсы “Адаптация к семье”.

В создании семьи необходимы знания по следующим направлениям: социальные (данные об общественной сущности брачно-семейных отношений, предназначении семьи, семейных ценностях, социальных ролях супругов и родителей); нравственно-этические (взаимные уважения, верность, уважения к матери, отцу, старшим и младшим; ответственности, верности, честности, сдержанности, доброты, уступчивости; чувства долга перед супругой (супругом)); правовые (ознакомление с основами законодательства о браке и семье; семейного права); психологические (понятия о личностном развитии; об особенностях психологии межличностных отношений, о психологических основах брака и семейной жизни); физиолого-гигиенические (знания физиологических особенностей мужского и женского организмов; особенностей половой жизни, вопросов личной гигиены и др.); хозяйственно-экономические (знания о бюджете семьи, культуре быта, умениями вести домашнее хозяйство и т. д.); религиозные (значение семьи в исламе, порицание развода, воспитание детей в исламе, роль девочек, девушек и женщин: их права, защищенность и защита).

Социально-психологические вопросы подготовленности молодёжи к семье является важной проблемой в науке психологии семьи и семейных отношений. Независимо от национальности, пола к факторам создания семьи можно отнести следующие:

1. Подготовленность к семье;
2. Возраст вступления в брак;
3. Мотивы создания семьи;
4. Предбрачный период знакомства молодых;
5. Условия создания семьи;
6. Представления молодёжи о семейных отношений и др.

Одним из направлений подготовки молодежи к семейной жизни выступают также информирование о функциях современной семьи, особенностях становления молодой семьи, формирование ориентировочной основы, практических навыков регуляции,

гармонизации семейно-брачных отношений, овладение приемами предотвращения деструктивных конфликтов в общении.

Среди задач подготовки к семейной жизни в узком смысле слова большинство исследователей называют: формирование правильных представлений о браке и семейной жизни, обеспечение знакомства молодёжи с особенностями психологии представителей противоположного пола, получение определённых знаний о взаимоотношениях представителей различного пола, получение определённых знаний об основах семейной жизни, ведении домашнего хозяйства и т.п., умений и навыков, необходимых в организации семейной жизни.

Для практического внедрения данной темы проведено исследование по изучению представлений молодежи о семье. В исследовании участвовали 3 типа респондентов: девушки выпускных классов общеобразовательных школ, солдаты проходящие военную службу, молодые, подавшие заявления в органы ЗАГСа. В данной статье мы приведем результаты опроса молодых, 150 пар, подавших заявления в органы ЗАГСа в городах Самарканд и Ташкент.

Нами был составлен, экспресс-опросник, состоящих из нескольких вопросов.

Таблица - 1. «Как Вы оцениваете свои знания о семейной жизни?»

Вопрос	Уровень	Ответ в %
Как Вы оцениваете свои знания о семейной жизни?	достаточно	28,1
	средний	60,8
	мало	5,5
	не знаю	2,8
	нет ответа	2,8

Молодые достаточно самокритичны насчет своих знаний. Большинство (60,8 %) оценили их на уровне средних. В то же время 28,1 % считают свои знания о семье достаточными.

Таблица - 2. «Какие знания важные для построения крепкой семьи?»

Вопрос	Знания	Ответ в %
Какие знания важные для построения крепкой семьи?	О здоровье	77,4
	Юридические знания	23,0
	Духовные знания	47,9
	Психологические знания	30,4
	Религиозные знания	18,4
	др.	10,1

Как видно, молодые с их точки зрения, считают для построения крепкой семьи наиболее важным знания «О здоровье» (77,4 %), «Духовные знания» (47,9 %), «Психологические знания».

Таблица - 3. «Какие факторы необходимы для создания счастливой семьи

Вопрос	Факторы	Ответ в %
Какие факторы необходимы для создания счастливой семьи?	Хороший заработок	23,0
	Нормы поведения	47,0
	Умение вести хозяйство	59,9
	Разрешать семейные конфликты	43,3
	др.	12,0

Молодые отмечают самые важные факторы создания семьи. Большинство (59,9 %) считают, что надо знать как вести хозяйство, 43,3 % считают, что необходимо уметь разрешать семейные конфликты. Однако всего 23,0 % молодежи уделяют внимание вопросу заработка. Создаётся впечатление, что проблемы денег для них не существует. Такое иждивенческое настроение следует изучать и находить пути убеждения молодежи, что жизнь должна быть сосредоточена в их собственных руках, и только они несут за нее полную ответственность, в том числе и финансовую.

Таблица - 4. «Какие виды взаимоотношений необходимо знать для достижения устойчивых семейных отношений?»

Вопрос	Виды взаимоотношений	Ответ в %
Какие виды взаимоотношений необходимо знать для достижения устойчивых семейных отношений?	между супругами	59,0
	между невестой и свекровью	46,1
	между родителями и детьми	54,4
	между детьми	22,6
	др.	3,2

Достаточный уровень зрелости можно проследить также в ответах по поводу установления крепких семейных отношений. Большинство молодёжи (59,0 %) справедливо считают, что умение устанавливать взаимоотношения между мужем и женой является важным условием устойчивости отношений.

Отрадно также отметить то, что практически столько же брачующихся (54,4 %) считают отношения родителей с детьми почти таким же важными для достижения устойчивости семейных отношений, как и отношения мужа и жены.

Вопрос 5. Какой возраст считаете оптимальным для создания семьи?

Большинство девушек считают оптимальным возрастом для замужества 21 – 22 год, тем не менее (43,3 %) считают, что нужно вступать в брак, в 22-23 года, т.е., через 3-4 года после окончания школы, колледжа или с окончанием бакалавриата. Даже 36,9 % тех, кто считает возраст 20-21 год приемлемым для брака, успевают завершить учебу в школе и колледже.

Таблица - 5. «Какой возраст считаете оптимальным для создания семьи?» в % .

Вопрос	Для девушек (%)		Для юношей (%)	
Какой возраст считаете оптимальным для создания семьи?	17 лет	1,8	18 лет	1,4
	18-19 лет	6,0	19-23 лет	30,0
	20-21 лет	36,9	24-26 ёш	62,2
	22-23 лет	43,3	27-29 лет	5,1
	24-26 лет	10,6	После 30 лет	0,5

По мнению большинства парней, жениться целесообразно в 24 – 25 лет, к этому времени они уже получат профессиональное образование и устроятся на работу. Мужчины в качестве оптимального называли более старший возраст. Это вполне естественно, т.к. они будут нести материальную ответственность за семью и за ее устойчивость. Однако достаточно большую величину составляют мужчины, настроенные на более ранний брак, даже в 17 – 19 лет. Такие ранние браки у мужчин могут быть обусловленными сложившимися семейными обстоятельствами. Для большинства молодых (62,2 %) время брака приходится на возраст от 24 до 26 лет. Даже для мужчин (30 %), считающих приемлемым для себя возраст от 19 до 23 лет, это не однозначно безответственное брачное поведение, так как они успевают

окончить колледж. Некоторые из них уже успели проработать около трех лет и подготовиться к браку.

Результаты проведенного экспресс-опроса, показали, что для создания прочной семьи и семейных отношений необходимо внедрение обязательных учебных дисциплин в программы обучения старшеклассников, слушателей колледжей и лицеев, а также студентов по вопросам подготовки их к семейной жизни; важно создать мобильные приложения, разработать медиа-продукты и выпустить на всех востребованных языках «умную книжку» с описанием основных принципов благополучной семьи, раскрытием наглядно основных вопросов семейной жизни; также организовать подготовку специальных работников, которые ведут работу с семьей «от» и «до»; проведение интересных встреч с известными семьями, перешагнувшими свои серебряные и золотые юбилеи и ещё другие меры.

Литературы.

1. Абульханова-Славская К. А., Гордиенко Е. В. Представление личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. 2001. - Том 22. - 5. - С.38-47.

2. Андреева Т.В. Психология современной семьи. - СПб.: Речь, 2005.- 436 с.

Дружинина В.Н. Психология семьи. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006. 176 с.

3. Акрамова Ф.А. Ёшларда оилавий муносабатларга оид тасаввурларнинг психологик хусусиятлари. // Психология. Бухоро, 2014. № 4. Б. 56-60. (19.00.00. № 5).

4. Акрамова Ф.А. Ёшларни оилага тайёрлашнинг асосий омиллари ва психологик хусусиятлари // Замонавий таълим. 2015 № 10. Б.45-52. (19.00.00. № 8).

5. Акрамова Ф.А. Ёшларни мустаҳкам оилавий муносабатларга тайёрлашнинг ижтимоий-психологик йўналишлари: Монография – Т:, «Lesson-press» нашриёти. 2021 й., – 128 бет.(ҳаммуаллиф.).[ISBN 978-9943-7024-3-1]

6. Акрамова Ф.А. Ёшларни мустаҳкам оилавий муносабатларга тайёрлашнинг ижтимоий-психологик йўналишлари. O’zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi intellectual mulk agentligi, Mutlaq mualliflik Guvohnoma № 003123 25.01.2021.

7. Акрамова Ф.А. Оила энциклопедияси. – Т: «Ozbekiston milliy ensiklopediyasi» Давлат илмий нашриёти, 2019. – 240 б.(ҳаммуаллифликда)[ISBN 978-9943-07-691-4].

8. Акрамова Ф.А. Таълим тизимида ёшларни оилавий ҳаётга тайёрлаш долзарб муаммо сифатида // Замонавий таълим. 2018 № 9. Б. 60-65. (19.00.00. № 8).

9. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. - М.: Гардарики, 2008. - 320 с.

10. Психология семейных отношений: конспект лекций //Сост. С.А.Великова. – М.: АСТ; - СПб.: Сова, 2005. – 127 с.

ОБЪЕКТЫ, ЦЕЛИ И СПОСОБЫ САМОПОЗНАНИЯ

Алиев М.Ч.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *Статья посвящена анализу феномена самопознания личности. Рассматриваются объекты, цели и способы самопознания, выявляются уровни и формы процесса, а также психологические механизмы, обеспечивающие его динамику и глубину. Представлена комплексная модель, демонстрирующая диалектическую природу самопознания и его зависимость от социальных и культурных факторов.*

Ключевые слова: *самопознание, объекты самопознания, цели самопознания, способы самопознания, уровни самопознания, рефлексия, личностное развитие.*

Annotatsiya. *Maqola shaxsning o‘zini anglash fenomenini tahlil qilishga bag‘ishlangan. O‘zini anglashning ob’yektlari, maqsadlari va usullari ko‘rib chiqilgan, jarayonning darajalari va shakllari, shuningdek uning dinamikasi va chuqurligini ta’minlaydigan psixologik mexanizmlar aniqlangan. Ijtimoiy va madaniy omillarga bog‘liqligini ko‘rsatadigan kompleks model taqdim etilgan.*

Kalit so‘zlar: *o‘zini anglash, o‘zini anglash ob’yektlari, o‘zini anglash maqsadlari, o‘zini anglash usullari, o‘zini anglash darajalari, refleksiya, shaxsiy rivojlanish.*

Abstract. *The article focuses on the analysis of the phenomenon of self-knowledge. It examines the objects, goals, and methods of self-knowledge, identifies levels and forms of the process, as well as psychological mechanisms that ensure its dynamics and depth. A comprehensive model is presented, demonstrating the dialectical nature of self-knowledge and its dependence on social and cultural factors.*

Keywords: *self-knowledge, objects of self-knowledge, goals of self-knowledge, methods of self-knowledge, levels of self-knowledge, reflection, personal development.*

Актуальность.

Проблема самопознания на протяжении веков оставалась в центре внимания философов и психологов. Её истоки восходят к античной традиции, где Сократ, Августин и Р. Декарт рассматривали самопознание как основу человеческого бытия и духовного опыта. В рамках классической психологии и психоанализа З. Фрейд, К. Г. Юнг и А. Адлер акцентировали внимание на роли бессознательного, архетипов и социальных устремлений в формировании внутреннего мира личности. В дальнейшем исследование самопознания было продолжено в трудах А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, И. С. Кона, А. А. Бодалева и М. С. Кагана, а также в работах У. Джеймса, Э. Фромма и Э. Эриксона, где оно понималось как элемент целостного развития человека и его соотнесение с культурой и обществом. Гуманистическая и экзистенциальная традиция, представленная А. Маслоу, К. Роджерсом, В. Франклом, Р. Мэем, И. Яломом и Э. Фроммом, подчеркивала ценность личной ответственности, свободы и поиска смысла. В современной науке значительный вклад в осмысление самопознания внесли Э. Деси, Р. Райан, Д. Гоулман и Дж. Марсия, связывавшие его с концепциями идентичности, внутренней мотивации и эмоционального интеллекта.

Современная научная литература демонстрирует широкий спектр подходов к пониманию самопознания. Одни исследователи акцентируют внимание на когнитивных механизмах, связывая его с самооценкой, самоописанием и саморефлексией. Другие рассматривают самопознание как многоуровневый процесс, включающий эмоционально-ценностное и проектное измерение. В частности, Байлук отмечает, что существующие определения часто ограничиваются перечислением сторон индивида, тогда как самопознание следует рассматривать шире — в предметном, оценочном и проектном контекстах[1].

Таким образом, единое универсальное определение данного феномена до сих пор не сложилось. В рамках психологической науки мы предлагаем рассматривать самопознание как целенаправленный и многоуровневый процесс, в ходе которого личность отражает собственные качества, переживания и мотивацию, формирует устойчивый образ «Я» и проектирует пути личностного развития, обеспечивающие её самореализацию.

Анализ объектов, целей и способов самопознания в психологическом измерении позволяет раскрыть его как важнейший фактор развития личности, влияющий на формирование её идентичности, ценностных установок и способности к адаптации в

[1] Байлук А. В. О природе самопознания // *Философия и образование*. — 2015. — № 5. — С. 27–34.

обществе. Исследование этих аспектов также создаёт основу для построения моделей уровней и форм самопознания, а также для разработки практических программ развития рефлексивных навыков и личностной саморегуляции.

Цель исследования заключается выявлении и систематизации объекты, цели и способы самопознания личности.

В задачи исследования входят:

1. Определить объект самопознания и его составные элементы.
2. Выявить основные цели и мотивы самопознания.
3. Систематизировать способы и механизмы самопознания.
4. Построить модель уровней и форм самопознания.

Методы.

Для всестороннего раскрытия феномена самопознания личности в данной работе использовался комплекс методов, объединяющий теоретический и аналитический уровни исследования.

Теоретический анализ литературы. Изучены философские и психологические труды классиков и современных исследователей, в которых самопознание рассматривается с различных позиций: от рефлексии сознания до проектирования личности. Этот метод позволил выявить основные подходы к определению самопознания и выделить ключевые направления его интерпретации, а также соотнести исторические представления с современными психологическими моделями.

Системный подход. Самопознание рассматривалось как целостная система, включающая когнитивные, эмоциональные, ценностные и поведенческие компоненты. Такой подход позволил структурировать объекты, цели и способы самопознания, показать взаимосвязь внутренних механизмов и внешних условий, а также определить уровни и формы процесса.

Метод классификации. Для описания уровней самопознания предложена классификация типов личностей по степени вовлечённости в процессы самопознания: от минимального уровня осознания себя до глубокого рефлексивного и проектного уровня. Этот метод обеспечил возможность систематизации данных и построения логической модели развития самопознания.

Графическое моделирование. Для наглядного представления логики и структуры самопознания использовались схемы и таблицы, отражающие взаимосвязь объектов, целей и способов самопознания, а также уровни и формы процесса. Графическое моделирование позволило визуально закрепить результаты анализа и показать динамику развития рефлексивных и проектных механизмов личности.

Результаты.

Самопознание представляет собой динамичный процесс, в котором внутренние переживания личности постоянно взаимодействуют с осознанными действиями и рефлексивными механизмами. Оно не возникает как статичная характеристика, а развивается через постепенное осмысление собственного опыта, что делает его диалектическим по своей природе. С одной стороны, личность сталкивается с стихийными формами самопознания — спонтанными и эпизодическими наблюдениями за собой, когда отдельные впечатления, реакции и эмоциональные состояния фиксируются как отдельные фрагменты внутреннего опыта.

С другой стороны, развитие когнитивных способностей, накопление опыта и активное взаимодействие с окружающей средой создают условия для сознательных форм самопознания, где человек систематически анализирует свои мысли, чувства, мотивы и действия. Здесь вступают в работу внутренние психологические механизмы — рефлексия, самооценка, идентификация и сравнение с социальными ориентирами, которые позволяют интегрировать отдельные фрагменты опыта в более целостную картину «Я». Рефлексия, в частности, обеспечивает дистанцирование от непосредственных переживаний, превращая их в предмет анализа, а самооценка

придаёт процессу эмоциональную окраску, формируя устойчивое отношение к собственным качествам и поступкам[2].

Диалектическая природа самопознания проявляется также в его постепенном переходе от внешне ориентированного к внутренне интегрированному уровню осознания. На ранних стадиях человек в большей степени ориентируется на социальную обратную связь — одобрение, порицание или сравнение с другими. Постепенно внимание смещается на внутренние критерии оценки, на сопоставление собственных действий с личными стандартами и ценностями. Этот переход отражает движение психических функций от стихийного к осознанному, о котором писал Л. С. Выготский, и подтверждается современными данными о развитии рефлексивных способностей личности.

Самопознание представляет собой не линейный, а спиралевидный процесс: каждый новый виток осознанности опирается на результаты предыдущего, обогащая их и открывая новые горизонты личностного развития. Взаимодействие стихийных и сознательных форм, когнитивного и эмоционального, индивидуального и социального обеспечивает динамику внутреннего роста и закладывает основу для формирования устойчивого и целостного «Я».

В рамках этой диалектики важно подчеркнуть, что развитие самопознания невозможно без активной внутренней работы личности, которая сочетает наблюдение за собой, критическое осмысление опыта и планирование будущего. Только такое комплексное взаимодействие позволяет перейти от простого фиксационного уровня понимания себя к глубокому, интегрированному самопониманию, открывающему возможности личностного роста, саморегуляции и реализации жизненных стратегий.

Динамика самопознания определяется постоянным взаимодействием стихийных и осознанных форм, внутренних психических механизмов и социальных ориентиров. Этот процесс не ограничивается фиксированием отдельных переживаний, а предполагает системное осмысление себя, своих действий и мотивов. Понимание того, что именно является объектом наблюдения и анализа, становится ключевым для осознанного развития личности. Переход к более глубоким формам самопознания невозможен без ясного представления о том, на что направлено внимание личности, какие аспекты «Я» изучаются и как внутренние и внешние условия влияют на это изучение.

Объектом самопознания является всё, на что направлена рефлексивная и осознанная деятельность личности в процессе анализа себя. В психологическом смысле это сложная система, включающая как внутренние, так и внешние аспекты личности, которые находятся в постоянном взаимодействии. К основным составляющим объекту самопознания можно отнести:

1. Психические процессы — мысли, эмоции, мотивы, потребности, установки, которые формируют внутренний опыт личности и служат базой для самоанализа.

2. Поведенческие проявления — действия, привычки, реакции в различных ситуациях, которые дают возможность сопоставить внутренние состояния с внешними проявлениями.

3. Социальные аспекты — роль личности в группе, взаимодействие с другими людьми, восприятие и оценка со стороны окружения, что помогает формировать более объективное представление о себе.

4. Культурно-ценностные ориентиры — нормы, традиции, принятые стандарты поведения, которые задают рамки и критерии оценки собственных действий и мотивов.

5. Проективные структуры «Я» — образ будущего «Я», жизненные цели, стратегические планы и представления о желаемых изменениях, которые формируют проектное измерение самопознания.

[2] Джеймс У. *Психология*. — СПб.: Питер, 2001. — 464 с.

Формирование объекта самопознания осуществляется под влиянием внутренней среды личности — когнитивных и эмоциональных особенностей, рефлексивных способностей, уровня самооценки — а также внешней среды: социального окружения, культурных норм и ценностей, образовательных и профессиональных условий. Эти факторы определяют не только, на что направлено внимание личности, но и глубину, точность и системность осознания[3].

Понимание объекта самопознания важно для организации процесса самоанализа. Оно позволяет личностно направлять свои усилия на те аспекты «Я», которые требуют развития, коррекции или интеграции в систему ценностей. Без ясного представления о предмете рефлексии самопознание может оставаться фрагментарным и ситуативным, что соответствует низкому, стихийному уровню.

В то же время детальный анализ объекта открывает возможности для перехода к более высоким уровням самопознания, включая рефлексивный и проектный, где внимание личности сосредоточено на взаимосвязи мыслей, мотивов, поведения и ценностей. Определение объекта самопознания также закладывает основу для понимания целей и способов самопознания, поскольку именно объект определяет, что подлежит осмыслению, оценке и трансформации.

Понимание объекта самопознания логично выстраивает переход к вопросу о целях самопознания, поскольку цели определяют, зачем личность направляет внимание на различные аспекты своего «Я» и каким образом она использует результаты анализа для личностного развития. В психологическом контексте цели самопознания многомерны и включают когнитивное, эмоциональное, поведенческое, социальное и ценностное измерения, отражая сложность и диалектичность процесса.

Во-первых, когнитивная цель самопознания заключается в осознании собственных психических процессов, понимании мотивов, эмоций, установок и потребностей. Она позволяет личности систематизировать внутренний опыт, выявить закономерности поведения и создать основу для критического анализа себя. Без когнитивной ясности любое эмоциональное или поведенческое самосознание будет фрагментарным и ситуативным[4].

Во-вторых, важной является эмоционально-оценочная цель, которая связана с формированием адекватного отношения к себе[5]. Личность не только наблюдает за своими состояниями, но и осознаёт их ценность или вред, оценивает собственные поступки и качества через призму внутренних стандартов и социальных ожиданий. Эта цель позволяет интегрировать когнитивные данные с эмоциональной реакцией, создавая устойчивую эмоциональную основу для дальнейшего личностного развития.

Третья цель — поведенческая, направленная на понимание закономерностей собственного поведения и корректировку действий. Осознание причин успехов и неудач, выявление шаблонов реакции в различных ситуациях позволяет личность управлять своими поступками, повышать эффективность взаимодействия с окружающими и достигать намеченных целей[6].

Четвёртая цель — социальная. Самопознание включает осмысление роли личности в обществе, понимание своего места в группе, значимости взаимодействий с другими людьми и ответственности перед ними. Социальная цель подчеркивает, что самопознание невозможно рассматривать исключительно как внутренний процесс: оно формируется в постоянной связи с окружающей средой и социальными нормами[7].

---

[3] Выготский Л. С. *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 2. *Проблемы общей психологии*. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.

[4] Рубинштейн С. Л. *Основы общей психологии*. — СПб.: Питер, 2002. — 720 с.

[5] Роджерс К. *Становление личности: взгляд на психотерапию*. — М.: Прогресс, 1994. — 480 с.

[6] Леонтьев А. Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. — М.: Смысл, 2005. — 352 с.

[7] Бандура А. *Социальные основы мышления и действия: социально-когнитивная теория* / пер. с англ. — М.: Праксис, 2000. — 320 с.

Пятая цель — цель личностного развития и самореализации, когда самопознание становится инструментом формирования жизненных стратегий, постановки целей и планирования собственного роста[8]. Здесь человек рассматривает себя как субъекта собственной судьбы, формируя долгосрочные ориентиры и внутренние стандарты, которые обеспечивают последовательное продвижение к намеченному образу «Я».

Наконец, цель духовного и ценностного самоопределения заключается в осмыслении жизненных ориентиров, нравственных принципов и фундаментальных ценностей[9]. Личность через самопознание уточняет, что для неё важно, что достойно стремления, и какие внутренние качества следует развивать. Это измерение особенно актуально при построении проектного «Я» и интеграции когнитивного, эмоционального и поведенческого самосознания в целостную систему.

Цели самопознания не существуют изолированно, а находятся в постоянной взаимосвязи с объектом: именно объект определяет, что подлежит осмыслению, а цели задают направление и глубину анализа. Осознанное следование этим целям обеспечивает личностный рост, укрепляет устойчивое «Я» и позволяет реализовать потенциал личности в когнитивной, эмоциональной, социальной и ценностной сферах.

Понимание целей самопознания напрямую связано с изучением способов самопознания, которые выступают в роли инструментов и методов для их достижения. Выбор конкретных способов определяется как особенностями объекта, так и направленностью целей: когнитивные и рефлексивные методы позволяют глубже осознать психические процессы, поведенческие — корректировать действия, социальные — интегрировать обратную связь, ценностно-ориентированные — формировать внутренние стандарты и проектировать будущее «Я».

Понимание целей самопознания логично задаёт вопрос о способах самопознания, поскольку именно они обеспечивают достижение этих целей и превращают рефлексию в осознанную практику. Способы самопознания представляют собой методы и техники, с помощью которых личность изучает свой внутренний мир, оценивает действия и соотносит себя с окружающей средой. Они формируют основу для когнитивной, эмоциональной, поведенческой и ценностной работы над собой, обеспечивая глубину и системность самопонимания.

Первой группой методов являются рефлексивные способы, включающие самоанализ, ведение дневников, ретроспективные размышления и структурированные вопросы к себе («Кто я?», «Каким я хочу быть?»). Эти методы позволяют личности отстраняться от непосредственных переживаний и рассматривать свои мысли, эмоции и поступки как объекты анализа. Рефлексивные способы формируют когнитивную основу самопознания и обеспечивают критическую оценку собственных действий, открывая путь к осознанной самокоррекции.

Вторая группа — когнитивно-аналитические методы, которые включают систематическое сопоставление поведения с внутренними стандартами, использование психологических тестов и методик, а также логический анализ мотивов и последствий поступков. Эти способы позволяют превратить фрагментарные наблюдения в цельное понимание психической структуры личности, выявить закономерности и разработать стратегию развития. Когнитивно-аналитические методы особенно важны для перехода от низкого, стихийного уровня самопознания к рефлексивному и проектному.

Третья группа — поведенческие методы, основанные на наблюдении за реакциями в реальных ситуациях, экспериментировании и получении обратной связи. Здесь личность не ограничивается внутренним анализом, а изучает свои действия в конкретных контекстах, оценивает их последствия и формирует новые стратегии

[8] Маслоу А. *Мотивация и личность*. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.

[9] Франкл В. *Человек в поисках смысла*. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

поведения. Эти методы тесно связаны с поведенческой целью самопознания, позволяя корректировать действия и повышать эффективность взаимодействия с окружающими.

Четвёртая группа — социальные и интерактивные способы, включающие общение с другими людьми, идентификацию с ролевыми моделями, участие в коллективных практиках и групповых обсуждениях. Социальные методы помогают расширить границы «Я», включить в самопознание социально одобряемые роли и ценности, а также получить обратную связь о собственном поведении. Они формируют социальное измерение самопознания, интегрируя внутренний опыт личности с внешними стандартами и нормами.

Пятая группа — ценностно-ориентированные и духовные методы, которые включают философские размышления, медитацию, работу с внутренними убеждениями и проектирование будущего «Я»[10]. Эти способы позволяют личности осмыслить свои жизненные ориентиры, формировать устойчивые внутренние стандарты и строить долгосрочные стратегии личностного развития. Они особенно важны для формирования проектного уровня самопознания, где внимание направлено на создание образа будущего «Я» и интеграцию когнитивного, эмоционального и поведенческого опыта.

Таким образом, способы самопознания представляют собой взаимосвязанную систему инструментов, обеспечивающих достижение целей и реализацию объекта самопознания. Они обеспечивают переход от фрагментарного и ситуативного восприятия себя к целостной, интегрированной системе самопонимания, позволяя личности управлять своим внутренним развитием и строить стратегии самореализации.

Понимание способов самопознания создаёт естественный переход к рассмотрению форм и уровней самопознания, которые показывают, как различные методы и механизмы проявляются в конкретных практиках и стадиях личностного развития. Формы самопознания отражают способ организации и систематизации опыта, а уровни демонстрируют постепенное усложнение структуры самопонимания и рост рефлексивных возможностей личности.

Формы и уровни самопознания. Понимание способов самопознания задаёт естественный переход к анализу форм и уровней самопознания, поскольку именно через формы и уровни реализуются цели и методы самопознания. Формы самопознания отражают различные аспекты осознанного анализа себя, а уровни показывают глубину и структурность этого процесса.

Формы самопознания можно рассматривать как взаимосвязанные измерения, через которые личность осмысливает свой внутренний и внешний опыт. В психологической литературе выделяются три основные формы самопознания:

1. Предметное самопознание — направлено на описание и объяснение собственных качеств, поступков, особенностей поведения и психических процессов. Личность фиксирует отдельные факты о себе, анализирует реакции, привычки и эмоциональные состояния, создавая объективное представление о собственном «Я». Эта форма является базовой, поскольку без знания своих особенностей невозможно двигаться к оценке или проектированию изменений.

2. Оценочное самопознание — связано с формированием ценностного отношения к себе. На этом уровне личность сопоставляет реальное «Я» с внутренними стандартами, социальными нормами и личными целями. Происходит критическая оценка собственных поступков и качеств, выявление сильных и слабых сторон, формирование устойчивой самооценки. Оценочное самопознание обеспечивает эмоциональное и мотивационное измерение процесса самопознания, позволяя корректировать поведение и укреплять внутренние ресурсы.

[10] Фромм Э. *Человек для себя*. — М.: АСТ, 2006. — 318 с.

3. Проектное самопознание — ориентировано на построение образа желаемого будущего «Я» и формулирование целей личностного развития. Здесь внимание личности направлено на стратегическое планирование собственного роста, интеграцию ценностей, навыков и опыта, а также на выстраивание жизненной стратегии. Проектная форма предполагает активное участие личности в создании своего будущего и использование результатов самопознания для самореализации и саморегуляции.

Следует подчеркнуть, что эти формы не образуют линейной последовательности, где одна полностью заменяет другую. Напротив, они находятся во взаимной зависимости: проектное самопознание невозможно без опоры на предметное и оценочное, тогда как предметное получает развитие и уточнение в свете будущих целей. Диалектика форм проявляется в том, что каждый новый виток сознательного самопознания опирается на результаты предыдущего, обогащая их и открывая новые горизонты личностного развития.

Развитие рефлексивных механизмов, таких как самооценка, идентификация и саморегуляция, создаёт основу для постепенного углубления самопонимания личности. По мере того как индивид осваивает способность наблюдать за собой, критически оценивать свои действия и соотносить их с внутренними ценностями и социальными нормами, формируются новые структуры самопознания. Эти структуры характеризуются не только увеличением когнитивной сложности, но и ростом интеграции эмоционально-ценностных и проектных компонентов.

Уровни самопознания отражают естественную эволюцию внутреннего анализа личности: от поверхностного, ситуативного восприятия себя до глубоко осознанного и целенаправленного саморазвития. На основании психологических и философских исследований можно выделить три основных уровня, каждый из которых обусловлен предыдущими стадиями освоения рефлексивных возможностей:

1. Низкий (стихийный) уровень самопознания — характеризуется эпизодическими, несистематическими наблюдениями за собой. Личность в большей мере ориентируется на внешние оценки: реакцию семьи, учителей или окружения. Характерно отсутствие критического отношения к себе и неразвитость механизмов саморегуляции. Этот уровень выполняет базовую функцию: формирует первичный образ «Я» как отражение социального восприятия и является исходной точкой для дальнейшей рефлексии.

2. Средний (рефлексивный) уровень самопознания — формируется способность к систематическому самоанализу, сопоставлению собственных поступков с внутренними и внешними стандартами. На этом уровне проявляется критическая оценка себя, осознание причин успехов и неудач, а также стремление к корректировке поведения. Переход к этому уровню обусловлен усложнением когнитивных структур, социализацией личности и включением её в новые социальные роли.

3. Высокий (проектный) уровень самопознания — связан с осознанием себя как субъекта собственной жизненной стратегии. Личность не только оценивает себя и свои действия, но и строит долгосрочные планы личностного развития. На этом уровне интегрируются когнитивные, эмоциональные, поведенческие и ценностные аспекты самопознания. Проектный уровень предполагает способность планировать будущее «Я» на основе анализа прошлого и настоящего, формируя устойчивую внутреннюю систему ориентиров и стратегий самореализации.

Следует подчеркнуть, что уровни самопознания не являются изолированными ступенями: каждый следующий уровень включает предыдущий, трансформируя его и обогащая. Низкий уровень предоставляет материал для будущей рефлексии, средний систематизирует и углубляет его, а высокий превращает в основу для проектного самопознания и личностного роста.

Диалектическая взаимосвязь форм и уровней позволяет рассматривать самопознание как нелинейный, спиралевидный процесс, где стихийное и осознанное, когнитивное и ценностное, настоящее и будущее постоянно взаимодействуют. Это подчёркивает необходимость учитывать как внутренние механизмы личности, так и социально-культурный контекст, который задаёт направления развития и создаёт возможности для перехода на более высокий уровень самопонимания. Формы и уровни самопознания образуют единую систему, в которой объект, цели и способы самопознания реализуются через взаимосвязанные процессы анализа, оценки и проектирования «Я». Это позволяет личность не только осознавать себя, но и управлять собственным развитием, интегрируя внутренний опыт с внешними условиями и культурными ориентирами.

Обсуждение.

Выявленные в исследовании формы и уровни самопознания демонстрируют, что процесс самопознания личности не является изолированным или статичным, а формируется в диалектическом взаимодействии внутренних психических механизмов и социально-культурных условий. Ранние формы самопознания носили как коллективные, так и индивидуальные черты: личность осмысляла себя через взаимодействие с обществом, социальной группой и системой ценностей, при этом индивидуальное начало существовало в подчинении социальным и духовным ориентирам.

Сопоставление с современными психологическими теориями позволяет выделить несколько закономерностей. В соответствии с Л. С. Выготским, психические функции развиваются от стихийных к осознанным (Выготский, 1983). Наш анализ показывает, что это движение проявляется и в самопознании: личность постепенно переходит от эпизодического, ситуативного восприятия себя к систематическому рефлексивному анализу и проектированию будущего «Я». Современные исследования подтверждают, что развитие рефлексивных способностей, когнитивных структур и навыков саморегуляции играет ключевую роль в формировании устойчивого «Я-концепта.

Диалектическая взаимосвязь между внутренними механизмами и социальными условиями проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, внешняя среда задаёт исходные ориентиры для осознания себя: семья, образовательные институты и ближайшее окружение выступают как «зеркало», через которое личность получает первые представления о себе. Во-вторых, культурные ценности и нормы придают процессу самопознания содержательное измерение: они определяют, что считается «хорошим» или «плохим», достойным или недостойным, и транслируются через язык, традиции и обычаи. В-третьих, культурно-исторический контекст создаёт инструменты для перехода на более высокий уровень самопознания: развитие языка, письменности, научных и философских категорий позволяет личности глубже анализировать свой внутренний мир.

Сравнение историко-культурного анализа с современными психологическими данными выявляет, что объект, цели и способы самопознания реализуются через взаимосвязанные механизмы: рефлексию, самооценку, идентификацию, сравнение и саморегуляцию. Эти механизмы обеспечивают когнитивное, эмоциональное, социальное и ценностное измерение самопознания, формируя целостное представление о себе и возможности для личностного роста.

Выделенные формы самопознания — предметное, оценочное и проектное — демонстрируют, как методы и цели самопознания реализуются на практике. Предметное самопознание создаёт основу знаний о себе, оценочное придаёт процессу эмоциональную и мотивационную окраску, а проектное связывает осознание с долгосрочным развитием личности. Эти формы взаимозависимы и развиваются спиралевидно: каждый новый виток опирается на результаты предыдущего, что обеспечивает устойчивость и глубину самопонимания.

Уровни самопознания (стихийный, рефлексивный, проектный) отражают постепенное усложнение структуры самопонимания и рост рефлексивных возможностей. Низкий уровень обеспечивает формирование первичного образа «Я», средний систематизирует и углубляет опыт, а высокий позволяет интегрировать когнитивные, эмоциональные и ценностные аспекты личности в проектные стратегии развития. Таким образом, уровни самопознания представляют собой элементы единого процесса, где каждый следующий уровень включает предыдущий и трансформирует его.

Практическая значимость выявленных закономерностей заключается в возможности разработки программ формирования самопознания, направленных на развитие рефлексивных навыков, укрепление адекватной самооценки, повышение личной ответственности и способности к саморегуляции. В образовательном и психологическом контексте это означает, что создание условий для рефлексивной работы, обсуждения ценностей и проектирования будущего «Я» способствует гармоничному личностному развитию.

Ограничения исследования связаны с вариативностью культурных и исторических условий, которые влияют на структуру и динамику самопознания. Перенос результатов на разные социальные и культурные контексты требует осторожности.

Направления для будущих исследований включают:

- изучение влияния культурных различий на структуру и динамику самопознания;
- исследование связи самопознания с психологическим благополучием и личностным ростом;
- разработку практических программ развития рефлексии, проектного мышления и саморегуляции в различных образовательных и социальных условиях.

Выводы.

Проведённое исследование позволяет рассматривать самопознание как сложный и многоуровневый процесс, имеющий ключевое значение для формирования целостной личности.

1. Самопознание выступает в качестве фундаментального механизма личностного развития. Оно обеспечивает формирование идентичности, устойчивой самооценки и внутренней согласованности.

2. Объекты самопознания охватывают все стороны личности — от телесных и когнитивных характеристик до ценностных и социальных аспектов. Это подчёркивает необходимость системного подхода к изучению данного феномена.

3. Цели самопознания связаны не только с внутренним самоосмыслением, но и с социальными задачами. Личность стремится понять себя, чтобы эффективно взаимодействовать с другими, находить своё место в обществе и реализовывать личностный потенциал.

4. Способы самопознания варьируют от стихийных до целенаправленных. Их развитие отражает рост сознательности индивида: от элементарного самонаблюдения к глубокой рефлексии и проектированию будущего.

5. Развитие самопознания имеет практическую значимость. Оно способствует саморегуляции, повышает уровень психологической устойчивости и адаптивности личности, создаёт условия для самореализации и творческого раскрытия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением психологических механизмов самопознания, а также с разработкой практических методов его стимулирования в образовательной и психотерапевтической практике.

Список литературы.

1. Байлук А. В. О природе самопознания // Философия и образование. — 2015. — № 5. — С. 27–34.

2. Бандура А. Социальные основы мышления и действия: социально-когнитивная теория / пер. с англ. — М.: Праксис, 2000. — 320 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
4. Джеймс У. Психология. — СПб.: Питер, 2001. — 464 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2005. — 352 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
7. Роджерс К. Становление личности: взгляд на психотерапию. — М.: Прогресс, 1994. — 480 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2002. — 720 с.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
10. Фромм Э. Человек для себя. — М.: АСТ, 2006. — 318 с.

МИФ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Аскарова З.А.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматривается взаимосвязь мифа и художественного творчества, их эстетическая, философская и культурная сущность. Миф как первичная форма человеческого мышления служил способом осмысления и объяснения мира, тогда как художественное творчество является продолжением мифологического сознания в преобразованной форме. В статье анализируются мифологические мотивы и архетипы в литературе и искусстве, их современная интерпретация, а также роль мифа в сохранении коллективной памяти и культурной идентичности.*

Ключевые слова: *миф, художественное творчество, мифологическое мышление, архетип, символ, литература, культура, образ, эстетика, воображение.*

Annotation.*This article explores the interrelation between myth and artistic creativity, emphasizing their aesthetic, philosophical, and cultural significance. Myth, as an early form of human cognition, served to explain and symbolize the surrounding world, while artistic creativity represents the transformation of mythological thinking into a conscious form of self-expression. The study analyzes mythological motives and archetypes in literature and art, as well as their reinterpretation in modern creative works. It highlights the role of myth in artistic imagination as a means of preserving collective memory and cultural identity.*

Keywords: *myth, artistic creativity, mythology, archetype, symbol, literature, culture, artistic image, aesthetics, imagination.*

Введение. Миф и художественное творчество представляют собой взаимосвязанные формы человеческого мышления, отражающие духовную и эстетическую сущность человечества. С древнейших времён миф служил способом познания и объяснения окружающего мира, выражая коллективное мировоззрение, систему символов и архетипов, через которые человек осмыслял своё существование. Художественное творчество, в свою очередь, является продолжением и преобразованием мифологического сознания, где миф превращается в осознанную форму художественного самовыражения.

В литературе и искусстве миф функционирует не только как древний нарратив, но и как живой источник вдохновения, раскрывающий универсальные человеческие ценности и вечные истины. Через мифологические образы и мотивы искусство соединяет прошлое и настоящее, коллективное и индивидуальное, реальное и воображаемое. Современные писатели и художники переосмысливают мифологические сюжеты, символы и архетипы, придавая им новое звучание в контексте сегодняшней культуры. Изучение взаимосвязи мифа и художественного творчества позволяет глубже понять, каким образом древнее мифологическое мышление продолжает оказывать влияние на современное эстетическое сознание и творческое воображение.

Актуальность темы: Актуальность исследования взаимосвязи мифа и художественного творчества определяется тем, что мифологическое мышление, возникшее в глубокой древности, до сих пор остаётся важнейшим источником формирования художественного сознания и эстетических представлений человека. Мифы не только сохраняют коллективный опыт и культурную память народов, но и служат основой для творческой интерпретации и осмысления действительности в литературе и искусстве.

В условиях глобализации, утраты духовных ориентиров и стремительных культурных изменений обращение к мифу приобретает особое значение. Оно позволяет художнику и писателю сохранять связь с традицией, выявлять универсальные человеческие ценности и создавать образы, объединяющие прошлое и настоящее. Миф в современном художественном творчестве становится не просто наследием древности, а живым механизмом культурного самопознания и символическим языком, через который человек выражает своё внутреннее «я» и понимание мира.

Таким образом, изучение мифа как основы художественного творчества является актуальной задачей современной гуманитарной науки, так как позволяет раскрыть глубинные механизмы эстетического восприятия, символического мышления и культурной преемственности человечества.

Анализ литературы. Проблема соотношения мифа и художественного творчества имеет глубокие корни в истории философской и эстетической мысли. Её истоки восходят к античности, где уже Платон и Аристотель рассматривали миф как способ познания и художественного выражения мира. Платон видел в мифе символическую форму передачи философских идей, а Аристотель в «Поэтике» определял миф (сюжет) как основу художественного произведения, подчеркивая его структурирующую функцию в искусстве.

В эпоху романтизма интерес к мифу возрождается: Гёте, Шиллер, Шеллинг и другие мыслители считали миф выражением «коллективной души народа» и источником вдохновения для искусства. Шеллинг отмечал, что в мифе человечество впервые осознаёт вечные истины через художественные образы, а значит, миф и искусство — это две стороны одного творческого процесса.

В XX веке вопрос о мифе как универсальной модели сознания был основательно разработан в трудах К. Г. Юнга, Й. Кэмпбелла, Э. Кассирера и М. Элиаде. Юнг ввёл понятие *архетипа* — первообраза, заложенного в коллективном бессознательном, который проявляется в мифах, снах и художественных произведениях. Кэмпбелл в своей работе *«Герой с тысячью лицами»* показал, что мифологические структуры лежат в основе всех культурных нарративов и образов искусства. Элиаде рассматривал миф как «священную историю», через которую человек осмысляет своё существование и стремится к духовному единству с миром.

Современные исследователи — такие как Р. Барт, К. Леви-Строс, Н. Фрай — развивали идею мифа как семиотической и нарративной системы. Леви-Строс анализировал миф с позиции структурной антропологии, считая его универсальной

формой мышления. Ролан Барт рассматривал миф в контексте массовой культуры как средство идеологического влияния и порождения новых смыслов. Нортроп Фрай в своей концепции *«анатомии критики»* утверждал, что всё искусство основано на мифологических архетипах, которые придают литературе универсальный характер.

Таким образом, анализ литературы показывает, что миф — это не только древняя форма мировосприятия, но и живой источник художественного творчества. Его архетипическая структура, символическая глубина и философская универсальность позволяют мифу оставаться неотъемлемой частью современного искусства, формируя образное мышление и духовное содержание творчества.

Обсуждение. Анализ показывает, что миф и художественное творчество находятся в постоянном диалоге, представляя собой взаимодополняющие формы осмысления мира. Миф формирует основу символического и образного мышления, а искусство развивает и переосмысливает эти архетипические структуры в контексте новых исторических и культурных реалий. Через художественное творчество миф получает вторую жизнь — он не просто воспроизводится, а интерпретируется, обретая новые значения, формы и образы.

Современные писатели, художники и режиссёры активно обращаются к мифологическим мотивам, видя в них универсальный язык человеческого опыта. Например, образы героя, жертвы, матери, творца или разрушителя, происходящие из древних мифов, используются для передачи вечных тем — борьбы добра и зла, поиска смысла жизни, духовного возрождения. Таким образом, мифологические архетипы продолжают выполнять функцию духовного и этического ориентира в искусстве.

Кроме того, мифологические структуры способствуют созданию метафорического и символического языка художественного произведения. Они позволяют передавать сложные философские идеи в эмоционально-насыщенной и доступной форме. Это особенно заметно в литературе XX–XXI веков, где мифологизация используется как средство выражения кризиса личности, культурной памяти и поиска идентичности (например, у Дж. Джойса, Т. Манна, Г. Маркеса).

Следовательно, миф не является лишь реликтом древнего сознания — он представляет собой живой культурный код, через который искусство осмысляет вечные проблемы бытия. Миф и художественное творчество объединяются общей целью — стремлением к гармонии, поиском истины и выражением духовного опыта человечества.

1-таблица

Компонент	Краткое содержание
Тема	Миф и художественное творчество
Цель	Раскрыть роль мифа в формировании художественного мышления и его влияние на современное творчество.
Объект	Миф как источник художественного вдохновения.
Предмет	Отражение мифологических образов, архетипов и символов в литературе и искусстве.
Гипотеза	Мифологическое сознание лежит в основе художественного творчества, формируя символический и эстетический язык искусства.

Методы	Анализ, сравнение, мифопоэтический и культурологический подходы.
Результаты	Определена роль мифа в художественном процессе, выявлены формы его современного осмысления.

Анализ таблицы: Методологическая таблица отражает основные направления исследования темы *«Миф и художественное творчество»*. В центре внимания находится миф как источник художественного вдохновения и форма коллективного символического мышления. Цель исследования направлена на выявление роли мифа в формировании эстетического сознания и раскрытие его влияния на процесс творчества.

Объектом исследования выступает миф как культурно-философское явление, а предметом — его художественная интерпретация в литературе и искусстве. Такое разграничение позволяет рассматривать миф не только как элемент древнего мировоззрения, но и как живой механизм формирования художественных образов и смыслов.

Выдвинутая гипотеза утверждает, что мифологическое сознание лежит в основе художественного творчества, создавая символический язык, через который искусство выражает духовный опыт человечества. Применение аналитического, сравнительного, мифопоэтического и культурологического методов обеспечивает комплексное изучение проблемы и способствует выявлению универсальных архетипических структур, присутствующих в искусстве разных эпох.

Результаты исследования направлены на осмысление того, как мифологические мотивы и образы трансформируются в современном искусстве, сохраняя при этом свою духовную и эстетическую значимость. Таким образом, таблица демонстрирует логическую стройность исследования, где все элементы — от цели до методов — взаимосвязаны и подчинены раскрытию центральной идеи: миф как основа и вдохновение художественного творчества.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что миф является неотъемлемой частью художественного творчества и играет ключевую роль в формировании эстетического и духовного сознания человечества. Он служит своеобразным «генетическим кодом» культуры, через который передаются коллективные ценности, моральные ориентиры и универсальные образы человеческого бытия.

Миф не ограничивается рамками древности — он продолжает жить в искусстве, литературе и других формах творчества, трансформируясь в соответствии с историческим и культурным контекстом. Современные авторы, обращаясь к мифу, находят в нём неисчерпаемый источник вдохновения, философской глубины и символической выразительности.

Таким образом, можно утверждать, что мифологическое мышление лежит в основе художественного воображения. Оно обеспечивает преемственность культурных традиций и способствует поиску новых форм эстетического самовыражения. Миф соединяет прошлое и настоящее, коллективное и личное, создавая целостное пространство художественного мира, где человек стремится к гармонии, истине и красоте.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. *Поэтика.* — Москва: Искусство, 1983.
2. Платон. *Диалоги.* — Москва: Мысль, 1993.
3. Шеллинг Ф. В. Й. *Философия искусства.* — Санкт-Петербург: Азбука, 2001.

4. Гёте И. В. *Избранные эстетические произведения.* — Москва: Художественная литература, 1986.
5. Юнг К. Г. *Архетип и символ.* — Москва: Ренессанс, 1991.
6. Кэмпбелл Дж. *Герой с тысячью лицами.* — Москва: Восточная литература, 1997.
7. Элиаде М. *Аспекты мифа.* — Москва: Академический проект, 2001.
8. Кассирер Э. *Философия символических форм.* Т.1–3. — Москва: Наука, 2002.
9. Леви-Строс К. *Структурная антропология.* — Москва: Эксмо, 2008.
10. Барт Р. *Мифологии.* — Москва: Академический проект, 1996.
11. Фрай Н. *Анатомия критики.* — Санкт-Петербург: Азбука, 2012.
12. Лосев А. Ф. *Диалектика мифа.* — Москва: Мысль, 2003.
13. Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ.* — Москва: Прогресс, 1995.
14. Лихачёв Д. С. *Поэтика древнерусской литературы.* — Москва: Наука, 1979.
15. Рахматова М. М. *Эстетическое мышление и художественный образ.* — Бухара: Бухарский госуниверситет, 2019.

ПРОБЛЕМЫ НЕ УСВОЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА У УЧЕНИКОВ: ПРИЧИНЫ, ПРИЗНАКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Атаджанова Д.У.
(г. Ургенч, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматривается понятие неуспеваемости среди учащихся, раскрывается его сущность и основные характеристики. Неуспеваемость определяется как неспособность ученика усвоить знания, умения и навыки, предусмотренные учебной программой. В статье анализируются внутренние и внешние причины неуспеваемости, а также предлагаются пути её выявления и устранения. Подчеркивается важность своевременного выявления этой проблемы для повышения качества и эффективности образования.*

Ключевые слова: *неуспеваемость, психологические факторы, качество образования, активность учащегося, мотивация.*

Abstract. *This article explores the concept of underachievement among students, focusing on its definition, nature, and main characteristics. Underachievement is described as the inability of a student to acquire the knowledge, skills, and competencies outlined in the educational program. The article discusses both internal and external causes of underachievement and suggests ways to identify and address this issue. The importance of timely diagnosis in improving the quality and effectiveness of education is emphasized.*

Keywords: *underachievement, psychological factors, quality of education, student engagement, motivation.*

Введение. В современной системе образования уровень знаний учащихся, показатели их развития и качество усвоения учебного материала являются основными критериями, определяющими эффективность образования. Тем не менее в любом классе уровень успеваемости не одинаков. Некоторые ученики успешно осваивают программу обучения, а другие по разным причинам сталкиваются с серьезными трудностями. Это называется неуспеваемостью и является одной из актуальных проблем психологии и педагогики образования.

Сегодня в системе образования особое внимание уделяется его качеству и эффективности. Это один из важнейших показателей эффективности образования. Если неуспеваемость вовремя не выявлено и не предпринято никаких действий, это негативно скажется на развитии не только отдельных учеников, но и всего класса и учебного заведения.

Чтобы воспитать конкурентоспособное и образованное поколение, необходимо применять эффективные методы, позволяющие каждому ученику повысить свой уровень, учитывая индивидуальные особенности каждого ученика. Поэтому устранение неуспеваемости является одной из актуальных задач не только педагогов, но и всей системы образования.

Неуспеваемость — это явление, в котором «учащийся не может овладеть знаниями, навыками и умениями», которые «часто зависят от психологических, социальных или педагогических особенностей человека». Неуспеваемость— это не просто показатель, измеряемый оценками, но и свидетельствует о том, что у ученика недостаточно развито мышление, внимание, память, интерес и мотивация.

Анализ литературы. Проблема неуспеваемости была предметом изучения многих отечественных и зарубежных исследователей. Абдурахмонова и Джураев (2020) подробно проанализировали психологическое состояние учащихся и их роль в образовательном процессе. Азизходжаева (2019) подчёркивает важность повышения квалификации учителей и применения индивидуального подхода через современные педагогические технологии. Курбонова и Егамбердиева (2021) исследовали внутренние и внешние факторы неуспеваемости с позиции психологии образования, а Xasanboyeva (2018) уделяет особое внимание эмоциональному и когнитивному развитию учеников. Юсупова (2020) предлагает эффективные методы выявления и коррекции психологических проблем учащихся. Кроме того, классики педагогики, такие как Выготский (1991), Оллпорт (2002) и Пиаже (1985), исследовали личностные и социальные факторы в обучении и развитии, заложив тем самым основы современной педагогики. На базе этих исследований были разработаны современные подходы к выявлению причин неуспеваемости и методам её преодоления. o'zbekchaga tarjima qiul Зарубежные исследователи также уделяют значительное внимание проблеме неуспеваемости. Джон Хэтти (John Hattie), новозеландский учёный в области образования, подчёркивает, что одной из основных причин низкой успеваемости является недостаток своевременной и качественной обратной связи со стороны учителя. По его мнению, индивидуализированный подход и эффективная обратная связь значительно повышают результативность обучения и снижают уровень неуспеваемости (Hattie, 2009). Лев Выготский (Lev Vygotsky), один из основателей педагогической психологии, акцентировал внимание на важности социального окружения и взаимодействия для успешного овладения знаниями. Его концепция «Зоны ближайшего развития» показывает, что ученик достигает лучших результатов при поддержке взрослых и сверстников, что особенно актуально при преодолении учебных трудностей (Vygotsky, 1978). Жан Пиаже (Jean Piaget) исследовал этапы когнитивного развития детей и утверждал, что неуспеваемость может быть связана с несоответствием учебного материала уровню развития мышления учащегося. Он рекомендовал адаптировать учебные программы с учётом возрастных и когнитивных особенностей, что способствует более глубокому усвоению знаний (Piaget, 1952). Бенджамин Блум (Benjamin Bloom) разработал таксономию образовательных целей и подчёркивал важность дифференцированного обучения, охватывающего все уровни мышления — от простого запоминания до анализа и синтеза. По его мнению, успешность учащихся во многом зависит от того, насколько педагог учитывает индивидуальные особенности учеников и поддерживает развитие их когнитивных навыков (Bloom, 1956). Кэрол Дуэк (Carol Dweck) ввела концепцию «установки на развитие» (growth mindset), согласно которой успех в обучении определяется верой

ученика в возможность собственного роста и развития. Исследования Дуэк показывают, что формирование у учащихся позитивного отношения к трудностям и уверенности в собственных силах помогает эффективно преодолевать неуспеваемость (Dweck, 2006).

Основная часть. Существуют определенные признаки, которые выявляются у учеников неуспеваемость, эти признаки регулярно наблюдаются в процессе обучения. С помощью этих знаков можно определить, что ученик не может полностью освоить программу обучения или сталкивается с трудностями.

Прежде всего, у тех, кто не усваивает учебный материал, видны такие признаки, как вялость и неактивность. Такие ученики стараются не отвечать на вопросы, которые им задают во время урока, и не выполняют задания либо, выполняют их пренебрегая ими.

Кроме того, трудности в письменной и устной работе — еще один важный признак неуспеваемости. Такие ученики часто испытывают трудности в написании сочинения, выражении мнений или решении математических задач.

Учащиеся, которые не могут усвоить учебный материал, чаще всего страдают от того, что не выполняют домашние задания или сдают их с опозданием, выполняют задания поверхностно, поверхностно смотрят на материал урока. Это приведет к снижению качества знаний.

Кроме того, один из признаков неуспеваемости — отсутствие интереса к науке. Ученик становится равнодушным к своей учебе, что оставляет его позади сверстников.

По мере того, как неуспеваемость продолжается, оценки ученика постоянно падают, что часто привлекает внимание учителей и родителей. Снижение оценок, в свою очередь, подрывает уверенность ученика в себе и усиливает его негативное отношение к учебе.

Еще один важный признак неуспеваемости— проблемы в общении с учителями и одноклассниками. Такие ученики избегают активного участия на уроках и групповых работах, что негативно сказывается на их социализации.

Выявляя на ранних стадиях вышеперечисленные признаки, можно предпринять эффективные меры против неуспеваемости. Поэтому учителям нужно постоянно следить за состоянием учащихся, обращать внимание на их психологическое и социальное состояние.

Неусвоение учебного материала является одной из актуальных проблем в системе образования и может проявляться в разных формах. В одних случаях наблюдается устойчивое неусвоение, когда ученик систематически получает низкие оценки, а трудности носят постоянный и непрерывный характер. В других ситуациях оно носит временный характер и связано с психологическими или социальными обстоятельствами, влияющими на ребенка в определённый период времени. Кроме того, встречается частичное неусвоение, когда ученик испытывает трудности только по отдельным предметам или темам.

Причины, вызывающие неусвоение учебного материала, исследователи условно делят на три группы — внутренние, внешние и педагогические. К внутренним факторам относятся личностные особенности учащегося. Низкий интеллектуальный потенциал, выражающийся в слабом развитии познавательных процессов — внимания, памяти, мышления, часто становится одной из главных причин учебных трудностей. Эмоциональная нестабильность, нервозность, стресс, страх или застенчивость мешают сосредоточенности и уверенности в своих силах. Недостаточная развитость мышления приводит к трудностям с анализом и обобщением информации. Низкая самооценка и отсутствие веры в собственные способности формируют чувство беспомощности. Сюда же относится слабая мотивация к учебе, когда у ученика нет внутренней цели и интереса к познавательной деятельности.

Внешние, или социальные факторы, также оказывают существенное влияние. Среди них выделяются проблемы в семейной среде: нехватка внимания со стороны родителей, конфликты в семье, неправильные методы воспитания. Неблагоприятная школьная среда, отсутствие социальной поддержки, а также низкий социальный статус в классе способствуют развитию чувства одиночества и отчуждения. Все это отрицательно сказывается на эмоциональном фоне и учебной активности ребенка.

К педагогическим факторам относят неправильный подход со стороны учителя — излишнюю строгость, холодность, чрезмерную критику, отсутствие индивидуализированного подхода к каждому ученику. Иногда причиной становится непонятная или слишком сложная методика преподавания, не соответствующая возрастным и интеллектуальным возможностям детей.

С точки зрения психологии, неусвоение учебного материала связано с тем, что ученик по различным причинам не может полноценно овладеть знаниями из-за своего психического состояния. Здесь важную роль играют интеллектуальные различия, недостаточное развитие когнитивных функций — памяти, внимания, мышления, а также расстройства психического развития, гиперактивность, импульсивность и задержка общего развития. Эмоциональный дисбаланс, внутренние противоречия и неуверенность в себе усиливают трудности восприятия. В некоторых случаях неусвоение связано с социальной изоляцией — отсутствием позитивного общения и чувством ненужности в коллективе. Дополнительным фактором становится снижение мотивации, когда ребенок не испытывает внутренней потребности к познанию.

Психологический подход к решению проблемы неусвоения учебного материала строится на личностно-ориентированной основе. Он предполагает понимание того, что каждый ученик имеет свой индивидуальный путь развития. Главная задача — определить истинные причины трудностей и устранить их корни. Важно, чтобы образовательная среда была благоприятной и поддерживающей, а формирование внутренней мотивации рассматривалось как одна из ключевых целей воспитательного процесса.

Пути выявления и преодоления неусвоения включают несколько этапов. На первом этапе проводится диагностика — школьный психолог или педагог-психолог оценивает интеллектуальное и эмоциональное состояние учащегося с помощью тестов, анкет, наблюдений и бесед. На втором этапе осуществляется психокоррекционная работа, направленная на развитие внимания, памяти, мышления, стабилизацию эмоционального состояния и повышение самооценки. Далее организуются мотивационные тренинги, в ходе которых учащиеся учатся осознавать ценность знаний, укрепляют уверенность в себе и формируют стремление к личностному росту.

Важное значение имеет сотрудничество с семьей. Родителям рекомендуется создавать дома спокойную и поддерживающую атмосферу, поощрять стремление ребенка к обучению, проявлять внимание к его успехам и трудностям. Только при совместных усилиях педагога, психолога и родителей можно добиться положительных результатов и помочь ребенку преодолеть трудности в усвоении учебного материала, развивая его интеллектуальный и личностный потенциал.

В заключение можно сказать, что одна из важнейших проблем образовательного процесса — это недостаток знаний. Выявляя и устраняя причины этой проблемы, можно повысить общую эффективность системы образования. Каждый учитель должен регулярно следить за знаниями своих учеников и индивидуально относиться к каждому ученику.

Кроме того, тесно сотрудничая с родителями и психологами, можно бороться с не усвоением учебной программы, выявлять и предотвращать его как можно раньше. Своевременные меры помогут каждому ученику стать успешным человеком.

Заключениею. Неуспеваемость — одна из ключевых проблем современного образования, отражающая комплекс внутренних, социальных и педагогических факторов. Своевременное выявление её признаков и применение психологически обоснованных методов коррекции и мотивации позволяют повысить уровень усвоения учебного материала и создать условия для всестороннего развития личности учащегося. Регулярное наблюдение за успехами и трудностями учеников, а также сотрудничество педагогов, психологов и родителей являются важными элементами эффективной борьбы с неуспеваемостью.

Использованная литературы.

1. Abduraxmonova R.X., Jo‘rayev A.A. *Pedagogik psixologiya.* – Toshkent: “Fan va texnologiya”, 2020.
2. Azizxo‘jayeva N.N. *Pedagogik texnologiyalar va pedagog mahorati.* – Toshkent: TDPU, 2019.
3. Qurbonova M.X., Egamberdiyeva Z.M. *Ta’lim psixologiyasi.* – Toshkent: O‘zbekiston, 2021.
4. Xasanboyeva O. *Psixologiya asoslari.* – Toshkent: “Yangi asr avlodi”, 2018.
5. Yusupova D.K. *O‘quvchilarda psixologik muammolarni aniqlash va ularni hal qilish yo‘llari.* – Toshkent: TDPU, 2020.
6. Vygotskiy L.S. *Pedagogik psixologiya.* – Moskva: Pedagogika, 1991. (rus tilida)
7. Bo‘ronov Sh.A. *O‘quvchilarning individual xususiyatlari va ta’lim sifati.* – Toshkent: TDPU nashriyoti, 2022.
8. Allport G. *Shaxs psixologiyasi.* – Moskva: Nauka, 2002. (rus tilida)
9. Piaget J. *Bolalar aqliy rivojlanishining bosqichlari.* – Moskva: Prosveshchenie, 1985. (rus tilida)
10. Davletshin M.S. *Psixologiya.* – Toshkent: “O‘zbekiston”, 2001.
11. K. Umarov. *Ta’lim sifati va o‘quvchining o‘zlashtirish darajasi.* – “Ma’rifat” gazetasi, 2022-yil, №6.
12. Xolboyeva G.G. *Didaktik asoslar va o‘quv jarayonining tahlili.* – Samarqand: Samarqand Davlat Universiteti, 2021.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРЕГОВОРОВ: ОТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НАВЫКОВ К СОЗДАНИЮ ЦЕННОСТИ

Ахмедова А.Ш.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *Статья посвящена современным тенденциям в исследовании переговоров в психологии. Обосновывается идея переговоров как метанавыка XXI века, объединяющего когнитивные и межличностные способности. Рассматриваются переход от индивидуальных техник к анализу сложных модераторов и контекстов, обобщаемость переговорных навыков и сдвиг к стратегиям создания ценности в условиях дилемм общих ресурсов. Показаны практические импликации для обучения и проектирования переговоров в условиях глобализации, цифровизации и устойчивого развития.*

Ключевые слова: *переговоры, метанавык, психологические модераторы, ценность, устойчивое развитие.*

Annotation. *This article is devoted to contemporary trends in the psychological study of negotiations. It substantiates the idea of negotiation as a meta-skill of the 21st century that integrates cognitive and interpersonal abilities. The discussion addresses the shift from individual techniques to the analysis of complex moderators and contexts, the generalizability of negotiation skills, and the turn toward value-creation strategies in the context of common resource dilemmas. Practical implications for training and designing negotiations in the era of globalization, digitalization, and sustainable development are highlighted.*

Keywords: *negotiation, meta-skill, psychological moderators, value, sustainable development.*

Современный мир характеризуется высокой динамичностью, постоянными изменениями и бесконечным потоком информации, что формирует новые вызовы для личности и общества. На фоне глобализации и цифровизации человечество сталкивается с комплексом проблем – от экологических до экономических, – требующих совместных усилий специалистов разных областей знаний. В этих условиях способность к межличностной и междисциплинарной кооперации становится ключевым фактором в преодолении кризисов и формировании стратегий устойчивого развития, что в свою очередь подчеркивает особую значимость переговоров как универсального механизма согласования интересов и поиска совместных решений.

Переговорные процессы как предмет изучения широко представлены в бизнес-школах, социальной психологии, теории игр и поведенческой экономике, образовательной и организационной психологии, социальной психологии малых групп (Martin-Raugh et al.,2019). Мы ежедневно ведем переговоры с работодателями, коллегами, продавцами, друзьями, романтическими партнерами, детьми и другими людьми. Итоги этих переговоров влияют на цены, которые мы платим, зарплаты, которые мы зарабатываем, место следующего отпуска и даже на то, съедят ли наши дети овощи (Boothby et al.,2023). В условиях технологических изменений, где рутинный и сложный когнитивный труд автоматизируется, именно навыки ведения переговоров становятся своеобразным «метанавыком XXI века» - сочетанием межличностных и когнитивных умений, которые невозможно заменить алгоритмами (Martin-Raugh et al.,2019).

Традиционно исследования переговоров развивались в рамках относительно узких парадигм, сосредоточенных на отдельных переменных или базовых техниках взаимодействия. Однако современные обзоры показывают, что картина оказывается значительно сложнее: ключевое внимание уделяется поиску модераторов, которые ранее считались универсальными (например, влияние гендера или власти), анализу тонкой динамики коммуникации и переносу фокуса на реальные контексты с их социальными, экономическими и культурными особенностями (Boothby et al.,2023;Martin-Raugh et al.,2019). *Переговоры* могут быть определены как процесс, в ходе которого две или более сторон взаимодействуют для создания потенциальных соглашений, предназначенных для регулирования их будущего поведения. Переговоры – это *«повсеместная социальная деятельность»*, которая происходит «всякий раз, когда люди не могут достичь своих целей без сотрудничества с другими» (Martin-Raugh et al.,2019). Таким образом, поле исследований смещается от изучения отдельных навыков к рассмотрению переговоров как многоуровневых и контекстно-зависимых процессов.

На этом фоне возникает ключевой вопрос: как перейти от развития индивидуальных техник ведения переговоров к проектированию переговорных процессов, которые позволяют создавать совместную ценность в условиях сложных систем и множественных интересов? Именно этот вопрос определяет логику дальнейшего анализа и структуру настоящей статьи.

Современное исследовательское поле акцентируется на поиске факторов, усложняющих «классическую» картину переговоров. Согласно мета-аналитическому обзору E.J.Boothby и соавторов (2023), в центре внимания оказываются три аспекта:

1. *поиск важных модераторов* эффектов, ранее считавшихся единообразными (например, гендерные различия в исходах переговоров);

2. *внимание к тонкостям социального взаимодействия* (например, анализ динамики диалога по шагам);

3. *изучение переговоров в реальном контексте* (например, с реальными ставками и в разных типах отношений) (Boothby et al.,2023).

Переходя от индивидуальных навыков к более сложной картине, современные исследования показывают, что исходы переговоров во многом определяются действием различных модераторов. Ниже рассмотрим модераторы — эмоции, гендер и культуру — и покажем, как они перенастраивают динамику взаимодействия.

Эмоции как модератор переговорных процессов. Ранние исследования рассматривали переговоры преимущественно как задачу оптимизации ресурсов, практически игнорируя эмоциональный аспект. Современная литература, напротив, показывает, что эмоции играют ключевую роль, выполняя социально-функциональные задачи: они информируют о намерениях, вызывают ответные эмоциональные реакции и выступают стимулом для определённых действий партнёра. Наибольшее внимание уделялось гневу: он может стимулировать уступки, если воспринимается как реакция на предложение, однако при неправильной интерпретации ведёт к эскалации конфликта, снижению доверия и разрушению отношений. Исследования указывают на U-образный эффект: умеренный уровень гнева повышает вероятность выгодных уступок, тогда как чрезмерное выражение ведёт к деструктивным последствиям. Помимо гнева, внимание исследователей привлекают разочарование и тревога: первое способно вызвать чувство вины и способствовать кооперативным исходам, второе же часто связано с поспешными уступками и стремлением поскорее завершить переговоры. В итоге именно эмоции задают контекст переговорного процесса, усиливая или ослабляя влияние других факторов и определяя баланс между краткосрочными выгодами и долгосрочными отношениями (Boothby et al.,2023,p.304-306).

Гендер как модератор переговорных исходов. Долгое время исследования гендерных различий в переговорах не давали последовательных результатов: в одних случаях мужчины и женщины демонстрировали схожие исходы, в других — фиксировались различия, но без устойчивого направления эффекта. Современные работы подчеркивают, что определяющим фактором здесь является не биология, а социальные стереотипы, актуализирующиеся в конкретной ситуации. Так, ожидания «женской» теплоты и кооперативности могут вступать в противоречие с образом переговорщика как жёсткого и агентного. Это создаёт феномен ролевой неконгруэнтности: женщины, проявляющие напористость, рискуют столкнуться с негативной реакцией, а следуя стереотипам — уступают в результатах. Следовательно, гендер выступает как модератор переговорных исходов: его влияние определяется контекстом и силой активированных стереотипов (Boothby et al.,2023,p.308-309).

Культура как модератор переговорных процессов. Культурные различия существенно влияют на стиль и результаты переговоров, однако простые дихотомии вроде «Восток–Запад» или индивидуализм–коллективизм оказались недостаточными для объяснения реальной сложности. Современные исследования предлагают более тонкие модели, такие как различие между культурами достоинства, лица и чести (Leung & Cohen,2011). В культурах достоинства (характерных для западных обществ) самооценка строится на личных достижениях, что способствует доверию и обмену информацией. В культурах лица (например, Восточная Азия) акцент делается на

выполнении социальных ролей, а в культурах чести (например, Ближний Восток, Латинская Америка) — на репутации, что зачастую ведёт к более жёстким и конкурентным стратегиям, включая давление и тактическое преувеличение. При этом даже внутри культур поведение варьируется в зависимости от того, кто выступает контрагентом: например, китайские переговорщики демонстрируют меньше агрессии в переговорах с представителями своей группы (Wong & Hong,2005). Параллельно развивается подход кросс-культурной компетентности (cultural intelligence), предполагающий способность адаптироваться к любым контекстам без знания всех культурных нюансов (Imai & Gelfand, 2010). Таким образом, культура не задаёт жёстких сценариев, а выступает модератором, который через нормы, ценности и ожидания определяет, какие стратегии окажутся продуктивными в конкретных переговорах (Boothby et al., 2023,p.311-314).

Таким образом, современные исследования демонстрируют, что переговорные исходы зависят не столько от изолированных характеристик личности или универсальных техник, сколько от сложного взаимодействия между индивидуальными особенностями и контекстом. Эмоции, гендерные роли и культурные нормы выступают ключевыми модераторами, определяющими, какие стратегии окажутся успешными, а какие приведут к эскалации конфликта. Это смещает фокус научного анализа от линейного изучения «навыков» к исследованию переговоров как динамического процесса, зависящего от множества факторов.

Несмотря на значительное влияние эмоций, гендера и культуры как модераторов переговорного процесса, исследования показывают, что некоторые элементы переговорного поведения обладают устойчивостью и воспроизводимостью. Это позволяет рассматривать переговоры не только как контекстно-зависимое взаимодействие, но и как обобщаемый навык. Так, в разных по содержанию, но сходных по структуре задачах участники демонстрируют повторяющиеся паттерны поведения, а особенно устойчивыми оказываются кооперативные стратегии. Переговорщики, которые склонны использовать тактики обмена информацией, поиска компромиссов и совместного увеличения «пирога» в одной ситуации, с высокой вероятностью демонстрируют аналогичный стиль и в других условиях. Подобная стабильность указывает на то, что успешность переговоров определяется не только ситуативными факторами, но и наличием у человека определённого «репертуара тактик», который переносится из одного контекста в другой. Практическим следствием этого становится необходимость смещения акцента с тренировки отдельных «приёмов» к развитию способности распознавать структуру задачи (дистрибутивной, интегративной или совместимой) и гибко переключаться между стратегиями. Таким образом, переговоры можно рассматривать как метанавык XXI века ещё и потому, что успешные тактики обладают обобщаемостью и формируют устойчивый поведенческий стиль (Martin-Raugh et al., 2019).

Следующий важный сдвиг в исследованиях переговоров связан с акцентом на создании ценности. Традиционно переговоры рассматривались как распределение фиксированного ресурса, что стимулировало конкурентные стратегии и ориентацию на захват выгоды. Однако в условиях глобальных вызовов — от экологических до экономических — такая логика оказывается ограниченной и ведёт к деструктивным исходам. Особенно ярко это проявляется в дилеммах общих ресурсов, где краткосрочная выгода одной из сторон подрывает долгосрочную устойчивость системы в целом. Современные исследования подчёркивают необходимость смещения фокуса: от индивидуального извлечения пользы к совместному поиску стратегий сохранения и приумножения общей ценности (Trötschel et al.,2022).

Практические инструменты создания ценности включают три направления:

1. Управление наличностью ресурса: масштабирование (scaling) и замещение (invent/replace), позволяющие увеличить или трансформировать доступный объём.

2. Управление доступностью: разделение (sharing) и квотирование (rationing), которые обеспечивают справедливое распределение и предотвращают истощение («protect the pie»).

3. Управление изменяемостью: компенсация (как специфическая, так и неспецифическая), повторное использование и переработка (re- / up-cycling), способствующие более эффективному использованию ресурсов.

Эти принципы находят отражение в реальных практиках: от междепартаментных переговоров в корпорациях (например, распределение бюджета между проектами), до международных климатических соглашений и B2B-взаимодействий, где стороны ищут не только компромисс, но и новые способы расширить общий «пирог». В итоге переговоры становятся не борьбой за ограниченный ресурс, а процессом совместного создания долгосрочной ценности, что особенно актуально в условиях устойчивого развития (Trötschel et al.,2022).

Несмотря на усилия по созданию ценности, переговоры часто сталкиваются с *ограничениями*, которые мешают реализовать интегративный потенциал.

Во-первых, *сохраняется неопределённость*: ресурсы могут быть нестабильны, внешние условия изменчивы, а намерения партнёров — непрозрачны. В этих условиях «текучесть соглашений» становится скорее нормой, чем исключением.

Во-вторых, важную роль играет *когнитивная сложность.* Когда переговоры включают множество целей и вопросов, стороны склонны полагаться на эвристики, что повышает риск ошибок. Простые протоколы, такие как многоаспектные предложения (multi-issue offers) или логроллинг-чеклисты, помогают снизить когнитивную нагрузку и поддерживать процесс на конструктивной основе.

В-третьих, значимым фактором остаётся *власть.* Высокий уровень власти может усиливать экспроприационные стратегии, однако в условиях чётких нормативных якорей (например, климатических квот или корпоративных правил справедливости) он способен поддерживать баланс интересов.

Наконец, на исход влияют *групповые процессы и мандат.* Переговорщик всегда связан с интересами своей «домашней аудитории» — организации, избирателей или команды. Это ограничивает гибкость, но одновременно задаёт пространство для расширения круга заинтересованных сторон, включая тех, кто физически отсутствует за столом переговоров.

Современные исследования показывают, что ключ к успешным переговорам заключается не только в овладении отдельными тактиками, но и в способности адаптироваться к контексту и структуре задачи. Это имеет прямые прикладные следствия для обучения и проектирования переговорных процессов.

Во-первых, в обучении следует акцентировать внимание на развитии навыков распознавания типов переговорных ситуаций — распределительных, интегративных и совместимых — и умения переключать стратегии в зависимости от структуры задачи. Такой подход позволяет готовить специалистов, способных не просто воспроизводить отдельные «ходы», но формировать целые репертуары тактик, устойчиво применимых в разных условиях (Martin-Raugh et al.,2019).

Во-вторых, значимым направлением является использование специальных когнитивных и мотивационных праймеров, способствующих формированию целостного мышления и ориентации на долгосрочные эффекты. К ним относятся надгрупповая идентичность, перспектива общей судьбы и ментальный контраст будущего, которые, как показывают исследования, повышают готовность к совместному созданию ценности (Trötschel et al.,2022).

В-третьих, важным компонентом переговорных тренингов становится освоение приёмов управления ресурсами — таких как масштабирование, обмен, компенсация, а также использование подходов к переработке и трансформации ценности. Эти техники

особенно актуальны в корпоративных и межорганизационных взаимодействиях, где ресурсы ограничены и подвержены изменениям (Trötschel et al.,2022).

Наконец, при оценке успешности переговоров необходимо учитывать не только непосредственные экономические исходы (например, цену сделки), но и совместные показатели — общий выигрыш сторон, уровень доверия, исполнение договорённостей и долговременные эффекты. Такой комплексный подход позволяет переориентировать обучение с краткосрочной эффективности на формирование устойчивых стратегий сотрудничества (Boothby et al.,2023).

Переговоры в современном мире выходят за рамки узких техник и становятся метанавыком XXI века — гибкой архитектурой совместного решения проблем. Современная повестка смещается от «захвата» к «созданию ценности», а связка «установка → стратегии → устойчивые исходы» даёт общий язык для бизнеса, политики и повседневности. Такой подход открывает новые горизонты для обучения и практики, формируя основу для развития переговорных компетенций, необходимых в условиях глобализации, цифровизации и поиска стратегий устойчивого развития (Boothby et al.,2023; Martin-Raugh et al.,2019; Trötschel et al.,2022).

Список использованной литературы.

1. Boothby E. J., Cooney G., Schweitzer M. E. Embracing complexity: A review of negotiation research // Annual Review of Psychology. – 2023. – Vol. 74. – P. 533–562.

2. Imai L., Gelfand M. J. The culturally intelligent negotiator: The impact of cultural intelligence (CQ) on negotiation sequences and outcomes // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 2010. – Vol. 112, № 2. – P. 83–98.

3. Leung A. K.-Y., Cohen D. Within- and Between-Culture Variation: Individual Differences and the Cultural Logics of Honor, Face, and Dignity Cultures // Journal of Personality and Social Psychology. – 2011. – Vol. 100, № 3. – P. 507–526.

4. Martin-Raugh M. P., Kyllonen P. C., Hao J., Bacall A., Becker D., Kurzum C., Yang Z., Yan F., Barnwell P. Negotiation as an interpersonal skill: Generalizability of negotiation outcomes and tactics across contexts at the individual and collective levels // Computers in Human Behavior. — 2019. — Vol. 92. — P. 178–190.

5. Trotschel R., van Treek M., Heydenbluth C., Zhang K., Majer J. M. — From Claiming to Creating Value: The Psychology of Negotiations on Common Resource Dilemmas // Sustainability. — 2022. — Vol. 14, No. 9. — P. 5257.

6. Wong R. S., Hong Y. Y. Dynamic influences of culture on cooperation in the prisoner's dilemma // Psychological Science. – 2005. – Vol. 16, № 6. – P. 429–434.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У СОТРУДНИКОВ ТАМОЖНИ

Баратов Ш.Ш.

(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются актуальность, основные направления и формы оказания психологической помощи сотрудникам таможенной службы. Таможенники работают в условиях постоянного стресса, психологического давления и эмоционального напряжения. Психологическая поддержка играет важную*

роль в укреплении психического состояния, повышении эффективности профессиональной деятельности и дисциплины.

Ключевые слова: *сотрудники таможни, психологическая помощь, стресс, эмоциональное выгорание, профессиональная деятельность, психическая устойчивость.*

Abstract. *This article examines the relevance, key directions, and effective forms of psychological support provided to customs officers. Customs officers operate under constant stress, psychological pressure, and emotional tension. Psychological services are essential in improving mental health, enhancing professional efficiency, and maintaining discipline.*

Keywords: *customs officers, psychological support, stress, emotional burnout, professional activity, mental resilience.*

XXI век предъявляет чрезвычайно высокие требования к психике человека, работающего с современной техникой. В частности, в условиях нервно-психического напряжения, когда необходимо принимать крайне ответственные решения за короткий промежуток времени (например, в работе операторов крупномасштабных энергетических систем, диспетчеров, пилотов сверхзвуковой авиации и др.), особенно важны качества личности, позволяющие эффективно действовать без серьезных ошибок. Недостаток таких качеств может привести к серьезным конфликтам и профессиональным сбоям.

Сложность современных видов трудовой деятельности выдвигает перед человеком особые требования, что делает изучение психологических возможностей личности важнейшей задачей современной психологической службы. Инженерная психология, занимающаяся проблемой «человек — машина», как и трудовая психология, акцентирует внимание на взаимодействии человека и техники, формируя отдельные направления психологического сопровождения профессиональной деятельности.

Сегодня сотрудники таможни в процессе выполнения служебных обязанностей сталкиваются с многочисленными психологическими нагрузками. Они контролируют границу, предотвращают незаконную деятельность, борются с коррупцией — всё это требует высокой эмоциональной устойчивости и внутренней дисциплины. Психологическое состояние сотрудников требует постоянного внимания, поскольку стресс, эмоциональное выгорание и психическое перенапряжение снижают эффективность труда и могут отрицательно сказаться на безопасности в целом.

Профессиональная деятельность сотрудников таможенных органов связана с рядом факторов, которые существенно влияют на их психологическое состояние и работоспособность. Среди основных профессиональных рисков можно выделить длительные рабочие смены и дежурства, которые приводят к физическому и эмоциональному переутомлению. Постоянное столкновение с правонарушителями требует высокой стрессоустойчивости и умения сохранять самообладание в конфликтных ситуациях. Кроме того, специфика службы предполагает необходимость быстро принимать ответственные решения в условиях неопределенности и повышенного давления, что нередко становится причиной хронического стресса. Особую опасность представляют коррупционные риски и внешнее давление, способные подорвать морально-психологическое состояние сотрудника и вызвать внутренние противоречия.

В связи с этим деятельность психологической службы в таможенных органах направлена на обеспечение психического благополучия, эмоциональной устойчивости и профессиональной надежности сотрудников. Основными задачами психологической службы являются диагностика и управление стрессом, поддержание эмоциональной стабильности, содействие личностному развитию, а также повышение уровня профессиональной мотивации. Психологическая поддержка помогает сотрудникам

сохранять внутреннее равновесие, преодолевать эмоциональные перегрузки и предотвращать профессиональное выгорание.

Реализация психологической помощи осуществляется в различных формах, обеспечивающих комплексный подход к решению проблем. К ним относятся индивидуальные и групповые консультации, направленные на осознание и преодоление личных и профессиональных трудностей; тренинги и семинары по стресс-менеджменту, конфликтологии и развитию коммуникативных навыков, способствующие укреплению психологической устойчивости. Важную роль играет психологическая диагностика, включающая анкетирование, тестирование и наблюдение, что позволяет своевременно выявлять признаки эмоционального напряжения и профессионального выгорания.

Кроме того, одним из ключевых направлений работы является постоянный мониторинг психоэмоционального состояния сотрудников. Он позволяет своевременно оценивать уровень психологической нагрузки, выявлять риски и корректировать индивидуальные программы поддержки. Таким образом, система психологической помощи в таможенной службе направлена не только на решение возникающих проблем, но и на профилактику деструктивных состояний, формирование устойчивой профессиональной мотивации, укрепление нравственных установок и создание здорового психологического климата в коллективе.В ряде развитых стран (США, Германия, Южная Корея) действует постоянная система психологического сопровождения сотрудников таможни и правоохранительных органов. Уже в 1970–1980-е годы для таможенников, полицейских и пограничников были введены тренинги по борьбе со стрессом, консультации и штатные психологи.

В 1990-е годы ООН и международные организации безопасности (Интерпол, ВМО) признали важность психического здоровья сотрудников служб безопасности и рекомендовали обязательное введение психологических служб.

После обретения независимости (1991 г.) в Узбекистане начались реформы систем государственной безопасности, внутренних дел и таможни, в рамках которых внедрялись элементы зарубежного опыта психологического сопровождения. В начале 2000-х годов психологи начали работать в системе Министерства внутренних дел и военной прокуратуры. С 2010-х годов первые меры по внедрению психологической службы начали предприниматься и в Государственном таможенном комитете. Среди них — профилактические беседы, антистрессовые тренинги и психологические обследования сотрудников.

Если в мире система психологического обеспечения таможенных работников сформировалась в середине XX века, то в Узбекистане она стала развиваться с 2000-х годов — сначала через военные и внутренние структуры, а затем адаптировалась для таможенной сферы. Сегодня этот процесс продолжается, однако необходимость систематизации и дальнейшего совершенствования остаётся актуальной.

В заключение следует подчеркнуть, что психологическая устойчивость, преданность профессии и дисциплинированность сотрудников таможни напрямую зависят от уровня их психологической поддержки. Психологические службы должны действовать не только при возникновении проблем, но и как профилактическая мера. Создание научно-обоснованных и институционально закреплённых основ психологической службы в таможенной системе является одной из приоритетных задач современности.

Литературы.

1. Barotov Sh.R. Psixologik xizmatning nazariy va amaliy muammolari. Buxoro, 2008.
2. Дубровина И.В. Школьная психологическая служба. М., 1991.
3. Karimova N. Stress boshqaruvi asoslari, Toshkent, 2019.

4. Миронова И. А. Психологическая помощь сотрудникам правоохранительных органов, Москва, 2018.
5. APA Guidelines for Psychological Practice in High-Risk Occupations. American Psychological Association, 2021.
6. Customs and Border Protection: Occupational Stress and Support Programs – U.S. Department of Homeland Security Report, 2022.

ДИАГНОСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У ШКОЛЬНИКОВ

Бахронова К.Я.
(г.Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности психологических расстройств, проявляющихся у учащихся школьного возраста. Актуальность темы обусловлена ростом эмоциональных и поведенческих нарушений среди детей, связанным с учебной нагрузкой, социальными трудностями и семейными проблемами. Цель исследования заключается в анализе причин возникновения психологических расстройств у школьников, выявлении их ранних признаков и разработке эффективных методов диагностики и профилактики. В работе представлены современные подходы к диагностике эмоциональных и поведенческих нарушений, описаны психологические и педагогические методы коррекционной работы. Особое внимание уделяется роли школьного психолога и педагогического коллектива в создании благоприятной образовательной среды, способствующей сохранению психического здоровья*

Ключевые слова: *психологические расстройства, школьники, тревожность, депрессия, гиперактивность, помощь, диагностика, коррекция.*

Annotation. *The article examines the peculiarities of psychological disorders manifested among school-age students. The relevance of this topic is determined by the increasing incidence of emotional and behavioral disorders among children, which are associated with academic pressure, social difficulties, and family problems. The purpose of the study is to analyze the causes of psychological disorders in schoolchildren, identify their early symptoms, and develop effective methods for diagnosis and prevention.The paper presents modern approaches to diagnosing emotional and behavioral disorders and describes psychological and pedagogical methods of corrective work. Special attention is given to the role of the school psychologist and the teaching staff in creating a favorable educational environment that contributes to maintaining students' mental health.*

Keywords: *psychological disorders, schoolchildren, anxiety, depression, hyperactivity, help, diagnosis, correction.*

Введение. Школьный возраст является одним из ключевых этапов психосоциального развития ребенка. В этот период происходят значительные изменения в когнитивной, эмоциональной и социальной сферах, что обуславливает формирование базовых компонентов личности, а также подготовку к более сложным жизненным и образовательным задачам. Психология ребенка в школьном возрасте охватывает широкий спектр вопросов, включая когнитивное развитие, особенности взаимодействия с окружающими, мотивацию, эмоциональные реакции и развитие

самосознания.

Школьный возраст охватывает период с 6-7 до 12-13 лет и традиционно делится на младший школьный (6-9 лет) и старший школьный (10-12 лет) периоды. В это время у ребенка развиваются более сложные когнитивные и социальные навыки, и он постепенно переходит от непосредственного восприятия и действия к абстрактному и логическому мышлению.

На данном этапе школьник начинает осваивать основные школьные дисциплины, развивает способности к чтению, письму, счету, а также приобретает навыки самостоятельной работы. В этом возрасте активно формируются основные когнитивные функции, такие как внимание, память и восприятие, а также развиваются представления о себе и окружающем мире..

Когнитивное развитие школьника характеризуется значительными изменениями в способах восприятия, анализа и переработки информации. По мнению Жана Пиаже, школьный возраст соответствует стадии конкретных операций, когда ребенок начинает работать с конкретными объектами, но еще не способен к абстракциям, характерным для подросткового возраста.

Мышление школьника в этом возрасте становится более логичным и последовательным. Однако оно еще связано с конкретными объектами и ситуациями. Дети начинают понимать причинно-следственные связи, могут классифицировать объекты и организовывать их в категории. В младшем школьном возрасте преобладает наглядно-образное мышление, а в старшем – более логическое и последовательное, хотя абстрактное мышление начинает развиваться только в подростковом возрасте.

Однако именно в этот период может проявиться ряд психологических нарушений, которые оказывают влияние на эмоциональное, социальное и интеллектуальное развитие ребенка.

1. Причины нарушений психологии ребенка в школьном возрасте

Нарушения психологии школьников могут иметь множество причин, как внешних, так и внутренних. Важно понимать, что они могут возникать не только из-за проблем в семье или школе, но и из-за особенностей самого ребенка.

Основные причины:

Семейные проблемы: Неполные семьи, эмоциональные или физические насилия, недостаток внимания со стороны родителей — все это может привести к возникновению психологических проблем у ребенка. Например, исследования показывают, что дети, выросшие в семьях, где часто происходят конфликты или насилие, в два раза чаще страдают от тревожных расстройств. Одним из ярких примеров является случай, описанный в работах американского психолога Джона Боулби, который утверждал, что нестабильность в отношениях с родителями может стать основой для развития тревожных расстройств у ребенка.

Школьная среда: Психологические проблемы могут быть связаны с учебным процессом, отношениями с учителями или одноклассниками. Перегрузка, проблемы с адаптацией, буллинг и отсутствие эмоциональной поддержки со стороны школьного коллектива — все это может вызвать стрессовые реакции. Исследования показывают, что 20-30% школьников в возрасте 10-15 лет подвергаются буллингу, что может стать фактором риска для развития депрессии и низкой самооценки.

Возрастные особенности: Школьный возраст — это период активного развития, когда дети начинают осознавать себя и свое место в мире. Этот процесс может быть затруднен у некоторых детей из-за слабых социальных навыков, неврологических особенностей или недостаточного уровня психической зрелости. Например, дети с дефицитом внимания или гиперактивностью часто испытывают трудности в адаптации к требованиям школьной жизни.

2. Основные виды психологических нарушений у детей школьного возраста

Психологические расстройства у школьников могут проявляться различными

способами. Наиболее часто встречающиеся нарушения включают:

Тревожные расстройства: Дети, испытывающие постоянное чувство тревоги, могут иметь проблемы с концентрацией, быстро уставать, испытывать страхи, связанные с учебой, социализацией или здоровьем. Например, в одном из исследований, проведенных на основе анализа состояния 1500 школьников, было установлено, что тревожные расстройства наблюдаются у 10-12% детей школьного возраста. Тревога часто проявляется в форме панических атак или устойчивого страха перед школой, что приводит к пропускам занятий и социальной изоляции.

Депрессия: Несмотря на то, что депрессия чаще ассоциируется с взрослыми, она может проявляться и у детей. У детей школьного возраста депрессия может проявляться через повышенную раздражительность, апатию, проблемы с концентрацией, снижение интереса к прежним занятиям, а также через физические симптомы, такие как головные боли или боли в животе. В одном из крупных исследований, проведенных в Великобритании, было показано, что 1 из 20 школьников страдает от депрессии, что делает это расстройство одним из самых распространенных у детей.

В школьном возрасте начинается активное формирование самосознания. Ребенок начинает различать «я» и «не я», строить более четкие представления о своих сильных и слабых сторонах, а также осознавать свою роль в группе сверстников. В этот период особенно важна поддержка взрослых, поскольку положительное восприятие себя связано с успешной адаптацией в школьной среде.

В переходный период в школьной жизни ребенок может испытывать трудности с адаптацией к новым условиям — как учебным, так и социальным. Это может привести к трудностям с установлением контактов с одноклассниками, ухудшению успеваемости, а также развитию низкой самооценки. Например, в исследовании, проведенном среди первоклассников в России, было обнаружено, что 15% детей испытывают значительные трудности в социальной адаптации в первые месяцы после начала учебы.

Симптомы гиперактивности и нарушения внимания (СДВГ): Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивности часто не могут сосредоточиться на учебных заданиях, им трудно соблюдать дисциплину, они бывают импульсивными и легко отвлекаются. Эти нарушения могут влиять на их успеваемость и взаимоотношения с учителями и одноклассниками. Около 5-7% школьников по всему миру страдают от СДВГ, что делает это расстройство одним из самых распространенных.

Эмоциональные реакции становятся более разнообразными и дифференцированными. Ребенок начинает осознавать сложность человеческих отношений, проявлять эмпатию и сочувствие, а также сталкиваться с первыми конфликтами в межличностных взаимодействиях. Важно, чтобы в этот период взрослые помогали ребенку осваивать навыки эмоциональной саморегуляции, а также разрешения конфликтных ситуаций.

Агрессивное поведение, нарушение дисциплины, склонность к конфликтам и нарушению правил могут быть признаками психических нарушений. Такие дети могут быть замкнутыми или, наоборот, проявлять агрессию по отношению к окружающим. Примером может служить поведение подростков, страдающих от расстройстваConduct Disorder (расстройства поведения), которое часто связано с социальными и эмоциональными проблемами в семье и школе.

Социальные взаимодействия в школьном возрасте становятся более сложными. Ребенок начинает активно вступать в социальные группы, разрабатывать стратегии общения с учителями и сверстниками, что способствует формированию социальных навыков.

В старшем школьном возрасте влияние сверстников на ребенка становится более заметным. Друзья и одноклассники играют важную роль в развитии самооценки и в

формировании личных и социальных идентичностей. В этот период дети начинают осознавать важность групповой принадлежности и могут переживать сильное давление сверстников.

Психологические нарушения в школьном возрасте могут серьезно повлиять на личностное и социальное развитие ребенка. Например, дети с тревожными расстройствами или депрессией часто испытывают трудности в общении с одноклассниками, не могут полноценно интегрироваться в коллектив. Это может привести к социальной изоляции, плохим отношениям в классе и чувству одиночества.

Кроме того, нарушения психики могут повлиять на академические достижения. Неспособность сосредоточиться, нехватка энергии или эмоциональная нестабильность мешают ребенку усваивать материал, что часто приводит к снижению успеваемости и ухудшению отношений с учителями. Исследования показывают, что дети с СДВГ и депрессией имеют

в два раза более низкие результаты на тестах по сравнению с детьми, не страдающими от этих расстройств.

Теперь перейдем к анализу результатов, полученных непосредственно на основе метода Кеттелла. Прежде всего, следует отметить, что данные, полученные по каждому фактору, информируют нас о формировании того или иного признака, который включает 16 факторов, связанных с личностью и личностным профилем. Наша главная цель - сделать определенный уровень социально-психологических выводов, сравнивая детей двух разных категорий («n1» и «n2») одного возраста.. В этом контексте мы стремились оценить черты личности по критериям Кеттелла в условно принятой нами группе детей здорового («n1») типа и с помощью этой оценки разработать определенный уровень практических рекомендаций. Следовательно, аналитические разработки возможностей метода Кеттелла и каждого из 16 факторов в нем доступны во многих научных литературных источниках. Поэтому в этом анализе мы сочли необходимым дать интерпретацию методологии, не сосредотачиваясь на каждом из 16 факторов, объединив данные, отражающие эмпирические результаты по этим факторам, в 3 общепринятых компонента. Были включены следующие критерии:

I. Факторы, характеризующие эмоционально-волевые компоненты: C; F; G; I; Q; Q_3; Q_4 ;

II. Коммуникативные факторы, выражающие компоненты: A;H;E;N;L;

III. Когнитивные факторы, выражающие компоненты: B; M; Q_1; Q_2.

Следовательно, основной задачей отбора этих критериев является обеспечение сравнительной оценки поведения учащихся младшего школьного возраста, на основе этих компонентов путем раздельного выделения личностных компонентов, формирующихся в личности здоровых (n_1) и нездоровых (n_2) детей. Также с помощью этих оценок была предпринята попытка сформулировать определенные предположения о сильных и слабых сторонах, характерных для данной категории детей (таблица-1).

Таблица-1

Сравнительно-типичные показатели проявления компонентов личности у учащихся младшего школьного возраста

Компоненты								
Критерий / объект	Эмоционально-волевой		Коммуникативный		Когнитив-ный		Итого	
	а	б	а	б	а	б	а	Б
$n_{1=}$58 %	26	32	33	25	30	28	30	28
	44,8	55,2	56,9	43,1	51,7	48,3	51,7	48,3

$n_2 = 55$ %	17	38	18	37	27	28	21	34
	31,9	69,1	32,7	67,3	49,1	50,9	38,2	61,9

Как видно из таблицы в здоровой группе детей (n_1 =58), а также в нездоровой группе детей (n_2 =55) шкала показателей отличается тем, что они проявляются на разных уровнях. Это говорит о том, что существует тенденция изучать каждого ребенка или группу в отдельности и реагировать на нее на этой основе.

В частности, проявление факторов эмоционально-волевого компонента («C»; «F»; «G»; «I»; «Q»; «Q»$_3$; «Q»$_4$) свидетельствует о том, что в группе n_1= 58 этот показатель достигает 32 человек, то есть 55,8% по сравнению с показателями определенной степени адеквата («а»), то есть 44,8% по сравнению с неадекватом («б»). На данный момент стало известно, что шкала этих показателей находится в группе 17 человек, (30,9%) адекватных и 38 (69,1%) «неадекватных» показателей в группе нездоровых детей (n_2 = 55). То есть в здоровой группе детей (n_1), в большем количестве случаев, чем в нездоровой группе детей (n_2), эмоциональная устойчивость, психическое перенапряжение, ответственность, настойчивость, немного спокойствия, самоконтроль являются «показателями адекватности» (то есть если эти качества проявляются выше среднего) высокоактивных качеств. А в группе нездоровых детей (n_2=55) мы видим, что показатели несоответствия этим качествам (критерий«в») - более выражены (табл.1), что свидетельствует о еще большей социальной необходимости организации более коррекционной работы в эмоционально-волевой сфере с детьми, в которых наблюдаются определенные нарушения поведения.

В проявлении факторов («A»; «H»; «E»; «N»; «L») коммуникативность», выбранных в качестве второго компонента методом Кеттелла, мы видим определенную степень несоответствия у членов обеих групп («n_1» и «n_2»).

В частности, в группе здоровых детей (n_1 = 58), «а»-нормой показателей адекватности являются 33 человека (56,9%), результат которых связан с личностными отношениями у здоровых детей «инициативность»-A; настойчивость-H; лидерство-E; дипломатичность-H; уверенность в себе-J является еще одним подтверждением относительно высокой выраженности , а у нездоровых детей можно наблюдать, что показатели этого фактора проявляются на относительно низком уровне. Точнее, шкала адекватных показателей коммуникативности (критерий в) составила лишь 18 (22,7%) в группе нездоровых детей (n_2 = 55). У 37 детей (67,3%) были зафиксированы некоммуникативные показатели.

Следующим этапом второй главы нашего исследования является мето-дология социально-психологической адаптации (К.Роджерс, Р.Даймонд), анализу которой посвящены результаты, полученные на ее основе.

Таблица-2

Сравнительный анализ результатов, полученных методом социально-психологической адаптации

№	Критерии		n_1 =58		n_2 =55		Итого n_1 +n_2 =113	
			n	%	n	%	N	%
1	Адаптация	А	40	69,0	27	49,1	67	59,3
		Б	18	31,0	28	50,9	46	40,7
2	Самопринятие	А	39	67,2	21	38,2	60	53,1
		Б	19	32,8	34	61,8	53	46,9
3	Принятие других	А	36	62,1	20	36,4	56	49,5

		Б	22	37,9	35	63,6	57	60,5
4	Эмоциональная комфортность	А	39	67,2	17	30,9	56	49,5
		Б	19	32,8	38	69,1	57	50,5
5	Интернальность	А	30	51,7	33	60,0	63	55,7
		Б	28	48,3	22	40,0	50	44,3
6	Стремление к доминированию	А	40	69,0	42	76,4	82	72,5
		Б	18	31,0	13	25,6	31	27,5
Итого (в среднем)		А	37	63,8	27	49,1	64	56,6
		Б	21	36,2	28	50,9	49	43,4

Рисунок-2. Сравнительный анализ результатов, полученных методом социально-психологической адаптации

В этих экспериментах в основном участвовали учащиеся младшего школьного возраста (58 человек). Из них 30-мальчиков и 28-девочек. Средний возраст испытуемых составлял 10-11 лет. В выбранную группу вошли дети, испытывающие трудности в учёбе и поведении. Большинство учащихся из неполных семей. Родители многих из них не имеют постоянной работы. Большинство детей попадают в так называемую «опасную группу». В большинстве случаев у таких детей наблюдается тенденция к развитию расстройств личности. Она отличается тем, что большинство учеников имеют относительно педагогическую и социальную отсталость.

Таким образом, проявления первичных поведенческих расстройств у опрошенных респондентов анализировались на основе показателей адекватности («а») уровня социально-психологической адаптации и неадекватности («б») уровня социально-психологической адаптации.

При обработке результатов опроса социально-психологической адаптации (К.Роджерс, Р.Даймонд) были получены данные, подтверждающие наличие признаков дезадаптации у учащихся исследуемых групп (таблица 2, рисунок 2).

В частности, средняя суммарная шкала показателей, связанных с проявлением факторов адаптации (n_1=58), в какой-то мере адекватна («а») 40 учащимся, то есть составляет 69,0%, по сравнению с суммой неадекватных («б») показателей, то есть 18 учащихся, которые составляют 31,0%. При этом выяснилось, что шкала этих показателей в группе нездоровых детей (n_2=55) находится в пределах 27 (49,1%) адекватных и 28 (50,9%) «неадекватных». То есть в группе здоровых детей (n_1) адаптация была выше, чем в группе нездоровых детей (n_2), а в группе нездоровых детей (n_2=55) была высокая степень адаптации (то есть, эти качества выше среднего) показатели (критерий «б») — более выражены, что свидетельствует о возрастающей социальной потребности в организации более корректирующей работы в области адаптации с детьми с определенными расстройствами поведения.

Согласно показателю принятия себя, здоровая группа (n_1=58) состояла из 39 членов, то есть 67,2%, по сравнению с адекватными («а») показателями, и 19 членов по сравнению с неадекватными («б») показателями, то есть, 32,8%, тогда как шкала этих показателей составила 21 учащихся в группе нездоровых детей (n_2=55) по сравнению с адекватной («а»), то есть, 38,2%, что неадекватно («б») и 34,8 учащихся, или составляет 61,8%.

Согласно показателю принятия других, количество членов здоровой группы (n_1=58) составило 36 учащихся по сравнению с адекватной («а»), то есть, 62,1%, и 22 учащихся по сравнению с количеством неадекватных («б») показателей, то есть, 37 учащихся составляет 9%, при этом масштаб этих показателей в группе нездоровых детей (n_2=55) составляет 20 человек, то есть, 36,4%, по сравнению с показателями адекватными («а»), что является неадекватным («б») и 35,6 учащихся или составляет

63,6% и конечно же, этим отделяется.

По результатам показателя эмоционального комфорта в группе здоровых детей (n_1=58) составил 39% от адекватных («а»), то есть, составляет 67,2%, и 19 учащихся по сравнению с количеством неадекватных («б»), то есть, в то же время масштаб этих показателей составил 17,9 учащихся то есть, составляет 30,9%, по сравнению с адекватными («а») показателями в группе нездоровых детей (n_2 =55), что является неадекватным («б») 38 учащихся, или 69,1% от общего числа.

Полученные результаты показателя интернальности (уровень субъективного контроля) показывают, что в группе здоровых детей (n_1=58) составляло 30 человек по сравнению с показателями адекватного («а»), то есть, 51,7%, и 28 учащихся по сравнению с количеством неадекватных («б») показателей, то есть, 48 учащихся. В то же время в группе нездоровых детей (n_2=55) количество показателей достигло 33% по сравнению с адекватным («а»),то есть, 60,0%, что является неадекватным («б») по сравнению с 22 учащихся, или 40,0%.

Полученный результат по показателю стремление к доминированию в группе здоровых детей (n_1=58) составил 40 учащихся по сравнению с показателями адекватных («а»), т.е. составляет 69,0%, и этот показатель составил 18 учащихся по сравнению с количеством неадекватных («б») показателей, т.е. в то же время в группе нездоровых детей (n_2=55) показатель данных критерий составил 42,0 учащихся т.е. составил 76,4% по сравнению с адекватным («а») показателем, что является неадекватным («б») и 13,6 учащихся, или 25,6%.

Оценивая средние общие результаты по 6 выявленным показателям, мы можем увидеть, что 63,8% из 58 тестируемых здоровых детей показали «адекватность» и 36,2% «неадекватность». В то же время мы видим, что 49,1% из 55 тестируемых нездоровых детей имеют тенденцию к проявлению «адекватности», а 50,9% имеют в среднем общую «неадекватность».

Исходя из общего вывода результатов этого корреляционного анализа, представленного выше, можно сказать, что такие методы родительских отношений, как социальное одобрение и симбиоз, приводят к повышению гибкости детей с нарушениями поведения, снижению уровня устойчивости и доминантности, позволяя более рационально и конструктивно вести себя в фрустрационных ситуациях, а также контролю поведения. А проявление родителями особенностей эмоционального неприятия и авторитарной гиперсоциализации в той или иной степени отрицательно сказывается на процессе психической адаптации у детей. А это требует определенного уровня социально-психологического диалога и обучения с родителями детей, у которых наблюдаются поведенческие нарушения

4. Как помочь ребенку?

Раннее выявление и корректировка психологических нарушений играет ключевую роль в поддержке ребенка. Важно своевременно заметить симптомы и обратиться за помощью к специалистам.

Учебная мотивация у младших школьников часто проявляется через желание угодить взрослым или получить положительную оценку, в то время как у старших школьников мотивация может быть связана с самореализацией и стремлением к профессиональному будущему. Однако мотивация может изменяться в зависимости от образовательных условий и особенностей психофизического развития ребенка.

Трудности в учебе могут привести к снижению мотивации, что особенно заметно в старшем школьном возрасте. Важно, чтобы педагог и семья вовремя замечали признаки демотивации и помогали ребенку преодолевать трудности через адаптацию образовательного процесса, создание поддерживающей атмосферы и стимулирование положительных успехов.

Работа с психологом: Индивидуальные или групповые занятия с детским психологом могут помочь ребенку научиться справляться с эмоциями, тревогой,

агрессией и другими проявлениями стресса. Например, когнитивно-поведенческая терапия показала высокую эффективность в лечении тревожных расстройств и депрессии у детей.

Работа с родителями: Важной частью лечения является работа с родителями, которые могут научить ребенка новым способам решения проблем и справляться с собственными переживаниями. В случае сложных семейных ситуаций важно привлекать семейных терапевтов. Программы поддержки родителей, такие как "Родители за мир" в Великобритании, показали хорошие результаты в снижении конфликтов в семье и улучшении психологического состояния ребенка.

Поддержка со стороны школы: Важно, чтобы школа была настроена на поддержку детей с психоэмоциональными проблемами. Учителя и школьные психологи должны иметь возможность работать с детьми, помогать им в адаптации и обеспечивать эмоциональное благополучие в учебном процессе. Программы психоэмоциональной поддержки, такие как «Школьный психолог в каждом классе», позволяют создать атмосферу доверия и безопасности в образовательном учреждении.

Мотивация в школьном возрасте играет центральную роль в успешности обучения. В младшем школьном возрасте мотивация может быть в значительной степени внешней (например, награды или похвала от взрослых), но по мере взросления появляется внутренняя мотивация, связанная с личным интересом и потребностью в успехе.

Учитель, как авторитет в образовательной среде, играет ключевую роль в процессе социализации ребенка. Отношения с учителями могут существенно влиять на уверенность ребенка в себе, а также на его академическую мотивацию. Семья же остается основным источником эмоциональной поддержки и первичной социализации, особенно на ранних этапах школьного обучения.

Психология ребенка в школьном возрасте является важной областью исследования, которая помогает понять, как когнитивные, эмоциональные и социальные процессы влияют на развитие личности ребенка в этот критический период. Понимание особенностей психологии школьников позволяет эффективно поддерживать их развитие, направлять усилия на формирование здоровых отношений, развитие самосознания и мотивации к обучению, что имеет долгосрочные последствия для их успеха в жизни и обучении.

Нарушения психологии ребенка в школьном возрасте — это сложная и многогранная проблема, требующая комплексного подхода. Важно, чтобы дети, сталкивающиеся с психологическими трудностями, не оставались один на один с ними, а получали поддержку от родителей, педагогов и специалистов. Раннее вмешательство и грамотная помощь могут существенно улучшить качество жизни ребенка и помочь ему полноценно развиваться в школьной среде и за ее пределами.

Согласно проведенному анализу, после применения определенного уровня психокоррекционной программы, был отмечен ряд положительных результатов в устранении семейных проблем у большинства родителей, выявлены такие действия, как желание проявить сочувствие к ребенку, теплое эмоциональное отношения.

Обнаружено достоверное ($P<0,05$) снижение показателей эмоциональ-ного отрицания и инфантилизации типов родительского стиля отношения. И это связано с тем, что положительные изменения в эмоциональном состоянии родителей по отношению к своему ребенку свидетельствуют о том, что в теплых эмоциональных отношениях с ним отчетливо проявляются показатели симпатии и взаимного доверия. Сравнительный анализ стиля родительских отношений до и после проведения курса психокоррекции представлен в таблице 3.

Представленные данные свидетельствуют о том, что в результате проведенной психокоррекции дети способны добиться применения рационального способа поведения, направленного на разрешение ситуации. Главным образом появляется

мотивация, желание преодолеть конфликты и препятствия. Следовательно, формирование тенденции к адекватному поведению в случае фрустраций у детей с нарушениями поведения также проявлялось в определенной степени.

По оценкам родителей, доля групповых конформных коэффициентов в обеих группах выше показателя после коррекции, чем показатели до коррекции, что свидетельствует о том, что дети с поведенческими нарушениями имеют повышенные адаптационные возможности по отношению к окружающей среде. В то же время достоверные различия ($p<0,05$) были выявлены в показателях психокоррекции до и после оценки социальной адаптации детей к своему окружению у родителей. По оценкам родителей, в группе детей с нарушенными поведения было установлено, что групповой конформный коэффициент достоверно выше показателя после психокоррекции и до коррекции.

Таблица-3

Средне-общие, сравнительно-типовые показатели отношения родителей к детям из нездоровых групп (n1 = 55)

№	Критерии	До коррекции				После коррекции				ежу-точные баллы	
		«а»		«б»		«а»		«б»		««а»	««б»
		N	%	N	%	N	%	n	%	N	%
1	Принятие – отвержение	20	36,4	35	63,6	32	58,2	23	41,8	24-33	0-8
2	Социальное Одобрение (кооперация)	23	41,8	32	58,2	34	61,8	21	38,2	7-8	1-2
3	Симбиоз	27	49,1	28	50,9	39	70,9	16	29	6-7	1-2
4	Авторитарная иперсоциализация (контроль)	22	40,0	33	60,0	36	65,5	19	31,5	6-7	1-2
5	Инфантилизация (Отношение к еудачам ребенка).	16	29,1	39	70,9	32	58,2	23	41,8	7-8	1-2

Стоит также отдельно отметить, что в ходе исследования важно определить, насколько эффективны наши программы, связанные с процессом коррекции семьи. Поэтому был проведен определенный корреляционный анализ по диагностике данной эффективности. Было отмечено, что количество продуктивных показателей увеличивалось в экспериментально-испытательном этапе исследования в течение некоторого времени. При фиксации этих результатов была изучена и проанализирована деятельность 50 родителей в соответствии с задачами исследования, как объекта «эксперимент» работы на основе специальных программ, а также общетрадиционная деятельность 51 родителя как объекта «контроля» (табл.4).

Таблица-4

Показатели эффективности, связанные с семейной психокоррекцией

Группы	Количество	Уровень		
		Высокий	Средний	Низкий

	респондентов	n	%	n	%	N	%
Группа «Эксперимент»	50	7	14,0	13	26,0	30	60,0
а) до эксперимента	50	20	40,0	20	40,0	10	20,0
б) после эксперимента							
Группа «Контроль»							
а) до эксперимента	51	8	15,7	16	31,3	27	52,9
б) после эксперимента	51	10	19,6	20	39,2	21	41,2

Анализ полученных эмпирических данных показал достоверную разницу между «экспериментальной » и «контрольной» группами. Таким образом, исследование подтвердило возможность достижения эффективности результатов, связанных с семейной психокоррекционной деятельностью.

Анализ полученных эмпирических данных показал, что существует существенная разница между «экспериментальной» и «контрольной» группами. Следовательно, можно отметить, что показатели «высокого» уровня работоспособности у учащихся «экспериментальной» группы увеличились с 7 до 20 человек, в то время как показатели «низкого» уровня снизились с 30 до 10 человек, причем у респондентов «контрольной» группы разница между такими показателями незначительна. Об этом свидетельствует эффективность разработанной программы психологического подхода, основанной на семейной коррекции.

Заключение.

Данное исследование направлено на определение влияния родительской оценки и отношения на личностное развитие детей с поведенческими расстройствами, а также на изучение динамики семейных отношений в процессе психологической коррекции семьи и выявление социальных факторов, способствующих успеху семьи. психокоррекция. и по результатам исследования были сделаны следующие общие выводы.

1**.** Анализ структуры личности детей с нарушениями поведения показал, что по сравнению со здоровыми детьми у них выражена дисгармония. Этот процесс определяется и оценивается определенными социально-психологическими факторами: слабостью эмоционального контроля, высоким уровнем эмоционального возбуждения, высоким уровнем тревожности, выраженным проявлением таких ситуаций, как высокая возбудимость, необычность, ригидность, фрустративность.

2. Анализ структуры личности детей с расстройствами поведения показал, что у них выражена дисгармония по сравнению со здоровыми детьми. В то же время этот процесс определяется и оценивается четким выражением определенных социально-психологических факторов: слабость эмоционально-волевого контроля, высокий уровень эмоциональных переживаний, высокий уровень тревожности, высокая чувствительность, одиночество, ригидность, разочарование.

3. Анализ родительских оценок поведения детей в ситуации определенной степени фрустрации показал, что родители детей с поведенческими расстройствами неадекватно воспринимали своего ребенка в отличие от родителей из здоровой группы детей. Это говорит о том, что стиль инфантильного отторжения является приоритетом для родителей детей с поведенческими расстройствами.

4.Степень психической дезадаптации детей является самомотивирующим фактором изменения дисфункциональных отношений родителей в семейной системе, хотя проявление таких черт, как самоудовлет- воренность, тревожность, агрессия, инфантильность, враждебность, высокомерие, агрессия, демонстрируют признаки определенных поведенческих расстройств, еще раз подтверждено наличие специфической динамики.

5. Результаты семейной психокоррекции с детьми и их родителями на экспериментальных площадках показали, что в целом сегодняшные родители понимают своих детей, уважают их индивидуальные психологические способности, уделяют время детям, поддерживают «симбиоз» их интересов и стремлений, ведущий к уменьшение «мелких неудач» в развитии отношений. В результате у родителей формируется чувство понимания ребенка, правильное восприятие его поведения, совместное исправление в нем недостатков, взгляд на ребенка с уверенностью.. Таким образом, необходима уделить особое внимание социально-психологической грамотности родителей, наличее социально-психологической дисбалансов в понимании их детей приводить к возникновению конфликта между ребенком и родителя. Эти конфликты приводят к формированию поведенчиских нарушений ребенка.

6. Отсутствие положительных эмоциональных взаимодействий между родителями детей с поведенческими расстройствами, возникновение конфликтов между ребенком и родителями, а также то, что эти конфликты приводят к формированию поведенческих расстройств у ребенка, серьезное внимание уделяется улучшению социально-психологической грамотности родителей.

Использованная литературы.

1. Александровская Э.М., Гильяшева И.Н. Адаптированный модифицированый вариант детского личностного вопросника Р.Кеттелла: Методические рекомендации. – М.: Изд–во МГУ,1993.-34 с

2.Дубровина, Н. А. Психология школьника: Влияние эмоциональных и социальных факторов на развитие ребенка. — М.: Академия, 2015.

3. Захаров И. М. Психология ребенка школьного возраста: Проблемы и пути коррекции. — СПб.: Питер, 2018.

4. Рогова Н. С. Психология детского возраста: Эмоциональные расстройства у детей. — М.: Просвещение, 2017.

5. К.Я.Бахронова Особенности психокоррекции нарушений поведения у детей и подростков. “Вестник интегративной психологии” г. Ярославль, 2017. №15. – С. 136-139.

6. Леви В. М. Психология школьников с расстройствами поведения: Проблемы и подходы. — М.: МГУ, 2016.

7. Шмидт Н. П. Психология детей с СДВГ: Особенности, диагностика и лечение. — М.: Тандем, 2020.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Болтаева С.З.

(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы совершенствования коммуникативной компетентности студентов-нефилологов при обучении английскому языку и психологического развития высококвалифицированных, социально мотивированных, конкурентоспособных кадров в системе высшего образования на основе передовых зарубежных технологий.*

Ключевые слова: *компетентность, коммуникативная компетентность, способность, креативность, дидактика, лингвистика, интеллектуальный потенциал.*

Abstract.*This article discusses the issues of improving the communicative competence of non-philological students in teaching English and the psychological development of highly qualified, sound-minded, competitive personnel in the higher education system based on advanced foreign technologies.*

Keywords: *competence, communicative competence, ability, creativity, didactics, linguistics, intellectual potential.*

В высших учебных заведениях мира внедряются креативные технологии развития профессиональных, отраслевых коммуникативных компетенций специалистов по иностранному языку. Ведётся системная работа по внедрению масштабных проектов, направленных на развитие интерактивной семантики языка, эстетики речи, вербальной коммуникации, трансформации педагогических идей в образовательный процесс, совершенствование монологических и диалогических форм общения, повышение качества образования и квалификационных требований до международного уровня, развитие критического мышления, формирование общекультурных компетенций с использованием современных педагогических и информационно-коммуникационных технологий с использованием мультимедийных средств, внедрение передовых методов обучения. В последние годы в нашей республике созданы нормативные основы для организации обучения иностранным языкам на основе системных международных квалификационных требований, формирования системы подготовки студентов, основанной на передовом зарубежном опыте, и ускоренных подходов к формированию коммуникативных компетенций в сфере обучения иностранным языкам. “Мы последовательно и впредь будем создавать максимально благоприятные условия для овладения нашими детьми современными знаниями и умениями в сфере образования”. С этой целью будут кардинально пересмотрены школьные программы, методика преподавания и содержание учебников.

Данная система поставлена в качестве приоритетной задачи, которая сначала будет изучена передовыми зарубежными специалистами, а затем внедрена. Это, в свою очередь, расширяет возможности “Повышения качества и эффективности деятельности высших учебных заведений на основе оценки международных образовательных стандартов”. В Узбекистане создана комплексная система обучения английскому языку для подготовки высококомпетентных, современных специалистов,свободно обменивающихся идеями с представителями разных национальностей, конкурентоспособных на мировом рынке труда, целостных личностей и механизма повышения эффективности их изучения иностранных языков. В эпоху глобализации выпускники высших учебных заведений обязаны уметь читать литературу на иностранном языке по специальности, понимать прочитанный текст и использовать его в своей будущей профессиональной деятельности, свободно общаться с собеседником на заданную тему. Сегодня реформы, проводимые в системе образования нашей страны, направлены на подготовку высококвалифицированных, амбициозных, конкурентоспособных, требует воспитания инициативных, духовно и физически здоровых личностей. Для этого в направлении проведения справедливой социальной политики, развития человеческого капитала “Стратегии развития нового Узбекистана” на 2022–2026 годы поставлены такие задачи, как “Обеспечение открытого и качественного образования молодежи, обеспечение достойного образования молодежи на всех ступенях обучения, создание условий для развития инклюзивного образования в регионах”, и в этой связи сегодня ведется работа по активизации коммуникативной компетентности студентов, воспитанию высокообразованного и интеллектуально развитого поколения, формированию

резерва компетентных научно-педагогических кадров в высших учебных заведениях. После обретения независимости Республика Узбекистан получила признание развитых стран по всем направлениям развития: социально-экономическому, политическому и духовному. Поэтапные реформы в нашей стране ускорили процесс внедрения современных технологий и методик, сформировали приоритетное направление, признанное во всем мире под названием “узбекская модель”.

Созданная в стране система непрерывного образования защищает законные интересы субъектов образования и служит основой для создания комплексного механизма подготовки глобально конкурентоспособных кадров. Закон “Об образовании” определил обучение иностранным языкам как приоритетную задачу в рамках всех реформ в системе непрерывного образования.

МЕТОДОЛОГИЯ. Преподавание английского языка в нашей республике изучал Дж.Дж. Джалолов, Г.Х. Бакиева, У.Х. Хошимов, Т.К. Сатторов, С. Саидалиев, Г.Т. Махкамова, Л.Т. Ахмедова, И.М. Тухтасинов, У.У. Джуманазаров; преподавание иностранных языков на нефилологических направлениях образования изучал С.К. Байматова, Ю.Л. Акрамова, Г.Н. Ирмухаммедова, Х.Т. Мустафаева, Г.А. Асилова, М.А. Бердыева, Б.Р. Саматова, Н.Х. Кушиева; вопросы формирования коммуникативной компетентности студентов изучали С. Казакбаева, Д. Олимова, А. Исаков, Ф. Алимов, Б.С. Абдуллаева, М.Х. Гулямова, Д.Р. Пулатова, К.Ю. Рискулова.

Исследования по формированию и развитию коммуникативной компетентности при обучении иностранным языкам проводили О.И. Шевченко, В.В. Громова, Е.Ю. Кудрявцева, А.К. Амрахова, Т.П. Попова, Е.М. Шульгина, Е.В. Тихомирова, Е.В. Козловскова.

Проблемы преподавания английского языка в зарубежных странах изучали Д. Нунан, Дж.К. Ричардс, Дж. Роджерс, Х.Г. Виддоусон, А. Дофф, Дж. Хармер, в частности, развитие коммуникативной компетентности изучали Л. Сяас, Б.Р. Уэйт, И. Лука, Ф. Клиппель. М.А. Иванова признаёт, что, основываясь на целостности и развитии таких компонентов, как профессиональные знания, умения и навыки, интеллектуальная обучаемость, способность к умственной и совместной работе, творческие способности, которые постоянно определяют профессиональную компетентность, необходимы навыки подготовки современного специалиста, обладающего профессиональной мобильностью и готового к постоянному обновлению знаний. Понятие “компетенция” отражается в приобретении знаний, формировании навыков и опыта. Другими словами, это выполнение определенного типа задач. По сути, термины “компетенция” и “компетентность” схожи. Если компетентность означает совокупность знаний и их наличие у людей, то компетентность — это применение этих знаний в процессе деятельности. Термин “компетенция” заимствован из латинского языка и переводится на узбекский язык как “способность”.

В настоящее время термин “лингвистическая компетентностная ориентация” используется с середины XX века и представляет собой совокупность знаний, умений и компетенций, ориентированных на деятельность в процессе использования языка. В методике обучения иностранным языкам такие понятия, как “знания”, “умения” и “компетенция”, являются факторами, ориентированными на деятельность в процессе использования языка, требующими результатов в образовании. Совершенствование компетенции, по мнению В.Е. Гмурмана, “есть процесс, имеющий завершающий характер на произвольном этапе развития, стремящийся к определенной целостной форме”. По мнению Э.З. Зейера, “компетенция – это обобщенная совокупность действий и способов выполнения эффективной профессиональной деятельности”. Л.Д. Петровский определяет коммуникативную компетентность как способность свободно использовать вербальные и невербальные средства в различных ситуациях. Ю.Н. Емельянов определяет коммуникативную компетентность как способность свободно использовать вербальные и невербальные средства в соответствии с ситуацией,

соблюдая при этом нормы социального поведения. По мнению А.В. Хуторского, “компетенция – это социальное требование, которое предъявляется заранее для эффективной подготовки учащегося к определенной деятельности”, а компетентность – это совокупность требований, которые должны быть предъявлены учащимся изначально при усвоении знаний. Языковая компетентность – это способность применять полученные на интуитивном уровне знания, правила, заложенные в системе построения языка, в речевой деятельности. По мнению А.А. Чичилановой, “компетенция – это совокупность знаний, умений и опыта их использования”. Она рассматривала реального говорящего со всеми его речевыми характеристиками не как объект лингвистического, а как объект психологического, социологического, дидактического исследования.

По мнению Я.М. Колкера, “лингвистическая компетенция, в отличие от грамматической, есть умение использовать не только фонетический, морфологический, лексический, синтаксический пласты, но и на практике”. Американский психолог и психолингвист Д. Слобин подчёркивает разницу между этими терминами следующим образом: умение понимать язык возникает в процессе регулярного общения. По мнению И.В. Егоровой, лингвистическая компетенция имеет то же значение, что и грамматическая компетенция, то есть подразумевает лексический, морфологический, синтаксический и фонологический пласты языка. Зарубежный учёный И. Лука под лингвистической компетенцией понимает умение использовать его в общении с фонетической, лексической, грамматической и текстовой точек зрения. Голландский учёный Ян ван Экк считает, что “лингвистическая компетенция – это способность создавать и интерпретировать грамматически правильные предложения, состоящие из слов в традиционном понимании, и является основой для развития коммуникативной компетенции в слоях языка. При этом выделяют словарный запас, грамматику, способность адекватно воспринимать текст и тому подобные навыки и компетенции”.

Недостатки, наблюдаемые у учащихся в речевой деятельности

Дефициты аудирования	**Нарушения речи**	**Учиться круг недостатки**	**Писать круг недостатки**
Слово богатство нехватка и их ошибки приложения	Недостаточный словарный запас и неспособность правильно использовать слова	Трудности в правильном прочтении некоторых незнакомых слов, встречающихся в тексте, при чтении текста и неправильном произношении	Неспособность логически связывать предложения и грамматические ошибки
Уровень речи, скорость речи разные.	Неспособность составлять грамматически правильные предложения и короткие предложения	Трудности в логическом мышлении при переводе слов на родной язык из-за недостатка словарного запаса в родном языке	Отсутствие лексических единиц в письменной речи
Неспособность заранее понять содержание текста	Страх совершить ошибку, неспособность	Неспособность читать текст достаточно быстро,	Неспособность полностью выражать свои

и понять ключевые слова	собрать мысли и внимание (т. е. невозможность сосредоточиться)	отсутствие опыта чтения	мысли, недостаток словарного запаса и неправильное использование слов
Неспособность понимать различные фразеологические единицы и выражения при аудировании	Недостаток знаний по теме и трудности в произношении слов	Несоблюдение стратегий чтения	Допущение грамматических, лексических, фонетических и орфографических ошибок при чтении
Неспособность сосредоточиться	Неспособность быстро общаться и самостоятельно выражать свои мысли, то есть им трудно самостоятельно мыслить.	Они не способны перевести каждое предложение слово в слово и уловить суть текста, а потому не могут продуктивно использовать свое время.	Отсутствие структуры письма и отсутствие опыта письма

В данном исследовании интеграция речевой деятельности, при эффективном использовании всех четырёх видов речевой деятельности, создаёт основу для углубленного изучения иностранных языков. При этом особое внимание уделяется интеграции английского языка со специализированными дисциплинами, соответствию практических исследований теоретическим основам, повышению квалификации и уровня знаний студентов, а также подготовке конкурентоспособных молодых специалистов с самостоятельным мышлением.

На формирующем этапе экспериментально-тестового этапа с помощью представленных выше интерактивных упражнений и заданий удалось определить, что интеграция речевых навыков студентов реализуется недостаточно интегративно, не в полной мере создаётся среда для общения на английском языке, недостаточно оцениваются их знания, умения и навыки.

В заключение стоит отметить, что студенту, изучающему английский язык, желательно также обладать знаниями о культурной самобытности этой страны. Он научится применять полученные теоретические знания и навыки на практике. Формирование речи в результате соединения студентами знаний иностранного языка с практикой считается навыком. В целом, затраты на обучение лингвистическим знаниям, не связанным с практикой и не приводящим к формированию речевых навыков, никогда не оправдываются.

Использованные источники.

1. Закон Республики Узбекистан “Об образовании” Закон Республики Узбекистан от 23 сентября 2020 года № 637.

2. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2017 года № 60 “О Стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы”.

3. Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № 4947 “О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан”. Собрание законодательства Республики Узбекистан. − 2017 г. № 6, ст. 70.

4. Каменева Н.А. Дистанционное обучение для развития знаний и навыков в преподавании английского языка / Экономика, статистика и информатика.–№ 5.–М., 2013.–С. 97–98.

БУДУЩЕЕ БЕЗ ВЕЙПА: ПРОГРАММЫ ПОМОЩИ СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ В ОТКАЗЕ ОТ ЗАВИСИМОСТИ

Бордак С. Н., Гринкевич М. В.
(г. Гомель, Республика Беларусь)

Аннотация. *В статье рассматривается проблема зависимости студентов-медиков от вейпов и важность комплексного подхода к помощи в отказе от этой привычки. Особое внимание уделяется анализу стрессогенных факторов, способствующих формированию зависимости и психо-эмоциональных состояний у студентов [1]. Исследование показало, что многие студенты прибегают к вейпингу как средству снятия стресса и тревожности, что подчеркивает необходимость разработки эффективных программ поддержки для преодоления зависимости и формирования здоровых механизмов совладания со стрессом.*

Ключевые слова: *вейп, зависимость, программы помощи, психо-эмоциональное состояние, стресс, здоровье студентов.*

Abstract. *The article discusses the problem of medical students' addiction to vapes and the importance of a comprehensive approach to help them give up this habit. Special attention is paid to the analysis of stress-inducing factors that contribute to the formation of addiction and psycho-emotional states in students. The study showed that many students resort to vaping as a means of relieving stress and anxiety, which highlights the need to develop effective support programs to overcome addiction and form healthy coping mechanisms with stress.*

Keywords: *vape, addiction, help programs, psycho-emotional state, stress, health of students.*

В период обучения студенты медицинских вузов, в частности Гомельского государственного медицинского университета, сталкиваются с широким спектром стрессогенных факторов, связанных с учебной деятельностью. Интенсивность и влияние этих стрессоров варьируются в зависимости от их характера и длительности воздействия. Длительное воздействие стрессоров и увеличение психологической нагрузки приводят к повышению уровня стресса у студентов.

Стресс, испытываемый студентами, имеет как физиологические, так и психологические проявления, вызываемые реальными раздражителями, интерпретируемыми на основе личного опыта реагирования на стрессовые факторы. Психологический стресс можно разделить на информационный и эмоциональный. Информационный стресс возникает при информационной перегрузке, когда студент не справляется с объемом задач, не успевает принимать решения в нужном темпе при высокой степени ответственности. Это проявляется ухудшением памяти, снижением концентрации внимания и повышенной отвлекаемостью.

Для преодоления стрессовых ситуаций организм человека обладает стрессоустойчивостью – способностью преодолевать экстремальные ситуации, основанной на личностных ресурсах и потенциале структурно-функциональных

характеристик, обеспечивающих жизнедеятельность, поведение, реакцию и адаптацию.

Важно понимать, что влияние стресса на студентов в период обучения нельзя недооценивать, поскольку он оказывает негативное воздействие на их физическое и психологическое здоровье. К сожалению, некоторые студенты используют вейпинг как способ снижения стресса и личностной тревожности. Это, в свою очередь, может привести к формированию зависимости и другим негативным последствиям для здоровья [2].

Для изучения взаимосвязи между психологическим и физиологическим благополучием студентов Гомельского государственного медицинского университета и возникновением у них психологической зависимости от вейпинга как средства саморегуляции тревожного состояния было проведено исследование, которое фокусировалось на комплексном анализе.

В исследовании приняли участие 200 студентов 1-2 курсов в возрасте 18-21 года, которые прошли валеолого-диагностическое исследование с использованием анкет на платформе Google Forms. Использовались тест на учебный стресс (Щербатых) и шкала ситуативной тревожности (Спилберга). Анализ данных включал статистическую обработку с использованием Microsoft Office Excel 2013 и Statistica 10.0.

Результаты выявили, что студенты 1 курса испытывают стресс из-за широкого спектра причин, включая личные проблемы, учебную нагрузку и финансовые трудности. У студентов 2 курса основными стрессорами остаются учебная нагрузка, строгие преподаватели и финансовые вопросы.

Интересно, что 53% респондентов используют вейпы как способ снижения тревожности. Выявлены психо-физиологические зависимости, такие как использование вейпа для бодрости, получение удовольствия от держания вейпа в руке и ощущение дискомфорта при отсутствии вейпа. Многие студенты осознают негативные последствия употребления вейпов (привыкание, заложенность носа, раздражительность), однако лишь небольшая часть (30,4%) пытались бросить курить.

На основании проведенного анализа, был сделан вывод о наличии психо-эмоциональной зависимости студентов от электронных сигарет, которую они используют как средство для расслабления, снятия напряжения и получения удовольствия. Эта зависимость усиливается социальной приемлемостью вейпинга и его доступностью.

Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки и внедрения специализированных программ помощи для студентов-медиков, столкнувшихся с зависимостью от вейпа. Основой для таких программ должны стать комплексные подходы, включающие психотерапевтические интервенции, направленные на формирование здоровых стратегий преодоления стресса и тревожности, а также образовательные компоненты, повышающие осведомленность о рисках, связанных с употреблением электронных сигарет.

Важным аспектом является создание поддерживающей среды в университете, где студенты могли бы получить доступ к консультациям психологов и наркологов, а также участвовать в группах поддержки. Необходимо также проводить мероприятия, направленные на профилактику употребления вейпов, акцентируя внимание на альтернативных способах релаксации и повышения стрессоустойчивости, таких как занятия спортом, медитация и творчество [4].

Учитывая выявленные психо-физиологические аспекты зависимости, программа лечения должна включать элементы когнитивно-поведенческой терапии, направленные на изменение деструктивных убеждений и поведенческих паттернов, связанных с курением вейпа. Необходимо обучать студентов техникам саморегуляции и управления эмоциями, а также развивать навыки решения проблем и принятия решений.

Кроме того, целесообразно внедрение мотивационного консультирования, направленного на усиление внутренней мотивации к отказу от курения и повышению ответственности за собственное здоровье. Важно учитывать индивидуальные особенности каждого студента и разрабатывать персонализированные планы лечения, учитывающие степень зависимости, наличие сопутствующих психических расстройств и социальное окружение.

Первоочередной задачей является повышение осведомленности студентов о рисках, связанных с вейпингом, и формирование у них критического отношения к этой привычке. Это может быть достигнуто путем проведения лекций, семинаров, тренингов и других образовательных мероприятий, основанных на научно обоснованных данных и ориентированных на конкретную целевую аудиторию. Важно также использовать современные информационные технологии и социальные сети для распространения информации о вреде вейпинга и продвижения здорового образа жизни [3].

Не менее важным является создание доступной и эффективной системы психологической поддержки для студентов, столкнувшихся с зависимостью от вейпа. Это может включать индивидуальные консультации с психологами и наркологами, групповую терапию, онлайн-консультирование и другие формы поддержки. Важно обеспечить конфиденциальность и анонимность обращения за помощью, чтобы студенты не боялись стигматизации и могли получить необходимую поддержку вовремя.

Необходимо активно вовлекать студентов в процесс разработки и реализации программ по профилактике и лечению зависимости от вейпа. Это позволит учитывать их потребности и предпочтения, а также повысить эффективность этих программ. Важно также привлекать к сотрудничеству студенческие организации, волонтеров и другие заинтересованные стороны, чтобы создать широкую коалицию для борьбы с этой проблемой.

Таким образом, для эффективной борьбы с психо-эмоциональной зависимостью от вейпа у студентов-медиков необходим комплексный подход, объединяющий усилия образовательного учреждения, медицинских специалистов и самих студентов. При этом, важно учитывать не только физиологические, но и психологические аспекты зависимости, а также социальный контекст, в котором происходит употребление электронных сигарет.

Биографический список.

1. Головин, С. Ю. Словарь психолога-практика / Сост. С. Ю. Головин, под ред. А. Е. Тарас. **–** Минск: Харвест, 2007. **–** 976 с.

2. Дружинин, В.Н. Психология: учеб. для гуманитар. вузов **/** Р.Г. Аверкин, И.О. Александров, Н. А. Алмаев, В. Н. Дружинин. – Питер, 2009. – 652 с.

3. Кожевникова, Т. Н. Проблема табакокурения подростков: вчера, сегодня, завтра / Т.Н. Кожевникова, Н.А. Геппе, И. М. Османов, Н. Ф. Герасименко, Н. Г. Машукова, Н.А. Ильенкова, А.Б. Малахов, М.М. Чепурная, Н.Д. Одинаева, Н.В. Саввина // Педиатрия. Приложение к журналу Consilium Medicum. – 2021. – № 2. – С.101–108.

4. Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции: учеб. пособие. – 2024. –СПб: Питер. – 432 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЕ.

Гайибова Н. А.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье основное внимание уделяется возможностям когнитивной терапии в психоконсультировании, в том числе семейном психоконсультировании, которое является особым направлением психологической службы. В статье представлена информация об особенностях методов когнитивно-поведенческой психотерапии.*

Ключевые слова: *семья, семейные отношения, психологическая служба, семейное психоконсультирование, психотерапия, когнитивно-поведенческая терапия, метод сократического диалога, автоматические мысли, иррациональные установки.*

Annotation. *This article focuses on the possibilities of cognitive therapy in psychoconsultation, including family psychoconsultation, which is a special area of psychological service. The article provides information about the features of cognitive behavioral psychotherapy methods.*

Key words. *family, family relationships, psychological service, family psycho-counseling, psychotherapy, cognitive-behavioral therapy, Socratic dialogue method, automatic thoughts, irrational attitudes.*

Семья как основной социальный институт общества играет важную роль в развитии и воспитании личности, при этом характер семейных отношений является основой формирования психологических особенностей ребенка. Семейные отношения - это широкая система, охватывающая отношения между супругами, родителями и детьми, взаимоотношения детей и т.д. Конфликты, разногласия и психологические противоречия в семье негативно влияют не только на эмоциональное состояние членов семьи, но и на личностное развитие детей. При решении проблем, возникающих в рамках этих отношений, важно эффективно организовать психологические консультации.

Психоконсультирование как основное направление психологической службы требует эффективного использования различных психологических теорий и подходов при оказании психотерапевтического воздействия. Психоконсультирование в большинстве случаев носит диалогический характер и позволяет создавать модели межличностных отношений и взаимодействий, которые становятся основой формирования новых психологических структур в сознании и личности клиента в специфических ситуациях.

Важной задачей семейного консультирования является оказание психологической помощи семье в сложной жизненной ситуации, предоставление рекомендаций и вариантов для анализа проблемных ситуаций. При семейном консультировании большое внимание уделяется вопросам развития семьи как системы, особенностям ее ролевых структур и специфике выполнения семейных функций. В целом, цели, задачи, формы и методы семейного консультирования различаются в зависимости от того, какая сфера семейных отношений затронута и на каком этапе жизненного цикла находится семья (вопросы вступления в брак, супружеские отношения, отношения детей и родителей). Важным фактором,

влияющим на эффективность консультации, является готовность всех членов семьи работать сообща, развиваться и соответственно меняться для поиска путей решения проблемы.

В настоящее время психологи предлагают применение когнитивного психотерапевтического подхода для устранения личностных нарушений и конфликтов в межличностных отношениях.

Когнитивно-поведенческая психотерапия является одним из самых распространенных и эффективных направлений современной психотерапии. Этот метод основан на преобразовании неадекватных эмоций и иррациональных идей человека в адекватные эмоции и рациональные мысли.

По мнению представителей когнитивного подхода, поведением человека управляют его знания и образ мышления. Выделение роли знаний о событиях, происходящих в жизни человека, определяет общую направленность специалистов. Когнитивная психотерапия - это психотерапевтический метод, направленный на улучшение личностной и социальной адаптации клиента путем осознания и коррекции неправильных форм мышления (идей). Когнитивные психотерапевты основывают свою работу на принципе, что, понимая, как человек воспринимает и обрабатывает информацию, можно определить, почему у него возникают определенные психологические проблемы, и считают, что эти проблемы можно решить, изменив привычный образ мышления. Следовательно, согласно терапии, человек должен изменить свой образ мышления, чтобы преодолеть свои психологические проблемы.

Основателем когнитивной психотерапии считается Аарон Бек, и эта терапия позже была названа когнитивно-поведенческой терапией. Аарон Бек считал, что психологические проблемы возникают из-за того, что мы делаем неверные выводы, которые могут существенно исказить понимание реальных событий. При этом человек не только воспринимает и оценивает ситуацию, но и постоянно интерпретирует свои мысли и чувства. Бек называл такие интерпретации "автоматическими мыслями" и считал, что они могут быть источником нашего опыта и нежелательного поведения. Также, согласно рациональной эмотивно-поведенческой терапии, связанной с этой терапией, на жизнь человека, несомненно, влияют события, происходящие вокруг него, но они не играют решающей роли в формировании его эмоций, решающую роль играют только мысли человека об этих событиях. Основным фактором, приводящим к тому, что человек часто попадает в состояние стресса и у него возникают различные психологические проблемы, являются иррациональные мысли человека, не соответствующие логике. Чем больше у человека иррациональных мыслей, тем сложнее ему адаптироваться к миру и взаимодействовать с людьми. Это может привести к несчастной семейной жизни, проблемам в отношениях между супругами, родителями и детьми, свекровью и невесткой, и в целом в межличностных отношениях.

Во время сеанса когнитивной психотерапии клиент вместе с терапевтом изучает, в каких условиях проявляется проблема, как возникают "автоматические мысли" и как они влияют на его взгляды, опыт и поведение. Клиент учится "размягчать" свои "застывшие" мысли и видеть разные стороны проблемной ситуации.

Аарон Бек разработал три основные стратегии КПТ: совместный эмпиризм, сократический диалог и направленное открытие.

Совместный эмпиризм. Психолог и клиент работают вместе. Они совместно изучают автоматические мысли клиента (в нашем случае члена семьи): интерпретируют их, делают предположения о достаточности и полезности знаний и ищут подтверждение в жизненных ситуациях. В результате клиент узнает, как работают неправильные убеждения и формы мышления, и получает альтернативные источники информации. В семейной консультации анализируются взгляды клиента на семью и семейные роли, семейные отношения.

Сократический диалог является основным инструментом когнитивно-поведенческой терапии и представляет собой особую форму беседы между психологом и клиентом. В ходе такого общения специалист не навязывает свое мнение и не оценивает поступки человека, а с помощью продуманных вопросов помогает ему самостоятельно осознать суть проблемы. В процессе диалога клиент учится выявлять собственные мысли, предположения и образы, которые возникают в ответ на различные жизненные ситуации, а также находит им логическое объяснение. Психолог помогает определить, какое значение человек придает тем или иным событиям, как он их воспринимает и какие эмоции это вызывает. Особое внимание уделяется анализу последствий автоматических мыслей, влияющих на поведение и эмоциональное состояние клиента. Таким образом, специалист не ищет виновных и не выносит суждений, а способствует тому, чтобы человек самостоятельно пересмотрел привычные реакции, оценил их рациональность и сформировал более реалистичное видение происходящего.

В рамках когнитивно-поведенческой терапии важную роль играет направленное новаторство, при котором психотерапевт выступает в роли наставника. Его задача — помочь клиенту осознать собственные логические ошибки, неправильные оценки и стереотипы поведения, а также приобрести новый, более конструктивный опыт. Пациент не просто получает советы, а учится экспериментировать с новыми формами поведения, адаптироваться к жизненным ситуациям и самостоятельно корректировать свои реакции. Психолог создает атмосферу доверия и поддержки, в которой клиент способен научиться адекватно воспринимать реальность, объективно оценивать события и развивать внутреннюю устойчивость.

Главная цель когнитивной психотерапии заключается в том, чтобы помочь человеку избавиться от искаженных форм мышления, которые часто закладываются в детстве и закрепляются в течение жизни. Смысл терапии — не просто изменить поведение, а научить человека понимать, как именно он интерпретирует события, на что обращает внимание, что игнорирует и почему именно такая оценка приводит его к определенным чувствам и поступкам.

Организация семейного консультирования в рамках когнитивно-поведенческой терапии проходит в несколько этапов. На первом, диагностическом этапе, проводится беседа со всеми членами семьи, выявляется основной источник конфликта и анализируются иррациональные мысли и убеждения, влияющие на взаимоотношения. На втором этапе определяется цель терапии — согласование индивидуальных целей каждого участника с общими интересами семьи, что способствует созданию гармонии в отношениях.

Далее следует этап когнитивной обработки, когда проводится глубокий анализ иррациональных установок, формируются позитивные и конструктивные мысли, а автоматические негативные реакции заменяются рациональными. После этого начинается этап поведенческих интервенций, включающий развитие навыков позитивного общения, обучение конструктивному разрешению конфликтов и перераспределение семейных ролей и обязанностей.

Заключительный этап посвящен оценке и закреплению достигнутых результатов. Психолог совместно с семьей отслеживает изменения, произошедшие в их поведении и взаимоотношениях, закрепляет новые навыки через выполнение домашних заданий и формирует стратегию предотвращения возможных рецидивов.

Таким образом, когнитивно-поведенческая терапия в семейном консультировании направлена на осознание, переосмысление и коррекцию мыслей и установок, которые лежат в основе конфликтов и эмоциональных трудностей. Ее применение способствует укреплению взаимопонимания, развитию доверия и формированию здоровых, конструктивных отношений между членами семьи.

Эффективность когнитивно-поведенческой терапии в семейных консультациях проявляется в следующем: обучает клиента принимать и понимать себя и членов семьи (в частности, члена семьи с психическими нарушениями) с их возможностями и недостатками; помогает принимать родителей, детей и сиблингов и относиться к ним толерантно; помогает родителям с инвалидностью или психическими, физиологическими расстройствами преодолеть чувство вины, осознать, что они не являются основной причиной проблемы, даже если они причастны к возникновению заболевания; учит супругов, родителей, детей полностью принимать членов семьи с физическими или психическими заболеваниями, не стыдиться их, не отрицать проблему (абсолютно беспроблемной жизни не существует), а наоборот, признавать и анализировать ее, адекватно воспринимать проблему путем рассуждения.

Когнитивно-поведенческая психотерапия при организации психологической помощи семье служит для выявления семейных проблем и их эффективного решения. Эти методы терапии позволяют восстановить здоровые отношения между членами семьи путем изменения иррациональных мыслей и негативных эмоций. Правильно организованное семейное консультирование не только разрешает конфликты, но и способствует предотвращению будущих проблем.проблемы.

Список использованной литературы.

1. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. Учебник. Питер, 2022. – 359 с.

2. Дж.Бек. Когнитивная терапия: полное руководство: Пер. с англ. - М.: 2006. - 400 с.

3. Харитонов С.В. Рукаводство по когнитивно-поведенческой психотерапии. 2-е изд. – М.: Психотерапия, 2017. – 176 с.

4. Осипова А.А. Общая психокоррекция.М.: СФЕРА, 2002.- 510 с.

5. Камалетдинова З.Ф., Антонова Н.В. Когнитивно-поведенческий подход в психологическом консультировании: Учебное пособие. М.: Изд-во СГУ, 2010. 296 с.

КОНЦЕПЦИЯ МОРАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕЁ СУЩНОСТИ

Галдиева М.Д.

(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятия и сущности нравственного самоопределения молодёжи в воспитании зрелой личности. В статье анализируются вопросы нравственного самоопределения, которые являются факторами, влияющими на эффективность деятельности личности по формированию и соблюдению собственных нравственных норм, духовно-нравственных ценностей, являющихся великим образовательным наследием нашего народа, что позволяет воспитывать современное молодое поколение в духе гуманизма, любви, трудолюбия, высокой нравственности, а также навыков общения с родителями, повышения уровня знаний молодёжи.*

Ключевые слова: *нравственное воспитание, личность, национальные ценности, совершенный человек, доверие, семья-общество, сознание, личная ответственность.*

Abstract. *This article is devoted to the concept and essence of the moral self-determination of young people in the upbringing of a mature person. The article analyzes the*

issues of moral self-determination, which are factors that affect the effectiveness of an individual's work in forming and adhering to his own moral standards, as well as spiritual and moral values, the great educational heritage of our people, which allows us to educate today's young generation in the spirit of humanity, love, diligence, high morality, as well as skills in dealing with parents, and in increasing the knowledge of young people.

Keywords: *moral education, personality, national values, perfect person, trust, family-society, consciousness, personal responsibility.*

Моральное самоопределение – это самостоятельность личности в формировании и соблюдении собственных моральных норм, а также способность принимать личные решения. Это понятие относится к тому, как человек определяет свою моральную позицию в различных ситуациях и в обществе, основываясь на собственных моральных ценностях и принципах. Личностные и групповые факторы играют важную роль в понимании этого процесса. Личностные факторы включают такие аспекты, как собственный опыт личности, мировоззрение, моральный опыт и развитие, в то время как групповые факторы связаны с влиянием семьи, общества, культуры и исторического контекста. Моральное самоопределение направлено на изучение собственных моральных ценностей, решений личности и того, как она справляется с трудностями. Этот процесс способствует формированию морального мировоззрения личности и служит укреплению ее внутренних убеждений. При принятии моральных решений человек учитывает свои индивидуальные потребности и интересы других. Они выбирают способ разрешения моральной дилеммы, и этот выбор влияет на то, как они определяют себя и свое место в обществе. Моральное самоопределение имеет большое значение в теории стадий развития личности Эриксона. По его мнению, формирование личной идентичности оказывает сильное влияние на процесс нахождения своих моральных ценностей и понимания своего внутреннего мира. Моральное самоопределение основано на социальной роли индивида и его отношении к себе. Моральное самоопределение - это процесс самостоятельного и осознанного определения индивидом своих принципов и ценностей при принятии моральных решений и моральном формировании своей жизни. Это понятие относится к тому, как человек понимает и принимает ситуации, которые считаются правильными и неправильными, хорошими и плохими, справедливыми и несправедливыми. Моральное самоопределение отражает не только внутренние аспекты индивида, но и его место в обществе, его отношение к нормам и ценностям. Нравственное самоопределение — это понимание человеком того, что правильно и что неправильно, хорошо и плохо, справедливо и несправедливо, и того, как он реагирует на ситуации при принятии нравственных решений. Это понятие относится к моральному сознанию молодых людей, их отношению к ценностям и этическим нормам, а также к пониманию своего места в обществе. В понимании сути морального самоопределения выделяют несколько ключевых аспектов:

1. Личная ответственность и осознанное принятие решений: в процессе морального самоопределения человек определяет, как он будет принимать жизненные решения, своё место в обществе, социальные нормы и на каких принципах он будет их основывать. Этот процесс помогает человеку принимать осознанные ответственные решения.

2. Моральные ценности личности: моральное самоопределение относится к тому, как молодые люди смотрят на жизнь, основываясь на собственных ценностях, убеждениях и принципах. Это, в свою очередь, показывает влияние социальных и культурных ценностей на формирование их моральных решений.

3. Влияние общества и окружающей среды: принимая нравственные решения, молодые люди учитывают нормы, существующие в обществе, семейные и культурные традиции, а также влияние групп и друзей. Таким образом, социальное окружение личности играет важную роль в процессе морального самоопределения.

4. Нравственное самоопределение и его изменение: процесс морального самоопределения отражает не только текущие решения, но и изменения моральных норм и ценностей личности с течением времени. Молодые люди формируют и развивают свои моральные взгляды и ценности на основе жизненного опыта.

Нравственное самоопределение – это процесс, посредством которого человек в нравственном формировании своей жизни определяет, как он понимает и принимает ситуации, которые он считает правильными и неправильными, хорошими и плохими, справедливыми и несправедливыми. Это понятие включает в себя нравственное сознание молодых людей, их отношение к ценностям и этическим правилам, а также то, как они понимают свое место в обществе. Основная суть нравственного самоопределения молодых людей заключается в том, что их нравственные решения основываются на их личных ценностях, традициях и стремлении найти свое место в обществе. Свобода и ответственность личности играют большую роль в нравственном самоопределении. Этот процесс, в свою очередь, позволяет молодым людям формировать себя в соответствии с социальными, культурными и моральными нормами. Суть нравственного самоопределения заключается в сочетании свободы и ответственности в принятии нравственных решений. Этот процесс обеспечивает создание личностью собственных моральных норм и действия в соответствии с ними. Она принимает свои нравственные решения независимо от влияния других, но в соответствии с нормами и ценностями общества.

Психологический аспект: В психологическом исследовании морального самоопределения личности важную роль играет теория развития личности Эрика Эриксона. Эриксон выделяет этапы морального и социального самосознания личности. Он делит социальное и моральное развитие личности на пять основных этапов, на каждом из которых человек принимает собственные моральные решения. Теория развития личности Эрика Эриксона играет важную роль в понимании морального самоопределения. Он делит развитие личности на пять основных этапов, на каждом из которых человек принимает моральные и социальные решения. Согласно его теории, на каждом этапе человек решает проблемы, связанные со своими внутренними ценностями, социальными нормами и моральными взглядами. Этот процесс является основой развития морального самоопределения.

Теория морального самоопределения Эриксона важна для понимания этапов развития человека и взаимосвязи между личной и социальной средой. На каждом этапе человек сталкивается с новыми вызовами при принятии моральных решений и формировании своей идентичности. Теория личностного развития Эрика Эриксона играет важную роль в понимании морального самоопределения.

Нравственное самоопределение является ключевым фактором в становлении молодых людей как личностей, определяя, как они будут функционировать в социальной и культурной среде. Этот процесс обеспечивает самостоятельность мышления личности, ответственность перед обществом и способность ответственно принимать собственные моральные решения. Кроме того, моральное самоопределение углубляет внутреннюю свободу молодых людей и процесс самосознания.

Преимущество теории Эриксона заключается в том, что она охватывает не только моральный рост, но и личностную идентичность, социальные отношения и эмоциональную стабильность. Поэтому данная схема является одним из основных теоретических направлений в области морального самоопределения.

Процесс морального самоопределения молодёжи – сложный и многофакторный феномен. В его формировании важную роль играют личностные и групповые факторы. Хотя личностные факторы, такие как воспитание молодёжи, самосознание и моральные ценности, оказывают влияние на формирование её моральных взглядов, групповые факторы, а именно влияние семьи, друзей и социальных групп, также имеют

большое значение. Эти факторы в совокупности активно участвуют в процессе определения молодёжью своего места в обществе и принятия решений, основанных на моральных ценностях.

В целом, значение образования, семьи и социальной среды в моральном самоопределении молодёжи велико. Поэтому взаимодействие семьи и общества в формировании моральных ценностей, а также в поощрении молодёжи к осознанию моральной ответственности, очень важно. Этот процесс способствует воспитанию молодёжи зрелой и морально ответственной личностью. Процесс морального самоопределения молодежи также зависит от социального и культурного контекста. В развивающихся обществах, таких как Узбекистан, молодые люди часто сталкиваются с конфликтами между традиционными ценностями и современными идеями в своем самоформировании. Поэтому моральные взгляды молодежи могут быть изменчивыми и находятся под влиянием многих внутренних и внешних факторов. В процессе морального самоопределения личностные характеристики молодых людей, такие как самосознание, самооценка и моральный опыт, тесно переплетаются с групповым влиянием. На них также влияют социальные сети, массовая культура и отношения с друзьями в формировании их моральной позиции. Таким образом, гармония между семьей, системой образования и обществом важна для поддержки процесса морального самоопределения молодежи.

Литературы.

1. Мирзиёев Ш.М. Повышение морального духа молодежи, содержательная организация их свободного времени. Ташкент, 2019.

2. Ахмедов С.И. Интеграция науки, образования и производства – гарантия подготовки высококвалифицированных кадров. Ташкент, 2015.

3. Рахимов А.Г., Тораева Н.Н. Организация самостоятельного обучения студентов. Ташкент, 2015.

4.Нишонова С.М. (2022). Нравственная позиция современной молодежи. Андижан: АндМИ.

5. Erikson E.H. Human Behavior Theory and Social Work Practice New York: Norton. Ermann, M. 2004.

«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРИВОДЯЩИЕ К СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫМ НАРУШЕНИЯМ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ»

Ганиев М.Н.

(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье анализируется влияние цифровых средств информации на сознание молодежи и возникающие в результате этого социально-нормативные отклонения с психологической точки зрения. Освещается роль когнитивного диссонанса, кризиса идентичности и виртуальных норм в формировании девиантного поведения молодежи. Кроме того, рассматриваются психопрофилактические подходы, направленные на противодействие данным процессам.*

Ключевые слова. *Цифровые медиа, психология молодежи, девиантное поведение, социально-нормативные отклонения, когнитивный диссонанс,*

виртуальные нормы, кризис идентичности, медиавлияние, психопрофилактика, социальные сети.

Abstract. *This article analyzes the impact of digital media on the consciousness of young people and the resulting socio-normative disruptions from a psychological perspective. It highlights how cognitive dissonance, identity crisis, and the emergence of virtual norms contribute to the formation of deviant behavior among youth. Furthermore, the study discusses psycho-preventive approaches aimed at addressing these processes.*

Keywords. *Digital media, youth psychology, deviant behavior, socio-normative disruption, cognitive dissonance, virtual norms, identity crisis, media influence, psycho-prevention, social networks.*

Введение. В последние годы стремительное развитие цифровых технологий охватило практически все сферы человеческой жизни. Интернет, социальные сети и различные средства массовой информации стали для молодежи не только средством общения, но и важным источником самовыражения, получения знаний и формирования социальных отношений.

Однако вместе с этим процессом возникают новые психологические и социальные проблемы. В частности, усиление девиантных тенденций в поведении молодежи в цифровой среде все чаще привлекает внимание научного сообщества и специалистов.

Девиантное поведение традиционно определяется как отклонение от моральных и правовых норм, принятых в обществе. Склонность молодежи к подобным действиям в виртуальном пространстве объясняется рядом факторов. Прежде всего, безграничность интернет-пространства, возможность анонимности и относительная слабость контроля создают условия для того, чтобы молодые люди ощущали себя в роли «экспериментирующей личности». В результате действия, которые в реальной жизни труднодостижимы или социально неприемлемы, в онлайн-среде реализуются гораздо проще.

Так, кибербуллинг, агрессивная переписка, распространение провокационного контента или выражение экстремистских идей становятся нередкими явлениями среди молодежи.

С психологической точки зрения, корни такого поведения связаны с внутренними потребностями личности и ее взаимодействием с социальным окружением.

Цифровое пространство играет важную роль в формировании идентичности. Особенно в подростковом и раннем юношеском возрасте поиск личного образа «Я», а также стремление занять определенное место в обществе сопровождаются сложными психологическими кризисами. Виртуальная среда в этом контексте выступает как фактор, способный как ускорять, так и усложнять данный процесс.

С одной стороны, она предоставляет возможности для нахождения позитивных ролевых моделей и творческой активности, с другой – поток деструктивной информации и ложных норм может оказывать негативное влияние на психическое развитие.

Широкое распространение в цифровой среде получило также явление когнитивного диссонанса.

Столкновение молодежи с контентом, противоречащим их собственным ценностям, вызывает внутренний конфликт. Это способно порождать сомнения в социальных нормах и постепенно подталкивать к их нарушению.

Важным фактором выступает и формирование виртуальных норм: в некоторых социальных сетях агрессия или противоправные действия могут преподноситься как приемлемое явление. Это формирует у молодежи «вторичную социальность», противоречащую нормам общества.

Существенную роль в данном процессе играет и семейная среда. Недостаточный родительский контроль, дефицит эмоциональной поддержки ведут к тому, что

молодежь стремится искать примеры для подражания в виртуальном пространстве, где далеко не всегда доминируют позитивные ориентиры.

Как отмечают психологи, попытки компенсировать эмоциональную пустоту могут приводить к вовлечению в радикальные или рискованные сообщества.

На общественном уровне проблема проявляется еще шире: низкий уровень цифровой грамотности, недостаточная эффективность контроля информационных потоков в социальных сетях, а также педагогическая работа, не учитывающая психологические особенности молодежи, усиливают проявления девиантного поведения.

В данной статье анализируются психологические факторы влияния цифровой среды на девиантное поведение молодежи. Особое внимание уделяется таким явлениям, как когнитивный диссонанс, кризис идентичности и формирование виртуальных норм. Кроме того, рассматриваются психопрофилактические подходы, направленные на защиту молодежи от негативного воздействия цифрового пространства.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов: во-первых, цифровая среда стала неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи; во-вторых, рост девиантного поведения угрожает социальной стабильности и безопасности; в-третьих, в научном сообществе еще недостаточно разработан психологический подход к данному явлению.

Результаты исследования могут послужить теоретической и практической основой для более глубокого понимания поведения молодежи в цифровом пространстве, разработки механизмов их правильного направления и профилактики.

Основная часть. Цифровая социальная среда сегодня занимает ведущую позицию в повседневной жизни молодежи.

Интернет, социальные сети и медиаконтент становятся важнейшими инструментами формирования мировоззрения, ценностей и социальных ролей молодых людей. Вместе с тем, воздействие этой среды далеко не всегда является позитивным: в ряде случаев оно способствует формированию девиантного поведения.

Девиантные действия проявляются как отклонение от моральных и правовых норм общества, что представляет угрозу как для личностного развития молодежи, так и для социальной стабильности в целом.

Содержание информации, которую молодые люди потребляют ежедневно, формирует у них новое — а порой и искажённое — отношение к социальным нормам и ценностям. Нормативные стандарты, складывающиеся в цифровой среде, зачастую отличаются от реально существующих общественных норм. Интернет-«тренды», «челленджи», а также контент, романтизирующий насилие и девиантное поведение, быстро распространяются среди молодежи. Всё это напрямую влияет на процессы самопознания, восприятия социальных требований и принятия моральных решений.

С психологической точки зрения, данные процессы оказывают значительное давление на когнитивную систему, эмоциональные реакции и процесс построения идентичности личности.

Особенно важны такие факторы, как когнитивный диссонанс, адаптация к виртуальным нормам, социальное подражание и стремление к признанию. Они могут подталкивать молодежь к принятию решений, противоречащих нормам реальной жизни. Виртуальная социальность во многих случаях базируется на внешнем одобрении и «видимости», что подрывает внутреннюю систему ценностей личности.

Подростковый и ранний юношеский возраст является ключевым этапом формирования идентичности, в ходе которого молодые люди стремятся обрести собственный образ «Я».

Цифровое пространство предоставляет возможность опробовать различные роли и модели поведения. Однако такие факторы, как анонимность, слабый контроль и

быстрые механизмы коммуникации, могут стимулировать агрессивные, провокационные и антисоциальные действия.

Особое внимание заслуживает феномен когнитивного диссонанса. Молодые люди нередко сталкиваются с информационным потоком, противоречащим их ценностям, что вызывает внутренние противоречия. В процессе преодоления этих конфликтов часть молодежи склонна к отрицанию существующих норм или их нарушению.

Дополнительным фактором риска выступает формирование виртуальных норм: в отдельных онлайн-сообществах агрессия или распространение негативного контента может восприниматься как «нормальное» поведение.

На развитие девиантного поведения воздействуют личностные, семейные и социальные факторы. Среди личностных факторов выделяются низкая самооценка, эмоциональная нестабильность и выраженная потребность в социальном признании.

На семейном уровне важными рисками являются недостаточный контроль и отсутствие поддержки со стороны родителей.

В масштабах общества ключевыми проблемами становятся низкий уровень цифровой грамотности и слабые механизмы регулирования контента в социальных сетях.

В решении этих проблем значительную роль играют психопрофилактика и психокоррекционные подходы. Повышение цифровой грамотности молодежи, активное вовлечение родителей и педагогов, использование когнитивно-поведенческой терапии и групповых тренингов для смягчения внутренних противоречий могут дать положительные результаты.

Кроме того, увеличение количества позитивных ролевых моделей в социальных сетях и поддержка творческой активности молодежи являются важными средствами защиты от негативного влияния цифровой среды.

Результаты и обсуждения. Исследования показывают, что цифровой поток информации значительно изменяет представления молодежи о социальных нормах и моральных ценностях.

В цифровой среде личность может быть более свободной в создании и демонстрации своей идентичности, чем в реальной жизни. Однако эта свобода зачастую проявляется как безграничность, уход от ответственности и нарушение норм.

«Трендовый» контент в социальных сетях, алгоритмы, продвигающие популярность, и система оценки, основанная на «количестве просмотров», усиливают в сознании молодежи стремление привлекать внимание не через моральные и социальные ценности, а за счет эпатажа, скандальности и радикальных идей.

В таких условиях девиантное поведение — то есть действия, противоречащие общепринятым правилам и нормам, — перестает восприниматься как маргинальное, а начинает ассоциироваться с чем-то «современным» или «интересным».

Анализ показывает, что молодежь чаще всего сталкивается с девиантными формами поведения в ситуации когнитивного диссонанса: с одной стороны, они знают моральные требования общества, с другой — пытаются адаптироваться к «новым нормам» цифровой среды.

Особенно у подростков с выраженной потребностью в социальном признании это вызывает трудности в самоидентификации и приводит к состоянию «психологической двойственности» между реальными и виртуальными ценностями.

Кроме того, поток цифровой информации зачастую носит нефильтрованный, неконтролируемый и манипулятивный характер. Это оказывает негативное влияние на когнитивную оценочную систему молодежи, стимулируя импульсивные, эмоционально окрашенные и социально неприемлемые действия.

Результаты исследования показывают, что в проявлении девиантного поведения у молодежи наиболее активно участвуют следующие психологические механизмы:

социальное подражание, цифровая идентификация, нарушение личных норм, подчинение социальному давлению и эффект анонимности. Особенно высокий уровень девиантных проявлений наблюдается у тех молодых людей, у которых слабый родительский контроль или недостаточно социальных связей в реальной жизни.

Расширение цифровой социальной среды оказывает значительное влияние на процессы социализации, моральные ценности и формы самовыражения молодежи. Сегодня виртуальные платформы стали неотъемлемой частью их жизни, формируя коммуникативные навыки, процессы самооценки и отношение к социальным нормам.

Таким образом, объяснять девиантное поведение молодежи в цифровой среде исключительно внешними социальными условиями или технологическими изменениями недостаточно. Этот процесс тесно связан с психологическими потребностями личности, её эмоциональным состоянием, мотивационной системой и осознанием социальных ролей.

Часто девиантное поведение молодежи обусловлено стремлением к признанию, привлечению внимания и ускорению процесса личной идентификации. «Эффект анонимности» в виртуальной среде предоставляет возможность экспериментировать с ролями, нарушать социальные нормы и демонстрировать себя через антисоциальные формы поведения.

В то же время исследования показывают, что в профилактике девиации более эффективны не запретительные меры, а развитие цифровой грамотности, формирование медиапсихологического иммунитета и критического мышления. Психологические защитные механизмы играют здесь значительную роль: молодые люди стремятся компенсировать неудовлетворённые потребности реальной жизни в виртуальном пространстве.

В результате усиливаются проявления агрессии, кибербуллинга, склонности к экстремистским идеям или интерес к азартным онлайн-играм.

Постоянное влияние цифровой среды ведет к «относительности» социальных норм и ценностей, что ослабляет моральную ориентацию молодежи и увеличивает вероятность девиантного поведения.

Особенно подвержены этому подростки из семей с низким уровнем родительского контроля и недостаточной эмоциональной поддержкой. В рамках психологических теорий девиантное поведение молодежи может рассматриваться как компенсаторный механизм, направленный на восполнение социально-психологических дефицитов.

При этом важно подчеркнуть, что цифровая среда сама по себе не является исключительно источником риска. При грамотном психологическом подходе и воспитательном контроле она может значительно усилить творческий потенциал молодежи, способствовать самовыражению, расширению социального капитала и получению знаний. Следовательно, основная проблема заключается не в самих технологиях, а в культуре их использования и осознанном психологическом отношении к ним.

Заключение. Таким образом, анализ девиантного поведения молодежи в условиях цифровой социальной среды должен учитывать взаимодействие факторов на уровне личности, социальных групп и общества в целом.

Разработка психологических профилактических и коррекционных программ требует учета потребностей, мотивации и эмоционального развития молодежи. Важное значение имеет сотрудничество родителей, педагогов и психологов, повышение уровня цифровой грамотности, а также укрепление системы социальной поддержки.

В результате цифровую среду можно рассматривать не как фактор риска, а как пространство возможностей для психологического развития молодежи. Для этого все субъекты общества — семья, образовательные учреждения, государство и институты гражданского общества — должны разделить ответственность и совместными

усилиями направлять поведение молодежи в цифровом пространстве в конструктивное русло.

Список использованной литературы.

1.Turkle, S. (2011). Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. Basic Books.

2.Boyd, D. (2014). It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. Yale University Press.

3.Festinger, L. (1957). A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford University Press.

4.Carr, N. (2010). The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. W. W. Norton & Company.

5.Subrahmanyam, K., & Šmahel, D. (2011). Digital Youth: The Role of Media in Development. Springer.

6.Livingstone, S., & Helsper, E. J. (2007). "Gradations in digital inclusion: Children, young people and the digital divide". New Media & Society, 9(4), 671-696.

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРРЕКЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Гринкевич М.В.
(г. Гомель, Республика Беларусь)

Аннотация. *Исследование оценивает уровень готовности студентов-медиков 3 курса (n=150) Гомельского государственного медицинского университета к работе в чрезвычайных ситуациях (ЧС). Помимо анализа теоретических знаний и практических навыков, проведено углубленное психологическое тестирование с использованием методик Кеттелла, Спилберга-Ханина и теста на стрессоустойчивость (Ю. В. Щербатых). Выявлено, что 18,7% студентов имеют критически низкий уровень стрессоустойчивости с выраженными гендерными различиями. Разработана прогностическая модель идентификации студентов группы риска. В ходе экспериментальной части (n=25) доказана высокая эффективность специализированных психологических тренингов: выявлено статистически значимое снижение ситуационной (p=0,003) и личностной тревожности (p=0,001), повышение стрессоустойчивости (p=0,008) и самоконтроля (p=0,028). Предложена система интеграции психологической подготовки в образовательный процесс без изменения учебных планов.*

Ключевые слова: *студенты-медики, чрезвычайные ситуации, стрессоустойчивость, тревожность, психологические тренинги, прогностическая модель, эффективность вмешательств.*

Annotation. *This study evaluates the readiness of third-year medical students (n=150) at Gomel State Medical University to operate in emergency situations (ES). In addition to assessing theoretical knowledge and practical skills, an in-depth psychological evaluation was conducted using the Cattell Personality Questionnaire, the Spielberger-Hanin Anxiety Inventory, and the Stress Resilience Test (Y. V. Shcherbatykh). The findings revealed that 18.7% of students demonstrated critically low levels of stress resilience, with pronounced gender-specific differences.*

A predictive model was developed to identify students at risk. During the experimental phase (n=25), the effectiveness of specialized psychological training programs was confirmed: statistically significant reductions were observed in situational anxiety (p=0.003) and trait anxiety (p=0.001), along with improvements in stress resilience (p=0.008) and self-regulation (p=0.028).

A system for integrating psychological training into the educational process was proposed, allowing for enhanced student preparedness without altering existing curricula.

Keywords: *medical students, emergency situations, stress resilience, anxiety, psychological training, predictive model, intervention effectiveness*

Введение. Профессиональная подготовка медицинских работников к работе в условиях ЧС требует не только формирования теоретических знаний и практических навыков, но и развития психологической устойчивости [1, 5]. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте обучения студентов-медиков, которые в будущем могут столкнуться с необходимостью оказания помощи в экстремальных условиях.

Целью исследования являлась комплексная оценка уровня готовности студентов-медиков к работе в ЧС, выявление факторов психологического риска и экспериментальная проверка эффективности коррекционных психологических тренингов.

Материал и методы. На первом этапе проведено анкетирование 245 студентов 3 курса ГомГМУ для оценки общей готовности к работе в ЧС. На втором этапе осуществлено углубленное психологическое тестирование 150 студентов с использованием валидизированных методик: 16-факторный личностный опросник Кеттелла, шкала ситуативной и личностной тревожности Спилберга-Ханина и тест на стрессоустойчивость Ю. В. Щербатых.

На третьем этапе проведен формирующий эксперимент с участием 25 студентов (17 женщин, 8 мужчин), отобранных на основании выявленных факторов риска. В течение 2 недель участники экспериментальной группы прошли цикл специализированных психологических тренингов, направленных на развитие стрессоустойчивости, эмоциональной саморегуляции и коммуникативных навыков.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием Microsoft Office Excel 2013 и Statistica 10.0 с применением t-критерия Стьюдента для парных выборок, корреляционного анализа и логистической регрессии.

Результаты и обсуждение.

1. Общая оценка готовности. Анкетирование выявило достаточный уровень теоретической подготовки: 77,6% студентов знакомы со стандартами оказания помощи при массовом поступлении пациентов, 88,9% изучали медицинскую сортировку. Однако лишь 19,3% имеют реальный опыт оказания помощи в экстремальных условиях. Критическим аспектом оказалась психологическая готовность: 30% студентов не готовы оказывать помощь при риске для собственной жизни, а 53,3% испытывают дискомфорт при виде крови и травм.

2. Выделение группы риска. По критерию "Базовый показатель стрессоустойчивости" ≤ 25 баллов выделена группа риска, включающая 28 студентов (18,7% от выборки). Гендерный состав группы риска отражал общее распределение в выборке (78,6% женщин и 21,4% мужчин).

3. Эффективность психологических тренингов. Сравнительный анализ показателей до и после проведения тренингов выявил статистически значимые улучшения по ключевым параметрам (Таблица 1).

Таблица 1.

Динамика психологических показателей после тренингов (n=25)*

Показатель	До тренинга	После тренинга	Изменение	p-value
Ситуационная тревожность	37,4 ± 8,2	31,2 ± 7,1	-6,2	0,003
Личностная тревожность	44,3 ± 9,5	36,1 ± 8,3	-8,2	0,001
Стрессоустойчивость	28,6 ± 6,3	34,2 ± 5,8	+5,6	0,008
Самоконтроль	5,2 ± 1,8	5,8 ± 1,5	+0,6	0,028

Корреляционный анализ выявил сильные взаимосвязи между изменениями показателей: снижение тревожности значимо коррелировало с улучшением самоконтроля ($r = -0,68$; $p < 0,01$) и повышением стрессоустойчивости ($r = -0,72$; $p < 0,01$).

Кластерный анализ ответов на тренинг позволил выделить три группы студентов:

- "Высокая адаптивность" (36%) - значительное улучшение всех показателей
- "Умеренная адаптивность" (48%) - умеренное улучшение
- "Низкая адаптивность" (16%) - минимальные изменения

4. Прогностическая модель

Методом логистической регрессии разработана модель прогнозирования низкой стрессоустойчивости (AUC = 0,92). Ключевые предикторы: личностная тревожность > 35 баллов, эмоциональная стабильность < 4 баллов, доверчивость/подозрительность > 7 баллов.

Выводы.

1. У 18,7% студентов-медиков выявлен критически низкий уровень стрессоустойчивости, что представляет основной риск для их эффективной работы в ЧС.

2. Специализированные психологические тренинги демонстрируют высокую эффективность в улучшении психологической готовности, что подтверждается статистически значимыми изменениями ключевых показателей.

3. Разработанная прогностическая модель позволяет идентифицировать студентов, нуждающихся в приоритетной психологической поддержке.

Биографический список.

1. Врачебно-сестринские формирования. Кафедра скорой медицинской помощи и медицины катастроф. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belkmk.narod.ru/boss/wsb.htm. — Дата доступа: 28.09.2025.

2. Бортулева, Н. Л. Консерватизм и жесткость как диспозициональные факторы личности: опыт эмпирического исследования / Н. Л. Бортулева, А. П. Лобанов, В. П. Шейнов // Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2022. – № 3. – С. 35–39.

3. Глушанко, В. С. Организационные основы оказания медицинской помощи населению в стационарных условиях : учеб.-метод. пособие : для студентов учреждений высш. образования, обучающихся по специальностям 1-79 01 01 "Лечебное дело" и 1-79 01 07 "Стоматология" / В. С. Глушанко [и др.] ; М-во здравоохранения Республики Беларусь, УО "Витебский гос. ордена Дружбы народов мед. ун-т", Каф. обществ. здоровья и здравоохранения с курсом ФПК и ПК ; под общ. ред. В. С. Глушанко. - Витебск: ВГМУ, 2019. – 365 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.vsmu.by/handle/123/21557{url}. – Дата доступа: 28.09.2025.

4. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь: в ред. от 16 июня 2014 г. № 164-З.

5. Щастный, А. Т. Инновационные составляющие модернизации образовательного процесса: [монография] / А. Т. Щастный [и др.]; М-во здравоохранения Республики Беларусь, УО "Витебский гос. ордена Дружбы народов мед. ун-т". - Витебск: [ВГМУ], 2016. - 167 с. : ил. - Авт. также: В. С. Глушанко, Н. Ю. Коневалова, М. В. Алфёрова, А. А. Герберг, В. А. Лаппо, Н. В. Лаппо, Д. В. Мороз, А. П. Тимофеева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.vsmu.by/handle/123/11093{url}. – Дата доступа: 28.09.2025.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Елмуратова А.У.
(г. Нукус, Каракалпакстан)

Аннотация. *В статье представлен теоретический анализ социально-психологической компетентности медицинских работников. Выявлены факторы и компоненты, влияющие на формирование социально-психологической компетентности.*

Опорные слова: *Индивидуально - психологический и социально - психологический компонент, свойства социального интеллекта, тип личности, своеобразие личности, профессиональная деятельность.*

Annotation. *The article presents a theoretical analysis of the socio-psychological competence of medical workers. The factors and components influencing the formation of socio-psychological competence have been identified.*

Key words: *Individual psychological and socio-psychological component, properties of social intelligence, personality type, personality originality, professional activity.*

В мировом масштабе ведутся исследования по изучению психологических основ профессиональной компетентности медицинских работников, формированию и развитию механизмов профессиональной компетентности, систематизации их психологических критериев, исследованию и развитию модели показателей социально-психологической компетентности, разработке комплекса психодиагностических методик, состоящих из специальных смоделированных заданий, направленных на совершенствование социально-психологической компетентности. Повышение уровня психологической подготовки медицинских работников, выявление социально-психологических факторов и механизмов, формирующих их социально-психологическую компетентность, повышение роли профессиональной подготовки медицинских работников и вопрос их влияния на эффективность деятельность считаются проблемами специального исследования.

Американские исследователи Л.Стросс и Дж.Морено описывают социально-психологическую компетентность как "совокупность способностей, необходимых для выполнения конкретной деятельности по специализации личности". Вопросы формирования социально-психологической компетентности и её влияния на эффективность профессиональной деятельности отражены в исследованиях Н.А.Кузьминой, Л.А.Петровской, А.А.Бодалева, Л.М.Митиной, О.В.Совроновой. Целый

ряд ученых стремятся понять социально-психологическую компетентность, связывая ее с профессиональными знаниями. Сущность профессиональной компетентности раскрыли в своих исследованиях А.К.Маркова, Л.М.Митина, Е.Милерян, И.И.Риданова, Р.А.Уайт, Л.П.Панина и другие учёные. Такие русские учёные как Е.Прямиков, А.Бодалев, С.Макаров, С.Никитина, В.Цветкова, И.Зимняя, В.Куницына, Г.Белицкая, В.Масленников, Л.Шабатура, Л.Свирская, И.Зарубинская, Е.Коболянская изучали психологические особенности феномена социально-психологической компетентности. Такие зарубежные учёные как М.Кэнел и М.Свейн, С.Савиньон, Л.Бахман, А.Палмер, Р.Клиффорд, Ян Ван Эк исследовали составляющие компоненты и факторы этой проблемы. Такие учёные как И.Дементьева, Н.Зубарева описывали социально-психологическую компетентность как “социальную мудрость”.

Если обратить внимание на исследования российских ученых, посвященным роли и значению социально-психологической компетентности медицинских работников в сфере здравоохранения, то Л.Г.Матвеева указывает на необходимость освоения супервайзерской программы тренинга, предназначенной для всесторонней зрелости медицинских работников. В частности, автор, останавливаясь на проблемах подготовки медицинских работников в России, характеризует социально-психологическую компетентность как профессиональный комплекс, имеющий важное значение для медицинских работников. Н.А.Кравцова в своих научных исследованиях подчеркивает при отношениях с больными необходимость обращения особого внимания, прежде всего, на его возраст, черты характера. По мнению автора, для повышения эффективности профессиональной деятельности медицинских работников целесообразно сначала разработать их психолого-медицинскую структуру. По мнению В.В.Гульдана, организация в поликлиниках медико-психологических кабинетов и обучение медицинских работников обеспечивает высокое качество оказания медицинской помощи. В своих исследованиях ученый, подчеркивая то, что развитие социально-психологической компетентности является одной из актуальных проблем медицинских работников, осуществляющих деятельность в системе здравоохранения, особо останавливается на вопросе взаимодействия медицины и психологии в повседневной практике.

В современной медицинской психологии вопросы психологических факторов, влияющих на заболевания, влияния личностных качеств медицинских работников на эффективность их профессиональной деятельности изучены в исследованиях З.Р.Ибодуллаева, Д.И.Илхамовой, М.Х.Карамян, З.Абидовой, Г.К.Тулагановой, Ю.К.Нарметовой. Доктор медицинских наук, профессор З.Р.Ибодуллаев утверждает, что в период, когда современная цивилизация развивается ускоренными темпами, повышается роль личности человека в обществе, вопрос подготовки медицинских работников, осуществляющих деятельность в системе здравоохранения, является для сегодняшнего дня весьма актуальным. Он указывает на необходимость того, что медицинский работник должен знать эмоциональное состояние, особенности возрастного психического развития личности каждого пациента и уметь устанавливать психологическое общение с пациентом, способность применять различные психологические методы в процессе лечения.

Анализ научной литературы показывает на сегодняшний день явную нехватку научных источников, связанных социально-психологической компетентностью медицинских работников. А это требует анализа системы корреляционных отношений между социально-психологической компетентностью медицинских работников и её факторами; исследования роли и значения таких компонент деятельности медицинских работников как адекватная коммуникабельность, адекватное эмоциональное отношение и коммуникативная компетентность в качестве ведущего внутреннего психологического механизма.

В результате исследования, социально-психологических факторов компетентности в деятельности медицинских работников, представлены следующие выводы:

1. Теоретико-методологический анализ социально-психологической компетентности медицинских работников показал, что в связи с тем, что на на сегодняшний день факторы социально-психологической компетентности медицинских работников, влияющие на эффективность деятельности медицинских работников, исследованы недостаточно, требуется рассмотреть эту проблему как специфический социально-психологический феномен, определить её научные перспективы.

2. Существование определённой степени корреляционной зависимости между показателями социально-психологической и коммуникативной компетентности медицинских работников имеет важное значение для формирования научных представлений о критериях данной компетентности.

3. Показатели социально-психологической компетентности медицинских работников можно выявить и исследовать в соответствии с требованиями четырёх критериев методики Гилфорда (понимание чувств, мнений и намерений участника общения; понимание невербальных действий; понимание вербальных жестов; анализ межличностного и взаимного воздействия); пяти критериев метода Холла (эмоциональное знание, эмпатия, чувствование переживаний других людей, стимулирование себя, управление собственными эмоциями); четырнадцати критериев метода В.Н.Куницыной (понимание людей, понимание ситуаций, предприимчивость, моральные установки, мотивация достижения успеха, эмоциональная устойчивость, имидж, социальная компетентность, вербальная компетентность, оперативная компетентность, эгокомпетентность, коммуникативная компетентность, надежность, стабильные человеческие отношения) и пяти критериев (социальная идентификация, социальная перцепция, социальная рефлексия, альтруизм) разработанного автором метода.

4. Факторы социально-психологической компетентности медицинских работников имеют тенденцию взаимосвязанного проявления и развития со специфическим способом сформированными когнитивными (социальная интуиция, социальная память, способность прогнозировать социальную действительность), эмоциональными (социальная выраженность, совместная забота, саморегулирование), поведенческими (социальное восприятие, социальное взаимодействие, социальная адаптация) компонентами.

5. Применение программы психотренинга, направленного на развитие факторов социально-психологической компетентности, в достаточной степени обеспечило проявление в деятельности медицинских работников понимания людей, моральных установок, мотивации к успеху, эмоциональной стабильности, имиджа и навыков коммуникативной компетентности.

Основываясь на результаты исследования, предлагаются следующие **практические рекомендации**:

1. Подразумевая, что социально-психологическая компетентность является важным фактором, определяющим эффективность деятельности, целесообразно начать с включения этого процесса в образовательные стандарты высших образовательных учреждений, соответствующих этой сфере. Вместе с тем, имеет важное значение обратить серьёзное внимание не только на вооружение будущих медицинских работников специальными знаниями, навыками и умениями, но и на их социально-психологическую подготовку.

2. Путём специальных социально-психологических тренингов можно достичь формирования навыков и квалификации, направленных на устранение конфликтных ситуаций, встречающихся в деятельности медицинских работников.

3. Для формирования социально-психологической компетентности медицинских работников необходимо внести изменения в учебные программы курсов переподготовки и повышения квалификации медицинских работников и, исходя из продолжительности их деятельности, проводить онлайн диагностику уровня профессиональной компетентности.

4. Путём постоянной организации семинаров-тренингов, бесед «за круглым столом», онлайн общения, посвящённых психологической компетентности медицинских работников, её проявлению, факторам, механизмам и методам формирования может повысить эффективность профессиональной деятельности.

Литературы.

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000;

2. Диагностика социального интеллекта. Тест Дж. Гилфорда и М. Саливана. СПб., 1999;

3. Sobirova D.A. Practical and psychological bases of researching the social intellect of medical attendant. European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences.Vol.7№3, 2019. (19.00.00. №2).

4. Собирова Д.А. Интеллект как профессионально значимое качество врача //Вестник интегративной психологии. – Ярославль, 2018. №16. – С. 260–263. (19.00.00. №2).

5. Собирова Д.А. Psychological and practical aspects of the social research on the intelligence of the medical staff. //Психология. – Бухоро, 2019. №2. – Б. 28–31. (19.00.00. №5).

РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОГО ЛИЦА ПОДРОСТКОВ

Жабборов Ж.А.

(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В представленной статье духовно-нравственные ценности позиционируются как фундаментальный источник формирования и развития духовного облика подростка. Они анализируются как интегрированная система межличностных и внутриличностных отношений, выступающая в качестве системообразующего элемента его ценностных ориентаций. Эта система не только подчеркивает культурную, социальную и общечеловеческую значимость указанных ценностей, но и служит регулятором сознательной деятельности и поведенческих проявлений индивида, наделяя их глубоко духовно-нравственным характером. В конечном итоге, она направляет личность к достижению возвышенных идеалов, способствуя гармоничному синтезу внутреннего мира и внешней активности. Процесс воспитания через духовно-нравственные ценности закладывает прочную основу для конструирования подростка как самосознательной, автономной личности, обладающей достаточным внутренним потенциалом и ресурсами для реализации стратегических жизненных планов, а также для мобилизации внешних возможностей в целях самореализации.*

Ключевые слова: *подросток, духовный облик, мировоззрение, духовная потребность, нравственность, духовная жизнь, разум, ценность.*

Annotation. *The presented article positions spiritual and moral values as a fundamental source for the formation and development of the spiritual image of an adolescent. They are analyzed as an integrated system of interpersonal and intrapersonal relations, serving as a system-forming element of the adolescent's value orientations. This system not only emphasizes the cultural, social, and universal significance of these values but also acts as a regulator of conscious activity and behavioral manifestations of the individual, imparting to them a deeply spiritual and moral character. Ultimately, it guides the personality toward the attainment of lofty ideals, contributing to the harmonious synthesis of the inner world and external activity. The process of education through spiritual and moral values lays a solid foundation for shaping the adolescent as a self-conscious, autonomous individual endowed with sufficient internal potential and resources for the realization of strategic life plans, as well as for mobilizing external opportunities for self-actualization.*

Keywords: *adolescent, spiritual image, worldview, spiritual need, morality, spiritual life, reason, value.*

Описание темы. Современное общество переживает глубокие социально-духовные изменения, которые неизбежно ставят под вопрос перспективы развития молодежи и требуют фундаментального переосмысления механизмов ее воспитания. В условиях ускоренной глобализации, цифровизации и культурных сдвигов наблюдается эрозия традиционных морально-этических норм, что приводит к росту феномена бездуховности среди подрастающего поколения. Молодые люди, нарушая устоявшиеся моральные императивы, демонстрируют симптомы неверия в фундаментальные ценности, эмоциональной агрессии и отчужденности от социальных связей. В этой связи проблема духовно-нравственного воспитания приобретает статус одной из наиболее острых и приоритетных задач педагогической и психологической науки и практики сегодняшнего дня. Для обоснования ее исключительной актуальности целесообразно выделить четыре ключевых правила (или принципа), отражающих многогранность вызова:

во-первых, общество обязано формировать не просто образованную молодежь, но поколение, наделенное высоким уровнем духовности, нравственности и совершенными личностными качествами, способными обеспечить устойчивость социокультурного континуума и гармоничное развитие цивилизации в целом;

во-вторых, в эпоху доминирования многообразных мощных источников информационно-идеологического воздействия — от массовых медиа до цифровых платформ — на интеллект, эмоциональную сферу и развивающуюся нравственность ребенка, возникает императив защиты молодежи от деструктивных, чуждых идей, которые могут искажать ценностные ориентиры и провоцировать девиантные траектории поведения;

в-третьих, само по себе образование не в состоянии эволюционировать до высших уровней эффективности без формирования у каждого индивида позитивного, эмпатичного отношения к принципам уважения и доброжелательности; как справедливо отмечал выдающийся русский педагог К.Д.Ушинский, "духовно-нравственное воздействие представляет собой основную задачу воспитания" [5], подчеркивая, что без этого компонента образовательный процесс теряет свою гуманистическую сущность;

в-четвертых, не менее критично вооружить подростка арсеналом духовно-нравственных знаний, поскольку они не только информируют о поведенческих нормах, консолидированных в современном обществе, но и предоставляют всестороннее представление о потенциальных последствиях их нарушения — как для самого индивида, так и для окружающего социума, способствуя тем самым профилактике этических конфликтов и укреплению социальной солидарности.

Степень изученности проблемы в отечественной и зарубежной научной литературе. В последние годы в рамках узбекской психологической науки и смежных дисциплин накоплен значительный корпус эмпирических и теоретических исследований, посвященных феномену личности подростка и его психологическим особенностям в период онтогенетического развития. В частности, стоит особо выделить вклад ведущих отечественных ученых, таких как Н.Б. Атабаева, О.С. Кодирова, М.Ю. Тошева, Ш.К. Мамаджанова, Н.М. Мусина, Ф.Ф. Ганжиева, Д.М. Муминова, Ю.Х. Караева, Е.Г. Алимов и другие. Их работы систематически освещают ключевые аспекты: психологические основы развития альтруистического поведения у подростков; социально-психологические механизмы личностной защиты в подростковом возрасте; специфику проявления эгоистических тенденций в этой возрастной группе; взаимосвязь профилактики девиантного поведения с формированием духовного облика; психологические кризисы и эмоциональную неустойчивость как доминирующие факторы подросткового периода; аддиктивное поведение среди юношей и девушек; а также гендерно-специфические психологические особенности девиантного поведения, особенно у девочек-подростков. Эти исследования не только диагностируют проблемы, но и предлагают практические модели коррекции, интегрируя психологические, педагогические и социальные подходы, что обогащает методологический арсенал современной науки о воспитании.

Концептуальное определение духовно-нравственных ценностей. Духовно-нравственные ценности представляют собой сложную, многоуровневую систему отношений, функционирующую как системный элемент более широкой структуры ценностных ориентаций индивида. Они акцентируют культурную, социальную и общечеловеческую значимость этих отношений, выступая в роли мощного регулятора сознательной когнитивной и поведенческой активности. В частности, духовно-нравственные ценности наделяют эту деятельность глубоко этическим, моральным характером, направляя ее на достижение высоких, трансцендентных идеалов, таких как гуманизм, солидарность и самосовершенствование [4]. В контексте подросткового развития эти ценности выступают катализатором перехода от импульсивного к рефлексивному поведению, способствуя интеграции личностных мотивов с социальными нормами.

Подростковый возраст как критический этап формирования ценностных ориентаций. Подростковый возраст, охватывающий хронологические рамки от 11 до 15 лет, традиционно считается одним из наиболее бурных и проблематичных периодов онтогенеза. Большинство педагогов, психологов и родителей сходятся во мнении, что этот этап сопряжен с интенсивными психоэмоциональными трансформациями, когнитивными сдвигами и социальными вызовами, делая его особенно уязвимым для формирования или деформации ценностных систем. В этот период приобретает первостепенную значимость задача помощи подростку в осознанном усвоении духовно-нравственных ценностей, обучении механизмам самоконтроля поведенческих импульсов и ответственности за последствия своих действий. Школа, воплощенная в фигурах учителей и родителей, должна выступать в роли активного фасилитатора этого процесса, систематически формируя у подростка устойчивый каркас духовно-нравственных ценностей. Этот этап имеет фундаментальное значение, поскольку представляет собой инициальный вектор развития подростка как полноценной, автономной личности, определяя траекторию его дальнейшей социализации. Общество в целом играет не менее существенную роль в этом процессе, поскольку подростки склонны ориентироваться в своих поступках на модели поведения значимых референтных групп и окружающих индивидов. Однако влияние социума не всегда носит конструктивный характер: оно может провоцировать конформизм к деструктивным паттернам, таким как агрессия или консьюмеризм. В связи с этим, для минимизации негативных эффектов и предотвращения девиантных тенденций,

становится императивным целенаправленное привитие духовно-нравственных ценностей как защитного барьера и ориентира.

Цели и принципы воспитания духовно-нравственных ценностей. Основополагающими целями воспитания духовно-нравственных ценностей выступают: передача накопленного культурного капитала — ценностей, идей и традиций, аккумулированных предыдущими поколениями, — подрастающему поколению; а также формирование у индивида способности эмпатично воспринимать, активно принимать и творчески развивать культурное наследие как основу идентичности. Воспитательный процесс в этой сфере опирается на ряд фундаментальных принципов, включая: глубокое уважение к своей Родине и ее историческому наследию; духовно-нравственный облик педагога как модель для подражания; а также акцент на личностной зрелости и индивидуальной траектории развития воспитанника. В итоге, эффективное воспитание духовно-нравственных ценностей должно конструировать подростка как самостоятельную, рефлексивную личность, способную стратегически реализовывать свои жизненные планы за счет мобилизации внутренних ресурсов и потенциала, а также внешних возможностей, обеспечивая тем самым устойчивую самореализацию в социокультурном контексте.

Источники духовно-нравственного опыта в развитии школьников-подростков. Первостепенным источником духовно-нравственного опыта для детей школьного возраста, включая подростков, является образовательная деятельность в ее институционализированной форме. Педагогу крайне важно осознавать, что духовно-нравственное развитие учащихся реализуется на уроках через три взаимосвязанных канала: содержание учебной программы и дидактических материалов, которые насыщены этическими нарративами; организацию урока как динамичного пространства для рефлексии и взаимодействия; а также личностный вклад учителя. Личность педагога выступает центральным фактором в формировании духовно-нравственных ценностей, поскольку служит живой моделью этического поведения. Содержание учебного материала существенно обогащает когнитивные и аффективные представления подростков о духовно-нравственных качествах личности, раскрывая эстетическую и моральную красоту в природных феноменах, общественной жизни и межличностных отношениях. Оно стимулирует развитие позитивного, ценностно-ориентированного отношения к нравственным принципам, формирует идеал прекрасного человека как эталон для подражания и побуждает подростков к постоянному соотнесению своих поступков с действиями героических или примерных фигур. Особый потенциал духовно-нравственного воздействия несет гуманитарный цикл — литература и история, — где аккумулированы мириады духовно-нравственных суждений, моральных дилемм и этических уроков, способствующих эмпатическому погружению и этической рефлексии. Тем не менее, наиболее потентным и трансформативным влиянием на духовно-нравственное развитие подростков в образовательном процессе обладает именно личность учителя. Духовно-нравственный облик педагога проявляется в целостной системе его отношений: к детям как к равноправным субъектам; к своей основной профессиональной и общественной деятельности; к подросткам и другим людям в социуме; а также к самому себе как к носителю этических императивов. В противоположность этому, если подростки становятся свидетелями равнодушного, небрежного или циничного отношения учителя к сверстникам или коллегам, это неизбежно провоцирует дезинтеграцию их собственного духовно-нравственного развития, усиливая скептицизм и эмоциональное отчуждение.

Личный пример учителя как катализатор этического роста. Духовно-нравственное воспитание в наибольшей степени определяется личным примером педагога, выступающим в роли неявной модели для имитации. Духовная близость и уважение подростка к учителю, его мотивация к подражанию напрямую коррелируют с уровнем

педагогического мастерства, профессиональной квалификации, компетентности и характера повседневных межличностных взаимодействий с детьми. Особо критично избегать диссонанса между декларативными установками и практическими действиями: слова учителя, даже если они искренни и эмоционально насыщены, теряют убедительность, если расходятся с реальными поступками. В случае, когда педагог проповедует подросткам жизненные принципы (например, честность или эмпатию) и настаивает на их соблюдении, но сам не воплощает их в жизнь, эффективность такого воздействия радикально снижается, перерастая в недоверие и утрату авторитета. В итоге, учитель, не соответствующий своим же идеалам, никогда не сможет обрести подлинное уважение среди учеников, подрывая основу воспитательного процесса.

Внеклассная деятельность как пространство для социализации и самореализации. Еще одним ключевым источником духовно-нравственного опыта для школьников является разнообразная внеклассная деятельность, которая удовлетворяет фундаментальные психологические потребности подростков: в коллективном общении со сверстниками, в углубленном самовыражении и самореализации. Эта сфера создает оптимальные условия для иммерсии учащихся в систему аутентичных духовно-нравственных отношений, основанных на взаимопомощи, ответственности и солидарности. В рамках внеклассных форм наиболее полно раскрываются индивидуальные задатки, творческие способности и потенциал кооперации. Известно, что такие ключевые духовно-нравственные качества, как смелость, ответственность, гражданская активность и единство риторики с практика (речь с делом), невозможно адекватно воспитать исключительно в рамках учебного процесса, ориентированного на когнитивные задачи. Для их развития требуются реальные жизненные ситуации, предполагающие спонтанное проявление ответственности, честности и инициативы — и именно внеклассной деятельности эти ситуации возникают с наибольшей частотой и интенсивностью. Если в детском (подростковом) коллективе удается установить атмосферу доброжелательности, взаимной заботы и ответственности друг за друга, где каждый член занимает позицию, соответствующую его сильным сторонам, то это не только укрепляет межличностные связи с одноклассниками, но и усиливает чувство коллективной чести, долга и солидарной ответственности. Как подчеркивал А.С. Макаренко, благоприятное эмоциональное климат и психологическое благополучие в группе стимулируют наиболее полное самовыражение личности, создавая плодородной среду для расцвета творческих наклонностей и этических инициатив [3]. Педагогу надлежит инвестировать значительные временные и энергетические ресурсы в формирование и развитие детского коллектива: от стратегического планирования его эволюции до поиска оптимальных форм самоуправления, подразумевающих взаимную заботу и совместную деятельность, ориентированную на коллективное удовлетворение. Особую ценность представляет индивидуальная педагогическая поддержка младших подростков со стороны старших сверстников, способствующая вертикальной социализации и передаче ценностей.

Взаимоотношения между педагогами как модель для учеников. Взаимоотношения с другими учителями также выступают значимым источником духовно-нравственного опыта для школьников, поскольку отношение педагога к коллегам служит для детей живым примером этических установок человека по отношению к себе и окружающим, “заражая” их аналогичными паттернами и влияя на внутригрупповые динамики. Высокий уровень духовно-нравственного отношения учителя к ученикам является ключевым индикатором качества образовательного процесса, поскольку способствует глубокому, осознанному усвоению растущей личностью идей, норм и требований, предъявляемых педагогом. Современная психология подчеркивает: отношение детей к требованиям напрямую зависит от их отношения к учителю как к авторитетной

фигуре. Если требования исходят от уважаемого, духовно близкого педагога, они воспринимаются как легитимные и личностно значимые, мотивируя внутреннюю мотивацию к соответствие. В противовес этому, под внешним давлением авторитарного учителя подростки могут формально подчиняться, но это порождает внутреннее сопротивление, когнитивный диссонанс и потенциальную реактивность.

Семейные отношения как базис духовных ценностей. Важнейшим источником жизненного (и духовно-нравственного) опыта для школьников остаются семейные отношения, которые зеркально отражают духовно-нравственные установки и ценности родителей, формируя у ребенка первичный этический фундамент. Возможности учителя по коррекции неблагоприятных семейных динамик и обеспечению эмоционального комфорта для ученика ограничены институциональными рамками. Однако педагог может компенсировать дефицит домашнего тепла и поддержки через создание альтернативной “семьи” — сплоченной группы одноклассников, — где проявляется особая эмпатия, внимание и забота. Для этого требуется целенаправленная работа как с самим учителем (саморефлексия), так и с группой учеников: от нейтрализации негативного влияния дисфункциональных семейных паттернов до формирования у ребенка адекватных представлений о сути здоровых семейных отношений, основанных на взаимном уважении и поддержке.

Искусство и культура как канал эмпатии и рефлексии. Искусство и культура занимают особое место среди источников духовно-нравственного опыта для подростков, поскольку они должны быть разнообразными, систематическими и пронизывать всю сферу жизни ребенка, насыщая его душу добром, эстетикой и моральными инсайтами. К формам такого культурного общения относятся: прослушивание аудиозаписей классической и современной музыки; посещение театральных постановок и кинопоказов; участие в художественных выставках, конкурсах, фестивалях; школьные спектакли, ансамбли, хоры и другие коллективные творческие практики. Искусство выступает мощным инструментом формирования сознания и аффективной сферы, расширяя, углубляя и регулируя духовно-нравственный опыт индивида. Взрослеющий подросток, взаимодействуя с произведениями искусства, конструирует четкую основу для усвоения разнообразных духовно-нравственных идей, проецируя на них свою индивидуальную реальность и тем самым обогащая собственное духовно-нравственное сознание. Роль искусства в аккумуляции эмпатического опыта не имеет аналогов: оно позволяет переживать события и эмоции, недоступные в ограниченном личном опыте. Сопереживая героям, радуясь их триумфам и разделяя их поражения, индивид становится эмоционально богаче, впечатлительнее, наблюдательнее и мудрее. Более того, искусство генерирует иллюзию аутентичного самопознания истины, благодаря чему заложенные в произведении духовно-нравственные уроки глубоко ассимилируются и интегрируются в сознание личности. Знакомство с биографиями, творчеством и духовно-нравственными позициями выдающихся исторических и культурных фигур также существенно способствует конструированию духовного облика подростков, предоставляя ролевые модели для идентификации.

1-таблица.

Основные источники духовно-нравственного опыта для подростков

Источник	Роль в формировании духовно-нравственных ценностей	Примеры реализации
Образовательная деятельность	Обогащает знаниями о нравственных качествах, развивает позитивное отношение к принципам через содержание уроков.	Учебные материалы (литература, история), организация уроков, личный пример учителя.

Личный пример учителя	Служит моделью для подражания, формирует доверие и этические установки через повседневные отношения.	Педагогическое мастерство, последовательность слов и дел, уважение к детям и коллегам.
Внеклассная деятельность	Удовлетворяет потребности в общении и самореализации, развивает качества вроде ответственности и смелости в реальных ситуациях.	Коллективные мероприятия, самоуправление, взаимопомощь в группе (по А.С. Макаренко).
Взаимоотношения между педагогами	Демонстрирует этические модели поведения, влияет на восприятие требований и групповые динамики.	Отношение учителя к коллегам как пример для учеников, эмоциональная близость.
Семейные отношения	Формирует первичный этический фундамент, отражает ценности родителей.	Компенсация дисфункций через школьную "семью", работа с группой для коррекции влияния.
Искусство и культура	Расширяет эмпатию и рефлексию, обогащает эмоциональный опыт через творчество.	Театры, выставки, музыка, знакомство с биографиями выдающихся личностей.

Заключение. В заключение необходимо подчеркнуть, что духовно-нравственные ценности играют определяющую, ключевым роль в формировании духовного облика подростков, выступая катализатором установления позитивных, конструктивных отношений с окружающими в социуме. Они оснащают индивида инструментами для управления своими личностными особенностями и качествами, стимулируя развитие способности к осознанному соблюдению норм, принятых в социальной среде. Таким образом, инвестиции в духовно-нравственное воспитание не только обеспечивают индивидуальную гармонию, но и укрепляют ткань общества в целом, способствуя устойчивому гуманистическому прогрессу.

Использованные источники.

1. Воловикова М.И. Нравственность в современной России. / М.И. Воловикова // Психологический журнал. – 2009. - № 4. – С. 76-87.

2. Большой психологический словарь. Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Санкт-Петербург: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2007. – С. 588.

3. Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: Соч. – Т. 5. – М.: Просвещение, 1976. – С. 193.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2 изд. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1995.

5. Ушинский К.Д. Проблемы педагогики. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – С. 591.

6. Жабборов Ж.А. Роль потребностей в формировании духовного облика личности // Психология XXI столетия: Материалы международной научно-практической конференции, 16-18 марта 2025 г. – Ташкент: Изд-во ТНУ, 2025. – С. 499-501.

7. Jabborov J.A. Ajdodlarimiz va mamlakatimiz olimlari ilmiy merosida shaxs ma’naviy qiyofasini shakllantirish masalalari // Xalqaro innovatsion tadqiqotlar: Xalqaro ilmiy jurnal. – Qarshi: Изд-во QQSU, 2025. – № 1. – С. 14-21. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15283426

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СПОРТСМЕНОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Жумабаев Т.Ж.
(г. Нукус, Каракалпакстан)

Аннотация. *В данной статье на основе анализа существующих систем психологической поддержки спортсменов представлена информация о системе, выделенной в качестве ее функций и средств. Основными направлениями психологического обслуживания являются общая и специальная психологическая подготовка спортсмена, которая включает в себя выполнение ряда практических задач. Психодиагностические методы рассматриваются как средство оказания психологической помощи посредством психологического воздействия на личность.*

Ключевые слова: *психологическая служба, задачи, методы, общая психологическая подготовка, специальная психологическая подготовка.*

Annotation. *In this article, based on the analysis of existing systems of psychological support for athletes, information is presented on the system highlighted as its functions and means. The main directions of psychological service are the general and special psychological training of the athlete, which includes the performance of a number of practical tasks. Psychodiagnostic methods are considered as a means of providing psychological assistance through psychological influence on the individual.*

Keywords: *psychological service, tasks, methods, general psychological training, special psychological training.*

Введение. Спортивная психология как отрасль психологической науки с самого своего возникновения отличается четко применяемым направлением. Психолог, работающий в области спорта (на всех уровнях), должен быть способен быстро и эффективно справляться со всеми психологическими трудностями, препятствующими достижению спортсменом или спортивной командой своих целей. Все аспекты психологической службы, которая может быть оказана спортсмену, сосредоточены в концепции психологической службы спортсмена. Несмотря на историю развития этой проблемы, в настоящее время в спортивной психологии существует множество попыток создать более общие подходы к пониманию системы психологической поддержки спортсменов, но четкого решения этой проблемы не существует [5]. Целью исследования является анализ существующих систем психологической службы в спорте и разработка на их основе общей системы психологической поддержки спортсменов.

Результаты исследования и обсуждение. Если обратиться к анализу существующих систем психологической поддержки спортсмена, то в некоторых из этих систем перечень задач по психологической поддержке спортсменов очень ограничен. А.Л. Попов [3] предлагает различать общую и специальную психологическую подготовку спортсмена в системе психологической службы. К первому относятся подготовка спортсменов к длительному тренировочному процессу, общие соревнования, волевые, социально-психологические, координационные тренировки, а также самовоспитание. Во-вторых, психологическая подготовка спортсмена к конкретному соревнованию, сопернику, этапу подготовки и управлению ситуацией. Однако в этот список не вошли многие задачи, которые психолог должен решать в ходе своей карьеры (например, формирование спортивной мотивации, помощь спортсмену в восстановлении после соревнований и т.д.). Некоторые задачи на самом деле таковы (например, самовоспитание, которое является одним из средств деятельности). Недостатки других систем психологической службы заключаются в путанице в целях и

средствах деятельности психолога. Г.Д. Горбунов[1] в систему психологической поддержки своей спортивной деятельности входит:

1) психодиагностика;

2) психологические, педагогические и психогигиенические рекомендации;

3) психологическая подготовка (разделяется на подготовку спортсмена и тренера);

4) управление состоянием и поведением спортсмена в зависимости от ситуации.

А. Н. Николаев [2], предлагающий наиболее полный перечень задач по психологической поддержке спортсмена, также пытался упорядочить цели и средства деятельности психолога.

Автор делит все его функции на три группы:

1) психодиагностика;

2) общая психологическая подготовка;

3) специальная психологическая подготовка.

Выход из этой ситуации - четкое определение задач и средств деятельности спортивного психолога. Задачи являются основой деятельности психолога, с помощью которых решаются проблемы, возникающие при психологической подготовке спортсмена, и эти средства представляют собой весь комплекс методов, имеющихся в распоряжении психологии для практического решения выявленных проблем. Н.Б. Стамбулова выдвинула идею дифференциации целей и средств психологической службы в спорте[5]. Правда, общие цели психологической поддержки спортсменов (помочь спортсмену достичь максимальных спортивных результатов при оптимальном значении карьеры; успешно преодолеть кризисы в спортивной карьере; максимально использовать для успешного использования спортивной карьеры) в целом автор не предлагает конкретного перечня своих задач. Средства психологической поддержки спортсменов - это общие психологические методы, обогащенные специфическими особенностями спорта в практической деятельности. Наиболее корректно разделить методы прикладной психологии на методы изучения личности (психодиагностику) и методы психологического воздействия на нее.

К психологическим методам изучения личности относятся:

1) наблюдение;

2) во всех видах опроса - устном (беседа, собеседование) и письменном (опросник, тест);

3) психологический эксперимент;

4) проективные методы исследования личности и др.

К методам психологического воздействия на личность относятся:

1) психологическое воспитание (воспитательная деятельность психолога);

2) психологическое консультирование (предоставление конкретных рекомендаций);

3) психологическая подготовка (метод обучения личности решению различных проблем);

4) психотерапия (метод терапевтического воздействия на психику).

Все перечисленные способы воздействия могут иметь как профилактическую, так и корригирующую направленность. Например, предотвращение негативных явлений у спортсменов, если они появляются перед соревнованиями, не устраняет необходимости их коррекции. Помимо запутывания задач психологической службы, существует еще одна проблема в системе психологической поддержки спортсменов. Это означает, что все задачи работы психолога со спортсменом направлены исключительно на спортивные результаты. Это вытекает из общей практики местных спортивных тренировок спортсмена. В то же время спортсмен - это не машина для создания спортивных рекордов, это личность со своими специфическими проблемами, к которым спорт также добавляет свои специфические проблемы. Эксперты отмечают,

что психологическая "оценка," которую спортсмен платит за свою карьеру, может быть слишком высокой, а иногда и необоснованно высокой[5]. В связи с этим одной из задач спортивного психолога является наблюдение и поддержание оптимального уровня психологического благополучия спортсмена. Эта задача, не тесно связанная со спортивной деятельностью, также работает на результаты, но косвенно (психологически хорошо обеспеченный человек может добиться большего, чем те, кто "вытеснен" в борьбе за успех). В целом, парадигму работы психолога в спорте необходимо пересмотреть для ее дальнейшей гуманизации. Вместо "психологической поддержки спортивной деятельности" (обычно используемая формула) следует осуществлять "психологическую поддержку личности" спортсмена со всем комплексом присущих психологии гуманистических целей. Учитывая вышеизложенное, необходимо выделить основные задачи психологической поддержки спортсмена. В этом случае в спортивной психологии логично использовать общее и специальное деление психологической подготовки спортсмена.

Общая психологическая подготовка спортсмена должна включать:

1) психологический отбор и ориентация на будущее;

2) оказание помощи тренеру и спортсмену в процессе спортивной тренировки (физической, технической, тактической);

3) формирование благоприятных межличностных отношений (в спортивной команде и между "тренером-спортсменом");

4) формирование и поддержка мотивации спортсменов к занятиям спортом;

5) психологическая подготовка спортсменов к соревновательной деятельности в целом и к тренировочному процессу с учетом их индивидуальных психологических особенностей;

6) поддержание психологической устойчивости спортсменов.

В этот список не входит часто упоминаемая задача развития важных для спорта личностных качеств. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, формирование личности - это не психологическая, а педагогическая задача. Во-вторых, ключевую роль в этом процессе играет спорт, который сам подбирает людей в соответствии с их психотипом и еще больше укрепляет его. В-третьих, длительный и постоянный контакт психолога со спортсменом встречается редко, и это неотъемлемое условие (хотя и не гарантированное) эффективности процесса формирования личности (поскольку его характеристики очень стабильны). Задача формирования положительного отношения к спортивной деятельности также отсутствует, поскольку она часто реализуется в рамках задачи формирования спортивной мотивации и не имеет специальных средств реализации (по крайней мере, они пока неизвестны).

Специальная психологическая подготовка спортсменов включает в себя:

1) психологическая подготовка к соревнованиям;

2) психологическая подготовка к определенному соревнованию (иногда тренировки);

3) управление положением спортсмена во время соревнований (или тренировок);

4) после соревнований (или тренировок) способствовать психологическому восстановлению относительно затраченной силы (восстановление показателя) и опыта спортивного результата (поражения).

Эти задачи могут зависеть от особенностей деятельности спортсмена в конкретном виде спорта, уровня спортивной деятельности (юношеский спорт, элитный спорт, профессиональный спорт) и этапа спортивной карьеры (начало, первые достижения, кульминационная точка).

Эта система, как и любая другая система, может быть слишком спекулятивной и теоретической, чтобы возразить против следующего. Одной из причин низкого спроса на профессиональные психологические услуги в настоящее время является отсутствие у их потенциальных клиентов четкого представления о возможностях психологов. И

для этого психолог должен четко и систематически понимать задачи своей деятельности. В этом смысле система психологической поддержки спортсменов имеет конкретное практическое значение.

Заключение. Результаты анализа существующих систем психологической поддержки спортсменов приводят к необходимости:

четкое определение его задач и средств; выделение двух его направлений - общей и специальной психологической подготовки; акцентирование внимания на личности спортсмена, его благополучии от спортивных результатов.

Использованная литература.

1. Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта / Г.Д. Горбунов. – 3-е изд., испр. – М.: Советский спорт, 2007. – 296 с.

2. Николаев А.Н. Конспект лекций: социальная и спортивная психология / А.Н. Николаев. – СПб.: СПб ГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001. – 33 с.

3. Попов А.Л. Спортивная психология: учеб. пособие для спортивных вузов / А.Л. Попов. – М.: МПСИ, Флинта, 1998. – 152 с.

4. Сивицкий В.Г. Система психологического сопровождения спортивной деятельности / В.Г. Сивицкий // Теория и практика физ. культуры. – 2006. – № 6. С. 40-43.

5. Стамбулова Н.Б. Психология спортивной карьеры: учеб. пособие / Н.Б. Стамбулова. – СПб.: Изд-во «Центр карьеры», 1999. – 367 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В ПРОЦЕССЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ФАКТОРЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Ибайдуллаева У.Р.

(Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются конфликты, возникающие в семьях, возникновение негативных ситуаций в семейных отношениях между супругами, негативные изменения в детях В подростковом возрасте, вызывающие разногласия и конфликты родителей, их причины и последствия, роль и значение семейных отношений в возникающих недоразумениях, происходящие изменения в детях, способствующие возникновению конфликтов с родителями. их устранения, а также выводы и рекомендации по их устранению.*

Ключевые слова: *семейные отношения, воспитание детей, поведение, разногласия, воспитание детей, конфликт, разделение, супружеская пара, семья, ребенок, подростковый возраст, воспитание.*

Annotation. *This article examines conflicts that arise within families, the emergence of negative situations in marital relationships, and negative changes in children during adolescence that lead to disagreements and conflicts between parents. It explores the causes and consequences of these conflicts, the role and significance of family relationships in misunderstandings, and the changes in children that contribute to conflicts with their parents. The article also discusses ways to resolve these issues and provides conclusions and recommendations for their prevention and elimination.*

Keywords: *family relationships, child upbringing, behavior, disagreements, parenting, conflict, separation, married couple, family, child, adolescence, education.*

Введение. Как мы все знаем, узбекский народ, имеющий долгую и богатую историю, имеет огромное образовательно-воспитательное наследие. Можно сказать, что это наследие служит воспитанию сегодняшнего формирующегося молодого поколения в духе гуманизма, доброты, следствия, трудолюбия, патриотизма, мужества, высокой нравственности. Действительно, семья считается местом образования и воспитания. Как мы все знаем, узбекский народ, имеющий долгую и богатую историю, имеет огромное образовательновоспитаа.

В нашем обществе на протяжении всей жизни людей происходит процесс развития. В процессе он сам испытывает различные изменения, физические, психические, количественные и качественные. Физические изменения, которые происходят с человеком, включают увеличение его роста, увеличение веса, изменение костной и мышечной систем, внутренних органов и нервной системы.нашем обществе на протяжении всей жизни людей происходит процесс развития. В процессе он сам испытывает различные изменения, физические, психические, количественные и качественные. Физические изменения, которые происходят с человеком, включают увеличение его роста, увеличение веса, изменение костной и мышечной систем, внутренних органов и нервной системы. Психические изменения, с другой стороны, связаны с его психическим развитием и формированием у человека психических качеств личности, в которых он находит содержание социальных качеств, необходимых для жизни. Развитие человека считается важным процессом. Но в детстве, подростковом и юношеском возрасте развитие становится невероятно интенсивным. Эти изменения, происходящие в ребенке, относятся именно к подростковому возрасту ребенка, тогда как изменения, происходящие в психике, органах ребенка, негативно влияют на ребенка, провоцируя возникновение конфликтов между супругами, а также неспособность понять друг друга.

В последние годы в нашем обществе осуществляются реформы во всех сферах: спортивной, экономической, политической, социальной, культурной. В частности, создание здоровой среды в семьях, являющихся важной частью нашей страны, является одной из важнейших целей и задач современности. Здесь уместно процитировать слова Президента нашей страны Ш.М.Мирзиеев “ В сегодняшнюю быстро меняющуюся, противоречивую эпоху трудно найти ответы на многие сложные вопросы социальной жизни, не исследуя семейные проблемы” этой проблеме требует особого внимания.[1]

Учитывая, что большая часть конфликтов между родителями и детьми в семейных отношениях происходит в подростковом возрасте, следует остановиться на значении понятия подростковый возраст. В подростковом возрасте формируются социально значимые личностные качества черт характера. В нем содержатся устойчивые формы общения и поведения, способы эмоционального реагирования на людей, события и ситуации. В то же время этот период характеризуется изменением самосознания и детского мировоззрения, проявлением “Я”, собственных возможностей и способностей, неадекватной самооценкой. Как известно, " Подростковый возраст – это период, в течение которого человек переходит из детства в Юность и отличается от других периодов своей жизни сравнительно более резким, сложным переходом. Этот период совпадает с периодом обучения детей в 5-8 классах и проходит в промежутке с 11-12 до 14-15 лет. Подростковый возраст также упоминается в некоторых специальных литературах под такими названиями, как “переходный период”, “тяжелый период”, “кризисный период” [2]. Если родители будут дружелюбны со своими детьми в этот переходный период и примут их такими, какие они есть, и помогут им хорошо пережить этот период, можно будет избежать конфликтов, которые возникают между ними и их семьей.

Анализ литературы по теме. (Literature review). Любой человек, достигнув совершеннолетия в подростковом возрасте, старается достойно занять свое место в обществе в жизни. Психологическая наука в определенной степени изучает психологические особенности поведения подростков, их практическую и прикладную стороны, и исследования в этом направлении продолжаются. Негативные последствия межличностных конфликтов широко освещаются в зарубежной и отечественной психолого-педагогической литературе. В Том Числе: Л.И.Божович, Л.А. Петровская, А.И.Донсов, А.А.Бодалев, М.Г.Давлетшин, А.И.Островский, Г.К.То лаганова, З.Камалетдинова и Н.Г.Камилова в той или иной степени раскрываются те или иные грани ее характерных черт в подростковом возрасте.

В частности, от мировых ученых-психологов и педагогов В.В.Бойко, Г.М.Бреслав, В.П.Левкович, Э.И.Павлович, В.Л.Титаренко, К.Витакер, Эриксон, П.Т.Дэвис, М.Ж.Мартин и др. исследовали следует отметить, что они исследовали такие проблемы, как роль и значение родителей в семье, их эмоциональное взаимодействие с детьми, влияние проблем в семье и социальной среде на воспитание детей, взаимоотношения пары.

Интерес к семейным отношениям в зарубежных странах резко возрос в начале прошлого века. Известные ученые-исследователи U.Jems, Ch.Kuli, U.Tomas, F.Znanetskiy, J.Piaje, Z.Freyd уделяя особое внимание характеру межличностных отношений, происходящих в кругу семьи, исследовали ряд вопросов, как одна личность под влиянием другой совершенствует, изменяет, воспитывает свои качества. В результате внимание общественности привлекло то, насколько важны научные исследования, проводимые в этом отношении. Ученые также размышляли о нормах этикета, которые необходимо соблюдать в семейных исследованиях, подчеркивая уникальность исследований, проводимых в отношении семьи, и используемых в них методов. Действительно, диапазон влияния одного человека на другого считается огромным. результате внимание общественности привлекло то, насколько важны научные исследования, проводимые в этом отношении. Ученые также размышляли о нормах этикета, которые необходимо соблюдать в семейных исследованиях, подчеркивая уникальность исследований, проводимых в отношении семьи, и используемых в них методов. Действительно, диапазон влияния одного человека на другого считается огромным. Оказывая влияние на человека, можно будет изменить любые его отрицательные или положительные качества и исказить его воспитание или обучение. Влияние личности на формирование личности считается очень высоким.

В частности, в нашей стране вопросы типов и социально-психологических факторов взаимоотношений в узбекских семьях, оздоровления психологического климата в семье, межличностных отношений в ней, влияния родительского взаимодействия на личность подростка рассматриваются совместно с учеными-психологами Узбекистана Ф.А.Акрамова, Д.У.Абдуллаева, Р.С.Самаров, Н.А.Сагинов, У.Б.Шамсиев, Г.Б.Шоумаров и др.

В частности, профессор В.Каримова в своем учебнике “Семейная психология” также делает акцент на ригидности как одной из причин возникновения конфликтов между родителями и детьми, высказывая следующие соображения: причиной плохих отношений ребенка с родителями является, главным образом, следствие несправедливости взрослых по отношению к ребенку. При этом происходит ряд изменений и проблем в чертах характера детей, а недовольство родителей своими детьми диктует необходимость проведения в них психологической коррекции. Резкость-на первый взгляд кажется эмоциональным отказом, но она более открыта и серьезна. Резкость может проявляться непосредственно в виде избиения, оскорбления, унижения ребенка с раннего возраста или в виде полного безразличия к потребностям ребенка, якобы не замечающего его присутствия. В обоих случаях ребенок живет мыслями о том, что бы он ни делал с раннего возраста, о том, чтобы

быстрее вырасти, зарабатывать себе на жизнь, избавляясь от родительской привязанности. В такой семье принято наказывать ребенка за то или иное поведение, взрослые не знают, что ребенок подчиняется суждению родителей из-за страха, что у этого есть плохие осложнения в будущем, даже если они знают, что этот метод кажется им эффективным. Такие методы, как чувство вины, наказание по вине, становятся психологическим фактором, управляющим поведением ребенка, который также учится постоянно искать виновных в будущем. [3]

Действительно, если в семье ребенку выражается контролируемая жестокость со стороны родителей, бабушек и дедушек по отношению к нему в таких формах, как безразличие, постоянная дискриминация, крики, избиения за малейшую вину, это может негативно сказаться на психике ребенка и привести к плохим результатам. В результате между детьми и родителями начинают возникать разногласия, что, конечно же, также приводит к конфликтам в паре.

В том числе в трактате Шоумарова “Любовь и семья” изложены специфические социально-психологические особенности конфликтов между родителями и детьми, свекровью и невесткой, супругами, а также причины возникновения разногласий, которые могут возникнуть во взаимных семейных отношениях”[4]. В частности, в социальной среде семьи отмечаются случаи тесных взаимоотношений и взаимного непонимания в отношениях между супругами, в результате чего в возникновении конфликтов различие между мировоззрением, личностными и социальными факторами этих двух личностей, неспособность к ведению домашнего хозяйства и различные подходы к воспитанию детей приводят к возникновению разногласий и между ними.

Методология исследования. Воспитание ребенка в семье, его воспитание, манеры и нравственность-величайшая ценность для родителя. В свою очередь, влияние родителей на воспитание детей осуществляется на основе их отношения к индивидуальным личностным ценностям и личностному принципу. Мудрая пословица нашего народа “Птица делает то, что видит в своем гнезде” также выражает, насколько важна личная и семейная ценность для взросления ребенка, и не зря.[5] Действительно, семейные отношения родителей и детей, взаимодействие детей в семье-это важнейший вопрос межличностных отношений, решающий не только для становления личности, прочности семей, но и для развития, перспективы общества.

Не каждая семья обходится без проблем или конфликтов. В отношениях между супругами случаются разногласия, недопонимание, войны-ссоры. А такие ссоры опосредуют и развитие ребенка. Любые отношения в семьях, взаимоотношения пары друг с другом не останутся без влияния на психику ее ребенка в подростковом возрасте. Воспитание-многогранный, длительный процесс. Все окружающее ребенка окружение – люди, предметы, явления-накладывает определенный отпечаток на его сознание, поведение, преображает и воспитывает его. Каждый родитель должен усвоить и следовать определенным теоретическим и практическим правилам воспитания.оспитание-многогранный, длительный процесс. Все окружающее ребенка окружение – люди, предметы, явления-накладывает определенный отпечаток на его сознание.

Исходя из приведенных выше мнений и соображений, мы провели небольшое исследование с целью изучения конфликтов между супругами в воспитании детей, результаты которого представлены в таблице ниже.

Таблица 1

Результаты исследования причин возникновения супружеских конфликтов в воспитании детей

№	Причины конфликта	Респонденты	
		Город %	Деревня %

1	Разногласия по поводу сходства взглядов и расхождения интересов в воспитании детей	10,5%	7,8%
2	Споры о материальное обеспечение детей	26,3%	18,5%
3	Несоответствие взглядов на мировоззрение детей	10,5%	18,7%
4	Разногласия по поводу поведения (одевания, поведения) детей	42,1%	20,3%
5	Наличие большого количества детей в семье	5,3%	17,3%
6	Конфликты по воспитанию детей	47,4%	21,6%

В этом социальном опросе мы можем увидеть, какое влияние воспитание детей оказывает на возникновение супружеских конфликтов в нашем исследовании. На основании результатов исследования можно сказать, что мы видим, что респонденты, проживающие в городской местности, имеют -10,5% шансов на возникновение супружеских конфликтов по поводу сходства взглядов и разногласий в интересах в воспитании детей. Так, при воспитании детей в семье у пары должны совпадать взгляды друг на друга, в некоторых случаях в семье мужчина хочет, чтобы у его ребенка сформировались какие-то черты, а женщины хотят видеть в другом ребенке черту, больше баловать, в результате чего может возникнуть расхождение во взглядах. А в сельской местности этот показатель составляет 7,8%. В результате мы видим, что показатель меньше по сравнению с городом. Причина в том, что в сельской местности взгляды и цели пары в воспитании детей часто совпадают.

Из второй причины мы видим, что разногласия по поводу материального обеспечения детей составляют 26,3%. В семье также часто возникают конфликты по поводу материального обеспечения детей. Слишком много денег также отрицательно сказывается на воспитании детей. Но не зря в нашем народе говорят, что парня портит сытость, а девушку-отсутствие. Из этого можно сделать вывод, что возможность сказать мальчикам, что слишком много денег также сбивает с толку ребенка, излишняя финансовая обеспеченность приводит к тому, что они тратят их неправильно, играя в различные компьютерные игры. С другой стороны, у девочек отсутствие финансовой поддержки может заставить их стыдиться своих сверстников и удовлетворять свои потребности, зарабатывая деньги различными извращенными способами. Именно из-за таких обстоятельств между супругами возникают конфликты. При изучении этой же причины среди пар в сельской местности можно сказать, что у них этот показатель составил 18,5%. Исходя из этого, можно сказать, что материальное обеспечение детей в сельской местности резко отличается от городского, т. к. в сельской местности не будет большого материального спроса на детей из-за отсутствия такой возможности, как в городе.

Мы видим, что доля конфликтов между супругами по поводу дисбаланса мнений о мировоззрении детей в городских условиях составляет 10,5%. Ведь независимо от того, сколько детей в семье, мировоззрение каждого ребенка будет разным. При этом, конечно, мнения родителей также должны быть пропорциональны друг другу. Например, у каждого ребенка будут надежды на будущее, он захочет выбрать сферу, которую любит, но, к сожалению, в настоящее время в некоторых семьях родители, которые не могут реализовать свои мечты, хотят реализовать эти желания в своих детях и используют их как оружие. А мнение детей перестает быть важным. На самом деле, родители должны быть в состоянии дать ребенку мотивацию для осуществления своих желаний. Или, если их мировоззрение сбалансировано, между ними даже не возникает конфликтов. А частота конфликтов по поводу дисбаланса мнений в отношении мировоззрения детей в сельской местности составляет 18,7%. Этот показатель выше, чем у тех, кто живет в городских условиях. Эта ситуация указывает на то, что сельская молодежь ставит перед собой цель поехать в город, учиться и жить в городе, что противоречит плану родителей, что может привести к конфликтам.

Еще одна причина конфликтов между супругами-разногласия по поводу поведения детей (одевания, поведения). В городских условиях результаты этого исследования показывают 42,1%. Все мы знаем, что процессом воспитания в семье больше занимается мать. С другой стороны, отцы очень мало общаются с детьми, потому что они являются кормильцами семьи. В результате, если они замечают какое-либо негативное поведение в одежде или поведении своего ребенка, это может привести к конфликту с супругом в семье. Подобные расхождения составляют 20,3% в сельской местности. Это связано с тем, что в воспитании детей, которые растут и формируются в сельской местности, родители относительно строги, потому что у них преобладают представления об андише, стыде, семейных ценностях. Они также не капризничают, когда дело касается одежды. Именно поэтому у них показатель показывает более положительный результат, чем у городских.

Из результатов исследования видно, что наименьшее количество конфликтов между парами связано с большим количеством детей в семье.показывает результат 5,3% в масштабах города. Большое количество детей в семье также является причиной супружеского конфликта. Причина в том, что многие случаи родительской ревности наблюдаются у детей или затрагивают старших детей в результате того, что родитель слишком много балует своего маленького ребенка, и это может привести не только к супружескому конфликту, но и к недопониманию между родителями и детьми. В сельской местности высокая доля детей в семье, вызывающих конфликты между супругами, составляет 17,3%. Причина в том, что у людей, живущих в сельской местности, больше детей, чем в городе, и это может вызвать конфликты. Потому что, естественно, что большое количество детей вызывает дефицит в семье. Дети продолжают ходить в школу, одеваться и тому подобное. И решение этих проблем остается за отцами. Причина в том, что в сельской местности большинство женщин не работают и заняты домашними делами, что типично для сельской местности.

Из результатов исследования причин возникновения супружеских конфликтов в воспитании детей можно видеть, что наибольший показатель конфликтов по воспитанию детей в городских условиях составляет 47,4%, а в сельских-21,6%. Известно, что в семье кроме родителей воспитывается еще и маленький ребенок, находящийся под влиянием других членов семьи в своем доме. Взрослые уходят со своим беспокойством и не замечают, что на них негативно или положительно влияет какое-то неуместное поведение. Потому что, когда ребенок постоянно слышит крики взрослых, видит сердитые лица, это состояние действует на его нервы, заставляя его вырасти с плохим характером и вспыльчивостью.отому что, постоянно слышит крики взрослых, видит сердитые лица, это состояние действует на его нервы, заставляя его вырасти с плохим характером и вспыльчиудовольствие. Напротив, они вырастают вспыльчивыми, эгоистичными, скандальными, неспособными ладить со своими товарищами, бескомпромиссными, склонными к конфликтам детьми. Поэтому для того, чтобы дети выросли зрелыми, гармоничными, здоровый и духовный климат в семье имеет неоценимое значение.

Выводы и предложения (Conclision/Recommendations). Чтобы избежать разногласий и конфликтов между супругами, вызванных детьми, мы можем сделать следующие выводы и предложения:

1. В каждой семье родитель должен больше взаимодействовать со своим ребенком, учитывать его возрастные особенности, период возрастного кризиса;

2. Муж или жена должны стараться исправлять ошибки друг друга и не оскорблять друг друга или своих детей различными словами;

3. Супруги всегда должны иметь возможность слышать и слушать друг друга и своих детей, а также выражать им свое доверие;

4. Муж и жена должны проявлять интерес к увлечениям друг друга и своих детей и относиться друг к другу с уважением;

5. Родители должны знать внутренний мир своих детей;

6. Супруги должны стараться время от времени уделять время друг другу и своим детям.

Можно сказать, что если вышеизложенные выводы и предложения будут соблюдаться как мужем, так и женой в каждой семье, то количество конфликтов в семьях из-за детей уменьшится, что сделает каждую семью крепче.

Литературы.

1.Mirziyoyev Sh.M. Halqimizning roziligi bizning faoliyatimizga berilgan eng oliy bahodir. – T.: O‘zbekiston, 2018. – B. 464.

2.Shoumarov G‘.B.Oila psixologiyasi. – T.: Sharq, 2008. – B. 63

3.Karimova V.M. Oila psixologiyasi. Darslik. – T.: 2007. – B. 128-129.

4.Shoumarov Sh.B., Shoumarov G‘.B. Muhabbat va oilaviy hayot. – T.: Ibn Sino nomidagi nashriyot, 1990. – B. 93.

5.Ochilova B. Milliy-ma’naviy yuksalishda meros, qadriyatlar va vorisiylik. –Toshkent: Ma’naviyat, 2008. – B 29.

6.Shodiyev N. Pedagogika fanidan muammoli vaziyatlar va o‘quv topshiriqlari.-Toshkent: SamDU, 2004. 85-bet.

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Ибрагимов Ш.Э.

(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются различные факторы, способствующие возникновению, развитию и разрешению кризисных и опасных ситуаций в военной среде. Основное внимание уделено трудностям принятия решений военнослужащими в экстремальных условиях их профессиональной деятельности. Среди таких факторов — стихийные бедствия, технические неисправности, распространение ложной информации, влияние человеческого фактора (ошибки, стресс), стратегические просчёты, а также внешние и внутренние угрозы безопасности (вражеские нападения, террористические акты). Эти обстоятельства непосредственно влияют на способность военнослужащих оперативно и адекватно реагировать в условиях неопределённости и повышенной опасности. Исследование направлено на выявление эффективных мер реагирования, развитие профессиональных навыков и совершенствование психологической устойчивости. Особое внимание уделяется роли профессиональной компетентности в успешном преодолении военнослужащими кризисных ситуаций.*

Ключевые слова: *Профессиональная компетентность, психологическая защита, страх, эмоции, психические процессы, стрессоустойчивость, военнослужащие.*

Annotation. *The article examines various factors that contribute to the emergence, development, and resolution of crisis and dangerous situations in the military environment. The main focus is on the difficulties faced by servicemen in making decisions under extreme conditions of their professional activity. Among such factors are natural disasters, technical malfunctions, the spread of false information, the influence of the human factor (errors,*

stress), strategic miscalculations, as well as external and internal security threats (enemy attacks, terrorist acts). These circumstances directly affect the ability of servicemen to respond promptly and adequately under conditions of uncertainty and heightened danger. The study aims to identify effective response measures, develop professional skills, and enhance psychological resilience. Particular attention is paid to the role of professional competence in successfully overcoming crisis situations by military personnel.

Keywords: *professional competence, psychological protection, fear, emotions, mental processes, stress resistance, servicemen.*

Система тактической, правовой и психологической защиты, применяемая для эффективного выполнения служебных обязанностей в опасных и экстремальных ситуациях, возникающих в деятельности военнослужащих, обеспечивает личную безопасность сотрудников.

Опираясь на собранные источники в данной области, можно отметить, что для обеспечения личной безопасности сотрудника важное значение имеют следующие факторы:

- Знание психофизиологических изменений, происходящих в организме человека в опасной, критической ситуации;
- Соблюдение установленной “нормы поведения” при выполнении служебных обязанностей и самообороне в опасной, критической ситуации;
- Овладение методами психологической саморегуляции до, во время и после опасной, критической ситуации.

Одно из эмоциональных состояний, возникающих в опасных и критических ситуациях, — это паника, растерянность, возбуждение, которые на определённое время делают невозможным управление и регулирование действий военнослужащих. Это состояние характеризуется полной утратой самоконтроля, потерей чувства ответственности, неспособностью слышать голос совести и проявлением крайней невнимательности. При наличии реальной или предполагаемой угрозы на основе страха возникает чувство беспомощности, стремление любыми способами избежать опасности вместо того, чтобы бороться с ней и преодолевать её.

Паника — это психофизиологический механизм страха, связанный с индукционным торможением в значительной части коры головного мозга, другими словами — с ослаблением активности сознания.

Опасность — это стрессовый фактор, отражающий изменение поведения правонарушителя, стихийное бедствие, чрезвычайное или случайное происшествие, предчувствие катастрофы, выражающийся в психологическом и физиологическом страхе. Это включает астенический страх (растерянность), стеническое возбуждение (тревожность), стенический страх (паника), ощущение надвигающегося ущерба, несчастного случая или смерти.

При ощущении опасности возникает чувство страха. Существует три типа страха:

- стенический (паника) — сильный, почти или совсем неконтролируемый;
- астенический (растерянность) — кратковременный, с дрожью и нелогичными действиями;
- стеническое возбуждение (тревожность) — поведение под ментальным контролем.

В первом и втором случаях страх полностью овладевает вниманием, в результате чего сужается умственная активность, снижается зрительное восприятие и самоконтроль, ситуация оценивается неправильно. В третьем случае страха деятельность контролируется разумом и волей. При этом военнослужащие направляют все силы на преодоление опасности. Когда ощущается опасность или страх, в теле человека происходит ответная реакция, связанная с сильным эмоциональным напряжением, направленная на борьбу с опасной ситуацией:

– Учащается сердцебиение;

– Повышается кровяное давление;

– В крови увеличивается уровень сахара (инсулина) для обеспечения энергии;

– Кровь сгущается, чтобы при ранении кровотечение остановилось быстрее и предотвратить угрозу смерти;

– В мышцах увеличивается приток крови, что обеспечивает быстрое сокращение мышц;

– Мелкие капиллярные сосуды сужаются, и кровь начинает поступать в большей степени к внутренним органам;

– Активизируются определённые участки мозга, отвечающие за осознанное управление движениями мышц;

– Органы чувств, особенно зрение и слух, становятся более чувствительными.

«У страха глаза велики». Страх по-разному влияет на процесс принятия решений. На основе страха иногда определённые факты преувеличиваются, в других случаях они вообще не воспринимаются. В третьем случае ситуация оценивается неправильно. В результате наблюдаются неадекватное мышление, рассудительность и сильная эмоциональная возбудимость, преувеличение опасности, повышенная впечатлительность и восприимчивость. Паника и страх проявляются как в группе, так и индивидуально. Индивидуальная паника и страх характеризуются неадекватными действиями, ошибочными выводами и решениями, стремлением избежать мнимой опасности, игнорированием мер безопасности. Ситуации массового нарушения порядка напрямую связаны с индивидуальной реакцией (ответной реакцией) лидера на панику и растерянность.

Паника, растерянность и страх делятся на два основных типа:

– Ощущение угрозы смерти вследствие страха в опасной ситуации;

– Сильное напряжение после временного беспокойства, ослабление нервной системы, сосредоточение внимания на объекте тревоги.

Психологические аспекты возникновения опасной ситуации.

В деятельности сотрудников органов внутренних дел требуется уделять особое внимание развитию способности контролировать и управлять эмоциями в опасных ситуациях.

Опасная ситуация – это ситуация, представляющая угрозу для жизни и здоровья человека, вызывающая психическое напряжение, имеющая природный и техногенный характер:

– Природная катастрофа;

– Пожар (катастрофа);

– Чрезвычайная ситуация на крупном предприятии;

– Трагедия, авария;

– Эпидемия, представляющая угрозу для жизни человека.

Опасные ситуации, связанные со служебной деятельностью:

– Столкновение с вооружённым преступником;

– Предотвращение и ликвидация преступления;

– Массовые беспорядки, групповые преступные действия;

– Конфликты между гражданами;

– Возникновение длительного психического напряжения;

– Задержание и преследование вооружённого преступника;

– Освобождение заложников.

На этом этапе приведём психические факторы, негативно влияющие на профессиональную деятельность:

– Различные эмоциональные воздействия, связанные с проблемными и опасными ситуациями;

– Адаптация к новым условиям в ходе службы, выполнение служебных обязанностей;

– Высокая ответственность, ограниченность времени для принятия решений и другие психологические особенности условий;

– Возникновение опасной для жизни ситуации, состояние беззащитности, появление массовой угрозы;

– Переутомление психики и физических сил вследствие чрезмерных требований к личности и психическим процессам.

– Необходимость выступать с речью в условиях дефицита информации.

– Сильное физическое напряжение, значительные затраты сил.

– Ситуации и обстоятельства, требующие оперативности.

– При снижении подвижности (погоня, наблюдение — внешнее наблюдение).

– При изменении давления и температуры.

– Движение в условиях отсутствия воздуха (подземные проходы, туннели).

– Работа и дыхание в местах с вредными элементами и химическими веществами.

– Шум радиосвязи, машин, самолетов.

– Работа в различных погодных условиях (жара, холод, снег, дождь).

– Несоблюдение режима питания.

– Умственное перенапряжение, повышение уровня тревожности.

– Беспокойство о жизни и здоровье окружающих, семьи и друзей.

В чрезвычайных и сложных ситуациях возникают следующие состояния эмоционального напряжения. Эмоциональное возбуждение — сильный сигнал активации нервной системы различными психическими воздействиями. Эмоциональное напряжение — направленность эмоционально-волевой активности на выполнение какого-либо умственного или физического действия. Эмоциональная заторможенность — снижение психических и психомоторных процессов, ослабление трудовой деятельности (в результате сильных отрицательных и чрезмерных психических воздействий). Состояние эмоциональной заторможенности наблюдается при сильном чувстве ответственности за задание, ожидании возникновения опасной ситуации, повышении уровня тревоги и беспокойства. Еще одной формой эмоционального возбуждения является дрожь, которая играет важную роль в систематизации указаний пострадавшего и заявителя, когда источник и характер опасности неизвестны и сопровождаются ожиданием опасности и тревогой. Причинами возникновения такого состояния служат недостаточно развитые свойства эмоционально-волевой устойчивости сотрудника, высокий уровень тревожности, неуверенность в собственных силах, недостаточная профессиональная подготовка и не сформированные профессиональные навыки. В состоянии эмоциональной заторможенности большое значение имеют мимические выражения лица, именно по ним легко определить это состояние. В выражении лица:

–Непроизвольное (асимметричное «искривленное») открытие рта при сильном эмоциональном напряжении.

–«Хоботовидный» вид губ — очень сильный признак эмоционального напряжения;

–Постоянные интенсивные движения губ;

–Совместные движения подбородка и губ;

–Напряжение мышц (при устойчивом эмоциональном напряжении);

–Увеличение количества движений рук (пантомимика);

–Дрожь рук, ног, челюстей лица, губ и подбородка.

Существуют эмоционально-психологические состояния, способствующие снижению служебной деятельности, которые проявляются в следующем:

–Эмоционально-сенсорные изменения приводят к нарушениям процессов восприятия и ощущений (неспособность правильно выделять цель, уменьшение

объема внимания, снижение охвата объектов наблюдения, их взаимопроникновение, задержка согласованности);

–Возникает иллюзорное состояние, когда человек воображает несуществующее.

–Эмоционально-моторные изменения наблюдаются в несоответствии движений друг другу (вместо замедленного выполнения автоматической реакции происходит её преждевременное или слишком быстрое выполнение).

–Часто пытаются подтвердить первую мысль, пришедшую в голову, не обсуждая её негативные последствия и результат.

В сложной ситуации, наряду с эмоциями, крайне важно также управлять психическим состоянием военнослужащего. Существует несколько способов управления психическими состояниями, которые включают: При управлении вниманием — переключение и перенаправление внимания на другой объект в ситуации, где существует риск психической травмы. Внимание можно свободно переключать мысленно, в состоянии покоя. Например:

–Три минуты внимательно смотреть на несложный объект или ситуацию, не отрывая взгляда, чтобы открыть для себя новые стороны предмета или ситуации;

–Три минуты смотреть на объект, затем закрыть глаза и визуализировать его в сознании, после чего открыть глаза и найти различия между реальным объектом и вашим воображением.

При управлении психическими процессами и состояниями эффективным считается использование следующих установок сознания:

–«Я спокоен и уравновешен»;

–«Я точно прицеливаюсь»;

–«Я очень быстро бегаю»;

–«Мне очень легко преодолеть страх».

Психологические методы саморегуляции в сложных ситуациях. В сложных, опасных ситуациях формирующееся у личности поведение и психические воздействия имеют разнообразные характеристики в зависимости от их проявлений. Эти характеристики зависят от объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся специфические особенности сложной ситуации, виды морального и психического ущерба, наносимого личности, и сила их воздействия, а субъективным фактором является эмоциональное состояние личности в сложной ситуации.

В условиях сложной ситуации в опытах 50–75% испытуемых в первые минуты испытывали состояние «потери себя», сниженной подвижности, неспособности реагировать на свои действия, что подтверждено в особо сложных и опасных ситуациях. 25% лиц с высокой профессиональной компетентностью смогли контролировать себя, правильно оценивать ситуацию и принимать чёткие и верные решения в соответствии с условиями.

После появления информации о сложной ситуации в сознании человек начинает готовить себя к этой ситуации. Оцениваются силы и возможности для преодоления сложной ситуации. У военнослужащих, имеющих опыт подобных ситуаций, проявляются сильные признаки психического напряжения, которые выражаются в бессмысленных затратах усилий и невозможности «найти себе места». Существуют методы контроля и коррекции психического напряжения в сложных ситуациях (сохранение позитивного эмоционального состояния).

Метод выделения значимых принципов конкретной ситуации:

–Представление возможных негативных последствий ситуации и готовность их принять.

–Метод позитивного разрешения результата — этот метод не только позволяет несколько смягчить негативные последствия, воспринимая их как небольшую победу,

но и вызывает ощущение возможности достичь успеха в эмоционально сложных ситуациях.

–Метод избавления от заевшихся в сознании негативных чувств — человек не может одновременно испытывать как негативные, так и позитивные чувства.

Поэтому используется следующий метод:

–Направление эмоций на достижение успеха;

–Воображаемое ожидание опасной ситуации и подготовка к действию;

–Подготовка чувств к небольшой, пусть даже незначительной, победе.

–Главное — замечать негативные чувства и не тратить зря время и нервы на их обсуждение, а эффективно использовать время;

–Подготовка к достижению необходимого результата.

В заключение, самый простой способ избавиться от грустных чувств — это вызвать противоположные взгляды на ситуацию, то есть снизить уровень её значимости, не привлекать к ней внимания и не обращать на неё взгляд. Каждый военнослужащий должен убедить себя в своих силах и возможностях, повысить уверенность в себе, несколько облегчить восприятие негативных последствий, принимая их как небольшую победу, и поверить в возможность достижения успеха даже в эмоционально сложных ситуациях. Это повысит его эмоциональную устойчивость и поможет справиться с негативными эмоциями.

Опираясь на приведённую выше информацию, следует отметить, что профессиональная компетентность военнослужащих играет очень важную роль в устранении сложных ситуаций. Их профессиональное мастерство, опыт и знания, особенно в чрезвычайных ситуациях или условиях войны, имеют решающее значение для обеспечения безопасности народа и государства. Военнослужащие должны быстро адаптироваться к сложным ситуациям, уметь оценивать обстановку и принимать эффективные решения. Кроме того, психологическая подготовка военнослужащих также имеет большое значение.

В стрессовых условиях они должны сохранять профессиональный подход и быть способными выполнять свои обязанности. В свою очередь, успешное противостояние сложным ситуациям чрезвычайно важно для обеспечения безопасности государства и общества. Профессиональная компетентность военнослужащих сохраняет свою актуальность при принятии правильных решений и стабилизации ситуации в сложных условиях. Их подготовка, знания и психологическая устойчивость являются одними из основных факторов успешного исполнения военной службы.

Список используемой литературы.

1. Хасанбоев Ж., Туракулов Х., Хайдаров М., Хасанбоева О., Усмонов Н. Педагогический словарь с комментариями. — Ташкент: «Фан ва технологиялар», 2009. — 236 с.

2. П.И. Иванов, М.Е. Зуфарова. Общая психология — учебник. Ташкент, 2008.

3. Д.Х. Асланова, Ф.Ф. Саломов, Ю.М. Халиков. Профессиональная компетентность. Учебное пособие. Самарканд: Иктисодийот, 2020, 86 с.

4. Конституция Республики Узбекистан. Официальное издание. — Ташкент: издательство «Узбекистан», 2023. — 120 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ

Каримжонов О.А.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье представлены психологические особенности проявления лидерских качеств курсантов. Лидерские качества курсантов зависят от психологических, коммуникативных и интеллектуальных особенностей личности. В данном исследовании доказано, что развитие лидерских качеств у курсантов зависят от мотивов межличностной коммуникации, что коммуникативные и интеллектуальные характеристики имеют приоритетный характер. Вербальная культура влияет на межличностные отношения и развитие лидерства у курсантов.*

Ключевые слова: *управление, лидерские качества, межличностные отношения, коммуникативные характеристики, показатель искренности, деятели сферы военной службы.*

Abstract. *This article presents the psychological characteristics of cadets' leadership development. Cadets' leadership qualities depend on their psychological, communicative, and intellectual characteristics. This study demonstrates that the development of leadership qualities in cadets depends on their interpersonal communication motives, with communicative and intellectual characteristics being prioritized. Verbal culture influences interpersonal relationships and leadership development in cadets.*

Keywords: *management, leadership qualities, interpersonal relationships, communicative characteristics, sincerity indicator, military service personnel.*

В мире особое внимание уделяется развитию лидерских качеств курсантов - будущих офицеров на основе широкого внедрения современных знаний, в сфере Академии Внутренних дел. В соответствии с идеей, изложенной в мониторинге образования ЮНИСЕФ на 2024–2025 годы, что «лидерство является результатом качественного образования», на международном уровне уделяется большое внимание развитию лидерских качеств военных. В связи с этим возникает необходимость модернизации системы военного образования, внедрения государственных образовательных стандартов, основанных на компетенциях, а также разработки передовых инновационных механизмов, способствующих повышению эффективности процесса образования при развитии у курсантов лидерских качеств в высших военных учебных заведениях.

В мире проводятся научные исследования по формированию профессиональной компетентности и лидерских качеств курсантов, в которой основной задачей является формирование образа лидера-военнослужащего.

В Новом Узбекистане проводятся широкомасштабные работы по последовательному реформированию и развитию национальной армии, дальнейшему укреплению обороноспособности государства, а также подготовке военных кадров. В частности, были определены приоритетные задачи, такие как: «укрепление национальной психологической подготовки каждого курсанта, офицера и генерала, всего личного состава, обладающего сильного духа и гордости…», «дальнейшее совершенствование системы отбора и развитие системы кадрового резерва… Министерства обороны». В рамках вышеупомянутых задач особое значение приобретает исследование социально-психологических факторов формирования лидерских качеств у курсантов.

Целью исследования является разработка рекомендаций по развитию психологических особенностей лидерских качеств курсантов Академии Внутренних дел. Для осуществлению данной цели нами определены задачи, направленные на выявления социально-психологических особенностей, влияющих на проявление и развитие лидерских качеств у курсантов.

Объектом исследования выбраны курсанты первого и третьего курса Академии внутренних дел Республики Узбекистан.

В данном исследовании доказано, что развитие лидерских качеств у курсантов зависит от мотивов межличностной коммуникации, что коммуникативные и интеллектуальные характеристики имеют приоритетный характер для общения в группе, позиции и степени влияния в межличностных отношениях, а также сообразительность, вербальная культура и развитие лидерства у курсантов.

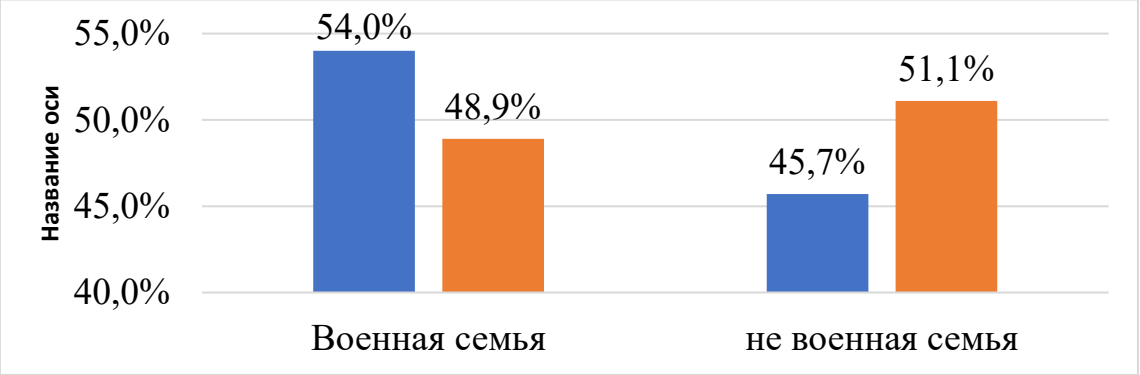

Рисунок 1. Социальный аспект характеристики курсантов

На основе анализа полученных результатов данного исследования в проявлении лидерских качеств курсантов большое влияние оказывают социальные факторы. Нами проведен социально-психологический опрос курсантов, в котором изначально были определены социальный аспект респондентов, а во второй части изучалось влияние семьи на лидерские качества курсантов.

Из полученных данных видно, что курсанты воспитывались в семьях военнослужащих, родители являются военнослужащими и продолжают военную карьеру как семейную традицию. Эта категория курсантов хорошо знакома с военными условиями и ее специфическими крайностями и свидетельствует о том, что они сознательно выбрали эту профессию. 123 курсанта считаются детьми невоенных семей. Эти курсанты являются представителями невоенных семей, и их психологическая готовность к деятельности в данной области очевидна.

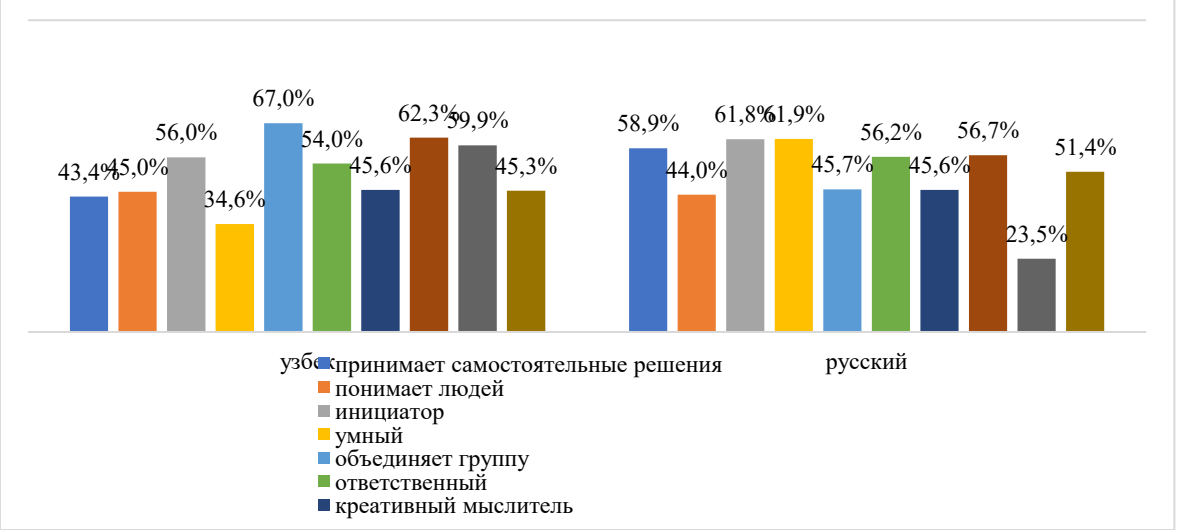

Рисунок 2. Представления курсантов о лидере

На следующем этапе мы определили влияние группы на проявление лидерских качеств у курсантов. Для этого представления курсантов о лидере были уточнены через вопрос: «Каким должен быть лидер?». Ответы курсантов показали, что из полученных результатов видно, что интеллект (34,6%) и самостоятельное принятие решений (43,4%) были определены по качествам. Эта ситуация означает, что курсанты хотят, чтобы командой руководили люди с высоким социальным интеллектом, способные устанавливать дружеские отношения, высокого уровня интеллектуализма в социальных отношениях. На следующем этапе для определения влияния взаимоотношений в группе курсантов на проявление лидерских качеств были заданы следующие вопросы: «Удовлетворены ли Вы взаимоотношениями в группе?», «Как Вы оцениваете взаимоотношения руководителя и группы в Вашей группе?», «В какой степени Вы оцениваете развитие своих лидерских качеств?» и проанализированы их ответы на вопросы.

Рисунок 3. Влияние групповых взаимоотношений на проявление лидерских качеств у курсантов

Из полученных результатов видно, что 89,5% курсантов удовлетворены социальной атмосферой в группе и системой межличностных отношений. Это свидетельствует о благоприятном психологическом климате в коллективе. Однако 10,5% курсантов выражают неудовлетворенность взаимоотношениями в группе, что связано с трудностями социальной адаптации.

Таблица 1

Психологические особенности лидерских качеств у курсантов, n=258

Аспекты лидерских способностей	N	Средний ранг	Сумма рангов	U	p
курсанты	164	140,35	23017,50	5928,500**	0,002
Семья военных	135	136,13	18378,00	7407,000	0,132
Невоенная семья	123	122,22	15033,00		

Примечание: **p ≤0,01, *p ≤0,05

Известно, что военная среда требует от курсантов психологической подготовки. Если строгая дисциплина становится психологическим барьером для конструктивного

построения межличностных отношений, интеграция курсантов в группу затрудняется. В то же время 16,3% курсантов оценили свои лидерские качества как недостаточно развитые, что может быть связано с низкой самооценкой.

Исходя из задач нашего исследования, мы проанализировали результаты, полученные с помощью опросника «Диагностика лидерских способностей», чтобы определить уровень развитости лидерских качеств у курсантов.

Из полученных результатов видно, что в психологических факторах проявления лидерских способностей, наблюдаются значимые различия (U=5928,50; p≤0,01). Это свидетельствует о том, что в каждой семье при воспитании мальчиков уделяется внимание формированию сильных, умных, инициативных, социально активных и ответственных лидеров.

В межличностной коммуникации наряду с удовлетворением потребности в обмене информацией, эмоциями, взаимопонимании мы также стремимся повлиять на людей и проникнуть во внутренний мир собеседника. Подобные ситуации требуют от личности яркого проявления лидерских качеств. Результаты представлены в следующей в таблице 2.

Таблица 2

Влияние мотивации межличностного общения на проявление лидерских качеств у курсантов, n=258

Критерий	Курс	Ориентация на принятия собеседника	Ориентация на понимания собеседника	Ориентация к компромиссу
Лидерские качества	1-курс (n=130)	-0,127	**0,234****	**0,335****
	3- курс (n=128)	**0,269****	-0,166	**-0,190***

Примечание: **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05

Из полученных результатов видно, что у курсантов 3-го курса ориентация на принятие собеседника имеет значимую положительную взаимосвязь с лидерскими качествами (r_s =0,269; p≤0,01). На самом деле принятие собеседника включает в себя его восприятие как субъекта — со всеми его чертами характера, способностями, мировоззрением, ценностями и поступками.

Стремясь к принятию собеседника в рамках групповых отношений, курсанты 3-го курса проявляют уважение к его личности. Это, в свою очередь, напрямую снижает количество «непонятных, неопределённых ситуаций» во взаимоотношениях и способствует социальному обмену — признанию друг друга, уважению и взаимному взаимодействию.

В результате у курсантов усиливается процесс признания и принятия индивидуальных особенностей собеседника. Это, в свою очередь, способствует проявлению личностью лидерских качеств в групповых отношениях и побуждает её работать над собой, развивая эти качества.

Ориентация на адекватность в восприятии и понимании собеседника у курсантов 1-го курса имеет значимую положительную взаимосвязь с лидерскими качествами (r_s =0,234; p≤0,01). Как известно, в процессе общения восприятие собеседника осуществляется через его внешний облик, информацию, передаваемую в ходе общения, а также невербальные сигналы. В процессе адаптации к военному обучению в первые дни обучения курсанты мобилизуют все свои усилия на восприятие состояния своих товарищей по внешнему облику и невербальным сигналам. Таким образом, с одной стороны, курсанты стремятся проявить лидерские качества в процессе социализации в группе, а с другой — установить дружеские отношения, основанные на

эмоциональных ценностях. Следует отметить, что активизация механизма социальной перцепции в общении не только усиливает адаптацию курсантов к группе, но и способствует удовлетворению их коммуникативных мотивов. Это, в свою очередь, способствует полному раскрытию потенциала и способностей курсантов в группе. В том числе у личности, ориентированной на восприятие, понимание и адекватную оценку собеседника в процессе общения, ярко проявляются лидерские качества.

Курсанты стремятся проявить лидерство за счёт нестандартных решений в спонтанных ситуациях, пытаясь найти общее решение в условиях межличностных конфликтов. По этой причине компромисс на 1-м курсе выступает как стимулирующий фактор лидерства и носит положительный характер. К 3-му курсу у курсантов лидерские качества оказываются обратно связаны с ориентацией на компромисс. Основная причина этого заключается в том, что курсанты стремятся проявлять лидерство за счёт твёрдости в собственных взглядах и стремления отстаивать свою позицию в конфликтных ситуациях.

На следующем этапе с целью выявления влияния личностных характеристик на проявление лидерских способностей у курсантов был проведён «16-факторный личностный опросник» Р.Б. Кэттелла.

Таблица 3

Влияние особенностей личности на проявление лидерских качеств у курсантов, n=258

Курс		особенности			
		Коммуни-кации	Интеллек-туальные	Волевые	Эмоцио-нальные
Лидер-ские качества	1-курс n=130	**0,450****	**0,185***	0,117	0,010
	3-курс n=128	**0,531****	**0,248****	0,134	**0,203***

Примечание: **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05

Как видно в таблице 3, коммуникативные особенности имеют значимую положительную взаимосвязь с лидерскими качествами как у курсантов 1-го курса (r_s =0,450; p≤0,01), так и у курсантов 3-го курса (r_s=0,531; p≤0,01). Коммуникативные характеристики представляют собой совокупность таких качеств, как общительность, решительность, стремление к доминированию, подозрительность, дипломатичность и независимость, и играют важную роль в признании личности в качестве лидера.

Коммуникативные характеристики определяют искусство вступления личности в общение внутри группы, её позицию и степень влияния в межличностных отношениях, что, в свою очередь, способствует проявлению лидерских качеств.

Интеллектуальные характеристики представляют собой совокупность таких качеств, как развитый интеллект, мечтательность и восприимчивость к новизне (стремление к новому), и занимают важное место в признании личности в качестве лидера. Интеллектуальные характеристики отражают уровень мышления, умственные способности, кругозор, сообразительность, вербальную культуру и эрудицию личности в межличностных отношениях. Интеллектуальные характеристики личности могут способствовать правильной оценке ситуации и, на этой основе, проявлению лидерских способностей в группе. Интеллектуальные характеристики курсантов выступают в качестве внутреннего детерминанта их лидерских качеств. В проявлении лидерских качеств в групповых отношениях и общении с товарищами по службе особое значение имеют именно рационально принятые решения. По этой причине между интеллектуальными характеристиками и лидерскими качествами были выявлены значимые взаимосвязи.

Эмоциональные характеристики представляют собой совокупность таких качеств, как эмоциональная стабильность, беззаботность, решительность в социальных взаимодействиях, эмоциональная чувствительность, тревожность и напряжённость, и занимают важное место в признании личности в качестве лидера. Эмоциональные характеристики отражают устойчивую или неустойчивую эмоциональную реакцию личности по отношению к определённой ситуации. Такие личности способны сохранять эмоциональную стабильность в любой ситуации, выбирая для себя наиболее комфортную модель реагирования. По мере формирования эмоциональной зрелости у курсантов также постепенно развиваются и их лидерские качества.

В ходе нашего исследования следующим критерием нашей методики является самовнушение и мотивация, которые имеют значимую положительную взаимосвязь с лидерскими качествами у курсантов 1-го курса (r_s=0,202; p≤0,05). Эту ситуацию можно объяснить стремлением курсантов подтвердить своё «Я» при вступлении в новый коллектив и среди своих военных товарищей.

В целом, отмечено, что в проявлении и развитии лидерских качеств курсантов ведущими компонентами являются чувствительность к переживаниям других и собственным, а также социальные нормы способствуют стабилизации групповых отношений.

Литературы.

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. / Пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 848 с.

2. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Т.Ю. Базаров. - Люберцы: Юрайт, 2016.-381 с.

3. Варнавский, Д.Ю. Влияние профессионального опыта на развитие управленческой компетентности руководителя: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – Москва: РАНХГС при Президенте РФ, 2013. – 138 с.

4. Журавлев А.Л. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований / А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик. - М.: Институт психологии РАН, 2010. – 248 с.

5. Зуб А.Т. Психология управления: Учебник и практикум для академического бакалавриата / А.Т. Зуб. - Люберцы: Юрайт, 2015. – 372 с.

6. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации / А.Я. Кибанов. - М.: ИНФРА-М, 2007. – 638 с.

7. Рузикулов Н.А. Психологическое обеспечение совершенствования управленческой деятельности руководителя. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – Ташкент: НУУз, 2007. – 25 с.

8. Sarah Wood, Niam O'Keeffe. Stepping Up: How to accelerate your leadership potential. 1st edition. – United Kingdom, FT FT Publishing International; 2017. – 216 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МОБИЛЬНОЙ АДДИКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Каршибайв М.К.

(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной работе рассматриваются психологические основы мобильной аддикции среди военнослужащих в контексте современной цифровизации и информационных войн. Мобильная зависимость трактуется как многомерное*

явление, включающее когнитивные, эмоциональные, поведенческие и социальные нарушения, влияющие на дисциплину, внимание и боевую готовность военнослужащих. На основе теорий военной психологии и киберпсихологии анализируется влияние избыточного использования смартфонов на процессы принятия решений, ситуационную осведомлённость и групповую сплочённость как в боевых, так и в мирных условиях. Предлагается интегративная модель профилактической психологической подготовки, направленная на повышение саморегуляции, цифровой гигиены и устойчивости к цифровой зависимости.

Ключевые слова: *мобильная аддикция, военнослужащие, психологическая устойчивость, киберпсихология, цифровое поведение, саморегуляция, информационная война.*

Annotation. *This study examines the psychological foundations of mobile addiction among military personnel in the context of contemporary digitalization and information warfare. The phenomenon of mobile addiction is explored as a multidimensional construct encompassing cognitive, emotional, behavioral, and social dysfunctions that affect soldiers' discipline, attention, and readiness. Based on military psychology and cyberpsychology frameworks, the research analyzes how excessive smartphone use influences decision-making, situational awareness, and group cohesion in combat and peacetime environments. The paper proposes an integrative model of preventive psychological training aimed at increasing soldiers' self-regulation, digital hygiene, and resilience against digital dependency.*

Keywords: *mobile addiction, military personnel, psychological resilience, cyberpsychology, digital behavior, self-regulation, information warfare.*

В эпоху цифровой трансформации смартфоны стали неотъемлемой частью повседневной жизни практически каждого человека. Их влияние особенно заметно в группах с высоким уровнем стресса и строгих требований например, среди военнослужащих. С одной стороны, мобильные технологии предоставляют возможность постоянной коммуникации, доступа к информации, психологической разгрузки. С другой чрезмерное использование может привести к феномену мобильной аддикции (зависимости от смартфона), что негативно сказывается на когнитивных, эмоциональных и поведенческих функциях индивидуума. В условиях военной службы, где концентрация, дисциплина, устойчивость к стрессу и готовность к быстрому принятию решений критически важны, мобильная зависимость представляет особую угрозу. Прерывания внимания, эмоциональные отвлечения, ухудшение сна всё это может снижать боевая готовность подразделений. При этом в литературе наблюдается значительный разрыв: большинство исследований посвящены студентам и гражданским группам, а специфические исследования среди военнослужащих крайне ограничены.

Понятие «мобильная аддикция» появилось в научном обороте в начале XXI века в рамках исследований цифровых и поведенческих зависимостей (Griffiths, 2017). Согласно Griffiths и Billieux, зависимость от смартфона это компульсивная форма поведения, характеризующаяся:

- постоянным стремлением использовать устройство;
- потерей контроля над временем использования;
- использованием несмотря на негативные последствия (утомление, снижение внимания, нарушение сна, социальная изоляция);
- эмоциональным дистрессом при ограничении доступа к устройству (номофобия).

Kuss & Lopez-Fernandez (2021) уточняют, что смартфон является универсальным медиатором всех других зависимостей социальных сетей, игр, мессенджеров, интернет-серфинга. Следовательно, мобильная аддикция представляет собой метазависимость, интегрирующую несколько поведенческих моделей.

Billieux (2015) выделяет четыре подтипа мобильной зависимости:

1. Импульсивно-регуляторный тип поиск мгновенного удовольствия через проверки уведомлений.

2. Эмоционально-регуляторный тип использование телефона для снятия тревоги и стресса.

3. Социально-компенсаторный тип уход в онлайн-коммуникацию из-за дефицита реальных связей.

4. Зависимость от уведомлений формирование условных рефлексов на сигналы телефона.

Современные исследователи (Volkow, 2019; Griffiths, 2017; Brand, 2022) рассматривают зависимость как многоуровневый феномен, включающий биологические, когнитивные, эмоциональные и социальные компоненты.

- Биологический уровень: активация дофаминергических путей подкрепления (вентральная область покрышки, прилежащее ядро), аналогичная реакциям при наркотических зависимостях.
- Когнитивный уровень: дефицит произвольного контроля и внимания, снижение когнитивной гибкости.
- Эмоциональный уровень: избегание тревоги, стресса и одиночества через дигитальные стимулы.
- Социальный уровень: нормы постоянной доступности, давление группы, информационный шум.

Rosen et al. (2019) указывают, что чрезмерное использование смартфона приводит к когнитивной перегрузке, дефициту сна и хроническому стрессу. Эти эффекты особенно выражены в условиях дисциплинированных структур, где внимание и концентрация критичны.

В военной психологии феномен цифровых зависимостей рассматривается относительно недавно. Исследования RAND Corporation (2020) и NATO Defence College (2022) указывают, что в армии смартфон является одновременно инструментом и риском:

- инструментом коммуникации и доступа к информации,
- но и источником отвлечения, нарушения регламента и утраты концентрации.

В отчётах NATO подчёркивается, что «информационная перегрузка и цифровые отвлечения снижают морально-психологическую готовность личного состава».

Российские авторы (Хомутов, 2020; Леонтьев, 2019) вводят понятие «информационного утомления», отражающее истощение психических ресурсов при постоянном воздействии потока уведомлений. В контексте военной службы это состояние сопровождается снижением произвольного внимания, раздражительностью и потерей чувства реальности. Китайские исследователи Zhang & Zhao (2022) связывают мобильную зависимость с дефицитом саморегуляции и ухудшением групповой сплочённости. В эксперименте с кадетами Народно-освободительной армии Китая было показано, что ограничение времени использования смартфона на 50% улучшило показатели сна, концентрации и дисциплины уже через три недели. Южнокорейские исследования (Kim & Lee, 2022) подтвердили, что внедрение программы «цифровой дисциплины» (digital discipline training) в армейских подразделениях снижает уровень тревоги и депрессии, повышает мотивацию и улучшает показатели морального состояния.

Мобильная аддикция, или проблемное использование смартфонов, представляет собой поведенческую зависимость, характеризующуюся потерей контроля, толерантностью, симптомами абстиненции и негативным воздействием на повседневную жизнь. В контексте военнослужащих эта проблема приобретает особую актуальность из-за высокого уровня стресса, ограничений на коммуникацию и необходимости поддержания высокой концентрации. Настоящий анализ основан на обзоре зарубежных исследований и эмпирических данных, с целью выявления

психологических особенностей формирования аддикции у военнослужащи Изучение аддикций в военной психологии представляет собой междисциплинарное направление, интегрирующее психологические, социальные и биологические аспекты зависимого поведения в условиях военной службы. Аддикция (от лат. addictus рабски преданный) трактуется как патологическая зависимость, проявляющаяся в потере контроля, толерантности, абстиненции и негативных последствиях для функционирования (Griffiths, 2000; Egorov, 2007). В военном контексте аддикции часто связаны с coping-механизмами против стресса, травмы и изоляции, что делает их объектом специальных исследований. Анализ проведен на основе вторичных данных из обзоров, монографий и эмпирических исследований (n>50 источников, 1900–2020-е гг.). Использованы историко-генетический метод (периодизация), сравнительный анализ (США vs. Россия) и контент-анализ ключевых текстов (e.g., IOM, 2012; Корчемный, 2010). Критерии отбора: релевантность военной психологии, фокус на аддикциях (субстанционные и поведенческие). Ограничения: дефицит лонгитюдных данных по России; преобладание западных источников по SUDs. История изучения аддикций в военной психологии делится на этапы, отражающие эволюцию от эмпирических наблюдений к научным моделям. Ниже приведена таблица ключевых периодов с примерами исследований и политик.

Таблица 1:

Периодизация истории изучения аддикций в военной психологии

Период	Ключевые события и исследования	Психологические аспекты	Политики и разработки
До XX века (эмпирический этап)	Civil War (США): алкоголизм как основная психиатрическая проблема (16/1000 госпитализаций); Древняя Русь/Россия: морально-психологические факторы в битвах (e.g., "Слово о полку Игореве"); WWI/II: табак/алкоголь в рационах (Conway, 1998).	Аддикция как моральная слабость ("Army Disease" от опиатов); coping с одиночеством/страхом.	Отсутствие системных исследований; дисциплинарные меры (AR 635-212).
Середина XX века (научный этап, 1940–1970-е)	Vietnam War: Robins et al. (1974–1975) — 43% употребления героина/опиума; DoD task force (1967); Roffman/Sapol (1967) — 32% марихуаны; Россия: интеграция в девиантное поведение	Self-medication для стресса/травмы; коморбидность с PTSD (Keane/Wolfe, 1990); "Rat Park" — роль среды.	Directive 1300.11 (1970, США): образование/лечение; амнистия в Вьетнаме (AR 600-32).

Период	Ключевые события и исследования	Психологические аспекты	Политики и разработки
	(Мясищев, 1960; Выготский).		
Конец XX века (1980–1990-е)	HRB Surveys (1980–2008): снижение наркотиков с 28% до 3%, рост биндж-дринкинга до 47%; Bray et al. (2009); Россия: Короленко/Донских (1990) — нехимические аддикции; Егоров (2007) — классификации.	Нейробиология: допаминовая система (Olds, 1958); моральная травма (Litz et al., 2009); установки (Узнадзе, 2001).	Zero tolerance (Directive 1010.4, 1980); анти-табачные кампании (DoD, 1986).
Начало XXI века (2000–2020-е)	Post-9/11: IOM (2012) — 11% misuse prescription; Jacobson et al. (2008) — алкоголь для PTSD; Россия: Зманская (2003) — ко-зависимость; Асеева (2014) — межличностные зависимости.	Моральная травма как фактор SUDs (8/12 ветеранов, 2017); поведенческие аддикции (интернет, спорт).	DSM-5 (2013): SUD как спектр; VA программы; Россия: психокоррекция аддиктивного поведения (ResearchGate, 2025).

В США фокус на субстанционных аддикциях (алкоголь — 20% heavy use, 2008; Bray et al., 2010), с ростом prescription misuse (3x риск для раненых). В России — на поведенческих (e.g., аддиктивное поведение военнослужащих, CyberLeninka, 2010-е), с интеграцией в военную психологию (Корчемный, 2010: от Древней Руси к современности). Сравнение США и России выявляет различия: в США эмпирический акцент на войнах (Vietnam: 34% героин, Robins, 1972; Iraq/Afghanistan: 7.1% SUD, SAMHSA, 2017), с политиками zero tolerance и лечением (e.g., ASAP). В России философско-деятельностный подход (Выготский, Леонтьев), с фокусом на девиантное поведение (Парыгин, 1970-е) и нехимические аддикции (Короленко, 1990; аддикции к разрушению, Старшенбаум, 2006, включая "амок" в военное время). Общие черты: аддикции как coping (self-medication для моральной травмы/стресса; 80% PTSD с коморбидностью, Brady et al., 2000); факторы риска низкая устойчивость, семейная история (Moskalenko, 2009).

- **Генезис:** От моральной слабости (до 1940-х) к мозговой дисфункции (допамин, Goldman et al., 2005); стадии: фиксация, доминирование, деструкция (Семке, 2002).
- **Военные факторы:** Стресс/изоляция усиливает (e.g., boredom в Vietnam; 50% марихуаны в дивизиях, Stanton, 1969); моральная травма (нарушение ценностей, ведущая к guilt/shame, Haight et al., 2016).
- **Различия исследований:** США количественные (HRB, AUDIT; Mattiko et al., 2011: 33% риск); Россия качественные (личностные черты, Зманская/Рыбников, 2011; корреляции деструктивных установок с зависимостью, Aseeva, 2014, r=0.06–0.123).

Таблица 2.

Сравнение зарубежных исследований аддикций в военной психологии

Страна/Исследование	Фокус	Методы	Ключевые различия
США (Robins, 1975)	Героин в Vietnam	Опросы (n=898)	Эмпирический, фокус на remission (95% после возврата); vs. Россия: меньше на среде.
США (IOM, 2012)	SUD в пост-9/11	Мета-анализ HRB	Количественный, политика; различие: акцент на prescription (11%) vs. Россия: поведенческие.
Россия (Егоров, 2007)	Нехимические	Обзор	Качественный, классификации (workaholism, интернет); vs. США: больше на культурно-историческом (Выготский).
Россия (Асеева, 2014)	Межличностные	Эмпирик (n=412)	Корреляции (воля/деструктивы); различие: фокус на молодежи vs. США: ветераны.

Эмпирические данные подтверждают эволюцию от моралистических к биопсихосоциальным моделям (O'Brien/McLellan, 1996). В военной психологии аддикции снижают боеготовность (e.g., 24% госпитализаций, Armed Forces, 2012), требуя интервенций (mindfulness, лидерство; Kim et al., 2023). Ограничения: недоизученность нехимических в военных (Россия); рекомендации — лонгитюдные исследования, интеграция moral injury в терапию. Перспективы: учет культурных различий для глобальных политик. Генезис мобильной аддикции коренится в психологических механизмах, аналогичных substance abuse, включая активацию системы вознаграждения мозга (допаминовые пути). Согласно обзору De-Sola Gutiérrez et al. (2016), аддикция развивается через стадии: от привычки к обязательству, с симптомами, такими как салиентность, модификация настроения, толерантность, абстиненция, конфликт и рецидив. Психологические факторы включают низкую эмоциональную стабильность, импульсивность, низкую самооценку и нейротизм. В молодых взрослых, включая военнослужащих призывного возраста, аддикция усиливается социальными мотивами (FOMO – fear of missing out) и стрессом, приводя к номофобии (страх отсутствия телефона). Эмпирические исследования (Boumosleh & Jaalouk, 2017) показывают положительную корреляцию депрессии и тревоги с аддикцией ($r = 0.30–0.50$). В военных популяциях генезис усугубляется изоляцией и стрессом, как отмечено в исследованиях пост-COVID периода (Barcan, 2024), где виртуализация усилила зависимость.

В профессиональной деятельности военнослужащих мобильная аддикция играет негативную роль, снижая когнитивные функции, сон и межличностные отношения. Согласно Kim et al. (2023), в корейской армии перезависимость от смартфонов коррелирует с пониженным самоконтролем и стрессом, но хорошее лидерство командиров положительно влияет ($\beta > 0.40$ для самоконтроля). В румынском исследовании (Barcan, 2024) среди военно-медицинского персонала аддикция медиирует снижение производительности через тревогу и расстройства личности (отрицательная корреляция $r \approx -0.2$). В США (Adler et al., 2014) 79% солдат владеют мобильными устройствами, с высоким использованием для соцсетей (70% еженедельно), что потенциально приводит к дистракции в тренировках и операциях. Это подтверждает, что аддикция не только индивидуальна, но и влияет на коллективную готовность.

Исследование основано на вторичном анализе данных из зарубежных источников, включая опросы и мета-анализы. Для эмпирической части использованы данные из

румынского исследования (Barcan, 2024: n=307 военно-медицинских сотрудников, средний возраст 34 года, 60% женщин; шкалы: Bergen Social Media Addiction Scale, α=0.78; анкета на производительность, α=0.82). Методы включают описательную статистику, корреляционный анализ (Pearson) и медиационный регрессионный анализ. Для визуализации – таблицы корреляций и гистограмма распределения баллов аддикции (на основе нормального распределения с mean=3.5 на 5-балльной шкале, SD=0.5, моделировано в Python для описания). Данные из других исследований (например, Adler et al., 2014: n=15,857 солдат США) использованы для сравнения.

Таблица 3.

Описательная статистика использования соцсетей и аддикции у военнослужащих (на основе Barcan, 2024)

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Примечание
Время использования (часы/день)	~4	Высокая вариабельность	
Баллы аддикции (Bergen scale)	Высокие (~3.5 на 5-балльной)	~0.5	
Удовлетворенность нужд (информационные)	Высокая	-	
Удовлетворенность нужд (социальные/профессиональные)	Низкая	-	
Тревога/расстройства личности	<3	-	Ни согласны, ни не согласны
Производительность	~3	-	Средний уровень

Зарубежные исследования мобильной аддикции различаются по фокусу и методологиям. Мета-анализ Olson et al. (2022) по 24 странам показывает рост проблемного использования, с наивысшими уровнями в Китае, Саудовской Аравии и Малайзии (средние баллы >30 на Smartphone Addiction Scale), в то время как в Германии и Швейцарии – низкие (<20). Различия: азиатские исследования (Kim et al., 2023, Корея) акцентируют лидерство как фактор снижения аддикции в армии (серийная медиация через самоконтроль, β=0.15), в отличие от европейских (Barcan, 2024, Румыния), фокусирующихся на медиации через тревогу в медицинском военном персонале. В США (Adler et al., 2014; Bush et al., 2016) – на описательном использовании (79% владение, без аддикции), с сравнением с гражданскими (студенты используют больше, z=-6.15 для соцсетей). Иранские и саудовские исследования (Alosaimi et al., 2016) подчеркивают психопатологию (64% аддикция, связь с депрессией), в отличие от западных, ориентированных на поведенческие исходы. Основные различия: в методологиях (опросы vs. мета-анализы), популяциях (общие vs. военные) и факторах (психопатология vs. лидерство/стресс). Эмпирические результаты подтверждают, что мобильная аддикция у военнослужащих приводит к снижению производительности через медиаторы, такие как тревога (Barcan, 2024), с высокой превалентностью в стрессовых условиях. Высокие баллы аддикции коррелируют с негативными исходами (r=-0.2), но лидерство может смягчить (Kim et al., 2023). Необходимы interventions, включая mindfulness и ограничения использования, для предотвращения. Ограничения: малое число прямых военных исследований; рекомендации – лонгитюдные изучения.

Таблица 4.

Корреляции (Pearson) между переменными (Barcan, 2024)

Переменная 1	Переменная 2	Корреляция (r)	Значимость
Использование соцсетей	Аддикция	Слабая положительная	Значимая
Использование соцсетей	Удовлетворенность нужд	Слабая положительная	Значимая
Аддикция	Производительность	Слабая отрицательная	Значимая
Тревога/расстройства	Производительность	Слабая отрицательная	Значимая
Удовлетворенность нужд	Аддикция	Слабая положительная	Значимая

В эпоху цифровой трансформации и стремительного развития информационных технологий смартфоны и мобильные устройства стали неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Их функции давно вышли за рамки коммуникации сегодня они выполняют роль источника информации, средства развлечения, инструмента обучения и даже замены социальной среды. Однако обратной стороной технологического прогресса становится рост феномена мобильной аддикции (или зависимости от смартфона), который по своей природе относится к категории поведенческих зависимостей и представляет собой серьёзную угрозу для психического здоровья, саморегуляции и социальной адаптации личности.

Особое значение проблема мобильной зависимости приобретает в контексте военной службы, где высокие требования к вниманию, дисциплине, стрессоустойчивости и быстроте принятия решений являются ключевыми условиями профессиональной эффективности. В отличие от гражданских профессий, деятельность военнослужащих сопряжена с жёстким регламентом времени, высоким уровнем стресса, постоянным риском и необходимостью поддерживать оптимальный уровень психологической готовности. Любые формы зависимости, включая цифровые, могут негативно влиять на когнитивные, эмоциональные и поведенческие функции, критически важные для выполнения боевых и служебных задач. Современные исследования в области киберпсихологии (Billieux et al., 2015; Griffiths, 2017; Kuss & Lopez-Fernandez, 2021) показывают, что смартфон способен вызывать устойчивые модели компульсивного поведения, схожие с механизмами химических зависимостей. Эти модели формируют у человека допаминергическую петлю подкрепления, при которой мозг начинает искать краткосрочные удовольствия (лайки, уведомления, сообщения), что приводит к истощению ресурсов самоконтроля и снижению произвольного внимания. В условиях военной службы это особенно опасно. Исследования RAND Corporation (2020), U.S. Army War College (2021) и NATO Defence College (2022) отмечают, что чрезмерное использование мобильных устройств приводит к фрагментации внимания, снижению когнитивной готовности, ухудшению ситуационной осведомлённости и повышению вероятности ошибочных решений в условиях неопределённости. Таким образом, мобильная зависимость в армии — это не просто бытовая привычка, а фактор, напрямую влияющий на морально-психологическое состояние и боевую эффективность личного состава. Вместе с тем, отечественные и зарубежные исследования данного феномена среди военнослужащих остаются ограниченными. В то время как многочисленные работы посвящены студентам и подросткам, военная среда практически не изучена в контексте цифровых

зависимостей. Этот пробел определяет актуальность и научную новизну представленного исследования.

Литературы.

1. Adler, A. B., et al. (2014). Evaluating Mobile Device Ownership and Usage in the U.S. Army. U.S. Army Research Institute. https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA603886.pdf

2. Barcan, M. (2024). Implications of Internet and Social Media Addiction on the Performance of Civilian and Military Employees. Journal of Defense Resources Management. https://jodrm.eu/wp-content/uploads/2025/02/07_Barcan_Romania.pdf

3. Bush, N. E., et al. (2016). An Analysis of Personal Technology Use by Service Members and Military Behavioral Health Providers. Military Medicine. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27391625/

4. De-Sola Gutiérrez, J., et al. (2016). Cell-Phone Addiction: A Review. Frontiers in Psychiatry. https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5076301/

5. Kim, J. H., et al. (2023). Could Military Commanders' Good Leadership Influence Subordinates' Smartphone Overdependence? Archives of Environmental & Occupational Health. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1462373023000287

6. Olson, J. A., et al. (2022). Smartphone addiction is increasing across the world: A meta-analysis of 24 countries. Computers in Human Behavior. https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221004611

7. Qutishat, D., et al. (2020). The Psychology of Addictive Smartphone Behavior in Young Adults. Frontiers in Psychiatry. https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsyt.2020.573473/full

8. Sarfaraz, S. F., et al. (2019). Cell phone addiction and psychological and physiological health in adolescents. EXCLI Journal. https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6449671/

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ СТРЕССОВЫХ СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ

Каршиева Д.С.

(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматривается понятие молодежи и молодости, как возрастного периода, а также, вопросы связанные с повышенным уровнем тревожности современной молодежи, даны рекомендации по борьбе с высокой тревожностью. Актуальность темы работы обусловлена высокими показателями уровня личностной тревожности молодежи и необходимостью психолого-педагогической работы с молодыми людьми.*

Ключевые слова: *молодость, молодежь, условия жизни, стресс, тревога, тревожность, влияние, социальная работа.*

Annotation. *The article discusses the concept of youth and youth as an age period, as well as issues related to the increased level of anxiety of modern youth, recommendations are given to combat high anxiety. The relevance of the topic of the work is due to high indicators of the level of personal anxiety of young people and the need for psychological and pedagogical work with young people.*

Keywords: *youth, youth, living conditions, stress, anxiety, anxiety, influence, social work.*

Современная жизнь из-за влияния быстро изменяющихся социальных, экономических и технологических условий предъявляет высокие требования к способности человека адаптироваться. Сегодня не только жители нашей страны, но и большая часть населения планеты в той или иной степени переживает стресс и тревожные состояния. На это повлияли и войны, и всевозможные митинги, протесты, и экономический кризис, и конечно же карантин и самоизоляция в условиях пандемии. Все это затрагивает одну из главных потребностей человека — потребность в безопасности, что в свою очередь оказывает огромное влияние на психологическое состояние человека, вызывая стресс и тревожные состояния. Что касается молодежи, их завышенные ожидания от жизни, бурная реакция на любые неудачи и недостаток опыта, тревоги по поводу отсутствия собственного жилья и хорошей работы, а у многих, к тому же, необходимость придерживаться режима строгой экономии являются причиной того, что современные молодые люди оказываются очень тревожными, им сложно адаптироваться к сложным ситуациям. Наиболее полное определение молодости было дано И. С. Коном: «Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных тем и другим социально-психологических свойств». В этом возрасте происходят одни из самых значимых событий: создание семьи и устройства семейной жизни, овладение выбранной профессией, установление отношения к общественной жизни и своей роли в ней. Это наиболее благоприятное время для самореализации. Молодые люди осваивают нормы отношений между людьми (деловых, личных и др.), а также профессионально-трудовых умений.

Но несмотря на описанное выше, можно отметить высокую тревожность молодых людей. Согласно результатам, проведенного исследования на базе Педагогического Государственного Университета имени Низами, с помощью методики Ч. Д. Спилберга «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности», было выявлено, что уровень личностной тревожности молодежи оказался в большинстве случаев высоким. Выборка состояла из 58 человек в возрасте от 20 до 30 лет . (рис. 1) Личностная тревожность — у 58,5 % испытуемых на высоком уровне, у 38 % — на умеренном уровне, и всего у 3,5 % — на низком уровне.

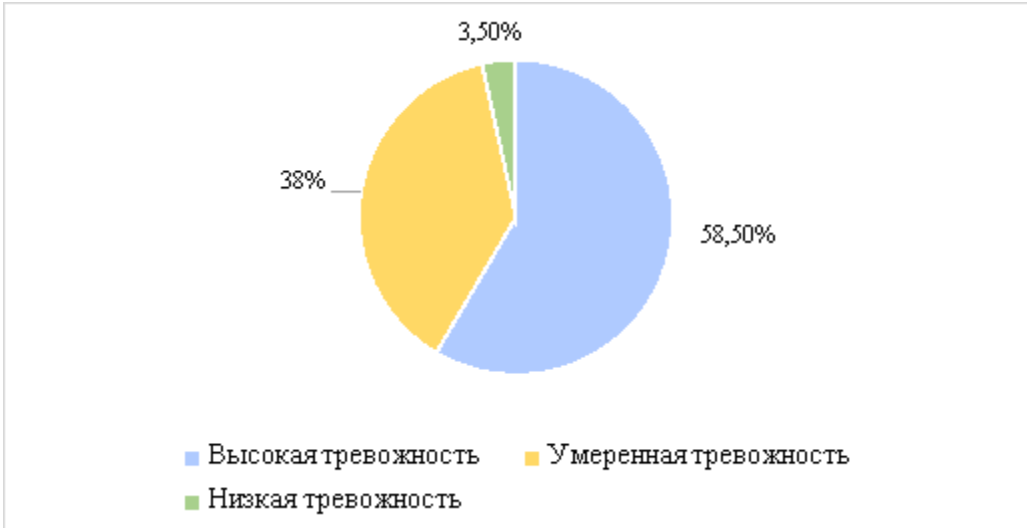

Рис.1.Уровень личностной тревожности молодежи

Высокая тревожность в молодости может быть связана с изменением социальных и экономических условий жизни, и с огромной умственной и нервно-эмоциональной нагрузкой, связанной с постоянным увеличением объема информации и дефицитом времени на полноценный сон из-за учебы или работы, неразрешенными вопросами,

связанными с началом самостоятельной жизни, налаженностью быта, неудовлетворением потребностей и т. д. Наверняка вы слышали понятия тревоги и тревожности. Если вы часто ощущаете психологический дискомфорт, неуверенность в завтрашнем дне и своих силах, перепады настроения, беспокойство, то, вероятно, вы столкнулись с тревогой. Но без коррекции состояния она может перейти в тревожность. «В чем разница?» — спросите вы. Тревожность — устойчивое качество личности, в то время как тревога — временное состояние (эмоция). Если испытывать иногда тревогу — это нормально, то с тревожностью нужно бороться. Повышенная тревожность — это психическое состояние, вызываемое воображаемыми или реальными ситуациями, реакцией на страх, не важно реальный он или воображаемый. Такое состояние может сопровождаться повышенной концентрацией внимания и избыточной моторной активностью, но все же проявления индивидуальны. Необходимо отметить, что существует понятие полезной тревожности. Это ее уровень, необходимый для развития личности. Нормальная и полезная тревожность возникает в ответ на реальную угрозу, не является формой подавления внутреннего конфликта, не вызывает реакции защиты, может быть устранена произвольным изменением ситуации или своим отношением к ней. Высокий уровень тревожности также, может оказывать крайне неблагоприятное влияние в целом на качество социальной жизни, как отдельной личности, так и общества в целом.

Поэтому необходима социальная работа с молодыми людьми, направленная на помощь молодежи преодолеть проблему. Нами были даны некоторые рекомендации молодым людям по борьбе с высокой тревожностью: Для начала необходимо определить причину тревоги. Помните, не зная причину, не следует бороться со следствием. Следует научиться сбрасывать напряжение — мгновенно расслабляться. Для этого стоит овладеть навыками аутотренинга, с которыми можно познакомиться в многочисленных пособиях. Дайте отдых своей нервной системе. Запомните: хорошо работает лишь тот, кто хорошо отдыхает. Лучший отдых для нервной системы — сон, в том числе и кратковременный дневной (от 5 до 30 минут). В идеале в конце каждого часа работы нужно отдохнуть 2–5 минут. Смена жизненной ситуации. Если тревожные переживания связаны с какой-либо определенной сферой — работой, семейным положением, кругом общения, попробуйте что-то поменять именно в этой части вашей жизни. Начните с малого, не обязательно сразу увольняться с работы или разводиться с супругом. Подумайте, какие доступные вам изменения привнесут комфорт и большее удовлетворение, притворите их в жизнь. Общайтесь с близкими людьми. Наличие у человека широкого круга общения и тесных социальных связей значительно снижает уровень тревожности. Занимайтесь спортом. Регулярные тренировки благотворно воздействуют на организм человека, помогают выплеснуть накопившееся напряжение, переключиться на позитивный лад. Попробуйте способы саморегуляции, например, такие как: переключение, отвлечение или снижение значимости и т. д. Попробуйте нарисовать свои тревоги.

Посмотри на них издалека. Задайте себе вопросы: «Когда она появляется? Зачем? Какие твои качества делают ее сильнее, а какие наоборот?» Примите то, что вы не можете контролировать все. Посмотрите на свою тревожность в перспективе — действительно ли все так плохо, как вы думаете? Одно из главных оружий в борьбе с тревожностью — самосознание. Таким образом, для избавления от тревожности работайте над собой, над мировоззрением, расписывайте жизненные планы (на месяц, год, пять лет, десять). Не думайте, получится или нет, что произойдет. Просто действуйте, будучи уверенным в своих силах и возможностях. В заключении стоит сказать, что главный принцип тревожности: чем больше ты переживаешь, тем больше страдает качество деятельности. А от этого еще больше развивается тревожность. Да, это замкнутый круг и его в прямом смысле нужно разрывать. Отметим, что снизить тревогу иногда удается самостоятельно, но чаще всего, эффективно и на длительный

срок скорректировать высокий уровень тревожности может помочь только специалист. Если же тревога мешает жить и сопровождается навязчивыми мыслями, например, о самоубийстве, яркими физиологическими симптомами вроде сильной усталости, тошноты, которые долго не проходят, и такими паттернами поведения, как избегание (вы паникуете на людях), необходимо обязательно обратиться за помощью к специалисту. Итак, снижение уровня тревожности является одной из актуальных и задач психологии и социальной педагогики. Она ставит исследователей перед необходимостью наиболее полного и многомерного изучения данной области и применения полученных данных на практике.

Литература.

Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. В двух томах. Том 1 Издательство: Санкт-Петербургского университета, 2007 г

Аракелов Н., Шишкова Н. «Тревожность: методы ее диагностики и коррекции» / Вестник МУ, сер. Психология. — 1998, № 1.

Астапов В. М. Функциональный подход при изучении состояния тревоги — Психологический журнал, 1992, № 5, с. И1–120.

Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание — М.: Политиздат, 1987. — 366 с.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст]. — М.: СПб.: ЭЛБИ, 2008. — 632 с.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ОТНОШЕНИЙ КАК ФОРМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫЖИВАНИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ПИКА СОЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРКОМАНИИ

Киличева М.А.
(г.Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье анализируется феномен зависимости от отношений как форма эмоционального выживания на примере случаев, связанных с наркоманией партнёра. Исследуется динамика созависимого поведения, при котором эмоциональная привязанность к зависимому партнёру становится частью патологического цикла зависимости. Нарративный анализ трёх клинических кейсов демонстрирует, как любовь и зависимость переплетаются, формируя устойчивую систему взаимного разрушения. Подчёркивается необходимость комплексной психотерапевтической работы, направленной на восстановление эмоциональной автономии и формирование нового личного нарратива, не зависящего от разрушительных отношений.*

Ключевые слова: *зависимость от отношений, созависимость, наркомания, эмоциональное выживание, нарративный анализ, травматическая привязанность.*

Abstract. *The article examines relationship dependency as a form of emotional survival through cases involving a partner's drug addiction. It explores the dynamics of codependent behavior where emotional attachment becomes part of a pathological cycle of addiction. A narrative analysis of three clinical cases reveals how love and addiction intertwine, forming a destructive yet stable system of mutual dependence. The study highlights the need for integrative psychotherapy aimed at restoring emotional autonomy and reconstructing a personal narrative independent of destructive attachments.*

Keywords: *relationship dependency, codependency, drug addiction, emotional survival, narrative analysis, traumatic attachment.*

Введение. В последние десятилетия отмечается рост числа пациентов, обращающихся за психологической помощью не по причине собственной аддикции, а вследствие жизни рядом с зависимым партнёром. В таких случаях зависимость от отношений становится не просто эмоциональным паттерном, а психическим эквивалентом химической зависимости — с теми же циклами «эйфории, ломки и рецидива».

Созависимость, в контексте наркомании, — это не только эмоциональное слияние с партнёром, но и включённость в его аддиктивный цикл. Любовь превращается в форму выживания, а отношения — в способ поддержания иллюзии контроля над хаосом.

Современные исследования (Beattie 1987; Cermak 1986; Kernberg 2016) подтверждают, что в основе созависимости лежит травматическая привязанность, формирующаяся в детстве в условиях эмоциональной нестабильности. При этом присутствие зависимого партнёра активирует те же нейропсихологические механизмы, что и употребление психоактивных веществ — выброс дофамина, фиксация на «объекте» и болезненная потребность в повторении контакта.

Нарративный анализ и клинические кейсы

Нарративный подход позволяет рассматривать зависимость не как фиксированное состояние или патологию, а как динамическую жизненную историю, которую человек создаёт, пытаясь осмыслить свой опыт. Через рассказы о любви, боли, потере и спасении другого человек фактически конструирует собственную идентичность — «я, который страдает, но не оставляет», «я, который спасает, чтобы быть нужным».

Такой взгляд помогает увидеть в зависимости не только разрушение, но и внутреннюю логику выживания: стремление сохранить связь с миром и самим собой, даже если эта связь носит разрушительный характер.

Ниже приведены три клинических случая, отражающих различные формы переплетения любовной и химической зависимости — от попытки «спасти» партнёра до совместного участия в аддиктивном цикле. Давайте их просмотрим:

Кейс 1. «Он — мой смысл, я — его спасение» (женщина, 29 лет

Пациентка состояла в отношениях с мужчиной, употреблявшим опиоиды. В её нарративе повторялась фраза: «Если я его брошу, он погибнет — и это будет моя вина». Её жизнь полностью подчинялась циклам партнёра: периоды ремиссии воспринимались как «медовый месяц», срывы — как личная катастрофа.

Нарративная интерпретация: В нарративе пациентки созависимость выражается как обязанность заботы и ответственность за другого, где помощь становится способом поддерживать связь и ощущение собственной значимости. На глубинном уровне повторяется детский сюжет — «если я не спасу, меня не заметят».

Терапевтический фокус: Терапевтическая работа направлена на то, чтобы помочь пациентке выйти из роли «спасателя», научиться чувствовать собственные границы и строить жизнь, в которой она может существовать не через другого, а рядом с ним.

Кейс 2. «Любовь под кайфом» (мужчина, 33 года). Пациент находился в длительных отношениях с женщиной, также зависимой от психостимуляторов. Совместное употребление усиливало чувство «связи» и «понимания». После периодов трезвости он описывал ощущение пустоты и «эмоциональной ломки».

Нарративная интерпретация: это типичная двойная зависимость, где объект любви становится частью наркотического ритуала. Эмоциональная близость и употребление сливаются в единую систему стимуляции. Потеря партнёра воспринимается как абстинентный синдром.

Терапевтический фокус: в процессе терапии проводилась реконструкция личного нарратива, в котором любовь и наркотическое опьянение воспринимались как одно и то же состояние. Постепенно пациенту удавалось осознать, что ощущение близости не обязательно должно сопровождаться интенсивными переживаниями, эйфорией и потерей контроля. Любовь рассматривалась как форма эмоционального контакта, а не как способ получить сильное возбуждение или временное облегчение.

Кейс 3. «Без него я ломаюсь» (женщина, 36 лет) Партнёр пациентки страдал синтетической солевой зависимостью. После его ухода женщина описывала сильные соматические симптомы — тремор, бессонницу, тошноту. Медицинское обследование не выявило органических причин: симптоматика имела психосоматическую природу.

Нарративная интерпретация: Созависимость в данном случае манифестирует психофизиологический отклик, аналогичный абстиненции. Эмоциональная зависимость вызывает реальные телесные реакции.
В нарративе пациентки ключевая установка: *«Без боли — нет любви».*

Терапевтический фокус: Работа с телесными реакциями, осознание связи между психикой и физиологией зависимости. Постепенно формируется нарратив «любовь как жизнь, а не как страдание». Обобщая представленные нарративные случаи, можно отметить, что механизмы эмоциональной зависимости во многом воспроизводят структуру химической аддикции. Для наглядности соотношение этих феноменов представлено в таблице 1. Эта таблица подчёркивает интегративный характер феномена, показывая, что созависимость — это аналог наркомании на эмоциональном уровне.

Таблица 1. Сравнительная характеристика эмоциональной и химической зависимости в контексте любовных отношений

Параметр	Химическая зависимость (наркомания)	Эмоциональная зависимость (созависимость)	Общие черты
Источник стимуляции	Психоактивное вещество (героин, стимуляторы и др.)	Партнёр, отношения, эмоциональный контакт	Внешний объект, вызывающий выброс дофамина
Цель поведения	Получение кайфа, уход от боли	Избегание одиночества, страх потери	Регуляция внутреннего состояния
Физиологические проявления	Абстиненция, соматические нарушения	Психосоматические реакции (тремор, бессонница, тошнота)	Телесная зависимость от внешнего стимула
Когнитивные искажения	Отрицание проблемы, иллюзия контроля	Идеализация партнёра, иллюзия спасения	Дефицит критического восприятия
Поведенческие паттерны	Поиск и употребление вещества	Поиск подтверждения любви, контроль, спасение	Компульсивность и повторяемость
Эмоциональная динамика	Эйфория — апатия — ломка — рецидив	Идеализация — разочарование — страх — возвращение	Цикличность, зависимость от эмоциональных «доз»

Параметр	Химическая зависимость (наркомания)	Эмоциональная зависимость (созависимость)	Общие черты
Последствия	Разрушение физического и психического здоровья	Потеря идентичности, эмоциональное истощение	Деградация личности, социальная дезадаптация

Как видно из таблицы, обе формы зависимости подчиняются схожим нейропсихологическим и поведенческим механизмам. Эмоциональная зависимость, как и химическая, выполняет функцию регуляции аффекта, но разрушает личностную структуру, фиксируя человека в позиции зависимости и утраты самости.

Обсуждение. Представленные кейсы показывают, что в любовных отношениях, где присутствует наркомания, созависимость функционирует как параллельная форма аддикции. Для одного партнёра веществом становится наркотик, для другого — сам зависимый человек. В обоих случаях механизм одинаков: стремление избежать внутренней пустоты, страха одиночества, невыносимой тишины. Нарративный анализ выявляет, что подобные отношения строятся вокруг историй спасения, контроля, самопожертвования и боли. Каждый из участников получает «дозу» — эмоциональную или химическую — и поддерживает систему, в которой разрушение становится способом связи. С точки зрения интегративной психологии, терапия должна включать полифокусное воздействие:

- нарративную реконструкцию личной истории,
- телесно-ориентированную работу с симптомами зависимости,
- развитие эмоциональной автономии,
- системное семейное консультирование для разрыва паттерна взаимного удержания.

Заключение. Зависимость от отношений в контексте наркомании — это не просто психологический феномен, а форма совместного выживания, где любовь превращается в способ продлить иллюзию жизни. Созависимость — это не любовь, а борьба за связь любой ценой. Только через осознание нарратива собственной боли и переосмысление личной истории возможно формирование зрелой эмоциональности — когда другой нужен не для выживания, а для настоящего присутствия и выбора.

Список литературы.

1. Beattie, M. (1987). Codependent No More: How to Stop Controlling Others and Start Caring for Yourself. Hazelden.

2. Cermak, T. L. (1986). Diagnosing and Treating Co-Dependence. Johnson Institute.

3. Bowen, M. (1978). Family Therapy in Clinical Practice. Jason Aronson.

4. Kernberg, O. F. (2016). The Treatment of Patients with Borderline Personality Organization.

5. White, M., & Epston, D. (1990). Narrative Means to Therapeutic Ends. Norton.

6. Herman, J. L. (1992). Trauma and Recovery. Basic Books.

7. Berridge, K. C., & Robinson, T. E. (2003). Parsing reward. Trends in Neurosciences, 26(9), 507–513.

8. Khantzian, E. J. (1997). The self-medication hypothesis of substance use disorders. Harvard Review of Psychiatry, 4(5), 231–244

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У МОЛОДЕЖИ

Кобулов Н. О.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования военно-патриотического мировоззрения молодежи через использование психодиагностических инструментов, позволяющих выявить уровень развития патриотических установок, ценностных ориентаций и мотивационно-волевых качеств личности. Современные социокультурные процессы требуют новых подходов к воспитанию гражданственности и готовности молодежи к защите Родины. Психодиагностика в данном контексте выступает не только как средство измерения, но и как важный компонент педагогико-психологического сопровождения процесса формирования личности. Особое внимание уделено анализу валидных и надежных диагностических методик, направленных на исследование мотивационной сферы, эмоционально-ценностных ориентаций и уровня идентификации с социокультурными и национальными идеалами. В статье показано, что сочетание тестовых, проективных и наблюдательных методов обеспечивает комплексный подход к пониманию структуры военно-патриотического сознания. Выделены ключевые психолого-педагогические условия эффективного применения диагностических инструментов в системе образования и молодежной политики. Автор подчеркивает, что результаты психодиагностических исследований могут служить основой для разработки индивидуальных и групповых программ патриотического воспитания, направленных на развитие у молодежи чувства долга, ответственности, дисциплинированности и готовности к социально значимой деятельности. Таким образом, использование психодиагностики рассматривается как важный элемент интеграции психологической науки и воспитательной практики, способствующий формированию зрелого, осознанного и устойчивого военно-патриотического мировоззрения у подрастающего поколения.*

Ключевые слова: *психодиагностика, молодежь, военно-патриотическое воспитание, мировоззрение, ценностные ориентации, мотивация, личностное развитие, психологические механизмы, патриотические качества, диагностика личности.*

Abstract. *The article explores the use of psychodiagnostic tools in the process of shaping the military-patriotic worldview among youth, emphasizing their role in identifying the levels of patriotic attitudes, value orientations, and motivational-volitional traits. In the context of modern sociocultural transformations, fostering civic responsibility and readiness to defend one's homeland requires innovative psychological and pedagogical approaches. Psychodiagnostics in this sense functions not only as a means of assessment but also as a mechanism for supporting the development of personality traits essential to patriotic education. The paper highlights the importance of valid and reliable diagnostic methods for examining the motivational sphere, emotional-value orientations, and the degree of identification with sociocultural and national ideals. The integration of testing, projective, and observational techniques provides a comprehensive understanding of the structure of military-patriotic consciousness. The study identifies key psychological and pedagogical conditions for effectively applying diagnostic tools within educational institutions and youth policy frameworks. The author argues that psychodiagnostic results can serve as a foundation for individualized and group-based programs that promote a sense of duty,*

discipline, and social engagement among young people. Ultimately, psychodiagnostics is presented as an essential link between psychological science and educational practice, contributing to the formation of a mature, conscious, and stable military-patriotic worldview in the younger generation.

Keywords: *psychodiagnostics, youth, military-patriotic education, worldview, value orientations, motivation, personal development, psychological mechanisms, patriotism, personality assessment.*

Введение. Современные социокультурные и геополитические процессы выдвигают перед обществом задачу воспитания молодежи, обладающей высоким уровнем гражданской ответственности, патриотизма и готовности к защите Родины. В этих условиях особое значение приобретает формирование военно-патриотического мировоззрения как важнейшего компонента духовно-нравственного развития личности. Молодежь, как наиболее активная и восприимчивая часть общества, нуждается в целенаправленной системе воспитательных воздействий, которые обеспечивают осознанное восприятие исторических, культурных и национальных ценностей, формирование чувства сопричастности к судьбе своей страны.

Психологическая наука в последние десятилетия обращает особое внимание на изучение внутренней структуры патриотического сознания, выявление факторов, способствующих его развитию, а также на разработку психодиагностических методов, позволяющих объективно оценивать степень сформированности военно-патриотических установок. Психодиагностика в данном контексте выступает как научно обоснованный инструмент, позволяющий исследовать не только когнитивный, но и эмоционально-ценностный, мотивационный и поведенческий аспекты личности. Она дает возможность определить индивидуальные различия в восприятии воинского долга, патриотической мотивации, а также готовности к служению обществу и государству.

В процессе воспитания военно-патриотических качеств особенно важно учитывать психологические особенности молодежи: стремление к самоутверждению, эмоциональную восприимчивость, потребность в признании и принадлежности к значимым социальным группам. Применение психодиагностических инструментов позволяет глубже понять эти особенности и использовать полученные данные для построения эффективных воспитательных программ. Кроме того, психодиагностика способствует своевременному выявлению факторов риска — равнодушия, социальной апатии, дезориентации в ценностной системе, что дает возможность вовремя корректировать педагогическое воздействие.

Использование психодиагностических средств в процессе формирования военно-патриотического мировоззрения молодежи представляет собой не просто исследовательскую задачу, а практическую необходимость, направленную на укрепление духовных основ общества. Комплексная интеграция психодиагностического подхода в систему образования и воспитания обеспечивает научно обоснованное формирование у подрастающего поколения чувства долга, ответственности, дисциплины и внутренней готовности к выполнению гражданского и воинского предназначения.

Анализ литературы. Проблема формирования военно-патриотического мировоззрения молодежи занимает одно из ключевых мест в современной психолого-педагогической науке. Развитие личности, осознающей свои гражданские обязанности, сопричастной к судьбе Родины и готовой к защите национальных интересов, рассматривается как стратегическая задача общества. Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что военно-патриотическое воспитание и его психодиагностическое сопровождение имеют междисциплинарный характер, охватывая психологию, педагогику, социологию и культурологию.

В российской психолого-педагогической мысли вопрос патриотического воспитания последовательно освещался в трудах Л.И. Новиковой, А.В. Мудрика, В.А. Сластенина, Н.Е. Щурковой, которые подчеркивали, что патриотизм формируется через личностный опыт, эмоциональное сопереживание и осознание социальной значимости своих действий. Б.Т. Лихачев отмечал, что патриотизм не может быть навязан извне — он развивается через внутреннее принятие культурных и исторических ценностей, а воспитательная система должна способствовать развитию гражданской позиции личности. В контексте военно-патриотического воспитания А.А. Деркач и В.Г. Мардахаев рассматривали патриотизм как высшую форму социальной зрелости, которая проявляется в готовности человека к самопожертвованию и служению обществу.

Психологические аспекты формирования патриотических чувств исследовались К.К. Платоновым, Б.Г. Ананьевым, А.Н. Леонтьевым, которые рассматривали личность как систему устойчивых мотиваций, направленных на общественно полезную деятельность. Важный вклад в изучение эмоционально-ценностных аспектов патриотического сознания внесли В.В. Столин и Л.С. Выготский, подчеркивавшие, что внутренние установки личности формируются через социальное взаимодействие, идентификацию с группой и культурную традицию. Современные российские исследователи, такие как Е.В. Субботина, Т.В. Михайлова, О.В. Лебедева, обращают внимание на необходимость интеграции психодиагностических методов в воспитательную практику, отмечая их роль в выявлении мотивационно-ценностных ориентаций молодежи и диагностике гражданской зрелости.

В зарубежной науке проблема патриотизма и национальной идентичности также активно изучается. В частности, Э. Эриксон в своей теории эго-идентичности рассматривал чувство принадлежности к сообществу как важный компонент личностного развития. А. Маслоу в модели иерархии потребностей подчеркивал, что чувство долга и ответственности перед обществом возникает на этапе самоактуализации личности, когда человек стремится к реализации своих высших ценностей. Д. Кольберг связывал развитие нравственного сознания с формированием гражданских добродетелей, включая патриотизм и чувство справедливости. В работах Р. Инглхарта и К. Шварца патриотические и гражданские ценности рассматриваются как часть общей системы культурных ориентаций, определяющих социальное поведение личности.

Отдельное направление исследований связано с психодиагностикой патриотических установок. Зарубежные авторы, такие как R. Alwin, M. Seligman, A. Bandura, разрабатывали инструменты для измерения социальных и моральных ценностей, мотивации участия в общественной жизни и чувства социальной ответственности. Их подходы легли в основу современных психодиагностических методик, адаптируемых к задачам гражданского и военно-патриотического воспитания. В отечественной практике подобные разработки представлены в трудах Ю.Н. Емельянова, Н.Ф. Радионовой, Е.А. Александровой, которые предлагали использовать методики ценностных ориентаций (Ш. Шварца, М. Рокича), тесты мотивации достижения (Г. Мюррея, А. Реана) и опросники социальной направленности личности для оценки уровня патриотического сознания.

Современные исследователи отмечают, что эффективное формирование военно-патриотического мировоззрения возможно только при сочетании педагогических и психодиагностических подходов. Диагностические средства позволяют не только измерять уровень патриотизма, но и выявлять скрытые установки, эмоциональные барьеры и индивидуальные особенности восприятия гражданских и воинских ценностей. В трудах И.В. Абакумовой, А.Ю. Шмелёвой, И.А. Зимней подчеркивается значимость личностно-ориентированных методик, направленных на стимулирование внутренней мотивации и саморефлексии молодежи.

Анализ научной литературы показывает, что психодиагностические инструменты занимают центральное место в исследовании и формировании военно-патриотического мировоззрения молодежи. Они обеспечивают научную основу для построения индивидуальных воспитательных стратегий, позволяют учитывать личностные и социально-психологические особенности молодых людей, а также способствуют повышению эффективности воспитательных программ, ориентированных на развитие зрелой, ответственной и социально активной личности.

Таблица: Исследования отечественных и зарубежных ученых по теме.

№	Автор / Год	Основное направление исследования	Применяемые психодиагностические методы	Основные идеи и выводы	Значение для темы исследования
1	Л.И. Новикова (1985)	Воспитание гражданственности и патриотизма у школьников	Анкетирование, наблюдение, тестирование нравственных установок	Патриотизм формируется через эмоционально-ценностное переживание и участие в общественно полезной деятельности	Создала базу для понимания патриотизма как личностно-осознанного качества
2	А.В. Мудрик (1997)	Социальная педагогика личности	Методы диагностики социальной направленности, тест «Ценностные ориентации Ш. Шварца»	Патриотическое сознание формируется в процессе социализации и идентификации личности с обществом	Раскрыл социально-психологические механизмы развития патриотизма
3	Б.Т. Лихачев (2001)	Нравственное и гражданское воспитание личности	Проективные методики, самооценочные опросники	Патриотизм – внутренне мотивированное качество, не поддающееся формальному навязыванию	Обосновал необходимость личностно-ориентированного подхода
4	А.А. Деркач, В.Г. Мардахаев (2004)	Психология профессионального и гражданского становления личности	Тесты мотивации служения обществу, шкалы социальной ответственности	Военно-патриотические качества развиваются через профессиональную идентичность и волевые усилия	Подчеркнули взаимосвязь патриотизма и социальной зрелости
5	К.К. Платонов (1982)	Структура личности и	Диагностика личностных установок и	Патриотические мотивы формируются	Создал психологическую основу

		мотивация поведения	мотивов (опросник Кеттелла, тест Лири)	как часть системы общественно значимых ценностей	диагностики мотивов патриотизма

Анализ показывает, что психодиагностические подходы играют ключевую роль в процессе формирования военно-патриотического мировоззрения молодежи, обеспечивая научную базу для выявления личностных особенностей, мотивации и ценностных ориентаций, что способствует развитию зрелой гражданской позиции.

Обсуждение. Современное общество предъявляет к молодежи особые требования, связанные с необходимостью формирования у подрастающего поколения прочной гражданской позиции, чувства долга и готовности к защите Родины. В этой связи проблема развития военно-патриотического мировоззрения приобретает не только социально-политическое, но и психологическое значение. Формирование патриотизма невозможно без глубокого понимания личностных особенностей молодежи, ее мотивационной структуры, эмоциональных установок и системы ценностей. Именно поэтому использование психодиагностических инструментов становится важнейшим компонентом воспитательной работы, позволяющим не только выявить уровень патриотического самосознания, но и определить направления его целенаправленного развития.

Психодиагностика в контексте военно-патриотического воспитания выступает как средство комплексного анализа личности. Она позволяет определить, какие психологические качества способствуют развитию у молодежи чувства ответственности, дисциплины, внутренней собранности и стремления к общественно значимой деятельности. Речь идет не только о выявлении готовности к военной службе, но и о более широком понимании — о формировании гражданской зрелости, основанной на осознанном отношении к государству, обществу и своему народу. Психологические исследования показывают, что у молодых людей с высоким уровнем патриотических установок наблюдаются развитое чувство социальной ответственности, устойчивость к стрессу, уверенность в себе и высокая самооценка. Эти качества напрямую связаны с позитивным восприятием служения Родине и готовностью к конструктивному взаимодействию с другими людьми.

Важным аспектом является индивидуализация подхода в процессе воспитания. Психодиагностические методы, такие как тесты мотивации, опросники ценностных ориентаций и методики определения уровня социальной ответственности, позволяют педагогам и психологам строить персонализированные программы воспитательной работы. Например, у студентов с выраженной потребностью в самореализации эффективнее развиваются формы патриотизма, связанные с профессиональным ростом и социальной деятельностью, тогда как у подростков с высокой эмоциональной чувствительностью целесообразно акцентировать внимание на духовных и нравственных ценностях. Таким образом, психодиагностика становится инструментом гибкого и адресного воздействия, помогающим не только диагностировать, но и направлять развитие личности.

Следует подчеркнуть, что военно-патриотическое мировоззрение не формируется исключительно через информирование или идеологические лозунги. Оно рождается в процессе личностного опыта, переживания сопричастности к общему делу, участия в значимых социальных проектах, волонтерской и культурно-просветительской деятельности. Психологическая диагностика позволяет определить степень эмоционального включения молодежи в эти процессы, выявить внутренние барьеры — равнодушие, апатию, неуверенность — и разработать способы их

преодоления. В этом контексте психодиагностика выполняет не только измерительную, но и коррекционно-развивающую функцию.

Не менее важным является и то, что применение психодиагностических средств способствует осмыслению самими молодыми людьми своих ценностных ориентиров. Диагностическая работа помогает подросткам и студентам лучше понять себя, определить свои жизненные приоритеты и соотнести личные цели с общественными задачами. Это особенно значимо в условиях информационной неопределенности и ценностного плюрализма, когда молодежь часто сталкивается с противоречивыми идеологическими влияниями. С этой точки зрения психодиагностика служит инструментом формирования внутренней устойчивости личности, ее способности сохранять моральные ориентиры и действовать в соответствии с ними.

Использование психодиагностических инструментов в процессе формирования военно-патриотического мировоззрения молодежи позволяет объединить научно-аналитический и воспитательный подходы. Диагностические данные становятся не только средством оценки, но и основой для педагогического проектирования, прогнозирования и коррекции воспитательных воздействий. Это открывает возможности для построения более эффективной системы работы с молодежью, в которой патриотизм рассматривается не как формальная обязанность, а как внутренне осознанная ценность и жизненная позиция. Именно комплексное применение психодиагностики, педагогики и психологии обеспечивает гармоничное развитие личности, способной ответственно воспринимать свое место в обществе, сохранять культурное и историческое наследие и активно участвовать в укреплении духовных основ государства.

Заключение. Итак, проведённый теоретико-практический анализ позволяет сделать вывод о том, что использование психодиагностических инструментов в процессе формирования военно-патриотического мировоззрения молодежи является одним из наиболее эффективных направлений современного психолого-педагогического сопровождения воспитательной работы. Психодиагностика, выступая как средство объективного исследования личностных особенностей, ценностных ориентаций и мотивационной сферы молодежи, обеспечивает научную основу для понимания динамики становления патриотического сознания. Она позволяет не только выявить уровень сформированности военно-патриотических установок, но и определить психологические ресурсы, потенциал и возможные затруднения личности в процессе гражданского и нравственного развития.

Результаты психодиагностических исследований дают возможность целенаправленно формировать индивидуальные программы воспитания, способствующие развитию чувства долга, ответственности, дисциплины и внутренней мотивации к служению обществу. При этом важно подчеркнуть, что патриотизм не может быть навязан извне — он формируется через осознание личной сопричастности к истории и судьбе своей страны, через внутреннее принятие культурных и духовных ценностей народа. Психодиагностический подход помогает педагогам и психологам глубже понять внутренний мир молодого человека, выявить ключевые психологические механизмы, влияющие на формирование мировоззрения, и своевременно корректировать воспитательные воздействия.

Кроме того, психодиагностика способствует развитию самопознания и рефлексии у самой молодежи, помогает осознать собственные жизненные цели, ценности и мотивы поведения. В этом заключается её гуманистическая функция — способствовать формированию зрелой, ответственной, социально активной личности, способной к критическому мышлению и осознанному выбору гражданской позиции.

Таким образом, интеграция психодиагностических методов в систему военно-патриотического воспитания обеспечивает научно обоснованный, личностно-ориентированный и комплексный подход к формированию патриотического сознания

молодежи. Это не только повышает эффективность воспитательной работы, но и способствует укреплению духовно-нравственных основ общества, развитию национальной идентичности и сохранению культурных традиций. В конечном итоге, такая работа направлена на формирование поколения, для которого любовь к Родине, чувство ответственности и готовность к служению являются не внешним требованием, а внутренней потребностью и осознанным жизненным выбором.

Литература.

1. Новикова Л.И. Воспитание гражданственности школьников. — М.: Просвещение, 1985. — 192 с.
2. Мудрик А.В. Социализация и воспитание личности. — М.: Академия, 1997. — 240 с.
3. Лихачев Б.Т. Педагогика: Курс лекций. — М.: Юрайт, 2001. — 368 с.
4. Деркач А.А., Мардахаев В.Г. Психология и педагогика гражданского воспитания. — М.: ИЦ «Академия», 2004. — 287 с.
5. Платонов К.К. Структура и развитие личности. — М.: Наука, 1982. — 254 с.
6. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Смысл, Эксмо, 2005. — 1136 с.
7. Сластенин В.А. Педагогика: Учебное пособие для вузов. — М.: Школа-Пресс, 2002. — 512 с.
8. Щуркова Н.Е. Педагогика: воспитание и обучение школьников. — М.: Академия, 2007. — 256 с.
9. Субботина Е.В., Михайлова Т.В. Психодиагностика в воспитательном процессе. // Вестник педагогических наук, 2016. — №3. — С. 58–64.
10. Емельянов Ю.Н., Александрова Е.А. Психологическая диагностика гражданской зрелости молодежи. // Психология и образование, 2015. — №4. — С. 91–98.
11. Абакумова И.В., Шмелёва А.Ю. Психолого-педагогические механизмы формирования патриотического сознания. — Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2018. — 214 с.
12. Радионова Н.Ф. Диагностика ценностных ориентаций личности. — М.: МГУ, 2013. — 128 с.
13. Лебедева О.В. Гражданская идентичность молодежи: социокультурный и психологический анализ. — СПб.: Изд-во РХГА, 2017. — 198 с.
14. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учебник для студентов вузов. — М.: Академический проект, 2010. — 384 с.
15. Субботина Е.В. Психологическое сопровождение патриотического воспитания молодежи. // Современная педагогика, 2019. — №5. — С. 72–79.

АНАЛИЗ САМОЛЕЧЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ТРЕТЬЕГО КУРСА УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Косс И.В., Гринкевич М.В.
(г.Гомель, Республика Беларусь)

Аннотация. *Данное исследование посвящено анализу распространенности и мотивации самолечения среди студентов 3-го курса Гомельского государственного медицинского университета (ГомГМУ) (n=150). Рассматриваются причины начала самолечения, текущие цели употребления лекарственных препаратов, осведомленность о рисках и влияние на академическую успеваемость. Особое внимание уделяется выявлению факторов риска развития зависимости и гендерным различиям в паттернах самолечения.*

Ключевые слова: *самолечение, студенты-медики, мотивация, факторы риска, медико-социальные последствия, гендерные различия.*

Abstract. *This study analyzes the prevalence and motivation of self-medication among 3rd-year students of Gomel State Medical University (GSMMU) (n=150). The reasons for starting self-medication, current goals of drug use, awareness of risks, and impact on academic performance are considered. Particular attention is paid to identifying risk factors for the development of addiction risks and ender differences in self-medication patterns.*

Keywords: *self-medication, medical students, motivation, risk factors, medical and social consequences, gender differences.*

Введение. В условиях высокой академической нагрузки и стресса студенты-медики часто обращаются к самолечению с целью улучшения концентрации, снятия тревоги и борьбы с усталостью. Особенно актуальны так называемые ноотропные препараты, которые направлены на улучшение когнитивных функций и адаптацию к стрессовым ситуациям. К ним относятся, например, глицин, пирацетам, а также анксиолитики, такие как адаптол и афобазол [2, 4]. Эти средства доступны без рецепта и широко используются студентами в попытках справиться с нагрузкой и эмоциональным напряжением.

Тем не менее, самолечение — это сложное явление, которое вызывает определенные опасения. Оно может привести к несоответствующему использованию препаратов, потенциальным негативным последствиям для здоровья и зависимости от них [1, 3]. В данной работе мы стремимся выявить масштабы использования этих препаратов среди студентов-медиков и проанализировать их психологические и социальные аспекты, учитывая значимость осознанного подхода к своему здоровью и благополучию.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 150 студентов 3-го курса лечебного факультета ГомГМУ (средний возраст 20.1±1.3 года). Для сбора данных использовался метод анонимного анкетирования на базе интернет-платформы Google Forms с последующей статистической обработкой данных в программе Microsoft Office Excel 2013 и Statistica 10.0.

Инструментарий исследования включал:

1 Авторскую анкету, разработанную для целей данного исследования. Анкета состояла из 46 вопросов, сгруппированных в тематические блоки: демографические данные, социальное окружение, личный опыт самолечения, влияние на здоровье и самочувствие, влияние на обучение, попытки отказа, мотивация и последствия.

Вопросы были направлены на оценку частоты и целей самолечения, используемых препаратов, осведомленности о рисках и опыте отказа.

2 Стандартизированные психологические методики: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, шкала ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина, а также тест на стрессоустойчивость (Ю.В. Щербатых, 2005).

Обсуждение. *Мотивационный профиль и последствия самолечения*

В таблице 1 представлены данные о мотивационном профиле самолечения, включая причины первого употребления и текущие цели, а также факторы риска развития зависимости.

Таблица 1.

Причины и цели самолечения

Параметр	Категория	Доля % (n=150)
Причина первого употребления	Стресс	41.3% (62)
	"Другие" причины	52.0% (78)
	Любопытство	9.3% (14)
	Расслабление	8.0% (12)
Текущие цели употребления	Снятие стресса/тревоги	34.7% (52)
	Чувство бодрости	28.0% (42)
	Улучшение концентрации	27.3% (41)
	Уменьшение тревожности	17.3% (26)
	Агрессивные состояния	19.3% (29)
	Поднять настроение	12.7% (19)
	Расслабление	8.0% (12)

В таблице 2 представлены данные о факторах риска, связанных с развитием лекарственной зависимости среди респондентов. Анализ показывает, что наиболее распространенной проблемой является психологическая зависимость, о которой сообщили 34.7% участников опроса. Эти показатели подчеркивают актуальность проблемы зависимости от медикаментов и необходимость своевременной профилактики.

Таблица 2.

Факторы риска развития лекарственной зависимости

Фактор риска	Проявление	Доля %	Количество студентов
Психологическая зависимость	Дискомфорт при невозможности употребить	34.7%	52
Толерантность	Необходимость увеличения дозы	34.0%	51
Компульсивность	Автоматическое употребление	21.3%	32

Медико-социальные последствия

В данном разделе представлены медико-социальные последствия самолечения, особое внимание уделяется осведомленности студентов о его рисках, восприятию влияния на различные системы организма и реальным негативным эффектам.

В таблице 3 представлена информация об осведомленности студентов о рисках, связанных с самолечением, а также о негативных последствиях, которые они могут

испытывать. Вся приведенная информация позволяет лучше понять медико-социальные последствия самолечения среди студентов.

Таблица 3.

Осведомленность о рисках и негативные последствия

Аспект	Оценка	Доля %
Осведомленность о рисках	Затрудняются ответить	69.3%
	Осведомлены о последствиях	21.3%
	Не знают о рисках	9.3%
Реальные негативные эффекты	Невозможность прекратить прием	21.3%
	Нарушения сна	17.3%
	Изменения настроения	12.7%
	Беспокойство о побочных эффектах	9.3%
Влияние на успеваемость	Пренебрежение учебой	32.0%
	Мешает учебе	14.7%

Среди реальных негативных эффектов, связанных с самолечением, выделяются нарушения сна (17.3%) и изменения настроения (12.7%). Кроме того, 32.0% студентов отмечают, что самолечение отвлекает их от учебы, что в свою очередь негативно сказывается на их академической успеваемости.

Попытки отказа и контроль над потреблением

Данные, представленные в таблице 4, подчеркивают актуальность проблемы самолечения среди студентов и необходимость разработки эффективных профилактических и терапевтических мер, направленных на повышение осознанности в отношении рисков самолечения, формирование навыков управления стрессом и развитие здоровых стратегий преодоления проблем со здоровьем.

Таблица 4.

Контроль над потреблением и попытки отказа

Параметр	Характеристика	Доля %
Способность к контролю	Сложности с отказом в стрессе	50.7%
	Могут воздержаться в стрессе	49.3%
	Могут воздержаться, зная о вреде	48.0%
Попытки прекращения	Успешные попытки	96.7%
	Неуспешные попытки	2.0%
	Не пытались	1.3%
Субъективная сложность отказа	Легко/довольно легко	90.7%
	Сложно/очень сложно	9.3%

Гендерный анализ (ключевые различия) (приведены в таблице 5)

Таблица 5.

Гендерный анализ

Параметр	Мужчины (n=47)	Женщины (n=103)	Разница
Первое употребление ≤16 лет	38.3%	42.7%	+4.4%
Основная причина: стресс	36.2%	43.7%	+7.5%
Частота: 3+ раза/месяц	31.9%	37.9%	+6.0%
Испытывают тревожность	42.6%	46.6%	+4.0%
Трудности отказа в стрессе	46.8%	52.4%	+5.6%

Женщины чаще начинают самолечение в более раннем возрасте, чаще используют его для снятия стресса, чаще употребляют препараты 3 и более раз в месяц, чаще испытывают тревожность и чаще испытывают трудности с отказом в стрессовых ситуациях.

Результаты. Исследование демонстрирует высокую распространенность самолечения среди студентов-медиков. Была выявлена сильная положительная корреляция между частотой приемов и количеством используемых препаратов ($r = 0.87$, $p < 0.001$). Полученный результат может свидетельствовать о формировании толерантности, что на практике приводит к необходимости увеличения дозировок или количества применяемых препаратов.

Мотивационный профиль: Доминируют адаптационные мотивы - стресс (41.3%), улучшение концентрации (27.3%), что отражает попытки справиться с академической нагрузкой. Риск зависимости: 21.3% демонстрируют признаки потери контроля над потреблением.

Гендерные различия: Женщины более уязвимы в отношении самолечения, что требует дифференцированного подхода в профилактических программах. Корреляция: Существует сильная положительная корреляция между частотой приемов и количеством используемых препаратов.

Вывод. Анализ данных о зависимости между частотой приемов лекарственных препаратов и их количеством у студентов медицинского вуза выявил сильную положительную корреляцию, что подчеркивает необходимость проведения дальнейших исследований для установления причинно-следственных связей. Для эффективной профилактики данной проблемы рекомендуется разработка программ по управлению стрессом, которые станут альтернативой самолечению, а также создание системы раннего выявления рисков зависимости.

Литература.

1. Данилов А.И., Фоминых С.Г. Нестероидные противовоспалительные средства в современной клинической практике. Практика применения нимесулида // Трудный пациент. – 2020. – Т.18, №5. – С. 40-43. [Danilov A.I., Fomin S.G. Trudnyj pacient. Difficult patient. – 2007. – №16(1). – P. 39-43. (in Russian)]

2. Жаркова Л.П., Андреева И.В., Пасечник Е.С., Козлов С.Н. Практика самолечения в городах России: результаты многоцентрового описательного исследования “ФарСаР” // Клиническая фармакология и терапия. – 2016. – №25(2). – С. 13-19. [Zharkova L.P., Andreeva I.V., Pasechnik E.S., Kozlov S.N. Klinicheskaja farmakologija i terapija. Clinical pharmacology and therapy – 2016. – №25(2). – P. 13-19. (in Russian)]

3. Козлов С.Н., Жаркова Л.П. Нестероидные противоспалительные средства – Смоленск: ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский униерситет», 2020 – 96 с. [Kozlov S.N., Zharkova L.P. Nesteroidnye protivospalitel'nye sredstva Nonsteroidal anti-inflamatory drugs – Smolensk: FGBOU VO «Smolensk state medical university», 2020 – 96 p. (in Russian)]

4. Макарова Д.А., Тараканова А.В. «Ноотропные препараты как средство достижения социального успеха: к проблеме постчеловечества» ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России, кафедра философии, гуманитарных наук и руково-дитель: асс. Чебан А.Г. Бюллетень медицинских Интернет-конференций (ISSN 2224-6150) 2016 Том 6 № 5.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Куваталиев М.Х.
(г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются социально-психологические особенности адаптации студентов к условиям высшего образования. Анализируются психологическое состояние студентов, влияние социального окружения, роль личной мотивации и коммуникативных навыков. Особое внимание уделено трудностям адаптации и путям их преодоления. Полученные результаты способствуют повышению эффективности психологической службы в вузах и успешной социализации студентов.*

Ключевые слова: *студенты, адаптация, высшее образование, социально-психологические особенности, мотивация, социализация.*

Annotatsion. *The article explores the socio-psychological characteristics of students' adaptation to higher education conditions. It analyzes students' psychological state, the influence of the social environment, as well as the role of personal motivation and communication skills. Special attention is given to the difficulties of adaptation and the ways to overcome them. The research findings contribute to improving the effectiveness of psychological services in universities and ensuring students' successful socialization.*

Keywords: *students, adaptation, higher education, socio-psychological characteristics, motivation, socialization.*

В мировых образовательных и научных центрах через формирование социально-психологических аспектов адаптации студентов к условиям университетского образования возникает необходимость проведения исследований, направленных на заботу о молодежи независимо от её национальности, расы, языка, религии, социального положения, пола, уровня образования и политических убеждений; на правовую и социальную защиту молодежи; на сохранение и передачу из поколения в поколение национальных и культурных традиций, обеспечение духовной преемственности поколений, поддержку молодежных инициатив, гарантирование им свободного выбора путей реализации своих интересов; на развитие общества, а также на формирование механизмов, служащих единству прав и обязанностей, свобод и гражданской ответственности.

Современный XXI век как эпоха высоких информационно-технологических достижений также является временем, когда влияние глобальных изменений на человеческий фактор, общество и сознание молодежи с каждым днём усиливается. В таких условиях перед исследователями, интеллигенцией, педагогами, а также социальными психологами встают актуальные вопросы, среди которых особое место занимает задача формирования всесторонне образованного, компетентного, высокодуховного поколения, разработки эффективных социально-психологических механизмов формирования отношений, возникающих в процессе восприятия молодежью социальной действительности, и внедрения их в практику. Действительно, в условиях современной системы образования формирование у молодежи отношения к происходящей в информационную эпоху социальной действительности является важнейшим критерием становления будущих специалистов, наследников нашего будущего, творчески мыслящих и высоконравственных личностей.

«Социальная психология, исследуя личность в системе широкомасштабных социальных отношений, уделяет особое внимание изучению того, как личность

формируется, как возникает её отношение к социальной действительности и какие действенные факторы и механизмы обеспечивают формирование этого отношения с научно-психологической точки зрения» [1].

В настоящее время общества всех стран переживают глубокий кризис, мы непосредственно наблюдаем этот процесс и одновременно являемся его участниками. Неспокойность, постоянная социальная нестабильность в современную эпоху становятся специфической особенностью адаптации студентов к условиям университетского образования, при этом изменения происходят стремительными темпами. Дискуссии о роли процессов глобализации в изменении социальной идентичности ещё не завершены: как возникла проблема цифрового общества, каковы проявления этой современности и её будущего облика? Последние тенденции выражаются в новых формах закрепления культурного опыта, в новых типах идентичности, где виртуальное, цифровое и реальное «Я» объединяются. В конечном счёте, социальная реальность отличается своей сложностью, мозаичностью, многоуровневостью и многоступенчатостью, изменчивостью, что затрудняет её описание и понимание.

Поступление в высшее образование является важным этапом для многих студентов, требующим жизненных изменений и адаптации. В этот период студенты должны приспособиться к новой образовательной среде, академическим требованиям, социальным нормам и отношениям. Успех адаптации напрямую влияет не только на индивидуальное психологическое состояние (стресс, настроение, эмоциональный фон), но и на привязанность к университету, продолжение обучения и достижения в нём. Поэтому адаптация студентов имеет научную и практическую актуальность: она служит основой для разработки стратегий вмешательства преподавателями, администрацией и психологами.

Цель исследования заключается в систематическом изучении социально-психологических особенностей адаптации студентов к условиям высшего образования и разработке практических рекомендаций. Научные задачи включают: анализ теоретико-методологических подходов; представление информации об инструментах, широко используемых для измерения адаптации, и их валидности; обобщение эмпирических исследований и экспериментов в данной области; выявление основных факторов, влияющих на адаптацию студентов, и описание регулирующих механизмов; а также разработку практических рекомендаций для высших учебных заведений и психологических служб.

Что касается социализации студентов в нашей стране, то рассмотрение проблемы социализации началось в середине 1990-х годов. Это совпало с обращением многих учёных прошлого века к вопросам социальной роли личности. Среди них нельзя не отметить труды М.Г. Давлетшина, В. Каримовой, Н. Сафаева, Б. Кодирова, З. Нишоновой, Ф. Акрамовой и других. Основы современной теории социализации, социально-психологической адаптации, её дальнейшее развитие были заложены и продолжают разрабатываться учёными нашей страны.

«Социальные процессы, являющиеся выражением социальной изменчивости, включают в себя две взаимосвязанные стороны явления — изменение и сохранение. Социальные изменения — это различные преобразования, происходящие у социальных субъектов, в духовных процессах общества, мотивах поведения и других аспектах».

Кроме того, в исследованиях молодых отечественных учёных, например, в работе М. Думарова «Психологические аспекты формирования отношения молодёжи к социальной реальности» отмечается: «Социальные процессы могут протекать на уровне межличностных отношений, малых и больших групп, организаций и институтов. Однако социальные изменения возможны только на фоне сохранения целостности социальных субъектов. Таким образом, форма течения социальных процессов — это

диалектическая связь изменений и вместе с тем сохранение структурных элементов социальной системы». Сегодня появляется возможность исследовать социальные отношения в больших и малых группах именно с учётом этих закономерностей, что усиливается процессами глобализации.

Среди западных учёных стоит отметить модель «Student Integration», разработанную В. Тинто в 1975 году, которая подчёркивает важность академической и социальной интеграции для продолжения и успешности обучения студентов [2]. Согласно модели, цели и обязательства студента по отношению к институту, а также его академическая и социальная интеграция определяют вероятность успешного продолжения образовательного процесса. В 1984 году А. Астин в своей теории «involvement» показал, что активность студентов и уровень их вовлечённости в деятельность института напрямую влияют на их результаты [3]. Студенты, активно интегрирующиеся в университетское сообщество, оказываются психологически более устойчивыми.

Для оценки студентов широко используется инструмент, разработанный Бейкером и Сириком, — «Student Adaptation to College Questionnaire», который измеряет академический, социальный, институциональный и личностно-эмоциональный компоненты адаптации [4]. Многочисленные исследования по его валидации подтвердили прогностическую способность и надёжность инструмента.

Другие теоретические направления, такие как модели «стресс-адаптации», также дают дополнительные представления о процессе адаптации студентов: например, независимость, социальная поддержка, внутренняя мотивация и опыт привязанности влияют на результаты адаптации.

В изученной литературе и эмпирических исследованиях Тинто (1975, 1987) выдвигает теоретическую основу, согласно которой академическая и социальная интеграция являются важными факторами для студентов. Его модель применяется для объяснения отчисления студентов.

Бейкер и Сирик (1984, 1989) — разработчики инструмента «SACQ»; данный опросник чётко измеряет академические, социальные, институциональные и личностно-эмоциональные факторы адаптации и в ряде исследований используется для прогнозирования продолжения обучения студентами.

«Systematic review» (2022) — систематический обзор исследований по адаптации студентов первого курса; показаны ключевые индикаторы и риски (стресс, тревожность, депрессия, успеваемость), а также то, что широко применяются «теория привязанности» (Attachment Theory) и «теория самодетерминации» (Self-Determination Theory).

Работа «Homesickness and Adjustment» (English и др., 2016) демонстрирует на основе лонгитюдного анализа, что первокурсники с высоким уровнем тоски по дому сталкиваются с трудностями в адаптации.

«SACQ predictivity studies» (Kaase, 1994 и др.) показывают, что опросник «SACQ» помогает выявлять факторы, предсказывающие риск отчисления студентов в некоторых условиях, однако его общее применение может быть ограничено в отдельных институтах.

Региональные исследования (университеты Центральной Азии) — например, работы по социально-психологической адаптации первокурсников в «Al-Farabi KNUniversity» подчёркивают значение регионального контекста и социальной поддержки.

В последние годы (2023–2025) активно публикуются библиометрические и эмпирические исследования адаптации иностранных студентов, в которых особое внимание уделяется психологической и социокультурной адаптации. Среди ключевых факторов отмечаются дружеские отношения со студентами принимающей страны, социальная интеграция и культурная адаптация.

Анализ литературы и экспериментов позволяет выделить следующие основные научные положения: адаптация студентов — это многофакторный феномен, включающий академический, социальный и личностно-эмоциональный компоненты. Социальная интеграция (позитивные связи с однокурсниками и преподавателями) и академическая интеграция (успехи в учёбе, управление временем) усиливают адаптацию. Экономические трудности, семейные и культурные различия замедляют её и в ряде случаев приводят к негативным психологическим последствиям.

Кроме того, интервенции — целевые семинары для первокурсников, наставничество (peer mentoring), психологическое консультирование — показали эффективность в улучшении адаптации студентов, однако результативность этих вмешательств зависит от контекста (ресурсы университета, культурные особенности).

В заключение следует отметить, что адаптация студентов к условиям высшего образования — это сложный и динамичный процесс, который зависит не только от индивидуально-психологических факторов (мотивация, стресс, тоска по дому), но и от социальных и институциональных условий (социальная поддержка, академическая среда, качество образования). Теоретические подходы (Тинто, Астин и др.) и эмпирические исследования дают ценные сведения о ключевых механизмах адаптации и практических мерах.

Практические рекомендации по теме:

1. На уровне университетов: создание интегрированных программ поддержки первокурсников (вводные семинары, учебные сообщества, наставничество);
2. Психологические службы: расширение возможностей раннего выявления (скрининг) и краткосрочных психологических интервенций (занятия в стиле КПТ, тренинги по управлению стрессом);
3. Преподаватели и администрация: адаптация академических требований и методов обучения с учётом потребностей новых студентов;
4. Региональные исследования: более глубокое изучение специфических факторов адаптации в контексте Центральной Азии и Узбекистана (семейная структура, культурные ценности, языковые трудности);
5. Мониторинг и оценка: регулярный мониторинг адаптации студентов с использованием опросника SACQ или локально адаптированных инструментов.

Список литературы.

1. Каримова В.М. Социальная психология. Т.: Университет, 2000. – 196 с.
2. Tinto, V. (1975). Dropout from higher education: A theoretical synthesis of recent research. Review of Educational Research, 45(1), 89–125.
3. Baker, R. W., & Siryk, B. (1984). Measuring adjustment to college. Journal of Counseling Psychology, 31, 179–189.
4. Kaase, K. J. (1994). The ability of the Student Adaptation to College Questionnaire...

НЕОРГАНИЗОВАННАЯ МОЛОДЕЖЬ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ ЕЁ АДАПТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

Кудратова Л.Р.
(г.Ташкент.Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются что достаточно глубокие научные исследования неформального молодежного движения в нашей стране только начинаются, а жизнь изменяется круто, быстро и неожиданно, порождая трудно прогнозируемые изменения в самих подростках.*

Ключевые слова: *концепция, воспитания, молодежи в патриотическом духе, ответственность за судьбу Родины.*

Annotation. *This article discusses that fairly in-depth scientific research into the informal youth movement in our country is just beginning, and life is changing abruptly, quickly and unexpectedly, giving rise to difficult-to-predict changes in the teenagers themselves.*

Keywords: *concept, education, youth in a patriotic spirit, responsibility for the fate of the Motherland.*

Президент Узбекистана Ш.Мирзиёев подчеркнул, что самой приоритетной задачей должно быть создание широких возможностей для молодежи, чтобы она ставила перед собой амбициозные цели и достигала их. С этой целью в Узбекистане проводятся масштабные реформы, руководствуясь идеей «Новый Узбекистан начинается с порога школы, с системы образования и воспитания»[11]. Концепция воспитания молодежи в военно-патриотическом духе разработана на основе основных принципов и приоритетов государственной молодежной политики в стране, путей и средств их решения, роли и значения государственных и негосударственных образований, государственных организаций, семьи, общества, образовательных учреждений в этом отношении, их взаимодействие с учетом национальных и международных правовых норм. В данной Концепции вопрос воспитания молодежи в духе военного патриотизма рассматривается как неотъемлемая часть интегрированной системы образования. Особое внимание уделяется вопросу совершенствования воспитания физически и духовно здорового поколения.

В концепции определено, что объектами воспитания молодежи в духе военного патриотизма являются:

- воспитанники дошкольных образовательных учреждений;
- учащиеся общего среднего образования;
- учащиеся средних специальных, профессиональных учебных заведений;
- студенты высших учебных заведений;
- молодые люди, работающие на предприятиях и в организациях;
- неорганизованная молодежь[12]

Ценности и идеалы подростков из неформальных групп общения.

Для того чтобы понять «трудных» подростков и юношей из неформальных молодежных групп, надо знать историю возникновения и развития этих групп в мире, их современные виды, причины возникновения

Основные варианты молодежной социализации – это норма и отклонения от нее. Нормальные неформалы стремятся к возрождению своей страны на основе нравственности и духовной свободы. Но что такое «нормальные неформалы»? Один

[11] .Послания Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева к Сенату и Законодательной палате Олий Мажлиса

[12] Концепция воспитания молодежи в военно-патриотическом духе от 23.02.2018 г. № 140

только термин – неформалы, современное общество воспринимает уже, как что-то противоправное, неорганизованный, а значит нигде не числящееся, не имеющее прав. И тут же появляется негативная реакция на подобную терминологию и ее непринятие. А на самом деле нормальные неформалы – это как раз те молодые люди, юноши, подростки, которые считают себя свободными от общества, от его законов и требований. Они сами себе устанавливают и диктуют свои законы, морали и права. Они живут «по-своему», у них свой мир, свой социум. Они провозглашают свои, свободные, взгляды и идеи на жизнь. Они никому не навязывают свою точку зрения, а просто открыто показывают что, вот, они такие и лучше будет, если общество будет принимать их такими какие они есть. Они хотят так жить .

Пути нормальной и отклоняющейся социализации молодежи находятся в рамках той культуры, в которой эта молодежь существует. И в тот момент, когда данная культура начинает не соответствовать определенным требованиям и запросам молодежи, она начинает уходить на второй план и терять свою значимость. Ведь культура определяет очень многое в среде подростков, она помогает им с жизненными установками, определяя их основную роль в обществе, в своем социуме или группе. Пути нормальной и отклоняющейся социализации молодежи находятся в рамках той культуры, в которой эта молодежь существует. И в тот момент, когда данная культура начинает не соответствовать определенным требованиям и запросам молодежи, она начинает уходить на второй план и терять свою значимость. Ведь культура определяет очень многое в среде подростков, она помогает им с жизненными установками, определяя их основную роль в обществе, в своем социуме или группе.

Из прошлого, когда в 70-е – 80-е гг. расцвет национализма и шовинизма достиг наивысшей степени своего развития, уже в конце 80-х – начале 90-х гг. молодежь отвергла данную пропаганду. И приобрела новую идею, идею Западной культуры. Повальное поклонение молодежи западной культуре, привело к ханжескому отношению к своей собственной.

Подросток начинает видеть и осознавать преимущество западной и недостатки своей культуры. Выделяются такие крупные взаимосвязанные течения, как потребительство и подражание всему западному, зарубежному. Молодые люди хотят жить лучше, соответствовать высоким стандартам современного общества, их очень мало утешает соображение о том, что в 20-30 лет назад жили гораздо хуже.

Они тогда не жили и это их не волнует. Отсюда и интерес ко всему западному, прежде всего, к бытовой технике, несравненно лучшей по качеству, чем отечественная, к одежде и т.д. Для того, чтобы естественное желание жить лучше превратилось в принципиальную установку на материальное обогащение, чтобы желание узнать и использовать передовой западный опыт обернулась «низкопоклонством» перед всем западом. Для этого необходимо одно – отсутствие идейного противовеса. И действительно, чем громче провозглашались противоположные идейные ценности, бескорыстие, патриотизм, интернационализм, тем больше они оборачивались нестерпимой для молодежи обстановки мертвой бюрократической лжи.

Когда что-то идет явно «не туда» срабатывает безусловный рефлекс «быстрого реагирования». В общем, главное сводится к тому, что на социальные процессы, происходящие в молодежной среде нельзя нелепо, механически давить извне, прямо требуя того результата, который нам нужен. Это давление чаще всего разворачивается бумерангом. На органические социальные процессы можно действовать только в соответствии с их внутренней логикой. Главное – понять, попытаться каким-то образом войти изнутри в их мир, в их контркультуру. Только тогда можно увидеть из чего состоит внутренняя жизнь подростков-неформалов, увидеть и услышать их по-настоящему.

Открытые сердца, только там, внутри контркультурного мира. Ведь, на самом деле, пока еще нет точных научных статистических данных о том, как влияет на подростков участие в различных его молодежных движениях, здесь нужны массовые

психологические исследования, которые тоже, к сожалению, пока не проведены. Известны лишь причины вхождения в контркультуры, а также какие ценности и идеалы соответствуют молодежи из неформальных течений.

Ценности и идеалы подростков из неформальных групп общения.

Для того чтобы понять «трудных» подростков и юношей из неформальных молодежных групп, надо знать историю возникновения и развития этих групп в мире, их современные виды, причины возникновения.

Г.Хебнер дает краткий очерк послевоенной истории неформальных молодежных групп в странах Запада, где они приобрели наибольшую выраженность. Возникновение их связано с неприятием молодежью сложившихся в их странах общественно-экономических систем, социальных и духовных ценностей. Это протест против существующих порядков и поиск более справедливых и достойных форм человеческого существования. Этот молодежный протест значительно усилился в период общественных переломов и кризисов. В конце 40-х – начале 50-х годов в различных западных странах стали появляться в значительном количестве небольшие группы молодежи, стремившиеся обособиться от окружающего общества, противопоставить себя ему. У них появились особые прически и одежда, специфические жесты и язык, способы поведения и особые формы искусства, в первую очередь музыки. Для них характерен пристальный интерес к самому себе и себе подобным, к музыке, и в тоже время пробуждающееся стремление к участию в политической жизни. Таковыми были, в частности, битники, не имевшие постоянного места жительства, обитавшие в подвалах, носившие примитивные одежды. Свой образ жизни они демонстративно противопоставляли презираемому ими буржуазному комфорту. Они были заняты поисками смысла жизни и не отвергали работу, но лишь по желанию и насколько это необходимо для поддержания жизни 1953 – 1954 гг. – начало Эры рок-н-ролла. Его звезды: Билли Хейли, Бадди Холли, Чак Берри, Элвис Престли. Рок-н-ролл возник из соединения африканского блюза и музыки североамериканского юга. С помощью дискотек рок начал формировать новый тип массовой культуры, затрагивая широкий круг проблем – от секса до внешней политики. Правящие круги западных стран, преодолев первоначальную враждебность, не препятствовали распространению рока. Они лишь постарались с помощью средств массовой информации убрать в музыке ноты протеста и использовать ее в таком виде для «спускания пара из котла» - устранение общественного недовольства, отвлечение внимания от острых и нерешенных социальных проблем. В 1964 году появилась молодежная группа mods. Возраст участников колебался от 12 до 20 лет. Это выходцы из семей квалифицированных рабочих. Пародируя принятые в обществе манеры поведения, они были подчеркнуто тщательны в одежде и прическах. Трудясь в рабочие дни недели, они бунтовали по выходным в местах публичного отдыха. Выступая подобно «сердитым молодым людям» и теддам, против окружающих, они делали это в скандальной кричащей форме.

На смену всем предшествующим молодежным группам пришло несравненно более массовое и мощное хип-движение. Своего пика оно достигло в 1967 году. В течение ряда лет хиппи заполняли улицы больших городов Западной Европы и Северной Америки. В большинстве своем хиппи вышли из зажиточных мелкобуржуазных семей, некоторые – из «высшего света». В противоположность идеалам современного западного общества хиппи выдвинули свою, более гуманистическую как они считали, систему ценностей. «Творите любовь, а не войну» - один из лозунгов хип-движения. Они подчеркивали красоту земного мира, радости, богатства человеческих чувств. В одежде хиппи использовали красочные атрибуты разных национальных культур: буддистские четки, индейские талисманы, амулеты, мокасины, европейские гитары и губные гармошки. Символом хип-движения были цветы. Они означали для них любовь и естественную, не изуродованную условностями

человеческую жизнь. Хиппи критиковали поколение отцов за то, что оно опошлило и сделало карикатурным все естественные проявления человеческой сущности: труд, общение, игру, юмор. Короче, жизнь стала и «кладбищем комфорта и роскоши», а хиппи не хотели быть «заживо похороненными». Они протестовали против приглаженности, серости, однотонности жизни, ее бездушности, подчиненности формальным правилам, подавления индивидуальности. В эти же кризисные годы молодежного движения возникают разнообразные революционные секты. Они стремятся «евангилизировать контркультуру». Получают также распространение и другие религиозные взгляды и верования, особенно связанные с индуистской философией.

В последующие годы возникло и стало широко распространяться новое молодежное неорганизованный движение – киберпанкизм. Оно происходит от слов «кибернетика» и «панк». Американский писатель У.Гибсон в романе «Невроманктик» описал мир киберпанков, в котором живут девушки с остекленевшими взорами и взвинченные юноши. Мозги молодых людей присоединены к техническим устройствам, усиливающим умственные возможности. Имеются две категории киберпанков: осознающие и не осознающие свою принадлежность к киберпанкам. Вторых значительно больше. Это люди разных профессий, возрастов, социальной принадлежности, которые страстно влюблены в компьютеры. В новой субкультуре киберпанков персональный компьютер ценится очень высоко. Полотна киберпанков, выполненные средствами компьютерной графики, уже выставляются в картинных галереях. Журналы киберпанков издаются на компьютерах и передаются на экраны по компьютерным сетям. Сегодня молодежные движения как многие общественные движения современности имеют глобальный характер. Наша молодежь, переставая быть молодежью закрытого общества, широко включилась в него, перенимая достоинство и недостатки неформалов других стран. В то же время у наших неформальных молодежных движений имеется и своя специфика. Они редко и свои, особые формы. Остановимся на том, какие неформальные объединения подростков и юношей существуют в наших крупных городах. Исследователи различают конструктивные и неконструктивные неформальные объединения. Первые нередко выступают за более радикальные формы общения. Некоторые неформалы ставят более узкие задачи: сохранение и восстановление памятников истории и культуры, защита здоровья и пр. конструктивные группы состоят обычно из взрослых и юношей. Наряду с ними существуют неконституционные объединения, формирующиеся преимущественно из подростков.

Надо сказать, что достаточно глубокие научные исследования неформального молодежного движения в нашей стране только начинаются, а жизнь изменяется круто, быстро и неожиданно, порождая трудно прогнозируемые изменения в самих подростках. Одним словом, молодежь - решающая сила в построении великого государства будущего! Если мы последовательно организуем планомерную работу, мобилизуем все силы и возможности в этом направлении, мы неизбежно добьемся определенного результата.

Список использованной литературы.

1. Послания Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева к Сенату и Законодательной палате Олий Мажлиса

2. Концепция воспитания молодежи в военно-патриотическом духе от 23.02.2018 г. № 140

3. Камилова Н. Г., Шарипова Д. Д. Формирование психологической культуры у неорганизованной молодежи – важный механизм реинтеграции в социум 162 Вестник интегративной психологии 2020 выпуск 21

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Курбонова У.Н.
(г. Бухара.Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматривается значение социально-психологических систем в эффективном управлении высшими учебными заведениями, а также направления и методы их совершенствования. Кроме того, отмечается, что в условиях глобализации психологическая подготовка квалифицированных кадров в высших учебных заведениях поднялась до уровня государственной программы.*

Ключевые слова: *высшие учебные заведения, социально-психологическая система, эффективность управления, управление стрессом, коммуникация, образовательный менеджмент, современный менеджмент.*

Annotation. *This article will highlight the importance of socio-psychological systems in the effective management of higher education institutions and the directions and methods of their improvement. It is further highlighted that in the current globalization process, the psychological training of mature personnel in the higher education system has risen to the level of the state program*

Keywords: *higher education institutions, socio-psychological system, management efficiency, stress management, communication, Educational Management, modern management.*

Сегодня высшие учебные заведения стремятся создать условия для человек как субъект труда, познания и общения, как система, для которой он предназначен путь к формированию и развитию. В связи с этим Высший повысился уровень психолого-педагогических услуг образовательных учреждений, субъективный обеспечение условий для развития потенциала личности, личностного более адекватное понимание своих возможностей возраст во время учебы в университете воспитание познавательного опыта, расширение собственных психологических возможностей и разнообразие накапливает в себе силы в преодолении трудностей. Психологические службы, созданные в ряде высших учебных заведений, сегодня не существует тем не менее, к получению знаний и новому процессу обучения у студентов формируются навыки адаптации. Основная цель статьи сегодня психолого-педагогическое сопровождение в процессе обучения студентов в вузах является теоретическим и практическим обоснованием и определением особенностей помощи.

Психолого-педагогическое сопровождение-непрерывный, длительный процесс также определяется как специально обучен ожиданию, диагностике и разрешению участие педагога-психолога в решении личных проблем ученика направляется. Т. I. Волкова рассматривает психолого-педагогическую помощь как оказывается один из видов психологического обеспечения профессиональной подготовки студента части. Итак, A. V. Брушлинский психологический и в университете, который считает педагогическую поддержку основной проблемой профессиональная подготовка студента в первую очередь направлена на саморазвитие создание системы условий. Он утверждает, что общая система, студенческая личностные, психические качества и процессы особенно важны для высшего образования: к ним относятся мотивация, способности, рефлексия и т. д. С этим вместе он находится в них, когда учащиеся осваивают соответствующие психологические знания и психотехнику будет хороший

результат и свой. Что является важным условием творческого развития учащихся, A.V. В своей научной работе Брушлинский также рассматривал студенческая психология о преодолении жизненных трудностей и истинной эффективности науки а также интерес к этой науке. Итак, т. G. Яничева организация психолого-педагогической помощи определяет систему как диагностику, направленную на создание оптимальных условий, образовательные и развивающие мероприятия личностное развитие будущего специалиста психолого-педагогическая помощь многоуровневая организация учебной деятельности в условиях профессиональной подготовки студента могут быть процесс содействия формированию у специалиста ряда личностных качеств представлено как, как

- способность делать независимый, информированный, свободный и ответственный выбор и готовность;
- стремление к профессиональной подготовке после окончания учебы, самостоятельному профессиональному развитию и самосовершенствование; - психологическая готовность к профессиональной деятельности в соответствии с полученными знаниями профессиональная приобретение навыков и умений. Основная цель психолого-педагогической помощи-воспитание у каждого их развитие в процессе обучения ученика и индивидуальность каждого применение тактики взаимодействия с учеником исходя из его особенностей будет необходимо. Задачи психолого-педагогической помощи в системе высшего образования, обеспечение психолого-педагогического сопровождения студентов вузов новыми и содействовать успешному профессиональному обучению в социальных условиях, обучающемуся и формирование доверия и атмосферы в системе воспитателя. Суть профессионально-психологической помощи в процессе обучения заключается в следующем можно определить специалисты в области психофизиологии и профессионального отбора комплекс мер, осуществляемых старшеклассниками и психологической диагностики и психолого-педагогической подготовки учащихся, индивидуальный подход лиц, испытывающих различные трудности выявление психологических особенностей и глубокого обучения и адаптации трудности, а также их функциональное психическое состояние и работоспособность проведение коррекционно-профилактической работы и эффективность воспитательной деятельности, формирование и развитие личности, имеющей профессиональное значение качества, повышение качества подготовки специалистов в целом.

К основным видам деятельности психолого-педагогического сопровождения относятся входит: оценка типа психической и интеллектуальной деятельности человека;

определение профессиональной ориентации и развития выпускников психологические рекомендации по выбору будущей профессии;

и успешности преподавания и социально-психологической адаптации в образовании прогнозирование;

формирование и поддержание мотивации к учебной и профессиональной деятельности;

лиц, нуждающихся в психологической поддержке в процессе подготовки к поступлению выявление и консультирование студентов первого этапа обучения в вузе и давать описания;

проведение психологических тренингов и психолого-педагогических тренингов; а психофизиологическая коррекция с лицами, испытывающими трудности проведение и адаптация мероприятий.

Вместо заключения хочу сказать, что таким образом, психолого-педагогическое сопровождение в понимании наиболее важными считаются следующие моменты, т.е.психолого-педагогическое сопровождение поддержка-это технология, которая создает комфортные условия для ученика, учителя, развитие личности сотрудника

вуза и их дальнейшее, успешное производительность служит для личного и профессионального развития. Психологический а педагогическое сопровождение–это организационная, социально-психологическая система и профессиональная и психологические меры, направленные на оптимизацию личностного развития стать будущим специалистом и реализоваться в рамках психологической службы вуза повышается. Психологическая поддержка включает не только контингент студентов, а также другие элементы высшего учебного заведения и формирование позитивного психологического климата.

Список литературы.

1. Петровский A.V. Общая психология. — Т.: "Учитель", 1992. Давлетшин M.G.
2. Психология современного школьного учителя. — Т.: Изд-во ТГПУ, 1997.
3. Общая психология, возрастная психология и педагогическая психология. Гомезо под редакцией. — Т.:» Восток", 1982.
4. Н. Детская психодиагностика. — Т.: Изд-во ТГПУ, 1999.
5. Газиев Э. Психология интеллекта. — Т.: "Учитель", 1996. Газиев Э. Развитие психики человека. — Т.: "Учитель", 1996.
6. Рогов A.I. Настольная книга школьного психолога. — M.: Не путать с «znanie», 2004.
7. Кривоногова A.C. Problemлакова метод исследования проблемы профессионального образования // вестник Минского университета.2017.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Маторазов Г. А.

(г. Ургенч Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье анализируется взаимосвязь формирования политического сознания и психологических особенностей. Научно обосновано, как познавательные, эмоциональные и социальные особенности подросткового возраста неразрывно связаны с формированием политических взглядов. В статье раскрывается влияние семьи, школы, групп сверстников и социальных сетей на политическую социализацию подростка, важность поиска личной идентичности, критического мышления, эмоциональной стабильности и социальной уверенности. Кроме того, даны рекомендации по гармонизации психолого-педагогических подходов в образовательном процессе с целью развития политического сознания.*

Ключевые слова: *политическое сознание, психологические факторы, подростковая психология, социальная уверенность, идентичность, критическое мышление, гражданское сознание, медиаграмотность.*

Annotation. *This article analyzes the relationship between the formation of political consciousness and psychological characteristics. It is scientifically substantiated how the cognitive, emotional and social characteristics of adolescence are inextricably linked with the formation of political views. The article reveals the influence of family, school, peer groups and social networks on the political socialization of a teenager, the importance of searching for personal identity, critical thinking, emotional stability and social confidence. In addition, recommendations are given on the harmonization of psychological and pedagogical approaches in the educational process in order to develop political consciousness.*

Keywords: *political consciousness, psychological factors, adolescent psychology, social confidence, identity, critical thinking, civic consciousness, media literacy.*

Политическое сознание – это система знаний, оценок, настроений и чувств, посредством которых осуществляется понимание политической сферы субъектами – отдельными людьми, группами, народами и т. д. Политическое сознание – это система идей, теорий, взглядов, чувств, убеждений, настроений, отражающих природу, материальную жизнь общества и всю систему общественных отношений; это система знаний и оценок, в результате которых происходит осознание политической сферы субъектами, выступающими в виде отдельных людей, групп, классов, общностей. Оно является необходимым элементом функционирования и развития всей политической системы. Сущность политического сознания заключается в том, что оно является результатом и одновременно процессом отражения и развития политической действительности с учетом интересов человека.

Идея и понятие политического сознания имеют свою специфику, зависящую от отдельного человека – рядового члена общества, от классовой стратификации в нём и всего общества и нации, особенно разработанную в марксизме. Она остаётся популярной в философских школах СССР и постсоветского пространства. В советское время понятие «политическое сознание» изначально не выделялось, а массовое сознание изучалось как более широкое понятие – подсистема общественного сознания. Отечественные обществоведы наиболее полно раскрыли сущность этого понятия, наибольший вклад в теоретическую разработку которого внесли А. К. Уледов, А. Г. Спиркин, Б. А. Грушин и другие.

Первая группа психологических факторов, влияющих на формирование политического сознания у подростков, – это когнитивные факторы, которые связаны с познавательными процессами подростка, уровнем мышления и способностью к переработке информации. При достаточном когнитивном развитии подросток может самостоятельно анализировать политическую информацию, сопоставлять различные источники и делать критические выводы. Вторым важным фактором является эмоциональная устойчивость. В связи с силой и интенсивностью эмоций в подростковом возрасте эмоциональные реакции на политические события также интенсивны. Если эмоциональное равновесие недостаточно сформировано, подросток может реагировать на политические события с чрезмерно острыми, порой радикальными взглядами. Поэтому развитие эмоциональной грамотности, управление стрессом и социально-эмоциональная поддержка являются необходимыми психологическими условиями для здорового формирования политического сознания.

Третий основной фактор — личностная идентичность и концепция «Я». В процессе осознания своего места в обществе подросток также ищет свою политическую идентичность: какие ценности ему подходят, к каким группам он близок, каким институтам доверяет. Если в обществе существует практика создания среды открытого диалога, учёта голоса молодёжи и вовлечения её в процесс принятия решений, политическая идентичность формируется в позитивном и конструктивном направлении. В противном случае нарастают равнодушие, отчуждение и политический цинизм.

Агенты социализации — семья, школа, сверстники и СМИ — играют важнейшую роль в формировании политического сознания. Семья обеспечивает первичную среду социализации, а политическая активность родителей и открытость к политическим темам дома напрямую влияют на политические взгляды подростков. Школа обогащает политические знания подростков, повышая уровень гражданского образования и правовой грамотности. Группы сверстников, в свою очередь, способствуют развитию навыков обсуждения, аргументации и отстаивания политических взглядов по политическим вопросам. Социальные сети и цифровые медиа как источники

политической информации расширяют политическое сознание подростков, но также несут в себе риск дезинформации и требуют развития навыков критического мышления.

Кроме того, социальное доверие и чувство «я могу это сделать» (самоэффективность) являются ключевыми психологическими ресурсами, определяющими вероятность участия подростка в политических процессах. Если подросток верит, что его мысли и действия приведут к результатам, он будет активно участвовать в волонтёрской деятельности, молодёжных советах, социальных проектах и процессах принятия решений в школе. Это, в свою очередь, ещё больше укрепляет его политическую идентичность и повышает гражданскую активность.

Развитие политического сознания и правосознания в подростковом возрасте тесно связано не только с когнитивной зрелостью, но и с социально-эмоциональным развитием личности. Современные психологические исследования показывают, что в подростковом возрасте человек начинает по-новому воспринимать социальную среду, глубже осознаёт нормы и правила общества и стремится адаптировать к ним свою жизненную стратегию. Положительное изменение отношения к праву связано со формированием у личности «правового Я». Это, в свою очередь, активизирует процесс интеграции правовых установок, то есть правовых знаний и ценностей, в личную жизненную стратегию личности.

Наблюдаемый рост результатов эксперимента (с 8 до 11, с 10 до 14 лет) свидетельствует об изменении установок и правовых установок подростков в отношении права, которые в результате целенаправленного психолого-педагогического воздействия существенно смещаются в положительную сторону. Эти результаты свидетельствуют о гармоничном развитии когнитивного компонента (знания), аффективного компонента (отношение и доверие) и поведенческого компонента (практическое участие и активность в принятии решений). Если подросток проверяет правовые знания не только на теоретическом уровне, но и на практике (например, участие в школьных правовых проектах, имитационных судебных заседаниях, юридических консультациях), то у него укрепляется доверие к праву и формируется устойчивая модель правового поведения.

Эмоциональные факторы также важны. Когда подросток способен соотносить правовые знания со своим личным опытом, у него формируется позитивное отношение к праву, и он чувствует себя более уверенно в обществе. Это предотвращает политическую и социальную апатию. Психологические исследования подтверждают, что подростки, у которых развито чувство социальной справедливости и равенства, более склонны участвовать в социальных инициативах и общественных проектах, что укрепляет их чувство социальной значимости.

Особенно важны совместные усилия семьи и школы: политико-правовая активность родителей, беседы с детьми на правовые темы дома, проведение правовых и воспитательных мероприятий в школе, организация дебатов и дискуссий создают благоприятную психологическую среду для развития политико-правового сознания подростков. Группа сверстников также выступает мотивирующим фактором, поскольку подростки часто делятся своими взглядами с друзьями и вдохновляются их мнением. Поэтому рекомендуется формировать позитивные правовые и политические ценности в среде сверстников, развивать молодежные клубы и волонтерские программы.

Наблюдаемый в ходе эксперимента рост свидетельствует о том, что политико — правовое сознание подростков значительно развивается в результате психологических вмешательств — юридических тренингов, дебатов и дискуссий, обучения на практических примерах. Такие подходы активизируют критическое мышление подростка, развивают навык логического анализа, повышают мотивацию к применению юридических знаний на практике.

Таким образом, внутренние межличностные взаимодействия в семье, с одной стороны, способствуют ассимиляции культурных проектов в структуру личности, а с другой-аккомпанируют внутреннему (сапожковому) миру индивида в культурных проектах общества. Такая ассимиляция и аккомодация иногда помогают преодолеть отдаленность различных аспектов действительности относительно личности, иногда становятся причиной возникновения комплексов, “теней” в отношении личности. В целом данные показатели свидетельствуют о том, что у подростков возможно формирование правового и политического сознания, для чего необходимо гармоничное развитие познавательной, эмоциональной и социальной составляющих. Повышение юридической грамотности в процессе обучения, поощрение участия в социальных проектах, создание открытого диалога между семьей и школой, развитие критического мышления и эмоциональной грамотности делают эти результаты более устойчивыми и устойчивыми.

Список литературы.

1. Nazarov M. M. Siyosiy ong turlari // Sotsis. - 1992. - No 6. - S. 64-71.
2. Andreev S. S. Siyosiy ong va siyosiy xatti-harakatlar // Ijtimoiy-siyosiy jurnal. - 1996. - No 6. - S. 150-157.
3. Oosterhoff, B., & Ballard, P. (2021). *Advances in Adolescent Political Development: Pathways to Civic Engagement.* Journal of Applied Developmental Psychology, 76, 101313.
4. Heberle, A. E., Rapa, L. J., Farago, L. M., & Thomson, R. (2020). *Critical Consciousness in Children and Adolescents: A Systematic Review.* Journal of Applied Developmental Psychology, 70, 101–152.
5. Селезнева, А. В. (2018). *Формирование политического сознания молодежи в современной России.* Социально-гуманитарные знания, №5, 65–72.
6. Касамара, В. А., & Сорокина, А. (2009). *Политическое сознание подростков: благополучные и проблемные аспекты.* Москва: Высшая школа экономики.

СОВМЕСТИМОСТЬ МОЛОДЫХ СУПРУГ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Махмудова С.З.
(г. Джизак Узбекистан)

Аннотация. *В современном обществе вопросы совместимости молодых супруг приобретают особую актуальность, поскольку от успешного взаимодействия партнеров зависит не только гармония в браке, но и стабильность будущей семьи. В последние десятилетия изменились социальные стандарты, культурные нормы и представления о личностных ролях, что требует внимательного анализа факторов, влияющих на совместимость. Для достижения гармонии в семейных отношениях необходимо учитывать множество аспектов — от личностных характеристик и социальных условий до культурных различий и особенностей коммуникации. Особое значение приобретает понимание того, как психологические особенности и эмоциональная поддержка способствуют укреплению связей, а также как современные технологические возможности, такие как социальные сети и онлайн-знакомства, влияют на формирование совместимости. Важным аспектом является и изменение семейных ролей: традиционные представления о распределении обязанностей уступают место*

более гибкому подходу, ориентированному на совместное развитие и уважение интересов каждого из партнеров. Анализируя множество факторов и методов оценки, можно сделать вывод о необходимости глубокого понимания психологических и социальных аспектов, чтобы обеспечить прочную и гармоничную супружескую пару. Таким образом, вопрос совместимости молодых супруг остается одним из ключевых в изучении современного брака, требуя комплексного подхода и постоянного поиска новых средств и методов его укрепления.

Ключевые слова: *семья, совместимость, общество, конфликты.*

Annotation. *In modern society, the issue of compatibility among young spouses has become particularly relevant, as the success of partner interactions affects not only marital harmony but also the stability of the future family. In recent decades, social standards, cultural norms, and perceptions of personal roles have changed, requiring careful analysis of the factors influencing compatibility. Achieving harmony in family relationships necessitates considering multiple aspects—from personal characteristics and social conditions to cultural differences and communication features. Special importance is given to understanding how psychological traits and emotional support strengthen bonds, as well as how modern technological tools, such as social networks and online dating, impact the formation of compatibility. Changes in family roles are also significant: traditional notions of duty distribution are giving way to a more flexible approach focused on joint development and respect for each partner's interests. By analyzing numerous factors and assessment methods, it can be concluded that a deep understanding of psychological and social aspects is essential to ensure a strong and harmonious marital relationship. Thus, the issue of young spouses' compatibility remains a key topic in the study of modern marriage, requiring a comprehensive approach and continuous search for new means and methods to strengthen it.*

Keywords: *family, compatibility, society, conflicts.*

Введение. Понятие совместимости в контексте брачных взаимоотношений представляет собой способность супругов гармонично взаимодействовать, учитывать потребности друг друга и достигать согласия в различных сферах совместной жизни. Этот аспект включает в себя как психологическую, так и социальную составляющие, создавая основу для долговременных и устойчивых отношений. Совместимость определяется не только внутренними качествами личности, такими как темперамент, ценности и мировоззрение, но и способностью адаптироваться к изменяющимся условиям, решать конфликты и находить компромиссы. Важной характеристикой является взаимное уважение, доверие и эмпатия, что способствует созданию эмоциональной поддержки и укреплению связи. Уровень совместимости может различаться у разных пар, однако его развитие возможно через осознанную работу над отношениями, коммуникацию и совместное решение проблем. Таким образом, понятие совместимости охватывает широкий спектр аспектов, от личностных характеристик до социально-культурных условий, и является ключевым фактором формирования гармоничного брака и благополучия семьи.Факторы, влияющие на совместимость молодых супругов, охватывают широкий спектр личностных, социальных и культурных особенностей. Первостепенно важным аспектом является личностный фактор, включающий черты характера, ценности, уровень эмоциональной зрелости и способность к компромиссу. Самоотношения и взаимопонимание сильно зависят от совместимости этих качеств, поскольку взаимное уважение и поддержка формируют основу гармоничного брака. Второй важный аспект — социальные условия, такие как уровень образования, материальное положение и семейная история. Совпадение этих условий способствует формированию общего понимания жизненных приоритетов и целей. Культурные различия также выступают значимым фактором, поскольку обычаи, традиции и мировоззрение могут либо сблизить, либо отдалить партнеров.

Несовместимость в культурных традициях зачастую становится причиной конфликтов, если отсутствует взаимное уважение и желание понять особенности другого. Важную роль играет и степень открытости к диалогу, способность воспринимать и уважать культурные различия, что способствует развитию терпимости и укрепляет отношения. Кроме того, влияние окружения, такие как окружение семьи и друзей, может положительно или отрицательно сказываться на формировании совместимости, подчеркивая необходимость поддержки и понимания со стороны близких. В совокупности именно эти факторы определяют устойчивость и качество отношений, а их гармоничное сочетание обеспечивает более высокий уровень совместимости между молодыми супругами.

Личностные характеристики играют важную роль в формировании совместимости молодых супругов, оказывая значительное влияние на гармонию в отношениях. На первостепенное значение выходит степень совпадения ценностей, убеждений и жизненных ориентиров, что способствует созданию устойчивого союза. Оба партнера должны обладать развитием эмоциональной зрелости, способностью к саморефлексии и умением управлять своими эмоциями, чтобы строить конструктивное взаимопонимание. Важным аспектом является степень толерантности и открытости к изменениям, что позволяет адаптироваться к новым ситуациям и преодолевать возможные препятствия во совместной жизни. Самооценка и уровень self-esteem также воздействуют на качество взаимоотношений, поскольку уверенность в себе способствует развитию доверия и уважения. Наличие общих интересов и ценностных приоритетов усиливает взаимное притяжение, создавая ощущение единства и поддержки. При этом важно обращать внимание на коммуникативные навыки, которые позволяют партнерам деликатно выражать свои потребности и чувства, избегая конфликтных ситуаций. Эмоциональная устойчивость и способность к компромиссу помогают преодолевать разногласия, делая возможным развитие отношений в условиях различия личностных характеристик. Взаимное признание и принятие уникальных особенностей каждого из супругов стимулируют взаимную поддержку и повышают уровень доверия, создавая прочную основу для совместного будущего. Таким образом, личностные характеристики выступают основой для формирования гармоничных и устойчивых отношений, что особенно важно в условиях современной динамичной среды, где ценится баланс между индивидуальностью и совместной жизнью.

Социальные условия значительно влияют на формирование и развитие совместимости молодых супругов в современном обществе. В условиях постоянных изменений социальных структур возникают новые требования к супругам, связанные с их статусом, ролью и ожиданиями со стороны окружающих. Одним из ключевых аспектов является уровень социальной поддержки, предлагаемой семьям, а также доступность ресурсов, способствующих укреплению брачных отношений. Современное общество характеризуется высокой скоростью перемен, что отражается на возможности молодых людей адаптироваться к новым условиям и формировать устойчивые отношения. Влияние социальной среды проявляется не только через экономические возможности, но и через культурные нормы, традиции и ценности, передаваемые из поколения в поколение. В рамках социальной среды особое значение приобретает уровень образования и социальный статус, которые могут способствовать или препятствовать гармоничному взаимодействию супругов. Например, высокий уровень образования обычно способствует развитию межличностного понимания и коммуникации, а также расширяет горизонты взаимного восприятия. В то же время, различия в социальном статусе и уровне доходов могут вызывать конфликты, если не находят компромиссных решений. Кроме того, современные условия создают новые формы социальной жизни, такие как цифровая среда и глобализация, что расширяет возможности для знакомства и общения, но одновременно увеличивает риск

недопониманий и несогласованности. В условиях социальной неопределенности важную роль играет способность супругов адаптироваться к изменениям окружающей среды, учитывать новые требования и развивать совместную стратегию взаимодействия. Таким образом, социальные условия существенно формируют пространство для развития совместимости, создавая как возможности, так и возможные препятствия для молодых супругов в современных условиях.

Культурные различия оказывают значительное влияние на совместимость молодых супругов в современном обществе. В условиях глобализации и расширения межкультурных контактов возникают ситуации, когда пары объединяются на основе разного культурного фона. Эти различия проявляются в традициях, религиозных взглядах, ценностях, нормах поведения и образе жизни. Их соприкосновение может привести к противоположным реакциям: с одной стороны, к обогащению личностного опыта и расширению горизонтов, а с другой — к сложностям в межличностном взаимодействии и столкновению ценностей. Например, различия в семейных ролях, обязанностях и отношении к браку могут стать источником непонимания и конфликтов. В некоторых культурах приоритет отдается коллективизму, уважению старших и сохранению традиционных обрядов, тогда как в других ценится индивидуализм, свобода выбора и самостоятельность. Понимание этих различий и уважение к культурному наследию партнера играют важную роль в укреплении отношений. В случае языковых барьеров или различий в ритуалах и праздниках нельзя недооценивать необходимость открытости и терпеливого диалога. Эффективное решение подобных проблем требует осознанности и желания обеих сторон понять и принять культурные особенности друг друга. Вопросы совместимости в межкультурном контексте требуют особого внимания психологов и специалистов по семейным отношениям, поскольку умение преодолевать культурные границы становится ключевым фактором создания гармоничного союза и долгосрочного сотрудничества между супругами.

Одной из ключевых проблем несовместимости молодых супруг является несогласованность личных ценностей, жизненных целей и ожиданий. В начале совместной жизни пары нередко сталкиваются с разногласиями, вызванными различиями в подходах к семье, карьере или воспитанию детей. Такие расхождения могут усиливаться со временем, особенно если отсутствует эффективное взаимопонимание и готовность к компромиссам. Отсутствие интеллектуальной и эмоциональной совместимости также становится серьезным препятствием, вызывая у супругов чувство отчуждения и неудовлетворенности. Важна способность обоих партнеров принимать различия и находить общие точки соприкосновения, иначе конфликты могут перерастать в серьезные кризисы. Еще одной причиной несовместимости служит несвоевременное признание и проработка психологических проблем каждого из супругов, что может привести к непониманию и конфликтам. Часто несовместимость возникает из-за неподготовленности к совместной жизни, недостатка навыков коммуникации или неправильного выбора партнера. В результате такие ситуации могут привести к разрушению брака или созданию атмосферы постоянного напряжения. Значительным фактором является влияние семейных традиций и воспитания, которые порой мешают адаптации партнеров друг к другу, особенно если они отличаются по культуре или обычаям. В целом, проблемы несовместимости требуют осознанной работы и взаимных усилий, иначе они способны разрушить основу семейных отношений и поставить под угрозу стабильность совместной жизни в будущем.

Причины разводов среди молодых супругов многочисленны и зачастую связаны с недоразумениями, отсутствием взаимопонимания и несовпадением ожиданий по отношению к браку. Одной из главных причин является недостаточная совместимость личностных характеристик, таких как темперамент, мировоззрение, ценности и цели в

жизни. Различия в этих областях могут привести к конфликтам и недовольству в совместной жизни, особенно если партнеры не готовы к развитию или компромиссам. Также важным фактором является недостаточная коммуникация: невозможность открыто обсуждать проблемы, неумение слушать друг друга и избегание конфликтных ситуаций зачастую приводят к накоплению негативных эмоций и в конечном итоге - к разрыву отношений. Социальные условия, такие как давление со стороны семьи или окружения, а также недостаток поддержки со стороны родственников, могут усиливать стресс и способствовать разладу. Культурные различия, особенно в семьях с разным культурным фоном, зачастую предоставляют дополнительные сложности для совместимости, так как возникают разногласия в традициях, ценностях и ролях внутри семьи. Экономические трудности, включая финансовую нестабильность или различия в финансовых привычках, также являются значительным фактором риска для брака. Неправильное распределение ролей, отсутствие общего видения будущего и эмоциональные проблемы, связанные с личными ожиданиями, способствуют возникновению разногласий. В результате, все перечисленные причины могут привести к разрушению семейных отношений, особенно если не предпринимаются активные меры по их преодолению, что делает важным своевременную работу над совместимостью и взаимопониманием для сохранения брака.

Психологические последствия несовместимости в браке могут проявляться различными формами эмоциональной нестабильности, стрессами и внутренним конфликтом. В случае отсутствия гармонии и взаимопонимания между супругами, возникает ощущение утраты стабильности и безопасности, что негативно сказывается на психологическом состоянии каждого из партнеров. Чаще всего это выражается в повышенной тревожности, депрессивных состояниях и ощущении одиночества внутри семьи, даже при наличии совместной жизни. Постоянные конфликты и недопонимания способствуют развитию хронического стресса, который в свою очередь может привести к серьёзным психологическим заболеваниям, таким как тревожные расстройства и депрессия. В долгосрочной перспективе это влияет на качество жизни, снижает мотивацию к совместным усилиям и мешает формированию доверительных отношений. Для многих супругов несогласованность и разногласия становятся источником внутреннего напряжения, что затрудняет преодоление сложностей и создает преграды для развития позитивных связей. Важным аспектом является также формирование комплекса вины, обиды или непонимания, что существенно ухудшает психологическую устойчивость и способность к конструктивному разрешению конфликтных ситуаций. Именно поэтому своевременная работа с психологом или участие в семейной терапии зачастую становится необходимостью для восстановления внутренней гармонии и укрепления брачных связей. В конечном итоге, психологические последствия несовместимости требуют внимательного анализа, осознанности и активных усилий обоих партнеров для минимизации негативных эффектов и поддержания благополучия семейных отношений.

Для повышения совместимости молодых супругов важно развивать навыки взаимопонимания и сотрудничества. Одним из эффективных способов является поиск и развитие общих интересов и хобби, что способствует укреплению связи и формированию общих целей. Совместное времяпрепровождение в рамках увлечений стимулирует коммуникацию и доверие, помогает понять друг друга лучше и снизить возможные недоразумения. Также необходимо уделять внимание совместному планированию досуга и путешествий, что способствует созданию позитивных совместных воспоминаний и укреплению эмоциональной близости. Важным аспектом является регулярное обсуждение совместных планов и взглядов, что позволяет избегать недоразумений и недовольства, а также способствует развитию навыков конструктивного диалога. Эффективные способы повышения совместимости включают совместное участие в бытовых обязанностях, что способствует развитию партнерской

ответственности и взаимного уважения. Не менее значимо создание условий для эмоциональной поддержки, проявление заботы и внимания друг к другу, особенно в трудные моменты. Помимо этого, важно стремиться к развитию личностных качеств, таких как терпение, честность и уважение, которые создают основу для долгосрочных отношений. Поддержка индивидуальности каждого супруга, при этом совместное развитие, способствует гармонии и взаимопониманию. В конечном итоге, активное участие и осознанное стремление к развитию совместимости значительно повышают вероятность долгосрочного и гармоничного союза, способного справляться с вызовами современного общества.

Заключение. Заключение подчеркивает важность понимания и развития совместимости между молодыми супругами как ключевого условия успешного брака. В современном обществе динамика социальных, культурных и личностных факторов требует от партнеров постоянного взаимодействия, гибкости и уважения к различиям. Процесс адаптации и взаимного признания способствует укреплению эмоциональной связи, снижает вероятность конфликтов и создает условия для долгосрочного благополучия семьи. Значение коммуникации очевидно: открытое и честное общение позволяет выявлять и управлять противоречиями, укреплять доверие и взаимопонимание. Важно учитывать особенности психологического портрета партнеров, то есть их ценности, установки и личностные характеристики, которые влияют на качество совместной жизни. Также значимую роль играют экономические аспекты, ведь финансовое благополучие способствует созданию стабильной обстановки в семье, исключая лишние стрессовые ситуации. В условиях глобализации и проникновения технологий границы культуры размываются, что создает дополнительные вызовы, но одновременно расширяет возможности для поиска и укрепления совместимости через международные обмены и онлайн-общение. Важнейшие методы оценки и повышения совместимости остаются актуальными: психологические тесты, совместное проведение времени, общие интересы и хобби. Успешные истории партнеров подтверждают, что при наличии искреннего уважения, терпения и готовности к компромиссам возрастает вероятность построения гармоничных и устойчивых отношений. В результате комплексный подход, основанный на взаимном уважении, открытости и совместных усилиях, создаёт прочную основу для счастливой семейной жизни, повышая шансы на ее долговечность и внутреннюю гармонию.

Список литературы.

1. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности. // Вопросы психологии. 1989 г. № 1. С. 92-100

2. Батаршев А.В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. М.: Изд-во ВЛАДОС - ПРЕСС, 2001. - 336 с.

3. Бендас Т.В. Тендерная психология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. — 431 е.: ил. - (Серия «Учебное пособие»).

4. Берне Р. Развитие Я — концепции и воспитание. — М.: Прогресс, 1986 г.- 422с.

5. Бодалев А.А., Столин В.В. О задачах в области научного психологического обеспечения службы семьи / Семья и формирование личности. Под ред. А.А. БодалеваМ., 1981 г. С. 67

6. Бодалев А.А. Личность в общении. М.: «Педагогика», 1983 г. - 272 с.

7. Бойко В.В. Энергия эмоций. 2-е изд., доп. и перераб. - СПб.: Питер, 2004. -474 с.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ

Мирзаева М.А.
(г. Чирчиқ Узбекистан)

Аннотация. *Данная статья посвящена личностно-типологической теории и практическому углубленному изучению современного школьного учителя. Социально-экономические изменения в системе образования, новые требования и стандарты педагогики, а также увеличение объема педагогических условий требуют от современного учителя высокого уровня уровня, коммуникативной и творческой деятельности. В связи с этим систематически пересматриваются проблемы, связанные с индивидуально-психологическими особенностями учителя (темперамент, характер, мотивация), профессиональными компетенциями (методологические знания, дидактическое мастерство, технологическая грамотность), всеми методами личностно-типового анализа.*

Ключевые слова: *современный учитель; типология личности; педагогическая компетенция; профессиональный темперамент; характер; мотивация; коммуникативная компетенция; рефлекс; педагогические инновации; личная педагогика; методическое мастерство; для образования; наставничество; кластеризация (типология).*

Abstract. *This article is devoted to the personal-typological theory and practical in-depth study of the modern school teacher. Socio-economic changes in the education system, new requirements and standards of pedagogy, as well as increasing the volume of pedagogical conditions, require a high level of communicative and creative activity from the modern teacher. In this regard, it systematically reviews problems related to the individual psychological characteristics of the teacher (temperament, character, motivation), professional competencies (methodological knowledge, didactic skills, technological literacy), and all methods of personality-type analysis.*

Key words: *modern teacher; personality typology; pedagogical competence; professional temperament; character; motivation; communicative competence; reflex; pedagogical innovations; personal pedagogy; methodological skills; for education; mentorship; clustering (typology).*

Введение. Современная система образования переживает период глубоких преобразований, связанных с обновлением содержания обучения, внедрением инновационных технологий и повышением требований к профессиональной компетентности педагогов. В этих условиях особое значение приобретает личность учителя, его индивидуально-психологические и типологические особенности, которые во многом определяют эффективность образовательного процесса.

Учитель XXI века — это не просто носитель знаний, а активный участник формирования личности учащегося, его ценностных ориентаций, мировоззрения и социального поведения. Поэтому изучение типологических особенностей современного педагога позволяет глубже понять механизмы профессиональной адаптации, педагогического взаимодействия и личностного роста в условиях динамично развивающегося общества.

Типологические характеристики личности учителя включают в себя особенности темперамента, характера, мотивационной сферы, эмоциональной устойчивости, коммуникативных способностей и профессионального самосознания. Эти качества

формируются под воздействием множества факторов — социально-культурных, профессионально-деятельностных и индивидуально-личностных.

Таким образом, актуальность исследования типологических особенностей личности современного школьного учителя обусловлена необходимостью выявления психологических условий, способствующих формированию гармоничной, устойчивой и профессионально зрелой педагогической личности, способной успешно функционировать в условиях постоянных изменений образовательной среды.

Актуальность исследования. Актуальность исследования типологических особенностей личности современного школьного учителя определяется изменяющимися социальными, культурными и образовательными условиями, в которых осуществляется педагогическая деятельность. Современное общество предъявляет к учителю новые требования — быть не только источником знаний, но и наставником, консультантом, организатором творческой и исследовательской активности учащихся.

В условиях постоянного обновления содержания образования, внедрения цифровых технологий и усиления межличностных коммуникаций учитель сталкивается с необходимостью непрерывного профессионального и личностного развития. Поэтому изучение типологических характеристик педагога позволяет выявить закономерности его профессионального становления, а также определить индивидуальные особенности, влияющие на стиль педагогического общения, уровень стрессоустойчивости и успешность адаптации к современным образовательным реалиям.

Кроме того, формирование профессиональной идентичности учителя невозможно без глубокого понимания его психологической структуры, темперамента, мотивационной направленности и эмоционально-волевой сферы. От этого зависит качество педагогического взаимодействия, способность к эмпатии, гибкость мышления и умение конструктивно решать конфликтные ситуации.

Таким образом, исследование типологических особенностей личности современного школьного учителя является важным направлением в психолого-педагогической науке, так как его результаты могут способствовать совершенствованию системы подготовки педагогических кадров, повышению эффективности учебно-воспитательного процесса и укреплению профессиональной компетентности учителя как ключевой фигуры образования.

Анализ литературы. Проблема типологических особенностей личности учителя занимает значительное место в психолого-педагогической науке. В трудах многих отечественных и зарубежных исследователей подчеркивается, что личность педагога является центральным фактором эффективности образовательного процесса (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. А. Бодалев, К. Роджерс, А. Маслоу, Дж. Дьюи).

Л. С. Выготский рассматривал развитие личности учителя как процесс формирования профессионального самосознания и педагогического мышления, в котором социальное взаимодействие играет ведущую роль. По мнению Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна, индивидуально-психологические свойства личности определяют характер профессиональной деятельности и особенности восприятия педагогом своих учеников.

Исследования К. Роджерса и А. Маслоу внесли значительный вклад в понимание гуманистической природы личности педагога. Они подчеркивали важность эмпатии, самоактуализации и внутренней мотивации как ключевых качеств, обеспечивающих успешное взаимодействие учителя с учащимися. Современные исследования (Н. В. Кузьмина, Е. А. Климов, А. К. Маркова) акцентируют внимание на необходимости развития профессиональной рефлексии, эмоциональной устойчивости и коммуникативной компетентности педагога.

Особое значение имеют работы, посвящённые типологии личности. Классические теории темперамента (И. П. Павлов, Г. Айзенк, К. Юнг) легли в основу современных типологий, применяемых в педагогической психологии. На их основе выделяются различные педагогические стили — авторитарный, демократический, либеральный, — каждый из которых связан с определёнными личностными типами и особенностями взаимодействия с учащимися.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что изучение типологических особенностей личности современного школьного учителя представляет собой сложное и многогранное направление, требующее комплексного подхода, сочетающего педагогический, психологический и социокультурный аспекты.

Методология исследования. Методологической основой исследования типологических особенностей личности современного школьного учителя является комплексный, системный и личностно-деятельностный подходы, позволяющие рассматривать учителя как целостную личность, в которой профессиональные и индивидуальные качества находятся во взаимосвязи.

В рамках исследования применяются теоретические методы — анализ, синтез, обобщение и систематизация научных источников по психологии и педагогике личности, а также сравнительно-сопоставительный анализ подходов различных авторов к проблеме типологии личности и профессионального становления педагога.

Эмпирическая часть исследования основана на использовании психодиагностических методик, направленных на выявление индивидуально-психологических и типологических характеристик учителей. В качестве диагностических инструментов могут применяться:

- опросники темперамента и характера (по Г. Айзенку, К. Юнгу, А. Белову);
- тесты профессиональной направленности и мотивации (по Е. Шейну, Л. Йовайши, А. Реану);
- методики оценки эмоциональной устойчивости, уровня эмпатии и коммуникативной компетентности.

Кроме того, используется метод анкетирования и интервьюирования педагогов для анализа их самооценки, профессиональных трудностей и стиля педагогического взаимодействия. Полученные данные подвергаются качественному и количественному анализу с применением статистических методов обработки результатов.

Методологическая база исследования также опирается на идеи Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Б. Г. Ананьева и К. Роджерса, которые подчеркивают взаимосвязь между личностным развитием, профессиональной идентичностью и социальной активностью человека.

Таким образом, предложенная методология направлена на комплексное изучение личности современного учителя как субъекта профессиональной деятельности, раскрытие её типологических особенностей и психологических механизмов успешной педагогической самореализации.

Обсуждение результатов. Результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод о том, что личность современного школьного учителя представляет собой сложную и многогранную систему, включающую индивидуально-психологические, профессиональные и социально-нравственные компоненты. Типологические особенности педагога проявляются в его темпераменте, эмоциональной устойчивости, характере общения, уровне мотивации и профессиональной направленности.

Выявлено, что эффективность педагогической деятельности во многом зависит от гармоничного сочетания личностных качеств и профессиональных компетенций. Учителя с выраженными коммуникативными и эмпатийными способностями, высокой рефлексией и устойчивыми нравственными установками демонстрируют более

высокий уровень педагогического взаимодействия и адаптации к современным образовательным условиям.

Сравнительный анализ показал, что учителя демократического стиля взаимодействия чаще проявляют гибкость, открытость и стремление к саморазвитию, в то время как педагоги с авторитарным типом личности ориентированы преимущественно на дисциплину и контроль, что может ограничивать творческую активность учащихся.

Также установлено, что типологические различия оказывают влияние на выбор методов обучения, стратегий коммуникации и способов решения конфликтных ситуаций. Учителя с преобладанием интровертированных черт склонны к аналитическому, системному подходу, тогда как экстраверты демонстрируют более выраженные организаторские и коммуникативные способности.

Таким образом, обсуждение полученных данных подтверждает необходимость индивидуализированного подхода к профессиональной подготовке педагогов. Развитие типологически обусловленных качеств — таких как эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, эмпатия и креативность — способствует формированию гармоничной, социально зрелой и профессионально компетентной личности учителя.

Заключение. Таким образом, проведённое исследование позволило установить, что личность современного школьного учителя является сложной системой, в которой типологические особенности играют ключевую роль в профессиональном становлении и успешности педагогической деятельности. Психологическая структура педагога отражает взаимодействие индивидуальных, эмоциональных, мотивационных и когнитивных компонентов, определяющих стиль общения, способы решения профессиональных задач и уровень адаптации к образовательной среде.

Современный учитель должен обладать не только высоким уровнем профессиональных знаний, но и развитыми личностными качествами — эмпатией, толерантностью, эмоциональной устойчивостью, способностью к саморазвитию и рефлексии. Эти характеристики обеспечивают эффективность педагогического взаимодействия, формирование доверительных отношений с учащимися и создание благоприятного психологического климата в коллективе.

Выявленные типологические различия позволяют сделать вывод о необходимости дифференцированного подхода в системе подготовки и переподготовки педагогических кадров. Учет индивидуально-психологических особенностей способствует повышению мотивации к профессиональной деятельности, развитию педагогического мастерства и укреплению психологического благополучия учителя.

Следовательно, изучение типологических особенностей личности современного школьного учителя имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку результаты такого анализа могут быть использованы для оптимизации образовательного процесса, совершенствования педагогического общения и формирования компетентной, духовно зрелой и гуманистически ориентированной личности педагога.

Список использованной литературы.

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — М.: Наука, 1968.

В работе рассматривается человек как целостная система, что легло в основу изучения типологических особенностей личности, включая педагога.

2. Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991.

Автор раскрывает социальную природу развития личности, подчёркивая роль взаимодействия и общения в профессиональном становлении учителя.

3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М.: Питер, 2000.

Книга содержит фундаментальные принципы анализа личности через деятельность, что важно для понимания педагогического поведения.

4. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. — М.: Академия, 2004.

Исследование посвящено профессиональному развитию личности и выделению типологических различий в структуре педагогического труда.

5. Маркова А. К. Психология профессионализма. — М.: Знание, 1996.

Автор раскрывает понятие профессионального самосознания учителя и его взаимосвязь с личностными характеристиками.

6. Роджерс К. Взгляд на психотерапию, становление человека. — М.: Прогресс, 1994.

Гуманистический подход Роджерса стал теоретической основой понимания эмпатии и личностного роста педагога.

7. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999.

Автор описывает иерархию потребностей и концепцию самоактуализации, что применимо к профессиональному развитию учителя.

8. Дьюи Дж. Демократия и образование. — М.: Педагогика, 2000.

Подчеркивает роль активного участия учителя и ученика в образовательном процессе как основы развития личности.

9. Юнг К. Г. Психологические типы. — М.: Академический проект, 2008.

Представлена типология личности, которая используется для классификации педагогических стилей и моделей поведения.

10. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. — М.: Высшая школа, 1990.

Описаны качества профессионально зрелого педагога и их связь с успешностью учебного процесса.

11. Белова А. В. Типологические особенности педагогов в современной школе. — М.: Академия, 2018.

Современное исследование, рассматривающее влияние личностных типов учителей на эффективность педагогического взаимодействия.

12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1977.

Рассматривает формирование личности через деятельность, что напрямую связано с педагогическим процессом и профессиональной идентичностью.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

Мирхайдарова Д.Г.

(г. Ташкент Узбекистан)

Аннотация. *Здоровые ребенка одно из сложных комплексных проблем. На здоровые влияет масса различных факторов: экология, питание, санитарно-гигиенические условия проживания, взаимодействие в семье и т.д. Среди причин детской инвалидности ведущее место принадлежит болезням нервной системы, к которым относится детский церебральный паралич (ДЦП). В настоящее время ДЦП рассматривают как особое состояние ребенка, как совокупность*

клинических, психологических и социальных факторов, дезадаптирующих человека приводящих к ограничению его жизнедеятельности.

Ключевые слова: *адаптация, детский церебральный паралич, социум, психолог, расстройства, ум, познавательная деятельность.*

Abstract. *Child health is a complex issue. It is influenced by a variety of factors: environment, nutrition, sanitary and hygienic living conditions, family interactions, etc. Among the causes of childhood disabilities, diseases of the nervous system, including cerebral palsy (CP), are a leading cause. Currently, CP is considered a special condition of a child, a combination of clinical, psychological, and social factors that impair adaptation and lead to limitations in life activities.*

Key words: *adaptation, cerebral palsy, society, psychologist, disorders, intelligence, cognitive activity.*

Процесс социальной адаптации детей с физическими и умственными отклонениями является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания. Усиление толерантного отношения в обществе, массовое принятие людей с ограниченными возможностями как полноценных членов социума, их принятие и интеграция в большинство сфер жизни одновременно с общим развитием уровня медицины и активного привлечения благотворительных и государственных средств в данную сферу, по сути, перевернули само представление о людях с отклонениями. Еще полвека назад люди (как взрослые, так и дети) с заболеваниями, подобными ДЦП, занимали место на периферии общества, а на самом деле превращались в изгоев, в том числе в учебных заведениях и в своих семьях. Сегодня в обществе в целом и в науке в частности есть понимание, что проблема адаптации инвалида – это не проблема пациента, испытывающего коммуникационные или физические трудности при контакте, это проблема социума, не предоставившего ему необходимые для этого инструменты. Касательно детей инвалидов, эта проблема, безусловно и в первую очередь, лежит в области реабилитологии, психологии и педагогики. Сегодня в нашей стране множество психологов, философов, социологов, педагогов, изучают различные аспекты процесса социализации: исследуют механизмы восприятия больных детей, описывают этапы и стадии заболевания, выявляют факторы, способные дать каталитический эффект при проведении социализации. Но, несмотря на высокий интерес и достаточно серьезную финансовую и методологическую поддержку, проблемы социальной адаптации детей с ограниченными возможностями в науке в странах СНГ все еще не являются предметом специального комплексного исследования [1, с.118]. Более того, с каждым годом наблюдается динамика к сужению фокуса исследовательских работ, смещение акцентов в сторону специфических прикладных факторов. На этом фоне даже весьма внушительные успехи в отдельных областях, при отсутствии общей системы, оказываются малопригодными для внедрения в текущих реалиях. Но при этом они активно применяются как составная часть комплексных программ ведущих клиник США, Канады, Европы и Израиля [2].

Проблема социализации детей, подростков и взрослых с нарушениями психического и физического развития и в первую очередь ДЦП актуальна как в теоретическом, так и в практическом отношении. В условиях декларирования принципов «свободной среды» и «равнодоступного общества» мы наблюдаем концентрацию усилий вокруг пациентов с тяжелыми нарушениями деятельности опорно-двигательного аппарата (колясочниками), ставшими символами всего движения за социализацию инвалидов. В то же время пациенты с тяжелыми формами ДЦП и, в первую очередь, с многосторонними нарушениями физического и умственного развития нуждаются в адаптации и социализации в гораздо большей степени, чем колясочники. Особенно важен этот аспект на фоне внедрения современных

медицинских технологий. Оборотной стороной этой, безусловно, положительной статистики является тенденция роста числа детей с ограниченными возможностями в абсолютных величинах [3, с.195].

Успешность социальной адаптации определяется обучением, которое часто рассматривается исследователями как важное средство ее достижения. Социальная адаптация тесно связана с процессом интеграции человека в общество, в результате которого достигается формирование самосознания и ролевого поведения, способности к самоконтролю и самообслуживанию, адекватных связей с окружающими [4, с.61].

Термин «детский церебральный паралич» (ДЦП) объединяет совокупность синдромов, возникающих в связи с поражением головного и спинного мозга в результате разных причин на ранних стадиях внутриутробного развития в пренатальном, натальном и постнатальном периоде. Основным клиническим признаком ДЦП является нарушение двигательной функции, связанной с задержкой развития, либо неправильным развитием статокинетических рефлексов, патологией тонуса, парезами. К основному проявлению ДЦП - двигательным расстройствам, часто присоединяются нарушения психического развития, речевые и сенсорные нарушения [5, с.49].

Двигательные нарушения при ДЦП оказывают негативное влияние на формирование психических и речевых функций. Это особенно актуально, если идет речь об интеграции таких детей. Механизм этих нарушений сложен и определяется как временем, так и сосредоточением мозгового поражения.

При церебральном параличе нарушено формирование не только познавательной деятельности, но и развитие эмоционально-волевой и личностной сфер также имеют свою специфику [5, с. 46].

Не существует однозначной взаимосвязи между выраженностью двигательных и психических нарушений: тяжелые двигательные расстройства могут сочетаться с легкой задержкой психического развития. И, наоборот, незначительные нарушения в двигательной сфере могут сочетаться с тяжелым интеллектуальным недоразвитием [5. с.64].

Структура нарушений познавательной деятельности при ДЦП имеет специфические особенности:

1) неравномерный, дисгармоничный характер нарушений отдельных психических функций. Эта особенность связана с мозаичным характером поражения головного мозга на ранних этапах его развития при ДЦП;

2) выраженность астенических проявлений, которые выражаются в повышенной утомляемости, истощаемости психических процессов, быстрой пресыщаемостью тем видом деятельности, которым занят ребенок;

3) нарушение слаженной деятельности различных анализаторных систем. Патология зрения, слуха, мышечно-суставного чувства существенно сказывается на восприятии в целом, ограничивает объем информации, затрудняет интеллектуальную деятельность.

Многие дети с ДЦП имеют нарушения зрения, зрительного восприятия, связанные с недостаточной фиксацией взора, нарушением плавного прослеживания, сужением полей зрения, снижением остроты зрения. Часто встречается косоглазие, двоение в глазах, опущенное верхнее веко. Нарушение двигательной функции препятствует развитию зрительно-моторной координации. При церебральном параличе можно наблюдать слабую сформированность пространственно-различительной деятельности слухового восприятия и памяти.

Интеллектуальные нарушения при церебральном параличе являются лишь одной частью сложного комплексного дефекта, включающего нарушения двигательного, сенсорного, эмоционально-волевого развития. При этом имеет место критическое снижение влечения к познавательной деятельности и, в первую очередь, деградация

и атрофия абстрактного мышления, а также нарушения в других высших психических функциях. Физиологически наиболее часто это является следствием поражений коры головного мозга, а также их сочетаний с повреждениями мозжечковой системы (атонически-астатическая форма детского церебрального паралича). Также подобные нарушения наблюдаются при генетически обусловленных синдромах детского церебрального паралича. В большинстве случаев это атипичная форма, характеризующаяся неравномерностью проявлений интеллектуального дефекта. В ряде случаев неравномерность проявляется в дефиците развития таких высших корковых функций, как оптико-пространственный гнозис, конструктивный праксис, счет, в сочетании с типичными для нарушения интеллекта признаками – инертностью мышления, конкретностью, нарушениями в построении причинно-следственных связей. Также распространена и другая форма нарушений, связанная с недоразвитием лобной коры головного мозга. Дети с такими нарушениями отличаются выраженной некритичностью, эйфорией, стойкими нарушениями произвольной регуляции, двигательной расторможенностью [1, с. 119]. Часто нарушение интеллекта у детей с церебральным параличом проявляется совместно с ярко выраженной психической дисфункцией, приводящей к полной невозможности психического усилия или его отсутствию в значительной мере. В качестве сопутствующих, но менее серьезных нарушений можно выделить чрезмерную рассеянность, невозможность сконцентрироваться на чем-либо, бездеятельность, трудности при установлении контакта с окружающими. Данная форма нарушений называется атоническая форма олигофрении.

Нередко нарушение интеллекта у детей с церебральным параличом сочетается с резко выраженной неспособностью ребенка к психическому усилию, с чрезмерной отвлекаемостью, полной бездеятельностью, трудностью установления контакта с окружающими. Это так называемая атоническая форма олигофрении. Она преобладает у детей с двусторонней гемиплегией и при атоническиастатической форме детского церебрального паралича. Значительное место в структуре аномального психического развития детей с церебральным параличом занимают недостатки речи. Характерно многообразие форм речевых нарушений у детей с церебральным параличом: дизартрии и анартрии, сенсорные и моторные алалии и дислалии, дислексии и дисграфии. Уровень сенсорного развития в первую очередь зависит от степени поражения двигательной сферы, также влияет на уровень сенсорного развития степень поражения интеллектуальной сферы, в каких-то случаях это зависит еще от возраста и пола ребенка, а также от вторичных нарушений.

Нарушение психического и физического развития у детей означает существенное ограничение жизнедеятельности, способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, овладении в будущем профессиональными навыками. Освоение этими детьми социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий (это могут быть специальные программы, специальные центры по реабилитации, специальные учебные заведения и т.д.). Но разработка этих мер должна основываться на знании механизмов процесса социализации.

Выделяют своеобразные особенности психики детей с ДЦП, сказывающиеся на их социальной адаптации в условиях процесса обучения. Важно ориентироваться в индивидуальных особенностях психики подростков с церебральным параличом что, в свою очередь, будет способствовать сглаживанию имеющихся дефектов:

- напряженная работа в процессе урока способствует накоплению скованности и сопровождается сильной двигательной активностью в конце урока. Для снятия скованности важно разрешать таким подросткам движение по классу во время урока;

- большинству подросткам с ДЦП свойственна незрелость эмоционально-волевой сферы. В данной связи, негативные оценки деятельности подростка с церебральным параличом отрицательно влияют на его поведенческие характеристики. Осуществление позитивного эмоционального климата – значимый момент благополучной адаптации к условиям школьного обучения, успешности усвоения материала;

- специфика памяти: выученная информация подростками с церебральным параличом на следующем занятии может видеться как новая. Спустя время она возвращается в памяти и снова может забыться, что можно объяснить недоразвитием произвольной памяти, слабой избирательностью мнемических процессов.

Дадим характеристику нижеперечисленных особенностей подростков с церебральным параличом:

- доминирование проявлений агрессии, мнительности, обидчивости, иждивенческих установок, недоверия. Нередко можно наблюдать проявления индифферентного отношения к людям;

- низкий уровень развития эмпатийных проявлений. Данная особенность может меняться в зависимости от степени тяжести церебрального паралича;

- взаимосвязь переживания одиночества от состояния здоровья.

Подростки осознают недостаточность общения, они воспринимают себя неприспособленными даже в элементарных ситуациях жизни, стесняются дать понять окружающим, что нуждаются в помощи (особенно в случае наличия речевых нарушений страх быть непонятым только усиливается). Иначе воспринимают переживание одиночества подростки с нормативным развитием. Данное состояние для них обусловлено другими причинами: сложности взаимодействия с родителями, проявления гиперопеки со стороны родителей, внутренняя неуверенность, страх знакомства с новыми людьми и завязывания дружеских отношений. Последние причины актуальны и для подростков с церебральным параличом;

- подростки с ДЦП переживают сложности в ситуациях межличностного взаимодействия, с трудностями происходит адаптация к людям. Но, они могут адекватно понимать чувства, состояния, действия людей по невербальным способам взаимодействия (мимика, жесты, пантомимика);

- подростки с церебральным параличом, вследствие неуверенности в себе, недостаточного общения, переживают сложности в завязывании новых контактов;

- наличие противоречия при адекватном восприятии оценок окружающих людей и низкой оценке своих возможностей адаптации к социуму. Со стороны поведенческих характеристик наблюдается высокий уровень тревожности и осмотрительности во взаимодействии со сверстниками;

- сложности в самовыражении, высокий уровень восприимчивости на мнение и действия других людей [5, с. 47].

При улучшения социальной адаптации детей с детским церебральным параличом надо обратит внимание на несколько важных аспектов, которые способствуют к благоприятному течению социальной адаптации детей с ДЦП. Очень важным является развитие социальных навыков у детей с детским церебральным параличом. Освоение социальных навыков играет важную роль в их адаптации к обществу и повседневной жизни. Имеется несколько ключевые особенности на которые следует обратить внимание при развитии социальных навыков:

1. Обучение коммуникационным навыкам: Эффективное общение является ключом к успешным взаимодействиям. Дети с таким диагнозом нуждаются в дополнительной поддержке в развитии навыков общения, таких как умение выражать свои мысли, слушать других и устанавливать контакты с окружающими.

2. Развитие эмпатии: Важно помочь детям понимать и уважать чувства других людей. Родители и педагоги могут обучать их эмпатии, помогая осознавать эмоции и потребности других людей, а также проявлять заботу и поддержку.

3. Участие в групповых занятиях: Включение ребенка с ДЦП в групповые занятия и коллективные мероприятия поможет ему научиться работать в команде, делиться и сотрудничать с другими детьми.

4. Поддержка игровых навыков: Игра является важным способом обучения социальным навыкам. Родители и педагоги могут поощрять участие в социальных играх, где они могут учиться взаимодействовать, делиться и решать конфликты.

5. Участие в общественной жизни: Поощрение участия ребенка в общественных мероприятиях и местных сообществах помогает им чувствовать себя частью общества и развивать социальные навыки, включая установление контактов и взаимодействие с разными людьми.

6. Поддержка в развитии независимости: Важно поощрять у ребенка с ДЦП самостоятельность и независимость в повседневных делах. Это поможет им развивать уверенность в себе и своих способностях, что влияет на их социальную адаптацию.

7. Помощь в управлении эмоциями: Родители и педагоги могут обучать детей управлять своими эмоциями, выражать их конструктивно и находить способы решения проблем без агрессии или стресса.

Развитие социальных навыков требует терпения, поддержки и индивидуального подхода. Важно помнить, что каждый ребенок уникален, и подход к его социальной адаптации должен быть адаптирован к его потребностям и способностям.

Ещё один из аспектов социальной адаптации детей с ДЦП преодоление барьеров в общении и взаимодействии со сверстниками. Это может быть для детей с ДЦП вызовом, но с правильной поддержкой и стратегиями это возможно. Рассмотрим несколько способов, которые могут помочь в этом процессе:

1. Регулярные тренировки и практика общения значительно повысит уверенность ребенка в себе. Это может включать в себя ролевые игры, моделирование различных сценариев общения и обучение эмоциональному интеллекту.

2. Ребенку может потребоваться дополнительная помощь в освоении социальных навыков, таких как умение читать невербальные сигналы, понимание социальных норм и правил поведения в различных ситуациях.

3. Участие в групповых мероприятиях, спортивных командах и клубах поможет ребенку научиться взаимодействовать со сверстниками, развивать навыки сотрудничества и устанавливать дружеские отношения.

- Важно создать дружественную и поддерживающую среду как дома, так и вне дома. Родители и педагоги должны поощрять позитивные взаимоотношения и поддерживать ребенка в его усилиях по преодолению барьеров.
- Психологическая поддержка является важным компонентом помощи ребенку в преодолении барьеров в общении и взаимодействии со сверстниками. Психолог или специалист по реабилитации поможет ребенку развить стратегии преодоления трудностей и повысить его уверенность в себе.

Важно помогать ребенку выражать свои мысли, чувства и потребности, а также учить его устанавливать границы и защищать свои интересы в общении со сверстниками.

Поиск друзей и участие в различных социальных активностях играют важную роль в социальной адаптации детей с детским церебральным параличом. Следующие рекомендации могут помочь ребенку с ДЦП найти друзей и активно взаимодействовать в обществе:

1. Родители и педагоги должны помочь ребенку научиться инициировать и поддерживать контакты с другими детьми. Это может включать в себя обучение

навыкам общения, участие в ролевых играх и моделирование различных социальных ситуаций.

2. Родители должны общаться с учителями и администрацией школы, чтобы обеспечить участие ребенка в школьных мероприятиях и клубах. Это поможет ребенку встретить новых друзей и развить социальные навыки.

3. Важно создать дружественную среду как дома, так и вне дома. Родители должны поощрять дружеские отношения, уважение и взаимопонимание среди детей.

4. Спортивные и художественные мероприятия предоставляют отличную возможность для встречи с другими детьми и развития социальных навыков. Нужно поощрять ребенка участвовать в таких мероприятиях и поддерживать его увлечения.

5. Важно поощрять ребенка верить в себя, быть уверенным в своих силах и ценить свои уникальные качества. Это поможет ему чувствовать себя комфортно и уверенно в общении с другими.

Создание возможностей для общения, поддержка участия в различных активностях и развитие социальных навыков помогут ребенку с ДЦП находить друзей и успешно взаимодействовать с окружающим миром.

Социальная адаптация ребенка играет ключевую роль в его развитии и благополучии. Семья и специалисты имеют важное значение в этом процессе, предоставляя ребенку необходимую поддержку и ресурсы. Вот какую роль они могут играть:

Роль семьи:

1. Родители и другие члены семьи являются первыми и основными источниками поддержки для ребенка. Их любовь, забота и понимание создают базовое чувство безопасности, необходимое для успешной адаптации.

2. Семья является первым образцом для ребенка в формировании социальных навыков и поведенческих паттернов. Родители должны демонстрировать положительные социальные взаимодействия и научить ребенка адаптироваться к различным ситуациям.

3. Семья создает поддерживающую среду, где ребенок чувствует себя принятым и уважаемым. Это включает в себя обеспечение безопасности, стимулирующего окружения и возможностей для взаимодействия с другими.

4. Родители играют важную роль в сотрудничестве с педагогами, психологами, специалистами по реабилитации и другими профессионалами, чтобы обеспечить ребенку все необходимое для успешной адаптации.

Роль специалистов:

1. Специалисты проводят оценку потребностей ребенка и его способностей в различных аспектах социальной адаптации. Это помогает определить индивидуальные стратегии поддержки и развития.

2. Основываясь на оценке, специалисты разрабатывают индивидуализированные программы поддержки, направленные на развитие социальных навыков и адаптацию ребенка.

3. Специалисты оказывают семье консультации и обучение по вопросам социальной адаптации ребенка. Это может включать в себя методы общения, стратегии поведения и поддержки ребенка в различных ситуациях.

4. Специалисты работают над созданием инклюзивных сред, в которых дети с ДЦП могут успешно взаимодействовать с окружающими и получать поддержку со стороны сверстников и взрослых.

Роль семьи и специалистов в социальной адаптации ребенка взаимосвязаны и дополняют друг друга. Вместе они создают оптимальные условия для успешной адаптации и развития ребенка в обществе.

Таким образом, основой социальной адаптации подростка с ДЦП является достижение достаточного уровня социальной готовности, позволяющей проявлять

активность в основных сферах деятельности. Интегрированное обучение изменяет социальную ситуацию развития подростка с ДЦП, формирует своеобразное отношение с окружающей социальной действительностью. Нерешенность многих проблем, связанных с организацией интегрированного обучения, делают интегративную среду небезопасной для личностного развития, но в ситуации интегрированного обучения существует потенциал интеллектуального и личностного развития.

Список используемой литературы.

1. Капустина, А.А. Особенности социальной адаптации детей с сочетанием тяжелых двигательных и интеллектуальных нарушений при детском церебральном параличе в условиях дошкольного образовательного учреждения [Текст] / А.А. Капустина // Пермский педагогический вестник. – 2014. – № 5. – С. 118-122.

2. Program Social support and adaptation outcomes in children and adolescents with cerebral palsy. Cerebral Palsy Association in Alberta (CPAA) [Electronic resource], available at: http://www.cpalberta.com/programsservices/programs/.

3. Асланова С.Р. Социальная адаптация при детском церебральном параличе. Преподаватель XX ВЕК №3 / 2016 – С.192-197.

4. Павлова О. С. Особенности социальной адаптации подростков с ДЦП в условиях интегрированного обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 20. – С. 61–65. – URL: http://e-koncept.ru/2016/56327.htm.

5.Павлова О.С. Психология детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата: учебно-методическое пособие / О.С. Павлова. – Оренбург: ГБУ РЦРО, 2012. – 108 с.

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «Я» У СТУДЕНТОК

Мухамедова Д.Г., Зухурова Д.А.
(г. Ташкент Узбекистан)

Annotation. *This article examines the formation of the “Self” concept among female university students and the influence of the value system on this process. The study used Schwartz’s “Value Survey” and the “Who am I?” method. The findings reveal correlations between social, physical, material, and reflexive aspects of personality and the system of values. The research highlights how conformity, tradition, benevolence, independence, and security values affect the development of female students’ self-concept. The results provide a deeper understanding of female students’ personal growth and social adaptation.*

Keywords: *self-concept, value system, female students, personal growth, social adaptation.*

Аннотация *В данной статье рассматривается процесс формирования концепции «Я» у студенток и влияние на него системы ценностей. В исследовании использованы опросник Шварца «Определение ценностей» и методика «Кто я?». Полученные результаты показывают взаимосвязь между социальными, физическими, материальными и рефлексивными аспектами личности и системой ценностей. Особое внимание уделено влиянию таких ценностей, как конформизм, традиции, доброжелательность, независимость и безопасность на формирование концепции «Я» у студенток. Результаты исследования способствуют более*

глубокому пониманию личностного роста и социальной адаптации девушек-студенток.

Ключевые слова: *концепция «Я», система ценностей, студентки, личностный рост, социальная адаптация.*

Каждый человек проходит процесс самопознания и формирования собственной концепции «Я». Особенно важным этапом этого процесса являются студенческие годы. Система ценностей играет ключевую роль в личной идентификации студенток. Ценности определяют место человека в обществе, уровень самосознания и отношение к жизни. В данной статье анализируется процесс формирования концепции «Я» у студенток и влияние на него системы ценностей.

В ходе исследования, направленного на изучение влияния системы ценностей на формирование концепции «Я» у студенток, была использована анкета Шварца «Определение ценностей». В результате были получены следующие данные (таблица 1).

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи между шкалами нормативных идеалов методики Шварца «Определение ценностей» и показателями методики «Кто Я?» (по критерию Спирмена)

Нормативные идеалы	**Социальное «Я»**	**Коммуникативное «Я»**	**Материальное «Я»**	**Физическое «Я»**	**Активное «Я»**	**Будущее «Я»**	**Рефлексивное «Я»**
Конформизм	0,058*	-0,014	-0,131**	0,037	-0,005	0,063**	0,120**
Традиции	0,127**	0,004	-0,092**	0,064**	-0,042	-0,036	0,013
Доброжелательность	0,085**	0,040	-0,128**	-0,003	-0,034	-0,005	0,081**
Универсализм	0,066**	0,012	-0,094**	0,039	-0,024	0,020	0,071**
Независимость	0,029	-0,041	-0,055*	0,167**	-0,001	0,031	0,056*
Стимуляция	0,076**	0,006	-0,021	0,069**	-0,097**	-0,004	-0,026
Гедонизм	0,081**	-0,009	-0,011	0,077**	-0,097**	-0,039	0,005
Достижения	0,048*	-0,059*	-0,039	0,088**	-0,041	0,003	0,010
Власть (доминирование)	0,017	-0,083**	0,059*	0,124**	-0,064**	-0,017	-0,073**
Безопасность	0,073**	-0,022	-0,139**	0,054*	-0,032	0,030	0,123**

Примечание: * — p<0,05; ** — p<0,01

Корреляционные взаимосвязи между шкалами нормативных идеалов методики Шварца «Определение ценностей» и показателями методики «Кто Я?» В ходе исследования корреляционных взаимосвязей между шкалами нормативных идеалов методики Шварца «Определение ценностей» и показателями методики «Кто Я?» была выявлена положительная корреляционная зависимость между конформизмом и социальным «Я» (r=0,058; p<0,05). Этот результат указывает на склонность личности адаптироваться к социальным нормам при выполнении своих ролей в обществе. Соблюдение социальных норм способствует укреплению социального статуса личности. Отрицательная корреляция между конформизмом и материальным «Я» (r=-0,131; p<0,01) свидетельствует о том, что люди, придающие большое значение материальным ценностям, менее склонны к соблюдению конформных норм. Такие

личности чаще ставят материальные интересы выше общественных норм. Положительная корреляция между конформизмом и будущим «Я» (r=0,063; p<0,01) показывает, что стремление к соблюдению социальных правил связано с планированием будущего. Индивид, ориентированный на достижение жизненных целей, осознаёт важность следования социальным нормам. Также выявлена положительная корреляция между конформизмом и рефлексивным «Я» (r=0,120; p<0,01), что указывает на взаимосвязь между способностью к саморефлексии и склонностью личности к социальной адаптации. Положительная корреляция между традиционными ценностями и социальным «Я» (r=0,127; p<0,01) свидетельствует о том, что индивиды, высоко оценивающие традиционные ценности, успешнее выполняют свои социальные роли. Соблюдение традиций способствует укреплению социального положения личности. Отрицательная корреляция между традициями и материальным «Я» (r=-0,092; p<0,01) показывает, что лица, придающие приоритет материальным ценностям, менее ориентированы на традиционные нормы. Положительная связь между традициями и физическим «Я» (r=0,064; p<0,01) отражает гармонию между физическим состоянием и приверженностью традиционным ценностям. Положительная корреляция между доброжелательностью и социальным «Я» (r=0,085; p<0,01) демонстрирует стремление личности к улучшению взаимоотношений с другими людьми, тогда как отрицательная корреляция между доброжелательностью и материальным «Я» (r=-0,128; p<0,01) указывает, что чрезмерная ориентация на материальные интересы снижает готовность к сотрудничеству и эмпатии. Положительная корреляция между доброжелательностью и рефлексивным «Я» (r=0,081; p<0,01) говорит о том, что осознание собственных действий способствует проявлению большего сочувствия и гуманизма. Положительная корреляция между универсализмом и социальным «Я» (r=0,066; p<0,01) отражает стремление личности укреплять социальные отношения, следуя принципам равенства и справедливости. Отрицательная корреляция между универсализмом и материальным «Я» (r=-0,094; p<0,01) указывает, что материальные приоритеты могут противоречить ценностям гуманизма. Положительная корреляция между универсализмом и рефлексивным «Я» (r=0,071; p<0,01) подтверждает, что самосознание способствует принятию принципов справедливости и равенства. Отрицательная корреляция между независимостью и материальным «Я» (r=-0,055; p<0,05) показывает, что приоритет материальных благ может снижать способность личности к самостоятельному принятию решений. Положительная связь между независимостью и физическим «Я» (r=0,167; p<0,01) отражает взаимосвязь между физической устойчивостью и независимостью личности. Положительная корреляция между независимостью и рефлексивным «Я» (r=0,056; p<0,05) указывает на то, что осознание собственных действий способствует стремлению к автономии. Положительная корреляция между стимуляцией и социальным «Я» (r=0,076; p<0,01) демонстрирует, что мотивационные ценности способствуют активности личности в социальных отношениях. Положительная связь между стимуляцией и физическим «Я» (r=0,069; p<0,01) говорит о том, что физическая устойчивость повышает стремление к активности. Отрицательная корреляция между стимуляцией и активным «Я» (r=-0,097; p<0,01) показывает, что чрезмерная ориентация на внешние стимулы может нарушать баланс активности. Положительная корреляция между гедонизмом и социальным «Я» (r=0,081; p<0,01) свидетельствует о том, что стремление получать удовольствие способствует укреплению социальных связей. Положительная корреляция между гедонизмом и физическим «Я» (r=0,077; p<0,01) показывает, что физическое благополучие связано с умением наслаждаться жизнью. Отрицательная корреляция между гедонизмом и активным «Я» (r=-0,097; p<0,01) указывает на то, что чрезмерное стремление к удовольствию может ограничивать ответственное отношение к деятельности. Положительная корреляция между достижениями и социальным «Я»

(r=0,048; p<0,05) демонстрирует, что стремление к успеху укрепляет социальный статус личности. Отрицательная корреляция между достижениями и коммуникативным «Я» (r=-0,059; p<0,05) указывает, что в процессе достижения целей личность может ограничивать коммуникацию.

Положительная корреляция между достижениями и физическим «Я» (r=0,088; p<0,05) подтверждает, что хорошее физическое состояние способствует эффективности и целеустремлённости. Отрицательная корреляция между властью (доминированием) и коммуникативным «Я» (r=-0,083; p<0,01) свидетельствует о том, что стремление к превосходству может препятствовать эффективному общению. Положительная корреляция между властью и материальным «Я» (r=0,059; p<0,05) говорит о том, что материальные ресурсы часто рассматриваются как средство достижения превосходства.

Положительная корреляция между властью и физическим «Я» (r=0,124; p<0,01) показывает, что физическая сила и доминирование взаимосвязаны. Отрицательная корреляция между властью и активным «Я» (r=-0,064; p<0,01) отражает противоречие между стремлением к власти и гармоничной деятельностью.Положительная корреляция между безопасностью и социальным «Я» (r=0,073; p<0,01) демонстрирует, что стремление к безопасности способствует успешному выполнению социальных ролей. Отрицательная корреляция между безопасностью и материальным «Я» (r=-0,139; p<0,01) показывает, что чрезмерное внимание к материальным интересам может снижать ощущение безопасности. Положительная корреляция между безопасностью и физическим «Я» (r=0,054; p<0,05) отражает взаимосвязь между физическим благополучием и стремлением к безопасности.

Положительная корреляция между безопасностью и рефлексивным «Я» (r=0,123; p<0,01) показывает, что самосознание личности усиливает её стремление к внутренней и внешней стабильности.

Таким образом, представленные корреляции отражают взаимосвязи между различными аспектами личности и её ценностями. Нормативные идеалы позволяют глубже понять, как личность соотносит свои социальные роли, независимость, материальные и духовные приоритеты. Эти взаимосвязи важны для анализа того, как ценностные ориентации влияют на поведение, самооценку и положение личности в обществе.

Можно сделать вывод, что концепция «Я» у студенток играет решающую роль в определении их жизненного пути. Система ценностей является одним из ключевых факторов этого процесса, создавая условия для личностного роста и социальной адаптации. Поэтому семейное воспитание, система образования и общественные ценности должны быть направлены на укрепление уверенности студенток в себе.

Студентки с гармонично сформированной концепцией «Я» способны найти своё место в обществе и стать успешными личностями.

Список использованной литературы.

1. Берне Р.В. *Я-концепция и воспитание.* — М., 1986.
2. Теория социального научения Альберта Бандуры. — https://ru.ruwiki.ru/wiki/
3. Ананьев Б.Г. *О принципах современного человекознания.* — М., 1977.

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ПЕДАГОГИКИ

Тошев Мухриддин
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматривается значение технологии обучения на основе командного проекта (PBL) в современном образовании и педагогике. Отмечается, что PBL способствует развитию критического мышления, сотрудничества и профессиональных компетенций будущих педагогов. Анализ отечественных и зарубежных источников подтверждает актуальность и эффективность данного подхода.*

Ключевые слова: *обучение на основе проектов, командное обучение, педагогика, профессиональные компетенции, критическое мышление.*

Abstract. *This article discusses the importance of Project-Based Learning (PBL) in modern education and pedagogy. PBL fosters critical thinking, collaboration, and professional competencies in future educators. Analysis of local and international sources confirms the relevance and effectiveness of this approach.*

Keywords: *project-based learning, team learning, pedagogy, professional competencies, critical thinking.*

XXI век — это эпоха инноваций, цифровых технологий и стремительных социальных изменений. Эти процессы требуют от системы образования новых подходов, методов и технологий. Сегодня задача преподавателя не ограничивается только передачей знаний — он выступает в роли наставника, организатора и мотиватора, направляющего учащихся на самостоятельное мышление, творческий подход и эффективную работу в команде.

С этой точки зрения широко применяемая в последние годы технология обучения на основе командного проекта (Project-Based Learning — PBL) становится важной и неотъемлемой частью современного образовательного процесса. Благодаря этой технологии учащиеся получают возможность не только усваивать теоретические знания, но и применять их на практике, выявляя реальные жизненные проблемы, анализируя их и разрабатывая эффективные решения. В процессе проектной деятельности обучающиеся проходят этапы планирования, реализации, анализа и презентации результатов, что формирует у них ключевые социальные и коммуникативные компетенции. Особую значимость такой подход приобретает при изучении педагогических дисциплин, поскольку педагогика — это не только система научно-теоретических знаний, но и практическая деятельность, основанная на гуманистических ценностях, культура работы с людьми, искусство организации и совершенствования процессов воспитания и обучения. Участвуя в проектной работе, студенты раскрывают свой профессиональный и личностный потенциал: они овладевают необходимыми для будущего педагога навыками — работы в команде, анализа и решения проблем, критического мышления, аргументации и защиты собственных взглядов.

Кроме того, технология проектного обучения превращает обучающегося из пассивного получателя информации в активного участника, исследователя и творца, способного самостоятельно находить пути решения актуальных задач. Это, в свою очередь, способствует развитию таких качеств, как самостоятельность мышления, инициативность, ответственность и ориентация на результат. Важным аспектом

является и то, что в ходе работы над проектом студент учится не только выражать свои мысли, но и взаимодействовать с другими членами группы, осваивая навыки конструктивного общения, уважения к чужому мнению, терпимости и культурного участия в дискуссиях.

Интеграция данной технологии в преподавание педагогических дисциплин полностью соответствует Концепции развития системы образования Республики Узбекистан до 2030 года, в которой одним из приоритетов обозначено внедрение передовых педагогических технологий, активизация учебного процесса и формирование модели образования, ориентированной на результат. Таким образом, обучение на основе командного проекта играет важную роль не только в эффективном преподавании педагогических дисциплин, но и в подготовке конкурентоспособных, компетентных, инициативных и преданных своему делу педагогических кадров будущего.

В современном образовании инновационные методы, особенно технология обучения на основе коллективных проектов (Project-Based Learning — PBL), признаются одним из актуальных и эффективных подходов. Существует множество отечественных и зарубежных источников, которые позволяют через их анализ глубоко понять научно-теоретические основы и практическую значимость данной технологии. В частности, Дж. Дьюи [3] продвигает идею построения обучения на основе жизненного опыта. Он ставит ученика в центр образовательного процесса. Идеи Дьюи составляют идеологическую основу проектного обучения. По нашему мнению, этот подход и сегодня не потерял своей актуальности, а наоборот, становится ещё более значимым. У. Килпатрик [4] впервые применил «метод проекта» в педагогике, обосновав необходимость активного участия учеников и усвоения знаний через практическое применение. Следует отметить, что этот метод не только обучает, но и превращает учащегося в зрелую личность, ответственную за собственное образование. Т. Мархам [5] и Босс с Ларемером [2] в своих работах демонстрируют чёткие алгоритмы, этапы и критерии оценки современной методики PBL. Особенно полезны их рекомендации по дизайну обучения и планированию проектов для преподавателей. Мы считаем, что использование их разработок в реальных учебных занятиях повышает интерес и активность студентов. С. Паперт [6], продвигая конструктивистский подход, напрямую связывает его с PBL. Он глубоко анализирует роль информационных технологий в образовании. По его мнению, учащиеся «создают» знания через собственные проекты. Эта идея очень важна, поскольку рассматривает ребёнка как творца и автора — что является весьма релевантным понятием в педагогике.

Из отечественных исследователей М. Кодирова [7] и С. Таджибаева [8] освещают адаптированные к узбекской образовательной среде формы технологии PBL. Они через практические примеры показывают, как проектный подход внедряется в педагогическую деятельность и какие компетенции при этом развиваются. А. Абдукодиров [1] и Х. Туракулов [9] в своих учебных пособиях раскрывают интерактивные и инновационные методы, особенно в средних специальных и высших учебных заведениях. В их работах чётко показана важная роль PBL в повышении эффективности обучения. Кроме того, в Концепции развития образования Республики Узбекистан до 2030 года, утверждённой Президентом страны, проектный и инновационный подходы названы одними из ключевых средств повышения качества образования. Этот документ определяет законодательную и стратегическую основу технологии PBL.

Глубокий анализ литературы показывает, что технология обучения на основе коллективных проектов является одним из фундаментальных направлений современной педагогики, повышая личную активность учащихся, формируя навыки самостоятельного и критического мышления, сотрудничества. Зарубежные источники дают методологическую базу, а отечественные — практические возможности. Исходя

из личного опыта могу сказать, что внедрение данной технологии в педагогические дисциплины значительно повышает эффективность обучения и профессиональную подготовку студентов.

Список использованной литературы.

1. Абдуқодиров А. Педагогик технологиялар ва замонавий таълим. — Т.: Fan va texnologiya, 2018.

2. Босс С., Лармер Дж. Проектное обучение: как создать содержательные и увлекательные занятия. — ACD, 2018.

3. Дьюи Дж. Опыт и образование. — М.: Педагогика, 2000. — 175 с.

4. Килпатрик В. Метод проектов. — Teachers College Record, 1918.

5. Мархам Т. Проектно-ориентированное обучение: руководство по дизайну и коучингу. — Buck Institute for Education, 2011.

6. Паперт С. Майндштормс: Дети, компьютеры и мощные идеи. — Basic Books, 1980.

7. Қодирова М. Таълим жараёнида инновацион технологиялардан фойдаланиш. — Т.: TDPU, 2019.

8. Таджибоева С. Педагогик амалиёт жараёнида лойиҳавий таълимнинг ўрни. — Т.: Маориф, 2020.

9. Тўрақулов Х.Т. ва бошқ. Инновацион таълим технологиялари: Ўқув қўлланма. — Т.: TDPU, 2020.

НАСИЛИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Насимджанова М. М.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *Насилие феномен многогранный. Оно накладывает отпечаток на все сферы жизни человека и общества в целом. Этим объясняется тот факт, что насилие привлекало внимание представителей самых разных научных дисциплин – философов, историков, психологов, а также представителей искусства. Насилие, может проявляться в любой из сфер жизни современного человека. Ситуации насилия, особенно повторяющиеся многократно, нарушают целостность человека, становятся причиной повышенной тревожности, нарушения самооценки и в итоге во многих случаях приводят к развитию посттравматического стресса.*

Ключевые слова: *насилие, принуждение, агрессивное поведение, угроза, запугивание, враждебность, гнев.*

Abstract. *Violence is a multifaceted phenomenon. It impacts all aspects of human life and society as a whole. This explains why violence has attracted the attention of representatives of a wide range of scientific disciplines—philosophers, historians, psychologists, and artists alike. Violence can manifest itself in any area of modern life. Violent situations, especially those repeated repeatedly, undermine a person's integrity, cause increased anxiety, impaired self-esteem, and ultimately, in many cases, lead to the development of post-traumatic stress disorder.*

Key words: *violence, coercion, aggressive behavior, threats, intimidation, hostility, anger.*

Насилие является серьезной социальной и психологической проблемой. Истоки этой проблемы кроются в том, что человеческой природе свойственна агрессивность, которая находит свое выражение и проявление в межличностном взаимодействии [1]. Психологами предпринимаются попытки объяснить природу и прояснить сущность человеческой агрессии. И результаты таких исследований имеют серьезную значимость как для психологии как науки, так и для прикладных областей психологического знания. Лучшее понимание психологической природы и предпосылок насилия позволяет разработать программы профилактики насилия, снизить риски развития в обществе различных форм и проявлений насилия, минимизировать его негативные последствия для психики отдельных людей и для развития общества в целом.

При всей важности и значимости проблемы насилия для психологии, современные психологи [2] продолжают сталкиваться со сложностями при изучении данного феномена. Сложность изучения данной проблемы связана, в первую очередь, с разнообразием форм и проявлений насилия. Кроме того, проблема насилия часто носит латентный (скрытый) характер, когда жертва не заявляет о своем положении и скрывает факт насилие или даже покрывает насильника и агрессора. Так, согласно актуальным данным NCADV (National Coalition Against Domestic Violence), лишь 34% лиц, претерпевших серьезные формы насилия, обращаются за медицинской помощью [3].

Психологическая трактовка насилия глубже, нежели его повседневное бытовое восприятие. Актуальные подходы к определению понятия «насилие» в психологической литературе представлены в работах экспертов ВОЗ, Е.П. Ильина, С.С. Мамедовой, О.К. Таусиновой, М.Г. Ботовой, М. Флури и коллег, Э.Л. Гэнли. Представленные в психологической литературе подходы к определению понятия «насилие» имеют некоторые различия. Э.Г. Круг и коллеги трактуют насилие как «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб» [4].

Е.П. Ильин рассматривает насилие как «преднамеренное и принудительное физическое или психологическое воздействие одного человека (группы, общества) на другого человека (группу, общество)» [5]. С.С. Мамедова под насилием понимает «форму проявления психического и физического принуждения по отношению к одной из взаимодействующих сторон, которая заставляет эту сторону делать что-либо вопреки своей воле, желаниям, потребностям» [6]. О.К. Таусинова трактует насилие как «акт, выражающий отношение, в котором объект насилия недобровольно третируется не в качестве субъекта, «инаковость» которого признана и уважаема, а как всего лишь предмет, потенциально заслуживающий того, чтобы ему нанесли урон или даже его ликвидировали» [7]. М.Г. Ботова говорит о насилии как о «особом типе отношений, который предполагает применение силового воздействия с целью уничтожения, наказания или контроля над людьми, против их воли» [8].

М. Флури и коллеги трактуют насилие в качестве «угрозы или проявления физических, физиологических и/или эмоциональных насильственных действий, т.е. любого вида силы в отношении другого человека с намерением причинить вред или подчинить себе» [9]. Э.Л. Гэнли, в свою очередь, рассматривает насилие как «паттерн агрессивного и принуждающего поведения, включающий физические, сексуальные и физиологические нападки, а также экономическое принуждение» [10].

Сравнительный анализ представленных определений позволяет лучше понять природу и содержание насилия как психологического феномена. Большинство определений носят описательный синтетический характер, т.е. описывают насилие

через совокупность его возможных форм и проявлений. Определение О.К. Таусиновой концентрируется на позиции жертвы, несколько проясняя природу самого акта насилия: восприятие жертвы не как субъекта, как объекта. В большинстве определений речь идет о принуждении и о преднамеренности насилия. Также насилие рассматривается в тесной взаимосвязи с агрессивностью и агрессией. Ряд авторов подчеркивает в своих определениях, что насилие может носить как реальный, так и потенциальный характер (угроза, запугивание). На основе анализа актуальных определений в выпускной квалификационной работе насилие трактуется как преднамеренное и принудительное воздействие одного человека на другого человека с целью причинить вред или подчинить себе, которое может принимать различные формы выражения.

Е.П. Ильин отмечает, что в настоящее время в психологии наметилась тенденция слишком широкой трактовки насилия и насильственных действий [5]. Так, выставление плохой оценки ученику или дружеское подтрунивание могут интерпретироваться как формы психологического насилия над личностью, хотя они таковыми не являются. Не все, что приносит человеку вред, наносит душевную травму, можно рассматривать как насилие. Е.П. Ильин уточняет, что при разграничении насилия от смежных понятий следует обратить внимание на такую обязательную характеристику насилия, как «принудительность». В случае, когда нет принуждения в отношении жертвы, не может идти речи о насилии ни в какой его форме.

А.И. Фурманов связывает понятие насилия с понятием агрессии и полагает, что без агрессии насилия не бывает, но не всякая агрессия приводит к насилию [1]. К аналогичному выводу приходит на материалах собственного теоретико-эмпирического исследования М.Г. Ботова, говоря о том, что агрессия является проявлением особой эмоциональной реакции человека, часто воплощаемой в насилии [8]. Е.П. Ильин поясняет, что «насилие является частными случаями проявления прямой физической или вербальной агрессии, воспринимаемые человеком как принуждение» [5].

К настоящему моменту выделяют следующие психологические концепции возникновения насилия через взаимосвязи с агрессией [1]:

1) Психодинамическая концепция (З. Фрейд, М. Кляйн, А. Адлер и др.). В рамках концепции поведение человека объясняется мощными влечениями: сексуальное влечение (влечение жизни, либидо) и агрессивное влечение (влечение смерти, танатос). Агрессивное влечение есть основа для развития агрессии и проявлений насилия. Вследствие антагонистической природы двух влечений они представляют собой источник непрерывного внутрипсихического конфликта. Агрессивность присутствует на всех стадиях либидного развития и, не находя выхода, приводит к склонности человека к насилию.

2) Социодинамическая концепция (К. Хорни). В рамках концепции агрессивность рассматривается, как невротическая защитная реакция человека. Агрессивность у ребенка возникает, когда он признает и принимает как должное враждебность окружающих и сознательно или бессознательно решается на борьбу с целью собственной защиты и мести. Результатом ненадлежащего поведения родителей является формирование у ребенка базальной враждебности как базы для будущей агрессивности и склонности к насилию. Враждебность по отношению к родителям трансформируется во враждебность по отношению к обществу. В концепции К. Хорни различаются личности с агрессивностью и с садистскими наклонностями, которые имеют иную природу, однако, тоже находят воплощение в склонности к насилию.

3) Фрустрационная концепция (Дж. Доллард, Н. Миллер). В рамках концепции агрессивное поведение и насильственные проявления рассматриваются как ситуативный, а не закономерный эволюционный процесс. Агрессия возникает в качестве реакции на фрустрацию и представляет собой намеренное желание навредить кому-либо. Фрустрация же представляет собой состояние нехватки чего-

либо, восполнить которую человек самостоятельно не в состоянии, поскольку присутствуют некоторые помехи, препятствия, блокирующие целенаправленное поведение. Сторонники данной концепции вводят дополнительное понятие – «смещенная» (замещенная) агрессия. О смещенной агрессии речь идет в том случае, когда человек выплескивает свою агрессию не на объект, непосредственно вызывающий фрустрацию, а на любой другой объект.

4) Когнитивно-неоассоцианистская концепция (поздние работы Л. Берковитца [5]). В рамках концепции устанавливается, что посыл к агрессии не обязательно приводит к реальному агрессивному поведению индивида. В концепции подчеркивается роль эмоциональных и познавательных процессов в развитии агрессивного поведения и применении насилия. Для реальных проявлений насилия необходимо, чтобы степень аверсивности фрустрационной ситуации оказалась достаточной для актуализации отрицательных эмоций. В любой ситуации, связанной с наличием посыла к агрессии, у человека возникает ситуация выбора из двух вариантов: бегства и борьбы. Бегство есть поведенческий вариант реакции избегания. Борьба есть поведенческий вариант реакции агрессии. Склонность к борьбе находит, как правило, два выражения: стремления наброситься и ударить доступную жертву или побуждения причинить ущерб кому–либо. Оба варианта есть формы насилия, которое может находить различные формы выражения.

5) Аффективно-динамическая концепция (И.А. Фурманов [1]). В рамках концепции агрессия трактуется как «модель поведения, обеспечивающая адаптацию человека, один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности». Ее предлагается отличать от агрессивности как устойчивой личностной черты. Напряженная система разряжается через действие и проявление активности. Если прямая активность недоступна, то уравновешивание достигается за счет выполнения замещающих действий. Возникающая при кризисной ситуации напряженность, а также связанные с ней переживания, могут оказывать влияние на появление (усиление) определенных личностных особенностей и моделей поведения, в т.ч. агрессивности. Когда доминирующей эмоцией является гнев, человек проявляет активную агрессию, когда доминирующей эмоцией является страх, агрессия переходит в пассивную форму.

6) Поведенческая концепция (А. Бандура). В рамках концепции предполагается, что развиваются те формы поведенческих реакций, которые получают позитивное подкрепление или не получают негативного подкрепления. Также рассматривается аспект научения через наблюдение: наблюдая насильственные формы поведения, ребенок приобретает склонность проявлять себя подобным образом в схожих социальных ситуациях с задействованием механизмов имитации и идентификации. Кроме того, изучается потенциал применения агрессии в качестве способа решения адаптационных проблем индивида в различных сферах.

7) Когнитивная концепция (А. Эллис[11]). В рамках концепции тремя основными психологическими аспектами деятельности человека являются мышление, эмоции и поведение (А-В-С–теория). Если человек изменяет способ мышления, очень вероятно, что вслед за этим изменится, и его эмоциональная реакция на событие и, возможно, изменится поведение. Разделяются здоровая и нездоровая агрессия. Здоровая агрессия способствует достижению правильных целей (их выделяется четыре: выживание, счастье, социальное принятие и интимные отношения). Нездоровая агрессия блокирует достижение целей и выражается в насилии, которое принимает различные формы. Согласно концепции, агрессивность в сочетании с враждебностью и гневом мотивирует нападение на других людей. Рассмотренные концепции позволяют установить механизм развития насилия и склонности человека к насилию, к решению своих проблем и достижению своих целей путем осуществления насильственных действий.

Насилие, по мнению большинства современных психологов, намного шире, нежели причинение физического вреда здоровью или жизни другого человека. В современном мире насилие принимает разнообразные формы и виды. Актуальные исследования показывают, что зачастую насилие, не имеющее прямого воздействия на здоровье и жизнь другого человека, имеет не менее выраженные негативные последствия, нежели прямое физическое насилие. При этом идентифицировать и обнаружить скрытые формы насилия, отличные от прямого физического насилия, существенно сложнее, что связано с их латентным характером. Поэтому крайне важно грамотно выделять и диагностировать различные формы и виды насилия, присутствующие в современном обществе. Классификация форм и видов насилия представлена на рисунке

Е.П. Ильин выделяет следующие формы насилия: физическое, психологическое и сексуальное. С.С. Даренских дополняет данные три вида четвертым – экономическим насилием. Некоторые исследователи выделяют также эмоциональное насилие (Ю.В. Быховец и М.В Дан, Н.Н. Казымова, С.К. Хаидов и др.), однако не представляется возможным, по нашему мнению, отделить его от психологического насилия. Поэтому в данном исследовании выделяются четыре формы насилия по характеру воздействия субъекта на объект: физическое, психологическое (в т.ч. эмоциональное), сексуальное и экономическое. По цели принудительного воздействия Е.П. Ильин выделяет конструктивное и деструктивное насилие [5].

Конструктивное насилие представляет собой умышленное «причинение пользы и добра» субъектом объекту, т.е. насилие, осуществляемое с истинно и искренне благими намерениями со стороны субъекта. Например, принудительное удержание подростка дома во избежание попадания его в дурную компанию, насильственное удержание человека от причинения вреда себе, от попытки суицида и т.п.

Деструктивное насилие – это насилие в его «классическом» понимании, когда субъект принуждает объект из плохих намерений в отношении него и с дурными целями. К.П. Балакирева выделяет на основании соотношения субъекта и объекта насилия такие его виды, как самонасилие, межличностное и коллективное насилие [2]. Самонасилие представляет собой ситуацию, где субъект и объект насилия совпадают. Это покушение на собственную жизнь или здоровье (в том числе самоубийство, попытки самоубийства, самоповреждение). Межличностное насилие представляет собой насилие в отношении личности со стороны другого человека или группы людей. Коллективное насилие представляет собой насилие в отношении члена общества со стороны государства, политической группы, общественной, религиозной или террористической организации.

По сферам, в которых проявляется насилие субъекта по отношению к объекту, С.Н. Трошина выделяет семейное насилие, служебно-профессиональное насилие (в т.ч. моббинг), школьное насилие (в т.ч. буллинг), а также социально-бытовое насилие, когда субъект и объект не связаны какими-либо системами межличностных взаимоотношений. Домашнее (семейное) насилие, поскольку именно оно является сферой интересов данного исследования, следует в рамках предложенной классификации разделить на виды насилия по подсистемам семейной системы: насилие в детско-родительской подсистеме; насилие в сиблинговой подсистеме; насилие в супружеской/партнерской подсистеме; насилие в рамках иных подсистем семейной системы.

На основе анализа теоретической литературы в области психологии и представленных в ней определений можно сделать вывод что насилие трактуется как преднамеренное и принудительное воздействие одного человека на другого человека с целью причинить вред или подчинить себе, которое может принимать различные формы выражения. Осознание проблемы насилия в нашем обществе является показателем его развитости и предпосылкой для борьбы с насилием.

Список литературы.

1. Фурманов, И.А. Социальная психология агрессии и насилия. Минск: БГУ, 2016. 392 с.
2. Ботова, М.Г. Соотношение понятий «Насилие» и «Агрессия»: теоретико-эмпирическое исследование // Вестник КГУ. 2012.
3. https://ncadv.org/STATISTICS
4. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире /Под ред. Этьенна Г. Круга и др./ Пер. с англ. М: Издательство «Весь Мир», 2003. 376с.
5. Ильин, Е.П. Насилие как психологический феномен // Universum: Герценовского университета. 2013. №1.
6. Мамедова, С.С. К вопросу о насилии как научном понятии // ученый. 2016. № 8 (112). С. 875-877.
7. Таусинова, О.К. Теоретический анализ понятия насилия в психологической литературе // Sciences of Europe. 2017. №19-3 (19).
8. Ботова, М.Г. Соотношение понятий «Насилие» и «Агрессия»: теоретико-эмпирическое исследование // Вестник КГУ. 2012. №1.
9. Flury M., Nyberg E., Riecher-Rössler A. Domestic violence against women: Definitions, epidemiology, risk factors and consequences// Swiss medical weekly: official journal of the Swiss Society of Infectious Diseases, the Swiss Society of Internal Medicine, the Swiss Society of Pneumology November 2010 140(140): w13099. DOI:10.4414/smw.2010.13099
10. Ganley A.L. Understanding domestic violence. URL: https://www.futureswithoutviolence.org/userfiles/file/HealthCare/improving_healthcare_manual_1.pdf
11. Эллис, А. Управление гневом. Как не выходить из себя, спокойно реагировать на все и справиться с самой разрушительной эмоцией. СПб.: Питер, 2021. 240 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЛЕНИ У СТУДЕНТОВ

Нишанова З.Т.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются психологические особенности лени у студентов, её проявления, причины и влияние на волевые качества личности. Лень рассматривается не как болезнь, а как симптом внутреннего конфликта между желаниями человека и необходимостью выполнения обязанностей. Основные причины включают физическое переутомление, потерю интереса, страх перед неудачей, стремление к гомеостазу, а также неврологические или психические расстройства. Исследуются мотивационный, поведенческий и эмоциональный компоненты лени, её связь с низкой самооценкой, недостатком самоконтроля и слабой нервной системой. Статья подчёркивает, что лень выполняет сигнальную и защитную функцию, и рассматривает способы её преодоления, включая осознание страха, анализ потребностей и работу с психологом. Лень также рассматривается как форма откладывания действий и*

прокрастинации, связанная с соответствием деятельности текущим потребностям личности.

Ключевые слова: *лень, прокрастинация, внутренняя мотивация, волевая сфера, внутренний конфликт, студенты, психология, эмоциональные и поведенческие проявления.*

Annotation. *This article examines the psychological characteristics of laziness in students, its manifestations, causes, and influence on personal willpower. Laziness is considered not as a disease, but as a symptom of an internal conflict between a person's desires and the necessity to fulfill obligations. The main causes include physical exhaustion, loss of interest, fear of failure, the tendency toward homeostasis, and neurological or mental disorders. The study explores the motivational, behavioral, and emotional components of laziness, its connection with low self-esteem, lack of self-control, and weak nervous system. The article emphasizes that laziness serves as a signal and protective function and discusses ways to overcome it, including recognizing fear, analyzing needs, and working with a psychologist. Laziness is also viewed as a form of postponed action and procrastination, related to the alignment of activity with the individual's current needs.*

Keywords: *laziness, procrastination, intrinsic motivation, willpower, internal conflict, students, psychology, emotional and behavioral manifestations.*

Одной из актуальных проблем современности является лень. В образовательном процессе важно изучать психологические особенности, симптомы, причины и профилактику лени у студентов, а также связь лени с волевыми качествами.

На вопрос «что такое лень?» окружающие отвечали примерно так: «просто нежелание что-то делать» или «много спать». А знаем ли мы, сколько смыслов таится в слове «лень»? Слово «лень» означает «привычка уклоняться от работы», «не работать». Итак, лень – не такое узкое понятие, как принято считать, а скорее причина безразличия и невнимания, соучастник ужасных событий. К сожалению, сегодня, в результате легкомысленного отношения людей к этой «болезни», процветают дурные пороки, являющиеся продолжением лени.

Словарь С.И. Ожегова определяет лень как «отсутствие желания действовать, работать, любовь к безделью» [3]. Ильин Е. пишет о различных подходах к понятию «лень»: отрицательное отношение к лени, лень как двигатель прогресса, лень как болезнь и лень, как миф, то есть лень связана с нарушениями памяти, речи, внимания, моторики [2]. В.В. Воробьева и И.С. Якиманская рассматривают лень как низкий уровень мотивации, связь со слабой волевой сферой, лень как индивидуальный стиль деятельности, боязнь ответственности, защитная реакция, негативизм внутреннего ребенка, стремление к удовольствию, ресурсное состояние, лень как деятельность [1].

Лень – это отсутствие усердия, абсолютное нежелание что-либо делать, прилагать хотя бы малейшие усилия к действию. С научной точки зрения, лень проявляется в контексте волевой сферы человека, её негативное качество воспринимается как недостаток активности, мотивации, нежелание достигать целей, стремление найти время для отдыха и расслабления. В сравнении с волевыми характеристиками человека это безволие. Психология трактует понятие лени не как болезнь или нездоровое состояние, а как симптом, сигнал о проблеме, конфликт между желанием человека и его долгом, необходимостью его исполнения. Психология рассматривает причины лени по нескольким направлениям: условия жизни, в которых находится человек; нервная система, воспитание и индивидуальные особенности человека в обществе. Наиболее распространённые причины лени описаны ниже.

1. Физическое переутомление, когда человек физически, эмоционально, интеллектуально истощен. При нарушении баланса между отдыхом и работой внутренние силы человека истощаются, и желание что-либо делать исчезает.

Организм и нервная система отказываются продолжать работать в таком режиме и, проявляясь через лень, сигнализируют о необходимости отдыха.

2. Потеря интереса или полное отсутствие интереса к тому, что человек делает или должен делать, отсутствие цели. То, что нам нужно делать, не соответствует ценностям и интересам, важным для нас в данный момент.

3. Страх перед невозможностью выполнения деятельности, перед тем, что в результате затраченных усилий, денег и каких-то усилий человек не получит то, что ему нужно. Таким образом, лень выполняет защитную функцию от действий, которые человек боится совершать и которые вызывают у него дискомфорт. Он может не осознавать этот страх, ему просто лень это делать. Человек может бояться чего-то нового для себя, чего-то, с чем он никогда не сталкивался, бояться выглядеть нелепо, начать дело и не довести его до конца, не получить ожидаемых дивидендов. Кроме того, страх может возникать из-за негативного опыта в прошлом, из-за личных травмирующих ситуаций, которые привели к печальным последствиям.

4. Ещё одна причина лени — гомеостаз. Наш организм стремится поддерживать привычное для него состояние. Организм чувствует, что ему ничто не угрожает. В результате он создаёт для себя комфортную, новую зону комфорта.

5. Также причинами могут быть наличие неврологических или психических расстройств, употребление алкоголя, наркотиков, нарушения стимуляции и выработки гормона дофамина.

Исходя из вышесказанного, можно охарактеризовать причины лени у студентов несколькими способами. – сигнал о том, что цели неэкологичны – они не соответствуют нашим желаниям и личным возможностям;

– признак несовместимости задач, когда наши задачи требуют слишком много усилий, а результат того не стоит;

– отсутствие мотивации, желания и значимости;

– физическая, эмоциональная, интеллектуальная бездеятельность, пассивность.

По этим причинам у студентов могут возникать различные проявления лени. А. Адлер высказал следующие мысли о лени: «Если бы мы знали, как победить одного из наших самых сильных врагов – лень, сколь многого бы мы достигли в этой жизни». Однако, даже зная о вреде лени, большинство из нас не может с ней справиться. Лень доминирует во многих людях, мешая им полностью реализовать себя – она разрушает человеческую жизнь, превращая её в пустое и бессмысленное существование. Как избавиться от лени? Её причина – страх. Здесь лень выполняет положительную функцию, защищая нас от дискомфорта, неприятных эмоций и последствий. Страх часто бессознателен, поэтому очень сложно понять причину лени. Рекомендуется понаблюдать, что мучает нас в подобной деятельности, чего мы боимся, от чего хотим уйти. Спросите себя: «В чём моя внутренняя выгода, какая выгода, если я откажусь от этого?» Это лучший способ распознать свой страх, разобраться, чего мы боимся, что делать, чтобы преодолеть внутренний страх.

В современном обществе лень – более приемлемая форма поведения, чем страх. Но если причина лени — страх, то бороться с ним будет бесполезно и утомительно. Важно понять, почему вы не верите в себя? Необходимо понять, что нужно изменить, укрепить, чтобы обновить вашу решимость, ваши возможности, повысить уверенность в себе.

Как побороть лень и апатию, если они являются симптомом депрессии, нежелания что-либо менять, привычного образа жизни, воспитания или болезни? Тогда рекомендуется обратиться к соответствующим специалистам в медицинской сфере для обследования или лечения, поработать с практикующим психологом, психотерапевтом.

Дж. Холлинс писал, что такие понятия, как депрессия, апатия, несут в себе полезный посыл, что в состоянии депрессии есть нечто жизненно важное и очень важно не убегать от него, а погружаться в него, чувствовать и понимать больше.

Согласно учению Ухтомского о доминанте, в какой-то момент времени для человека актуальна одна потребность, и все действия человека подчинены её удовлетворению. Если определённая потребность актуальна, а человек ставит перед собой задачу, ей не соответствующую, то «доминирующее внимание» в коре головного мозга замедляет её выполнение. Например, в форме лени.

Другими словами, лень возникает, когда вместо удовлетворения своей реальной потребности мы пытаемся удовлетворить другую. В психологии это состояние называется внутриличностным конфликтом. Конфликт потребностей — частный случай внутреннего конфликта личности. Лень — это форма сопротивления нашего организма, с помощью которой он подаёт нам сигнал.

Л. Михайлова выделяет три компонента лени (применительно к учебной деятельности):

1. Мотивационный компонент: отсутствие мотивации или слабая мотивация к учебной деятельности;

2. Поведенческий компонент: невыполнение необходимой деятельности;

3. Эмоциональный компонент: безразличие или позитивные переживания по поводу невыполнения требований к учебной деятельности.

Исследования показывают, что у ленивых людей чаще, чем у неленивых, встречаются следующие тенденции: низкая самооценка; стремление избегать неудач; низкий самоконтроль в деятельности; слабая нервная система; низкая мотивация к успеху с точки зрения внутреннего равновесия.

В заключение можно сказать, что лень – это отложенное действие. Прокрастинация заложена в подсознании как постоянное рекурсивное явление.

С точки зрения проблемы лени и её причин, важнейшей особенностью потребностей является то, что они являются источником как физической, так и психической энергии. Если наша деятельность и поведение соответствуют нашим текущим потребностям, то у нас не возникнет никаких проблем с реализацией этой деятельности: ни лени, ни скуки, ни прокрастинации, ни других форм отстранённости и попыток отсрочить неизбежное.

Таким образом, так называемая лень зависит как от мотивации, так и от силы воли, которые определяются наличием природных задатков, таких как сильная или слабая нервная система, возбуждение в соответствии с внутренним равновесием.

Список литературы.

1. Воробьева В.В., Якиманская И.С. Психология лени: постановка проблемы. URL: http://www.psyvoren.narod.ru/ps_leni.htm (дата обращения: 10.12.2014)

2. Ильин Е. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. URL: http://www.e-reading.link/book.php?book=1022824 (11.12.14)

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.

СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К РЕШЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Нуруллаева Ш.У.
(г. Карши, Узбекистан)

Аннотация. *В статье представлен анализ роли конфликтов и противоречий в педагогических отношениях. Педагогический процесс включает в себя и общественные отношения. Соответственно, на основе анализа содержания педагогического общения выявляются причины возникновения конфликтов в педагогическом процессе, обусловливающие факторы конфликтов, а также позитивные аспекты конфликтов. Также обозначена роль педагога в разрешении конфликтов, даны методические рекомендации по разрешению конфликтов, возникающих в педагогическом процессе.*

Ключевые слова: *конфликт, педагогическое общение, педагогические конфликты, разрешение конфликтов, позитивные аспекты конфликтов, профилактика конфликтов.*

Abstract. *This article presents an analysis of the role of conflicts and contradictions in pedagogical relationships. The pedagogical process also encompasses social relations. Accordingly, an analysis of the content of pedagogical communication identifies the causes of conflicts in the pedagogical process, the factors that underlie them, and the positive aspects of conflict. The role of the teacher in conflict resolution is also outlined, and methodological recommendations for resolving conflicts arising in the pedagogical process are provided.*

Keywords: *conflict, pedagogical communication, pedagogical conflicts, conflict resolution, positive aspects of conflict, conflict prevention.*

Противоречия являются неотъемлемой частью человеческой жизни. С начала времён человечество только и делало, что сталкивалось с противоречиями, стремилось их преодолеть, преодолевало трудности, и именно этот процесс обеспечивает переход человеческой деятельности на качественно новый уровень.

Психологическая подготовка педагогов имеет большое значение в преодолении подобных конфликтов, возникающих в педагогической деятельности. Поскольку педагогический процесс основан на межличностных отношениях, а психологические знания играют ключевую роль в предупреждении постоянно возникающих конфликтов и разрешении возникающих проблем.

Приступая к педагогической деятельности, молодой учитель не всегда легко адаптируется к новому виду деятельности. Адаптация определяется профессиональными компетенциями выпускника, которые определяются их соответствием требованиям государственных образовательных стандартов и соответствием профессиональным требованиям (требованиям, связанным с педагогической деятельностью). Наличие этого соответствия способствует лёгкой адаптации молодого учителя в новом коллективе и эффективной организации педагогической деятельности. Педагогический процесс, как вид социального процесса, постоянно изменяется и развивается на основе борьбы противоречий.

В частности, новый вид деятельности, к которому приступают молодые учителя, порождает ряд проблем, присущих этому процессу. И это наглядно проявляется в работе многих молодых учителей. Подобные проблемы, являясь препятствием, также приводят к сложностям в процессе адаптации некоторых молодых учителей и могут проявляться в следующих сферах деятельности:

• коммуникативные конфликты (проблемы в общении с учениками, проблемы в общении с родителями, проблемы в общении с коллегами и администрацией школы).

• конфликты в методическом процессе (неспособность донести информацию до учеников, нехватка времени, чрезмерная усталость на уроке, скука учеников и т. д.).

• социальные конфликты (неспособность молодого специалиста адаптироваться в новом коллективе, семейные проблемы молодых людей и т. д.).

Конечно, такие конфликты носят индивидуальный характер и могут различаться в зависимости от черт характера, профессиональной подготовки, социальных особенностей, причин их возникновения, длительности разрешения и последствий (положительных или отрицательных).

Естественно как не бывает одинаковых людей и одинаковых ситуаций в обществе, так не бывает и одинаковых педагогических ситуаций, одинаковых причин и стандартных решений.

Исходя из этого можно сделать вывод, в педагогической деятельности, как и во внешней природной и социальной среде, окружающей человека, естественно наличие конфликтов. Только объективный и творческий подход педагога к разрешению этих конфликтов позволит ему повысить эффективность своей работы.

Педагогическое общение представляет собой систему коллективного социально-психологического взаимодействия. Соответственно, можно выделить следующие направления общения: 1) общение учителя с отдельными учениками; 2) общение учителя с группой учеников через отдельных учеников; 3) общение учителя с отдельными учениками через группу. Следует отметить, что эти направления общения происходят во взаимосвязи друг с другом и т. д. Коллективный характер общения в педагогической деятельности является не только коммуникативной стороной деятельности, но и одной из важных закономерностей педагогического общения. Исследования педагогического общения показывают, что в процессе общения происходит взаимное самовыражение собеседников, взаимное коммуникативное самовыражение учителя и учеников, что непосредственно влияет на творческие чувства участников педагогического процесса. Такое взаимосамовыражение возникает на основе эмоциональной сплоченности учителя и учеников, укрепляет ее и проявляется в результате эмоционального единения. Этот эффект оказывает существенное влияние на содержание педагогического общения, положительно влияет на процесс обучения учеников. В определённой степени формируется педагогическая эмпатия. Учитель выступает активатором этой эмпатии и побуждает учеников к решению задач и сотрудничеству в исследовательской работе, поскольку эмпатия, которую он испытывает к ученикам, в свою очередь, влияет и на самого учителя. Понимание и оценка эмоционального состояния класса в целом и каждого ученика в отдельности чрезвычайно важны и являются показателем уровня усвоения информации.

В психологии имеется опыт определения эмоционального состояния других людей по тону голоса, мимике и другим, явно выраженным движениям. Однако в рамках педагогического общения эти вопросы остаются малоизученными. В то же время, умение понимать эмоциональные интересы и соответствующий им уровень восприятия информации весьма полезно для педагога. Опытный педагог может объяснить тему в классе и, глядя на учеников, определить уровень их усвоения знаний. Формирование такого навыка у педагога должно быть неотъемлемой частью профессиональной подготовки.

В педагогическом общении крайне важно гармоничное взаимопонимание учителя и ученика. Это позволяет корректировать и интенсифицировать образовательный процесс. Эмоциональная эмпатия и идентификация играют важную роль в организации правильного взаимопонимания в образовательном процессе. Эмоциональное единение с учащимися, проживание его чувств и мыслей, а следовательно, адекватное

понимание его мыслей и переживаний – весьма сложная задача. Активная эмоциональная эмпатия в педагогическом общении – важный профессиональный элемент.

Типология конфликтов, то есть их разделение на отдельные виды и проявления, представляет собой довольно сложное явление. Ведь каждый реальный конфликт состоит только из своих собственных характеристик. С этой точки зрения, изучение конфликтов путём их деления на схожие группы представляет определённую сложность. Однако можно выделить некоторые общие правила и принципы, касающиеся методов их прекращения и достижения положительного результата:

во-первых, конфликты являются одной из самых острых социальных проблем современности. Конфликты подразделяются на международные, семейные, территориальные, а также конфликты между участниками: межличностные, межэтнические, межгосударственные, между отдельными группами и между системами.

во-вторых, то, как конфликт заканчивается, – более широкое понятие, чем то, как он был разрешён. Конфликт может закончиться спором между сторонами, но его прекращение не всегда означает, что конфликт нашёл своё решение. Например, предположим, что конфликт заканчивается смертью одной из сторон. Можно сделать вывод, что конфликт завершён. Однако это не означает, что конфликт и противоречия между заинтересованными сторонами прекратились. Конфликт остаётся. Следовательно, понятие «разрешение конфликта» – более широкое и конкретное понятие, чем понятие «прекращение конфликта». Если под прекращением конфликта понимать любое прекращение конфликта, его прекращение по какой-либо причине, то понятие разрешения конфликта означает его разрешение и завершение с неким «позитивным» результатом, с хорошими выводами, удовлетворяющими обе стороны. Разрешение конфликта означает его фактическое прекращение, разрешение конфликта и кризиса между двумя сторонами, исчезновение взаимного антагонизма и установление принципов мира и согласия между сторонами.

Практика и жизненный опыт разрешения конфликтов всегда показывают, что их разрешение требует больших усилий и стремлений с обеих сторон, и что сторонам непросто прийти к решению и компромиссу. Ведь конфликт – это не реальность, которая разрешится сама собой. Для его разрешения необходимо понимать собеседника, слушать, придерживаться критериев справедливости, достигать компромиссов, уметь находить общее и взаимоприемлемое решение, отказываться от гнева и совершать ряд других действий. Конечно, можно игнорировать конфликт, не признавать его (игнорировать) и пытаться трактовать его по-своему. Однако в этом случае конфликт стихийно развивается, то есть, не подчиняясь никому, он обостряется, усложняется, начинает втягивать в свою ловушку других людей, разрастается, примирить стороны становится невозможно, а следовательно, интересы, число заинтересованных лиц увеличиваются, и в конечном итоге полностью разрушается вся система, то есть та ситуация которая была до конфликта.

Для устранения конфликтов, возникающих в процессе педагогической деятельности, необходимо прежде всего определить причины их возникновения. Причинами возникновения вышеуказанных конфликтов могут быть:

1. Слабо сформированные навыки практического использования теоретических знаний, недостаток методических знаний. Или несоответствие мечтаний и надежд педагога перед началом новой деятельности реальному положению дел.

2. Хлоднокровное отношение к профессии или общая нелюбовь к ней.

3. Трудности адаптации к новому коллективу, новой обстановке и виду деятельности.

4. Неучёт возрастных особенностей, возможностей и интересов учащихся.

Чтобы предотвратить подобные конфликты, учителю необходимо работать над собой, изучать опыт квалифицированных педагогов и, конечно же, действовать в следующих направлениях:

1. Учителю следует делать выводы о каждом ученике, основываясь только на собственном мнении и опыте, а также искать, видеть и стараться развивать в каждом ребенке хорошие качества и позитивные установки.

2. Улучшить психологическую атмосферу на уроке. Психологическая атмосфера – это коллективное состояние сознания и поведения, которое выражается во взаимоотношениях учащихся друг с другом и с учителем. Учащиеся обладают способностью интуитивно чувствовать эмоциональное состояние учителя. Поэтому учитель должен уметь с самого начала урока создавать позитивное отношение к учащимся.

3. Выражайте мысли не с точки зрения «я», а с точки зрения «мы». Тогда ученики почувствуют, что учитель с ними в одной команде.

4. Установить личные отношения с учениками. К ним следует обращаться по имени, а не по фамилии. Это способствует установлению психологической близости между преподавателем и учащимися. Необходимо уделять внимание установлению зрительного контакта, то есть взгляду в лицо студенту во время разговора.

5. Проявляйте любовь к своей профессии, своему делу и своим ученикам. Люди, которые относятся к этому делу как к временной работе, никогда не освоят его как следует, не смогут проявить преданность делу и не будут любить его.

6. Стараться пробудить мотивацию у учеников. Чтобы создать мотивацию, ученикам необходимо быть примером в усвоении знаний и достижении результатов. Если он демонстрирует свои достижения и интерес к профессии, ученики последуют его примеру и будут стремиться учиться, участвовать в конкурсах и развиваться.

7. Проблема дисциплины. Как только молодой учитель начинает свою карьеру, он понимает, что ученики не упустят ни одной возможности сорвать урок или сделать небольшой «перерыв». Чтобы предотвратить подобные ситуации, учитель не должен утомлять учеников и отвлекать их от урока. Учитель должен тщательно планировать каждую минуту урока, основываясь на тщательной подготовке. Это, конечно, требует от учителя большой методической подготовки.

6. Взаимоотношения с родителями. Главным помощником молодого учителя в эффективной организации работы может стать его партнер – семья. Иногда учителю сложнее работать с родителями, чем с учениками. Иногда прихоти родителей могут мешать работе учителя и даже приводить к конфликтным ситуациям. На самом деле, обе стороны работают ради одной цели – всестороннее развите личности ученика. Однако родители часто судят о школьной жизни и деятельности учителя только со слов своих детей. Многие родители даже не пытаются выяснить реальное положение дел. Поэтому учитель всегда должен стараться выражать объективное отношение и побуждать к этому родителей.

К положительным аспектам конфликтов, возникающих в педагогической деятельности, можно отнести:

- необходимость конфликтов и их разрешение требует и обеспечивает определённую степень динамики деятельности субъектов педагогической деятельности, предотвращает ситуации застоя в процессе деятельности;

- выявляются истинные источники возникновения конфликтов, основа их возникновения, и, как следствие, предотвращается возникновение последующих конфликтных ситуаций;

- устраняются старые ситуации во взаимоотношениях, начинается новая эпоха в отношениях, корректируются отношения сотрудничества;

- устраняются ситуации, вызывающие у человека психологические и физиологические заболевания, такие как агрессивные эмоции, фрустрация, неврозы;

- повышается уверенность в себе и опыт участников, расширяются сферы деятельности;

- конфликты объединяют и сближают людей для преодоления этой проблемы;

- в позитивном направлении меняется любознательность человека, его отношение к получению знаний и методическим исследованиям; - разрешение конфликтной ситуации и достигнутый в этом процессе успех повышают авторитет человека в коллективе.

Для достижения оптимального уровня общения с детьми рекомендуется придерживаться следующих рекомендаций:

1. Входить в класс в состоянии бодрости, уверенности в себе и активности.

2. Общий настрой в начале беседы должен быть бодрым, продуктивным и уверенным.

3. Наличие коммуникативного темперамента: ярко выраженная готовность к общению.

4. Коммуникативная инициативность, эмоциональный темперамент и активность, умение настраивать класс на заданное эмоциональное состояние.

5. Умение создавать необходимое эмоциональное состояние на уроке.

6. Умение контролировать свои эмоции и общение с детьми во время урока (уравновешенное эмоциональное состояние, умение контролировать себя в любой ситуации, отсутствие эмоциональной неустойчивости).

7. Продуктивность.

8. Управление коммуникацией: скорость, конкретность, чувство собственного стиля, умение организовать последовательность общения и методы воздействия.

9. Язык (яркий, образный, эмоционально насыщенный, высококультурный).

10. Мимика (энергичная, яркая, педагогически целесообразная)

11. Пантомима (выразительность, гармоничностьи полнота жестов, пластическая образность).

12. Заключение. Общая характеристика общения.

Однако все эти «технологические» методы дают положительные результаты лишь при наличии главных условий: интереса к педагогической профессии, чувства вкуса к преподаванию и любви к детям. Иными словами, здесь важную роль играет профессионально-педагогическая направленность личности педагога. Таким образом, поскольку конфликты являются неотъемлемой частью человеческой жизни, невозможно не признавать их и не учитывать. Необходимо лишь научиться управлять конфликтами и находить для них решения.

Одним из важных требований к разрешению конфликта является готовность сторон к поиску решения и их добровольное обязательство найти решение конфликта. Если стороны не готовы найти решение конфликта по своей воле, решение конфликта не может быть найдено. Прежде всего, необходимо определить объективные причины, породившие конфликт, и четко обозначить условия, которые его породили. С этой точки зрения, любой конфликт формируется субъективными факторами (людьми, группами, системами) и объективными факторами (внешними факторами, вызвавшими конфликт). Поиск решения конфликта может быть сложным, длительным процессом, требующим терпения и настойчивости, и требующим от сторон длительной работы над собой. Поиск решения конфликта — это путь, направленный на взаимопонимание и осознание друг друга.

Разрешение конфликтов можно рассматривать как сложный и многоуровневый процесс, который протекает в различных формах и зависит от множества факторов. С точки зрения психолого-педагогического анализа, выделяются несколько основных типов разрешения конфликтов. К ним относится добровольное урегулирование ситуации по взаимному соглашению сторон, симметричное решение, при котором обе стороны либо выигрывают, либо проигрывают, а также асимметричное разрешение,

когда преимущество получает только одна из сторон. Иногда конфликт может быть погашен или нивелирован за счёт возникновения другого, более крупного противостояния. В ряде случаев конфликт постепенно «затухает» и внешне исчезает, однако это не всегда означает его полное разрешение.

Исследования показывают, что классификация конфликтов по способу их разрешения не отражает всех особенностей этого процесса, так как существует множество нестандартных ситуаций, требующих индивидуального подхода. Американский учёный Р. Даль выделил три основных типа разрешения конфликтов: тупик, насилие и мирное урегулирование. Тупик означает, что конфликт не разрешён, а лишь временно приостановлен. Насильственное разрешение предполагает, что стороны стремятся уничтожить или подавить друг друга, тогда как мирное урегулирование ориентировано на конструктивное, рациональное взаимодействие и поиск взаимоприемлемых решений. Важно понимать, что неразрешённый конфликт не исчезает полностью, а переходит в скрытую форму, где его последствия зависят от накопленного эмоционального состояния сторон. Если доминируют позитивные эмоции и стремление к сотрудничеству, появляется возможность конструктивного выхода из ситуации. Если же преобладают негативные чувства, напряжённость усиливается и конфликт может вспыхнуть с новой силой.

Таким образом, конфликт является закономерным явлением, естественной частью человеческого взаимодействия, и не должен восприниматься исключительно как разрушительный фактор. Важно анализировать субъективные причины его возникновения, понимать, что это столкновение интересов, а не личностей, и стремиться к добровольному совместному поиску решений. Каждый конфликт имеет потенциальную возможность разрешения, если стороны готовы к диалогу и компромиссу. Игнорирование конфликта или его временное затухание не устраняют проблему, а лишь создают почву для более глубоких противоречий в будущем. Для конструктивного разрешения требуется определённый уровень знаний, коммуникативных умений и психологической культуры. Основное внимание при этом должно быть сосредоточено не на личностях участников, а на самой проблеме, объединяющей их в процессе поиска решения.

Факторы, препятствующие успешной педагогической деятельности молодых учителей и часто создающие конфликтные ситуации, разнообразны. Среди них можно выделить недостаточное знание предмета, нехватку учебно-методических материалов, неблагоприятные условия труда, семейные трудности, слабую мотивацию к профессии, низкую активность учащихся на уроках, ограниченную материальную базу, а также недостаточный уровень психолого-педагогической подготовки. Дополнительные осложнения могут возникать из-за разногласий с администрацией или коллегами, влияния консервативных педагогов и отсутствия опыта.

Для предотвращения подобных ситуаций важно, чтобы педагог уважал индивидуальные особенности учащихся, учитывал их интересы и способности, демонстрировал уверенность в их потенциале и помогал раскрывать внутренние возможности. Учитель должен выступать не как строгий контролёр, а как равноправный партнёр, строящий отношения на взаимопонимании, доверии и поддержке. Радость по поводу успехов учеников, участие в их переживаниях и искреннее поощрение формируют положительный эмоциональный климат и укрепляют авторитет преподавателя.

Строгое соблюдение этических норм в педагогическом взаимодействии способствует не только гармонизации отношений, но и личностному росту самого учителя. Формирование эмоциональной устойчивости у будущих педагогов, наряду с профессиональной компетентностью, повышает их интерес и преданность профессии, способствует эффективной адаптации в коллективе и, как следствие, улучшает качество образовательного процесса.

Использованные литературы.

1. Власова Е.А. Профессиональное саморазвитие будущих социальных педагогов. Монография . Балашов, 2009. – 116 с.
2. Даль Р. О демократии. Москва: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
3. Нуруллаева Ш.У. Педагогик жараёндаги зиддиятлар ва уларнинг позитив жиҳатлари // Илм сарчашмалари. № 6. 2021 й. 106-109-бетлар.
4. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. Москва: Прогресс, 1994. 480 с.
5. Семёнова Е.М. Тренинг эмоциональной устойчивости. Учебное пособие. - 3-е изд. - Москва: Психотерапия, 2006. - 256 с.
6. Чистякова Т.А. Педагогический конфликт и способы его преодоления. Москва, 1987 г. 224 с.

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Одилова Н.Г.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматривается проблема социальной компетентности в системе образования. Отмечается, что социальная компетентность предоставляет возможность адекватно адаптироваться в условиях социальных перемен; обеспечивает правильную оценку ситуации, принятие и исполнение безошибочных решений; имеет количественные характеристики, уровни, и они могут быть измерены.*

Ключевые слова: *Социальная компетентность, ценностная мотивированность деятельности, рефлексия, саморефлексия, осознанная модальность, вариативность.*

Annotation. *The article examines the problem of social competence in the education system. It is noted that social competence provides an opportunity to adequately adapt to social changes; ensures the correct assessment of the situation, the adoption and implementation of error-free decisions; has quantitative characteristics, levels, and can be measured.*

Key words: *Social competence, value motivation of activity, reflection, self-reflection, conscious modality, variability.*

В условиях резких социальных перемен большие требования предъявляются к быстрому освоению новых социальных знаний и умений, расширению социальной компетентности. К настоящему времени ещё не сложилось окончательного определения социальной компетентности. М. Аргайл уделяет внимание понятию «общая социальная компетентность», объединяя им профессиональную и коммуникативную компетентность. К. Рубин и Л. Роуз-Крэснор вносят в модель социальной компетентности понятие социальных сценариев, т.е. определённых шаблонов, согласованных действий в хорошо знакомых ситуациях. Немецкие учёные У.Пфингстен и Р.Хинтч определяют социальную компетентность как владение когнитивными, эмоциональными и моторными способами поведения, которые в

определённых социальных ситуациях ведут к долгосрочному благоприятному соотношению положительных и отрицательных следствий [2].

В работе Е.В.Коблянской социальная компетентность рассматривается как адаптационное явление, основой которого служит социально-психологическая подготовленность и коммуникативная компетентность. Социальная компетентность, по мнению автора, - это умение выбрать социальные ориентиры и умение организовать свою деятельность в соответствии с этими ориентирами.

В.Н.Куницына предлагает следующее определение социальной компетентности. Социальная компетентность - система знаний о социальной действительности и себе, система сложных социальных умений и навыков взаимодействия, сценариев поведения в типичных ситуациях, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения со знанием дела, учитывая сложившуюся конъюнктуру; действуя по принципу «здесь, сейчас и наилучшим образом», извлекать максимум возможного из сложившихся обстоятельств[1].

Социальная компетентность – операциональное понятие, которое имеет временные, исторические рамки. Залогом успешного функционирования человека в изменяющихся социальных обстоятельствах является выработка поведенческих сценариев, отвечающих новой социальной действительности и ожидаемых партнёрами по взаимодействию.

Социальная компетентность является одним из ключевых показателей зрелости личности и играет решающую роль в успешной адаптации человека к условиям современного общества. Она отражает способность личности эффективно взаимодействовать с другими людьми, адекватно воспринимать социальную реальность, принимать обоснованные решения и нести ответственность за собственное поведение. Основными функциями социальной компетентности выступают социальная ориентация личности, адаптация к меняющимся условиям и интеграция общественного и личного опыта.

Анализ немногочисленных отечественных и зарубежных источников позволяет выделить определённую структуру социальной компетентности, включающую несколько взаимосвязанных компонентов. Оперативная социальная компетентность предполагает знание о социальных институтах, структурах и их представителях, понимание принципов функционирования социальных групп, умение ориентироваться в социальной конъюнктуре и репертуаре ролевого поведения. Этот уровень характеризуется общей социальной осведомлённостью личности. Вербальная компетентность отражает способность использовать речь в соответствии с контекстом, уместно выражать мысли, понимать подтекст высказываний, свободно владеть письменной и устной речью, а также правильно интерпретировать информацию, опираясь на знание социальных стереотипов и норм общения. Коммуникативная компетентность проявляется в умении эффективно взаимодействовать с другими людьми, соблюдая культурные и этические нормы, владеть традициями общения и ролевыми моделями, принятыми в обществе и профессиональной среде.

Социально-психологическая компетентность выражается в понимании межличностных отношений, осознании разнообразия социальных ролей и способов взаимодействия, способности конструктивно решать межличностные проблемы и преодолевать конфликтные ситуации. Эго-компетентность включает осознание своей индивидуальности, принадлежности к определённой социальной, национальной или гендерной группе, знание собственных сильных и слабых сторон, понимание причин неудач и умение использовать механизмы саморегуляции.

На высоком уровне развития социальная компетентность проявляется через такие качества, как адекватность восприятия, автономность и аутентичность личности. Она обеспечивает способность человека адаптироваться к социальным изменениям, принимать правильные решения, объективно оценивать происходящее и эффективно

взаимодействовать с окружающими. Социальная компетентность не является статичной, она формируется и совершенствуется через обучение, расширение знаний, накопление жизненного опыта, тренинги и практическую деятельность.

Период обучения в вузе представляет собой особый этап становления социальной компетентности, поскольку именно в это время молодые люди делают важные жизненные выборы — профессиональные, личные, социальные. Здесь особенно важно, чтобы решения принимались осознанно, на основе внутренней ответственности, а не под влиянием внешних установок. Уровень зрелости социальной компетентности определяет, насколько человек способен к самостоятельному выбору и к принятию ответственности за свои поступки. Общественная жизнь предоставляет множество альтернатив поведения, и именно развитая социальная компетентность позволяет личности адекватно ориентироваться в этих возможностях, выбирать оптимальные пути действий и проявлять инициативу.

В контексте образования социальная компетентность проявляется в ряде характеристик. Во-первых, это ценностная мотивированность поведения, когда действия человека обусловлены внутренними убеждениями и осознанными мотивами. Во-вторых, активность, выражающая способность личности к самостоятельным, целенаправленным действиям. Третья характеристика — способность к рефлексии и саморефлексии, позволяющая осознавать собственные мотивы, поступки и поведение других людей, что способствует самоконтролю, саморегуляции и самооценке. Четвёртая особенность — осознанная модальность, проявляющаяся в понимании своих личностных и профессиональных особенностей в сравнении с другими людьми. Пятая — вариативность, то есть способность адаптировать поведение к меняющимся условиям, осознанно выбирать способы взаимодействия и строить собственную стратегию поведения.

На основе анализа литературы и проведённых исследований можно выделить несколько способностей, характеризующих социально компетентную личность. Это, прежде всего, умение прогнозировать своё поведение в различных жизненных ситуациях, добывать необходимую информацию и использовать её для решения конкретных задач. Важна способность мобилизовать себя на выполнение решений, несмотря на внутренние или внешние препятствия, отслеживать ход собственных действий и оценивать их результаты. Существенное значение имеет развитая рефлексия — умение объективно оценивать свои поступки, извлекать уроки из опыта и корректировать дальнейшие действия. Не менее важна эмоциональная адекватность, способность управлять своими реакциями и сохранять внутреннее равновесие в сложных ситуациях.

Таким образом, социальная компетентность представляет собой сложное интегративное образование, объединяющее когнитивные, коммуникативные и личностно-психологические компоненты. Она является показателем социальной зрелости, самостоятельности и ответственности личности, обеспечивает её успешную адаптацию в обществе, развитие профессиональных и межличностных отношений, а также способствует самореализации и внутренней гармонии.

Литературы.

1. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001.

2. Мель Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома // Вопросы психологии. – 1995, № 5.С.61-68.

3. Петровская Л.А. Компетентность в общении. – М., 1989.

МАК «ТОТЕМЫ: ЖИВОТНЫЙ ХАРАКТЕР ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА©» КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИНКТИВНЫХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ

Павленко С.А.
(Республика Беларусь)

Аннотация. *в статье представлено теоретико-методологическое обоснование применения метафорических ассоциативных карт «Тотемы: животный характер природы человека©» для работы с характером и чертами личности. Инструмент основан на синтезе архетипической психологии, эпигенетики, нейронаук, телесно-ориентированной терапии и древних символических систем. Колода реализует трёхуровневую модель проявления характера — Тень, Дар, Сиддхи — что позволяет не только диагностировать, но и активно трансформировать паттерны поведения через развитие телесного интеллекта. Метод демонстрирует высокую эффективность в психотерапии, коучинге и практиках саморазвития, способствуя восстановлению целостности личности.*

Ключевые слова: *метафорические ассоциативные карты, черты характера, телесный интеллект, архетипы, эпигенетика, осознанность, психотерапия*

Abstract. *the article presents a theoretical and methodological substantiation of the use of metaphorical associative cards "Totems: Animal Character of Human Nature" for working with character and personality traits. The tool is based on the synthesis of archetypal psychology, epigenetics, neuroscience, body-oriented therapy and ancient symbolic systems. diagnose, but also actively transform patterns of behavior through the development of bodily intelligence. The method demonstrates high effectiveness in psychotherapy, coaching and self-development practices, contributing to the restoration of the integrity of the personality.*

Keywords: *metaphorical associative maps, character traits, bodily intelligence, archetypes, epigenetics, mindfulness, psychotherapy*

Современный человек всё чаще живёт в состоянии разрыва между социальной маской и биологической природой. Инстинкты — древнейшие регуляторы выживания, адаптации и связи — подавляются, вытесняются или искажаются под давлением культурных норм, что приводит к хроническому стрессу, психосоматике и утрате внутреннего компаса. В этих условиях актуализируется задача восстановления диалога с телом — не как с источником хаоса, а как с носителем мудрости, интуиции и жизненной силы.

Центральным понятием здесь выступает телесный интеллект — способность воспринимать, интерпретировать и направлять внутренние сигналы тела как форму знания (Damasio, 1999). Однако вербальные методы психотерапии зачастую не способны напрямую достучаться до этого уровня. Требуется инструмент, способный говорить на языке образа, символа и телесного резонанса. Именно таким инструментом является колода метафорических ассоциативных карт «Тотемы: животный характер природы человека©», разработанная на стыке психологии, нейронаук, эпигенетики и архаических знаний.

Колода представляет собой междисциплинарный психотехнологический инструмент, предназначенный для диагностики, осознания и трансформации инстинктивных черт личности через работу с архетипическими образами животных. В отличие от традиционных проективных методик, ориентированных преимущественно

на эмоциональную или когнитивную сферу, «Тотемы» фокусируются на инстинктивно-телесном ядре личности, которое формирует основу всех поведенческих стратегий.

Структурной основой колоды выступает трёхуровневая модель проявления характера, синхронизированная с гексаграммами Ицзин и архетипами Юнга:

1. Тень — низковибрационное, стрессовое проявление черт характера: страх, агрессия, манипуляция, выгорание, автоматизм. На этом уровне инстинкт действует бессознательно, как реакция выживания.

2. Дар — ресурсное, адаптивное выражение: сила, забота, ясность, творчество, воля. Здесь инстинкт осознаётся и направляется в конструктивное русло.

3. Сиддхи — высшее, духовное качество: мудрость, сострадание, целостность, служение, единство. Инстинкт трансмутируется в добродетель, становясь источником трансперсонального опыта.

Каждому из 64 архетипов (от Волка до Колибри) соответствуют три карты — по одной на каждый уровень. Таким образом, колода включает 192 основные карты, дополненные 64 картами трансформации, описывающими практики перехода между состояниями. Цветовая кодировка (красный — Тень, синий — Дар, фиолетовый — Сиддхи) не только усиливает визуальную дифференциацию, но и резонирует с нейрофизиологическими состояниями: активация симпатической нервной системы (стресс), вегетативный баланс (ресурс), тета-ритмы и префронтальная активность (высшее сознание).

Механизм действия колоды основан на проекции-резонансе-интеграции. При взгляде на карту происходит мгновенная проекция внутреннего состояния на образ животного. Затем следует резонанс: тело откликается на символ — возникает напряжение, тепло, дрожь, изменение дыхания. Этот телесный отклик — ключ к инстинктивному паттерну, который обычно остаётся вне поля осознания. Наконец, через рефлексию, вопросы и практики (медитация, дыхание, движение) осуществляется интеграция: человек не просто «понимает» свой страх или гнев, но переживает его в теле и переводит в более зрелую форму выражения.

Научная обоснованность подхода подтверждается несколькими направлениями современного знания. Во-первых, архетипическая психология (Jung, 1968) рассматривает животных как символы коллективного бессознательного, отражающие универсальные паттерны поведения. Во-вторых, эпигенетика (Meaney, 2010) показывает, что гены не фиксированы, а реагируют на внутреннее состояние: одно и то же «генетическое качество» может проявляться как паника (Тень) или как смелость (Дар) в зависимости от уровня осознанности. В-третьих, телесно-ориентированная психотерапия (van der Kolk, 2014) утверждает, что травма и непрожитые эмоции хранятся в теле, и их трансформация возможна только через телесный опыт — что и обеспечивает работа с картами.

Таким образом, колода выступает не как пассивный диагностический тест, а как активный процесс-инструмент, сочетающий символическую проекцию, телесную обратную связь и осознанную трансформацию. Она позволяет выйти за пределы когнитивного анализа и вступить в диалог с той частью себя, которая говорит на языке инстинктов, образов и телесных ощущений.

Заключение: Колода «Тотемы: животный характер природы человека©» представляет собой научно обоснованный и практически эффективный инструмент для работы с инстинктивными чертами личности. Её междисциплинарная природа — синтез психологии, нейронаук, эпигенетики и древних знаний — обеспечивает глубину воздействия и широту применения. В психотерапии метод позволяет быстро выявлять и трансформировать телесно зафиксированные паттерны; в коучинге — активировать ресурсы и лидерские качества; в саморазвитии — восстанавливать связь с внутренней природой и высшими потенциалами.

В условиях роста запроса на целостные, неинвазивные и глубинные методы работы с собой, «Тотемы» предлагают грандиозный, но доступный путь к восстановлению инстинктивной целостности — того состояния, в котором человек живёт не вопреки своей природе, а в полном соответствии с ней: животной, человеческой и божественной.

Список литературы.

1. Damasio A. R. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. – New York: Harcourt Brace, 1999. – 385 p.
2. Jung C. G. Man and His Symbols / C. G. Jung, M.-L. von Franz, J. L. Henderson, A. Jaffé, J. Jacobi. – New York: Dell Publishing, 1968. – 416 p.
3. Meaney M. J. Epigenetics and the biological definition of gene × environment interactions // Child Development. – 2010. – Vol. 81, № 1. – P. 41–79. – DOI: 10.1111/j.1467-8624.2009.01381.x.
4. van der Kolk B. A. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. – New York: Viking, 2014. – 464 p.
5. Руно Р. Генные ключи: раскрытие вашего высшего потенциала / пер. с англ. – Москва: Гелиос, 2018. – 320 с.

БОГОБАН КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРОТОКОЛАМ И ПОЛЯМ ПРИМЕНЕНИЯ

Проворов А.М.
(г. Ярославль, Россия)

Аннотация. *Статья рассматривает БоГобан как интегративный предметно-визуальный метод, соединяющий символическую работу, регуляцию состояний и проектное планирование в стандартизируемых протоколах для консультативной, спортивной и образовательной практики. Обозначены базовые механизмы, поля применения и индикаторы оценки, а также подчеркивается необходимость дальнейшей эмпирической валидации и стандартизации процедур.*

Ключевые слова: *интегративная психология, БоГобан, символическое моделирование, регуляция состояний*

Abstract. *The paper presents Bogoban as an integrative object-visual method that combines symbolic modeling, state regulation, and project-based planning within standardized protocols for counseling, sport, and educational practice. Core mechanisms, application domains, and outcome indicators are outlined, and the need for further empirical validation and protocol standardization is emphasized.*

Keywords: *Integrative psychology, Bogoban, symbolic modeling, state regulation*

Современная психология находится в постоянном поиске новых более эффективных методик работы. При этом к таким методикам возникает ряд важных требований:

- интегративный подход
- нацеленность на результат через облегчение симптомов и более точное построение образа будущего
- быстрый эффект

- стандартизация и повторяемость результата в процессе сессии
- пространство творчества для психолога
- легкость работы, желательно наличие игрового формата
- гибкость и универсальность применения
- учет не только темы запроса клиента, но и контекста его жизни

Многие направления психологии предлагают свои инструменты для достижения этих требований, но результат часто остается недостаточным. В частности, в когнитивно-поведенческом подходе часто можно видеть стандартизацию и четкие протоколы работы, но у клиентов возникает сопротивление по поводу излишнего формализма и “движения по табличкам” (по отзывам клиентов). В направлениях экзистенциально-гуманистических, возникает другая динамика. Процесс работы кажется сакральным, не подлежащим к протоколированию, из-за чего часто затягивается, приводит к расплывчатым результатам. В техниках телесно-ориентированного подхода много телесности, но часто возникает проблема с вербализацией и рационализацией полученного опыта. В психоаналитических подходах много анализа, но тело зачастую выпадает из контекста исследования.

С учетом обозначенных противоречий нам кажется, что максимальную эффективность будущих методов работы может дать интегративная парадигма психологии В.В.Козлова. Интегративная психология исторически отвечает на запрос времени: соединять техники, не смешивая их без меры, а создавая осознанные мосты между слоями психического — когнитивным, аффективным, телесным и социально-символическим.

Современный психолог нуждается в инструментах, которые одновременно понятны клиенту, операционализируемы для исследования и гибки для настройки под индивидуальный запрос, что задает критерии к методам нового поколения. Попыткой ответа на этот запрос является методика БоГобан, которая выступает как предметно-визуальный язык диалога с внутренней реальностью: конфигурация «камней» и поля делает переживание материализованным, допуская мягкие микро-сдвиги (через постановки и перестановки камней), которые переводят инсайт в последовательность действий.

Методика БоГобан. Методика БоГобан разработана доктором психологических наук П.М.Пискаревым в 2019 году. Само слово БоГобан состоит из двух частей: Бо - архетип саморазвития, Гобан - доска для игры в Го.

БоГобан — это метод, который превращает работу с любым запросом клиента в наглядные композиции на игровом поле. Он соединяет структурность и творчество: визуальные «камни» помогают быстро навести порядок в мыслях, снизить тревогу и найти рабочие решения там, где раньше были неопределенность и застревание.

Интегративная парадигма опирается на принципы персонализации, системности, адаптивности и научной обоснованности, требуя как концептуальной ясности, так и процедурной воспроизводимости. В этой рамке БоГобан можно рассматривать как «мост» между символическим и поведенческим: внешний рисунок ситуации сводится к конфигурации элементов, которую можно изменять в безопасном формате, сопоставляя внутренние сдвиги с поведенческими экспериментами. Концептуальные элементы — поле (контекст), сегментация на зоны смысла, масштабирование (от микро-переживания к макро-стратегии), динамика камней как репрезентация сил и ролей — собирают разрозненные смыслы в рабочую модель изменения.

Богобан может работать на основе нескольких механизмов:

- Репрезентационно-символический механизм: материализация внутренних контекстов через создание композиций повышает управляемость внимания и облегчает переопределение значений, что коррелирует с уменьшением напряжения и ростом ощущения контролируемости.

- Экспериментально-поведенческий компонент: последовательные микро-сдвиги камней в композициях служат аналогом поведенческих экспериментов в «песочнице», формируя опыт безопасной отработки сценариев с последующей трансляцией в конкретные шаги.
- Регуляция состояний: циклы «фокусировка (постановка камня) — обозначение (наделение смыслом) - перестройка (изменение конфигурации композиции) — запечатление (завершение композиции)» через управление формой и дистанцией элементов поддерживают эмоциональную переработку и закрепление новых паттернов.

Принцип работы на Богобан прост в обозначении, но имеет несколько пластов усложнений, о которых мы расскажем в следующих публикациях.

Есть поле БоГобан, состоящее из четырех квадрантов: первый - правый верхний, второй - правый нижний, третий - левый нижний, четвертый - левый верхний. В классическом формате работы постановка камней идет от первого к четвертому квадранту.

Само поле БоГобан выглядит следующим образом:

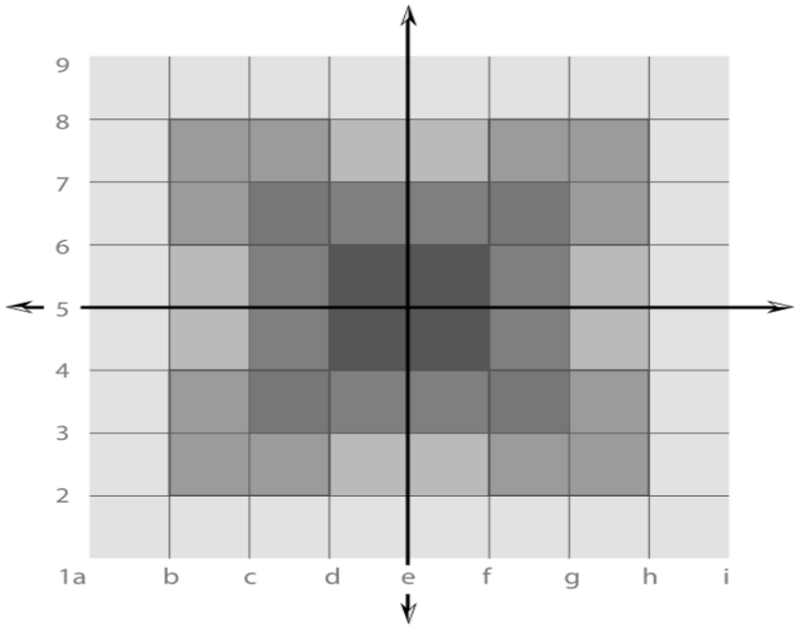

Рисунок 1. Поле БоГобан

Перед началом работы специалист уточняет цель работы (запрос) клиента. Далее клиент берет камень и ставит его на одно из пересечений линий (находит место камню на доске). При этом каждая постановка камня идет с задачей: “Поставь следующий камень так, чтобы он вел к максимальному результату”. Данная формулировка настраивает на движение к цели и создает последовательную цепочку камней, через которую раскрывается (в которой запечатлевается) логика мышления клиента.

Пример поля БоГобан с поставленными камнями:

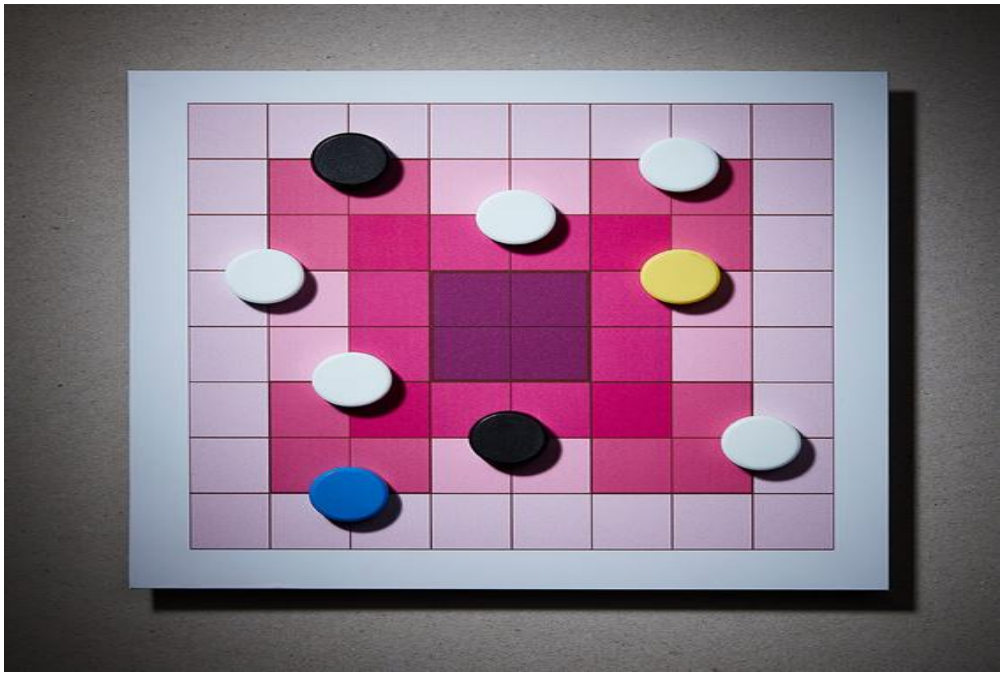

Рисунок 2. Пример композиции на БоГобан

Суть работы при этом сводится к последовательной постановке камней клиентом, сопровождаемой рассказом о том, как камни ведут к цели и сборе рефлексии по четырем точкам контроля: ощущения в теле, изменение эмоций, инсайты и рационализация значения камня, общий смысл и образ хода или композиции в контексте запроса.

Поля применения БоГобан:

● Консультирование и коучинг: конфликты целей и ролей, коррекция прокрастинации, связка с когнитивной перестройкой и поведенческими экспериментами для перехода от инсайта к действию.

• Клинически-ориентированная поддержка: управление стрессом и тревожностью как дополнительный модуль к доказательным протоколам при четких показаниях, с учетом ограничений и маршрутизации.

• Спортивная психология: предстартовые состояния, удержание фокуса, Проблемы с пониманием целей, проблемы социализации спортсмена (личность-группа), проблемы личных интересов и интересов семьи (поиск общих целей), проблемы послеспортивной жизни, восстановление, декомпозиция тактики и микрорешений через игровую композицию поля в индивидуальном и командном формате.

• Образование и группы: профилактика выгорания, развитие саморегуляции и согласование смыслов в командах через наглядные схемы совместной работы.

При этом возможна следующая последовательность шагов в работе: символическая работа (БоГобан) → когнитивная переработка (формулировка альтернатив) → план действий (поведенческая часть) с фиксированием гипотез и критериев оценки.

Заключение. БоГобан — это методика, которая помогает перевести переживания в конкретные действия: можно работать с образами, настраивать состояние и сразу собирать последовательность шагов по стандартизированным протоколам, совместимым с доказательной практикой. С помощью БоГобан можно объединять подходы из разных направлений (КПТ, гештальт, ТОТ, психоанализ, ЭОТ, трансактный анализ, и т.д.), создавай интегрирующую рамку в формате поля и камней.

Методика находится на стадии исследования и требует дальнейшей эмпирической валидации, включая стандартизацию протоколов, оценку надежности процедур и проверку эффективности в контролируемых дизайнах.

Литературы.

1. Козлов В. В. Психотехнологии изменённых состояний сознания. - М.: Академический проект, 2014.
2. Козлов В.В. Актуальные вопросы интегративной психологии // ЧФ. Социальный психолог. 2019. № 1. (37). С. 58-68.
3. Пискарев П.М. Метамодерн. Счастье в квадрата. - М.: Эксмо, 2020. - 320 с.
4. Пискарев П.М. Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. … д-р психол. наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.piskarev.ru/dissertation

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМАНД

Рузибаев Д.Б.
(г. Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье обсуждаются вопросы применения компетентностного подхода в формировании управленческих команд, а также оценки их деятельности. Подчеркивается, что в практике формирования управленческих команд применяются различные модели компетенции, которые позволяют профессионально анализировать и оценивать эффективность работы команды, и соответствие сотрудников целям, обязанностям и задачам организации. Также отмечается, что компетентностный подход является ключевым фактором успеха, как отдельного сотрудника, так и всей команды.*

Ключевые слова: *компетентностный подход, модели, компетенции, управление, команда, оценка, эффективность, профессиональные качества.*

Abstract. *The article discusses the application of the competency-based approach in the formation of management teams, as well as in the assessment of their performance. It emphasizes that various competency models are used in the practice of forming management teams, allowing for professional analysis and evaluation of team effectiveness and the alignment of employees with the organization's goals, responsibilities, and tasks. It is also noted that the competency-based approach is a key success factor for both individual employees and the team as a whole.*

Keywords: *competency-based approach, models, competencies, management, team, assessment, effectiveness, professional qualities.*

За последние годы, формирование управленческих команд и оценки их работы, а также подбора управленческих кадров наиболее современным и приемлемым является компетентностный подход. Порядок оценки персонала, стремящийся охватить множество различных сфер, представляется нам многоцелевым и широкоаспектным. Вместе с тем, важно понимать, что основным элементом любой оценки является определение соответствия между желаемым и фактическим состоянием объекта. Проводимая работодателем экспертная оценка, основывается на

представлении о кандидате, который идеально подходит для определенной должности в сравнении с теми, кто на данной должности уже работает. Но при учете необходимости определения наиболее подходящих стандарту мерил, которые будут использоваться для оценки соответствия сотрудника требуемым меркам организации, возникает не менее важный вопрос о том, что ожидает организацию по результатам его работы и какова должна быть преследуемая им цель, учитывая стоящие перед организацией задачи стратегического роста.

Компетенции, которые рассматриваются как основная мера оценки персонала, получила признание с середины 1990-х годов, в связи с чем стала активно использоваться в практике. Безусловно, до этого времени сотрудников, принимаемых на работу, либо ранее, сотрудников, которые были приняты на работу или уже работали в организации, оценивали и выбирали. При этом, оценка персонала в качестве формализованной системы впервые возникли в компаниях США в начале XX века. Только в 1960-х годах стали использоваться схемы, которые учитывают стратегию направления бизнеса и стали основой для современных методов оценки персонала.

Столь приемлемые методы оценки важных профессиональных качеств, которые учитывают индивидуальные особенности и квалификацию работника, привели к появлению потребности в новом и более широком смысле. Сегодня "готовность человека к успешному выполнению определенной работы" можно рассматривать как "компетенцию", которая включает в себя не только знания и навыки, но и все упомянутые ранее аспекты.

Движение за развитие компетенций расширило возможности методов психологов, которые раньше занимались лишь подбором подходящего кандидата на определенную должность. Ранее психологи определяли задачи, требующие выполнения в рабочем контексте (например, моторные навыки для управления трамваем или самолетом), разрабатывали тесты для оценки необходимых навыков, проводили факторный анализ результатов тестов, чтобы определить надежность их измерений. После этого они пытались установить связь между факторными баллами и производительностью на работе, но без значительного успеха. Традиционная индустриальная и организационная психология начала свое развитие с раздельного анализа работы и человека на рабочем месте. В начале своего развития психология в рабочих организациях фокусировалась в основном на поведенческих и психологических аспектах работы, таких как мотивация, удовлетворенность, стресс и т. д.

«Компетенция» может иметь двустороннее рассмотрение: первое, это со стороны, относящейся напрямую к работе, и второе, со стороны, относящейся напрямую к человеку.

Квалификационные требования, рассматриваемые под этим углом зрения, при рассмотрении с первой точки зрения, где подразумеваемые требования, предъявляемые к сотруднику рассматриваются в соответствии с занимаемой им должности или занимаемым им рабочим местом. Рассмотрение вопроса с данным подходом помогает раскрыть зависимость правильного целевого распределения организационной структуры и организационной культуры, т.е. преследуемой цели и определение задач, определенных в данном аспекте с организационной культурой.

С другой точки зрения, анализ компетенций включает оценку умений и готовности работника качественно выполнять задачи специфического характера, что отражает компетентность или профессиональную пригодность сотрудника. К примеру, при оценке компетенций может быть учтен широкий спектр аспектов профессиональной деятельности, включая такие задачи, как анализ финансовых операций, проведение деловых переговоров, управление и обслуживание технического оборудования и тому подобное.

В этом контексте можно учитывать такие параметры, как измеримость и

соответствие. Компетенции, которые оцениваются на основании количественных показателей, могут быть классифицированы в следующие группы:

1. Набор внешних и внутренних факторов, которые стимулируют активность индивида и определяют ее ориентацию - это мотивационные стимулы или виды трудовой мотивации;

2. Закрепленные модели и характеристики поведения человека, которые проявляются в разнообразных обстоятельствах – это личностные качества, такие как экстраверсия или интроверсия, склонность к тревожности, агрессивность и прочее;

3. Уникальные психологические характеристики человека, которые демонстрируют его предрасположенность к освоению конкретных умений и типов деятельности, а также к их эффективному применению – это способности;

4. Ценностные ориентации представляют собой совокупность ценностей, которые сформировались в индивидуальной жизнедеятельности человека и стали частью его психологической структуры. Эти ценности принимают особое значение для личности, они определяют ее приоритеты, убеждения и мотивации, которые движут деятельностью и поведением. Ценностные ориентации играют особую роль в формировании личности, определяя ее цели, предпочтения и способы действия. Они также влияют на выборы, решения и поведение человека, помогая ему ориентироваться в мире и принимать собственные жизненные решения;

5. Профессиональные компетенции — это совокупность знаний, умений, навыков и опыта, необходимых для эффективного выполнения конкретных задач в определенной области деятельности или профессии. Это включает в себя как теоретические знания и понимание основных принципов области, так и практические навыки, необходимые для эффективного выполнения задач;

6. Концептуальные компетенции относятся к способностям человека анализировать сложные ситуации, строить модели, программы или схемы на основе существующих данных или данных, собранных самостоятельно. Эти компетенции позволяют человеку понимать глубокие взаимосвязи между различными элементами, видеть общие закономерности и принципы, а также создавать абстрактные модели для объяснения явлений;

7. Коммуникативные или социальные компетенции относятся к способностям человека эффективно общаться, устанавливать контакты с другими людьми, проявлять эмпатию, понимать чувства и потребности других, а также адаптировать свое поведение к социальным ситуациям. Эти компетенции играют важную роль в межличностных отношениях, работе в команде, решении конфликтов и успешном взаимодействии с окружающими. Коммуникативные и социальные компетенции играют важную роль в личной жизни, работе, образовании и других сферах деятельности. Развитие коммуникативных и социальных компетенций помогает человеку успешно взаимодействовать с окружающим миром, строить качественные отношения и достигать успеха в различных областях жизни;

8. Поведенческие навыки и нормативность относятся к способности человека внедрять и соблюдать определенные стандарты, правила и принципы поведения, работы или взаимодействия с другими людьми в организации или обществе. Соблюдение этих норм и стандартов играет важную роль в обеспечении эффективности работы, поддержании позитивного имиджа организации и успешном взаимодействии с окружающими. Поведенческие навыки и соблюдение нормативности играют важную роль в профессиональной деятельности, общении с коллегами, клиентами и партнерами, а также в формировании позитивного имиджа как индивида, так и организации в целом;

9. Социальные роли определяются как условия и ожидания, связанные с позицией человека в обществе или в рабочей группе. Эти роли определяют, какие действия, поведение и отношения ожидаются от человека в определенной ситуации

или окружении.

В сфере управления персоналом и обучения часто наблюдается некоторая путаница в использовании терминов "компетенция" и "компетентность". Хотя эти термины связаны между собой, они имеют различные значения и используются в разных контекстах. Компетенция описывает то, что человек должен уметь делать или знать, чтобы быть эффективным в своей должности. Компетентность означает, способность человека применять их эффективно в реальных условиях работы. В ряде случаев различия между терминами "компетенция" и "компетентность" могут быть размыты или не оговариваться явно, что приводит к их использованию как синонимов. При этом, важно учитывать контекст, в котором используются эти термины, и понимать их значения в данном контексте. В области организационной психологии существует множество подходов и концепций, которые помогают разграничить эти термины и понятия, каждое из которых имеет свои особенности и при понимании их различия закладывается благоприятная рабочая среда для эффективного управления персоналом.

В практике управления персоналом упоминают существование мифа о сложности создания модели компетенций и работы с ними. Однако, данная работа является важным аспектом управления персоналом, значительно повышающим эффективность подбора, развития и управления персоналом. То, о чем мы говорили выше, модель компетенций отражает весь спектр существующих должностных функций, и, вместе с тем, требует серьезного и точного подхода для наилучшего отражения реальной картины требуемых знаний, умений, навыков и опыта. В этой связи, необходимо понимать, что при составлении подобной модели, необходимо учитывать следующие аспекты:

- Модель компетенций должна быть ясной и понятной для того, чтобы обеспечить ее эффективное применение в организации. Важность ее заключается в доступности и понятности ее для всех заинтересованных сторон и применении ее в целях достижения стратегических целей организации;
- При составлении модели компетенций необходимо для обеспечения ее соответствия организационной культуре учитывать политику, отражающую специфику и уникальные особенности организации, а также действия сотрудников, направленные на укрепление корпоративной идентичности, кроме того, модели компетенций должны соответствовать миссии и целям организации по выстраиванию единой стратегии управления персоналом;
- Модель компетенций и организации не должна ограничиваться только должностными обязанностями отдельных специалистов или групп сотрудников в конкретных отделах. Она должна быть более широкой и охватывать различные уровни и учитывать потребности и стратегические цели компании в целом;
- Правильно понимать и оценивать компетенции сотрудников очень важно для успешного управления персоналом и дальнейшего развития команды. Модель компетенций должна быть структурирована и организована таким образом, чтобы обеспечивать возможность измерения и оценки компетенций сотрудников на разных уровнях производительности. Соблюдение этих шагов поможет вам построить эффективную модель компетенций, которая позволит измерять, оценивать различия между сотрудниками разных уровней и определять потенциал их развития;
- Модель компетенций должна быть достаточно гибкой для учета предполагаемых и планируемых организационных изменений;
- Кроме того, она должна содержать элементы, отличные друг от друга, чтобы рассмотреть все варианты поведения сотрудников при решении задач (например, вбирать в себя такие индикаторы поведения, которые не пересекаются в своем основании ни с одним из остальных индикаторов);

- Модель компетенций должна быть составлена так, чтобы предусматривать различные варианты ей применения во все многообразии кадровой работы.

Вместе с тем, применение компетентностного подхода к анализу и оцениванию профессионально важных качеств в организации требует педантичности и тщательности, в связи с чем можно выделить несколько существенных этапов выполнения настоящей работы.

Сбор документов организации на первом этапе является важным этапом анализа деятельности компании, т.к. они могут включать в себя различные виды информации, необходимой для понимания текущего состояния и процессов внутри организации, определения насущных проблем и имеющихся возможностей, а также подготовки стратегического плана дальнейшего развития организации.

Формирование модели компетентностей для конкретной должности является следующим этапом в управлении персоналом и развитии сотрудников, где происходит переход от анализа установленных задач деятельности к определению компетенций, представляющих собой совокупность знаний, навыков и личностных качеств, необходимых для эффективного выполнения этих задач.

Для успешного выполнения определенных групп профессиональных задач требуются как профессиональные, так и индивидуально-личностные качества. Ниже приведены общие категории качеств, которые могут потребоваться в различных областях профессиональной деятельности: индивидуальная оценка качества и групповая, которые служат основой для определения необходимых качеств для успешного выполнения профессиональных задач.

Список литературы.

1. Базаров, Т. Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика : учебник для бакалавров: электронная копия / Т. Ю. Базаров. - Москва : Юрайт, 2014. - 1 электр. оптич. диск (CD-ROM). - (Электронные учебники издательства "Юрайт").

2. Ассессмент-центр как метод оценки компетентности руководителя [Текст] / Т. А. Терехова, Л. Л. Михайлова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Байкальский гос. ун-т экономики и права. - Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. - 205 с

3. Базаров, Т. Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика : учебник для бакалавров: электронная копия / Т. Ю. Базаров. - Москва : Юрайт, 2014. - 1 электр. оптич. диск (CD-ROM). - (Электронные учебники издательства "Юрайт").

4. Корсакова В.В., Зенина Н.Н. Формирование индивидуальных программ развития управленческих компетенций по результатам оценки руководителей среднего звена транспортной компании (1/2). http://naukovedenie.ru/PDF/225TVN515.pdf#1

5. Бондаренко А.К., Отечественный и зарубежный опыт оценки персонала [Электронный ресурс].Научно-практический электронный журнал Аллея Науки №11(38) 2019

6. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация - М.: Вильямс, 2002. - 396 с.

7. Синягин Ю.В., Новикова О.Г. Компетентностный подход в оценке управленческого персонала. – М.: Изд-во РАГС, 2006

8. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. М.: HIPPO, 2003.

9. Raven J. Education, values and society: The objectives of education and the nature and development of competence. London: H.K.Lewis; New York: The Psychological Corp., 1977

10. Корсакова В.В., Зенина Н.Н. Формирование индивидуальных программ развития управленческих компетенций по результатам оценки руководителей среднего звена транспортной компании (1/2). http://naukovedenie.ru/PDF/225TVN515.pdf#1

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ДЕТЕЙ

Рузиева С.Б.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются педагогические и психологические основы развития интеллектуальных способностей у детей. Автор подчеркивает, что формирование интеллектуального потенциала ребенка зависит от целенаправленного педагогического воздействия, развивающей среды и индивидуально-психологических особенностей личности. Особое внимание уделено роли познавательных процессов, таких как мышление, внимание, память и воображение, в структуре интеллектуального развития. Анализируются современные психолого-педагогические подходы, направленные на стимулирование когнитивной активности и развитие творческого мышления. В работе представлены методы и принципы, способствующие формированию интеллектуальной самостоятельности и познавательной мотивации у младших школьников.*

Ключевые слова: *Интеллектуальные способности, развитие, педагогические основы, психологические факторы, когнитивные процессы, мышление, познавательная активность, детское развитие.*

Annotation. *The article examines the pedagogical and psychological foundations for the development of intellectual abilities in children. The author emphasizes that the formation of a child's intellectual potential depends on purposeful pedagogical influence, a stimulating environment, and individual psychological characteristics. Special attention is given to cognitive processes such as thinking, attention, memory, and imagination as structural components of intellectual development. The study analyzes modern psychological and pedagogical approaches aimed at enhancing cognitive activity and fostering creative thinking. The paper also presents effective methods and principles that promote intellectual independence and learning motivation among primary school children.*

Keywords: *Intellectual abilities, development, pedagogical foundations, psychological factors, cognitive processes, thinking, learning motivation, child development.*

Введение. Современное общество предъявляет высокие требования к уровню интеллектуального развития подрастающего поколения. В условиях стремительных изменений в сфере науки, технологий и информации особое значение приобретает развитие интеллектуальных способностей у детей, так как именно интеллект является основой познавательной активности, творческого мышления и успешной социализации личности.

Формирование интеллектуальных способностей — это сложный и многоуровневый процесс, включающий как педагогические, так и психологические аспекты. С одной стороны, необходимы специальные педагогические условия, направленные на активизацию познавательной деятельности и развитие мыслительных операций. С другой стороны, важную роль играют индивидуальные психологические особенности ребенка, его мотивация, внимание, память, воображение и эмоциональное состояние.

В психолого-педагогической литературе развитие интеллекта рассматривается как результат взаимодействия врожденных задатков и образовательной среды. Многочисленные исследования (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Ж. Пиаже, Дж.

Гилфорд и др.) подчеркивают, что интеллектуальные способности формируются в процессе обучения, общения и активного взаимодействия ребенка с окружающим миром.

Актуальность исследования. Актуальность исследования определяется возрастающей ролью интеллектуального развития личности в условиях современного общества, где знания, информация и творческое мышление становятся ключевыми факторами успеха. В современном мире, характеризующемся быстрыми темпами научно-технического прогресса и цифровизации образования, требуется новая модель воспитания и обучения, ориентированная на развитие интеллектуальных и креативных способностей детей.

Современные педагогические исследования показывают, что интеллектуальные способности формируются не только в процессе усвоения знаний, но и через развитие когнитивных, эмоциональных и мотивационных сфер личности. Однако на практике нередко наблюдается недостаточная реализация индивидуально-ориентированных подходов к обучению, что препятствует полному раскрытию интеллектуального потенциала ребенка.

Особое значение приобретают психологические аспекты развития интеллекта, включая внимание, память, мышление, воображение и способность к рефлексии. Формирование этих процессов в раннем возрасте способствует успешному обучению, адаптации к новым условиям и развитию творческого мышления.

Обзор литературы. Проблема развития интеллектуальных способностей у детей является одной из центральных в психолого-педагогических исследованиях XX–XXI веков. Вопросы формирования интеллекта, мышления и познавательных процессов рассматривались в трудах многих отечественных и зарубежных ученых (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, Ж. Пиаже, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк и др.).

Л.С. Выготский в своих работах подчеркивал, что развитие интеллектуальных способностей ребенка происходит в процессе обучения и общения со взрослыми, то есть в социальной среде. Согласно его культурно-исторической теории, интеллект формируется через внутреннее усвоение внешних действий, что делает взаимодействие ребенка с педагогом и сверстниками основным механизмом развития мышления.

А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн рассматривали интеллект как результат активной деятельности личности, направленной на познание и преобразование окружающего мира. Они отмечали, что интеллектуальное развитие не ограничивается усвоением знаний, а предполагает формирование у ребенка способности применять их в новых ситуациях, что является основой творческого мышления.

Ж. Пиаже в своих исследованиях предложил теорию стадий когнитивного развития, согласно которой мышление ребенка проходит определенные уровни — от сенсомоторного до формально-логического. Его идеи получили широкое распространение в педагогике и психологии, так как они раскрывают закономерности формирования умственных операций и логических структур.

Современные исследователи (Е. Торранс, Р. Стернберг, Х. Гарднер) связывают развитие интеллекта с креативностью, дивергентным мышлением и множественными видами интеллекта. Р. Стернберг в своей триархической теории интеллекта выделяет аналитический, креативный и практический компоненты, подчеркивая необходимость их гармоничного развития в процессе обучения.

В отечественной педагогике вопросы развития интеллектуальных способностей рассматриваются в контексте формирования познавательной активности и самостоятельности учащихся (Н.Ф. Талызина, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин). Они отмечают, что педагогическая среда, построенная на принципах сотрудничества,

исследовательской деятельности и проблемного обучения, способствует развитию интеллектуального потенциала ребенка.

Обсуждение. Результаты анализа и теоретических исследований показывают, что развитие интеллектуальных способностей у детей представляет собой сложный, многофакторный и непрерывный процесс, в котором педагогические и психологические условия играют взаимодополняющую роль.

С психологической точки зрения интеллектуальное развитие связано с формированием познавательных процессов — восприятия, внимания, памяти, мышления и воображения. Эти процессы обеспечивают ребенку возможность познавать мир, устанавливать причинно-следственные связи, анализировать и синтезировать полученные знания. Развитие интеллектуальных способностей невозможно без активизации эмоционально-волевой сферы и формирования мотивации к познанию.

Педагогические исследования подчеркивают важность использования развивающих методов обучения, направленных на стимулирование мыслительной активности детей. К таким методам относятся проблемное обучение, исследовательская деятельность, игровые технологии, диалоговые и проектные формы работы. Именно в условиях сотрудничества между педагогом и ребенком формируются элементы творческого и логического мышления, что способствует проявлению интеллектуальной самостоятельности.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется роли образовательной среды и взаимодействия ребенка с педагогом и сверстниками. Благоприятный психологический климат, поддержка инициативы и поощрение познавательной активности создают условия для полноценного раскрытия интеллектуального потенциала личности. При этом важно учитывать индивидуальные особенности детей, их темп усвоения информации и тип мышления.

Важным фактором интеллектуального развития является организация учебного процесса на основе принципов системности, научности и наглядности. Использование междисциплинарного подхода и интеграция знаний из различных областей позволяют детям формировать целостное представление о мире и развивать критическое мышление.

Таблица 1.

Этап исследования	Содержание деятельности	Методы и приёмы	Результаты / Ожидаемый эффект
Теоретический этап	Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме развития интеллекта у детей	Анализ, синтез, обобщение, сравнение	Определены теоретические подходы и концепции (Выготский, Леонтьев, Пиаже, Торранс)
Диагностический этап	Изучение уровня интеллектуальных способностей у младших школьников	Анкетирование, наблюдение, тестирование	Определён исходный уровень интеллектуального развития
Практический этап	Реализация педагогических условий, направленных на развитие интеллекта (игровые,	Эксперимент, педагогическое наблюдение	Повышение познавательной активности и мыслительной самостоятельности детей

	исследовательские и проблемные методы)		
Аналитический этап	Обработка и интерпретация результатов исследования	Сравнительный и корреляционный анализ	Выявлены педагогические и психологические факторы, влияющие на развитие интеллектуальных способностей
Обобщающий этап	Формулирование выводов и разработка методических рекомендаций для педагогов	Систематизация, моделирование	Создана модель развития интеллектуальных способностей детей

Анализ методологической таблицы исследования

Методологическая таблица отражает поэтапную структуру научного исследования, направленного на выявление и изучение педагогических и психологических факторов, влияющих на развитие интеллектуальных способностей у детей.

На данном этапе происходит анализ психолого-педагогических источников, что позволяет определить концептуальные подходы к изучаемой проблеме. Использование трудов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже и других исследователей обеспечило формирование научной базы исследования. Этот этап помогает систематизировать ключевые категории и уточнить понятийный аппарат.

Основное внимание уделяется изучению уровня интеллектуального развития детей младшего школьного возраста. Применяются методы наблюдения, анкетирования и тестирования. Цель данного этапа — определить исходное состояние познавательных процессов (мышления, памяти, внимания) и выявить индивидуальные различия между детьми.

На этом этапе реализуются педагогические условия, направленные на развитие интеллекта: игровые и исследовательские методы, элементы проблемного и проектного обучения. Педагог выступает не только как источник знаний, но и как организатор познавательной активности, стимулирующий самостоятельное мышление и творчество учащихся.

Здесь проводится обработка полученных данных и их интерпретация с использованием статистических методов (сравнительный, корреляционный анализ). Выявляются зависимости между педагогическими условиями и психологическими характеристиками, влияющими на интеллектуальное развитие. Этот этап служит основанием для проверки гипотезы исследования.

Заключительный этап предполагает формулирование выводов и разработку практических рекомендаций для педагогов и психологов. На основе анализа эмпирических данных создается модель развития интеллектуальных способностей, включающая систему педагогических воздействий и психологической поддержки.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие интеллектуальных способностей у детей является сложным, многоуровневым процессом, в котором педагогические и психологические факторы тесно взаимосвязаны. Интеллектуальное развитие не ограничивается усвоением знаний — оно включает формирование когнитивных процессов (мышления, памяти, внимания, воображения), развитие познавательной мотивации, самостоятельности и творческого подхода к деятельности.

Результаты анализа показали, что эффективность интеллектуального развития детей во многом определяется созданием развивающей образовательной среды, в которой ребёнок имеет возможность активно познавать, экспериментировать и проявлять инициативу. Педагогические условия, построенные на принципах сотрудничества, исследовательской деятельности и проблемного обучения, способствуют формированию логического и творческого мышления.

Рекомендации

1. Создавать развивающую образовательную среду, способствующую самостоятельному поиску, экспериментированию и решению познавательных задач.
2. Использовать игровые, исследовательские и проектные методы обучения, направленные на активизацию мышления и развитие креативности.
3. Формировать у детей познавательную мотивацию через постановку проблемных вопросов, использование занимательных заданий и ситуаций успеха.
4. Учитывать индивидуальные психологические особенности детей, включая их темп усвоения информации, стиль мышления и уровень познавательной активности.
5. Повышать уровень педагогической компетентности учителей, обеспечивая им возможность освоения современных психолого-педагогических технологий развития интеллекта.
6. Создавать позитивный психологический климат в образовательном учреждении,

Список использованной литературы:

1. Выготский Л.С. *Мышление и речь.* — Москва: Педагогика, 1982.
2. Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность.* — Москва: Смысл, 2004.
3. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии.* — Санкт-Петербург: Питер, 2007.
4. Пиаже Ж. *Речь и мышление ребёнка.* — Москва: Эксмо, 2008.
5. Эльконин Д.Б. *Психология обучения младшего школьника.* — Москва: Просвещение, 1995.
6. Давыдов В.В. *Типы обобщения в обучении.* — Москва: Педагогика, 2000.

«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ-БОРЦОВ»

Садуллаев А.А.
(г. Карши, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические основы и механизмы преодоления предсоревновательной тревожности у подростков-борцов. Анализируются особенности эмоционального состояния спортсменов в период подготовки к соревнованиям, а также влияние тревожности на их психологическую устойчивость и спортивные результаты. Особое внимание уделено исследованию эффективных психологических упражнений и тренировочных методик, направленных на развитие концентрации, самоконтроля и уверенности в себе. В работе представлены результаты экспериментального исследования, подтверждающие практическую эффективность предложенных психокоррекционных методов.*

Ключевые слова: *предсоревновательная тревожность; подростки-борцы; психологическая устойчивость; саморегуляция; концентрация внимания; психокоррекционные методы; эмоциональное состояние; спортивная психология.*

Abstract. *The article examines the psychological foundations and mechanisms of overcoming pre-competition anxiety in adolescent wrestlers. It analyzes the emotional state of athletes during the preparation period and explores how anxiety affects their psychological stability and athletic performance. Special attention is given to effective psychological exercises and training techniques aimed at developing concentration, self-control, and self-confidence. The study presents the results of an experimental investigation confirming the practical effectiveness of the proposed psychocorrectional methods in reducing anxiety and enhancing athletes' performance readiness.*

Keywords: *pre-competition anxiety; adolescent wrestlers; psychological stability; self-regulation; concentration; psychocorrectional methods; emotional state; sports psychology.*

Введение: Современный спорт предъявляет высокие требования к психической устойчивости спортсменов, особенно в подростковом возрасте, когда личность находится в процессе активного формирования. В период подготовки к соревнованиям у юных борцов часто наблюдается повышенный уровень тревожности, связанный с ожиданием выступления, страхом неудачи и оценкой со стороны тренеров, сверстников и зрителей.

Предсоревновательная тревожность является одним из ключевых психологических факторов, влияющих на эффективность соревновательной деятельности. Она может как мобилизовать спортсмена, так и дезорганизовать его деятельность, снижая внимание, уверенность и мотивацию к победе. Поэтому проблема изучения и преодоления тревожности у подростков-борцов приобретает особую актуальность.

В современной психологии исследованию тревожности посвящены работы Ч. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, Е. Дубовицкой, Э. Элерса и других ученых, которые рассматривали тревожность как динамическое состояние, зависящее от личностных особенностей и ситуационных факторов. Однако в условиях спортивной деятельности тревожность требует комплексного подхода, включающего как психологические, так и педагогические методы коррекции.

Цель данного исследования — выявить психологические основы формирования предсоревновательной тревожности у подростков-борцов и определить практическую эффективность различных методов её преодоления.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к проблеме тревожности в спортивной психологии.
2. Определить особенности проявления предсоревновательной тревожности у подростков-борцов.
3. Исследовать влияние индивидуально-психологических факторов на уровень тревожности.
4. Разработать и апробировать психологическую программу по снижению предсоревновательной тревожности.

Обзор литературы: Изучение проблемы предсоревновательной тревожности у спортсменов, в частности у подростков-борцов, занимает одно из ведущих мест в современной спортивной психологии. Согласно исследованиям Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина (2017), тревожность представляет собой сложное эмоциональное состояние, возникающее в условиях ожидания значимого события, в частности спортивного соревнования. Разработанная ими методика «Шкала личностной и ситуативной тревожности» позволяет определить уровень эмоциональной напряжённости спортсмена и выявить особенности его адаптации к стрессовым ситуациям.

Работы Г. Элерса и Т. Дубовицкой (2015) подчеркивают, что высокий уровень тревожности до соревнований отрицательно сказывается на тактическом мышлении, внимании и способности принимать быстрые решения. Авторы выделяют необходимость психологической подготовки, направленной на развитие саморегуляции и уверенности в себе у спортсменов. Аналогичные выводы представлены в исследованиях Е. П. Ильина (2019), который отмечает, что устойчивое психическое состояние спортсмена является ключевым фактором успешности в спорте.

Р. С. Немов (2018) рассматривает тревожность как компонент личностной структуры, который при адекватном уровне может выступать мотивирующим фактором. Однако при его чрезмерном проявлении наблюдается снижение концентрации внимания и ухудшение спортивных результатов.

В отечественной психологии вопросам психологической подготовки юных спортсменов уделяется большое внимание. Так, Б. А. Рахимов (2021) и М. Ш. Ходжаева (2022) отмечают, что в условиях Узбекистана, особенно в спортивных школах Кашкадарьинской области, значительную роль играет индивидуальный подход и учет культурных факторов при формировании эмоциональной устойчивости подростков-борцов.

Зарубежные исследования также подчеркивают важность психологической регуляции. Р. Вайнберг и Д. Гоулд (2019) указывают, что предсоревновательная тревожность тесно связана с самооценкой и мотивацией достижения. Мартенс (2018) считает, что применение когнитивно-поведенческих техник и дыхательных упражнений способствует снижению тревожности и повышению уверенности спортсменов перед выступлением.

Таким образом, анализ литературы показывает, что предсоревновательная тревожность у подростков-борцов является многофакторным явлением, зависящим от уровня психологической готовности, личностных особенностей и внешних условий. Эффективность её преодоления требует комплексного подхода, включающего диагностику (методики Спилбергера–Ханина, Элерса–Дубовицкой), психологическую коррекцию и развитие навыков саморегуляции

Методология исследования : Исследование проводилось с целью выявления психологических основ и практической эффективности преодоления предсоревновательной тревожности у подростков-борцов, занимающихся в спортивных школах Кашкадарьинской области. Данный регион был выбран в качестве объекта исследования, поскольку здесь активно развивается спортивное движение, в том числе борьба, и подростки регулярно принимают участие в различных соревнованиях, что создает благоприятные условия для анализа проявлений соревновательной тревожности.

Организация исследования предусматривала последовательное изучение динамики предсоревновательной тревожности в естественных условиях тренировочного и соревновательного процесса. Работа проводилась в тесном сотрудничестве с тренерами, педагогами и спортивными психологами. Диагностические процедуры проходили в привычной для спортсменов среде, что позволило минимизировать влияние посторонних факторов.

Методологическую основу исследования составили современные концепции спортивной и возрастной психологии, в частности идеи о взаимосвязи эмоциональных состояний и эффективности деятельности спортсмена (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин, Э. Элерс, Е. Дубовицкая, В.М. Волков, Л.В. Куликов и др.). В работе использовались принципы системного, личностно-деятельностного и акмеологического подходов, обеспечивающих комплексное рассмотрение психических состояний подростков в спортивной деятельности.

Для изучения феномена предсоревновательной тревожности применялся комплекс психодиагностических методов:

- Шкала тревожности Спилбергера – Ханина, позволившая определить выраженность личностной и ситуативной тревожности;
- Методика Э. Элерса по изучению уровня субъективного контроля, выявляющая степень самостоятельности и ответственности спортсмена за результаты деятельности;
- Опросник Е. Дубовицкой для оценки мотивации достижения успеха и избегания неудач.

Данные методики обеспечили многомерное представление о психологическом состоянии спортсменов, сочетая измерение эмоциональной напряженности, самоконтроля и мотивационных установок.

На основе результатов диагностики была разработана и внедрена психокоррекционная программа, направленная на снижение тревожности и формирование устойчивого эмоционального состояния перед соревнованиями. Программа включала релаксационные упражнения, дыхательные и визуализационные практики, тренинги уверенности, а также элементы аутогенной тренировки. В процессе работы внимание уделялось индивидуальным особенностям личности каждого подростка, уровню его спортивной подготовки и эмоциональной зрелости.

Для анализа полученных результатов использовались методы качественного и сравнительного анализа, обеспечивающие системную интерпретацию психологических показателей. Анализ позволил выявить динамику изменений эмоционального состояния спортсменов, определить эффективность коррекционной программы и обосновать её психолого-педагогическую целесообразность.

Результаты исследования: В ходе проведённого исследования, направленного на изучение предсоревновательной тревожности подростков-борцов Кашкадарьинской области, были получены значимые данные, отражающие специфику эмоционального состояния спортсменов на этапе подготовки к соревнованиям.

Анализ результатов, полученных с помощью методики Ч. Спилбергера – Ю.Л. Ханина, показал, что для большинства юных борцов характерен повышенный уровень ситуативной тревожности, возникающий непосредственно перед соревнованием. Это свидетельствует о наличии эмоционального напряжения, обусловленного ожиданием результата, оценкой со стороны тренеров и зрителей, а также высокой личной ответственностью за успех.

В то же время показатели личностной тревожности у части спортсменов оказались умеренными, что говорит о сформированности определённого уровня психологической устойчивости. Однако у подростков с выраженной личностной тревожностью наблюдалась склонность к внутренним сомнениям, чрезмерному самоконтролю и снижению уверенности в собственных силах, что негативно влияло на их боевую готовность.

Данные, полученные по методике Э. Элерса, позволили выявить взаимосвязь между уровнем субъективного контроля и проявлениями тревожности. У спортсменов с высоким внутренним контролем отмечалось стремление брать ответственность за результат на себя, что сопровождалось большей эмоциональной стабильностью. Напротив, подростки с выраженным внешним локусом контроля чаще объясняли возможные неудачи внешними обстоятельствами (судейство, состояние соперника и т.п.), что повышало уровень тревожности и напряжения.

Результаты, полученные с использованием опросника Е. Дубовицкой, показали, что уровень тревожности тесно связан с мотивацией достижения. У борцов, ориентированных на успех, тревожность носила мобилизующий характер, способствуя концентрации внимания и активности. У спортсменов, склонных к избеганию неудач,

тревожность, напротив, проявлялась как дезорганизующий фактор, снижавший уверенность, внимание и готовность к борьбе.

Сравнительный анализ данных на разных этапах исследования показал, что после проведения психологической коррекционной программы у подростков наблюдалась положительная динамика. В частности, отмечалось:

- снижение проявлений ситуативной тревожности перед соревнованиями;
- рост внутреннего чувства контроля и ответственности;
- повышение уверенности в собственных силах и положительное отношение к соревновательной ситуации.

Кроме того, тренеры, принимавшие участие в исследовании, отметили улучшение эмоционального состояния спортсменов, их устойчивость к стрессу и способность сохранять концентрацию в ответственные моменты поединков.

В целом результаты исследования подтвердили, что тревожность подростков-борцов имеет многофакторную природу и тесно связана с особенностями личности, уровнем саморегуляции и мотивационными установками. Проведённые коррекционные мероприятия доказали свою эффективность, что указывает на необходимость систематической психологической подготовки спортсменов наряду с физической и технической

Обсуждение: Полученные в ходе исследования данные подтверждают, что предсоревновательная тревожность является сложным психологическим феноменом, включающим личностные, мотивационные и ситуативные компоненты. У подростков-борцов Кашкадарьинской области выявленные особенности тревожности во многом совпадают с результатами, представленными в трудах зарубежных и отечественных исследователей.

Согласно концепции Ч. Спилбергера и Ю.Л. Ханина**,** тревожность проявляется в двух формах: как личностная черта и как ситуативное состояние. Наблюдения показали, что у большинства юных борцов преобладает именно ситуативная тревожность**,** вызванная ожиданием соревнований и необходимостью подтвердить свою компетентность. Это подтверждает выводы Ю.Л. Ханина (1980), который отмечал, что соревновательная обстановка сама по себе выступает сильным стрессором, особенно для спортсменов подросткового возраста.

В то же время у части спортсменов обнаружены признаки личностной тревожности**,** свидетельствующие о внутренней неуверенности, повышенной самокритичности и зависимости от внешней оценки. Это состояние часто обусловлено недостаточной сформированностью навыков саморегуляции и психологической устойчивости, что согласуется с результатами исследований Е.П. Ильина (2002), подчеркивающего необходимость психологической подготовки спортсмена к стрессовым ситуациям.

Интерпретация данных, полученных по методике Э. Элерса, показала, что подростки с высоким уровнем внутреннего локуса контроля проявляют большую эмоциональную устойчивость и уверенность в собственных силах. Их тревожность имеет конструктивный, мобилизующий характер. Напротив, при внешнем локусе контроля тревожность усиливается за счёт перекладывания ответственности на внешние обстоятельства. Эти выводы согласуются с теорией ответственности и самоконтроля, разработанной Дж. Роттером (Rotter, 1966), где внутренний контроль рассматривается как ключевой фактор успешной адаптации к стрессу.

Методика Е. Дубовицкой позволила установить, что мотивация достижения тесно связана с проявлением тревожности. Спортсмены, ориентированные на успех, демонстрируют более высокий уровень саморегуляции и воспринимают тревожность как стимул к действию. Те же, кто склонен к избеганию неудач, чаще испытывают дезорганизацию поведения и эмоциональное истощение. Эти результаты коррелируют

с позицией А. Аткинсона (Atkinson, 1957), согласно которой мотивация достижения определяет характер эмоциональных реакций в стрессовых ситуациях.

Положительная динамика, выявленная после реализации психокоррекционной программы, подтверждает эффективность психологической интервенции, направленной на развитие самоконтроля, уверенности и стрессоустойчивости. Данный результат согласуется с подходом Ю.Л. Ханина и А.В. Алексеева, которые подчеркивали важность индивидуальных и групповых психорегуляционных тренировок в подготовке спортсменов.

Таким образом, проведённое исследование демонстрирует, что:

1. Предсоревновательная тревожность у подростков-борцов является закономерной реакцией на спортивную ситуацию, однако её интенсивность зависит от уровня внутреннего контроля и мотивации.
2. Формирование устойчивой самооценки и развитие психологических механизмов саморегуляции способствует снижению негативного влияния тревожности на спортивный результат.
3. Комплексная психологическая подготовка, включающая релаксационные техники, аутогенную тренировку и тренинги уверенности, обеспечивает повышение психической готовности и результативности спортсменов.

В целом, результаты исследования подтверждают, что психокоррекционные программы, основанные на сочетании когнитивно-поведенческих и мотивационно-регуляторных подходов, являются эффективным средством оптимизации эмоционального состояния подростков-спортсменов в предсоревновательный период

Выводы и практические рекомендации: Проведённое исследование позволило выявить психологические закономерности проявления и преодоления предсоревновательной тревожности у подростков-борцов Кашкадарьинской области. На основе анализа полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Предсоревновательная тревожность является естественным психическим состоянием спортсмена, отражающим эмоциональное напряжение в ожидании значимого события. Однако её чрезмерная выраженность способна негативно влиять на внимание, уверенность и результативность спортсмена.
2. Личностная и ситуативная тревожность тесно связаны между собой: ситуативная тревожность у подростков чаще обусловлена внешним давлением и оценочной зависимостью, тогда как личностная тревожность связана с внутренними установками и уровнем самоконтроля.
3. Уровень субъективного контроля (по Э. Элерсу) играет ключевую роль в регуляции эмоциональных состояний. Подростки с внутренним локусом контроля демонстрируют большую уверенность и психологическую устойчивость в соревновательной ситуации.
4. Мотивация достижения (по Е. Дубовицкой) оказывает существенное влияние на характер тревожности. Ориентация на успех способствует её мобилизующему эффекту, а ориентация на избегание неудач — дезорганизующему.
5. Психологическая коррекционная программа, основанная на принципах саморегуляции, релаксации и аутогенной тренировки, доказала свою эффективность в снижении уровня тревожности и повышении уверенности у подростков-борцов.

Таким образом, эмоциональная устойчивость спортсменов в значительной степени зависит от их способности управлять собственными эмоциональными состояниями, развивать внутренний контроль и позитивное отношение к соревновательной деятельности.

1. Включать психологическую подготовку в тренировочный процесс. Помимо физической и технической подготовки, тренеры должны уделять внимание развитию у спортсменов навыков саморегуляции, уверенности и стрессоустойчивости.

2. Использовать методы релаксации и дыхательные упражнения**.** Кратковременные сеансы дыхательной гимнастики и мышечной релаксации перед соревнованиями помогают снизить эмоциональное напряжение и стабилизировать психофизиологическое состояние.

3. Проводить психологические тренинги уверенности и самоконтроля**.** Индивидуальные и групповые занятия, направленные на развитие позитивного мышления и внутреннего контроля, способствуют формированию устойчивой мотивации к успеху.

4. Осуществлять постоянное наблюдение и психодиагностику**.** Регулярное использование методик Спилбергера–Ханина, Элерса и Дубовицкой позволит своевременно выявлять повышенный уровень тревожности и корректировать психологическое состояние спортсменов.

5. Привлекать родителей и педагогов к процессу психологической поддержки спортсменов. Создание благоприятной эмоциональной атмосферы в семье и школе снижает уровень стресса и способствует формированию уверенности в себе.

6. Развивать мотивацию достижения у подростков через постановку реальных, посильных целей и поощрение индивидуальных успехов, что укрепляет внутреннюю мотивацию и снижает страх неудачи.

Заключение.

Исследование показало, что системная психологическая работа с подростками-спортсменами не только способствует снижению тревожности, но и повышает уровень их личностного развития, эмоциональной устойчивости и готовности к спортивным достижениям. В условиях современной спортивной подготовки психология становится неотъемлемой частью комплексного подхода к формированию конкурентоспособного спортсмена.

Использованные литературы.

1. Спилбергер, Ч. Д., Ханин, Ю. Л. Диагностика тревожности: методика определения личностной и ситуативной тревожности. — М.: Психология, 2017.

2. Элерс, Г., Дубовицкая, Т. Методика изучения уровня тревожности у спортсменов. — СПб.: Речь, 2015.

3. Ильин, Е. П. Психология спорта. — СПб.: Питер, 2019.

4. Немов, Р. С. Психология. Книга 3: Психодиагностика и коррекция. — М.: Владос, 2018.

5. Матюшкин, А. М. Психологические особенности мотивации достижения у подростков. — М.: Академия, 2016.

6. Юсупова, Н. И. Психология подросткового возраста. — Т.: Fan va texnologiya, 2020.

7. Рахимов, Б. А. Психология спорта и физического воспитания в Узбекистане. — Т.: Universitet nashriyoti, 2021.

8. Ходжаева, М. Ш. Психологическая подготовка юных спортсменов к соревнованиям. — Самарканд: Zarafshon, 2022.

9. Weinberg, R., Gould, D. Foundations of Sport and Exercise Psychology. — Champaign, IL: Human Kinetics, 2019.

10. Martens, R. Successful Coaching: Developing Athlete Confidence and Reducing Anxiety. — Human Kinetics, 2018.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Саидова З.Х., Кулиева Д.Х.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматривается процесс формирования психологических механизмов защиты личности в подростковом возрасте, а также анализируются психологические, социальные и эмоциональные факторы, влияющие на этот процесс. Подростковый возраст является важным этапом осознания собственного «Я», активного включения в социальные отношения и поддержания эмоциональной стабильности. В работе освещаются типы защитных механизмов, их конструктивные и деструктивные формы, а также значение педагогико-психологических подходов в укреплении психической устойчивости подростков. Кроме того, анализируется влияние личного опыта подростков, семейной среды и образовательного процесса на формирование системы психологической защиты.*

Ключевые слова: *подростковый возраст, психологическая защита, механизмы защиты, развитие личности, эмоциональная стабильность, психическая устойчивость, социальные факторы, педагогико-психологический подход.*

Abstract. *This article examines the process of forming psychological defense mechanisms in adolescence and analyzes the psychological, social, and emotional factors influencing this development. Adolescence is a crucial stage for self-awareness, social interaction, and maintaining emotional stability. The paper highlights the types of defense mechanisms, their constructive and destructive forms, and the importance of pedagogical and psychological approaches in strengthening adolescents' mental resilience. It also explores how personal experience, family environment, and the educational process contribute to the development of the psychological defense system.*

Keywords: *adolescence, psychological defense, defense mechanisms, personality development, emotional stability, mental resilience, social factors, pedagogical-psychological approach.*

Введение. Подростковый возраст представляет собой один из наиболее сложных и противоречивых этапов онтогенетического развития личности. В этот период происходит активное формирование самосознания, мировоззрения, системы ценностей и социальных установок. Подросток сталкивается с внутренними и внешними конфликтами, связанными с поиском собственной идентичности, стремлением к независимости и необходимостью адаптации к требованиям общества.

В условиях усиливающихся социальных и информационных нагрузок особое значение приобретает психологическая защита личности, которая выполняет функцию сохранения внутреннего равновесия и эмоциональной стабильности. Психологические механизмы защиты помогают подростку преодолевать стрессовые ситуации, контролировать эмоциональные реакции и сохранять целостность «Я-концепции».

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном обществе подростки все чаще сталкиваются с психологическими трудностями — тревожностью, неуверенностью, чувством одиночества и внутренними противоречиями. Это требует углубленного изучения особенностей формирования и функционирования психологических механизмов защиты именно в подростковом возрасте, а также поиска

эффективных педагогико-психологических методов поддержки гармоничного личностного развития.

Актуальность темы. Подростковый возраст является одним из самых сложных и динамичных этапов в развитии личности. В этот период усиливаются процессы самосознания, принятия самостоятельных решений и адаптации к социальным условиям. Подростки сталкиваются с различными стрессовыми ситуациями, эмоциональной нестабильностью, трудностями во взаимоотношениях и кризисом идентичности. В таких условиях правильное формирование психологических механизмов защиты имеет решающее значение для обеспечения психического равновесия и гармоничного развития личности.

Современная психология уделяет особое внимание изучению активизации защитных механизмов в подростковом возрасте и их влиянию на личностное становление. Психологические механизмы защиты выступают не только средством психической саморегуляции, но и важным компонентом формирования отношения подростка к себе, обществу и миру. Поэтому данная тема является актуальной для обеспечения психологического здоровья, успешной социальной адаптации и личностного роста подростков.

Анализ литературы. Изучение психологических механизмов защиты личности занимает одно из центральных мест в современной психологии. Основоположниками данного направления считаются З. Фрейд и А. Фрейд, которые впервые систематизировали понятие «психологическая защита» и определили её как бессознательный процесс, направленный на снижение внутреннего напряжения и тревоги. В их трудах подчеркивается, что защитные механизмы выполняют адаптивную функцию, помогая личности сохранять внутреннее равновесие в условиях стресса и эмоционального конфликта.

Дальнейшее развитие данной концепции получило в работах Э. Эриксона, К. Хорни, Э. Фромма, Ж. Лакана, которые рассматривали защиту не только как бессознательную реакцию, но и как элемент формирования Я-концепции, влияющий на развитие личности и её способность к социальной адаптации. Э. Эриксон, в частности, указывал, что именно в подростковом возрасте человек сталкивается с кризисом идентичности, и эффективность защитных механизмов определяет успешность преодоления этого кризиса.

В отечественной психологии исследование психологической защиты отражено в трудах В.А. Бодрова, Е. Т. Соколовой, Л. И. Анцыферовой, В. В. Столина, которые обращали внимание на связь между защитными реакциями, стрессоустойчивостью и эмоциональной регуляцией личности. Особое место занимают работы А. Н. Леонтьева и Л. С. Выготского, где психологическая защита рассматривается в контексте формирования сознания и деятельности, что позволяет объяснить её развитие в подростковом возрасте через призму социализации и воспитания.

Современные исследования (Н. Е. Харламенкова, Е. А. Сергиенко, А. А. Реан и др.) акцентируют внимание на том, что подростковый возраст характеризуется интенсивным поиском личностного смысла, ростом саморефлексии и эмоциональной чувствительности, что делает механизмы психологической защиты особенно значимыми. Они выполняют не только функцию стабилизации внутреннего состояния, но и способствуют формированию адекватных стратегий поведения, повышая психологическую устойчивость подростков к стрессовым ситуациям.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что формирование психологических механизмов защиты у подростков является сложным и многогранным процессом, зависящим от биологических, социальных и культурных факторов. Дальнейшее исследование этой проблемы необходимо для разработки эффективных педагогико-психологических методов поддержки подростков в период их личностного становления.

Обсуждение. Проведённый теоретический анализ показывает, что формирование психологических механизмов защиты у подростков имеет комплексный характер и связано с целым рядом факторов: индивидуально-личностных, семейных, социальных и образовательных. В этот возрастной период подросток активно ищет своё место в обществе, формирует собственную систему ценностей и убеждений, что нередко сопровождается внутренними противоречиями, тревожностью и эмоциональной неустойчивостью.

Психологические механизмы защиты в данном контексте выступают как своеобразные внутренние ресурсы, обеспечивающие сохранение психического равновесия и эмоциональной стабильности. Однако чрезмерное или неадекватное использование защитных реакций (например, вытеснение, отрицание, проекция, регрессия и др.) может привести к деформации личности, затруднить социализацию и снизить уровень саморегуляции. Поэтому крайне важно различать конструктивные и деструктивные формы психологической защиты и направлять работу педагогов и психологов на развитие адаптивных стратегий поведения.

Практика показывает, что подростки, обладающие высоким уровнем саморефлексии, эмпатии и навыками эмоциональной саморегуляции, реже прибегают к деструктивным защитным механизмам. В этом смысле педагогико-психологическая поддержка играет ключевую роль — она способствует формированию зрелых форм психологической защиты через развитие критического мышления, коммуникативных умений и навыков конструктивного разрешения конфликтов.

Кроме того, семейная среда и школьное окружение оказывают значительное влияние на формирование защитных механизмов. Подростки, растущие в атмосфере доверия, уважения и эмоциональной поддержки, демонстрируют более высокий уровень психологической устойчивости и способность к саморегуляции. Напротив, авторитарные или конфликтные отношения в семье и образовательной среде усиливают потребность в защитных реакциях, зачастую деструктивных.

Таким образом, эффективное формирование психологических механизмов защиты у подростков требует системного подхода, включающего педагогическую профилактику, психологическое просвещение и индивидуальную коррекционную работу. Только комплексное взаимодействие семьи, школы и психологической службы позволяет обеспечить гармоничное развитие личности и сформировать устойчивую систему психологической защиты, способствующую адаптации подростка в современном социуме.

“Методологическая структура исследования по теме: «Особенности формирования психологических механизмов защиты личности подростков»”

№	Компонент исследования	Содержание	Форма реализации
1.	Объект исследования	Процесс формирования психологических механизмов защиты у подростков	Работа с учащимися общеобразовательных школ, лицеев и колледжей
2.	Предмет исследования	Особенности проявления психологических защитных механизмов в личности подростков	Психодиагностическое наблюдение, беседы, тестирование и анкетирование
3.	Цель исследования	Определить особенности формирования психологических механизмов защиты у подростков и выявить социально-	Эмпирический анализ, теоретическое обобщение и статистическая обработка данных

		психологические факторы, влияющие на этот процесс	
4.	Задачи исследования	1. Проанализировать теоретические основы понятия «психологическая защита». 2. Определить наиболее распространённые типы защитных механизмов у подростков. 3. Сравнить конструктивные и деструктивные формы защит. 4. Разработать рекомендации по развитию эффективных форм психологической защиты.	Анализ научной литературы, анкетирование, статистический анализ результатов
5.	Методы исследования	Наблюдение, интервью, тест Замфира, методика Лазаруса «Отношение к стрессу», проективные опросники	Индивидуальная и групповая форма работы
6.	Теоретическая основа	Труды З. Фрейда, А. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксона, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, В. В. Столина, Е. А. Сергие́нко	Теоретический анализ и научное обоснование
7.	Практическая значимость	Результаты исследования могут быть использованы психологами, педагогами и родителями при разработке программ психопрофилактики и коррекции подростков	Создание психокоррекционных и профилактических программ
8.	Ожидаемые результаты	Эффективное формирование психологических защитных механизмов, укрепление эмоциональной устойчивости и повышение социальной адаптации подростков	Внедрение в практику психологической службы

Анализ таблицы:

Представленная методологическая таблица отражает логическую структуру исследования, направленного на изучение формирования психологических механизмов защиты личности подростков. Каждый компонент таблицы взаимосвязан и подчинён общей цели — выявлению закономерностей и факторов, влияющих на развитие системы психологической защиты в подростковом возрасте.

1. Объект и предмет исследования. Объектом выступает процесс формирования защитных механизмов, что подчёркивает динамический характер изучаемого явления. Предметом являются особенности их проявления в личности подростков, что позволяет исследованию приобрести конкретно-прикладную направленность. Такое разграничение способствует более точной постановке задач и определению методов исследования.

2. Цель и задачи исследования. Цель исследования — выявление особенностей формирования психологических защит у подростков — тесно связана с задачами, включающими анализ теоретических подходов, определение наиболее типичных защитных реакций и выработку рекомендаций по формированию конструктивных механизмов. Это обеспечивает научную целостность и системность исследования.

3. Методы исследования. Использование комплекса методов (наблюдение, интервью, тестирование, методики Замфира и Лазаруса) обеспечивает многоплановость анализа и позволяет выявить как осознанные, так и неосознанные аспекты психологической защиты. Комбинация индивидуальной и групповой работы способствует получению достоверных и репрезентативных данных.

4. Теоретическая основа. Включение трудов классиков психоанализа и отечественной психологии (З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Эриксон, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) обеспечивает междисциплинарный подход и позволяет рассматривать защитные механизмы в контексте личностного и социального развития.

5. Практическая значимость и ожидаемые результаты. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в педагогической и психологической практике. Ожидаемые результаты ориентированы на укрепление эмоциональной устойчивости подростков и развитие адаптивных форм защиты, что имеет важное значение для профилактики стрессовых состояний и гармоничного развития личности.

Вывод. Проведённый анализ показал, что формирование психологических механизмов защиты у подростков представляет собой сложный и многоуровневый процесс, тесно связанный с эмоциональным, социальным и когнитивным развитием личности. В подростковом возрасте усиливаются внутренние конфликты, связанные с поиском идентичности, самооценкой и адаптацией к требованиям общества. В этих условиях психологическая защита выполняет важнейшую функцию сохранения внутреннего равновесия, способствует стабилизации эмоционального состояния и поддерживает целостность «Я-концепции».

Особое значение имеют педагогико-психологические условия, влияющие на характер формирования защитных механизмов. Конструктивные формы защиты (сублимация, рационализация, компенсация) способствуют личностному росту, развитию самоконтроля и стрессоустойчивости, в то время как деструктивные формы (вытеснение, отрицание, проекция) могут приводить к внутренним конфликтам и социальной дезадаптации.

Список литературы.

1. Фрейд З. Я и Оно. — М.: Республика, 1991.
2. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. — СПб.: Питер, 2000.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996.
4. Хорни К. Невроз и развитие личности. — М.: Академический проект, 2005.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: АСТ, 2018.
6. Выготский Л. С. Психология развития ребёнка. — М.: Смысл, 2004.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2001.
8. Анцыферова Л. И. Психологическая устойчивость личности. — М.: Наука, 1994.
9. Сергиенко Е. А. Психология индивидуальных различий. — СПб.: Речь, 2012.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИЙНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Сафарова Д.С.
(г. Навои, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются методологические основы формирования эмпатийной компетентности учителей начальных классов. Эмпатийная компетентность педагога рассматривается как важнейший компонент его профессиональной готовности, обеспечивающий эффективное взаимодействие с учащимися, родителями и коллегами. Особое внимание уделяется психологическим и педагогическим условиям развития эмпатии в педагогической деятельности, а также принципам, подходам и технологиям, направленным на формирование эмпатийного отношения и понимания в образовательном процессе. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований обосновывается необходимость системного подхода к развитию эмпатийной компетентности будущих учителей начальных классов.*

Ключевые слова: *эмпатия, эмпатийная компетентность, педагогическая деятельность, начальные классы, профессиональное развитие учителя, методологические основы.*

Abstract. *This article explores the methodological foundations of developing empathic competence among primary school teachers. Empathic competence is viewed as an essential component of a teacher's professional readiness, enabling effective interaction with students, parents, and colleagues. The paper emphasizes the psychological and pedagogical conditions necessary for fostering empathy in teaching practice, as well as the principles, approaches, and technologies that support the formation of empathic understanding and relationships within the educational process. Based on the analysis of domestic and international research, the study substantiates the need for a systematic approach to developing empathic competence in future primary school teachers.*

Keywords: *empathy, empathic competence, teaching activity, primary education, teacher professional development, methodological foundations.*

Современное педагогическое образование ориентировано на гуманизацию обучения и развитие эмоционально-интеллектуальной зрелости педагога. В связи с этим проблема формирования эмпатийной компетентности учителя приобретает особую актуальность. Учитель начальных классов, являясь первым значимым взрослым в образовательной среде ребёнка, оказывает мощное влияние на развитие личности, эмоциональной сферы и социальных установок младших школьников.

Эмпатия как профессионально значимое качество педагога обеспечивает понимание чувств, настроений и внутреннего состояния учащихся, способствует созданию атмосферы доверия и психологического комфорта. Однако современная педагогическая теория и практика свидетельствуют о недостаточной разработанности методологических основ формирования эмпатийной компетентности у педагогов, особенно в сфере начального образования.

Процесс глобализационных процессов в мире свидетельствует о дальнейшем возрастании потребности в педагогах обеспечивающих воспитания человека в соответствии с принципами специфического социального развития и оказании на него социально-психологического воздействия. Поэтому вопрос о социально-психологической компетентности уже давно лежит в основе шедевров, созданных

мыслителями Востока. В частности, проблема подробно трактована в произведениях Абу Насра Фараби, Абу Райхона Бируни, Абу Али ибн Сины, Юсуф Хос Ходжиба, Ахмада Дониша, Абдуллы Авлони. В трудах великого ученого-энциклопедиста Абу Насра Фараби, приводятся множество мнений трактующих образование - совокупностью слов и навыков, воспитание как источник развития практических умений в процессе обучения и компетентность описана в качестве успешного проявления этих навыков Идеи Абу Али ибн Сины, основанные на “идеальной модели воспитания человека”, также играют важную роль в деятельности современных педагогов.

Термин эмпатия (от греч. «empathia» — «вчувствование») впервые использован Э. Титченером для обозначения эмоциональной способности понимать переживания других людей. К. Роджерс рассматривал эмпатию как основное средство гуманистического общения, обеспечивающее искренность и психологическую поддержку. По мнению Д. Гоулмана, эмпатия входит в структуру эмоционального интеллекта, определяя способность личности к эффективному взаимодействию. В отечественной психологии (В. В. Бойко, А. А. Бодалев, Г. М. Андреева, Л. С. Выготский) эмпатия понимается как сложный многоуровневый процесс, включающий когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Исходя из этого, эмпатийная компетентность учителя представляет собой интегративное качество личности, объединяющее знания о психологических механизмах межличностного восприятия, умения эмоционального сопереживания и практические навыки эмпатийного взаимодействия.

Методологические подходы к формированию эмпатийной компетентности базируются на гуманистическом, культурно-историческом, компетентностном, рефлексивном и аксиологическом подходах. Гуманистический подход (К. Роджерс, А. Маслоу) подчеркивает роль эмпатии как основы педагогического общения и развития личности ученика. Культурно-исторический подход (Л. С. Выготский) объясняет эмпатию как социально опосредованную способность, формирующуюся в совместной деятельности. Компетентностный подход (И. А. Зимняя, А. В. Хуторской) рассматривает эмпатию как важный элемент профессиональной готовности педагога. Рефлексивный подход акцентирует внимание на самопознании и анализе собственных эмоциональных реакций. Аксиологический подход подчеркивает ценностную природу эмпатии как проявления гуманизма и педагогической этики.

Теоретическая модель эмпатийной компетентности включает когнитивный, эмоциональный, поведенческий и рефлексивный уровни. На когнитивном уровне педагог осознает сущность эмоциональных процессов; на эмоциональном — способен к сопереживанию; на поведенческом — реализует эмпатийные реакции в профессиональной деятельности; на рефлексивном — анализирует свои действия и регулирует эмоциональные состояния.

Методологические принципы формирования эмпатийной компетентности заключаются в системности, интеграции, субъект-субъектном взаимодействии, рефлексивности, культуросообразности и личностной активности. Эти принципы отражают гуманистическую направленность современного образования и необходимость профессионального саморазвития педагога.

Эмпатийная компетентность является неотъемлемым компонентом педагогического мастерства. Она обеспечивает эмоциональную устойчивость, способствует формированию доверительных отношений с учащимися и гуманизации учебного процесса. Развитие эмпатии — это не только психологический, но и методологический аспект педагогической культуры XXI века. Таким образом, формирование эмпатийной компетентности является не только профессиональной задачей, но и важнейшей составляющей духовно-нравственного и гуманистического воспитания личности педагога. Методологические основы данного процесса требуют

научного осмысления, системного подхода и практической реализации в педагогическом образовании.

Литературы.

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект пресс 2000. – 139 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М., 1996.
3. Базылевич Т.Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 124 с.
4. Баратов Ш.Р. Социально-психологические основы создания психологической службы в Узбекистане: Автореф. дис. … докт. психол. наук. – Ташкент. 1998. – 37 с.
5. Батаршев А.В. Психодиагностика способности к общению или как определить организаторские и коммуникативные качества личности. – М.: Гуман. Изд. Центр «Владос», 1999. – 176 с.
6. Ганжиев Ф.Ф. Основы социально-психологической адаптации детей в словиях дошкольного образовательного учреждения. Вестник интегративной психологии.Ярославль. Выпуск.18. 2019.59- 64 с.

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ УЛУЧШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Собиров А.А.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *Тема здоровья все больше привлекает внимание психологов (см.: Журавлев, 2004; Никифоров, 2013; и др.). Среди работ, выполненных в русле нового научного направления «психология здоровья», особое место занимают исследования психологического здоровья. Обсуждение проблемы психологического здоровья стало особенно активным в последнее десятилетие. Проводятся научные конференции, посвященные этой теме. Однако есть потребность обсудить сам термин «психологическое здоровье», тем более что он перекликается с другим принятым термином «психическое здоровье». С точки зрения русского языка, второй термин более правильный – речь идет о состоянии психики человека, о его дееспособности (о сохранности ментального, умственного здоровья), способности самостоятельно, без активной помощи близких или специалистов (медиков, психологов) решать жизненные проблемы.*

Ключевые слова: *психическоездоровье, гуманистическаяпсихология, рефлексия, эмоции, интеллект, коммуникация.*

Abstract. *The topic of health is increasingly attracting the attention of psychologists (see: Zhuravlev, 2004; Nikiforov, 2013; and others). Among the works carried out in line with the new scientific field of "health psychology", a special place is occupied by research on psychological health. The discussion of the problem of psychological health has become especially active in the last decade. Scientific conferences dedicated to this topic are held. However, there is a need to discuss the term "psychological health" itself, especially since it echoes another accepted term "mental health". From the point of view of the Russian language, the second term is more correct – it refers to the state of the human psyche, its ability (to preserve mental and mental health), the ability to solve life problems independently, without the active help of relatives or specialists (doctors, psychologists).*

Keywords: *mental health,humanistic psychology,reflection, emotions, intelligence,communication.*

Установление границы между психическим здоровьем и нездоровьем находится в зоне ответственности медицины. Хотя психологи могут помогать (и помогают) медикам, для них это является отчасти работой «на чужой территории». С 1992 г. установлен Всемирный день психического здоровья (World Mental Health Day), празднование 10 октября. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) разработаны четкие критерии психического (ментального) здоровья (см.: Справочник базовой информации ВОЗ…, 2013): • осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; • чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях; • критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам; • соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям; • способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами; • способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы; • способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Таких четких, а главное, принятых всеми критериев психологического здоровья пока нет. Данная область знания находится в стадии активной разработки и обсуждения. Причем многие критерии совпадают с критериями психического здоровья, принятыми ВОЗ, и лишь несколько, достаточно размытых и неопределенных, значительно отличаются. Совпадают критерии адекватности, критичности, способности самоуправления. Различаются критерии: • постоянства и идентичности, способности планировать и способности изменять способ поведения (психическое здоровье, ВОЗ); • целеустремленности, автономии, независимости, а также набор таких качеств, как работоспособность, полноценность семейной жизни, самоактуализация, чувство юмора, ответственность, способность радоваться (психологическое здоровье). Перечень позитивных качеств, характеризующих психологически здорового человека, может быть продолжен, что и происходит при разработке данного понятия разными авторами. Главное отличие названных критериев состоит в том, что в разработке ВОЗ они имеют единое основание – дееспособность человека, обеспечиваемую его психическими процессами. Аналогичного единого основания для выделения психологического здоровья пока нет. Взгляды авторов различается не столько по перечисляемым им отдельным характеристикам психологически здорового человека, сколько по разным основаниям для подбора и выделения этих критериев. Отметим, что сложившееся соотношение области знания, охватываемой и тем, и другим понятиями, можно представить в виде двух, частично наложенных друг на друга пространств (графически изображаемых с помощью двух кругов), где есть совпадающая область и две области, описывающие либо только психическое, либо только психологическое здоровье.

Наличие совпадений свидетельствует о том, что оптимальный уровень дееспособности характеризует оба явления. Отличия области психического здоровья связаны со способностью человека поддерживать постоянство и идентичность самому себе, а также со способностью к изменениям в изменившихся условиях. Психологическое здоровье, как мы уже отметили выше, пока остается достаточно размытым понятием. Оно более определенно в зоне, совпадающей с психическим здоровьем, и менее – в своей отличительной зоне, связанной с перечнем массива позитивных человеческих качеств, открытых к этому времени психологической наукой. Это и актуализация, и ответственность, и работоспособность, и способность к построению семьи и дружеских отношений. Очевидно, что эти и другие названные позитивные качества относятся к разным сферам деятельности человека. Их список

можно продолжить. С нашей точки зрения, приведенные здесь основания, служащие для определения критериев психологического здоровья, связаны с дееспособностью (заимствованы из критериев ВОЗ) и с самоактуализацией личности.

Этого явно недостаточно. Основанием должно стать духовно-нравственное измерение. Это касается и состояния личности, и состояния общества. Тогда слова «психологическое здоровье» обретут определенный смысл. Появятся четкие критерии для отделения «здоровья» от «нездоровья», связанные с цельностью (целостностью) личности и ее нарушением из-за лжи, клеветы, воровства, моральной нечистоплотности в различных видах. При появлении привычки к упомянутым и другим нарушениям человек постепенно теряет способность быть субъектом своей жизни. Нравственные ориентиры, ценности, нравственный идеал, их место в становлении личности должны найти отражение в концепции психологического здоровья, его критериев и при разработке путей коррекции. Исходным для такого выделения критериев является вывод о том, что нравственный закон имеет абсолютный (а не относительный) характер. Последствия его нарушения для человека связаны с серьезными потерями (тревожная, больная совесть, «сгоревшая» совесть, бессовестность).

Отметим, что среди психологов мы не одиноки в таких выводах. Так, Е. Ю. Коржова отмечает: «В традициях отечественной духовной психологии критерии нормы и патологии личности с наибольшей очевидностью соотносятся с критериями личностной зрелости, прежде всего нравственной и духовной» (Коржова, 2013, с. 167). Разработка проблемы психологического здоровья перспективна для психологической науки, так как способна привлечь усилия специалистов, работающих в разных ее областях. У нее большой прогностический потенциал в решении реальных проблем современного человека (безопасность систем человек-машина, социально-психологическая безопасность, психологическая поддержка одаренных детей, воспитание детей и подростков, укрепление семьи и др.). Отметим, как быстро и плодотворно «прижился» у нас этот термин, вызвав поток новых исследований. В 1997 г. в первом издании учебника по практической психологии образования под редакцией И. В. Дубровиной было впервые в отечественной психологии заявлено: «Осмысливая содержательную суть психологической службы, мы почувствовали необходимость введения в научный психологический лексикон нового термина – „психологическое здоровье“.

Если термин „психическое здоровье“ имеет, с нашей точки зрения, отношение, прежде всего, к отдельным психическим процессам и механизмам, то термин „психологическое здоровье“ относится к личности в целом, находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа и позволяет выделить собственно психологический аспект проблемы психического здоровья в отличие от медицинского, социологического, философского и других аспектов» (Практическая психология образования…, 1998, с. 39–40). Хотя четкого и однозначного определения этого нового понятия в работе нет, но есть, скорее, указание на некоторую область знания, которую можно с его помощью описать. Если же рассмотреть совокупность приводимых в данной работе примеров, то можно заметить их направленность на поиск некоторой целостности. Во-первых, И. В. Дубровина говорит о том, что термин «психологическое здоровье» относится к личности в целом, во-вторых, он указывает на проявления духовности личности, причем духовность понимается как особое эмоционально-нравственное состояние. В духовно-нравственном ключе выстроена концепция психологического здоровья А. В. Шуваловым, работающим над этой темой с начала 2000-х годов. Исследователь исходит из проделанного им анализа существующих методологических установок понимания человека в психологии, выделяя из них три (социоцентрическую, персоно- или антропоцентрическую и теоцентрическую) и последовательно рассматривая влияние каждой из установок на понимание

ценностей, сущности, онтологии человека, а также его образа и эталона (Шувалов, 2011). Теоцентрическую модель здоровой личности выделяет и Е. Ю. Коржова, противопоставляя ее эгоцентрической модели (Коржова, 2013).

Такая классификация нам представляется более последовательной и логичной. Но главное у этих авторов совпадает. Ими показано, как преображается понимание человека при теоцентрической установке. Когда в центре оказывается Творец, меняется понимание личности человека. Она законно приобретает бесконечный потенциал развития. Заметнее становится нравственная борьба внутри человека и ее онтологические истоки. Четко выделяется нравственный эталон, знание о котором закреплено в традиционной культуре. Работы А. В. Шувалова, с нашей точки зрения, представляют правильную методологическую установку, методологию высокого уровня – метаметодологию. Однако для успешного применения такой подхода к конкретным исследованиям необходима, по словам Ю. М. Забродина, методология среднего уровня (Забродин, Лебедев, 1977). Такую промежуточную методологию помогает построить обращение к наследию А. В. Брушлинского и его учителя С. Л. Рубинштейна1 . Наследие школы Рубинштейна состоит, в частности, в понимании того, что предмет психологии – это психическое как процесс. Там, где мы имеем дело с продуктами психической деятельности, начинается зона ответственности других наук. Там, где удается увидеть и как-то зафиксировать процесс изменения, развития, там начинается территория психологии. Что касается психологического здоровья, то, кроме верных установок на его понимание, нужно как-то зафиксировать переход от здоровья к нездоровью или от нездоровья к здоровью, чтобы делать обоснованные выводы о конкретных причинах таких изменений. Для изучения психического как процесса (прежде всего это касалось мыслительного процесса) А. В. Брушлинским был разрабо тан микросемантический анализ, в котором были использованы лучшие достижения рубинштейновской научной школы (Брушлинский, 1979; Воловикова, 2003).

Термин «микросемантический» впервые появился в публикации, посвященной процессу прогнозирования в мышлении (Брушлинский, Воловикова, 1976). Как и в других исследованиях, проводимых в тот период под руководством А. В. Брушлинского, предъявляемые испытуемым задачи (основные и задачи-подсказки) опирались на действие физического закона конвекции: в земных условиях теплый воздух всегда поднимается вверх, уступая место более тяжелому холодному воздуху, а в условиях отсутствия веса (на космическом корабле или в состоянии свободного падения) теплый воздух останется около пламени, и оно погаснет. Итак, речь идет о законе, на знании которого построена задача. Процесс решения, фиксируемый с помощью записи рассуждений испытуемого («мышления вслух»), можно исследовать путем применения к нему микросемантического анализа, состоящего из выделения психологической структуры задачи, вычленения операционной схемы сравнения, которой пользуется испытуемый, выделения всех малейших переформулирований испытуемым условий и требования задачи, определения психологических переменных и константных образований, учета пауз, семантического построения фраз, определения этапов анализа задачи и их качественной специфики (Воловикова, 2003). Отличие микросемантического анализа от других видов качественного анализа, например, контент-анализа, состоит в том, что в его основе находится знание какого-либо закона (физического, химического и т. п.), на котором построена предъявляемая задача, и оценка этапа решения зависит от приближения или удаления испытуемого в своих рассуждениях от понимания действия закона. Таким образом, применять микросемантический анализ к решению нравственных задач (моральных дилемм и т. п.) можно только при признании безусловности нравственного закона. Собственно, с этого начал Жан Пиаже свои наблюдения над моральным развитием ребенка (Piajet, 1932).

Он открыл веру ребенка в имманентную справедливость – всеобщий характер действия этического закона (хотя и интерпретировал эту веру как неразвитость способности ребенка к моральным суждениям, как показатель принадлежности к первому уровню – гетерономной морали). Дальнейшие исследования учеников и последователей Пиаже показали, что вера в имманентную справедливость иногда возвращается во взрослом возрасте при особых обстоятельствах, а в некоторых культурах присутствует всегда (Lieckona, 1976). Можно предположить, что вера в имманентную справедливость, открытая Пиаже, является культурно обусловленным феноменом. Маленький ребенок верит, что физический мир подчиняется нравственному закону и что за плохое деяние следует наказание, но, впитывая по мере взросления знания и сведения от окружающих взрослых, он отказывается от этой веры, если только не живет в каком-либо традиционном обществе. Подчас эта вера выступает истоком традиций, которые трудно объяснить без обращения к вере в имманентную справедливость, например, к вере взрослых цыган в силу клятвы (Воловикова, Соснина, 2002). О случаях возвращения веры в безусловность наказания за преступления против нравственного закона упоминается в работах Т. А. Флоренской (Флоренская, 2006). Речь идет о случаях онкологических заболеваний, когда женщины находят их причины в сделанных когда-то абортах. В теме несостоявшегося материнства физическое здоровье-нездоровье оказывается тесно связанным с психологическим здоровьем-нездоровьем. В работах ученицы Т. А. Флоренской М. Ю. Колпаковой показано, к каким внутренним конфликтам и нарушениям приводит отказ женщины от родившегося ребенка (Колпакова, 2013).

Приведенный в данной работе анализ случаев, с нашей точки зрения, является удачным примером грамотного применения микросемантического анализа, позволяющего осторожно и деликатно наблюдать возможности диалога в практической психологии – духовно ориентированного диалога, помогающего восстановить внутренний диалог человека со своей совестью. Проблема психологического здоровья – это, прежде всего, проблема состояния совести человека. Совесть хранит знание нравственного закона, но тихий ее голос надо уметь расслышать. Есть такое наблюдение: если совесть спит днем, то она не дает спать ночью. Часто совесть воспринимается как карающая инстанция. В работе Флоренской (1985) одна из глав называлась «Колючки совести». Аналогичное наблюдение было сделано в исследовании социальных представлений о совести современных молодых людей (Мустафина, 2012). Но в этом же исследовании показано, что в ядре социальных представлений о совести находятся утверждения о глубоком и позитивном понимании ее роли в жизни человека. Восстановление «психологического материнства» у девочек, девушек, взрослых мам и очень взрослых бабушек является задачей, достойной усилий психологов, педагогов, поэтов и деятелей культуры. Путь этого восстановления связан с поддержанием нравственных основ жизни человека. Нравственная интуиция (совесть) служит сохранению верных ориентиров в стремительно изменяющихся внешних условиях. И не удивительно, что самым кардинальным образом вместе с падением общественной морали эти изменения коснулись отношения к полу и отношений между полами, что приводит к нарушениям здоровья – психологического, психического и физического.

Литературы.

1. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.

2. Брушлинский А. В., Воловикова М. И. О мышлении как прогнозировании // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 31–40.

3. Воловикова М. И. Применение микросемантического анализа к исследованию личности // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 90–98.

4. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

5. Воловикова М. И. Тематическая сессия ИП РАН «Психологическое здоровье: постановка проблемы и пути ее решения» // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 123–128.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ИММУНИТЕТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНТЕГРАТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Туракулова А.С.
(г.Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности формирования этнической идентичности и культурного иммунитета в образовательных практиках мусульманских народов Центральной Азии в контексте современных информационных трансформаций. Исследование опирается на социокультурную концепцию Л.С. Выготского и интегративные подходы психологии образования, анализирует взаимосвязь традиционных культурных практик, духовных ценностей и цифровых медиа-сред. Особое внимание уделяется феномену информационной социализации и её влиянию на психологическую устойчивость личности и сохранение этнокультурной идентичности. Автор обосновывает, что сохранение этнической памяти и культурных кодов возможно лишь при сочетании духовно-нравственных традиций с осознанным использованием цифровых технологий в образовательной среде.*

Ключевые слова: *этническая идентичность, культурный иммунитет, интегративная психология, информационная психология, мусульманские народы Центральной Азии, социокультурная концепция, образование, цифровизация, духовное наследие.*

Abstract .*The article examines the features of the formation of ethnic identity and cultural immunity in the educational practices of Muslim peoples of Central Asia in the context of modern information transformations. The study is based on L.S. Vygotsky's sociocultural concept and integrative approaches in educational psychology, analyzing the relationship between traditional cultural practices, spiritual values, and digital media environments. Special attention is paid to the phenomenon of informational socialization and its impact on the psychological resilience of the individual and the preservation of ethnocultural identity. The author substantiates that the preservation of ethnic memory and cultural codes is possible only through the combination of spiritual and moral traditions with the conscious use of digital technologies in the educational environment.*

Keywords: *ethnic identity, cultural immunity, integrative psychology, informational psychology, Muslim peoples of Central Asia, sociocultural concept, education, digitalization, spiritual heritage.*

Введение. Интенсивные процессы глобализации и цифровизации коренным образом изменяют структуру культурных и психологических взаимодействий в

современном обществе. В этих условиях особую значимость приобретает сохранение этнической идентичности — внутреннего стержня, обеспечивающего психологическую устойчивость и культурную целостность личности [1].

Для мусульманских народов Центральной Азии, где исламская духовность, традиции общинного воспитания и уважение к старшим веками составляли основу общественной жизни, вопросы культурного иммунитета и образовательной преемственности становятся не только социально, но и психологически определяющими [10].

Образование, как отмечал Л.С. Выготский, является не просто процессом передачи знаний, но пространством интериоризации культурных форм, через которые личность осваивает систему смыслов и ценностей своей культуры [3]. Поэтому именно образовательная среда становится центральным каналом формирования этнической идентичности и духовной устойчивости личности.

Этническая идентичность в контексте интегративной психологии

Интегративная психология рассматривает личность как систему, объединяющую когнитивные, эмоциональные, духовные и культурные измерения. Этническая идентичность при этом выступает не как фиксированный социальный маркер, а как динамический психокультурный процесс, отражающий внутреннюю работу сознания по осмыслению своих корней, принадлежности и культурной миссии [2].

Исходя из социокультурного подхода Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, развитие личности опосредуется системой культурных знаков, символов, традиций, языковых форм [3; 9]. В мусульманских обществах Центральной Азии эти культурные посредники включают религиозные нормы (шариат), устные традиции, семейные обычаи, коллективные формы воспитания («махалля»), формируя особый психологический климат коллективизма и духовного единства.

Психологические исследования показывают, что этническая идентичность выступает как фактор внутренней устойчивости в стрессовых ситуациях и способствует сохранению целостности «Я» в условиях культурной неопределённости [13].

Для народов Центральной Азии характерна интеграция религиозных и культурных практик: праздники (Навруз, Курбан-байрам), обрядовые формы общения, коллективные трапезы и наставничество. Все эти элементы создают психологические «поля доверия», обеспечивающие эмоциональную безопасность и поддержку социальной идентичности [12].

Вместе с тем, занимательным является понятие культурного иммунитета — совокупности психологических механизмов, обеспечивающих сохранение смыслов, норм и ценностей в процессе адаптации к внешним изменениям [15]. С позиций интегративной психологии культурный иммунитет может быть рассматрен как внутренний защитный контур сознания, который фильтрует поступающие информационные потоки, соотносит их с базовыми культурными кодами и предотвращает когнитивно-эмоциональную дезориентацию личности [14].

Согласно концепции информационной психологии (В.Л. Иноземцев, А.Ю. Шаповалова, М. Кастельс и др.), массовые информационные потоки воздействуют на когнитивную сферу личности, формируя «мозаичное сознание», фрагментарное восприятие мира и снижение уровня критического мышления [5; 7; 16].

Современная информационная среда оказывает мощное воздействие на процессы социализации, идентификации и саморегуляции личности. В контексте психологии информационного общества важно учитывать, что медиа и цифровые коммуникации становятся новыми агентами воспитания и источниками смыслов [4]. Для народов Центральной Азии этот процесс имеет двойственную природу. С одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для сохранения культурного наследия — создание онлайн-медресе, архивов устных преданий, этнокультурных платформ. С другой стороны, именно медиа становятся пространством размывания

этнокультурных кодов, подмены традиционных моделей идентичности глобализированными шаблонами.

Подобные ситуации могут приводить к феномену информационной дезориентации — утрате целостного представления о культурных ценностях и традициях. В исламских обществах, где традиционно ценится духовная глубина, память, семейная преемственность, такая ситуация воспринимается как психологический кризис идентичности. Для того, чтобы противостоять информационной дезориентации, сохранить и укрепить культурный иммунитет необходимо формирование информационной саморегуляции — способности личности осознанно фильтровать информацию, критически воспринимать медиа-контент и соотносить его с ценностными ориентирами собственной культуры [17].

Образовательные институты при этом должны стать пространством информационно-культурного баланса — где цифровые технологии не вытесняют традиционные формы обучения, а интегрируются с ними, усиливая когнитивную и духовную составляющую образования [18].

В странах Центральной Азии образование исторически выполняет функцию не только обучения, но и социально-духовного воспитания. Система наставничества (устаз-шогирд), уважение к знаниям, коллективное участие в обрядах — всё это способствует не только развитию интеллекта, но и формированию морально-нравственной ответственности [11].

Современные исследования в области педагогической психологии подтверждают, что этнокультурные практики повышают уровень эмпатии, доверия, когнитивной гибкости и позитивной самооценки у учащихся [8].

Интеграция цифровых технологий с традиционными методами обучения должна строиться не на противопоставлении, а на принципах информационной гармонизации — сочетания рационального (технологического) и духовного (ценностного) аспектов культуры.

Таким образом, образовательная среда становится пространством интеграции традиций и инноваций, где формируется этническая идентичность, укрепляется культурный иммунитет и развиваются психологические навыки адаптации к изменяющемуся миру.

Заключение.

Формирование этнической идентичности и культурного иммунитета в странах Центральной Азии требует осмысления новых реалий информационного общества. Интегративная психология позволяет увидеть эти процессы как единую систему взаимодействия традиции, духовности и цифровых форм коммуникации.

Информационные технологии, будучи мощным инструментом социализации, должны стать средством укрепления культурной памяти, а не фактором её эрозии. Для этого необходимо формирование информационной культуры личности — способности использовать цифровое пространство в соответствии с духовно-нравственными ориентирами своей культуры.

Только при этом условии возможно сохранение внутренней целостности человека, его психологической устойчивости и этнической идентичности в условиях глобальных трансформаций.

Список использованной литературы.

1. Асмолов А.Г. *Психология личности: принципы общего психологического анализа.* — М.: Смысл, 2001.

2. Ассманн Я. *Культурная память. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.* — М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Выготский Л.С. *История развития высших психических функций.* — М.: Педагогика, 1983.
4. Иноземцев В.Л. *Информационное общество и человек.* — М.: Аспект Пресс, 2018.
5. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура.* — М.: ГУ ВШЭ, 2020.
6. Коломиец В.П. *Этнокультурная идентичность в образовательных практиках: психологический аспект. — Вестник психологии и педагогики*, 2020, №4.
7. Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность.* — М.: Смысл, 2004.
8. Саенко Л.А. *Социальные технологии формирования культурной идентичности в образовательной среде.* — Ставрополь: СКСИ, 2019.
9. Таджфел Г., Тернер Дж. *Социальная идентичность и межгрупповые отношения.* — СПб.: Питер, 2001.
10. Ходжаев А.Б. *Исламская педагогика и современные образовательные реформы в Центральной Азии. — Проблемы образования*, 2021, №2.
11. Абдуллаева Ш.С. *Цифровизация образования и сохранение этнокультурных ценностей народов Центральной Азии. — Социокультурные исследования*, 2023, №1.
12. Воденко К.В., Ефимов А.В., Котлярова В.В. *Cultural Immunity of Russian Society in the Light of the Transformation of the Culture of Education. — Propósitos y Representaciones*, 2021, Vol. 9, No. 1.
13. Гуршков М.К. *Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики.* — М.: Новый хронограф, 2016.
14. Жапуев З.А. *Социальный иммунитет российского общества в контексте институциональной трансформации и рискогенности. — Историческая и социально-образовательная мысль*, 2013, №5 (21).
15. Куц В. *Защитные функции культуры. — Культура культуры*, 2015, №3.
16. Шаповалова А.Ю. *Информационная психология личности в цифровом обществе. — Психологическая наука и образование*, 2022, №3.
17. Шаповалова А.Ю. *Информационная психология личности в цифровом обществе. — Психологическая наука и образование*, 2022, №3.
18. Абдуллаева Ш.С. *Цифровизация образования и сохранение этнокультурных ценностей народов Центральной Азии. — Социокультурные исследования*, 2023, №1.

.

МЕТОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Туракулов Л.Т.
(г. Джизак, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье освещены методы определения, оценки и развития профессиональной компетенции воспитателей в системе дошкольного образования. Рассматривается роль психологической компетенции воспитателей в эффективном общении с детьми, их эмоциональная и социальная подготовленность, а также приведены практические рекомендации на основе результатов, полученных с помощью анкеты. В статье также подчеркивается*

важность эмоциональной и социальной готовности воспитателей, что является ключевым для формирования здоровых эмоциональных и социальных связей у детей.

Ключевые слова: *Дошкольное образование, воспитатель, профессиональная компетенция, психологическая подготовленность.*

Annotation. *This article highlights the methods for identifying, assessing, and developing the professional competence of educators in the preschool education system. It examines the role of educators' psychological competence in effective communication with children, their emotional and social readiness, and provides practical recommendations based on survey results. The article also emphasizes the importance of educators' emotional and social preparedness, which is key to fostering healthy emotional and social connections in children.*

Keywords: *preschool education, educator, professional competence, psychological readiness.*

Успех реформ и улучшений, реализуемых в Республике Узбекистан, во многом зависит от ответственности людей за свой труд и вклада в развитие общества. В обществе педагог, в частности учитель и воспитатель, выполняя свои обязанности, принимает на себя такие важные обязанности, как воспитание подрастающего поколения, передача ему знаний и формирование у него нравственных ценностей. При этом методологической основой нашей статьи служат изменения и события в системе дошкольного образования, которые в настоящее время находятся в центре внимания главы нашего государства. Закон Республики Узбекистан № 595 «О дошкольном образовании и воспитании» от 16 декабря 2019 года [1]. Роль воспитателя в обществе очень велика, а его влияние многогранно. Он отвечает за воспитание подрастающего поколения, формирует из них настоящих патриотов, высоконравственных и образованных людей.

Важность развития психологических компетенций воспитателей дошкольных учреждений является одной из самых актуальных проблем сегодня. Ведь в своей работе они взаимодействуют не только с детьми, но и с их родителями, педагогическим коллективом и другими специалистами. Психологическая подготовка воспитателя играет важную роль в поддержке эмоционального и психического развития ребёнка, а также в его успешности в социальной среде.

Система дошкольного образования является начальным, самым базовым звеном системы непрерывного образования. Согласно научным данным специалистов и педагогов, к пяти годам человек получает 70 процентов всей информации и знаний. Эти данные показывают, насколько важны воспитание и обучение в дошкольных образовательных организациях для развития наших детей как полноценных личностей [2].

Понятие «компетентность» вошло в сферу образования в результате психологических исследований. Таким образом, компетентность означает, как специалист ведет себя в нестандартных и неожиданных ситуациях, как общаться, как управлять отношениями с оппонентами, как выполнять неоднозначные задачи, как использовать противоречивую информацию, а также разрабатывать и следовать плану действий в развивающихся и сложных процессах [3].

Система дошкольного образования занимает важное место в образовательной сфере общества. Профессиональная компетентность воспитателей, работающих в этой системе, напрямую влияет не только на их собственную квалификацию, но и на будущие успехи воспитанников. Методы определения, оценки и развития профессиональной компетентности воспитателей необходимы для повышения эффективности их педагогической деятельности.

Профессиональная компетентность воспитателей включает в себя знания, умения и навыки, которые они демонстрируют в педагогической деятельности. Эта

компетентность обеспечивает способность воспитателя эффективно общаться с детьми, развивать их психологически и социально. Компетентность воспитателей дошкольных учреждений включает в себя педагогические знания, психологическую подготовку, личностные и социальные компетенции.

Для определения профессиональной компетентности воспитателей дошкольных учреждений используется несколько методов. Одним из наиболее распространенных из них является анкетирование. Анкеты могут быть использованы для оценки самооценки и навыков воспитателей. Опросники часто используются для измерения педагогических знаний, личностных качеств и социальной готовности воспитателей.

Второй метод – тренинги и семинары. Тренинги служат развитию практических навыков воспитателей. В процессе обучения можно освоить педагогические и психологические знания, использовать инновационные методы и сформировать навыки, направленные на эффективную работу с детьми. Тренинги также способствуют профессиональному росту воспитателей и проверяют их готовность к современным педагогическим подходам.

Наблюдение (супервизия) также является одним из важных методов определения профессиональной компетентности. Наблюдение за работой воспитателей в классе или группе помогает определить, как они общаются с детьми, как используют методы обучения. Этот метод позволяет правильно оценить практическую деятельность воспитателя и дает возможность дать рекомендации, направленные на повышение его педагогического мастерства.

Психологическая подготовка воспитателей также является важным фактором оценки профессиональной компетентности. Воспитатели должны уметь использовать свои знания в общении с детьми, понимать их психологическое состояние и разрабатывать индивидуальные подходы. Психологическая подготовка помогает воспитателям добиваться высоких результатов в работе с детьми. Поэтому оценка психологической подготовки играет важную роль в определении профессиональной компетентности воспитателей.

Современная система дошкольного образования развивается, в том числе и инновационно. Педагогические технологии и инновационные методы играют важную роль в повышении профессиональной компетентности воспитателей. Воспитателям необходимо осваивать новые педагогические методы и применять их на практике. Использование инноваций способствует актуализации педагогической деятельности воспитателей и внедрению новых подходов к эффективной работе с детьми.

Определение и оценка профессиональной компетентности воспитателей дошкольных учреждений необходимы не только для совершенствования их собственной деятельности, но и для повышения качества образования. Различные методы определения профессиональной компетентности, включая анкетирование, тренинги, мониторинг и оценку психологической подготовки, способствуют профессиональному развитию воспитателей.

Профессиональная компетентность воспитателей дошкольных образовательных организаций представляет собой интеграцию теоретических знаний и практических навыков, а также личностных качеств и опыта, необходимых для профессиональной деятельности. Данная профессия представляет собой совокупность индивидуальных качеств человека, основанных на проявлении творческих способностей и проявлении креативности. Компетентность в контексте креативности – понятие «компетентность» в психолого-педагогическом контексте не имеет однозначного толкования, учитывая сложность данной категории, прежде всего как отражение личностных качеств и поведенческих моделей современного человека. Авторы выделили различные особенности данного понятия. [4]

Одной из важных задач законодательства в сфере образования Узбекистана является четкое определение прав и обязанностей воспитателей, обеспечение их

эффективной деятельности и создание правовой и социальной защиты. Реализация этой цели подтверждается высказыванием Президента Ш.Мирзиёева: «Совершенствование системы образования и воспитания на основе современных требований – наша первостепенная задача» [6]. Обновление материально-технической базы дошкольных образовательных учреждений, повышение профессиональной квалификации воспитателей и повышение престижа их труда, включая обеспечение их справедливой и достойной заработной платой, являются важными задачами для реализации этих целей.

Методы определения профессиональной компетентности воспитателей дошкольных учреждений имеют большое значение в повышении эффективности педагогического процесса и развитии квалификации воспитателей. Методы, используемые для определения профессиональной компетентности воспитателей, помогают оценить их педагогические знания, практические навыки, личностные качества и возможности для инновационных подходов. При выборе этих методов необходимо учитывать индивидуальные особенности педагогов, методы обучения, педагогические технологии и дидактические приёмы.

Сегодня мы живём в период перемен, которые, прежде всего, обусловлены возросшими требованиями к деятельности дошкольных образовательных учреждений и образовательному процессу. При изучении вопроса профессиональной компетентности воспитателей дошкольных образовательных организаций мы обратили внимание на важный в этом плане момент – исследование их профессиональной компетентности. Для этого нами было проведено специальное анкетирование. Результаты анкетирования отражены в таблице ниже.

Табл.1

Анкета-опросник	Респонденты (в процентах)	Результаты и выводы
1.Созданы ли внутренние возможности для повышения профессиональной компетентности педагогов? (Ответьте на примере образовательного учреждения, в котором вы работаете)	77% - Да, доступно	77% педагогов регулярно участвуют в программах повышения квалификации.
2.Как бы вы оценили свою месячную зарплату?	75% в среднем	В хорошем, удовлетворительном состоянии
3.Каковы условия труда?	80% хороший уровень	Хорошо, все необходимое оборудование и условия имеются.
4.Какие существуют возможности профессионального развития?	85% доступно	Очень хорошо, регулярно проводятся обсуждения и тренинги.
5.Каковы часы работы и нагрузка?	80% организованы	Хорошо, безотказная работа и сбалансированная нагрузка.
6.Какова социальная и духовная среда?	85% положительных	Хорошо, хорошие отношения с коллегами и сотрудничество в команде.
7.Что такое оценка и мотивация труда?.	80% завершено	Существует очень хорошая, адекватная система оценки и стимулирования труда.
8.Возникают ли трудности в профессиональной деятельности?	10% доступно	Есть трудности, но они быстро решаются.
9.Принимаются ли меры по внедрению инноваций и новых методов в работу?	80% доступно	Некоторые новые методы могут оказаться полезными.

10. Каковы ваши профессиональные планы на будущее?	85% продолжение активности	Я планирую продолжить свою долгосрочную карьеру в сфере дошкольного образования.

По результатам данного опроса заметно, что образовательное учреждение уделяет большое внимание повышению профессиональной компетентности педагогов. 77% респондентов указали, что для этого созданы внутренние возможности, то есть они регулярно участвуют в программах повышения квалификации.

Хотя 75% участников оценили ежемесячную заработную плату как среднюю, это не влияет на их общую удовлетворенность. Условия труда 80% оценили как хорошие, то есть наличие всего необходимого оборудования и удобств.

Возможности профессионального развития 85% отметили, что в учреждении постоянно проводятся тренинги и собеседования. Сбалансированная организация рабочего времени и нагрузки нашла отражение в 80% ответов.

Социально-психологическая обстановка также получила положительную оценку: 85% участников отметили теплые отношения с коллегами и хорошую командную работу. Система оценки эффективности работы и мотивации также достаточно налажена, что подтвердили 80% респондентов. Только 10% участников отметили наличие трудностей в профессиональной деятельности, что свидетельствует о том, что возникающие в учреждении проблемы решаются оперативно.

Положительные отзывы были высказаны и относительно инноваций в работе: 80% отметили внедрение новых методик. Кроме того, 85% воспитателей заявили, что планируют продолжить работу в сфере дошкольного образования в будущем, что свидетельствует об их преданности своему делу и уверенности в нём.

В целом, результаты опроса свидетельствуют о высокой мотивации воспитателей, наличии возможностей для профессионального роста и позитивной рабочей атмосфере. В то же время, в некоторых областях ещё есть возможности для развития, например, в плане повышения уровня заработной платы и более широкого внедрения инноваций.

Список литературы.

1.Закон Республики Узбекистан от 16 декабря 2019 года № 595 «О дошкольном образовании и воспитании».

2.С.М.Икромова Дошкольное образование: качество и эффективность, перспективы развития. Ташкент,2024.

3.Н.Каримова. «Основы психологической компетентности». Ташкент, 2019.

4.Н.И.Саудуллаева. Совершенствование методики развития творческой компетентности будущих педагогов (на основе интегративного подхода). диссер.д.ф.п.н. Ташкент,2024.

5.Х.Мелиев, О.Джамолдинова. К.Рыскулова. Профессиональная компетентность и мастерство педагога. Учебное пособие. Ташкент, 2021.

ПСИХОЛОГИЧКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ ЛИЧНОСТИ

Файзиева М.Х
(г. Карши, Узбекистан)

Аннотация. *В статье представлены взгляды на анализ программной эффективности формирования конструктивного механизма психологической защиты. В нем условия для проведения экспериментального исследования: усвоение знаний о системе психологической защиты, в частности, о характеристиках личности и системе психологической защиты, побуждают студентов менять систему психологической защиты в разных направлениях.*

Ключевые слова*: конструктивная психология, диагностические, теоретические и организованные экспериментальные блоки, общая напряженность защитной системы, психологическая защита, компенсаторное поведение.*

Annotation. *The article presents perspectives on the analysis of program effectiveness in the formation of a constructive psychological defense mechanism. It outlines the conditions for conducting experimental research: the acquisition of knowledge about the psychological defense system, particularly the characteristics of personality and the defense system, motivates students to modify their psychological defense mechanisms in various directions.*

Keywords: *constructive psychology, diagnostic, theoretical and organized experimental blocks, overall tension of the defense system, psychological defense, compensatory behavior.*

Адаптивные механизмы как продукт действия врожденных механизмов, процессов развития и научения, накопления индивидуального опыта, включающие бессознательные и сознательные способы реагирования и поведения позволяют прогнозировать поведение детей и подростков уровень адаптированности личности , состояние психического здоровья

В условиях стресса у человека актуализируются два типа адаптивных механизмов. Во-первых, это психологические защиты как механизм компенсации стресса; во-вторых, копинг-поведение – механизм преодоления стресса. До настоящего времени проблема соотношения понятий «механизмы психологической защиты» и «копинг-стратегии» остается дискуссионной.

Согласно точки зрения, распространенной в психоанализе, защитные механизмы устраняют психотравмирующее воздействие ситуации или конфликта, но за счет искажения действительности. Исследования показали, что существуют аналогичные защитные механизмы, позволяющие преодолеть конфликтную ситуацию без искажения действительности и обеспечить адаптацию без отказа от реальности. Классические защитные механизмы автор характеризует как эмоционально неадекватные, ригидные, не соответствующие действительности. Четкое разведение копинг-стратегий и защитных механизмов играет центральную роль в исследованиях Н. Хаан две группы участников подросткового возраста различались по выраженности поведения в стрессовой ситуации. Одни из них характеризовались как «активно преодолевающие стресс», другие-«защитники». Двадцатилетние наблюдение за участниками исследования показало, что несмотря на выраженные изменения в поведении как «активных», так и «защитников», основное различие между ними активное или пассивное преодоление – сохранилось.

С точки зрения современных психологических представлений, основное функциональное значение механизмов психологической защиты заключается в ослаблении внутриличностного конфликта, проявляющегося в тревоге, напряжении, беспокойстве и фрустрации. Этот конфликт возникает как следствие противоречия между бессознательными импульсами личности и усвоенными требованиями внешней среды, формирующимися в процессе взаимодействия с окружающим миром. Ослабляя внутреннее напряжение, психологическая защита выполняет регулирующую функцию, способствует стабилизации психического состояния и повышает адаптационные возможности личности, обеспечивая её психологическое равновесие.

Исследователи выделяют три основные группы защитных механизмов в зависимости от степени активности и характера противодействия стрессу. Первая группа включает защитные механизмы, близкие к копинг-стратегиям, которые помогают человеку самостоятельно справляться с трудными ситуациями. Вторая группа представлена механизмами вытеснения и отрицания, отличающимися автоматизмом и отсутствием осознанного контроля. Они характерны для личностей с достаточно ригидной структурой «Я». Третья группа включает рационализацию, бегство в болезнь и фантазирование, что отражает пассивную попытку избежать психологической угрозы при отсутствии четкой жизненной позиции.

Психологическая защита личности представляет собой более высокий уровень организации, направленный на сохранение устойчивой структуры личности в условиях межличностных конфликтов. Конфликт в данном контексте рассматривается не как столкновение инстинктивных и социальных норм, как это утверждалось в классическом психоанализе, а как противоречие между внутренними потребностями и личностно значимыми ценностями. Таким образом, психологическая защита выступает механизмом сохранения внутренней согласованности и устойчивости личности в изменяющейся социальной среде.

Вопрос об адаптивности защитных механизмов и копинговых стратегий в психологической литературе трактуется неоднозначно. Р.М. Грановская отмечала, что по мере накопления жизненного опыта у человека формируется особая система, защищающая его от информации, способной нарушить внутреннее равновесие, — система психологических барьеров. Исследователи подчеркивают, что адаптивность защитных механизмов определяется несколькими критериями: долгосрочными последствиями (насколько эффективен механизм в перспективе), субъективным опытом (как человек переживает данный процесс) и характеристиками самого механизма (насколько он способствует развитию или деструктивен). При этом одни и те же механизмы могут проявляться как адаптивно, так и дезадаптивно в зависимости от ситуации.

Дополнительным фактором в оценке адаптивности защиты является временной аспект. В краткосрочной перспективе защитные механизмы могут способствовать уменьшению тревоги и достижению эмоционального равновесия, однако в долгосрочной перспективе их чрезмерное использование приводит к избеганию реальности и снижению эффективности адаптации. Современные исследования рассматривают защиту и копинг не как строго противоположные явления, а как процессы, различающиеся по степени осознанности и направленности.

Изначально психоанализ относил защитные механизмы к сфере бессознательного. Однако в современной психологии распространена идея, что часть защит может использоваться осознанно. Так, например, подавление считается осознанной формой вытеснения. Н.И. Рейнвальд отмечал, что осознанность деятельности человека может быть частичной: индивид осознает непосредственные цели, но не всегда осмысливает их в более широком контексте. Таким образом, в поле сознания могут находиться лишь отдельные элементы защитного процесса — чувства, оценки, поведение, но сам момент запуска защиты, связанный с перераспределением

аффектов, заменой ценностей или трансформацией поведения, чаще всего остаётся неосознанным.

Многие исследователи считают, что один и тот же защитный механизм может использоваться как осознанно, так и неосознанно, в зависимости от ситуации. Например, механизм замещения может проявляться спонтанно, когда человек направляет агрессию не на истинный источник раздражения, а на случайный объект. При этом адаптивность такого поведения различна: если агрессивный импульс направлен на неодушевленный предмет, он может выполнять разрядочную функцию, тогда как выплеск негативных эмоций на других людей разрушает социальные отношения. В клинической практике психологи нередко обучают клиентов сознательно использовать механизм замещения в конструктивных формах, что помогает снизить уровень внутреннего напряжения без нанесения вреда окружающим.

Современная психология различает адаптивные и неадаптивные формы защиты. Неадаптивные механизмы, как правило, связаны с бессознательным, тогда как адаптивные — с определённой степенью осознанности. Ф. Крамер рассматривал подавление как зрелую форму защиты, подчеркивая, что оно представляет собой полусознательное решение временно отложить раздражающие мысли и таким образом предотвращает излишнее психологическое напряжение. На этом основании он предлагал относить подавление к копинг-стратегиям.

В. Стефенс и Х. Кехель обращали внимание на двойственную природу подавления, отмечая, что оно может быть отнесено как к копингу, так и к защите в зависимости от характера страха и контекста ситуации. Если процесс направлен на восприятие реалистической тревоги и способствует адаптации, он относится к копингу; если же его цель — создание внутреннего иллюзорного равновесия и избегание страха, то это защитный механизм. Некоторые исследователи (Erdelyi, 2001; Lazarus, Folkman, 1984) допускают существование предсознательного копинга, а другие (Parker, Endler, 1996; Suls, Harvey, 1996) считают, что копинг — это исключительно осознанная деятельность.

Интересной является позиция В. Стефенса и Х. Кехеля, согласно которой копинговые процессы могут запускаться автоматически, но не закрепляются в структуре бессознательных конфликтов, что отличает их от защитных механизмов. Таким образом, различие между копингом и защитой заключается не только в уровне осознанности, но и в функциональной направленности: копинг обеспечивает активное приспособление к внешней реальности, тогда как защита сохраняет внутреннюю стабильность личности, порой за счёт искажения восприятия действительности.

Таким образом, необходимо признать, что, по крайней мере теоретически, бессознательный статус адаптационных процессов сам по себе не может информировать нас о том, что мы имеем дело с механизмами защиты или копинг-стратегиями. Согласно В. Стефенс и Анализ основных публикаций и исследований по проблеме адаптивных механизмов личности показал теоретическую и практическую разработанность. Основные аспекты этой проблемы сводятся к развитию концептуальных представлений основных механизмов, выделению уровней и классификации адаптационных механизмов, их эффективность в контексте ситуаций и жизненных событий личности, обсуждению адаптивности и осознанности адаптационных процессов. Разработка системного подхода к данной проблеме является приоритетным психологическим направлением.

Литературы.

1.Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 5. С. 184–188.

2.Куфтяк Е.В. Психологическое здоровье и защитные механизмы (психологические защиты и совладание) в детском возрасте // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С.

4. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 11.05.2017). 2017. N 1(42). С. 3. URL: http://mprj.ru (дата обращения: 11.05.2017).

3. М.Файзиева Шахснинг психологик ҳимоя механзмлари 2021/ “Насаф” нашриёти.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Хаитов К.К.

(г.Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье предпринята попытка комплексного анализа психологических особенностей воспитания молодёжи на основе традиционных ценностей. Рассматриваются различные этапы развития этих идей в разных странах и в разные исторические периоды. Подчёркивается необходимость новых подходов к этой проблеме.*

Ключевые слова: *мораль, этика, вежливость, честность, мужество, отвага, справедливость, традиционные ценности, патриотизм, психологические особенности, общество, культура, молодежь.*

Abstract. *This article attempts a comprehensive analysis of the psychological characteristics of youth education based on traditional values. It examines the various stages of the development of these ideas in different countries and historical periods. It emphasizes the need for new approaches to this problem.*

Key words: *morality, ethics, politeness, honesty, courage, bravery, justice, traditional values, patriotism, psychological characteristics, society, culture, youth.*

Введение. Система образования играет важную роль в формировании патриотизма под влиянием традиционных ценностей. Учреждения образования должны не только передавать знания и навыки, но и воспитывать граждан в духе патриотизма, уважения к своей стране и ее культурному наследию. Именно в школе, вузе или другом образовательном учреждении молодое поколение должно получить возможность понять и полюбить свою историю, культуру и традиции.

Таким образом, формирование патриотизма под влиянием традиционных ценностей имеет важное значение для развития гражданского общества и национальной идентичности. Историко-педагогический подход к этой проблеме позволяет передать молодому поколению не только знания о прошлом своей страны, но и воспитать уважение, гордость и ответственность перед ней.

Обсуждение и результаты. Одной из основных особенностей формирования патриотизма под влиянием традиционных ценностей является передача исторического опыта предков, которая позволяет каждому поколению увидеть связь между прошлым, настоящим и будущим. Это помогает укреплять чувство принадлежности к определенной культуре и нации, формируя глубокое патриотическое сознание. Традиционные ценности, передаваемые через воспитание и образование, оказывают сильное воздействие на формирование и укрепление патриотических чувств среди молодого поколения. Педагогический процесс, основанный на уважении к истории и

культуре своей страны, способствует воспитанию граждан с активной гражданской позицией и готовностью защищать свою Родину [2, С. 91-101].

Для актуализации данного вопроса, необходимо внедрение в программу обучения перечня инициатив, выделим основные из них: исторические рассказы и легенды. Рассказы о великих подвигах наших предков, о традициях и обычаях народа помогают молодым людям понять свою принадлежность к национальной культуре и истории. Проведение национальных праздников и традиций. Организация мероприятий, посвященных национальным праздникам, позволяет молодежи почувствовать себя частью общего национального сообщества и укрепляет чувство патриотизма. Участие в национальных обрядах и традициях. Посещение храмов, музеев, участие в национальных праздниках и обрядах помогает молодежи лучше понять и полюбить свою культуру и традиции.

Популяризация национальных ценностей и достижений. Через различные мероприятия, конкурсы, выставки может показать молодежи национальные достижения в науке, культуре, спорте и т.д., что способствует формированию гордости за свою страну [3, С. 23-27]. Обучение гражданственности и активному гражданству. Важно не только формировать у молодежи чувство патриотизма, но и обучать их правам и обязанностям гражданина, активному участию в жизни общества и страны. Непосредственное включение патриотической тематики в образовательный процесс: организация уроков и мероприятий, посвященных истории, культуре и достижениям страны. Проведение конкурсов, творческих мастер-классов и выставок, где молодые люди смогут выразить свою патриотическую позицию через искусство и творчество. Организация встреч с ветеранами и патриотическими деятелями, которые могут поделиться своими историями и опытом. Проведение экскурсий по историческим местам и музеям страны для более глубокого понимания и уважения к своей родине. Введение специальных учебных курсов и программ, направленных на воспитание любви к родине, уважения к своей нации и готовности к служению ей [2, С. 71-74].

Тем самым, использование традиционных ценностей в методиках формирования патриотизма среди молодежи позволит не только привлечь их внимание к истории и культуре своей страны, но и способствует укреплению национальной идентичности и единства общества.

Однако, невзирая на широкий перечень мер, необходимо отметить, что реализация предложенных новелл требует дальнейшей, системной разработки программ.

Результаты теоретического исследования по теме "Особенности формирования патриотизма под влиянием традиционных ценностей: историко-педагогический аспект", возможно представить следующим образом:

1. Понимание патриотизма: в ходе исследования установлено, что патриотизм представляет собой любовь и преданность к своей родине, своей нации и ее ценностям. Традиционные ценности играют важную роль в формировании патриотизма, поскольку их сохранение и передача поколениям способствует укреплению национальной идентичности.

2. Роль традиционных ценностей: исследование позволило выявить, что традиционные ценности являются основой формирования патриотизма. История, культура, и духовность олицетворяют ценности, которые питают чувство любви и преданности к родной стране. Сохранение и передача этих ценностей является важным аспектом образования и воспитания.

3. Историко-педагогические методы: в рамках исследования были проанализированы историко-педагогические методы, оказывающие влияние на формирование патриотизма с использованием традиционных ценностей. К таким методам относятся изучение истории своей страны, патриотические мероприятия, обучение родной культуре и традициям.

4. Примеры успешной практики: в ходе исследования были предложены примеры успешной практики формирования патриотизма под влиянием традиционных ценностей в различных странах. Оказалось, что страны, где ценности и история играют ключевую роль в воспитании граждан, обладают более высоким уровнем патриотизма и гражданской ответственности.

5. Проблемы и препятствия: в рамках исследования были выявлены проблемы и препятствия в формировании патриотизма среди молодежи в условиях современного мира. Влияние массмедиа и новых технологий может размывать национальные ценности и искажать представления о патриотизме.

Проведенное исследование позволяет предложить к реализации перечень рекомендательных образовательных инициатив: изучение и сохранение исторических фактов и событий, связанных с формированием и развитием государства и нации, способствует пониманию и уважению к национальным традициям и ценностям. Рекомендуется включать в образовательную программу изучение истории своей страны. Необходимо активно популяризовать патриотизм среди молодежи, используя методы воспитания и образования. Важно создавать позитивные образцы героев и лидеров, которые внесли значительный вклад в историю своей страны. Патриотизм должен быть не просто эмоциональным, но и осознанным.

Для этого необходимо поощрять критическое мышление и анализ событий с точки зрения национальных интересов. Важно развивать уважение к своей культуре, языку и традициям. Это поможет формированию гордости за свою нацию и ее достижения. Следует содействовать повышению интереса к исследованию истории народа, национальным обычаям и обрядам. Это поможет сохранить и укрепить национальную идентичность и патриотический дух. Дополнительное обучение в школах и университетах истории и культуре своей страны важно для формирования патриотизма у молодого поколения. Они должны быть осведомлены о значимых событиях в истории своей страны и понимать связь между прошлым, настоящим и будущим [4, С. 72-76].

Исследование особенностей формирования патриотизма под влиянием традиционных ценностей выявило значимость историко-педагогического аспекта в данном процессе. История и культура народа, его традиции и обычаи играют важную роль в формировании чувства любви и преданности к своей стране.

Заключение. Выводы исследования демонстрируют, что важность традиционных ценностей в формировании патриотизма не может быть недооценена. Историко-педагогический аспект играет ключевую роль в этом процессе, создавая основу для развития национальной идентичности и гражданской ответственности. Образование, основанное на уважении к культуре и истории своей страны, способствует формированию граждан с высоким патриотическим сознанием и активным участием в жизни общества.

Традиционные ценности, такие как уважение к истории народа, любовь к родине и культуре, патриотизм и гражданская ответственность, играют важную роль в становлении национального самосознания и формировании гордости за свою страну. Исторический аспект имеет особое значение, так как знание и понимание истории своей страны помогает людям увидеть связь между прошлым, настоящим и будущим, а также почувствовать себя частью единого целого – нации.

Список литературы.

1. Дружинин В.Н. Психология. Учебник для гуманитарных вузов. - СПб.: Питер, 2006.

2. Столяренко Л.Д. Педагогика и психология высшей школы. - Ростов н/Д.: Феникс, 2006.

3. Quronov M. “Har bir ota-ona pedagog bo‘lish kerak” maqola. http://www.adolatnashr.uz/uploads/17.Oila.2016.pdf.

4. Uralov D. “Ibn Sinoning inson va ma’naviy kamolot masalasiga munosabati”. “Falsafa va insoniyat: o‘tmish, hozirgi zamon, kelajak” ilmiy-nazariy anjuman, Alfraganus university. (E)ISSN: 2181-1784 4(26), Nov., 2024 www.oriens.uz.

5. Uralov D. “The importance of the views of children's education and moral virtues in the works of Ibn Sina today”. Western European Journal of Historical Events and Social Science Volume 3, Issue 2, February, 2025 https://westerneuropeanstudies.com/index.php/4.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТРЕССА В СРЕДЕ НЕОРГАНИЗОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ

Хайдаров Ш.Ш.

(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические детерминанты стресса в среде неорганизованной молодежи. Анализируются основные факторы, влияющие на возникновение стрессовых состояний, такие как социальная неустойчивость, отсутствие жизненных ориентиров, недостаток социальной поддержки и низкий уровень адаптационных механизмов. Особое внимание уделяется роли личностных особенностей, самооценки и мотивационной сферы в формировании стрессоустойчивости молодых людей, не вовлеченных в организованные социальные структуры. В исследовании подчеркивается необходимость психопрофилактической и коррекционной работы, направленной на развитие навыков саморегуляции, формирования позитивного мышления и социальной адаптации неорганизованной молодежи.*

Ключевые слова: *стресс, неорганизованная молодежь, психологические детерминанты, стрессоустойчивость, адаптация, саморегуляция, социальная поддержка.*

Abstract. *The article examines the psychological determinants of stress among unorganized youth. It analyzes the main factors contributing to stress development, such as social instability, lack of life goals, insufficient social support, and a low level of adaptive mechanisms. Special attention is given to the role of personal traits, self-esteem, and motivation in shaping stress resistance among young people who are not involved in organized social structures. The study highlights the importance of psychological prevention and correctional programs aimed at developing self-regulation skills, fostering positive thinking, and improving social adaptation among unorganized youth.*

Keywords:*stress, unorganized youth, psychological determinants, stress resistance, adaptation, self-regulation, social support.*

Современная жизнь из-за влияния быстро изменяющихся социальных, экономических и технологических условий предъявляет высокие требования к способности человека адаптироваться. Сегодня не только жители нашей страны, но и большая часть населения планеты в той или иной степени переживает стресс и тревожные состояния. На это повлияли и войны, и всевозможные митинги, протесты, и экономический кризис, и конечно же карантин и самоизоляция в условиях пандемии. Все это затрагивает одну из главных потребностей человека — потребность в

безопасности, что в свою очередь оказывает огромное влияние на психологическое состояние человека, вызывая стресс и тревожные состояния. Что касается молодежи, их завышенные ожидания от жизни, бурная реакция на любые неудачи и недостаток опыта, тревоги по поводу отсутствия собственного жилья и хорошей работы, а у многих, к тому же, необходимость придерживаться режима строгой экономии являются причиной того, что современные молодые люди оказываются очень тревожными, им сложно адаптироваться к сложным ситуациям. Наиболее полное определение молодости было дано И. С. Коном: «Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных тем и другим социально-психологических свойств». В этом возрасте происходят одни из самых значимых событий: создание семьи и устройства семейной жизни, овладение выбранной профессией, установление отношения к общественной жизни и своей роли в ней. Это наиболее благоприятное время для самореализации. Молодые люди осваивают нормы отношений между людьми (деловых, личных и др.), а также профессионально-трудовых умений.

Но несмотря на описанное выше, можно отметить высокую тревожность молодых людей. Согласно результатам, проведенного исследования на базе Педагогического Государственного Университета имени Низами, с помощью методики Ч. Д. Спилберга «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности», было выявлено, что уровень личностной тревожности молодежи оказался в большинстве случаев высоким. Выборка состояла из 58 человек в возрасте от 20 до 30 лет . (рис. 1) Личностная тревожность — у 58,5 % испытуемых на высоком уровне, у 38 % — на умеренном уровне, и всего у 3,5 % — на низком уровне.

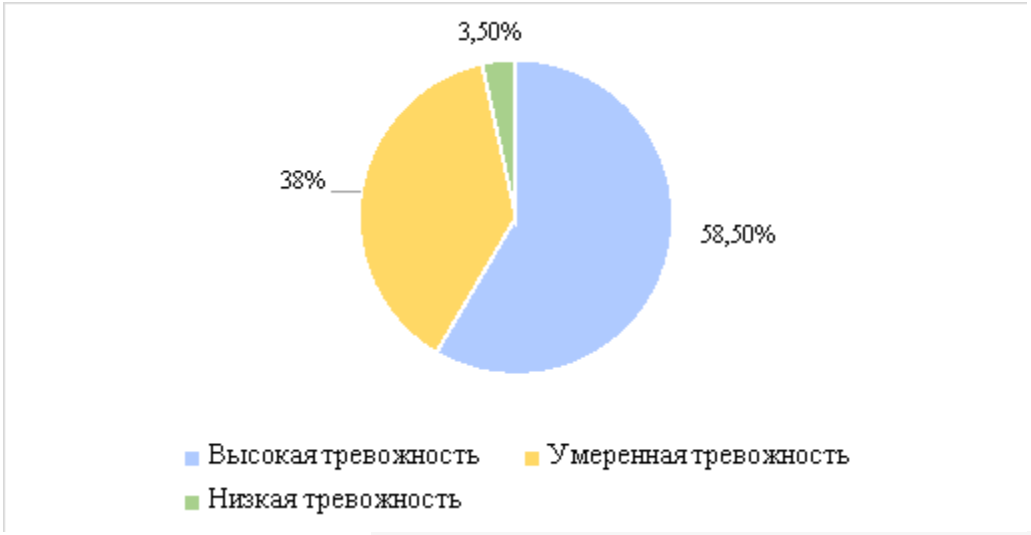

Рис.1.Уровень личностной тревожности молодежи

Высокая тревожность в молодости может быть связана с изменением социальных и экономических условий жизни, и с огромной умственной и нервно-эмоциональной нагрузкой, связанной с постоянным увеличением объема информации и дефицитом времени на полноценный сон из-за учебы или работы, неразрешенными вопросами, связанными с началом самостоятельной жизни, налаженностью быта, неудовлетворением потребностей и т. д. Наверняка вы слышали понятия тревоги и тревожности. Если вы часто ощущаете психологический дискомфорт, неуверенность в завтрашнем дне и своих силах, перепады настроения, беспокойство, то, вероятно, вы столкнулись с тревогой. Но без коррекции состояния она может перейти в тревожность. «В чем разница?» — спросите вы. Тревожность — устойчивое качество личности, в то

время как тревога — временное состояние (эмоция). Если испытывать иногда тревогу — это нормально, то с тревожностью нужно бороться. Повышенная тревожность — это психическое состояние, вызываемое воображаемыми или реальными ситуациями, реакцией на страх, не важно реальный он или воображаемый. Такое состояние может сопровождаться повышенной концентрацией внимания и избыточной моторной активностью, но все же проявления индивидуальны. Необходимо отметить, что существует понятие полезной тревожности. Это ее уровень, необходимый для развития личности. Нормальная и полезная тревожность возникает в ответ на реальную угрозу, не является формой подавления внутреннего конфликта, не вызывает реакции защиты, может быть устранена произвольным изменением ситуации или своим отношением к ней. Высокий уровень тревожности также, может оказывать крайне неблагоприятное влияние в целом на качество социальной жизни, как отдельной личности, так и общества в целом.

Поэтому необходима социальная работа с молодыми людьми, направленная на помощь молодежи преодолеть проблему. Нами были даны некоторые рекомендации молодым людям по борьбе с высокой тревожностью: Для начала необходимо определить причину тревоги. Помните, не зная причину, не следует бороться со следствием. Следует научиться сбрасывать напряжение — мгновенно расслабляться. Для этого стоит овладеть навыками аутотренинга, с которыми можно познакомиться в многочисленных пособиях. Дайте отдых своей нервной системе. Запомните: хорошо работает лишь тот, кто хорошо отдыхает. Лучший отдых для нервной системы — сон, в том числе и кратковременный дневной (от 5 до 30 минут). В идеале в конце каждого часа работы нужно отдохнуть 2–5 минут. Смена жизненной ситуации. Если тревожные переживания связаны с какой-либо определенной сферой — работой, семейным положением, кругом общения, попробуйте что-то поменять именно в этой части вашей жизни. Начните с малого, не обязательно сразу увольняться с работы или разводиться с супругом. Подумайте, какие доступные вам изменения привнесут комфорт и большее удовлетворение, притворите их в жизнь. Общайтесь с близкими людьми. Наличие у человека широкого круга общения и тесных социальных связей значительно снижает уровень тревожности. Занимайтесь спортом. Регулярные тренировки благотворно воздействуют на организм человека, помогают выплеснуть накопившееся напряжение, переключиться на позитивный лад. Попробуйте способы саморегуляции, например, такие как: переключение, отвлечение или снижение значимости и т. д. Попробуйте нарисовать свои тревоги.

Посмотри на них издалека. Задайте себе вопросы: «Когда она появляется? Зачем? Какие твои качества делают ее сильнее, а какие наоборот?» Примите то, что вы не можете контролировать все. Посмотрите на свою тревожность в перспективе — действительно ли все так плохо, как вы думаете? Одно из главных оружий в борьбе с тревожностью — самосознание. Таким образом, для избавления от тревожности работайте над собой, над мировоззрением, расписывайте жизненные планы (на месяц, год, пять лет, десять). Не думайте, получится или нет, что произойдет. Просто действуйте, будучи уверенным в своих силах и возможностях. В заключении стоит сказать, что главный принцип тревожности: чем больше ты переживаешь, тем больше страдает качество деятельности. А от этого еще больше развивается тревожность. Да, это замкнутый круг и его в прямом смысле нужно разрывать. Отметим, что снизить тревогу иногда удается самостоятельно, но чаще всего, эффективно и на длительный срок скорректировать высокий уровень тревожности может помочь только специалист. Если же тревога мешает жить и сопровождается навязчивыми мыслями, например, о самоубийстве, яркими физиологическими симптомами вроде сильной усталости, тошноты, которые долго не проходят, и такими паттернами поведения, как избегание (вы паникуете на людях), необходимо обязательно обратиться за помощью к специалисту. Итак, снижение уровня тревожности является одной из актуальных и

задач психологии и социальной педагогики. Она ставит исследователей перед необходимостью наиболее полного и многомерного изучения данной области и применения полученных данных на практике.

Литература.

1. Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. В двух томах. Том 1 Издательство: Санкт-Петербургского университета, 2007 г
2. Аракелов Н., Шишкова Н. «Тревожность: методы ее диагностики и коррекции» / Вестник МУ, сер. Психология. — 1998, № 1.
3. Астапов В. М. Функциональный подход при изучении состояния тревоги — Психологический журнал, 1992, № 5, с. И1–120.
4. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание — М.: Политиздат, 1987. — 366 с.
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст]. — М.: СПб.: ЭЛБИ, 2008. — 632 с.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

Чориеева М.К.

(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье исследуются основные этапы формирования и развития узбекской литературной критики с особым акцентом на период независимости. Анализируется взаимосвязь критики с историей и теорией литературы, а также её эволюция от традиционных форм тazкиры до современного философско-эстетического анализа. Автор рассматривает обновление методологии, внедрение философского мышления, расширение жанров и индивидуализацию критического языка. Отмечается, что современная узбекская критика становится не просто оценочным инструментом, а самостоятельным научно-эстетическим направлением, формирующим культурное сознание общества.*

Ключевые слова: *литературная критика; эстетическое мышление; период независимости; методология; философский подход; герменевтика; структурализм; интертекстуальный анализ; узбекская литература.*

Abstract.*The article examines the main stages of the formation and development of Uzbek literary criticism, with a special focus on the independence period. It explores the relationship of criticism with the history and theory of literature and its evolution from traditional tazkira forms to modern philosophical and aesthetic analysis. The study highlights methodological renewal, the introduction of philosophical thought, the diversity of genres, and the individualization of critical language. Modern Uzbek criticism is regarded as an independent scientific and aesthetic field that shapes the cultural consciousness of society.*

Keywords: *literary criticism; aesthetic thinking; independence period; methodology; philosophical approach; hermeneutics; structuralism; intertextual analysis; Uzbek literature.*

Введение. Литературно художественная критика выступает неотъемлемым звеном творческого и эстетического развития каждого народа. Становление и развитие узбекской литературной критики, особенно в период независимости, были тесно связаны с идеологическими и политическими условиями, но формировались

посредством эстетических категорий, призванных ориентировать литературный процесс. Критика служила расширению идее авторского пространства и совершенствованию художественного мастерства. В этом смысле она выступала как самостоятельная научно прикладная дисциплина, неразрывно связанная с литературной историей и теорией.

Главная тема литературной критики — современный литературно исторический процесс: раскрытие социально эстетической сущности литературных феноменов, их оценка и обобщение. Согласно В. Белинскому, литературная критика — это «мост» между историей литературы и её теорией. В эпоху независимости литературная критика стала рассматриваться как ключевое художественное явление, обладающее общественно эстетической функцией.

Обратившись к историческим материалам, мы видим, что в конце XIX — начале XX века на страницах газет и журналов «Oyina», «Sho‘ro», «Taraqqiy» публиковались первые критические высказывания. Однако они носили скорее просветительский характер и ещё не достигали уровня глубинного художественного анализа. Сегодня изучение истории узбекской критики приобретает не только историко просветительское, но и научное значение: эта история — «эстетика в движении», обогащающая теоретическую основу современной литературы и прокладывающая путь новым эстетическим концепциям.

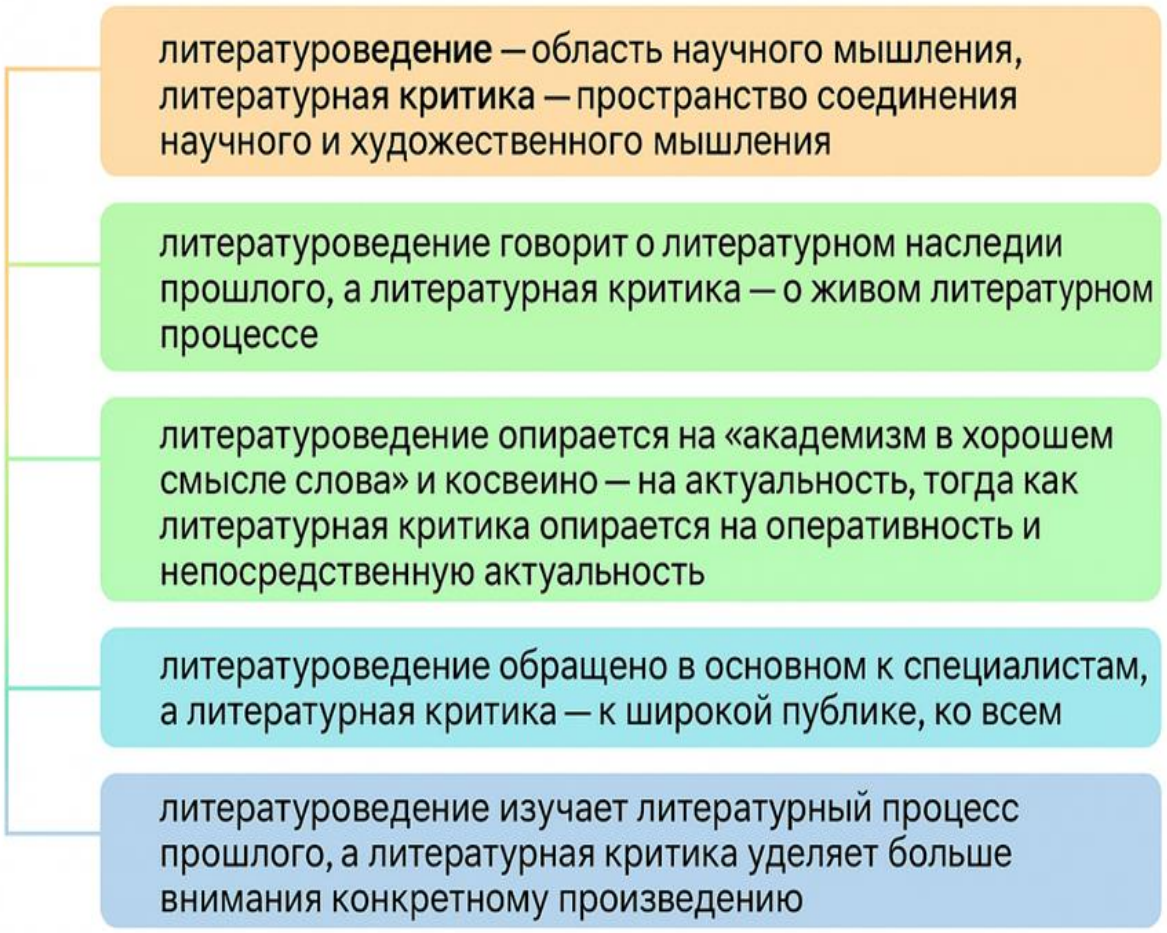
Методология исследования. Положения статьи опираются на историко сравнительный и системно структурный подходы. В ходе исследования выстраивается концептуальная карта методологических источников узбекской литературной критики периода независимости, с опорой на фундаментальные труды в области литературоведения. Исходно предполагается, что литературно художественная критика должна способствовать расширению идеологических и национальных горизонтов автора, а также совершенствованию его искусства.

В период независимости узбекская литературная критика развивала традиции эстетической литературной мысли, одновременно добиваясь чёткости идеологических оценок, сочетая эстетическую требовательность с глубоким социальным анализом, и формируя открытую позицию по отношению к творческим экспериментам. Литературная критика, подобно самой литературе, является духовно идеальным явлением и играет важнейшую роль в общественном развитии. Эта норма сохраняет свою актуальность и сегодня.

В литературоведении традиционно выделяют три основные взаимосвязанные ветви: история литературы, литературная критика и теория литературоведения. История литературы рассматривает художественное творчество ретроспективно. Литературная критика непосредственно участвует в литературном процессе, формируя характеристики литературы через оценку. Теория литературы извлекает обобщения из литературно исторического опыта. Хотя эти три направления опираются на общую научную базу, они различаются предметом и методическим подходом.

Сущность литературной критики заключается в её ориентации на актуальную литературу, конкретные произведения и современный литературно исторический процесс. При высказывании суждений о литературном процессе и конкретном тексте критика опирается на выводы истории литературы, но адаптирует их к особенностям текущего времени, обогащает эстетическое восприятие, формирует литературные вкусы.

Как замечал Белинский: «Что такое литературная критика? Это просто оценка художественного произведения, применение теории на практике, или попытка выработать теорию на основе фактов? Иногда одно, иногда другое, часто — и то, и другое». Таким образом, литературная критика играет роль моста между литературной историей и теорией.

Преобразования в литературной критике периода независимости

В эпоху независимости узбекская литературная критика вступила в новую фазу национального самоосознания. Критика перестала быть лишь инструментом оценки и стала самостоятельной интеллектуальной дисциплиной, исследующей сложные взаимоотношения между обществом, личностью и искусством с философско эстетической точки зрения.

В этот период в критике усилился интерес к зарубежным методологическим школам — структурализму, феноменологии, герменевтике, психоанализу, постмодернизму. Это позволило вырабатывать многослойные интерпретации, учитывать контексты, расширить горизонты чтения. Произведение стало рассматриваться не только как отражение внешней реальности, но как пространство внутренней жизни человека — его сознания, душевных переживаний, эстетического восприятия.

Обновления в критике проявились в следующих направлениях:

1. Методологические трансформации. Если ранее анализ произведений проходил преимущественно по материалистическим и реалистическим критериям, то теперь доминируют индивидуально эстетические подходы и психологические измерения художественного мира.

2. Философское проникновение. Критика стала использовать философские направления, поддерживая диалектическое мышление, свободное исследование смыслов и концептов, что усиливает её научно философский характер.

3. Выразительность и индивидуализм языка. Язык критики обогащается художественными средствами, стилистическими приёмами; критик приобретает индивидуальный стиль, что сближает его с творцом.

4. Жанровое разнообразие. В годы независимости формируются новые жанры: эссе, литературный портрет, размышления, аналитические статьи, диалогические комментарии. Это делает критику более доступной читателю и приближает её к эстетическому восприятию.

Новые тенденции выражаются в том, что произведение рассматривается не только как художественный объект, но как социально психологическое, культурно философское явление. Задача критика — раскрыть человека как творческое существо, исследовать слои художественной формы, сознание автора и читателя. Новая критика активно внедряет в свои практики цитатный анализ, контекстуальные науки, психо-поэтическую интерпретацию. Всё это сближает узбекскую критику с международной литературоведческой средой.

В период независимости акцент смещается к личности автора, его мировоззрению, творческому мышлению. Критик перестаёт быть лишь исполнителем идеологического заказа, выступает как свободный мыслитель, опирающийся на эстетические критерии. Таким образом, он становится активным, жизненным, философским союзником литературы.

Заключение

Итак, узбекская литературная критика сформировалась как важный институт национального мышления и эстетического восприятия; в эпоху независимости она обогатилась новыми методологическими основаниями. Критика перестала быть исключительно оценочным механизмом и выросла в аналитическую дисциплину, формирующую эстетические стандарты и функционирующую как самостоятельная научная область. В эпохе независимости усилились философичность, свобода мысли, индивидуальность стиля и жанровое разнообразие. Эти процессы способствуют интеграции узбекской литературной критики в мировое литературоведческое пространство.

Литературная критика наиболее эффективна, когда сочетает социальную ответственность, эстетическую требовательность и методологический плюрализм.

Список литературы.

1. Белинский В. Г. Избранные произведения. — Москва: Художественная литература, 1976. — 528 с.
2. Навои А. Хамса. — Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1989. — 784 с.
3. Фитрат А. Законы литературы. — Ташкент: Манавият, 1995. — 152 с.
4. Кадыри А. О литературной критике и художественности. — Ташкент: Фан, 2008. — 214 с.
5. Шарафиддинов О. Критическое мышление: вчера и сегодня. — Ташкент: Ёзувчи, 1983. — 272 с.
6. Шукуров Н. История узбекской литературной критики. — Ташкент: Фан, 2010. — 320 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Шарипова С.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности формирования педагогической компетентности учителя начальных классов. Педагогическая компетентность анализируется как один из важнейших показателей профессионального мастерства, психологической готовности, коммуникативной культуры и направленности деятельности учителя на развитие личности учащегося. В статье также раскрываются вопросы развития личностных и профессиональных качеств педагога в системе начального образования, применения инновационных подходов и современных педагогических технологий. Результаты исследования способствуют определению направлений совершенствования рефлексивной, социальной, методической и коммуникативной компетентности учителя.*

Ключевые слова: *начальное образование, педагогическая компетентность, личность учителя, профессиональное мастерство, инновационные подходы, коммуникативная компетентность, рефлексивная деятельность, современная педагогика.*

Abstract. *This article explores the specific features of developing the pedagogical competence of primary school teachers. Pedagogical competence is analyzed as one of the key indicators of a teacher's professional mastery, psychological readiness, communicative culture, and focus on the development of the student's personality. The article also discusses the development of personal and professional qualities of teachers in the primary education system, as well as the application of innovative approaches and modern pedagogical technologies. The research results help identify directions for improving teachers' reflective, social, methodological, and communicative competencies.*

Keywords: *primary education, pedagogical competence, teacher's personality, professional skills, innovative approach, communicative competence, reflective activity, modern pedagogy.*

Введение. В условиях современного образования проблема развития педагогической компетентности учителя начальных классов является одной из актуальных научно-практических задач. Начальная школа играет ключевую роль в интеллектуальном, духовном и социальном становлении личности ребёнка. Поэтому учитель выступает не только как носитель знаний, но и как воспитатель, организатор педагогического процесса и создатель благоприятной психологической среды. Педагогическая компетентность является залогом профессионального успеха учителя, включающим в себя не только теоретические знания, но и практические умения, коммуникативную культуру, рефлексивное мышление и инновационный подход к обучению. В современных условиях цифровизации, инклюзивного образования и личностно-ориентированных технологий возникает необходимость пересмотра подходов к формированию профессиональной компетентности педагога. Настоящая статья посвящена научно-теоретическому анализу сущности, структуры и факторов развития педагогической компетентности учителя начальных классов.

Актуальность темы. Современные преобразования в системе образования выдвигают новые требования к личности и профессиональной деятельности учителя

начальных классов. В условиях глобализации, цифровизации и внедрения инновационных технологий особое значение приобретает уровень педагогической компетентности педагога, обеспечивающий эффективность учебно-воспитательного процесса и формирование гармонично развитой личности учащегося.

Учитель начальных классов играет ключевую роль в становлении личности ребёнка, формировании его познавательных интересов, моральных и социальных качеств. От педагогической компетентности учителя зависит не только качество знаний учащихся, но и их эмоциональное состояние, мотивация к обучению и дальнейшее саморазвитие.

Развитие педагогической компетентности требует постоянного профессионального роста, рефлексии, владения современными педагогическими технологиями и готовности к инновационной деятельности. В связи с этим исследование особенностей формирования и проявления педагогической компетентности учителя начальных классов является важным направлением в педагогической науке и практике.

Таким образом, актуальность темы определяется необходимостью всестороннего анализа структуры, содержания и факторов, влияющих на развитие педагогической компетентности современного учителя начальных классов в условиях обновления образовательной среды**.**

Анализ литературы. Проблема формирования и развития педагогической компетентности учителя начальных классов занимает одно из центральных мест в современной педагогической науке. В трудах отечественных и зарубежных исследователей (А. А. Деркач, Е. Н. Шиянов, В. А. Сластёнин, Н. В. Кузьмина, И. Ф. Исаев, Л. М. Митина, В. В. Сериков и др.) педагогическая компетентность рассматривается как интегративное качество личности, обеспечивающее успешное выполнение профессиональной деятельности.

По мнению В. А. Сластёнина, педагогическая компетентность — это единство теоретических знаний, практических умений, личностных качеств и профессиональных ценностей, позволяющее учителю эффективно организовывать образовательный процесс. Н. В. Кузьмина подчёркивает, что основой компетентности является способность педагога к рефлексии, самоанализу и прогнозированию результатов своей деятельности.

Современные исследователи (Л. А. Петрова, Т. А. Куликова, Н. А. Никитина) акцентируют внимание на структурных компонентах педагогической компетентности, таких как когнитивный, мотивационно-ценностный, коммуникативный и деятельностный. В частности, педагог должен уметь адаптировать учебный материал к индивидуальным особенностям учащихся, использовать инновационные методы обучения и формировать позитивную образовательную среду.

В контексте начального образования педагогическая компетентность приобретает особое значение, поскольку именно на этом этапе закладываются основы учебной мотивации, познавательной активности и социального поведения ребёнка. Исследования С. Г. Молчановой и О. В. Рубцовой показывают, что высокий уровень педагогической компетентности способствует развитию эмоционального интеллекта, толерантности и педагогического такта учителя.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что педагогическая компетентность учителя начальных классов является многокомпонентным явлением, включающим в себя не только профессиональные знания и умения, но и систему личностных установок, ценностей и готовности к инновационной педагогической деятельности. Несмотря на значительное количество исследований, остаются актуальными вопросы диагностики уровня педагогической компетентности и разработки эффективных моделей её формирования в условиях современного образования.

Обсуждение. Результаты проведённого анализа показывают, что педагогическая компетентность учителя начальных классов является системным качеством личности, формирующимся на основе интеграции теоретических знаний, практических навыков, педагогического мышления и личностных установок. В условиях современной образовательной среды развитие педагогической компетентности требует не только совершенствования профессиональных знаний, но и формирования у педагога готовности к постоянному саморазвитию и инновационной деятельности.

Современный учитель начальных классов должен обладать широким спектром компетенций: методической, коммуникативной, информационной, психологической и социальной. Каждая из них играет особую роль в организации эффективного учебно-воспитательного процесса. Например, методическая компетенция обеспечивает способность подбирать оптимальные методы и средства обучения, коммуникативная — способствует созданию доверительных отношений с учащимися и их родителями, а информационная — помогает внедрять цифровые технологии в образовательную практику.

Особое внимание следует уделить развитию рефлексивной компетентности, так как именно она обеспечивает осознание педагогом собственных сильных и слабых сторон, позволяет корректировать профессиональные действия и повышать их эффективность. Рефлексивное мышление становится ключевым инструментом самосовершенствования педагога в процессе профессиональной деятельности.

В ходе обсуждения также следует отметить, что формирование педагогической компетентности невозможно без создания соответствующих организационно-педагогических условий. К ним относятся: поддержка со стороны образовательного учреждения, участие в программах повышения квалификации, внедрение наставничества, обмен опытом между педагогами, а также использование современных образовательных технологий и интерактивных методов обучения.

Таким образом, развитие педагогической компетентности учителя начальных классов должно рассматриваться как непрерывный процесс, охватывающий все этапы профессионального становления педагога — от периода обучения в педагогическом вузе до практической деятельности в школе. Эффективность этого процесса напрямую зависит от готовности учителя к самоанализу, профессиональной рефлексии и открытости к инновациям.

таблица 1

Компонент исследования	Краткое содержание
Тема:	*Особенности педагогической компетентности учителя начальных классов*
Объект исследования:	Профессиональная деятельность учителя начальных классов в условиях современного образования
Предмет исследования:	Структура, содержание и особенности формирования педагогической компетентности педагога
Цель исследования:	Теоретическое обоснование и выявление особенностей формирования педагогической компетентности учителя начальных классов
Гипотеза:	Педагогическая компетентность эффективно формируется при использовании личностно-ориентированного и компетентностного подходов, развитии рефлексии и применении инновационных технологий

Методологическая основа:	Компетентностный, личностно-деятельностный и системный подходы (В. А. Сластёнин, Н. В. Кузьмина, Е. Н. Шиянов, Л. М. Митина)
Методы исследования:	Теоретические — анализ, синтез, сравнение; Эмпирические — анкетирование, наблюдение, интервьюирование; Аналитические — интерпретация и обобщение данных
База исследования:	Учителя начальных классов образовательных учреждений г. Бухары
Практическая значимость:	Результаты исследования могут быть использованы в системе повышения квалификации педагогов и при разработке программ профессионального развития учителей начальной школы

Анализ таблицы 1

По данным таблицы 1 видно, что исследование основывается на чётко выстроенной методологической структуре, отражающей основные компоненты научного познания. Каждый элемент таблицы взаимосвязан и направлен на комплексное раскрытие темы «Особенности педагогической компетентности учителя начальных классов».

Во-первых, объект исследования — профессиональная деятельность учителя начальных классов — определяет сферу, в рамках которой рассматриваются основные аспекты педагогической компетентности. Именно профессиональная деятельность является практической основой формирования компетентности педагога, что делает выбор объекта полностью обоснованным.

Во-вторых, предмет исследования конкретизирует объект, акцентируя внимание на структуре, содержании и особенностях формирования педагогической компетентности. Это позволяет перейти от общего к частному, что соответствует логике научного исследования.

Цель исследования направлена на теоретическое обоснование и выявление особенностей формирования компетентности. Такой подход подчёркивает аналитико-теоретическую направленность работы, что особенно важно для изучения феномена педагогической компетентности в современной системе образования.

Гипотеза исследования отражает научное предположение о том, что эффективное формирование педагогической компетентности возможно при реализации личностно-ориентированного и компетентностного подходов, развитии рефлексии и внедрении инновационных технологий. Таким образом, гипотеза задаёт вектор поиска решения исследовательской задачи и подчёркивает современный характер исследования.

Методологическая основа представлена компетентностным, личностно-деятельностным и системным подходами, что обеспечивает целостность исследования и охватывает все уровни педагогического процесса — от личности педагога до системы образования в целом. Выбор данных подходов оправдан, так как они позволяют рассматривать компетентность не только как сумму знаний, но и как интегративное качество личности.

Методы исследования подобраны комплексно: теоретические, эмпирические и аналитические методы взаимно дополняют друг друга. Это даёт возможность исследовать проблему с разных сторон — от анализа теории до сбора и интерпретации реальных данных, что повышает достоверность и объективность результатов.

База исследования — учителя начальных классов города Бухары — обеспечивает практическую направленность работы. Исследование основано на анализе реальной педагогической практики, что позволяет сделать выводы прикладного характера.

Наконец, практическая значимость подчёркивает ценность исследования для системы образования: результаты могут быть использованы при разработке программ повышения квалификации, методических пособий и курсов профессионального развития педагогов.

Таким образом, таблица 1 отражает логическую завершённость и внутреннюю согласованность методологической конструкции исследования. Все её элементы — от цели до практической значимости — образуют единую систему, направленную на глубокое раскрытие сущности педагогической компетентности учителя начальных классов в современных условиях образования.

Заключение. Проведённое исследование позволило определить сущность и особенности формирования педагогической компетентности учителя начальных классов как важнейшего условия успешной профессиональной деятельности педагога. Анализ теоретических источников показал, что педагогическая компетентность представляет собой интегративное качество личности, включающее совокупность профессиональных знаний, умений, навыков, а также ценностных ориентаций, педагогического мышления и рефлексивных способностей.

Установлено, что эффективность формирования педагогической компетентности напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки, личностных качеств учителя, его готовности к саморазвитию и инновационной деятельности. Важную роль в этом процессе играют личностно-ориентированный, деятельностный и компетентностный подходы, которые обеспечивают целостное развитие педагога как профессионала.

Список использованной литературы.

1. Сластёнин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. *Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов.* — М.: Академия, 2010.

2. Кузьмина Н. В. *Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения.* — М.: Высшая школа, 1990.

3. Деркач А. А. *Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека.* — М.: РАГС, 2004.

4. Митина Л. М. *Психология труда и профессионального развития учителя.* — М.: Академия, 2012.

5. Сериков В. В. *Образование и личность: теория и практика проектирования образовательных систем.* — М.: Логос, 2010.

6. Никитина Н. А. *Педагогическая компетентность современного учителя: структура и содержание.* // Вестник педагогических наук. — 2019. — №4. — С. 25–31.

7. Петрова Л. А. *Формирование профессиональной компетентности учителей начальных классов в условиях инновационной деятельности.* // Психолого-педагогические исследования. — 2020. — №3. — С. 45–52.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ДУХОВНЫХ КАЧЕСТВ В ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЕЖИ

Шаропов Д. Д.
(г. Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические детерминанты развития духовных качеств в поведении молодежи. Под духовными качествами понимаются такие личностные образования, как ответственность, честность, уважение, эмпатия и стремление к самосовершенствованию. Отмечается, что в условиях современных социальных трансформаций у молодежи наблюдается противоречие между ценностными ориентациями и реальными моделями поведения. Особое внимание уделено роли семьи, образовательной среды и средств массовой информации в формировании духовных установок. Теоретический анализ и результаты эмпирических исследований показывают, что развитие духовных качеств напрямую связано с уровнем самосознания, мотивацией и социально-психологическими условиями, в которых формируется личность.*

Ключевые слова: *молодежь, духовные качества, психологические детерминанты, ценностные ориентации, поведение, социализация.*

Abstract. *The article explores the psychological determinants of the development of spiritual qualities in the behavior of young people. Spiritual qualities are understood as personal traits such as responsibility, honesty, respect, empathy, and the pursuit of self-improvement. In the context of modern social transformations, youth often face contradictions between value orientations and actual behavioral patterns. Particular attention is given to the role of the family, educational environment, and mass media in shaping spiritual attitudes. Theoretical analysis and empirical findings demonstrate that the development of spiritual qualities is directly linked to the level of self-awareness, motivation, and the socio-psychological conditions in which the personality is formed.*

Keywords: *youth, spiritual qualities, psychological determinants, value orientations, behavior, socialization.*

Введение. Современное общество переживает динамичные социальные, культурные и технологические преобразования, которые оказывают прямое влияние на мировоззрение и поведение молодежи. В условиях глобализации и цифровизации, когда традиционные ценности подвергаются переосмыслению, особое значение приобретает развитие духовных качеств личности. Именно духовные качества – ответственность, честность, уважение к другим, эмпатия, стремление к самосовершенствованию – выступают фундаментом нравственного поведения и социальной зрелости молодых людей.

Психология рассматривает развитие духовных качеств как сложный процесс, детерминированный целым рядом факторов. Среди них – индивидуально-личностные особенности, уровень самосознания, мотивационная сфера, социальная среда и культурные традиции. При этом важно отметить, что духовное развитие молодежи находится в тесной взаимосвязи с процессами социализации, где решающую роль играют семья, образовательные учреждения и средства массовой информации. Именно они формируют базовые ценностные ориентации, определяют модели поведения и задают направление личностного роста.

Вместе с тем в молодежной среде наблюдается противоречие: с одной стороны, возрастает потребность в духовно-нравственных ориентирах, с другой – усиливаются деструктивные влияния внешней среды, проявляющиеся в утрате моральных

ориентиров, снижении уровня эмпатии и поверхностном отношении к духовным ценностям. В таких условиях изучение психологических детерминант развития духовных качеств приобретает особую актуальность, так как именно они определяют, каким образом формируется личность в процессе взросления и какие факторы способствуют или препятствуют становлению духовно зрелого поведения.

Обращение к проблеме психологических детерминант духовного развития молодежи позволяет не только углубить научное понимание данного явления, но и предложить практические рекомендации для педагогов, психологов и социальных работников в сфере воспитания и поддержки молодежи.

Анализ литературы. В литературе по проблеме формирования духовных качеств у молодежи выделяется несколько взаимосвязанных направлений, позволяющих глубже понять природу и детерминанты этого процесса.

Во-первых, классические гуманистические подходы подчеркивают значение поиска смысла и самореализации как фундамента духовного становления личности. В этом контексте особое значение приобретают труды В. Франкла (Frankl). Его идея о том, что поиск смысла является базовой мотивационной силой человека, объясняет, почему именно в переходные возрастные периоды, в частности в юности, формирование духовных качеств приобретает критическое значение для поведения и жизненных ориентиров. Франкл показывает, что смыслообразование выступает своеобразным защитным и направляющим ресурсом, помогающим молодому человеку принимать морально взвешенные решения и строить внутреннюю согласованность.

Во-вторых, исследования в области развития веры и духовности дают теоретическую основу для понимания того, как психические процессы ведут к стабилизации духовных качеств. Дж. Фоулер (Fowler) в своей концепции стадий веры описывает, как на различных этапах взросления изменяются когнитивные и аффективные компоненты религиозно-духовной жизни. Это, в свою очередь, влияет на то, какие моральные и духовные ориентиры принимает молодежь. Концепция Фоулера позволяет рассматривать духовные качества не как статические характеристики, а как развивающиеся структуры, зависящие от интеграции опыта, рефлексии и социального контекста.

Третье важное направление связано с теориями морального развития, среди которых особое место занимают работы Л. Колберга. Его модель стадий морального мышления объясняет, как меняется способность к абстрактным моральным суждениям, что непосредственно влияет на формирование ответственности, чувства справедливости и внутренних моральных норм. Однако критика Колберга, представленная, в частности, в работах К. Гиллиган (Gilligan), указывает на то, что моральное развитие имеет и аспект заботы (ethics of care), акцентирующий важность эмпатии, межличностного внимания и ответственности за других как составляющих духовной зрелости. Таким образом, интеграция взглядов Колберга и Гиллиган позволяет комплексно оценить психологические механизмы формирования духовных качеств — как через нормативное, так и через заботливое начало.

Четвертое направление исследований касается связи эмпатии, альтруизма и духовных качеств. Эмпатико-альтруистическая гипотеза (Batson и др.) показывает, что сочувствие и способность к эмпатическому сопереживанию являются мощными детерминантами просоциального поведения — одного из ключевых показателей духовной зрелости. Если эмпатия выступает как психологический механизм, инициирующий помощь и самопожертвование, то ее развитие можно рассматривать как необходимое условие формирования таких духовных добродетелей, как милосердие, сострадание и социальная ответственность.

Пятое направление связано с исследованиями «духовного интеллекта» и роли внутренних ресурсов в становлении духовных качеств. Работы Р. Эммонса (Emmons), а также современные исследования в области психологии религии выделяют

структурные компоненты духовности: способность выходить за пределы обыденного, наделять повседневный опыт ценностным смыслом, использовать духовные ресурсы для решения жизненных проблем. Такой подход помогает объяснить, почему одни молодые люди достигают синтеза духовных качеств через рефлексию и практики самопознания, в то время как другие — нет. Это связано с различиями в мотивационных профилях, способах преодоления стрессов и степенью внешней поддержки.

Помимо теоретических моделей, важную роль играют эмпирические исследования, выявляющие социально-психологические условия, которые способствуют или препятствуют духовному развитию молодежи. Зарубежные ученые указывают на такие факторы, как: семейное воспитание с высоким уровнем эмоциональной поддержки и нравственного примера; качественное образование, включающее ценностно-ориентированные программы и развитие критического мышления; устойчивые социальные институты и сообщества, предоставляющие возможности для практики просоциальной активности. В этом плане существует консенсус: духовные качества формируются не только за счет индивидуальных особенностей, но и через сочетание внутренних ресурсов и внешних социальных практик.

Не менее значимым является внимание исследователей к современным культурным и технологическим изменениям. Работы последних десятилетий показывают, что глобализация и цифровизация модифицируют пути социализации, меняют доступ молодежи к информации и образцам поведения, и могут как способствовать, так и препятствовать духовному становлению. С одной стороны, интернет-сообщества и волонтерские движения открывают новые платформы для практики сочувствия, взаимопомощи и гражданской активности. С другой — фрагментация социального опыта, информационный шум и обезличивание взаимодействия могут снижать глубину ценностной интеграции и эмпатической чувствительности. В связи с этим зарубежные исследования подчеркивают необходимость адаптивных педагогических и психологических интервенций, учитывающих цифровую среду.

Таким образом, анализ зарубежной литературы позволяет выделить ключевые психологические детерминанты развития духовных качеств в поведении молодежи: 1) поисковый смыслообразующий мотивационный профиль (Frankl, Fowler); 2) этапы морального и религиозно-духовного развития (Kohlberg, Fowler, Gilligan); 3) уровень эмпатии и просоциальной мотивации (Batson); 4) наличие внутренних духовных ресурсов или «духовного интеллекта» (Emmons); 5) поддерживающий социальный контекст (семья, школа, сообщество); 6) влияние современных культурно-технических факторов, изменяющих практики социализации. Эти детерминанты не действуют изолированно, напротив, они взаимосвязаны и формируют целостную систему, в которой личностные особенности взаимодействуют с внешними условиями.

Итак, зарубежные исследования показывают, что для эффективного формирования духовных качеств у молодежи необходимо сочетать индивидуально-ориентированную работу (развитие смыслообразования, эмпатии, морального мышления) с системными социально-педагогическими мерами (поддержка семьи, ценностно-ориентированное образование, создание гражданских практик). Такой комплексный подход дает возможность не только глубже понять механизмы духовного развития, но и формировать практические рекомендации для педагогов, психологов и социальных работников, направленные на воспитание морально и духовно зрелой молодежи.

Обсуждение. Анализ теоретических и эмпирических данных позволяет утверждать, что развитие духовных качеств у молодежи является многогранным и детерминированным процессом, в основе которого лежит сложное взаимодействие

личностных особенностей и социальных условий. Рассмотренные подходы зарубежных исследователей (Франкл, Фоулер, Колберг, Гиллиган, Бэтсон, Эммонс) демонстрируют, что духовное развитие нельзя рассматривать как изолированный или линейный процесс; напротив, оно имеет нелинейный и динамический характер, обусловленный как внутренними ресурсами, так и внешними влияниями.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что поиск смысла и формирование ценностных ориентиров выступают важнейшими факторами духовной зрелости. Молодежь, находящаяся в поиске идентичности и жизненного предназначения, особенно чувствительна к влиянию социальных институтов, включая семью, образовательные организации и социокультурное пространство в целом. Однако именно в этом возрасте существует риск ценностной дезориентации, вызванной информационным шумом, противоречивыми социальными моделями поведения и усилением потребительских установок. Следовательно, психологические детерминанты духовного развития проявляются в способности личности противостоять внешним деструктивным факторам и находить внутренние точки опоры.

С другой стороны, эмпатия и просоциальная мотивация представляют собой практическое воплощение духовных качеств в повседневном поведении. Теории Бэтсона убедительно показывают, что именно эмпатия является мостом между внутренними ценностями и внешними действиями, направленными на благо других. Это позволяет утверждать, что развитие эмпатических способностей молодежи должно быть целенаправленным педагогическим и психологическим процессом, подкрепленным примерами из реальной социальной практики.

Наряду с этим, результаты исследований Колберга и Гиллиган свидетельствуют о том, что духовная зрелость невозможна без развития морального мышления. Однако важно учитывать, что ориентация только на абстрактные моральные нормы (по Колбергу) может быть недостаточной. Духовные качества молодежи проявляются тогда, когда к рациональной оценке добра и зла добавляется способность к сопереживанию, заботе и принятию ответственности за других (подход Гиллиган). В этом контексте можно говорить о необходимости синтеза когнитивного и эмоционального компонентов духовного развития.

Особое внимание заслуживает феномен «духовного интеллекта», который описывает Р. Эммонс. Он демонстрирует, что духовные качества могут рассматриваться как внутренний ресурс, обеспечивающий устойчивость личности перед жизненными трудностями и кризисами. Это особенно важно для молодежи, которая часто сталкивается с ситуациями неопределенности, стрессами и необходимостью принятия решений. Таким образом, духовный интеллект выступает ключевой детерминантой личностной саморегуляции и адаптации.

Однако нельзя игнорировать и влияние внешних факторов. Современные исследования показывают, что цифровизация и глобализация существенно меняют способы социализации молодежи. С одной стороны, цифровые технологии открывают широкие возможности для саморазвития, доступа к культурным ценностям и участия в волонтерских проектах. С другой — чрезмерное использование цифровых ресурсов может приводить к поверхностности межличностных контактов, снижению эмпатической чувствительности и формированию иллюзии «виртуальной духовности». Это противоречие подчеркивает необходимость создания сбалансированных условий, при которых цифровая среда будет не заменять, а дополнять традиционные формы духовно-нравственного воспитания.

Таким образом, обсуждение показывает, что психологические детерминанты развития духовных качеств у молодежи образуют целостную систему, где внутренние и внешние факторы находятся в постоянном взаимодействии. Поиск смысла, формирование ценностей, развитие эмпатии, морального мышления и духовного интеллекта — все это должно быть поддержано социальным окружением, которое

стимулирует позитивные модели поведения и создает условия для самореализации. В противном случае риск утраты духовных ориентиров и замещения их поверхностными установками значительно возрастает.

Итогом анализа является понимание того, что развитие духовных качеств у молодежи требует комплексного подхода, включающего как индивидуальную работу с личностью, так и системные меры на уровне образования, семьи и общества. Только в этом случае возможно формирование морально и духовно зрелой молодежи, способной противостоять вызовам современного мира и вносить вклад в развитие гармоничного общества.

Заключение. Проведенный анализ теоретических и эмпирических исследований позволяет сделать вывод о том, что развитие духовных качеств у молодежи является ключевым условием формирования зрелой, ответственной и социально активной личности. Духовные качества — такие как эмпатия, ответственность, честность, стремление к истине, уважение к другим — выступают не только индивидуальными характеристиками, но и важнейшими детерминантами социального поведения, определяющими уровень нравственной культуры общества.

В ходе рассмотрения проблемы было установлено, что психологические детерминанты духовного развития имеют комплексный характер и включают в себя как внутренние ресурсы личности (поиск смысла, духовный интеллект, моральное мышление, эмпатия), так и внешние факторы (влияние семьи, образовательной среды, культурного контекста, цифровой среды). Их взаимодействие определяет, в каком направлении будет происходить становление личности: в сторону духовной зрелости или, напротив, утраты ценностных ориентиров.

Особое значение в этом процессе имеет гармоничное сочетание когнитивных и эмоциональных компонентов. Если рациональное моральное мышление (по Колбергу) формирует способность к осознанию норм и принципов, то эмпатия и этика заботы (по Гиллиган) обеспечивают глубину межличностных отношений и практическое воплощение духовных ценностей в поведении. Именно их единство создает условия для подлинного нравственного и духовного роста молодежи.

В то же время современные вызовы, такие как глобализация, информационная перегрузка и цифровизация, несут в себе двойственный потенциал. С одной стороны, они предоставляют новые возможности для духовного развития, расширяют доступ к знаниям и ценностям, стимулируют просоциальную активность. С другой — при отсутствии целенаправленной педагогической и психологической работы они могут привести к фрагментации мировоззрения, снижению эмпатической чувствительности и формированию поверхностных духовных практик.

Таким образом, можно заключить, что формирование духовных качеств у молодежи требует системного, интегративного подхода, включающего поддержку на индивидуальном, семейном, образовательном и общественном уровнях. Только при взаимодействии всех этих факторов возможно создание условий для становления духовно зрелой личности, способной не только успешно адаптироваться к вызовам современности, но и активно вносить вклад в развитие гуманистических ценностей общества.

Литература.

1. Божович, Л.И. (2008). Личность и её формирование в детском возрасте. – Санкт-Петербург: Питер. – 352 с.

2. Знаков, В.В. (2016). «Проблемы понимания и духовности в психологии». – Вопросы психологии, №3. – С. 3–15.

3. Сергиенко, Е.А. (2019). Развитие самосознания и духовных оснований личности в юношеском возрасте. – Москва: Институт психологии РАН. – 214 с.

4. Frankl, V. (2006). Man's Search for Meaning. – Boston: Beacon Press. – 165 p.
5. Fowler, J.W. (1995). Stages of Faith: The Psychology of Human Development and the Quest for Meaning. – San Francisco: HarperOne. – 336 p.
6. Kohlberg, L. (1984). Essays on Moral Development. Vol. II: The Psychology of Moral Development. – San Francisco: Harper & Row. – 729 p.
7. Gilligan, C. (1982). In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. – Cambridge: Harvard University Press. – 216 p.
8. Batson, C.D. (2011). Altruism in Humans. – New York: Oxford University Press. – 329 p.
9. Emmons, R.A. (2000). Is Spirituality an Intelligence? Motivation, Cognition, and the Psychology of Ultimate Concern. – International Journal for the Psychology of Religion, Vol. 10(1). – P. 3–26.

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В ПОДДЕРЖКЕ МАТЕРЕЙ ОСОБЕННЫХ ДЕТЕЙ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Юнусзода Ш.Ж.
(г. Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. *Актуальность статье заключается в том, что в ней рассматриваются все особенности психоэмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, в частности с детским церебральным параличом. Можно исследовать все возникающие трудности, с которыми сталкиваются матери: психологическая нестабильность состояния матери выгорание, чувство вины, социальная изоляция. Особое внимание уделено роли психолога в оказании профессиональной помощи, использованию индивидуальных и групповых форм работы, а также перспективам внедрения системной психологической поддержки семей.*
Ключевые слова: *особенные дети, психологическая помощь, детский церебральный паралич, эмоциональное выгорание.*
Abstract. *The article's relevance lies in its examination of all aspects of the psycho-emotional state of mothers raising children with disabilities, particularly those with cerebral palsy. It explores all the challenges mothers face, including psychological instability, burnout, guilt, and social isolation. Particular attention is paid to the role of the psychologist in providing professional assistance, the use of individual and group work, and the prospects for implementing systemic psychological support for families.*
Key words: *special children, psychological assistance, cerebral palsy, emotional burnout.*

Мечта любой женщины — воспитывать здорового, красивого, умного, успешного ребенка. Однако, по данным статистических исследований, в последнее время увеличивается количество детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья различной степени выраженности, что накладывает отпечаток на весь путь их дальнейшего развития. Любое нарушение в состоянии здоровья ребенка — стресс для матери. Если же отклонение у ребенка носит стойкий характер, женщина сталкивается с множеством проблем медицинского, бытового, социального плана, преодоление которых требует значительного эмоционального напряжения. Постоянные переживания за ребенка, включающие тревогу по поводу состояния его здоровья,

динамики развития, прогноза на будущее выступают в качестве мощного стрессогенного фактора, что может обусловить возникновение эмоциональных деформаций у матери. В свою очередь деструктивные эмоциональные состояния матери оказывают негативное влияние на формирование адекватного потребностям ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) взаимодействия с ним, препятствуют полноценному раскрытию абилитационного потенциала. Возникает своеобразный замкнутый круг: нарушения развития ребенка порождают переживания, и эмоциональные нарушения у матери, что обусловливает усугубление проблем самого ребенка, тормозит его развитие, провоцирует появление вторичных, социально обусловленных отклонений.

Проблемы, возникающие в семье, имеющей ребёнка с особенными возможностями, проявляются в различных сферах жизни этой семьи. В истории развития человечества взаимоотношения семьи и общества прошли путь от давления общества, предписывающего избавляться от младенцев с особенными возможностями, до понимания необходимости оказания необходимой помощи и поддержки таким семьям. При наличии у ребёнка ограниченных возможностей здоровья семья нередко попадает в длительную психотравмирующую ситуацию и очень нуждается в помощи [1, с. 6]. Исследования показывают, что развитие такого ребёнка в большой степени зависит от благополучия его семейной ситуации, от адекватного участия родителей в его физическом и нравственном становлении, правильности их воспитательных воздействий [1, с.39]. Рождение ребенка с нарушениями развития является безусловным стрессом для его родных. Проблемы, возникающие при воспитании и развитии ребенка с ограниченными возможностями здоровья, как правило, вызывают глубокую и продолжительную социальную дезадаптации всей семьи. Исследования, проведенные в данной области, позволили выявить, что родители детей с ОВЗ подвержены сильнейшему эмоциональному напряжению, тревоге, чувству вины, обидам, что влечет хроническое стрессовое состояние. Всё это в комплексе отражается на детско-родительских отношениях: в зоне риска оказываются и родители, и дети. Проблемы семьи, имеющей ребенка с отклонениями в развитии, проявляются в различных сферах ее жизни. В истории развития человечества взаимоотношения семьи и общества прошли путь от диктата социума, предписывающего избавляться от неполноценных младенцев, до понимания необходимости оказания помощи и поддержки таким семьям. Следует отметить, что ситуация проблемности возникает в семье с момента рождения в ней ребенка с ограниченными возможностями здоровья и проявляется как отношение социума к дефекту. В эти отношения включаются и близкие ребенка (родители, другие члены семьи, опекуны) [2, с. 46].

В семьях, где есть ребенок- инвалид, отмечается широкий спектр проблем: низкий уровень психолого-педагогической компетентности родителей, их пассивная позиция к оказанию грамотной помощи ребенку, искаженное восприятие его личности, неадекватные родительские установки и неблагоприятные стили воспитания, нарушенные эмоциональные связи и межличностные отношения в семье и другие. Следовательно, отмечается низкий уровень реабилитационных возможностей семьи для оказания помощи ребенку с отклонениями в развитии [3, с.134].

Психологи играют ключевую роль в поддержке матерей особенных детей, предоставляя как эмоциональную поддержку, так и практические инструменты для преодоления стресса и адаптации к новым условиям. Психологическая работа включает в себя когнитивно-поведенческую терапию, обучение родительским навыкам, помощь в укреплении семейных связей и организации социальной поддержки, что позволяет матерям повысить свою уверенность, раскрыть внутренний потенциал и улучшить качество жизни как себе, так и ребенку.

Родители особых детей часто переживают негативно-окрашенные чувства подавленности, безысходности, бессилия, чувства утраты, гнева, разочарования, тоски и др. У матерей чаще проявляются соматические симптомы. Они жалуются на скачки артериального давления, бессонницу, частые и сильные головные боли, нарушения терморегуляции. Чем старше становится ребенок, т. е. чем длительнее стрессовая ситуация в жизни родителей, тем в большей степени у некоторой части матерей проявляются нарушения здоровья. [4, с.24]

Левченко Е. В. описывает следующие соматические расстройства: «изменения менструального цикла и ранний климакс; частые простуды и аллергия; сердечнососудистые и эндокринные заболевания; выраженное или тотальное поседение; проблемы, связанные с желудочно-кишечным трактом» [5, с. 96]. Обычно матери детей с ограниченными возможностями и инвалидностью часто жалуются на общую усталость, отсутствие сил, а также отмечают состояние общей депрессии. Рождение ребенка с особенными возможностями и инвалидностью структурно деформирует семью [5, с. 98]. Это происходит вследствие колоссальной психологической нагрузки, которую несут члены семьи ребенка. Многие родители в сложившейся стрессовой ситуации оказываются беспомощными. Их положение можно охарактеризовать как психологический и социальный тупик. Качественные изменения, имеющие место в семьях данной категории, проявляются на нескольких уровнях (психологическом, соматическом, социальном). По мнению Л. В. Усовой, семьи особых детей условно можно разделить на две группы [6, с. 681]. В одних семьях отношение к проблемам носит конструктивный характер. Супруги не углубляются в длительные переживания, а пытаются приспособиться к новым условиям, наладить семейный быт, общение и изменить отношение — это результат эмоциональной адаптации всех членов семьи, они принимают проблему. В критические моменты такие семьи вырабатывают позитивные установки по отношению к себе, своему ребенку, что позволяет им формировать у него навыки, которые помогут адаптироваться и семье, и ребенку. В других семьях отношения носят деструктивный характер, который может выражаться в виде игнорирования проблемы, эмоционального отвержения ребенка и жестокого обращения с ним, акцентуации на проблеме семьи.

Исследования показывают, что уровень тревожности и депрессивных симптомов у матерей особенных детей значительно выше, чем у матерей здоровых детей [7, с. 1280]. Отсутствие своевременной психологической помощи может привести к снижению качества жизни не только самой матери, но и ребёнка, нуждающегося в её заботе.

Зарубежные исследования доказывают эффективность работы психолога, а также групп поддержки, где матери могут обмениваться опытом и получать психологическую помощь. И на практике также набирают популярность семейные клубы и психологические тренинги для родителей детей с ограниченными возможностями. [8, с. 116].

Чем конкретно может помочь психолог матерям воспитывающих детей с ограниченными возможностями?

1.Просветительская работа. Психолог может рассказать о том, что существуют примеры успешной реабилитации и социализации ребенка. Очень важно вернуть семье надежду. Также психолог может объяснить, что рождение детей с ограниченными возможностями возможно, но необходимо полное медицинское обследование пары, чтобы максимально снизить риски.

2.Создание поддержки и новых социальных связей.

Психолог может познакомить родителей с другими семьями, воспитывающими детей с такими же диагнозами. Родители смогут увидеть, что они не одни столкнулись с данной проблемой. Что есть люди, которые занимаются реабилитацией особого ребенка, и при этом, не теряют качества жизни. Моральная, эмоциональная поддержка

и обмен опытом с людьми испытывающими сходные сложности, может коренным образом изменить взгляд родителей на проблему.

3.Содействие в укреплении семейных связей. Психолог может помочь родителям не искать «виновных», а объединиться для решения общей проблемы. Научиться понимать и поддерживать друг друга в сложный период

4. Вовлечение близких родственников**.** Психолог может помочь в вовлечении дедушек и бабушек, а также других близких родственников в процесс воспитания и поддержки особого ребенка и его родителей. Кроме эмоциональной поддержки, близкие родственники могут значительно расширить ресурсы особой семьи. К примеру, бабушка может отвести ребенка на занятия, чтобы дать возможность маме отдохнуть и заняться собой, а дедушка оплатить дополнительную медицинскую или реабилитационную поддержку.

5. Самое главное роль психолога в том, что он учит родителей полностью принять своего особого ребенка и принять эту ситуацию [9, с. 76].

В тенденции развития психологической поддержки матерей особенных детей должна включать:

1. расширение системы бесплатных психологических консультаций при школах и центрах коррекционной педагогики;

2. развитие междисциплинарного взаимодействия психологов, дефектологов, социальных работников и медицинских специалистов;

3.подготовку специалистов, ориентированных на работу именно с матерями, а не только с детьми;

4. создание онлайн-платформ взаимопомощи и психологической поддержки.

5. создание центров психологической разгрузки для матерей.

6.Активное включение отцов в уход и воспитание ребенка.

Также в настоящее время активно применяющиеся метод у психологов в работе с родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью, для коррекции детско-родительских отношений является арт-терапия. Арт-терапия помогает, в увеличение эмоциональных сил, повышения ресурсности родителей, повышения качества жизни родителей, ухаживающих за ребенком с ОВЗ, формирования у родителей основных компонентов родительства (родительские ценности, установки и ожидания, родительское отношение, стиль семейного воспитания, повышение компетентности, ответственности, мотивированности). В литературах описывается опыт психологического сопровождения с помощью арт-терапии родителей, воспитывающих детей с определенными нарушениями развития, например, родителей детей с расстройствами аутистического спектра. Также исследователи описывают различные арт-терапевтические направления (изотерапия, музыкотерапия, песочная терапия и др.) в психологической помощи родителям, имеющих особых детей.

Действительно, методы арт-терапии многофункциональны и могут быть адаптированы к различным задачам: от решения проблем социально-психологической дезадаптации лиц с ОВЗ и заканчивая развитием человеческого потенциала, использованием взрослым или ребенком различных форм творческой деятельности с целью выражения своего психического состояния.

Исходя из выше сказанного мы можем прийти к заключению того, что

роль психолога в поддержке матерей особенных детей является главным в профилактике эмоционального выгорания и сохранении психического здоровья. Эффективная и своевременная помощь позволяет повысить адаптивные ресурсы матерей, улучшить качество жизни семьи и создать условия для гармоничного развития ребёнка. тенденции работы связаны с расширением форм поддержки и внедрением инновационных методов психологического консультирования.

Список ииспользованной литературы.

1. Психология семьи и больной ребёнок. Санкт-Петербург, 2007.
2. Левченко И. Ю., Ткачева В. В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: Методическое пособие. - М.: Просвещение, 2008.
3. Ткачева В.В. Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии: Учеб. пособие / В.В. Ткачева. - М.: АСТ; Астрель, 2007. - 318 с.
4. Арбатская К.И., Устинова Н.А. Психологические особенности семей, воспитывающих ребенка с особыми образовательным.
5. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: метод. пособие. – М.: Просвещение, 2008. – 239 с.
6. Reichman N.E., Corman H., Noonan K. Impact of Child Disability on the Family //Maternal and Child Health Journal. – 2008. – Vol. 12, № 6. – P. 679–683. doi: 10.1007/s10995-007-0307-z.
7.Davis, N. O., & Carter, A. S. (2008). Parenting stress in mothers and fathers of toddlers with autism spectrum disorders: Associations with child characteristics. Journal of Autism and Developmental Disorders, 38(7), 1278–1291.
8. Полякова, Л. С. (2018). Психологическая помощь семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья. *Современные проблемы науки и образования*, (5), 112–119.
9. Максим Королев статья «Психологическая помощь родителям особых детей на ранних этапах» газета Золотая линия.

ПЕДАГОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖЕБНОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ НЕОРГАНИЗОВАННОЙ МОЛОДЁЖИ

Назаров Акмал Мардонович
(г. Бухара , Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье анализируются педагогические и психологические основы создания цифровой платформы психологических услуг для неорганизованной молодежи. В современном мире цифровые технологии являются эффективным инструментом поддержки молодежи с низким уровнем социальной адаптации, улучшения их психологического здоровья и содействия личностному развитию. В исследовании изучаются социально-психологические характеристики неорганизованной молодежи, их потребности, уровень стресса и мотивации, а также спрос на психологические услуги.*

Ключевые слова: *неорганизованная молодежь, цифровая психологическая служба, педагогические основы, психологическое консультирование, социальная адаптация, эмоциональный интеллект.*

Annotation. *This article analyzes the pedagogical and psychological foundations for creating a digital psychological service platform for unorganized youth. In today's world, digital technologies serve as an effective tool for supporting young people with low levels of social adaptation, improving their psychological well-being, and facilitating personal development. The study examines the socio-psychological characteristics of unorganized youth, their needs, levels of stress and motivation, and their demand for psychological services.*

Keywords: *unorganized youth, digital psychological service, pedagogical foundations, psychological counseling, social adaptation, emotional intelligence.*

Введение. В современном обществе цифровые технологии стремительно проникают во все сферы человеческой жизни, и психологическая помощь не является исключением. Сегодня цифровизация стала не только инструментом коммуникации, но и важным фактором формирования нового формата психологических и педагогических взаимодействий. Особенно актуальной эта тенденция становится в отношении неорганизованной молодёжи — категории молодых людей, не вовлечённых в систему формального образования или трудовой деятельности и испытывающих трудности в социальной адаптации.

Психологическое состояние представителей данной группы, как правило, характеризуется нестабильностью: они нередко сталкиваются с недостатком мотивации, низкой стрессоустойчивостью, трудностями в общении, сниженной самооценкой и проблемами самопознания. Всё это делает их более уязвимыми в быстро меняющемся мире и требует создания гибких, современных механизмов поддержки.

В этих условиях разработка и внедрение цифровых психологических сервисов становится эффективным инструментом профилактики, поддержки и сопровождения молодёжи. Такие платформы способны обеспечить оперативную психологическую помощь, повысить уровень эмоциональной устойчивости и содействовать социальной интеграции.

Современная педагогика и психология активно развивают подходы, направленные на сохранение духовно-нравственного и эмоционального равновесия личности с помощью цифровых средств. Сочетание дистанционных форм консультирования, интерактивных методик и цифровых коммуникаций открывает новые возможности для мотивации и развития молодёжи, повышения их социальной активности и формирования здоровой самоидентичности.

Цифровые психологические платформы для неорганизованной молодёжи должны включать широкий спектр инструментов: онлайн-консультирование, психодиагностические тесты, интерактивные тренинги, групповые формы поддержки, а также программы по управлению стрессом и формированию эмоционального интеллекта.

С педагогической точки зрения такие платформы могут интегрироваться в образовательный процесс как средство формирования самостоятельности, коммуникативной компетентности и критического мышления. Использование интерактивных методов, проектного обучения и элементов геймификации способствует росту интереса, вовлечённости и личной активности участников.

С психологической позиции цифровые сервисы ориентированы на развитие эмоционального интеллекта, преодоление депрессии и тревожных состояний, повышение уровня саморегуляции и социальной адаптации. Благодаря специально разработанным тестам, алгоритмам и обучающим материалам цифровые платформы способны выявлять индивидуальные потребности пользователей и предоставлять им персонализированные программы помощи и самосовершенствования.

В данной статье анализируются педагогические и психологические основы создания цифровой платформы психологической помощи для неорганизованной молодёжи, рассматриваются аспекты её практической эффективности, направления совершенствования и внедрения инновационных подходов к удовлетворению психологических потребностей молодого поколения.

Анализ литературы. Исследования, посвящённые созданию цифровых психологических сервисов для молодёжи, активно развиваются как в зарубежной, так и в отечественной научной среде. Большинство авторов подчёркивают, что интеграция цифровых технологий в сферу психолого-педагогической поддержки существенно расширяет возможности консультирования, диагностики и профилактики.

Так, Д. Гоулман (Goleman, 1995) в своей теории эмоционального интеллекта утверждает, что умение человека осознавать и регулировать собственные эмоции, развивать внутреннюю

мотивацию и выстраивать конструктивные отношения с другими людьми является ключевым фактором его психологического благополучия. На этой основе цифровые психологические платформы могут служить эффективным инструментом развития эмоциональной устойчивости, управления стрессом и повышения социальной компетентности.

Л.С. Выготский (Vygotsky, 1978) в культурно-исторической теории психического развития подчёркивает, что личность формируется в процессе взаимодействия с социальной и культурной средой. Цифровые платформы, предоставляющие пространство для общения, обсуждения и совместного решения проблем, способны воспроизводить эти социальные механизмы в онлайн-формате, тем самым способствуя социализации и развитию психологической зрелости пользователей.

В отечественной науке Якубов (Yoqubov, 2021) исследовал влияние цифровых психологических сервисов на формирование мотивации и социальную адаптацию узбекской молодёжи, показав, что виртуальные формы поддержки способствуют повышению уверенности в себе и личностному росту.

Согласно теории коннективизма Дж. Сименса (Siemens, 2005), эффективное обучение в современном обществе возможно лишь при условии использования сетевых технологий, позволяющих создавать персонализированные образовательные маршруты. Следовательно, цифровые психологические платформы должны обеспечивать возможность индивидуального выбора форм и тем помощи, предоставляя обучающие курсы, видеоуроки, интерактивные тренинги и базы психологических ресурсов.

Дж. Дьюи (Dewey, 1916) в работе «Демократия и образование» утверждает, что обучение должно строиться на практическом опыте, активной деятельности и самостоятельном поиске решений. В контексте цифровых сервисов это означает необходимость разработки интерактивных симуляций, ситуационных задач и ролевых игр, позволяющих пользователям не просто получать знания, но и применять их на практике, формируя навыки саморегуляции и социального взаимодействия.

Каримов (2020) в своих исследованиях отмечает, что интеграция инновационных образовательных технологий с психологическими службами значительно повышает качество сопровождения молодёжи, особенно в дистанционной форме.

Т. Моросанова (Morosanova, 2010) в теории саморегуляции и психологической адаптации подчёркивает, что способность личности сознательно управлять своим поведением и внутренними состояниями снижает риск эмоциональных нарушений и способствует формированию устойчивой психики. Цифровые психологические платформы, встраивающие подобные механизмы в алгоритмы взаимодействия, позволяют пользователям осваивать техники самоорганизации и стресс-менеджмента.

К. Робинсон (Robinson, 2011) в книге «Out of Our Minds: Learning to be Creative» рассматривает креативность и инновационные технологии как неотъемлемую часть современного развития личности. Цифровая психологическая среда, стимулирующая творческую активность молодёжи, помогает не только раскрывать потенциал, но и решать внутренние психологические проблемы через креативное самовыражение.

Рустамов (Rustamov, 2021) отмечает, что интерес молодёжи к цифровым платформам растёт, однако эффективность психологических сервисов зависит от индивидуализации подходов и создания адаптивных алгоритмов консультирования, основанных на анализе пользовательских данных.

Таким образом, анализ научных источников позволяет утверждать, что развитие цифровых психологических сервисов требует междисциплинарного подхода, сочетающего достижения педагогики, психологии и информационных технологий.

Обсуждение. Глобализация и цифровая трансформация общества радикально изменили образ жизни молодёжи. Для неорганизованных молодых людей цифровые психологические платформы становятся не просто источником информации, но и средством самопомощи, эмоциональной разгрузки и социализации.

Современные исследования показывают, что использование онлайн-сервисов для консультирования, тренингов и диагностики снижает уровень тревожности, укрепляет чувство принадлежности к сообществу и повышает адаптационные ресурсы личности.

С педагогической точки зрения, следуя концепции Дж. Дьюи (1916), цифровая психологическая поддержка должна строиться не на пассивном усвоении знаний, а на активном взаимодействии и опыте. Этому способствуют:

онлайн-курсы и тренинги по развитию эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости;

виртуальные ролевые игры и симуляции, помогающие отрабатывать модели поведения в сложных жизненных ситуациях;

проектное обучение и геймификация, побуждающие молодёжь к решению реальных социальных задач.

Согласно теории коннективизма (Siemens, 2005), цифровые платформы должны обеспечивать персонализированный формат взаимодействия, позволяющий каждому пользователю получать контент, соответствующий его потребностям и уровню психологической зрелости.

С психологической стороны, цифровые платформы могут выполнять следующие функции:

Персонализированное консультирование — система рекомендаций на основе психологических тестов и искусственного интеллекта;

Психотерапевтические программы и видео-тренинги — обучение техникам релаксации, управления стрессом, позитивного мышления;

Мотивационные модули — формирование позитивной самооценки, развитие навыков общения, профилактика эмоционального выгорания.

Моросанова (2010) подчёркивает, что саморегуляция является ключевым условием психического здоровья. Поэтому цифровые платформы должны включать интерактивные программы по формированию самоконтроля, постановке целей и управлению поведением.

Несмотря на высокую эффективность, реализация цифровых психологических сервисов сталкивается с рядом проблем:

Цифровое неравенство — ограниченный доступ к интернету у части молодёжи, особенно в сельских регионах.

Конфиденциальность и безопасность данных — защита личной информации пользователей является этическим приоритетом.

Ограниченность онлайн-помощи — в ряде случаев цифровые консультации должны сопровождаться очными формами поддержки.

Возможные решения включают:

разработку мобильных версий платформ и офлайн-доступа для удалённых территорий;

создание защищённых и анонимных каналов консультирования;

интеграцию онлайн-сервисов с существующими психологическими центрами и службами занятости.

Перспективы дальнейшего развития включают использование искусственного интеллекта (AI), виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) в психологических тренингах, создание иммерсивных симуляторов жизненных ситуаций, автоматизированных систем диагностики и адаптивных обучающих программ. Геймификация и система поощрений могут повысить вовлечённость и мотивацию пользователей, а также сделать процесс самопомощи более интересным и осознанным.izimlari va mukofot tizimlarini yaratish orqali ularning faoliyatini rag‘batlantirish.

Заключение. Развитие цифровых технологий оказывает мощное влияние на психологическое состояние и образ жизни современной молодёжи. Для неорганизованных молодых людей — не включённых в систему образования и трудовой деятельности — создание цифровых психологических платформ является актуальной социальной и педагогической задачей.

Результаты исследования показывают, что такие платформы способны значительно повысить уровень психологической устойчивости, снизить стресс, улучшить социальную адаптацию и способствовать личностному развитию пользователей.

Интеграция педагогических и психологических принципов с современными цифровыми технологиями открывает новые горизонты для формирования гуманной, доступной и инновационной системы психологической поддержки.

Список литературы.

1. Goleman, D. (1995). Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books.
2. Vygotsky, L.S. (1978). Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Siemens, G. (2005). Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age. International Journal of Instructional Technology and Distance Learning, 2(1), 3-10.
4. Dewey, J. (1916). Democracy and Education. New York: Macmillan.
5. Robinson, K. (2011). Out of Our Minds: Learning to Be Creative. Oxford: Capstone.
6. Morosanova, V.I. (2010). Self-regulation and Psychological Adaptation. Moscow: Psychology Press.
7. Yoqubov, S. (2021). Raqamli texnologiyalar yordamida yoshlarning ijtimoiy moslashuvi. Toshkent: Fan nashriyoti.
8. Karimov, U. (2020). Innovatsion ta’lim texnologiyalari va psixologik xizmatlar integratsiyasi. Toshkent: Innovatsiya markazi.
9. Rustamov, A. (2021). Yoshlarning raqamli platformalardan foydalanish darajasi va psixologik xizmatlar uchun maxsus algoritmlar. Toshkent: O‘zbekiston Milliy Universiteti nashriyoti.
10. Bandura, A. (1986). Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
11. Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon, 9(5), 1-6.
12. Turkle, S. (2011). Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books.
13. Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2000). Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. American Psychologist, 55(1), 68-78.
14. Schunk, D.H., & Zimmerman, B.J. (2007). Motivation and Self-Regulated Learning: Theory, Research, and Applications. Mahwah, NJ: Erlbaum.
15. Castells, M. (2010). The Rise of the Network Society. Chichester: Wiley-Blackwell.

ПЕДАГОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Мирахметова Л.Ф.
(Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются педагогико-психологические особенности развития творческого мышления студентов как одного из ключевых факторов их профессионального становления и личностного саморазвития. Автор отмечает, что в условиях современной образовательной среды, основанной на инновационном и*

компетентностном подходах, формирование творческого мышления становится стратегической задачей высшего образования. Раскрываются психологические механизмы, обеспечивающие продуктивное воображение, креативность и дивергентное мышление. Особое внимание уделено роли преподавателя как фасилитатора творческого процесса, а также значению учебно-воспитательной среды, стимулирующей инициативность, самостоятельность и критическое мышление студентов. В статье анализируются педагогические методы (проектное обучение, проблемное обучение, рефлексивные технологии, кейс-метод), способствующие активизации интеллектуального потенциала студентов. Показано, что развитие творческого мышления требует целенаправленной психологической поддержки, формирования положительной мотивации и эмоционально безопасного пространства. В заключение подчеркивается, что системное развитие творческого мышления в вузе является неотъемлемой частью подготовки конкурентоспособного специалиста, способного к инновационной деятельности и гибкому мышлению в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: *творческое мышление, креативность, педагогико-психологические особенности, студенты, инновационное обучение, дивергентное мышление, мотивация, профессиональное развитие.*

Abstract. *The article analyzes the pedagogical and psychological features of developing students' creative thinking as a fundamental factor in their professional formation and personal self-development. It is emphasized that in the context of a modern educational environment based on innovation and competence-oriented approaches, fostering creative thinking becomes a strategic priority of higher education. The paper explores the psychological mechanisms underlying imagination, creativity, and divergent thinking, highlighting the lecturer's role as a facilitator of the creative process and the importance of an educational environment that encourages initiative, autonomy, and critical reflection. Various pedagogical methods—such as project-based learning, problem-based learning, reflective techniques, and the case method—are discussed as effective tools for stimulating students' intellectual potential. It is argued that the development of creative thinking requires purposeful psychological support, positive motivation, and a psychologically safe learning climate. The article concludes that the systematic development of creative thinking within university education is an essential component in training competitive professionals capable of innovation, adaptability, and flexible decision-making in the rapidly changing global environment.*

Keywords: *creative thinking, creativity, pedagogical and psychological features, students, innovative education, divergent thinking, motivation, professional development.*

Введение.

Современная система высшего образования переживает глубокие преобразования, направленные на формирование конкурентоспособной, инициативной и творчески мыслящей личности, способной эффективно адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям социокультурной и профессиональной среды. В эпоху цифровизации, инновационных технологий и глобальной информационной открытости именно творческое мышление становится ключевым инструментом интеллектуального и профессионального развития студента. Оно обеспечивает не только успешное овладение знаниями, но и способность их преобразовывать, искать нестандартные решения, генерировать новые идеи и реализовывать их на практике.

Творческое мышление рассматривается в психолого-педагогической литературе как сложное интегративное образование, включающее когнитивный, мотивационно-ценностный и личностно-деятельностный компоненты. По мнению Дж. Гилфорда, Э. Торренса, А. Маслоу, Е. К. Туник и других исследователей, креативность проявляется в способности человека отходить от шаблонов мышления, видеть проблему в новом контексте и находить оригинальные пути её решения. В отечественной педагогической психологии (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, В. А. Моляко) творческое мышление трактуется как результат активного

взаимодействия личности с социальной и образовательной средой, где ведущую роль играют мотивация, внутренняя свобода и эмоциональная включённость субъекта.

В студенческом возрасте развитие творческого мышления приобретает особую значимость, так как именно этот период является сензитивным для становления профессионального самосознания, личностной зрелости и самостоятельного познавательного стиля. Студент сталкивается с необходимостью принимать решения, анализировать информацию, выражать собственную позицию, что требует развитых когнитивных и коммуникативных навыков. В этом контексте задача высшей школы заключается не только в передаче знаний, но и в создании условий, побуждающих студентов к творческой активности, самостоятельным исследованиям, поиску и эксперименту.

Современная образовательная парадигма, ориентированная на компетентностный подход, выдвигает на первый план такие педагогико-психологические условия, которые обеспечивают формирование у студентов способности мыслить креативно, интегрировать знания из разных областей, прогнозировать результаты своей деятельности и адаптироваться к новым профессиональным задачам. Развитие творческого мышления становится неотъемлемой частью формирования профессиональных компетенций, личностной ответственности и инновационной культуры будущего специалиста.

Таким образом, исследование педагогико-психологических особенностей развития творческого мышления студентов представляет собой актуальную и многогранную проблему, находящуюся на стыке психологии личности, педагогики творчества и современной дидактики. Анализ её сущности, механизмов и условий позволяет определить эффективные пути формирования у студентов готовности к инновационной деятельности, самостоятельному познанию и профессиональному саморазвитию, что в конечном итоге служит стратегическим направлением модернизации высшего образования в Узбекистане.

Литературный обзор по проблематике педагогико-психологических особенностей развития творческого мышления студентов показывает, что креативность рассматривается как многокомпонентная система, в которой переплетаются когнитивные процессы, мотивационно-личностные факторы и особенности образовательной среды. Классическая линия исследований восходит к Дж. Гилфорду, который ввёл понятие дивергентного мышления как способности порождать множество оригинальных идей, и к Э. Торренсу, разработавшему знаменитые тесты креативного мышления (ТТСТ) и эмпирически показавшему роль беглости, гибкости, оригинальности и разработанности идей в учебной успешности. В дальнейшем Р. Стернберг и Т. Лубарт в «инвестиционной» теории креативности обосновали, что творческое мышление опирается на сочетание интеллектуальных ресурсов, знаний, стиля мышления, личностной смелости и благоприятной среды, где «нестандартные» идеи получают признание. Системная модель М. Чиксентмихайи, дополнившая индивидуалистические объяснения, подчеркнула, что творчество возникает во взаимодействии «личность — домен — сообщество»: студент становится креативным не только благодаря внутренним качествам, но и через вхождение в профессиональные практики, где экспертное сообщество легитимирует новизну.

На уровне когнитивных механизмов зарубежные работы (М. Ранко, К. Сойер) демонстрируют, что креативность связана с гибким переключением между дивергентным и конвергентным мышлением, умением рефреймировать проблему и использовать аналогии. Нейрокогнитивные исследования (А. Дитрих, Р. Юнг и Р. Хайер) указывают на роль широкой, менее «фильтруемой» ассоциативной активации и эффективной регуляции внимания; это согласуется с педагогическими практиками, развивающими метакогнитивный контроль (Д. Флавелл) и навыки саморегуляции. Важной частью арсенала остаются методы генерации идей Э. де Боно («шесть шляп мышления», латеральное мышление), которые в образовательной среде переводятся в структурированные протоколы групповой работы и доказательно повышают разнообразие решений.

Мотивационно-аффективное измерение подробно изучено Т. Амабайл и Б. Хеннесси: их «консенсусная» оценка креативности и модель компонентного творчества показывают, что внутренняя мотивация, доменная компетентность и соответствующие навыки творчества

образуют триаду, на которую сильно влияет контекст поощрений и обратной связи. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана дополняет это: удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и сопричастности поддерживает устойчивую внутреннюю мотивацию, без которой креативные усилия быстро угасают. Связанная литература о «установке на рост» К. Двек демонстрирует, что убеждение в развиваемости способностей снижает страх ошибки и поощряет интеллектуальный риск — ключевую предпосылку оригинальности.

Роль преподавателя в зарубежных исследованиях описывается как переход от транслятора к фасилитатору творчества. Метаналитические обзоры Дж. Хэтти и П. Блэка с Д. Уильямом показывают, что высокой эффективности достигают практики формирующего оценивания и развёрнутой обратной связи: они делают мыслительные ходы студентов видимыми и управляемыми. Подходы проектного и проблемно-ориентированного обучения (PBL), кейс-метод, дизайн-мышление и «maker education» создают задачи с открытым итогом, где требуется гипотезирование, прототипирование и рефлексия — то, что С. Паперт называл «обучением через конструирование». Э. Амбайл подчёркивала: даже при наличии свободы критически важна «умная» структурированность — ясные критерии качества, доступ к ресурсам и время на инкубацию идей. Концепция «психологической безопасности» А. Эдмондсон объясняет, почему в группах, где не наказывают за интеллектуальные ошибки, быстрее растут показатели оригинальности и глубины решений.

Измерение и развитие креативности в университетской аудитории опирается на валидированные инструменты: помимо TTCT, это тест отдалённых ассоциаций С. Медника (RAT), консенсусная экспертная оценка продуктов (Амабайл) и поведенческие рубрики, фиксирующие гибкость стратегий и перенос. Важной критикой узкого фокуса на тестах выступают работы К. Сойера и М. Чиксентмихайи, показывающие, что «продуктная» креативность нуждается в опоре на доменные знания и длительную практику. Здесь продуктивны идеи целенаправленной практики К. Эрикссона: устойчивый рост оригинальности требует циклов «вызов — обратная связь — корректировка», а не разовых «мозговых штурмов».

Наконец, литература об образовательной среде подчёркивает комплексность условий. Зарубежные исследования организационной культуры (Э. Шейн) и климата класса показывают: креативность усиливается при сочетании высокого когнитивного вызова, автономии выбора, междисциплинарных связей и ценности сотрудничества. Работы Р. Стернберга по мудрости и сбалансированным решениям напоминают, что творческое мышление в высшей школе должно сопрягаться с этическими и социальными критериями; это особенно значимо для профессий социальной ответственности. Интегративная картина такова: развитие творческого мышления студентов требует согласованности трёх уровней — (1) индивидуальные когнитивно-мотивационные ресурсы, развиваемые через метакогнитивные и рефлексивные практики; (2) педагогические методы, создающие задачи с неопределённостью и предоставляющие качественную обратную связь; (3) образовательная экосистема, обеспечивающая психологическую безопасность, автономию и признание новизны. Именно эта совокупность условий, подтверждённая работами зарубежных исследователей креативности, и формирует устойчивую траекторию роста творческого мышления в университетском обучении.

Обсуждение педагогико-психологических особенностей развития творческого мышления студентов требует комплексного подхода, учитывающего взаимосвязь когнитивных, личностных, мотивационных и средовых факторов. Современные исследования подтверждают, что креативность не является врождённым свойством, а представляет собой развиваемое качество, формирующееся в процессе активного взаимодействия обучающегося с образовательной и социальной средой. В условиях высшего образования творческое мышление выступает не только как инструмент познания, но и как основа профессиональной самостоятельности, инновационного мышления и социальной адаптации будущего специалиста.

Главным условием успешного формирования творческого мышления является создание такой образовательной среды, в которой студент чувствует себя психологически защищённым, признанным и мотивированным к исследовательской и поисковой деятельности. Когда студент имеет возможность выдвигать собственные идеи, ошибаться и пересматривать свои подходы без страха осуждения, у него активизируются механизмы дивергентного мышления, повышается уровень саморефлексии и уверенности в собственных интеллектуальных возможностях. Именно поэтому современные педагогические подходы, ориентированные на личностно-деятельностную парадигму (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Маслоу, Р. Стернберг), подчеркивают значение сотрудничества, сотворчества и диалога в образовательном процессе.

Особое внимание в развитии творческого мышления уделяется роли преподавателя как фасилитатора и модератора креативного процесса. Педагог должен не только передавать знания, но и стимулировать мышление студентов, создавать проблемные ситуации, побуждать к поиску нестандартных решений, формировать установку на исследование и эксперимент. Эффективным инструментом в этом контексте являются методы проектного и проблемного обучения, кейс-технологии, дизайн-мышление и рефлексивные практики, которые активизируют творческое воображение, воображаемую реконструкцию знаний и способность к переосмыслению информации. При этом систематическая обратная связь и совместное обсуждение результатов способствуют формированию у студентов внутренней мотивации, ответственности и готовности к самосовершенствованию.

Психологический аспект проблемы связан с пониманием механизмов мотивации и эмоциональной регуляции. Исследования Э. Деси, Р. Райана и Т. Амабайл показывают, что внутренняя мотивация и автономия в обучении существенно усиливают проявления креативности. Если студент воспринимает образовательный процесс не как внешнее требование, а как возможность самореализации и личностного роста, его творческая активность возрастает. В то же время чрезмерный контроль, авторитарный стиль преподавания и ориентация только на результат сужают познавательную инициативу и ограничивают креативный потенциал личности.

Развитие творческого мышления невозможно без включения эмоционального интеллекта, саморегуляции и рефлексии. Студенты, способные осознавать собственные эмоции, управлять стрессом и сохранять положительное отношение к трудностям, демонстрируют более высокий уровень продуктивного воображения и гибкости мышления. Таким образом, психологическая устойчивость, уверенность в себе и открытость новому опосредуют когнитивные процессы творчества.

Обсуждая результаты, можно утверждать, что развитие творческого мышления студентов должно рассматриваться как системный процесс, включающий три взаимосвязанных уровня: индивидуально-личностный (саморазвитие, саморефлексия, креативная мотивация), межличностный (взаимодействие с преподавателями и сверстниками) и институциональный (создание инновационной образовательной среды). Лишь при гармоничном сочетании этих компонентов формируется устойчивая способность студента мыслить нестандартно, проявлять инициативу и конструировать новые способы решения профессиональных задач.

Таким образом, творческое мышление студентов — это не просто педагогическая цель, а фундаментальная основа подготовки будущего специалиста, способного к самостоятельному мышлению, инновационной деятельности и ответственному профессиональному выбору. Современная высшая школа, ориентированная на гуманистические ценности, должна рассматривать развитие креативности как стратегический ресурс интеллектуального и социального прогресса.

Заключение. Проведённое теоретическое и практическое осмысление проблемы педагогико-психологических особенностей развития творческого мышления студентов позволяет сделать ряд содержательных выводов. Прежде всего, творческое мышление следует рассматривать как сложное интегративное образование, объединяющее когнитивные, эмоциональные, мотивационные и личностно-деятельностные компоненты. Оно обеспечивает

способность студента к порождению новых идей, креативному преобразованию знаний и самостоятельному решению нестандартных профессиональных задач. В условиях современной образовательной парадигмы креативность становится не факультативным качеством личности, а центральным элементом профессиональной компетентности и интеллектуального потенциала будущего специалиста.

Развитие творческого мышления возможно лишь при целостном взаимодействии трёх факторов — личности студента, педагогического процесса и образовательной среды. Личность в этом контексте выступает активным субъектом познания и самосовершенствования, способным к рефлексии, самоорганизации и внутренней мотивации. Педагогический процесс, в свою очередь, должен быть построен на принципах субъект-субъектного взаимодействия, сотрудничества и открытого диалога, где преподаватель выполняет функции фасилитатора и наставника, а не транслятора готовых знаний. Образовательная среда обязана обеспечивать психологическую безопасность, свободу выбора, вариативность форм и методов обучения, стимулирующих исследовательскую и проектную активность студентов.

Зарубежные и отечественные исследования (Дж. Гилфорд, Э. Торренс, М. Чиксентмихайи, Р. Стернберг, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн) убедительно показывают, что развитие творческого мышления тесно связано с внутренней мотивацией, автономией личности, эмоциональным интеллектом и культурой педагогического взаимодействия. Студенты, вовлечённые в процесс совместного поиска, анализа и критического осмысления, демонстрируют более высокий уровень креативности и академической успешности. В то же время, излишне авторитарные методы преподавания, формализм и оценочная жесткость создают барьеры для проявления индивидуального потенциала и творческой инициативы.

Таким образом, формирование творческого мышления студентов требует системного и стратегического подхода, предполагающего синтез психолого-педагогических технологий, мотивационных программ и инновационных методик обучения. Целенаправленная работа в этом направлении способствует не только профессиональной подготовке компетентных и гибко мыслящих специалистов, но и воспитанию личности, способной к саморазвитию, критическому анализу и ответственному участию в социально-экономических преобразованиях общества. Развитие креативного мышления — это, по сути, развитие интеллектуальной культуры нации, залог её прогресса, конкурентоспособности и гуманистической ориентации образования XXI века.

Список использованной литературы.

1. Гилфорд, Дж. П. (1965). Три стороны интеллекта. — Москва: Прогресс. — 310 с.
2. Торренс, Э. П. (1990). Креативность: теория и практика. — Москва: Педагогика. — 256 с.
3. Чиксентмихайи, М. (2014). Креативность: поток и психология открытий и изобретений. — Москва: Альпина Паблишер. — 460 с.
4. Стернберг, Р. Дж., Лубарт, Т. И. (2002). Творчество в контексте интеллекта, знаний и мотивации. — Санкт-Петербург: Питер. — 352 с.
5. Маслоу, А. (2008). Мотивация и личность. — Санкт-Петербург: Питер. — 352 с.
6. Выготский, Л. С. (1991). Воображение и творчество в детском возрасте. — Москва: Педагогика. — 220 с.
7. Рубинштейн, С. Л. (2000). Основы общей психологии. — Санкт-Петербург: Питер. — 720 с.
8. Леонтьев, А. Н. (2004). Деятельность. Сознание. Личность. — Москва: Смысл. — 352 с.
9. Амабайл, Т. М. (2003). Психология творчества и инноваций на рабочем месте. — Москва: Изд-во Институт психологии РАН. — 278 с.
10. Двек, К. (2017). Гибкое сознание: новый взгляд на психологию успеха. — Москва: Манн, Иванов и Фербер. — 304 с.

11. Де Боно, Э. (2007). Шесть шляп мышления. — Москва: Попурри. — 224 с.
12. Чиксентмихайи, М. (2011). Поток: психология оптимального переживания. — Москва: Альпина нон-фикшн. — 480 с.
13. Эдмондсон, А. (2020). Без страха: Создание психологически безопасной среды для обучения и роста. — Москва: Альпина Паблишер. — 312 с.
14. Хэтти, Дж. (2021). Видимое обучение: синтез результатов более чем 800 метаанализов в образовании. — Москва: Национальное образование. — 420 с.
15. Пономарёв, Я. А. (1976). Психология творчества. — Москва: Наука. — 304 с.
16. Туник, Е. Е. (2002). Психологические основы развития креативности. — Санкт-Петербург: Речь. — 272 с.
17. Моляко, В. А. (2007). Психология творческого мышления. — Киев: Академия. — 288 с.
18. Кудрявцев, Т. В. (2006). Психология творческого мышления и личности. — Москва: Институт психологии РАН. — 254 с.
19. Богоявленская, Д. Б. (2002). Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Москва: Институт психологии РАН. — 301 с.
20. Карпов, А. В. (2018). Психология мышления: от когнитивных структур к творческим процессам. — Ярославль: Академия развития. — 330 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВА УВЕРЕННОСТИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Остонов Шерзод Ахадуллаевич
(Ташкент, Узбекистан)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются социально-психологические механизмы формирования чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры как важнейшего личностного и профессионального качества, обеспечивающего эффективность их деятельности. Раскрываются психологические детерминанты уверенности, включающие профессиональную идентичность, самооценку, уровень мотивации, коммуникативную компетентность и стрессоустойчивость. Особое внимание уделяется социально-психологическим условиям, способствующим укреплению уверенности в профессиональной среде: сплочённости коллектива, адекватной системе поощрений и признания, лидерству, корпоративной культуре, а также психологическому климату. В работе анализируются результаты эмпирических исследований, показывающих взаимосвязь между уверенностью сотрудников и их профессиональной успешностью, адаптацией и уровнем эмоционального выгорания. Подчёркивается необходимость психологического сопровождения и целенаправленного тренинга личностной устойчивости, направленного на развитие конструктивного самоотношения и уверенного поведения. Автор приходит к выводу, что развитие чувства уверенности является неотъемлемым элементом профессионального становления прокурорских работников и служит основой для формирования их правосознания, справедливости и моральной устойчивости в процессе служебной деятельности.*

Ключевые слова: *уверенность, профессиональная идентичность, прокурорская деятельность, социально-психологические механизмы, самооценка, стрессоустойчивость, профессиональная адаптация, мотивация.*

Abstract. *This article explores the socio-psychological mechanisms underlying the development of confidence among employees of the prosecutorial system, viewed as a key personal and professional*

quality that ensures the effectiveness of their performance. The paper identifies major psychological determinants of confidence, including professional identity, self-esteem, motivation, communicative competence, and stress resilience. Particular attention is given to the socio-psychological conditions that strengthen professional confidence—team cohesion, fair reward and recognition systems, leadership, organizational culture, and the overall psychological climate. The study analyzes empirical data demonstrating the relationship between confidence and professional success, adaptation, and emotional burnout levels among prosecutors. It emphasizes the importance of psychological support and targeted personal stability training designed to enhance self-perception and assertive behavior. The author concludes that the development of confidence is an essential component of professional formation for prosecution employees and forms the foundation for their sense of justice, legal awareness, and moral resilience in the course of official duties.

Keywords: *confidence, professional identity, prosecutorial activity, socio-psychological mechanisms, self-esteem, stress resilience, professional adaptation, motivation.*

Введение. Современные условия профессиональной деятельности сотрудников органов прокуратуры характеризуются высокой ответственностью, постоянным психологическим напряжением и необходимостью принятия сложных решений в условиях ограниченного времени и высокой степени неопределённости. Прокурорская деятельность требует не только глубоких юридических знаний, но и развитых личностных качеств, среди которых особое место занимает чувство уверенности. Уверенность обеспечивает внутреннюю устойчивость специалиста, позволяет сохранять психологическое равновесие в стрессовых ситуациях, формирует готовность к активным и ответственным действиям, а также способствует эффективному взаимодействию с коллегами, руководством и гражданами.

Формирование чувства уверенности у прокурорских работников является сложным многоуровневым процессом, в котором переплетаются индивидуально-психологические и социально-психологические факторы. На индивидуальном уровне уверенность опирается на самооценку, профессиональную компетентность и личностную зрелость. На социальном уровне решающую роль играют микроклимат коллектива, стиль руководства, корпоративная культура и система поощрений. Взаимосвязь этих факторов формирует своеобразный социально-психологический механизм, обеспечивающий устойчивое развитие чувства профессиональной уверенности.

В условиях реформирования судебно-правовой системы Республики Узбекистан и возрастания требований к этике и эффективности деятельности прокуроров проблема укрепления уверенности приобретает особую актуальность. От уровня уверенности работников прокуратуры напрямую зависят качество правоприменительной практики, справедливость принимаемых решений и доверие общества к правовым институтам государства. Недостаток уверенности может привести к профессиональной дезадаптации, неуверенному поведению, эмоциональному выгоранию и ошибкам при выполнении служебных обязанностей.

Таким образом, изучение социально-психологических механизмов формирования чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры представляет собой важное направление современной прикладной психологии. Анализ данного феномена позволяет не только глубже понять внутренние ресурсы личности прокурора, но и разработать практические рекомендации по созданию благоприятных социально-психологических условий, способствующих укреплению уверенности, профессиональной мотивации и личностной устойчивости работников правоохранительных органов.

Литературный анализ по проблематике формирования чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры демонстрирует, что данный феномен имеет многокомпонентную природу и объясняется на пересечении индивидуально-личностных, организационных и социокультурных детерминант. В зарубежной психологии исходной методологической рамкой выступает концепция самоэффективности А. Бандуры, согласно которой уверенность в собственных возможностях опирается на четыре ключевых источника — опыт мастерства, заместительное научение, вербальное подкрепление и интерпретацию

физиологических состояний. Для прокурорской деятельности это означает, что кумуляция успешных процессуальных действий, качественная супервизия и подкрепляющая обратная связь от руководителя формируют устойчивую «я-могу» позицию. Модель психологических ресурсов С. Хобфолла (COR) дополняет данный ракурс: чувство уверенности возрастает там, где у специалиста есть защищённые ресурсы — статус, поддержка, компетенции и предсказуемые организационные практики; утрата же ресурсов (перегруз, неопределённость, несоответствие ролей) подрывает уверенность. В рамках теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана показано, что переживание автономии, компетентности и причастности питает внутреннюю мотивацию и укрепляет устойчивое чувство собственной состоятельности; в прокурорских коллективах это достигается за счёт осмысленной делегации, прозрачных критериев результативности и профессиональных сообществ практиков.

Организационный контекст уверенности продуктивно описывается через модель требований-ресурсов труда (JD-R) А. Баккера и В. Шауфели: высокие когнитивно-эмоциональные требования правоприменительной деятельности требуют уравновешивания ресурсами — лидерской поддержкой, автономией, обучающими возможностями и справедливостью процедур. Ранние модели Р. Карасека (demand-control) и Й. Зигриста (effort-reward imbalance) указывают, что дефицит контроля и дисбаланс «усилие-вознаграждение» являются предикторами стресса и снижения профессиональной уверенности. Исследования организационной справедливости Дж. Колквитта и процедурной легитимности Т. Тайлера и Т. Блэйдера показывают: когда правила ясны, процедуры беспристрастны, а уважение к сотруднику встроено в культуру, повышается доверие к институту и собственная уверенность в правомерности решений. Здесь же важна психологическая безопасность А. Эдмондсон — климат, в котором допустимо сообщать о рисках и ошибках без страха санкций; такой климат укрепляет коллективную уверенность и снижает вероятность «остановки действия» в сложных кейсах. Вклад Э. Шейна подчёркивает роль глубинных артефактов и ценностей организации: культура, где этика, служение обществу и профессиональная честь — не декларация, а ежедневная практика, становится «матрицей» уверенного поведения.

На уровне личности метаанализы Т. Джаджа и соавт. по ядровым самооценкам (самооценка, локус контроля, эмоциональная стабильность, самоэффективность) показывают их устойчивую связь с профессиональной уверенностью и результативностью. Концепция психологического капитала Ф. Лутанса (самоэффективность, оптимизм, надежда, резильентность) указывает на тренируемость «уверенностных» компонентов и эффективность целенаправленных программ развития (коучинг, тренинги микронавыков, рефлексивные практики). Эмоциональный интеллект (П. Саловей, Дж. Майер; популяризован Д. Гоулманом) опосредует уверенность через точную идентификацию эмоций, регуляцию аффекта и эмпатическое взаимодействие — критически важные компетенции при процессуальном общении с гражданами и коллегами. Теория когнитивной оценки стрессоров Р. Лазаруса и С. Фолкман и исследования Дж. Гросса по регуляции эмоций объясняют, как переоценка и целенаправленные стратегии совладания предотвращают «туннель внимания» и поддерживают самообладание — поведенческий маркер уверенности. Важны также идеи К. Двек о установках на рост: убеждение в развиваемости компетенций снижает страх ошибки и способствует обучающемуся поведению «в действии» (К. Вейк, «sensemaking»), что повышает устойчивую уверенность в условиях неопределённости.

Лидерство и командные процессы — отдельная линия влияния. Исследования Б. Басса и Б. Аволио показывают, что трансформационное лидерство (вдохновение, индивидуализированная поддержка, интеллектуальная стимуляция) системно повышает уверенность подчинённых. Модель доверия в отношениях Р. Майера, Дж. Дэвиса и Ф. Шурмана (компетентность, доброжелательность, честность) объясняет, почему надёжные, компетентные руководители и наставники (терминальные работы К. Крам о менторстве) служат «усилителями» профессиональной смелости. Командная сплочённость (А. Каррон), ясность ролей (Б. Ашфорт, И. Хогг), нормы взаимодействия и «правила дела» формируют коллективные ожидания успешности, из которых рождается и индивидуальная уверенность. Для

высоконадежных организаций (К. Вейк, К. Сатклифф) показано, что практики предвосхищения ошибок, обмена сигналами и быстрой адаптации минимизируют парализующий эффект стресса и поддерживают готовность к действию — это напрямую релевантно для прокурорских подразделений, работающих под давлением времени и общественных ожиданий.

Наконец, эмпирические пласты исследований профессионального выгорания (К. Маслач, М. Лейтер) и вовлечённости (Шауфели) фиксируют обратные связи: хронический дистресс, цинизм и истощение подтачивают уверенность, тогда как смысл, автономия и поддержка её укрепляют. Этическое лидерство и климат (Л. Тревиньо, М. Браун) особенно значимы для правоприменительной сферы: согласованность «этика — практика» снижает моральные дилеммы, усиливает легитимность решений и, как следствие, уверенность в собственных действиях. В совокупности данные подходы позволяют конструировать многоуровневые программы развития: deliberate practice (К. Эрикссон) для наращивания мастерства; рефлексивные протоколы и разбор кейсов; тренинги эмоциональной регуляции и стресс-менеджмента; менторские и супервизорские форматы; организационные интервенции по повышению справедливости, предсказуемости и психологической безопасности. Такая интеграция индивидуальных и организационных механизмов, подтверждённая зарубежными исследованиями, создаёт доказательную базу для системного укрепления чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры как ключевого условия их профессиональной эффективности и общественного доверия.

Обсуждение проблемы формирования чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры предполагает всесторонний анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на становление данного личностного качества, а также определение эффективных социально-психологических механизмов, обеспечивающих его развитие и устойчивость в профессиональной среде. Современная прокурорская деятельность требует не только юридической компетентности и принципиальности, но и высокой психологической готовности к стрессу, эмоциональной саморегуляции и внутренней собранности. Уверенность в собственных силах и профессиональной правоте становится тем психологическим фундаментом, на котором строится эффективность и моральная устойчивость специалиста.

Наиболее значимым аспектом в формировании уверенности выступает личностно-психологическая основа, включающая самооценку, уровень притязаний, профессиональную идентичность и самопринятие. Сотрудник прокуратуры, обладающий адекватной самооценкой и внутренней гармонией, способен принимать решения без страха ошибки и проявлять независимость в морально сложных ситуациях. В то же время чрезмерная самоуверенность или, наоборот, неуверенность могут приводить к ошибочным действиям, снижению объективности и профессиональному выгоранию. Поэтому психологическая зрелость и способность к саморефлексии рассматриваются как ключевые элементы внутреннего механизма формирования уверенности.

С другой стороны, уверенность не формируется в изоляции от социума. Коллективная поддержка, атмосфера доверия и уважения, лидерская позиция руководства, а также справедливая система поощрений создают благоприятные условия для укрепления чувства уверенности. Согласно данным зарубежных исследований (Б. Басс, Д. Гоулман, А. Эдмондсон), социально-психологический климат организации напрямую влияет на уровень уверенности её сотрудников: чем выше открытость общения, эмоциональная безопасность и прозрачность принятия решений, тем сильнее ощущение собственной значимости и профессиональной состоятельности.

Особую роль играет механизм обратной связи — позитивная оценка усилий сотрудника со стороны руководителя и коллег способствует внутреннему подкреплению самоэффективности, о чём писал А. Бандура. Эффективная супервизия, профессиональное наставничество и коучинг, как показывают исследования Ф. Лутанса и Э. Шейна, помогают формировать внутренние установки на развитие и укрепляют психологическую устойчивость специалистов. В условиях прокуратуры, где ошибки имеют правовые и этические последствия, такая поддержка играет ключевую роль в предотвращении профессиональной дезадаптации.

Не менее важным является влияние организационных факторов — режима работы, прозрачности должностных обязанностей, справедливого распределения нагрузки и признания достижений. Несоответствие между усилиями и вознаграждением (Й. Зигрист) вызывает эмоциональное истощение и снижает уверенность, тогда как соблюдение принципов справедливости (Т. Тайлер) укрепляет доверие к системе и поддерживает внутреннюю мотивацию. Этический климат в коллективе прокуратуры способствует формированию моральной уверенности в правильности принимаемых решений, снижает когнитивный диссонанс и укрепляет профессиональную идентичность.

Важным направлением является развитие эмоциональной компетентности. Способность осознавать и регулировать свои эмоции, конструктивно справляться со стрессом, проявлять эмпатию и самоконтроль — всё это повышает личную устойчивость и уверенность в сложных коммуникативных и конфликтных ситуациях. Эмоциональный интеллект, по Д. Гоулману, является базовым ресурсом уверенного поведения, так как обеспечивает баланс между внутренними переживаниями и внешними реакциями.

Таким образом, обсуждение результатов показывает, что чувство уверенности у сотрудников органов прокуратуры формируется под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов: личностных, межличностных и организационных. Эффективное развитие уверенности требует системного подхода — сочетания индивидуальной психологической работы, корпоративной культуры, ориентированной на доверие и поддержку, а также внедрения программ профессионального роста, направленных на развитие самоэффективности и стрессоустойчивости. Формирование устойчивого чувства уверенности у прокурорских работников не только способствует их профессиональной надёжности, но и укрепляет общественное доверие к институту прокуратуры как гаранту справедливости и законности.

Заключение. Проведённое теоретико-эмпирическое осмысление проблемы формирования чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры позволяет сделать ряд обобщающих выводов, отражающих как личностно-психологические, так и социально-организационные аспекты данного феномена. Уверенность выступает не просто чертой характера или временным эмоциональным состоянием, а сложной интегративной характеристикой личности, объединяющей когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Именно она определяет степень готовности прокурорского работника действовать решительно, объективно и профессионально в условиях высокой ответственности и правовой неопределённости.

Современная деятельность органов прокуратуры требует от специалистов способности сохранять внутреннюю устойчивость, эмоциональную сдержанность и моральную целостность. Чувство уверенности, опирающееся на самопознание, позитивную самооценку, профессиональную компетентность и внутренние ценностные ориентиры, становится гарантом эффективности и справедливости их решений. В то же время, уверенность не может быть сформирована исключительно на уровне индивидуальной работы — она требует благоприятной социальной среды, поддерживающего организационного климата и конструктивных межличностных отношений в коллективе.

Результаты анализа отечественных и зарубежных исследований (А. Бандура, Э. Деси, Р. Райан, Ф. Лутанс, С. Хобфолл, Б. Басс, Э. Шейн и др.) подтверждают, что устойчивое чувство уверенности формируется в условиях, где сочетаются личностная автономия, поддержка со стороны руководства, эмоциональная безопасность и ощущение профессиональной значимости. Там, где существует доверие, справедливость и прозрачность организационных процессов, формируется чувство принадлежности к общему делу, что укрепляет уверенность сотрудников и снижает риск профессионального выгорания.

Следовательно, формирование уверенности у работников прокуратуры должно рассматриваться как приоритетное направление психологического сопровождения профессиональной деятельности. Необходима системная работа, включающая психологические тренинги, программы развития эмоциональной устойчивости, наставничество, супервизию, а также регулярную оценку социально-психологического климата

в коллективе. Такие меры не только способствуют укреплению уверенности, но и повышают общий уровень профессиональной культуры и этики прокурорской службы.

В заключение следует подчеркнуть, что уверенность сотрудников органов прокуратуры — это не только личностный ресурс, но и стратегический фактор укрепления правопорядка и доверия граждан к системе правосудия. Развитие данного качества обеспечивает не просто профессиональную успешность, но и формирование справедливого, гуманистического и морально устойчивого облика прокурорского работника, способного служить опорой для общества и государства.

Список использованной литературы.

1. Бандура, А. (2000). Теория социального научения. — Санкт-Петербург: Евразия. — 320 с.

2. Деси, Э., Райан, Р. (2008). Самодетерминация поведения человека. Мотивация и личность. — Москва: Смысл. — 480 с.

3. Гоулман, Д. (2013). Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ. — Москва: Манн, Иванов и Фербер. — 544 с.

4. Хобфолл, С. (2006). Стресс, культура и сообщество: Психология и философия ресурсов. — Москва: Психотерапия. — 416 с.

5. Шейн, Э. (2010). Организационная культура и лидерство. — Санкт-Петербург: Питер. — 336 с.

6. Лютанс, Ф. (2011). Психологический капитал и развитие человека в организации. — Москва: Альпина Паблишер. — 290 с.

7. Басс, Б. (1990). Бас и Аволио. Трансформационное лидерство. — Нью-Йорк: Free Press (рус. пер. — Москва: Альпина, 2012). — 272 с.

8. Маслач, К., Лейтер, М. (2010). Выгорание: стоимость заботы о других. — Санкт-Петербург: Питер. — 256 с.

9. Тревиньо, Л., Браун, М. (2005). Этическое лидерство в организациях. — Harvard Business Review. — Т. 83, №7. — С. 69–76.

10. Колквитт, Дж. (2001). Organizational Justice and Employee Trust. — Journal of Applied Psychology, 86(3). — С. 386–400.

AN ORIENTAL APPROACH TO THE FORMATION OF THE MEANING OF LIFE

Sayidqulova Mastura Rabimqul qizi
(Tashkent, Uzbekistan)

Abstract. *This article examines the concept of ikigai, rooted in Japanese culture, as an essential element of Eastern philosophy of life. The study focuses on the role of ikigai in shaping an individual's life purpose, its relationship with personal motivation, and its influence on the experience of happiness. By presenting ikigai as an example of the Eastern worldview of meaning and purpose, the article emphasizes its theoretical value and practical relevance for contemporary psychology.*

Keywords: *ikigai, life purpose, motivation, happiness, Eastern philosophy, modern psychology.*

Аннотация. *В данной статье рассматривается концепция икигай, сформировавшаяся в японской культуре, как важная составляющая восточной философии жизни. Исследование посвящено роли икигай в определении жизненных целей личности, его связи с личной мотивацией и влиянию на переживание счастья. На примере икигай показана идея поиска смысла и цели жизни в восточном мировоззрении, что подчеркивает его теоретическую ценность и практическую значимость для современной психологии.*

Ключевые слова: *икигай, жизненная цель, мотивация, счастье, восточная философия, современная психология.*

Introduction.

Throughout the human lifespan, individuals continually strive to find meaning in the ways they live and in the actions they perform, endeavouring to align their behaviour with that meaning. Especially as cognitive awareness develops, people begin to ask a range of profound questions, for example: What constitutes the meaning of an individual's life? Where or in whom is life's meaning found, and is mere existence sufficient for life to have meaning? Do there exist people who live without meaning? Faced with such questions, this study turns to the Japanese approach to understanding life's meaning — the concept of ikigai.

Etymologically, the Japanese characters for ikigai combine iki (literally "life") and gai (literally "value" or "worth"), and the term is commonly rendered as "a purpose in life" or "a reason for being." The philosophy of ikigai helps individuals identify reasons for rising in the morning and motivates them to discover activities and aims that provide resources and fulfilment, thereby promoting more purposeful use of time. Although the idea of ikigai has evolved over centuries within Japan, it has in recent years attracted growing international interest.

This article will examine the essence of ikigai, its ties to Eastern worldviews of meaning and purpose, and its contemporary applications. The discussion highlights ikigai's conceptual relevance for psychological theory and its potential practical implications for domains such as motivation, well-being, and intervention design in modern psychology.

Literature Review

The concept of ikigai has been the subject of increasing scholarly attention, both within Japan and in the broader international academic community. Rooted in Japanese cultural traditions, ikigai has historically been described as a guiding principle for living a meaningful life. Early anthropological and sociological studies (Mathews, 1996; Kumano, 2018) emphasized ikigai as a cultural construct that integrates existential, social, and psychological dimensions. In these works, ikigai is depicted not merely as an individual's pursuit of personal happiness but as a socially embedded practice tied to family, community, and cultural identity.

In contemporary psychology, ikigai has been linked to various constructs such as life purpose, motivation, resilience, and subjective well-being. For example, research by Sone et al. (2008) demonstrated that individuals with a strong sense of ikigai reported higher levels of psychological health and even lower mortality rates. Similarly, García and Miralles (2017) popularized the term globally by connecting ikigai to modern self-help and positive psychology, thereby highlighting its relevance beyond its original cultural context.

From the perspective of Eastern philosophy, ikigai resonates with broader traditions that emphasize harmony, balance, and interconnectedness. Scholars such as Takeda (2015) and Gordon (2021) have drawn parallels between ikigai and Confucian, Buddhist, and Taoist ideas about living ethically and meaningfully. This comparative approach illustrates how ikigai functions as both a distinctly Japanese construct and a concept that aligns with other Eastern philosophies of life purpose.

Recent cross-cultural studies (Fido et al., 2019; Schnell, 2020) have further demonstrated the adaptability of ikigai in Western contexts, where it is increasingly being applied in fields such as occupational psychology, gerontology, and mental health interventions. These studies suggest that the practical relevance of ikigai lies in its ability to integrate existential meaning with everyday activities, thus serving as both a theoretical framework and a practical tool for enhancing well-being.

Overall, the literature indicates that ikigai occupies a unique position at the intersection of cultural studies, psychology, and philosophy. While its roots remain deeply tied to Japanese culture, its contemporary interpretations demonstrate its global significance as a framework for understanding life purpose and human flourishing.

Methods

This study employed a qualitative research design, drawing upon an interpretive approach to examine the concept of ikigai within the context of Eastern philosophy and its implications for modern psychology. A thematic analysis of existing literature, including philosophical texts, psychological studies, and cross-cultural research on meaning in life, was conducted. Sources were selected based on their relevance to three primary dimensions of the study: (1) the cultural origins of ikigai in Japan, (2) its theoretical connections with constructs such as motivation, well-being, and life purpose, and (3) its practical applications in contemporary psychological practice. In addition, comparative analysis was used to highlight similarities and differences between ikigai and broader Eastern philosophical traditions.

Results.

The analysis revealed that *ikigai* serves as both a cultural and psychological construct with significant relevance for modern understandings of life purpose. Three key findings emerged:

1. *Cultural roots*: *Ikigai* originated as a deeply embedded Japanese worldview emphasizing the value of life and purpose through balance, community, and self-realization.

2. *Psychological significance*: Research demonstrates that individuals with a strong sense of *ikigai* experience higher well-being, greater motivation, and resilience, and even improved health outcomes.

3. *Global adaptation*: While rooted in Japanese traditions, *ikigai* has gained international recognition and has been successfully adapted in Western psychological frameworks, particularly within positive psychology, occupational well-being, and gerontology.

Conclusion.

The findings underscore that ikigai represents more than a cultural curiosity; it is a valuable philosophical and psychological framework for understanding human motivation and life purpose. By integrating meaning, motivation, and happiness, ikigai illustrates how Eastern perspectives can enrich modern psychology. Its theoretical contribution lies in bridging cultural and psychological studies of meaning in life, while its practical relevance is evident in its applications for promoting well-being, resilience, and personal growth. Further research should continue exploring ikigai in cross-cultural contexts, with particular attention to its adaptability in diverse social and psychological settings.

References.

1. Fido, D., Kotera, Y., & Asano, K. (2019). English translation and validation of the Ikigai-9 in a UK sample. International Journal of Mental Health and Addiction, 18(3), 1352–1359. https://doi.org/10.1007/s11469-019-00150-w

2. García, H., & Miralles, F. (2017). Ikigai: The Japanese secret to a long and happy life. New York: Penguin Books.

3. Gordon, R. (2021). The philosophy of Eastern wisdom and its relevance to contemporary life. London: Routledge.

4. Kumano, M. (2018). On the concept of ikigai: Building a bridge between Japanese and Western positive psychology. International Journal of Wellbeing, 8(2), 90–105. https://doi.org/10.5502/ijw.v8i2.734

5. Mathews, G. (1996). What makes life worth living? How Japanese and Americans make sense of their worlds. Berkeley: University of California Press.

6. Schnell, T. (2020). The psychology of meaning in life. Routledge Studies in Human Development. London: Routledge.

7. Sone, T., Nakaya, N., Ohmori, K., Shimazu, T., Higashiguchi, M., Kakizaki, M., … Tsuji, I. (2008). Sense of life worth living (ikigai) and mortality in Japan: Ohsaki study. Psychosomatic Medicine, 70(6), 709–715. https://doi.org/10.1097/PSY.0b013e31817e7e64

8. Takeda, H. (2015). Ikigai and the Japanese art of finding purpose in life. Journal of East Asian Philosophy, 12(1), 45–62.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Баратов Хумоюн Шарифович
(Бухара, Узбекистан)

Аннотация. *В статье рассматриваются психолого-педагогические условия формирования новых педагогических навыков у учителей физической культуры в условиях современных образовательных реформ. Особое внимание уделяется необходимости развития профессиональной гибкости, цифровой грамотности, коммуникативной компетентности и инновационных методик обучения. Выявляются ключевые факторы, влияющие на педагогическое мастерство: мотивация учителя, использование интерактивных технологий, внедрение здоровьесберегающих методов, а также совершенствование индивидуального стиля преподавания. Показано, что развитие новых педагогических навыков способствует повышению качества образования, эффективной организации учебно-тренировочного процесса и формированию устойчивой мотивации учащихся к занятиям физической культурой.*

Ключевые слова: *педагогические навыки, учителя физической культуры, профессиональная компетентность, инновационные технологии, педагогическое мастерство, цифровая грамотность, образовательный процесс.*

Annotation. *This article examines the psychological and pedagogical conditions for the formation of new pedagogical skills among physical education teachers within the context of contemporary educational reforms. Special emphasis is placed on the development of professional flexibility, digital literacy, communicative competence, and innovative teaching methods. The study identifies key factors that influence pedagogical mastery, including teacher motivation, the use of interactive technologies, the implementation of health-preserving strategies, and the enhancement of individual teaching style. It is demonstrated that the development of modern pedagogical skills significantly improves the quality of education, enhances the effectiveness of the instructional and training process, and fosters students' sustained motivation for physical education activities.*

Keywords: *pedagogical skills, physical education teachers, professional competence, innovative technologies, teaching mastery, digital literacy, educational process.*

Введение.

Современная система образования предъявляет к учителям физической культуры новые, более высокие требования, связанные с интенсивным развитием информационных технологий, изменением образовательных стандартов и повышением социальной значимости здорового образа жизни. В условиях динамично развивающегося общества педагогическая деятельность учителя физической культуры уже не ограничивается передачей знаний и формированием двигательных навыков. От него ожидается способность применять инновационные методы обучения, эффективно управлять учебно-тренировочным процессом, учитывать индивидуальные особенности учащихся и создавать мотивационную образовательную среду, способствующую укреплению физического и психологического здоровья школьников.

Необходимость формирования новых педагогических навыков обусловлена тем, что традиционные подходы к преподаванию физической культуры постепенно уступают место личностно-ориентированным, деятельностным и интерактивным

моделям обучения. Современный урок физической культуры требует интеграции цифровых ресурсов, проектных задач, элементов спортивной психологии, а также методов диагностики физического развития и уровня двигательной активности учащихся. В этой связи особую актуальность приобретают профессиональная гибкость педагога, его способность к саморазвитию, обновлению методического инструментария и адаптации к быстро меняющимся образовательным условиям.

Кроме того, учитель физической культуры должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности, умением выстраивать конструктивное взаимодействие с учащимися, родителями и коллегами, а также владеть навыками безопасной организации спортивной деятельности. Все это делает процесс формирования новых педагогических навыков комплексным и многогранным, требующим системного подхода, научно-обоснованных методик и постоянного профессионального роста.

Таким образом, исследование педагогических условий и факторов, влияющих на формирование новых навыков у учителей физической культуры, является важным и своевременным направлением педагогической науки. Оно способствует повышению эффективности образовательного процесса, качеству физического воспитания и общей подготовке учащихся к здоровому, активному и успешному образу жизни.

Анализ литературы. Вопрос формирования новых педагогических навыков у учителей физической культуры широко освещается в трудах зарубежных исследователей, которые подчеркивают необходимость модернизации профессиональной деятельности педагога в условиях стремительного развития технологий, трансформации образовательной среды и роста требований к качеству физического воспитания. Согласно взглядам Д. Хэлстеда (Halstead, 2018), современный учитель физической культуры должен обладать не только методическими знаниями, но и развитой цифровой компетентностью, позволяющей интегрировать интерактивные ресурсы, онлайн-платформы и цифровые измерительные инструменты в учебный процесс. Автор отмечает, что использование цифровых технологий значительно повышает уровень вовлеченности учащихся и способствует формированию индивидуальных траекторий физического развития.

Значительный вклад в изучение педагогического мастерства внес Дж. Рейнольдс (Reynolds, 2020), который утверждает, что основой профессиональной эффективности учителя физической культуры является сочетание педагогических, коммуникативных и психологических компетенций. По его мнению, современные методики преподавания требуют от педагога способности управлять групповой динамикой, мотивировать учащихся и формировать эмоционально безопасную образовательную среду. Рейнольдс подчеркивает важность применения личностно-ориентированного подхода, позволяющего учитывать индивидуальные способности, уровень подготовленности и интересы школьников.

В трудах М. Сарасона (Sarason, 2019) акцент сделан на необходимости развития инновационного мышления педагога. Исследователь указывает, что в условиях глобализации образования учитель физической культуры должен эффективно использовать междисциплинарные подходы, включающие элементы спортивной психологии, физиологии, педагогики и теории коммуникации. Такой комплексный подход обеспечивает высокую вариативность педагогических стратегий и позволяет адаптировать учебный процесс к различным возрастным и физическим особенностям учащихся.

Исследования Л. Хавемана (Haveman, 2021) демонстрируют, что формирование новых педагогических навыков невозможно без постоянного профессионального развития, участия педагога в тренингах, мастер-классах и программах повышения квалификации. Автор подчеркивает, что профессиональная рефлексия, обмен опытом и сотрудничество в педагогических сообществах являются ключевыми механизмами

формирования современного педагогического мастерства. Он также отмечает, что учителя физической культуры, включенные в профессиональные сети, демонстрируют более высокий уровень инновационности и методической гибкости.

С точки зрения теории образовательной мотивации, значимыми являются исследования Э. Деси и Р. Райана (Deci & Ryan, 2017), которые утверждают, что мотивационная поддержка учащихся напрямую связана с компетентностью педагога. Умение учителя создавать условия для проявления автономии, компетентности и внутренних стимулов способствует не только успешному освоению двигательных навыков, но и формированию устойчивого интереса к занятиям физической культурой. Следовательно, формирование новых педагогических навыков у учителей физической культуры включает в себя и развитие эмоционально-мотивационных технологий взаимодействия с учащимися.

Работы К. Кьюбанса и Дж. Кэваны (Cubans & Cavanagh, 2022) раскрывают значимость внедрения здоровьесберегающих технологий в деятельность учителя физической культуры. Авторы утверждают, что педагог должен обладать навыками диагностики физического состояния учащихся, умением подбирать индивидуальные нагрузки, а также компетенциями в области профилактики спортивных травм. Такой подход требует от учителя не только теоретической подготовки, но и высокого уровня практического мастерства.

Таким образом, анализ зарубежной литературы показывает, что формирование новых педагогических навыков у учителей физической культуры рассматривается как многоуровневый, комплексный и непрерывный процесс. Он включает развитие цифровой и коммуникативной компетентности, инновационного мышления, мотивационных стратегий, междисциплинарных подходов и навыков безопасной организации двигательной деятельности. Современные исследования подчеркивают, что именно освоение этих навыков обеспечивает повышение качества физического воспитания, эффективность педагогического взаимодействия и формирование устойчивого интереса учащихся к активному и здоровому образу жизни.

Обсуждение.

Результаты анализа современной научной литературы и практического опыта показывают, что формирование новых педагогических навыков у учителей физической культуры представляет собой сложный и многоплановый процесс, связанный как с технологическими, так и с психолого-педагогическими изменениями в образовательной системе. В условиях стремительной цифровизации школа сталкивается с новым типом педагогической деятельности, в рамках которой учитель физической культуры должен выходить за пределы традиционных методик и активно использовать инновационные подходы, направленные на повышение мотивации учащихся и качества физического воспитания.

Одним из ключевых аспектов обсуждаемой проблемы является необходимость интеграции цифровых инструментов в учебно-тренировочный процесс. Современные исследования подтверждают, что использование мобильных приложений для мониторинга физической активности, интерактивных видеоинструкций, онлайн-тренажеров и виртуальных образовательных платформ способствует расширению педагогических возможностей и индивидуализации обучения. Однако это требует от педагога развитой цифровой грамотности, умения адаптировать технологические ресурсы к возрастным потребностям школьников и к содержанию учебной программы. Таким образом, внедрение цифровых решений не только усиливает профессиональный потенциал учителя, но и повышает ответственность за грамотный и педагогически обоснованный их выбор.

Не менее значимым является формирование коммуникативной и психологической компетентности учителя. Современный педагог физической культуры должен владеть широким спектром стратегий взаимодействия с учащимися, способствовать

формированию позитивного эмоционального климата, учитывать особенности мотивации, уровня тревожности и самооценки школьников. Наличие этих навыков определяет не только эффективность урока, но и отношение учащихся к физической культуре в целом. В условиях роста психоэмоциональной нагрузки на детей педагогические навыки учителя становятся важнейшим инструментом профилактики переутомления, формирования стрессоустойчивости и поддержания интереса к спортивной деятельности.

Особое внимание необходимо уделить инновационному мышлению педагога и его способности к методическому обновлению. Учитель физической культуры должен уметь разрабатывать новые формы занятий, применять игровые и проектные технологии, комбинировать традиционные упражнения с современными программами фитнес-направленности, адаптированными к школьным условиям. Это требует гибкости, креативности и высокой профессиональной рефлексии. Более того, активное участие в профессиональных сообществах, тренингах и программах повышения квалификации оказывается важным фактором профессионального роста и формирования устойчивой готовности к инновациям.

Важным аспектом обсуждения является также способность педагога обеспечивать безопасную организацию двигательной деятельности. Современные подходы требуют от учителя навыков профилактики травматизма, умения дозировать физические нагрузки, проводить мониторинг состояния здоровья учащихся и применять здоровьесберегающие технологии. Это создаёт дополнительные требования к профессиональной компетентности и расширяет спектр педагогических навыков, необходимых для успешной реализации образовательных задач.

Таким образом, обсуждение проблемы позволяет сделать вывод, что формирование новых педагогических навыков у учителей физической культуры связано с необходимостью комплексного преобразования профессионального профиля педагога. Оно предполагает развитие цифровой, психологической, методической и коммуникативной компетентности, а также способности к непрерывному профессиональному развитию. Только сочетание этих условий обеспечивает выполнение современных образовательных требований, способствует повышению качества физического воспитания и формированию у учащихся устойчивой мотивации к активному и здоровому образу жизни.

Заключение.

Таким образом, формирование новых педагогических навыков у учителей физической культуры является ключевым направлением модернизации современного образования. Анализ исследований показывает, что эффективность профессиональной деятельности педагога напрямую зависит от его способности интегрировать инновационные методики, цифровые инструменты, междисциплинарные подходы и психологически обоснованные модели взаимодействия с учащимися. Современный учитель физической культуры должен обладать высоким уровнем коммуникативной, цифровой, методической и мотивационно-психологической компетентности, что позволяет ему создавать безопасную, развивающую и вдохновляющую образовательную среду.

Новые педагогические навыки способствуют повышению качества уроков, индивидуализации физической нагрузки, профилактике травматизма, формированию устойчивого интереса школьников к занятиям спортом и укреплению их физического и эмоционального здоровья. Непрерывное профессиональное развитие, участие в тренингах и образовательных программах, обмен опытом в профессиональных сообществах становятся обязательными условиями успешной педагогической практики.

В целом, формирование современных педагогических компетенций у учителей физической культуры является не только требованием времени, но и важным

фактором повышения эффективности физического воспитания и подготовки учащихся к активному, здоровому и социально ответственному образу жизни.

Список использованной литературы.

1. Быков, В. В. Педагогическая инновация: теория и практика. – Москва: Академия, 2019. – 240 с.
2. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры. – Москва: Физкультура и спорт, 2015. – 544 с.
3. Кузнецов, В. С. Профессиональная компетентность учителя физической культуры. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2020. – 316 с.
4. Холодов, Ж. К., & Кузнецов, В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта. – Москва: Академия, 2016. – 368 с.
5. Сластёнин, В. А., & Чижакова, Г. И. Педагогика: инновационные процессы в образовании. – Москва: Юрайт, 2018. – 415 с.
6. Шиян, Б. М. Педагогические технологии в физическом воспитании школьников. – Киев: Олимпийская литература, 2017. – 280 с.
7. Harvey, S., & Light, R. The Pedagogical Model of Physical Education. – London: Routledge, 2018. – 210 p.
8. Graham, G. Teaching Children Physical Education: Becoming a Master Teacher. – Champaign, IL: Human Kinetics, 2019. – 320 p.
9. Casey, A., Goodyear, V., & Armour, K. Digital Technologies and Learning in Physical Education. – London: Routledge, 2017. – 254 p.
10. Metzler, M. Instructional Models for Physical Education. – New York: Routledge, 2021. – 360 p.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ У ИНСПЕКТОРОВ-ПСИХОЛОГОВ

Суюнов Миржалол Хужамкул угли
Независимый исследователь Каршинский государственный университет

Аннотация. *В данной статье проводится научно-теоретический анализ социально-психологических факторов профессионального стресса и эмоционального напряжения, возникающих в деятельности инспекторов-психологов. Также рассматриваются причины возникновения стресса, его влияние на профессиональную деятельность личности, синдром эмоционального истощения и процессы профессионального выгорания (burnout). На основе результатов исследования разработаны рекомендации, направленные на снижение уровня стресса и повышение психологической устойчивости специалистов.*

Ключевые слова: *профессиональный стресс, эмоциональное напряжение, инспектор-психолог, выгорание (burnout), психологическая устойчивость, социальные факторы, профессиональная деятельность.*

Abstract. *This article provides a scientific and theoretical analysis of the socio-psychological factors of occupational stress and emotional strain arising in the professional activity of inspector-psychologists. It also examines the causes of stress, its impact on individual professional performance, emotional exhaustion syndrome, and the processes of*

professional burnout. Based on the research findings, recommendations aimed at reducing stress levels and enhancing psychological resilience are proposed.

Key words: *occupational stress, emotional strain, inspector-psychologist, burnout, psychological resilience, social factors, professional activity.*

Введение.В условиях глобализации и нарастающей сложности социально-психологических процессов в обществе существенно возрастает значимость профессий, ориентированных на человеческий фактор. В частности, деятельность инспекторов-психологов, непосредственно связанная с изучением психического состояния личности, её поведения и процессов социальной адаптации, требует высокого уровня ответственности, оперативности и психологической устойчивости. В данном виде профессиональной деятельности решающую роль играют не только профессиональные знания и навыки, но и эмоциональная устойчивость, а также способность к адаптации в стрессовых условиях. В современной психологической науке феномен профессионального стресса рассматривается как сложное психофизиологическое состояние, возникающее вследствие несоответствия между требованиями деятельности и ресурсами личности. В деятельности инспекторов-психологов данный процесс проявляется более выраженно, что обусловлено постоянным взаимодействием с конфликтными ситуациями, сложными социальными проблемами, лицами с девиантным поведением, а также высоким уровнем ответственности. В результате подобные условия способствуют накоплению эмоционального напряжения, развитию психического истощения и снижению эффективности профессиональной деятельности.

Следует особо подчеркнуть, что стресс, наблюдаемый у инспекторов-психологов, не сводится к обычному психологическому давлению, а представляет собой системное социально-психологическое явление. С одной стороны, он обусловлен внешними факторами, такими как рабочая нагрузка, организационная среда, социальное давление и нормативные требования; с другой - определяется индивидуально-личностными характеристиками, включая темперамент, мотивацию, уровень профессиональной идентификации и эмоциональный интеллект. Таким образом, профессиональный стресс целесообразно рассматривать не как сугубо индивидуальную проблему, а как результат взаимодействия личности и социальной среды. Современные исследования свидетельствуют о том, что у специалистов, работающих в системе психологической службы, риск развития синдрома эмоционального выгорания (burnout) выше по сравнению с представителями многих других профессий. Это объясняется постоянным взаимодействием с человеческими проблемами, высокой степенью эмпатического вовлечения и ограниченностью психологических ресурсов. При отсутствии своевременной диагностики и управления данным процессом он может оказывать негативное влияние не только на профессиональную деятельность специалиста, но и на его личную жизнь и общее психическое здоровье. Актуальность рассматриваемой проблемы усиливается тем, что деятельность инспекторов-психологов нередко осуществляется в условиях неопределённости и экстремальности. В подобных ситуациях необходимость принятия оперативных решений, высокая вероятность ошибок и значительный уровень ответственности существенно повышают уровень психологического напряжения. В связи с этим глубокое изучение механизмов возникновения стресса, его социально-психологических факторов и последствий приобретает важное научное и практическое значение.

Целью данного исследования является выявление социально-психологических факторов профессионального стресса и эмоционального напряжения у инспекторов-психологов, научный анализ их влияния на профессиональную деятельность, а также разработка эффективных подходов к снижению стрессовой нагрузки.

Анализ литературы: Проблема профессионального стресса и эмоционального напряжения в психологической науке рассматривается как многомерное и комплексное явление. Особенно в профессиональной деятельности, основанной на непосредственном взаимодействии с человеком, данный процесс формируется в результате сложного взаимодействия личности и социальной среды. Деятельность инспекторов-психологов относится именно к таким видам профессий, в которых механизмы возникновения стресса обусловлены не только индивидуально-психологическими особенностями, но и тесно связаны с организационными и социальными факторами. Теоретические основы изучения профессионального стресса восходят к концепции общего адаптационного синдрома Г. Селье. Согласно данному подходу, стресс представляет собой адаптационную реакцию организма на внешние и внутренние воздействия и протекает в трёх стадиях: тревоги (alarm), сопротивления (resistance) и истощения (exhaustion). Данная модель имеет особую актуальность в контексте деятельности инспекторов-психологов, поскольку длительное воздействие психологического напряжения может приводить к третьей стадии - эмоциональному и психическому истощению. Значительный вклад в понимание природы стресса внес когнитивный подход. В соответствии с теорией когнитивной оценки стресса, разработанной Р. Лазарусом и С. Фолкман, возникновение стресса определяется не столько объективными характеристиками ситуации, сколько тем, как индивид её воспринимает и интерпретирует. Данный подход является принципиально важным для анализа деятельности инспекторов-психологов, поскольку даже в идентичных условиях труда различные специалисты могут демонстрировать различный уровень стрессовой реакции. Следовательно, уровень стресса определяется не только внешними факторами, но и внутренними ресурсами личности и механизмами когнитивной оценки.

Проблематика профессионального напряжения и эмоционального выгорания получила глубокое теоретическое обоснование в работах К. Маслач, которая рассматривает синдром «burnout» как трёхкомпонентную структуру, включающую эмоциональное истощение, деперсонализацию и снижение чувства личных достижений. Данная модель в полной мере применима к деятельности инспекторов-психологов, поскольку их профессиональная деятельность связана с постоянным вовлечением в проблемы других людей и значительными затратами эмоциональных ресурсов. В результате формируется феномен эмпатического истощения, проявляющийся в виде эмоциональной дистанцированности, холодности или безразличия по отношению к клиентам.

Важным теоретическим основанием для анализа взаимодействия личности и среды является полевая теория К. Левина, согласно которой поведение человека определяется совокупным влиянием внутренних психологических характеристик и внешней социальной среды. В контексте профессиональной деятельности инспекторов-психологов стресс также выступает как результат данного взаимодействия: с одной стороны, он обусловлен сложностью и напряжённостью профессиональной среды, с другой - уровнем индивидуальной психологической устойчивости личности. Роль стресса в процессе профессионального развития была также проанализирована в трудах Е.А. Климова и Е.Ф. Зеера. Согласно их подходу, профессиональное становление личности проходит через ряд этапов, каждый из которых сопровождается специфическими психологическими трудностями. При отсутствии конструктивных способов их преодоления данные трудности трансформируются в стрессовые факторы и могут приводить к профессиональной деформации. В деятельности инспекторов-психологов данный процесс может протекать более интенсивно вследствие высокой эмоциональной нагрузки. Современные исследования демонстрируют усиление тенденции к рассмотрению стресса как социально-психологического феномена. В рамках данного подхода

профессиональный стресс интерпретируется не только как индивидуальная проблема, но и как результат влияния организационной культуры, социально-психологического климата коллектива, характера взаимодействия с руководством и уровня социальной поддержки. С этой точки зрения усиление эмоционального напряжения у инспекторов-психологов часто обусловлено такими социальными факторами, как неопределённость профессиональной среды, ролевые конфликты и профессиональная изоляция. Особое значение в контексте данной проблемы приобретает концепция эмоционального интеллекта, разработанная П. Саловеем и Дж. Майером. Согласно данной теории, способность личности осознавать, регулировать собственные эмоции и адекватно интерпретировать эмоциональные состояния других людей выступает важным ресурсом стрессоустойчивости. Следовательно, инспекторы-психологи с высоким уровнем эмоционального интеллекта демонстрируют более высокую устойчивость к стрессовым воздействиям и более эффективные стратегии совладания.

Таким образом, анализ представленных теоретических подходов позволяет сделать вывод о том, что профессиональный стресс и эмоциональное напряжение у инспекторов-психологов носят многокомпонентный и системный характер. Их интерпретация в рамках одной теоретической модели является недостаточной. Напротив, интеграция биологических, когнитивных, социально-психологических и личностных подходов обеспечивает более глубокое и комплексное понимание данного феномена.

Анализ и результаты: В рамках данного исследования эмпирически изучались уровень профессионального стресса и эмоционального напряжения у инспекторов-психологов, а также их взаимосвязь с социально-психологическими факторами. Анализ профессиональной деятельности респондентов показал, что у значительной части из них наблюдается различная степень психологического напряжения, что обусловлено спецификой и сложностью их профессиональной деятельности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у существенной доли респондентов фиксируется средний и высокий уровень профессионального стресса. В качестве ключевых детерминант выступают чрезмерная рабочая нагрузка, дефицит времени и необходимость принятия оперативных решений. Кроме того, установлено, что постоянное взаимодействие с проблемами других людей приводит к ускоренному истощению эмоциональных ресурсов специалистов. Анализ структурных компонентов эмоционального напряжения выявил наличие значимых различий. В частности, показатель эмоционального истощения оказался более выраженным по сравнению с другими компонентами. Это указывает на высокий уровень эмпатической вовлечённости инспекторов-психологов и ускоренное снижение их внутренних психологических ресурсов. Несмотря на относительно более низкие показатели деперсонализации, у части респондентов были выявлены тенденции к эмоциональной дистанцированности и снижению уровня вовлечённости в межличностное взаимодействие. Анализ компонента личных достижений показал, что значительная часть специалистов склонна занижать оценку собственной профессиональной эффективности. Данная тенденция может приводить к снижению профессиональной мотивации и уровня внутренней удовлетворённости деятельностью. Таким образом, стресс проявляется не только через эмоциональное истощение, но и через трансформацию системы самооценки личности.

В ходе исследования также был проведён анализ влияния социальных факторов на уровень стресса. Результаты показали, что низкий уровень социальной поддержки, недостаточно сформированный социально-психологический климат в коллективе, а также трудности в коммуникации с руководством выступают в качестве значимых стрессогенных факторов. В то же время в условиях развитого командного взаимодействия и благоприятной психологической атмосферы уровень стресса у специалистов был существенно ниже. Анализ индивидуальных факторов показал, что

у инспекторов-психологов с небольшим стажем профессиональной деятельности уровень стресса выше, что связано с недостаточной сформированностью механизмов профессиональной адаптации. В свою очередь, более опытные специалисты демонстрируют более развитые стратегии совладания со стрессом и более высокую эффективность адаптации к сложным профессиональным ситуациям.

Дополнительно установлена обратная взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и показателями стресса: респонденты с более высоким уровнем эмоционального интеллекта характеризуются более низким уровнем профессионального стресса и эмоционального напряжения. Это подтверждает, что способность к осознанию и регуляции собственных эмоций является важным фактором обеспечения профессиональной устойчивости.

Обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что профессиональный стресс и эмоциональное напряжение у инспекторов-психологов представляют собой многофакторное системное явление, обусловленное не только особенностями профессиональной деятельности, но и индивидуально-психологическими характеристиками личности, а также социально-организационными условиями её функционирования.

Заключение: Результаты проведённого исследования подтверждают, что профессиональный стресс и эмоциональное напряжение у инспекторов-психологов представляют собой сложное, многофакторное социально-психологическое явление. Анализ показал, что данные состояния обусловлены не только индивидуально-психологическими особенностями личности, но и в значительной степени зависят от организационных условий, социальной среды и специфики профессиональной деятельности.

Установлено, что ключевыми факторами формирования профессионального стресса у инспекторов-психологов являются чрезмерная рабочая нагрузка, ограниченность временных ресурсов, высокий уровень ответственности, а также необходимость функционирования в сложных и зачастую неопределённых социальных ситуациях. При этом постоянное взаимодействие с проблемами других людей приводит к снижению эмоциональных ресурсов специалистов и усилению эмоционального истощения.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что в структуре эмоционального напряжения доминирующее положение занимает компонент эмоционального истощения, что обусловлено высокой степенью эмпатической вовлечённости специалистов. Наряду с этим в отдельных случаях фиксируются признаки деперсонализации и снижения профессиональной удовлетворённости, что может рассматриваться как фактор риска формирования профессиональной деформации.

Выявлено, что социальные факторы - социально-психологический климат в коллективе, характер взаимодействия с руководством и уровень социальной поддержки - выступают значимыми детерминантами как усиления, так и снижения уровня стресса. Анализ индивидуальных факторов показал, что уровень эмоционального интеллекта и профессиональный опыт являются важными ресурсами стрессоустойчивости.

В целом результаты исследования обосновывают необходимость комплексного и системного подхода к профилактике профессионального стресса и эмоционального напряжения у инспекторов-психологов. Решение данной проблемы должно осуществляться не только на индивидуальном уровне, но и в рамках организационной и социальной политики.

Рекомендации

На основе полученных результатов предлагаются следующие научно-практические рекомендации:

1. Организация программ управления профессиональным стрессом. Регулярное проведение специализированных психологических тренингов, направленных на диагностику, профилактику и снижение уровня стресса у инспекторов-психологов.
2. Развитие эмоционального интеллекта. Внедрение программ, способствующих развитию навыков саморегуляции, эмпатии и социальных компетенций, что позволит повысить стрессоустойчивость специалистов.
3. Оптимизация рабочей нагрузки. Обеспечение баланса между объёмом профессиональных задач и временными ресурсами как важного условия снижения стрессовой нагрузки.
4. Формирование системы психологической поддержки. Развитие практик супервизии, интервизии и профессиональной психологической помощи для обеспечения эмоциональной устойчивости специалистов.
5. Развитие благоприятного социально-психологического климата. Создание условий для эффективного взаимодействия, взаимного уважения и поддержки в профессиональном коллективе как ключевого фактора профилактики стресса.

Список литературы.

1. Akbaraliyeva, N. Судебная психология и психологическая экспертиза: правовые и практические основы / N. Akbaraliyeva, D. Abilkasimova. - Ташкент : Издательство Национального университета Узбекистана, 2020.
2. Xamrayeva, S. Психологическая служба и личностное развитие в правоохранительных органах / S. Xamrayeva, B. Avezov. - Ташкент : Издательство Академии Министерства внутренних дел, 2021.
3. Qilichova, X. Социальные функции социально-психологической службы / X. Qilichova, O. Tulebayeva // OpenScience Journal. - 2022. - Т. 3, № 10. - С. 45–57.
4. Ne’matov, A. Семь направлений психологической службы и их применение в правоохранительных органах / A. Ne’matov, Sh. Mustafayev, D. O‘ktamov // International Journal of Social Studies. - 2025. - Т. 5, № 2. - С. 112–128.
5. Dossybekov, N. Psychological foundations of communication in operational and investigative activities of law enforcement agencies / N. Dossybekov, Y. Abilezov // Physics and Social Sciences Journal. - 2024. - Vol. 55. - P. 75–89.
6. Professional stress in law enforcement personnel: psychological support and intervention strategies [Электронный ресурс] // PubMed. - 2023. - URL: [maqolaning to'liq havolasini shu yerga qo'ying] (дата обращения: 15.09.2026).
7. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел и методы управления стрессом // Педагогическое мастерство / Бухарский государственный университет (БухДУ). - 2025. - № 10. - С. 34–52.

CAUSES OF JUVENILE DE LINQUENCY

Allaberganov Ikhtiyor Bakhtiyorovich
Abu Rayhan Beruni Urgench State University
Independent researcher

Abstract*:This article analyzes the main social, psychological, and pedagogical factors in the formation of criminal behavior among minors. The study examines internal factors such as psychological and age-related characteristics of individuals, as well as external causes of juvenile delinquency, including family environment, peer influence, subculture, and social conditions. The leading role of the family institution in personality formation and*

the negative impact of improper upbringing methods on the behavior of minors are scientifically substantiated.

***Keywords**:minors, crime, antisocial behavior, deviant behavior, family upbringing, peer environment, subculture, psychological factors, prevention, resocialization.*

***Аннотация.** В данной статье анализируются основные социальные, психологические и педагогические факторы формирования преступного поведения у несовершеннолетних. В исследовании рассматриваются внутренние факторы, такие как психологические и возрастные особенности личности, а также внешние причины подростковой преступности, включая семейную среду, влияние сверстников, субкультуру и социальные условия. Научно обоснована ведущая роль института семьи в формировании личности, а также негативное влияние неправильных методов воспитания на поведение несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, преступность, антисоциальное поведение, девиантное поведение, семейное воспитание, среда сверстников, субкультура, психологические факторы, профилактика, ресоциализация.*

Introduction:In today's globalized world, the issue of preventing antisocial and criminal behaviors among minors is considered one of the most pressing problems not only in criminology and jurisprudence but also in pedagogy, psychology, and social policy. Minors are regarded as the most vulnerable and protection-needing segment of society, and deficiencies in their socialization process directly impact the overall crime rate in the future. For this reason, conducting a thorough analysis of the causes and conditions of juvenile delinquency and developing scientifically-based preventive measures have become one of the priority directions of state policy.

The protection of minors' rights and ensuring their healthy development in the Republic of Uzbekistan are founded on a solid legal and regulatory framework. Specifically, the Constitution of the Republic of Uzbekistan enshrines the principle of prioritizing children's interests, while the Law "On Guarantees of the Rights of the Child" establishes the main mechanisms for safeguarding the rights and freedoms of minors. Furthermore, the Law "On the Prevention of Neglect and Delinquency among Minors" legally regulates important aspects of state policy in this sphere [1].

In recent years, the President of the Republic of Uzbekistan has issued decrees and resolutions on developing youth policy, preventing crime, and improving the social environment. Particular emphasis is placed on forming a system of youth engagement that is closely intertwined with mahallas, educational institutions, and families. These documents reaffirm the relevance of scientific research aimed at identifying and addressing the root causes of juvenile delinquency[2,4].

Psychological research shows that age-specific mental characteristics of minors - such as emotional instability, maximalism, and high susceptibility to influence - increase the risk of committing crimes. Furthermore, the inadequate development of the system aimed at rehabilitating offenders is a significant factor in repeat offenses.

Minors constitute a distinct group of the population. Due to their more impressionable psychological state, they are more susceptible to external influences compared to representatives of other demographic groups. Some of them have embarked on the path of crime, becoming a potential source of "adult" criminals. In 2022, a quarter of crimes were committed by or with the participation of minors. This situation, as well as the fact that the level of juvenile delinquency predetermines the overall crime rate for several years in advance, demonstrates that the problem of juvenile delinquency remains relevant. It requires the study and development of preventive measures using various research methods, particularly analytical ones.

Minors are the future of any country. Understanding the reasons for their involvement in crime is crucial for the well-being of society and the state. The involvement of minors in

criminal activity occurs under the influence of various causes and factors. These factors can be divided into general and specific types: general factors are inherent in the formation of crime as a social phenomenon, while specific factors are unique to shaping the criminal behavior of the studied group, i.e., minors. It is advisable to divide specific factors into two groups: external and internal causes.

Internal causes include: the desire for self-affirmation; an innate tendency towards aggression (including due to a psyche more sensitive to external influences); the absence of formed moral views and principles. Additionally, this includes maximalism, unstable self-esteem, a striving for independence, lack of life experience, and high impressionability. These are reasons directly related to the minor's personality.

External causes include: the negative influence of the immediate environment, especially the family; peculiarities of upbringing, i.e., excessively harsh, violent or, conversely, overly indulgent parenting methods; the influence of subcultures; experiences in special institutions; conflicts; and family problems. These are reasons related to the influence of the external environment on the minor.

It is also necessary to pay attention to the conditions that contribute to the formation of criminal behavior. These primarily include factors such as the lack of opportunities for meaningful leisure activities, the negative influence of mass media, and the weak educational impact of schools. Emphasizing the conditions for the formation of criminal behavior is necessary to distinguish them more clearly from causes, as some of them might be initially misinterpreted as causes.

Both lists are incomplete; they present the most important reasons for the formation of delinquent behavior from the author's perspective.

It is also important to keep in mind the interconnectedness of the group of causes. For example, "negative experiences in dealings with state bodies" can be cited as a reason for turning to crime. Although such an experience relates to external influence, it leads to the formation of negative deviant behavior only through the individual's internal views. This manifests, for instance, in the use of illegal, alternative methods of problem-solving.

Providing this example does not imply that there are no other reasons.

They are not "independent" of each other. Criminal behavior is formed under the influence of numerous external and internal factors, but the impact of certain reasons (particularly those highlighted by the author) on a minor is quite strong, thus requiring special attention.

Some of the aforementioned reasons should be examined in more detail. It should be noted that this article primarily focuses on a group of causes that constitute the most extreme form of antisocial behavior - specific factors contributing to the formation of criminality, as they are decisive in relation to the issue under consideration.

First and foremost, it is crucial to study the influence of the family as the primary social institution, since it is within the family that fundamental moral values and behavioral norms are formed. The family exerts a decisive influence on the initial development of an individual. Parental behavior and child-rearing methods are among the leading factors in personality formation, as the main process of socialization occurs within the family environment. The immediate surroundings - the family - have a strong impact on a child who has not yet fully internalized positive social influences. Therefore, it is necessary to conduct a deeper analysis of the multifaceted influence of the family.

Literature review:It should be emphasized that the main function of the family is upbringing. Since upbringing is a purposeful process aimed at forming the basic concepts of behavioral norms and rules in a minor, its characteristics determine the accuracy of perception and the effectiveness of assimilation of fundamental norms and rules.

There are two most detrimental types of upbringing: violence and neglect.

The authoritarian style of upbringing, characterized by constant pressure on the child and strict control over all their actions, especially during the "transition period," intensifies

the adolescent's desire for freedom, creating an atmosphere of lost independence, anger, and cruelty. When combined with teenage maximalism, this can lead a minor to run away from home and often join the ranks of neglected children who commit crimes for various reasons. Crime can be the result of a "teenage rebellion," that is, an attempt to escape authoritarian upbringing. The violent nature of such crimes cannot be ruled out, for example, physical resistance against parents (especially when physical punishment is used in upbringing). Regarding the use of physical force in child-rearing, it should be emphasized that such methods have a profoundly negative impact on the formation of a child's personality.

The complete opposite, yet with similar consequences, is a type of upbringing where any misconduct of the child is forgiven, and they are not held accountable for their actions. This approach to upbringing leads to the development of feelings of impunity and self-will. This, in turn, can result in a lack of fear of punishment for committing socially dangerous acts and insufficient understanding of the harmfulness of one's actions.

Undoubtedly, the influence of the family is not limited to educational impact alone. The behavior of parents, closely intertwined with their attitude towards children, also plays a significant role (it is not appropriate to consider parental behavior outside of this interconnection).

The interaction between parental behavior and their attitude towards children can be examined through an example provided in V.N. Kudryavtsev's lectures. Two scenarios need to be analyzed. First scenario: a situation where parents' behavior is assessed as positive, but their attitude towards children is negative. The conclusion drawn from this is that children are more likely to exhibit negative behavior. The second scenario demonstrates the opposite: although parents' behavior is negative (for example, alcoholism), their attitude towards children is described as positive. In this case, children are more likely to demonstrate positive behavior in the future. As evident from this example, the parents' attitude towards their children has a greater influence on the children's subsequent behavior than the parents' own actions. This phenomenon is explained by the emotional bond between children and parents[5].

The issue of "neglecting children" is also included among the problems of upbringing and attitudes towards children. This often occurs for valid reasons: parents spend a lot of time at work to provide the family with all necessities. This factor particularly affects large families, as such families require substantial financial resources to ensure a decent standard of living. However, as a result, the educational influence is significantly diminished or insufficient. The situation can be further complicated by a poorly thought-out approach to having first and subsequent children. In such cases, factors of financial and psychological preparedness are not taken into account, which can lead to the emergence of the problem under consideration.

The next external reason is directly related to the aforementioned attitude towards children - financial difficulties. Economic reasons are among the general factors in the formation of criminal behavior. However, since most minors are not financially independent, this factor has some peculiarities, primarily related to the financial situation of the family. A difficult financial situation can motivate anyone to commit a crime. As for minors, those whose parents blame them for financial difficulties are more prone to committing crimes. The maximalism characteristic of juveniles, especially adolescents,

This may compel them to commit crimes as an easier and faster way to earn money.

The influence of family plays a significant role in the formation of criminal behavior, but it is not the sole reason.

Next, the psychological characteristics as a cause for the commission of crimes by minors are analyzed. These can be divided into two types: mental anomalies and age-related psychological features.

Before examining the specific characteristics of the psyche, it is necessary to consider the role of heredity in the formation of criminal behavior. In this case, biological influence is limited to the range of various innate mental deviations and inherited psychological traits.

When discussing the specific characteristics of the psyche, it is necessary to begin with mental anomalies. Mental anomalies refer to negative deviations from the conventionally normal state of the psyche. In an abnormal state of the psyche, a person cannot fully or partially control their actions. Armed attacks on educational institutions, specifically school shootings, are a vivid example of crimes committed as a result of mental disorders. The perpetration of such crimes is caused by the interaction of several factors, including low self-esteem, a sense of superiority over others, imitation, and the psychological characteristics mentioned above. School shootings are one of the most dangerous manifestations of juvenile delinquency associated with mental anomalies, as they lead to a large number of victims (which is directly related to the fact that most school shootings are committed by minors). Furthermore, today we are witnessing the formation of a subculture that creates conditions for the commission of new similar crimes by approving or justifying such actions.

Age-related psychological characteristics of minors include high susceptibility to influence, dependence on others, and emotional vulnerability. Irritability and impulsiveness, characteristic of some minors, can lead to the commission of crimes due to carelessness. Due to their high susceptibility, they can easily fall under the influence of adult criminals and be drawn into committing socially dangerous acts.

The following characteristics of minors contribute to increasing the influence of adult offenders: the desire for independence; issues with low self-esteem, resulting in a need for self-affirmation; a tendency to imitate; and lack of life experience. Committing a crime may result in a minor being placed in specialized institutions, including juvenile correctional facilities. Here, minors are influenced by "experienced" offenders, and strict rules and criminal subculture prevail. This situation reinforces the individual's unlawful views and reduces their chances of rehabilitation. Moreover, due to the peculiarities of minors' psychology, the negative influence intensifies, which often leads to conflicts.

B.I. Ismoilovwhile analyzing the socio-legal aspects of juvenile delinquency, substantiates that weak parental control, indifference, and lack of proper upbringing are among the main reasons for committing crimes. The scholar emphasizes the necessity of strengthening individual preventive measures when working with minors [6]. A.A. Qodirov'sscientific research thoroughly analyzes the impact of family upbringing methods on adolescent behavior. In his opinion, authoritarian (despotic) upbringing intensifies discontent and aggression in minors, while negligent upbringing fosters a sense of impunity, which leads to the development of antisocial behavior [7]. M.Sh. Usmonovastudying the psychology of deviant behavior, scientifically proves that maximalism, emotional instability, and high susceptibility characteristic of adolescence are internal factors that increase the propensity to commit crimes [8]. S.B. Rakhmonovin his research on the prevention of juvenile delinquency, points out the insufficient cooperation between educational institutions, mahallas, and law enforcement agencies as a serious problem. According to the scholar, the absence of systematic collaboration reduces the effectiveness of preventive work [9].

To study the impact and causes of conflicts, it is necessary to consider the following example provided by Professor A.P. Nekrasov. After the closure of the Zhiguliyev educational colony, the individuals serving sentences there were transferred to other institutions. There, they were subjected to psychological and physical violence by inmates who had previously been in these educational institutions [10]. This example demonstrates the formation of a unique value system in juvenile correctional colonies that integrates minors into the criminal environment. Many repeat offenders committed their crimes before reaching adulthood.

At the same time, the insufficient development of the prisoner rehabilitation system in the Republic of Uzbekistan is a serious problem. Although re-socialization is an important condition for the rehabilitation of juvenile offenders, especially due to their strong dependence on public opinion, this system is not adequately developed. The underdevelopment of the reintegration system increases the likelihood of convicts continuing a criminal lifestyle. It should be noted that recently the number of educational colonies has decreased, and the methods of educational influence on juvenile offenders have also changed. These changes are expected to have a positive impact on their rehabilitation process [11].

Educational institutions were discussed above. An important question arises in understanding the role of subcultural influence - how does the influence of subculture contribute to the formation of an individual's anti-social views? First and foremost, this is related to a minor's tendency to imitate an exemplary group. The desire to become part of a criminal subculture is associated with the romanticization of the criminal world and stereotypes about the comfortable and easy life of criminals. Therefore, in the absence or insufficiency of preventive measures, a minor commits their first crime due to a lack of full awareness of the harmfulness and consequences of their actions, as well as the desire to become a full-fledged member of their preferred social group that demands an antisocial lifestyle. Individuals directly associated with similar subcultures are more susceptible to the influence of destructive subcultures. Additionally, adult criminals may exert targeted influence on minors to involve them in committing crimes.

With this, we can conclude our examination of the main causes of juvenile delinquency. It should be noted that all these factors have a significant influence on the formation of anti-social views in minors. While singling out the most important among them is somewhat arbitrary, it is necessary for the proper organization of preventive policies. To determine the leading cause, a survey was conducted among individuals aged 14 to 19 years. Respondents had to choose the most important of four factors influencing the formation of criminal behavior. These were: family influence, the influence of destructive subcultures, peer influence, and the influence of the adult environment outside the family. Peer influence emerged as the leading factor (46% of respondents). Family influence ranked second - 36% of respondents. The influence of subcultures and the non-family adult environment accounted for 10% and 8%, respectively. This indicates that minors and those who have recently reached adulthood believe that their behavior is more influenced by peers than by family. It is difficult to disagree with this, since during the maturation process they spend more time outside the family; certain social groups of peers become objects of aspiration and imitation; the behavior of friends has a significant influence on the minor. However, this does not negate the primary role of the family in shaping the minor. Aspects of family influence were discussed above, but it should be noted that the presence of trusting relationships in the family significantly reduces the possible negative influence of peers. Moreover, the positive influence of peers can mitigate destructive effects within the family.

Conclusion:The following should be emphasized in the conclusion. The analysis of the causes examined in the study is incomplete; these causes, as well as those not taken into account, require additional study based on empirical data. The results of the study can be used in the practical activities of government bodies, including when making changes to social policy.

References

1. Constitution of the Republic of Uzbekistan**.** - Tashkent, 2023. - Pp. 98-102.

2. Law of the Republic of Uzbekistan "On Guarantees of the Rights of the Child." - Tashkent, 2008 (2023 edition). - Pp. 6-18.

3. Law of the Republic of Uzbekistan "On the Prevention of Neglect and Offenses among Minors." - Tashkent, 2010. - Pp. 3-15.
4. Mirziyoyev Sh.M. On Measures to Increase the Effectiveness of Work with Youth and Prevent Crime: Decree No. PF-6260. - Tashkent, 2021. - Pp. 1-4.
5. Kudryavtsev V.N. Criminology: Lecture Course. - Moscow, 2016. - Pp. 112-118.
6. Ismoilov B.I**.** Socio-legal problems of juvenile delinquency. - Tashkent: TSUL Publishing House, 2019. - Pp. 45-67.
7. Qodirov A.A. The Influence of the Family Environment on the Behavior of Minors // Law and Society. - 2020. - No. 3. - Pp. 56-61.
8. Usmonova M.Sh**.** Psychology of Deviant Behavior. - Tashkent: Fan, 2018. - Pp. 72-89.
9.Rakhmonov S.B. Issues of preventing offenses among minors // Bulletin of Legal Sciences. - 2021. - No. 2. - pp. 33-38.
10. Nekrasov A.P. The educational process and the problem of conflicts in juvenile correctional facilities. - Moscow, 2015. - pp. 94-101.
11.Abdullayeva D.R. Factors of aggressiveness and predisposition to crime in adolescence // Problems of Psychology. - Tashkent, 2022. - No. 1. - pp. 41-47.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Шукурлаев Улуғбек Жамолович
Исследователь Бухарского международного университета
E-mail: shukurlayev@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматривается роль эмоциональной устойчивости в профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел. Анализируются психологические особенности адаптации к служебной деятельности, связанной с высокой ответственностью, эмоциональными нагрузками и стрессовыми ситуациями. Раскрывается значение эмоциональной саморегуляции, сохранения психологического равновесия и конструктивного преодоления профессиональных трудностей. Особое внимание уделяется психологическому сопровождению сотрудников и развитию эмоциональной устойчивости как ресурса успешного освоения профессиональных требований.*

Ключевые слова: *эмоциональная устойчивость, профессиональная адаптация, сотрудники органов внутренних дел, эмоциональная саморегуляция, стрессоустойчивость, служебная деятельность, психологическое сопровождение.*

Abstract. *This article examines the role of emotional stability in the professional adaptation of law enforcement officers. It analyzes the psychological aspects of adjustment to service duties involving high levels of responsibility, emotional demands, and stressful situations. The article explores the importance of emotional self-regulation, maintaining psychological balance, and coping constructively with professional challenges. Particular attention is paid to psychological support for officers and the development of emotional stability as a resource for successful adjustment to professional requirements.*

Keywords: *emotional stability, professional adaptation, law enforcement officers, emotional self-regulation, stress resilience, service duties, psychological support.*

Введение. Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел предполагает высокую ответственность за принимаемые решения, интенсивное взаимодействие с гражданами и необходимость действовать в условиях неопределённости. Выполнение служебных задач нередко сопровождается эмоциональным напряжением, дефицитом времени и возникновением конфликтных ситуаций. В этих условиях профессиональная адаптация приобретает особое значение, поскольку от её успешности зависят освоение служебных обязанностей, включение в коллектив и сохранение психологического благополучия сотрудника.

Профессиональная адаптация представляет собой динамический процесс согласования индивидуальных возможностей сотрудника с требованиями служебной деятельности и организационной среды. Она включает освоение профессиональных норм, развитие необходимых навыков, установление рабочих отношений и формирование способов преодоления служебных трудностей. При этом адаптация определяется не только уровнем профессиональной подготовки, но и психологическими ресурсами личности, среди которых существенное место занимает эмоциональная устойчивость.

Эмоциональная устойчивость рассматривается как способность сохранять психологическое равновесие и целенаправленно регулировать своё поведение при воздействии эмоционально напряжённых обстоятельств. Она не предполагает отсутствия эмоциональных переживаний, а выражается в способности осознавать их, управлять своими реакциями и поддерживать качество выполнения профессиональных задач. Для сотрудников органов внутренних дел данный ресурс особенно значим в ситуациях, требующих выдержки, оперативной оценки обстановки и соблюдения профессионально-этических норм.

Недостаточная эмоциональная устойчивость может затруднять приспособление к служебным требованиям, усиливать субъективное переживание профессиональных трудностей и осложнять межличностное взаимодействие. Вместе с тем связь эмоциональной устойчивости и адаптации следует рассматривать как взаимную: благоприятные условия службы, поддержка руководства и коллектива могут способствовать укреплению эмоциональной саморегуляции. Поэтому изучение данного вопроса требует учёта как индивидуальных особенностей сотрудников, так и организационных условий их деятельности.

Цель статьи — теоретически проанализировать роль эмоциональной устойчивости как фактора профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел. Для достижения поставленной цели рассматриваются психологическое содержание указанных понятий, возможные механизмы их взаимосвязи и направления психологического сопровождения, способствующие успешной адаптации сотрудников к условиям службы.

Обзор литературы. Изучение эмоциональной устойчивости как фактора профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел предполагает обращение к исследованиям эмоциональной регуляции, совладающего поведения и психологических ресурсов личности. Данные направления позволяют рассматривать адаптацию как процесс взаимодействия сотрудника с профессиональной средой, в котором существенную роль играют оценка служебных требований и способы управления эмоциональными переживаниями.

Важное теоретическое значение имеет модель эмоциональной регуляции Дж. Гросса. Автор разграничивает стратегии, применяемые на различных этапах возникновения и развития эмоциональной реакции. Особое место занимают когнитивная переоценка ситуации и подавление внешнего выражения эмоций. Экспериментальные исследования показывают, что эти стратегии имеют различные последствия для эмоционального переживания, поведения и физиологического реагирования. Применительно к служебной деятельности такой подход позволяет

различать внешнюю сдержанность сотрудника и способность эффективно регулировать своё внутреннее состояние.

Другим значимым направлением выступает изучение когнитивной оценки и совладающего поведения. В исследовании «Appraisals, emotions and emotion regulation: An integrative approach», объединяющем положения подходов Р. Лазаруса, С. Фолкман и Дж. Гросса, анализируются связи между оценкой стрессовой ситуации, возникающими эмоциями и способами их регуляции. Для рассматриваемой темы данный подход позволяет предположить, что адаптация сотрудника зависит не только от сложности служебных обстоятельств, но и от того, как он оценивает их управляемость и собственные возможности справиться с предъявляемыми требованиями. Последнее положение представляет собой теоретическую интерпретацию применительно к деятельности органов внутренних дел.

Прикладное значение имеют исследования психологической подготовки сотрудников полиции. В работе «The Impact of Mindfulness Training on Police Officer Stress, Mental Health, and Salivary Cortisol Levels» рассматривается применение тренинга осознанности в профессиональной среде полиции. Авторы обращают внимание на развитие самосознания и саморегуляции, а также на способы взаимодействия с трудными эмоциональными переживаниями. Эта работа обосновывает интерес к обучаемым навыкам эмоциональной регуляции, однако сама по себе не позволяет отождествлять улучшение отдельных показателей психологического состояния с успешной профессиональной адаптацией в целом.

Для теоретического анализа необходимо также разграничивать эмоциональную устойчивость, эмоциональную регуляцию и профессиональную адаптацию. Эмоциональная устойчивость характеризует сохранение целенаправленного поведения при эмоциональных нагрузках; эмоциональная регуляция отражает процессы и стратегии управления переживаниями; профессиональная адаптация охватывает освоение служебных требований, норм и отношений. В рамках настоящей статьи эмоциональная регуляция рассматривается как возможный механизм, посредством которого эмоциональная устойчивость способствует адаптации сотрудника.

Таким образом, рассмотренные работы создают теоретическую основу для изучения эмоциональной устойчивости как психологического ресурса профессиональной адаптации. Вместе с тем установление характера данной связи требует непосредственной оценки обоих явлений с учётом стажа службы, специфики выполняемых задач и условий профессиональной деятельности. Это определяет направление дальнейшего эмпирического исследования и разработки программ психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел.

Обсуждение. Теоретический анализ позволяет рассматривать эмоциональную устойчивость как один из психологических ресурсов профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел. Её значение заключается в способности поддерживать целенаправленность поведения, регулировать эмоциональные реакции и сохранять работоспособность в напряжённых служебных обстоятельствах. При этом эмоциональная устойчивость не гарантирует успешной адаптации сама по себе: её роль необходимо оценивать во взаимодействии с профессиональной подготовкой, опытом и условиями службы.

Одним из возможных механизмов рассматриваемой взаимосвязи выступает оценка сотрудником профессиональных трудностей. Способность осмысливать ситуацию, разграничивать управляемые и неуправляемые обстоятельства и выбирать соответствующие способы реагирования может облегчать освоение служебных требований. В данном контексте эмоциональная устойчивость предполагает гибкость регуляции, позволяющую соотносить эмоциональные реакции с содержанием задачи, а не только с субъективной интенсивностью переживаний.

Существенным является разграничение эмоциональной устойчивости и внешней сдержанности. Отсутствие выраженных эмоциональных реакций ещё не свидетельствует о психологическом благополучии сотрудника. Поэтому при изучении адаптации целесообразно учитывать не только наблюдаемое поведение, но и субъективное напряжение, особенности восстановления после нагрузок и качество взаимодействия с коллегами. Такой подход позволяет избежать односторонней оценки адаптированности исключительно через дисциплинированность и выполнение служебных обязанностей.

Рассматриваемая связь может иметь взаимный характер. Эмоциональная устойчивость способна облегчать приспособление к профессиональным требованиям, тогда как успешное освоение обязанностей и накопление опыта могут укреплять уверенность сотрудника в собственных возможностях. Одновременно неблагоприятные организационные условия способны затруднять адаптацию даже при достаточно развитых индивидуальных ресурсах. Следовательно, объяснение адаптационных трудностей требует анализа как личностных особенностей, так и профессиональной среды.

Практическое значение данного подхода состоит в необходимости комплексного психологического сопровождения. Его содержание может включать развитие навыков распознавания эмоциональных состояний, освоение приёмов саморегуляции, разбор сложных служебных ситуаций и поддержку конструктивного взаимодействия в коллективе. Выбор конкретных форм работы следует соотносить с потребностями сотрудников, этапом их профессионального становления и характером выполняемых задач.

Представленные положения имеют теоретический характер и не устанавливают причинно-следственную связь между эмоциональной устойчивостью и профессиональной адаптацией. Для их проверки необходимы эмпирические исследования с использованием самостоятельных показателей обоих явлений. Перспективным направлением является изучение динамики адаптации сотрудников на разных этапах службы с учётом организационной поддержки и применяемых стратегий эмоциональной регуляции.

Заключение. Проведённый теоретический анализ позволяет рассматривать эмоциональную устойчивость как значимый психологический ресурс профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел. Её роль проявляется в поддержании целенаправленного поведения, регуляции эмоциональных реакций и конструктивном преодолении служебных трудностей. При этом успешность адаптации определяется сочетанием индивидуальных особенностей сотрудника, уровня его профессиональной подготовки и организационных условий деятельности.

Эмоциональную устойчивость целесообразно понимать как способность гибко управлять переживаниями и поведением, а не только сохранять внешнюю сдержанность. Её развитие предполагает совершенствование навыков саморегуляции, осознанной оценки сложных ситуаций и восстановления после эмоциональных нагрузок. Практическая реализация этих направлений требует комплексного психологического сопровождения, учитывающего специфику служебных задач и этап профессионального становления сотрудника.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую проверку характера взаимосвязи эмоциональной устойчивости и профессиональной адаптации, а также на оценку эффективности соответствующих программ психологической поддержки. Это позволит уточнить условия, при которых эмоциональная устойчивость способствует успешному освоению профессиональных требований и сохранению психологического благополучия сотрудников.

Список использованной литературы

1. Gross J. J. The emerging field of emotion regulation: An integrative review // Review of General Psychology. — 1998. — Vol. 2, № 3. — P. 271–299. — DOI: 10.1037/1089-2680.2.3.271.

2. Gross J. J. Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology // Journal of Personality and Social Psychology. — 1998. — Vol. 74, № 1. — P. 224–237. — DOI: 10.1037/0022-3514.74.1.224.

3. Schmidt S., Tinti C., Levine L. J., Testa S. Appraisals, emotions and emotion regulation: An integrative approach // Motivation and Emotion. — 2010. — Vol. 34. — P. 63–72. — DOI: 10.1007/s11031-010-9155-z.

4. Grupe D. W., Stoller J. L., Alonso C., McGehee C., Smith C., Mumford J. A., Rosenkranz M. A., Davidson R. J. The impact of mindfulness training on police officer stress, mental health, and salivary cortisol levels // Frontiers in Psychology. — 2021. — Vol. 12. — Article 720753. — DOI: 10.3389/fpsyg.2021.720753.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Pulatova Farida Azamovna
Researcher at Bukhara International University

Аннотация. В статье рассматриваются психологические механизмы профилактики девиантного поведения учащихся в образовательных учреждениях. Особое внимание уделяется психологическим факторам, способствующим формированию отклоняющегося поведения в подростковом возрасте, включая эмоциональную нестабильность, трудности саморегуляции, низкую самооценку, нарушения межличностных отношений, неблагоприятный семейный климат и отрицательное влияние сверстников. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно дисциплинарных мер к системной психологической профилактике, ориентированной на раннее выявление факторов риска, развитие личностных ресурсов подростка и формирование конструктивных моделей поведения. Анализируются основные направления профилактической работы психолога, включающие психологическую диагностику, развитие эмоциональной саморегуляции, формирование навыков конструктивного общения, повышение учебной и социальной мотивации, работу с семьёй и создание благоприятной психологической среды в образовательной организации. Предложена поэтапная модель профилактики девиантного поведения, включающая первичную диагностику, раннюю профилактику, коррекционно-развивающую работу, социально-психологическую поддержку и последующий мониторинг.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, профилактика, образовательная среда, психологические механизмы, психологическая диагностика, саморегуляция, эмоциональная устойчивость, социальная адаптация, психологическая поддержка, семья, профилактическая работа.

Abstract. The article examines psychological mechanisms for preventing deviant behavior among students in educational institutions. Particular attention is paid to psychological factors contributing to deviant behavior during adolescence, including emotional instability, difficulties in self-regulation, low self-esteem, interpersonal problems, unfavorable family relationships and negative peer influence. The necessity of moving from

predominantly disciplinary measures to systematic psychological prevention is substantiated. Such prevention should focus on early identification of risk factors, development of adolescents' personal resources and formation of constructive behavioral patterns. The article analyzes the main areas of preventive psychological work, including psychological assessment, development of emotional self-regulation, formation of constructive communication skills, strengthening educational and social motivation, family involvement and creation of a favorable psychological environment. A step-by-step model of prevention is proposed, including initial assessment, early prevention, corrective-developmental work, socio-psychological support and subsequent monitoring.

Keywords: deviant behavior, adolescents, prevention, educational environment, psychological mechanisms, psychological assessment, self-regulation, emotional stability, social adaptation, psychological support, family, preventive work.

Введение

Подростковый возраст является одним из наиболее сложных этапов психического и личностного развития человека. В этот период происходят существенные изменения в эмоциональной, когнитивной, мотивационной и социальной сферах личности. Подросток стремится к самостоятельности, проявляет повышенную чувствительность к оценке окружающих, стремится занять определённое положение среди сверстников и одновременно испытывает потребность в признании и эмоциональной поддержке со стороны значимых взрослых.

Именно в подростковом возрасте могут проявляться различные формы поведения, отклоняющиеся от социальных, моральных и образовательных норм. К ним относятся агрессивность, систематические нарушения дисциплины, конфликтность, отказ от учебной деятельности, демонстративное поведение, склонность к обману, социальная изоляция, нарушение правил образовательной организации и другие формы поведения, затрудняющие полноценную социализацию личности.

Девиантное поведение подростка не следует рассматривать исключительно как результат недостаточного контроля или нарушения дисциплины. В большинстве случаев оно формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. К ним относятся индивидуально-психологические особенности подростка, эмоциональное неблагополучие, особенности семейного воспитания, отношения со сверстниками, школьная дезадаптация, учебные трудности и социальное окружение.

В связи с этим профилактика девиантного поведения должна носить системный характер. Её основная задача заключается не только в предотвращении уже сформировавшихся нарушений, но и в своевременном выявлении факторов риска, развитии психологических ресурсов подростка и создании условий для его позитивной социализации.

Современный подход к профилактике предполагает переход от наказания за нежелательное поведение к пониманию его психологических причин. Если специалист ограничивается только фиксацией нарушения и применением дисциплинарных мер, существует риск усиления сопротивления подростка, формирования негативного отношения к образовательной организации и закрепления проблемной модели поведения.

Поэтому психологическая профилактика должна быть направлена на формирование у подростка способности понимать собственные эмоции, контролировать импульсивные реакции, конструктивно решать конфликтные ситуации, принимать ответственность за собственные поступки и строить позитивные отношения с окружающими.

Основная часть

Профилактика девиантного поведения начинается с комплексного изучения психологического состояния подростка. Первичная диагностика позволяет выявить не

только наличие проблемного поведения, но и условия его возникновения. При этом важно оценивать не только факторы риска, но и защитные ресурсы личности.

К факторам риска могут относиться повышенная тревожность, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, низкий уровень самоконтроля, отрицательная самооценка, трудности общения, отсутствие учебной мотивации, конфликтные отношения в семье и негативное влияние группы сверстников.

В то же время значимыми защитными ресурсами являются наличие положительных интересов, творческих и спортивных способностей, поддерживающих взрослых, положительного опыта достижений, адекватной самооценки и способности устанавливать конструктивные социальные связи.

Таким образом, психологическая диагностика должна отвечать не только на вопрос о том, какие проблемы имеются у подростка, но и на вопрос о том, какие ресурсы могут быть использованы для их преодоления.

Таблица 1. Основные направления психологической профилактической диагностики

Направление диагностики	Основное содержание	Значение для профилактики
Эмоциональная сфера	Тревожность, агрессивность, эмоциональная устойчивость, особенности переживания стресса	Определение необходимости развития эмоциональной саморегуляции
Саморегуляция	Импульсивность, контроль поведения, способность планировать действия	Предупреждение импульсивных и конфликтных реакций
Самооценка	Представления подростка о себе, уверенность, отношение к собственным возможностям	Формирование адекватного и позитивного образа «Я»
Мотивационная сфера	Учебная мотивация, интересы, жизненные цели	Повышение вовлечённости в учебную и социально полезную деятельность
Межличностные отношения	Отношения со сверстниками, конфликты, положение в группе	Предупреждение социальной изоляции и негативного группового влияния
Семейная среда	Характер взаимодействия с родителями, поддержка, контроль, конфликтность	Определение направлений семейного консультирования
Социальные ресурсы	Значимые взрослые, интересы, достижения, позитивное окружение	Использование сильных сторон подростка в профилактической работе

Одним из центральных психологических механизмов профилактики является развитие **эмоциональной саморегуляции**. Подросток, не умеющий распознавать и контролировать собственные эмоциональные состояния, может реагировать на стрессовую ситуацию агрессивно или импульсивно.

Поэтому профилактическая работа должна включать упражнения, направленные на распознавание эмоций, понимание их причин, развитие способности контролировать эмоциональные реакции и выбор конструктивного способа поведения.

Особенно важно научить подростка различать эмоцию и действие. Чувство гнева само по себе не является нарушением поведения. Проблема возникает тогда, когда эмоциональное состояние приводит к агрессии, оскорблению, физическому воздействию или другому социально неприемлемому поступку. Следовательно, психологическая работа должна помогать подростку осознавать: «Я могу испытывать сильную эмоцию, но могу самостоятельно выбрать способ реагирования».

Другим важным механизмом является развитие **самоконтроля и произвольной регуляции поведения**. Подростку необходимо научиться останавливаться перед совершением импульсивного действия, оценивать возможные последствия и выбирать наиболее конструктивный вариант поведения.

Для этого могут использоваться психологические тренинги, моделирование проблемных ситуаций, ролевые игры, упражнения на принятие решений и анализ конкретных жизненных ситуаций.

Значительное место в профилактике занимает формирование навыков конструктивного общения. Многие случаи девиантного поведения возникают в результате конфликтов со сверстниками или взрослыми. Подросток может не владеть навыками выражения своего несогласия, просьбы о помощи или разрешения конфликта без агрессии.

В этой связи психологическая работа должна включать обучение навыкам активного слушания, выражения собственного мнения, аргументированного отказа, конструктивной критики и разрешения конфликтов.

Не менее важным направлением является формирование **позитивной самооценки**. Подросток, который постоянно воспринимает себя как «неуспешного», «плохого» или «непонятого», может искать признание в асоциальной группе. Поэтому профилактика должна обеспечивать возможность получения подростком позитивного опыта.

Это может осуществляться через участие в спортивных, творческих, интеллектуальных и общественных мероприятиях. Положительное достижение позволяет подростку увидеть собственные возможности и получить социально приемлемый способ самоутверждения.

Следует отметить, что профилактика девиантного поведения не должна строиться исключительно вокруг самого подростка. Существенное значение имеет образовательная среда, в которой он находится.

Благоприятный психологический климат образовательного учреждения предполагает уважительное отношение к личности учащегося, справедливые требования, понятные правила поведения, доступность психологической помощи и отсутствие унижающей или стигматизирующей коммуникации.

Если подросток воспринимает образовательное учреждение исключительно как место контроля и наказания, его мотивация к сотрудничеству с педагогами и психологом может снижаться. Напротив, доверительная атмосфера позволяет своевременно обращаться за помощью и снижает вероятность скрытого накопления эмоционального напряжения.

Особое значение имеет раннее выявление проблем. Профилактическая работа будет более эффективной, если специалист начинает взаимодействовать с подростком до того, как девиантная модель поведения становится устойчивой.

На раннем этапе могут быть выявлены пропуски занятий, снижение учебной мотивации, частые конфликты, резкое изменение эмоционального состояния, социальная изоляция, ухудшение взаимоотношений с родителями и другие признаки психологического неблагополучия.

Заключение

Профилактика девиантного поведения в образовательных учреждениях должна рассматриваться как системный психологический процесс, направленный на

предупреждение формирования устойчивых отклоняющихся моделей поведения и создание условий для полноценного личностного и социального развития подростка.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных психологических механизмов профилактики: раннее выявление факторов риска, комплексная психологическая диагностика, развитие эмоциональной саморегуляции, формирование самоконтроля, повышение адекватности самооценки, развитие коммуникативной компетентности, укрепление учебной и социальной мотивации, активизация личностных ресурсов и формирование позитивных социальных связей.

Особое значение имеет переход от исключительно дисциплинарного подхода к профилактической модели, в которой поведение подростка рассматривается в контексте его индивидуального развития и социальной среды. Такой подход позволяет не только реагировать на уже существующие нарушения, но и своевременно предупреждать их формирование.

Предложенная поэтапная модель включает раннее выявление, психологическую оценку, эмоциональную стабилизацию, коррекционно-развивающую работу, социальную интеграцию и последующий мониторинг. Её реализация предполагает взаимодействие психолога, педагогов, родителей и других специалистов образовательной организации.

Таким образом, эффективная профилактика девиантного поведения возможна при условии создания психологически безопасной образовательной среды, в которой подросток получает возможность проявлять самостоятельность, получать позитивный социальный опыт, развивать навыки саморегуляции и конструктивного общения.

Комплексный психологический подход позволяет снизить вероятность закрепления девиантных моделей поведения и одновременно способствует развитию личностной ответственности, социальной компетентности и способности подростка к успешной адаптации в образовательной и социальной среде.

Список использованной литературы

1. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – М.: Смысл; Эксмо, 2004.

2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008.

3. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – М.: Академия, 2003.

4. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. – СПб.: Речь, 2005.

5. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, профилактика. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.

6. Bandura A. Social Learning Theory. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977.

7. Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. – 1993. – Vol. 100. – No. 4. – P. 674–701.

8. Andrews D.A., Bonta J. The Psychology of Criminal Conduct. – New York: Routledge, 2017.

9. Beck A.T., Freeman A., Davis D.D. Cognitive Therapy of Personality Disorders. – New York: Guilford Press, 2004.

Содержание

6	***Козлов В.В.*** *Категория счастья в философии Платона*
10	***Abbasova D.S.*** *Features of art therapy of neurotic enuresis in children*
13	***Abdubannonova Sh.A.*** *Socio-Psychological Factors In The Development Of Creative Competence Among School Teachers*
18	***Abduganiyeva D.A.*** *The relationship between destructive emotional states and individual psychological characteristics*
25	***Abdullaeva D.U.*** *The specific characteristics of the relationship between mother and child*
28	***Abdullajanova D.S.*** *Psychoemotional and volitional readiness as a psychological basis for the development of military command personnel reserve*
36	***Allanazarova S.*** *Methods of developing linguistic intelligence in students when learning english*
39	***Bobojonov M.*** *Psychological factors in the formation of mathematical thinking and their role in education*
43	**Ikmatullaev G.Z.** *Reconfiguration of socio-psychological and psychotechnological factors influencing the rotational adaptation of military personnels*
51	**Ikramova M.A.** The efficiency of a course designed to help english language teachers improve their pedagogical skills
55	***Isanova N.H.*** *The socio-psychological characteristics of communication among individuals with a high level of subjective control*
60	***Ismailov S.Sh.*** *Subjective interpretation of the causes of procrastination in students*
66	***Khamidov M.A.*** Factors of developing psychological immunity against corruption in the mind of young students
73	***Kobilova F.T.*** *Developing communication skills in students as a pedagogical-psychological phenomenon*
77	***Nabiyeva M.R.*** *Gender stereotypes in leadership psychology and their psychological consequences*
84	***Rustamov Sh.Sh.*** *The role of creative educational technologies in developing students' innovative competence*
88	***Ollaberganova R. Z., Ollaberganova M. F.*** Analysis of the mechanisms of formation of cognitive and psycho-emotional disorders in hypothyroidism and their interrelationships
97	***Rustamova J.T.*** *Clinical and psychological aspects of non-suicidal self-harming behavior in girls*
102	***Ruzmetova Z.*** *The psychological foundations of the characteristics of individuals that influence the efficiency of learning a foreign language among students*
106	***Saidova A.R.*** *Psychological determinants of emotional intelligence development in inclusive classrooms*

110	***Samadova D.Y.*** *Transformation of social-psychological factors in the reintegration of incarcerated women into society: empirical analysis*
115	***Saparov M.Y.*** Psychological interpretation of the stages of perfection development based on the kubrawiyya doctrine
119	***Satorova M.*** *The relevance of abu mansur abd al-malik ibn muhammad al-tha'alibi's tazkirah "yatimat al-dahr" in the modern day*
123	***Sharipova F.K.*** *Age-related digestive dysfunctions in adolescents*
127	***Shonazarov A.M.*** *Socio-psychological mechanisms for management and development of special economic and industrial zones in Uzbekistan*
133	***Turdimatov J.M.*** *Psychological and methodological approaches to studying the relationship between image style and personality psychotype*
138	***Urazbayeva D.A.*** *Possibilities of psychotherapeutic intervention for oncology patients*
140	***Usmonova X.E.*** *Society's attitudes towards in-vestigation (literature analysis)*
148	***Yarashov A.L.*** *Correlation analysis of factors of professional competence of forensic psychologist expert*
157	***Абдихоликов Б.А.*** *Роль психологических концепций в формировании коллективной уверенности в себе у подростков-футболистов*
161	***Абдувалиева Д.Н.*** *Психологические детерминанты развития интеллектуально-творческих способностей студентов*
165	***Абдуллаев А.Н.*** *Психологические механизмы исследования личностных качеств курсантов высших военных учебных заведений*
169	***Абдурасулов Р.А.*** *Психологические механизмы исследования личностных качеств курсантов результаты исследоване темперамента учащихся занимающихся восточными единоборствами и боксом*
174	**Абдурахманова З.Э.** *Причины возникновения конфликтов в многонациональных семьях*
179	***Елмуратова А.У., Айзада Б.Е.*** *Методологические основы формирования социально-психологических факторов компетентности*
181	***Акрамова М.Р.*** *Перспективные направления, определяющие психологические механизмы формирования экологического сознания*
186	***Акрамова Ф.А.*** *Социально-психологические факторы подготовки молодёжи к семье*
190	***Алиев М.Ч.*** *Объекты, цели и способы самопознания*
200	***Аскарова З.А.*** *Миф и художественное творчество*

204	***Атаджанова Д.У.*** *Проблемы не усвоения учебного материала у учеников: причины, признаки и психологический подход*
208	***Ахмедова А.Ш.*** *Современные направления психологических исследований переговоров: от индивидуальных навыков к созданию ценности*
213	***Баратов Ш.Ш.*** *Роль и значение психологических знаний у сотрудников таможни*
216	***Бахронова К.Я.*** Диагностика и профилактика психологических расстройств у школьников
226	***Болтаева С.З.*** *Социально-психологические особенности студентов нефилологического образования при изучении английского языка*
231	***Бордак С. Н., Гринкевич М. В.*** Будущее без вейпа: программы помощи студентам-медикам в отказе от зависимости
234	***Гайибова Н.А.*** *Использование когнитивно-поведенческой терапии при организации психологической помощи семье*
237	***Галдиева М.Д.*** *Концепция морального самоопределения молодежи и теоретические основы её сущности*
240	***Ганиев М.Н.*** «Психологические факторы потребления цифровой информации, приводящие к социально-нормативным нарушениям в сознании молодежи»
245	***Гринкевич М.В.*** *Анализ психологической составляющей готовности студентов-медиков к работе в условиях чрезвычайных ситуаций и оценка эффективности коррекционных мероприятий*
248	***Елмуратова А.У.*** *Социально-психологические основы изучения факторов социально-психологической компетентности у медицинских работников*
251	***Жабборов Ж.А.*** Роль духовно-нравственных ценностей в развитии духовного лица подростков
258	***Жумабаев Т.Ж.*** Психологическая поддержка спортсменов: основные проблемы и практические подходы
261	***Ибайдуллаева У.Р.*** Социально-психологические аспекты проблем взаимоотношений супругов в процессе семейного воспитания и факторы их возникновения
267	***Ибрагимов Ш.Э.*** Роль профессиональной компетентности военнослужащих в преодолении кризисных ситуаций
273	***Каримжонов О.А.*** Психологические особенности проявления лидерских качеств
278	***Каршибайв М.К.*** Психологические основы изучения мобильной аддикции в контексте военнослужащих
286	***Каршиева Д.С.*** Психолого-педагогические условия профилактики стрессовых состояний у подростков

289	***Киличева М.А.*** Зависимость от отношений как форма эмоционального выживания: изучение пика созависимого поведения в контексте наркомании
293	***Кобулов Н.О.*** Использование психодиагностических инструментов в процессе формирования военнопатриотического мировоззрения у молодежи
300	***Косс И.В., Гринкевич М.В.*** Анализ самолечения среди студентов третьего курса учреждения образования «гомельский государственный медицинский университет»
304	***Куваталиев М.Х.*** Изучение социально-психологических особенностей адаптации студентов к условиям высшего образования
308	***Кудратова Л.Р.*** Неорганизованная молодежь: социально-психологические особенности и пути её адаптации в обществе
312	***Курбонова У.Н.*** *Совершенствование социально-психологической системы эффективного управления деятельностью высших учебных заведений*
314	***Маторазов Г.А.*** Взаимосвязь формирования политического сознания и психологических особенностей
317	***Махмудова С.З.*** Совместимость молодых супруг в современном обществе
324	***Мирзаева М.А.*** Типологические особенности личности современного школьного учителя
327	***Мирхайдарова Д.Г.*** Социально-психологические особенности социальной адаптации детей с детским церебральным параличом
335	***Мухамедова Д.Г., Зухурова Д.А.*** Влияние системы ценностей на формирование концепции «Я» у студенток
338	***Тошев Мухриддин*** Роль технологии проектного обучения в преподавании педагогики
340	***Насимджанова М.М.*** Насилие как психологический феномен
345	***Нишанова З.Т.*** Психологические причины лени у студентов
349	***Нуруллаева Ш.У.*** Содержание психологической подготовки студентов к решению педагогических конфликтов
355	***Одилова Н.Г.*** Социальная компетентность в системе образования
358	***Павленко С.А.*** Мак «Тотемы: животный характер природы человека©» как междисциплинарный инструмент трансформации инстинктивных черт личности
360	***Проворов А.М.*** Богобан как инструмент интегративной психологии: от теории к протоколам и полям применения
364	***Рузибаев Д.Б.*** Компетентностный подход в формировании управленческих команд
369	***Рузиева С.Б.***

	Педагогические и психологические основы развития интеллектуальных способностей у детей
373	***Садуллаев А.А.*** «Психологические основы и практическая эффективность преодоления предсоревновательной тревожности у подростков-борцов»
380	***Саидова З.Х., Кулиева Д.Х.*** Особенности формирования психологических механизмов защиты личности подростков
385	***Сафарова Д.С.*** Методологические основы формирования эмпатийной компетентности учителей начальных классов
387	***Собиров А.А.*** Творчество как способ улучшения психологического здоровья
392	***Туракулова А.С.*** Этническая идентичность и культурный иммунитет в образовательных практиках мусульманских народов центральной азии: интегративно-психологический анализ
395	***Туракулов Л.Т.*** Методы определения профессиональной компетентности воспитателей дошкольного образования
400	***Файзиева М.Х.*** Психологичкое формирование защитной системы личности
403	***Хаитов К.К.*** Психологические особенности воспитания молодежи на основе традиционных ценностей
406	***Хайдаров Ш.Ш.*** Психологические детерминанты стресса в среде неорганизованной молодежи
409	***Чориеева М.К.*** Этапы формирования и развития узбекской литературной критики в период независимости
413	***Шарипова С.*** Особенности педагогической компетентности учителя начальных классов
418	***Шаропов Д.Д.*** Психологические детерминанты развития духовных качеств в поведении молодежи
423	***Юнусзода Ш.Ж.*** Роль психолога в поддержке матерей особенных детей: опыт и перспективы
427	***Назаров Акмал Мардонович*** *Педагого-психологические основы создания цифровой психологической служебной платформы для неорганизованной молодёжи*
431	***Мирахметова Л.Ф.*** *Педагогико-психологические особенности развития творческого мышления студентов*
437	***Остонов Шерзод Ахадуллаевич*** *Социально-психологические механизмы формирования чувства уверенности у сотрудников органов прокуратуры*
442	***Sayidqulova Mastura Rabimqul qizi*** *An oriental approach to the formation of the meaning of life*
445	***Баратов Хумоюн Шарифович*** *Формирование новых педагогических навыков у учителей физической культуры*
449	***Суюнов Миржалол Хужамкул угли*** *Социально-психологические факторы профессионального стресса и эмоционального напряжения у инспекторов-психологов*

454	***Allaberganov Ikhtiyor Bakhtiyorovich*** *Causes of juvenile delinquency*
460	***Шукурлаев Улуғбек Жамолович*** *Эмоциональная устойчивость как фактор профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел*
464	***Pulatova Farida Azamovna*** *психологические механизмы профилактики девиантного поведения в образовательных учреждениях*

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 38. Часть 1. 2025

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Журнал ВЕСТНИК ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ рекомендован Высшей аттестационной комиссией Республики Узбеки стан для публикации основных научных результатов докторских диссертаций. Постановление Президиума ВАК Республики Узбекистан (20.03.2015 г., № 214/2; 18.11.2015 г., №218/5; 22.12.2015 г., №219/5).

Вестник интегративной психологии // Журнал для психологов. Вып. 38. Часть 1. /Под ред. В.В.Козлова. - Ярославль: МАПН, 2025. 456 – с.

Ярославль, 2025